

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ИЗДАНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

1882.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. ЛИТВИНКА. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова	1
II. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XVI и XVII. <i>Окончаніе</i> .—Н. И. Костомарова	19
III. ТРУДЪ И ОТДЫХЪ. Разсказъ изъ нижеволжскаго быта.—Н. К. Бобылева	58
IV. ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАМЯТНИНЪ. (Страница изъ исторіи судебной реформы.) Гл. V—VII. <i>Окончаніе</i> .—Гр. А. Джаншіева	117
V. ВСТРѢЧА.—А. М. Герцена	145
VI. ПОЖАЛОВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ ИМЪНІЙ ПРИ ИМПЕРАТОРЪ ПАВЛЪ.—В. И. Семевского	153
VII. ГАРИБАЛЬДИ И МАДЗИНИ.—А. М.	193
VIII. АМЕРИКА ВЪ РОССИИ. Гл. XIX. <i>Окончаніе</i> .—Вас. И. Немировича-Данченко	219
IX. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. III—Расходы (по министерству финансовъ, по министерству внутреннихъ дѣлъ, по морскому вѣдомству, по министерству народнаго просвѣщенія, по остальнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ; заключеніе). <i>Окончаніе</i> .—А. А. Головачова	237
X. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРІИ: III—НАРУШЕННЫЙ ЗАВОДЪ. Изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ.—Ф. Д. Нефедова	287
XI. ЧАРТИЗМЪ. <i>Окончаніе</i> .—Н. Ч.	315
XII. ЗАХУДАЛОЕ ДВОРЯНСТВО. Изъ лѣтнихъ экскурсій. — А. Борецкого	339
XIII. НАУКА И ЖЕНЩИНЫ. <i>Эдвини Домъ</i> . Гл. VI—X. Перевсъ нѣмецкаго. <i>Окончаніе</i> .—Н. В.	354
XIV. КРАСНЫЯ РУКИ. Стихотв.—Л. Н. Трефолева	385
XV. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. III—Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянскаго миссіи Австріи. <i>Продолженіе</i> .—Н. С.	1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

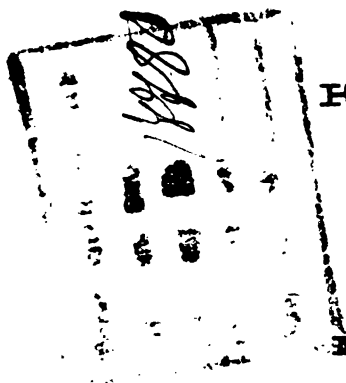
OF
LITERATURE

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домъ Дреземейеръ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи,
кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 5/29/84

NO. 1000
ANNALS

1000

AP50
K875
v. 3:12
MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. ЛИТВИНКА. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова	1
II. ЖАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XVI и XVII. <i>Окончаніе.</i> —Н. И. Костомарова.	19
III. ТРУДЪ И ОТДЫХЪ. Разсказъ изъ нижеволжскаго быта.—Н. К. Бобылева	58
IV. ДМИТРІЙ НИБОЛАЕВИЧЪ ЗАМЯТНИНЪ. (Страница изъ исторіи судебной реформы.) Гл. V—VII. <i>Окончаніе.</i> —Гр. А. Джаншіева.	117
V. ВСТРѢЧА.—А. М. Герцена.	145
VI. ПОЖАЛОВАНИЕ НАСЕЛЕННЫХЪ ИМѢНІЙ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ.—В. И. Семевскаго	153
VII. ГАРИБАЛЬДИ И МАДЗИНИ.—А. М.	193
VIII. АМЕРИКА ВЪ РОССИИ. Гл. XIX. <i>Окончаніе.</i> —Вас. М. Немировича-Данченко	219
IX. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. III—Расходы (по министерству финансовъ, по министерству внутреннихъ дѣлъ, по морскому вѣдомству, по министерству народнаго просвѣщенія, по остальнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ; заключеніе). <i>Окончаніе.</i> —А. А. Головачова	237
X. ВЪ ГОРАХЪ И СТЕПЯХЪ БАШКИРИИ: III—НАРУШЕННЫЙ ЗАВОДЪ. Изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ.—Ф. Д. Нефедова	287
XI. ЧАРТИЗМЪ. <i>Окончаніе.</i> —Н. Ч.	315
XII. ЗАХУДАЛОЕ ДВОРЯНСТВО. Изъ лѣтнихъ экскурсій. —А. Борецкаго.	339
XIII. НАУКА И ЖЕНЩИНЫ. <i>Эдвинъ Домъ.</i> Гл. VI—X. Перев. съ нѣмецкаго. <i>Окончаніе.</i> —Н. В.	354
XIV. КРАСНЫЯ РУБИ. Стихотв.—Л. Н. Трефолева	385
XV. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. III—Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссiи Австрiи. <i>Продолженіе.</i> —Н. С.	1

XVI. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:

„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періодъ жизни и дѣятельности“. *А. Незелено.*—„Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ“. Д-ра *М. И. Галачина.*—„Европейскіе писатели и мыслители: V — Руссо“. Изд. *В. В. Чуйко.*—„Снимки древнихъ русскихъ печатей“. Изд. комиссіи печатанія государств. грамотъ и договоровъ. Вып. 1-й.—„Фаустъ“, Гёте. Часть 1-я. Перев. *П. В. Тручина.* — Е. н. 42

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:

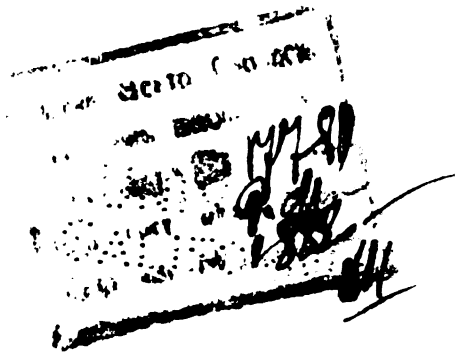
Слухи о „Бахановской“ комиссіи.—Вопросъ о „свѣдущихъ“ людяхъ.—Комиссія по объединенію финансовыхъ управленій въ губерніяхъ.—Финансовое положеніе земствъ.—Университетскіе безпорядки. 63

XVIII. ЗАМѢТКА ПО ВНЕШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—А. А. Майкова 94

XIX. ХРОНИКА ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Дипломатія и народъ. — Библиографія: „Всеобщая исторія“. Томъ второй—„Иранцы“, томъ третій—„Египтяне“. *Мариуса Фонтана* („Histoire Universelle. Les Italiens. Les Egyptes“. *Marius Fontane.* Paris. 1881 — 2). — „Цензура во время первой имперіи“. *Вельшингера* („La censure sous le premier empire“. *Henri Welschinger.* 1882). — „Вкусъ и совѣсть“. *Морица Каррьери* („Geschack und Gewissen“. *Moriz Carriere.* Breslau. 1882).—В. А. Гольцева 110
Изъ Франціи.—W** 125

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЛИТВИНКА.

Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова.

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Бого хранить онъ твердостью своей?
Бто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шепоть и веселья кликъ?...
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто, — онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ:
Когда къ нему являлися они,
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣниемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ, —
Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпой былъ приученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.

Когда звучалъ ударъ его меча
 И красная являлась епанча,
 Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
 И часто стоилъ войска онъ одинъ...
 Вся въ ранахъ грудь отважная была,
 И посреди морщинъ его чела,
 Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
 Краснѣлъ рубецъ — литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
 Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
 Онъ не привезъ нарчи ей дорогой,
 Отбитой у татарки кочевой;
 И даже для подарка не сберегъ
 Ни жемчуговъ, ни золотыхъ серегъ.
 И, возвратясь въ отцовскій, старый домъ,
 Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
 О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
 Онъ не хотѣлъ рассказывать женѣ;
 И, въ часъ свиданья, радости слеза
 Хоть оросила нѣжные глаза,
 Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
 Страданія слезою ужъ была...
 Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
 Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
 Какъ путники по небу, облака,
 Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
 Исчезла; и старуха лишь одна
 Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней,
 Въ монастырѣ, далеко отъ людей
 (И потому поближе къ небесамъ);
 Ихъ жизнь — одна молитва будетъ тамъ.
 Но женщины обманутой душа,
 Для свѣта умертвясь и имъ дыша,
 Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ

Одинъ былъ для нея и жизнь, и свѣтъ?
 Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
 Ужель ей должно измѣнить ему?...
 Печаль несчастной жертвы и законъ —
 Все презиралъ для новой страсти онъ,
 Для плѣнницы, литвинки молодой,
 Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
 Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
 Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
 На жертву принести жену, дѣтей,
 Отчизну, душу, все — въ угодность ей.

5.

Свѣтло дня, краснѣя сквозь туманъ,
 Садится горделиво за курганъ,
 И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
 Вдоль по землѣ скользятъ прощальный лучъ
 Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
 Какъ будто міра мрачное чело
 Его любви достойно. Наконецъ
 Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
 Горы высокой — теремъ — озарилъ
 И пламень свой негрѣющій разлилъ
 По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
 Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
 Облокотясь на столикъ, у окна,
 Ждала супруга вѣрная жена;
 Гдѣ съ дѣтскою досадою сынъ ее (ея)
 Чуть поднималъ отцовское копье.
 Теперь гдѣ сынъ и мать?... На мѣстѣ ихъ
 Сидитъ литвинка, дочь степеней чужихъ;
 Безмолвная подруга лучшихъ дней —
 Разстроенная лютня — передъ ней,
 И, по струнѣ оборванной скользя,
 Блеститъ зари послѣдняя струя.
 Устала Клара отъ душевныхъ бурь...
 И очи голубыя, какъ лазурь,
 Она сидитъ, на западъ устремивъ;
 Но не зари плѣнялъ её разливъ:
 Тамъ — родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ

Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
 Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
 Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!...»

6.

Она должна съ поворностью нѣмой
 Любить того, кто грозною войной
 Опустошилъ поля ея отцовъ;
 Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
 Затверживать и ненависть, тоску
 Учить любви святому языку, —
 Младую грудь къ волненью принуждать
 И страсть небывалой объяснить
 Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
 Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумять;
 Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
 Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.
 Къ его игръ привыкнувши давно,
 Арсеній пьетъ янтарную струю,
 Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
 И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
 Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
 И ложная улыбка, громкій смѣхъ
 Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
 И вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
 Арсеній, и литвинку обнялъ онъ,
 И кудри золотыхъ ея волосъ,
 Нѣжнѣ шелка и душистѣй розъ,
 Скатилися прозрачной пеленой
 На грубый лигъ, отмѣченный войной.
 Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
 Невольной грусти, Клара говоритъ:
 «Ты любишь ли меня?» — «Какой вопросъ! —
 Воселикнулъ онъ. — Кто-жь больше перенесъ
 И для тебя такъ много погубилъ,
 Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ?»

Я—человѣкъ—я-бъ могъ обнять тебя,
 Не трепеща душою, не любя?...
 О, шутками меня не искушай!
 Мой адъ — среди людскихъ заботъ, мой рай —
 У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
 И если рукъ твоихъ мои не жмутъ,
 Дворецъ и плаха для меня равны!
 Досадою дни мои отравлены.
 Я непорочень у груди твоей,
 Суровъ и дикъ между другихъ людей!
 Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,
 Я, какъ дитя, безпечень и счастливъ
 И теплое дыханье устъ твоихъ
 Приятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!...
 Ты рождена, чтобы повелѣвать:
 Моя любовь то можетъ доказать.
 Пусть я — твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
 Достойны ли тебя ея рабы?
 Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
 Онъ ниспослать бы въ мѣръ тебя не могъ!» —

8.

«О, если-бъ точно ты любилъ меня, —
 Сказала Клара, голову сгибавъ, —
 Я не жила бы въ теремѣ твоёмъ.
 Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
 Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
 Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
 Здѣсь въ рошѣ воды чистыя текутъ,
 Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
 И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
 Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
 Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
 Безъ милой воли — что дары твои?»
 И отвернулась Клара, и укоръ
 Изобразилъ ей прекрасный взоръ.
 Недвижимъ былъ Арсеній близъ нее (нея)
 И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
 Чтобы получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
 Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
 Стучить въ ворота сильною рукой,
 И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
 Кричить: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
 Въ долину буре свещеть и реветъ,
 Какъ дикій звѣрь, и тьмить небесный сводъ.
 Впустите обогрѣться хоть на часъ,
 А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
 Но никогда въ моленіяхъ своихъ
 Гостепріимный кровь степей чужихъ
 Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
 Но ключъ въ замкъ упрямо завизжалъ,
 Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
 Расхлопнулись ворота—и на дворъ
 Два странника въѣзжаютъ. Фонаремъ
 Озарены, идутъ въ господскій домъ.
 Широкій плащъ на каждомъ, и порой
 Звенять и блещеть что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
 И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
 Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
 Не много пьютъ и мало говорятъ.
 Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
 Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
 И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
 Употреблять не русскій онъ языкъ.
 И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
 Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
 Съ литвинки молодой, и взоръ его
 Для многихъ бы не значилъ ничего...
 Но видно ей когда-то былъ знакомъ
 Тотъ мрачный взоръ подъ пасмурнымъ челомъ,
 Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
 Напоминалъ,—какъ знать!... Не женскій страхъ
 Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
 И голову поспѣшно отвернуть,

И бѣлою рукою закрыть глаза,
 Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

11.

«Ты поблѣднѣла, Клара!»—«Я больна...»
 И въ комнату свою спѣшить она.
 Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
 Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
 Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
 Блеститъ въ дали, забыть и одинокъ;
 И вѣтеръ, нарушитель тишины,
 Шумитъ, скользя во мрагѣ вдоль стѣны;
 То лай собакъ, то кболола звонъ
 Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
 И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
 Вмѣщаль въ себѣ встревожившійся умъ!
 О, еслибъ кто-нибудь увидѣть могъ
 Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
 Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
 Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
 Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
 Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
 Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
 Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
 И что могло такъ дѣву взволновать?
 Не пришлецы-ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...
 Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
 Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
 Покуда все, что небомъ ей дано,
 Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяць золотой,
 Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
 Какъ упованья сладостный привѣтъ
 Отъ сердца гонить память прошлыхъ бѣдъ.
 Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
 Боторыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
 А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
 Небесной степи блѣдный властелинъ.

Обрисовавъ литвинки юный лигъ,
 Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
 И, придавая чудный блескъ стеклу,
 Безпечно разыгрался на полу
 И озарилъ персидскій онъ коверъ,
 Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
 Но что за звукъ раздался за стѣной?!
 Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
 Подобный звуку пѣсни... Еслибъ онъ
 Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
 Но, вотъ, опять!... Такъ точно... Кто-жь поеть?...
 Ты, плѣнница, узнала: вѣрно, тотъ,
 Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
 Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
 Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
 Еъ окну склонившись, думаетъ она:
 Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поють!
 Туда, туда меня они зовутъ,
 И имъ отозвался въ груди моей
 Такой же 'звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
 Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
 И все, чѣмъ сердцу родна мила,
 Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
 И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
 И все, что женской гордости лишь могъ
 Внушить позоръ, явилось передъ ней
 Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
 Она схватила лютю, и струпа
 Звенить, звенить... и вдругъ, пробуждена
 Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
 Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
 Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
 И въ чьей груди родилась—умерла.
 И понялъ, кто внималъ,—не мудроно:
 Поняты о небесномъ намъ дано;
 Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
 Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря и отдѣлился лѣсъ
 Стѣной зубчатой на краю небесъ.
 Но отчего же сторожъ у воротъ
 Молчить и въ доску мѣдную не бьетъ?
 Что теремъ не обходить онъ кругомъ?
 Уже-ль онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
 Тяжелый кинуть на землю затворъ
 И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
 Уста и руки сжаты навсегда
 И вся въ крови сѣдая борода.
 Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
 Съ бездѣйствиемъ отчаянья вокругъ
 Убитаго, при первомъ свѣтѣ дни,
 Они стояли, головы склоня;
 И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
 Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
 И гдѣ ночной убійца? Чья рука
 Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
 Кто растворилъ высокое окно
 И узкое оттуда полотно
 Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
 Въ песокъ затоптанъ маленькой ногой?...
 Гдѣ странники? Къ воротамъ видѣнъ слѣдъ...
 Понятно все: ихъ нѣтъ... И Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
 Никто не смѣлъ Арсенію принести.
 Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ,
 Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
 Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
 Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
 И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
 Блестя огнемъ, былъ холоденъ какъ ледъ;
 Рука, сомкнувшись, кверху поднялась
 И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
 На клятву походила рѣчь его,
 Но въ ней никто не понялъ ничего;

Она была на языкъ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужь было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь...
Но что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣеть? Кто мечтамъ
Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужь не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!...
И прежде презиралъ ужь онъ людей,
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огненнымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.

Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
 Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
 Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
 Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
 Приговоренный къ казни, и назадъ
 Она выдаетъ безпокойный взглядъ;
 Но слѣдъ волпы потерянь въ безднѣ водъ,
 И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ...
 Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
 Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
 Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
 Врагъ истины, врагъ неба и людей,
 Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
 Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
 Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ, —
 Все, что ему еще завидно въ насъ...

18.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
 Его дружины, мстью воспалясь,
 Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
 Гдѣ загорится пламенникъ войны.
 Желая защищать свои права,
 Дрожить за вольность гордая Литва,
 И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
 Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ, сѣрымъ днемъ,
 Явился разъ, одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
 Боецъ извѣстный храбростью своей,
 И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
 Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
 Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
 Явился онъ?—Не честь страны родной
 Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
 И между многихъ вражескихъ сердецъ
 Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
 Разносить вѣтеръ бранный шумъ и вой.
 Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
 Свели сегодня русскій и литвинъ.
 Чертой багряной сѣрый небосклонъ
 Отъ голубыхъ полей ужь отдаленъ;
 Темнѣють облака на небесахъ,
 И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
 Все бой кипитъ, ужь гнется русскій строй
 И, окруженъ отчаянной толпой,
 Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
 Всѣ души чудной силою потрясъ?...
 Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
 Онъ безъ щита; онъ уронилъ шлемъ.
 Вооруженъ сѣбирою стальной,
 Предсталъ—и врагъ валится, и другой,
 Съ запекшеюся кровью на устахъ,
 Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
 Сыновъ Литвы. Ослушные коні
 Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
 Хотѣли вновь побѣду удержать:
 Ихъ гонять, бьютъ,—они должны бѣжать.
 Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
 Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
 Онъ кровію рѣшился, наконецъ,
 Огонь въ груди проснувшійся залить.
 Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
 Одно созданье!... Кучи мертвецовъ
 Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
 И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
 Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
 Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
 Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
 Когда-жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
 Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,

То было поздно... «Вижу, часъ насталь!»—
 Подумаль онъ, и мечъ его искалъ
 Своей послѣдней жертвы. «Это онъ!»—
 За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
 Арсеній обернулся и хотѣлъ
 Проклятье произнестъ, но не успѣлъ...
 Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шипакѣ,
 Стояла Клара съ саблею въ рукѣ
 И юноши тѣснилися за ней;
 И словомъ, и движеніемъ очей
 Распоряжаясь пылкою толпой,
 Она была, казалось, ихъ судьбой;
 И, встрѣтивши Арсенія, она
 Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
 И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
 Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
 Она сказала: «Воины, впередъ!
 Надежды нѣтъ, покуда не падеть
 Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
 Они бѣгутъ, но мы не побѣдимъ.
 Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
 Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
 Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
 «И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.
 Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
 Какъ будто сердца лучшая струна
 Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
 Съ презрѣніемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
 И обернулся медленно плащомъ,
 Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
 Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
 И три копыя пронзили эту грудь,
 Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
 Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
 И, наконецъ, оно превозмогло.
 Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
 Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;

Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
 Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далеко
 Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
 Опредилъ невѣрующей душой.
 Онъ кончилъ жизнь съ досадою на челѣ,
 Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
 Свой адъ и рай онъ здѣсь успѣлъ сыскать,—
 Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высочій домъ
 И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
 И дворъ заросъ зеленою травой;
 И пыль покрыла сѣрой пеленой
 Святыя образа, дубовый столъ
 И пестрые ковры; и гладкій полъ
 Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
 Красавицы лукавой, молодой;
 Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
 Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
 Они забыты въ полѣ роковомъ,
 Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
 Все, все—какъ прежде: лютя у окна,
 И вкругъ нея обвитая струна;
 И двѣ одежды женскія лежатъ
 На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
 Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
 Сюда небрежно положила ихъ.
 И, раздувая пологъ парчевой,
 Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
 Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
 Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
 За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
 И съ честью, передъ набожной толпой,
 Арсеній поминается порой.
 И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,

Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ, лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной былъ онъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обмануть былъ, съ такимъ умомъ,
Ето на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?...
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ—молода,
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслить: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она...
Но что-жь?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!...

Поэма эта писана Лермонтовымъ въ бытность его въ Московскомъ университетѣ или, вѣрнѣе, въ университетскомъ пансіонѣ. Это была эпоха, когда поэтъ положилъ основаніе лучшимъ своимъ твореніямъ. Его еще не коснулось то печальное для развитія его направленіе, которое сказывается со времени поступленія въ «школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ». Развитію юнаго поэта способствовало время московской его жизни, но никакъ не пребываніе въ Петербургѣ въ «школѣ подпрапорщиковъ». Въ со-

жалѣнію, о годахъ жизни въ Москвѣ не было еще сдѣлано серьезныхъ изысканій. Мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія, которыми подѣлюсь съ читателями въ VII и VIII главахъ біографіи Михаила Юрьевича.

(«Литвинка» въ первый разъ въ небольшомъ отрывкѣ была помѣщена въ изданіи его сочиненій подъ редакцію Дудышкина въ 1860 году (т. II, стр. 287), затѣмъ отрывокъ перепечатывался и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, равно какъ и въ изданіи 1880 года подъ редакцію г. Ефремова. Перепечатывалось и примѣчаніе г. Дудышкина, который *предполагаетъ*, что «Литвинка» — подраженіе или передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады, а какой — г. Дудышкинъ не говоритъ. Мнѣніе его, вѣроятно, основано на томъ, что героиню зовутъ нѣмецкимъ именемъ «Клара». Вслѣдъ за г. Дудышкинымъ и г. Ефремовъ («Сочин. Лермонтова», т. II, стр. 618) выражаетъ мнѣніе, что «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Это ужъ совершенно невѣрно, и сходство заключается развѣ въ томъ только, что въ обѣихъ поэмахъ встрѣчается имя «Арсеній», хотя между Арсеніями обоихъ произведеній сходства нѣтъ.

Напротивъ, я скорѣе нахожу въ «Литвинкѣ» мотивы «Демона». Тагъ мѣсто (пѣсни 11 и 13), гдѣ Клара сидитъ у окна въ свѣтлицѣ своей и въ душевной тоскѣ схватываетъ лютю и поетъ, напоминаетъ Тамару у окна, особенно во второмъ очеркѣ «Демона», гдѣ героиня — испанка и еще не носитъ имени Тамары. Затѣмъ въ «Литвинкѣ» встрѣчается намекъ на сторожа, который бьетъ въ доску подъ окномъ героини. Первая жена Арсенія постригається мужемъ въ монахини и отправляется въ монастырь,

.... и старуха лишь одна

Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней,

Въ монастырѣ, далеко отъ людей

(И потому поближе къ небесамъ);

Ихъ жизнь — одна молитва будетъ тамъ...

Въ «Демонѣ»:

Какъ будто ближе къ небесамъ

Теплѣй посмертное жилище;

Какъ будто дальше отъ людей...

Извѣстно, что Лермонтовъ не разъ брался за сюжетъ «Демона» и видоизмѣнялъ его. Даже при третьемъ очеркѣ сдѣлалъ замѣтку: «я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но, нѣтъ,

въ прозѣ лучше». Не мудрено, что такъ-называемая «Юношеская повѣсть», появившаяся впервые въ *Вѣстникъ Европы* (октябрь 1873 г. См. тоже «Сочин. Лермонтова», 1880 г., т. II, стр. 261), именно и есть эта попытка. Но объ этомъ въ другой разъ.

Я совершенно не хочу настаивать на сходствѣ «Литвинки» съ «Демономъ», но только говорю, что повѣсть эту никакъ нельзя назвать «первымъ очеркомъ Боярина Орши», какъ это утверждаетъ г. Дудышкинъ и за нимъ г. Ефремовъ. Ко всему сказанному прибавлю еще, что въ рукописи непосредственно подъ чертой, въ слѣдъ за послѣднею строкой «Литвинки», Лермонтовъ помѣстилъ: «Демонъ. Сюжетъ».

Рукопись «Литвинки», находящаяся въ публичной библиотекѣ, писана не Лермонтовскою рукой. Я пользовался рукописью, предоставленною мнѣ г. Хохряковымъ, который давалъ ее и г. Дудышкину. На этой рукописи Дудышкинымъ сдѣланы краснымъ карандашомъ помѣтки, что печатать. Съ этою рукописью я свѣрилъ списокъ, полученный мною отъ г. Панафутина въ Пензѣ.

И Дудышкинъ, и Ефремовъ относятъ поэму къ 1832 году. Этотъ годъ выставленъ на рукописи не Лермонтовскою рукой. Судя по списку, весьма еще не совершенному, повѣсть писана раньше; все писанное Лермонтовымъ въ 1832 году гораздо зрѣлѣе, и стихъ и языкъ лучше. Я полагаю, что «Литвинка» писана до 1831 года,—слѣдовательно, еще въ пансіонѣ. На это указываетъ не только вышеприведенная мною помѣтка въ концѣ ея, говорящая о намѣреніи взяться за «Демона», но еще и нѣсколько стиховъ послѣдней главы, гдѣ рѣчь идетъ о березѣ:

Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ—молода, и т. д.

Это самое сравненіе съ тѣми же стихами въ началѣ встрѣчается въ стихотвореніи «11-го іюля 1831 года» («Сочин. Лермонтова», т. II, стр. 142, 13, тоже конецъ VI главы моей біографіи—*Русск. Мысль* 1882 г., кн. II-я); но здѣсь Лермонтовъ исправилъ недостатки, стихъ глаже и яснѣе выражена мысль. Не могъ же онъ, еслибы писалъ «Литвинку» въ 1832 году и въ нее перенесъ строки изъ стихотворенія «11-го іюля», а не наоборотъ,—испортить стихъ свой. Итакъ, я полагаю, что «Литвинку» надо отнести къ 1830-му или даже къ 1829 году.

Удержать крайне неправильную орфографію, которая и позднѣе, хотя не до такой степени, хромала у Лермонтова, я не считалъ удобнымъ, равно какъ и сохранить знаки приписанія, разставленные совершенно наугадъ. Многія погрѣшности читатель легко самъ замѣтитъ. Такъ Лермонтовъ пишетъ «ее» и «нее», вмѣсто «ея» и «нея». Въ двухъ мѣстахъ я не рѣшился исправить эту ошибку потому, что иначе пострадала бы рима, и только въ скобкахъ поставилъ исправленія.

Зачѣмъ же, —спросить можетъ-быть многіе, —печатать столь незрѣлое произведеніе? Конечно, самъ поэтъ не напечаталъ бы его. Изданное имъ самимъ въ 1840 году содержитъ лишь 28 стихотвореній. Если, слѣдовательно, придерживаться мнѣнія, что издавать надо лишь то, что самъ поэтъ призналъ бы достойнымъ печати, то пришлось бы къ этому числу добавить еще три-четыре стихотворенія. Не слѣдовало бы печатать ни «Демона», ни «Измаилъ-бея, ни всего того, что печатается во второмъ томѣ «Сочин. Лермонтова»... Нѣтъ, всякая строка славнаго поэта дѣрога, и каждое образованное общество каждаго народа собираетъ и бережетъ все, что касается знаменитыхъ ея дѣятелей. Дѣло въ томъ только, чтобы дать возможность каждому, по усмотрѣнію, пріобрѣтать или полное собраніе сочиненій, или избранныя, лучшія творенія поэта. Теперь опять готовится изданіе сочиненій Лермонтова; надо пожелать, чтобы оно было полное. Пускай первый томъ —сочиненія избранныя—будетъ изданъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и продаваться отдѣльно, но пусть же явятся и второй, и третій томы, содержащіе все, что оставлено поэтомъ.

Пав. Висковатый.

Дерптъ.

28 февраля 1882 г.

МАЗЕПА.

ГЛАВА XVI *).

Переходъ русскаго войска на правый берегъ Ворсклы. — Приготовленія шведовъ къ сраженію. — Ночь наканунѣ битвы. — Утро. — Нападеніе шведовъ на русскіе редуты. — Неудача у русскихъ. — Выступленіе Меншикова на поле битвы. — Пльнъ шведскихъ генераловъ Шлиппенбаха и Рооса. — Принятіе Петромъ главной команды надъ армію. — Носилки шведскаго короля. — Пльнъ Реншильда. — Совѣтъ Левенгаушта. — Карлъ въ своемъ обозѣ. — Совершенное пораженіе шведовъ. — Мужество Карла и Петра. — Пльнъ Пипера и шведскихъ генераловъ. — Пиръ царя Петра. — Тостъ за Карла и за учителей. — Погоня за разбитымъ неприятелемъ. — Погребеніе убитыхъ. — Вступленіе Петра въ Полтаву. — Мирныя предложенія Карла. — Отвѣтъ Петра. — Царскія именныя. — Вторичный пиръ на полѣ битвы. — Шведскіе пльнники. — Женщины.

Для обѣихъ враждующихъ сторонъ стало одинаково несносно стоять долгое время на двухъ берегахъ рѣки и не предпринимать ничего рѣшительнаго. Обѣ стороны желали скорѣе чѣмъ нибудь кончить. Шведы въ чужой землѣ оставались безъ свѣжихъ силъ, имъ грозило оскудѣніе средствъ къ жизни, но и русскихъ не могли не беспокоить извѣстія изъ Полтавы, что жизненныхъ средствъ могло тамъ стать не болѣе какъ на двѣ недѣли. Сначала Петръ думалъ освободить Полтаву отъ осады, не вдаваясь въ генеральное сраженіе, но 18 іюня пришелъ къ иному убѣжденію. На военномъ совѣтѣ вечеромъ этого дня рѣшено перевести всю армію на правый берегъ Ворсклы. 19 іюня русскіе начали переходъ подъ селомъ Петровкою**) по устроенному тамъ мосту, а 20 числа все войско уже было переправлено'). 25 іюня русскіе подвинулись къ Полтавѣ и выстроились версты за полторы отъ шведскаго войска. Съ чрезвычайною быстротою рус-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

') Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Письма царя къ Григорію Долгорукову.

скіе вывели въ одну ночь ретраншементъ, по правую сторону отъ него расположили свою кавалерію между лѣсомъ, а впереди кавалеріи устроили 10 редутовъ ²⁾.

Ни въ русскомъ военномъ совѣтѣ, ни въ шведскомъ стратеги не пришли окончательно къ рѣшенію—начинать ли атаку, или ожидать ее отъ протівниковъ. Этотъ вопросъ рѣшилъ Карлъ съ своей обычною отвагой и горячностію. Въ шведскій станъ явился изъ русскаго перебѣжчикъ нѣмецъ и сообщилъ, что русскіе ожидаютъ прибытія многихъ тысячъ калмыковъ. Такимъ образомъ русскія силы должны будутъ умножиться. Король рѣшилъ, что надобно предупредить усиленіе непріятели и вызвать русскихъ на бой ранѣе, чѣмъ успѣютъ присоединиться къ нимъ калмыки ³⁾. Русскія силы въ ихъ настоящемъ размѣрѣ несравненно превосходили количествомъ шведскія, но король не вѣрилъ ни въ храбрость, ни въ искусство русскихъ, и потому при малочисленности своихъ войскъ не устранился еще и разъединить ихъ. Двѣ тысячи человекъ послалъ онъ охранять траншеи, прорытыя около полтавскаго вала, такъ какъ не оставлялъ желанія во что бы то ни стало овладѣть упрямою Полтавою. 2.400 человекъ посланы были для охраненія багажа, гдѣ находился Мазепа, который отъ старости и тревогъ видимо уже день ото дня угасалъ. 1.200 человекъ посланы были караулить Ворсклу ниже Полтавы, чтобы не дать русскимъ въ этихъ мѣстахъ переправиться и окружить шведовъ съ тыла. Сверхъ того, шведы разставлены были въ городкахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣликахъ ⁴⁾, Соколкахъ и Кобылякахъ, что составляло вмѣстѣ до 1.200 человекъ. У Карла оставалось въ дѣлѣ, по шведскимъ источникамъ, въ строю только 13.000, кромѣ запорожцевъ ⁵⁾. По русскимъ источникамъ шведовъ было около сорока тысячъ ⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что шведскія свѣдѣнія о такой малочисленности войска, бывшаго въ дѣлѣ на полтавскомъ полѣ, не выдерживаютъ никакой критики, какъ показываетъ извѣстное намъ число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Въ воскресенье, 26 іюня, послѣ вечерней молитвы, которую Карлъ XII, какъ благочестивый лютеранинъ, всегда слушалъ въ походахъ, было объявлено въ шведскомъ станѣ, что завтра бу-

²⁾ Голицковъ: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 102.

³⁾ Ibid., „Дополненіе къ Дѣян. Петра Велик.“, т. XV, стр. 330.

⁴⁾ Мѣстечко Кобылякскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ.

⁵⁾ *Fryxell*, нѣмец. пер., ч. I, стр. 169.

⁶⁾ Голицковъ: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 112.

детъ генеральное сраженіе. Карлъ объявилъ, что будетъ принимать участіе въ битвѣ, но по причинѣ раны не можетъ командовать войскомъ лично: онъ назначилъ вмѣсто себя на время битвы главнокомандующимъ фельдмаршала графа Реншильда. Король былъ въ самомъ бодромъ настроеніи духа и говорилъ своимъ генераламъ: «завтра мы будемъ обѣдать въ шатрахъ у московскаго царя. Нѣтъ нужды заботиться о продовольствіи солдатъ, — въ московскомъ обозѣ всего много припасено для насъ».

И въ русскомъ войскѣ готовились къ генеральному сраженію. Петръ объѣзжалъ свои войска и, остановившись передъ дивизіею Аларта, произнесъ такую ободрительную рѣчь:

«Король шведскій и самозванецъ Лещинскій привели къ своей волѣ измѣнника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россію, учинить изъ оныя независимое княжество подъ властію того измѣнника, присоединивъ къ оному Волынь и подчиня ему же, Мазепѣ, козаковъ запорожскихъ и донскихъ. Такою надеждою льстяся, измѣнникъ уповалъ собрать войска козацкаго до двухсотъ тысячъ, подкупилъ Порту, крымскаго хана и орды на насъ, и для исполненія сего злоумышленія призвалъ въ Малороссію короля шведскаго со всѣми его силами и Лещинскаго, поспѣшавшаго уже въ соединеніи съ нимъ съ 25.000 польскихъ войскъ. Но помощію Божіею козацкіе и малороссійскіе народы вразумлены, остались намъ вѣрными, шведскаго войска чрезъ разныя побѣды и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войска Лещинскаго побиты и разогнаны, султанъ миръ съ нами подтвердилъ и отъ помощныхъ войскъ имъ отказалъ, хану и ордамъ соединиться съ ними строго воспретилъ; и нынѣ непріятельскаго войска противъ насъ осталось только 34 полка и тѣ неполные, изнуренные, оробѣвшіе. Остается надъ сими оставшими довершить вамъ побѣду. Порадѣйте же товарищи! Вѣра, церковь и отечество сего отъ васъ требуютъ»^{*)}.

Въ сумерки вся шведская пѣхота была выведена въ поле. Приказано было всѣмъ каждаминутно быть готовыми къ бою. Кавалеристамъ данъ былъ приказъ, чтобъ у всѣхъ лошади были осѣдланы. Наступила ночь темная; луна была въ ущербѣ. Карлъ велѣлъ обвязать себѣ больную ногу свѣжею повязкою, другую ногу обулъ въ сапогъ и сѣлъ въ носилки, держа обнаженную шпагу въ рукѣ. Его главный министръ Пиперъ, генералы Рен-

^{*)} Ibid., стр. 108.—Дополненіе къ Дѣян. Петра Великаго, т. XV, стр. 336.

шилльдъ и Левенгауптъ легли на землѣ около королевскихъ носилокъ. Нѣкоторые изъ шведовъ на короткое время уснули, другіе не хотѣли заснуть и развлекали себя разговорами, толковали, какъ на этихъ самыхъ поляхъ, по ихъ представленію, Тамерланъ покорилъ себѣ западные народы ⁷⁾. Съ полуночи, когда взошла луна и стало виднѣться, шведы стали двигаться впередъ различными колоннами. Занялась заря; шведы замѣтили, что и въ русскомъ станѣ уже копошатся. Стало всходить солнце и шведамъ представилась русская кавалерія: она уже стояла въ строю, прикрытая только-что выведенными редутами, изъ которыхъ три не были еще вполне оконченными.

Черезъ два часа послѣ солнечнаго восхода Реншилльдъ приказалъ сдѣлать атаку на русскіе редуты. Начальство надъ этою пѣхотою поручено было генераламъ—Акселю Спарре и Роосу; первый долженъ былъ овладѣть тремя редутами влѣво, а Роосъ—другими четырьмя вправо. Первый удачно исполнилъ свое дѣло. Русская кавалерія была смята, пѣхота покинула редуты. Впослѣдствіи Петръ сознавался плѣннымъ шведскимъ генераламъ, что въ это мгновеніе въ русскомъ станѣ произошелъ большой переполохъ; русскіе собирались уже запрягать багажныя телѣги и отступать. Увидя замѣшательство русскихъ, Пиперь испросилъ у короля дозволеніе двинуть генерала Крейца, командовавшаго лѣвымъ крыломъ, въ содѣйствіи со Спарре и вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовать русскихъ, покинувшихъ свои редуты, и не допустить ихъ придти въ себя послѣ пораженія; но Реншилльдъ оскорбился: какъ смѣютъ другіе безъ его вѣдома вмѣшиваться въ распоряженія, когда король назначилъ его одного главнокомандующимъ. Прибѣжавши къ Пиперу, Реншилльдъ, въ присутствіи короля, сталъ выговаривать министру. Король остановилъ порывъ своего фельдмаршала, но въ угоду ему тотчасъ послалъ приказаніе Крейцу оставить преслѣдованіе русскихъ и занять лѣсное возвышеніе, находившееся на западной сторонѣ, видѣ дѣйствія русскихъ орудій.

Эта ошибка внезапно поправила дѣло русской арміи, начинавшей уже разстроиваться. Кавалерія, порученная генералу Боуэру, за раною командовавшаго прежде генерала Рена, пришла въ порядокъ, а тѣмъ временемъ царь приказалъ Меншикову, командовавшему лѣвымъ крыломъ русской арміи, ударить на непріятеля

⁷⁾ *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 170.

съ десятью полками, составлявшими 10.000 воиновъ. Тутъ судьба всей битвы повернулась иначе. Меншиковъ ударилъ на часть корпуса Рооса, находившуюся подъ командою Шлиппенбаха, и нанесъ ему такое пораженіе, что самъ Шлиппенбахъ со всѣмъ своимъ штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Генераль Роосъ обратился въ бѣгство, но Меншиковъ отправилъ за нимъ въ погоню генерала Ренцеля: тотъ загналъ Рооса до шанцовъ, воздвигнутыхъ шведами подъ самую Полтавою, и принудилъ его сдаться въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ.

Быль девятый часъ утра. Между шведскими военачальниками не было никакого ладу. Когда генералу Спарре былъ данъ приказъ слѣзти на выручку Рооса, онъ, воротившись безъ успѣха, говорилъ, что у Рооса достаточно войска, и если Роосъ съ нимъ не сможетъ оборониться, то пусть идетъ къ чорту. Левенгаупту король далъ приказаніе соединиться съ Крейцомъ, но Реншильдъ, уже прежде не ладившій съ Левенгауптомъ, раздражился за то, что это дѣлается безъ его вѣдома, и началъ браниться съ Левенгауптомъ, а король заперся въ томъ, что самъ далъ Левенгаупту приказъ. Отдѣлы шведскаго войска двигались съ мѣста на мѣсто, не зная сами что дѣлають. Это замѣтилъ царь Петръ, двинулъ на нихъ все свое войско и принялъ надъ нимъ самъ верховное начальство.

Тогда наступило полное замѣшательство. Короля повезли въ носилкахъ лошадьми; 12 драбантовъ и 24 гвардейца окружали его. Карлъ велѣлъ везти себя въ самый огонь битвы. Подъ его носилками убита была лошадь; гвардейцы выпрягли изъ-подъ носилокъ остальную лошадь и понесли носилки на рукахъ. Но близъ короля пало трое драбантовъ, побиты были носильщики и наконецъ самыя носилки раздроблены пулями. Тафельдекеръ Гутманъ кое-какъ связалъ ихъ уздами съ павшихъ лошадей. Пользуясь минутнымъ перерывомъ битвы, Карлъ выпилъ воды, приказалъ перевязать себѣ раненую ногу и нести себя далѣе въ разгаръ битвы, чтобы собственнымъ примѣромъ отваги возбуждать своихъ воиновъ. Генералы: Левенгауптъ, Спарре, Гердъ—употребляли всѣ усилія, чтобы привести въ порядокъ войско, но все было напрасно. Вдругъ подъ королемъ опять раздробило носилки и онъ упалъ на землю. Солдаты, издали увидѣвъ эту сцену, думали, что король уже убитъ, и это увеличило смятеніе. Король, лежа на землѣ, думалъ еще какъ нибудь остановить потерянныхъ воиновъ и кричалъ: «шведы! шведы!..»—но его от-

чаянный крикъ терялся въ суматохѣ. Подбѣжалъ къ королю Реншильдъ и, обращаясь на всѣ стороны, громко вопилъ: «наша пѣхота пропала,—ребята, спасайте короля!» Затѣмъ самъ Реншильдъ бросился въ омутъ битвы и тотчасъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Подобно кораблю, разбитому бурей, метался остатокъ разбитой шведской арміи,—говорить шведскій историкъ. Офицеры были побиты или взяты въ плѣнъ; солдаты безъ команды метались то въ ту, то въ другую сторону, сами не зная, что имъ нужно дѣлать. Левенгауптъ, увидя, что дѣлается съ королемъ, кричалъ: «ради самого Христа не оставляйте короля въ бѣдѣ!» Кучка солдатъ подняла короля, въ нимъ пристали конные. Дрбантъ Брадке посадилъ короля на свою лошадь. Положивши больную ногу на шею лошади, Карлъ отдался другимъ спасать его отъ опасности быть убитымъ или плененнымъ. «Что теперь дѣлать?» — спрашивалъ онъ, встрѣтивши Левенгаупта. — «Отступать къ багажу», — говорилъ Левенгауптъ. Но отступление было уже невысказано. Происходило полное безпорядочное бѣгство разбитаго въ пухъ и прахъ войска. Командиры кричали на подчиненныхъ: «стой», подчиненные кричали одинъ къ другому: «стой!» — и всѣ бѣжали. Вдругъ неприятельская пуля поразила лошадь, на которую посадили Карла, и въ это время настигли его русскіе; шведскій король неизбежно попалъ бы въ плѣнъ, но капралъ Герта поспѣшно далъ ему свою лошадь. Не безъ труда Карлъ, при помощи другихъ, сѣлъ на нее и ускакалъ во всю прыть, все-таки каждую минуту ожидая, что его или убьютъ выстрѣломъ, или нагонятъ и возьмутъ въ плѣнъ. Капралъ Гирта, отдавши королю свою лошадь и самъ будучи раненъ, дотасился подъ плетень, чтобы тамъ умереть, но увидѣлъ его королевскій конюхъ, который велъ одну изъ королевскихъ лошадей, посадилъ на лошадь и такимъ образомъ капралъ Гирта догналъ короля, скакавшего къ тому мѣсту, гдѣ находился шведскій обозъ.

Если Карлъ въ этотъ день показалъ рѣдкій примѣръ храбрости, отваги и неустрашимости, то не менѣе его доблестнымъ оказался и соперникъ его Петръ. На немъ была прострѣлена пулею шляпа, другая пуля попала въ пуговицу на сѣдлѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, третья ударила его въ грудь, но наткнулась на длинный крестъ (тѣльнякъ) и это спасло царя.

Графъ Пиперъ, постоянно находившійся при своемъ государѣ, когда увидалъ, что все уже пропало, повернулъ къ обозу вслѣдъ

за Барломъ. Пипера сопровождало нѣсколько особъ и въ числѣ ихъ былъ историкъ Барла XII, Нордбергъ, котораго сочиненіе служило намъ въ числѣ источниковъ. Онъ описываетъ, что когда они, слѣдуя за бѣжавшимъ королемъ, переходили небольшую долину, заросшую кустарникомъ, и уже выходили на ровное мѣсто, вдругъ появились калмыки и татары. Идти далѣе казалось невозможнымъ, чтобы не попасться въ руки этимъ азіятскимъ варварамъ, отъ которыхъ европейцы шведы не ждали пощады. Они повернули къ Полтавѣ и сами отдались въ плѣнъ. Ихъ привели въ русскій станъ къ Шереметеву. Фельдмаршалъ принялъ графа Пипера очень любезно и почетно. Ему приготовили богато убранный шатеръ. Шереметевъ бесѣдовалъ съ нимъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и шведамъ рѣчь его показалась очень умною.

Много шведскихъ генераловъ попало тогда въ плѣнъ. Изъ нихъ знатнѣйшіе были: Реншильдъ, Станельбергъ, Шлиппенбахъ, Гамильтонъ, Роосъ, принцъ Максимилианъ Виртембергскій. Когда ихъ представили царю, Петръ принялъ послѣдняго за короля и, узнавши свою ошибку, воскликнулъ: «неужели такі я не увижу сегодня брата Барла?» Но тутъ царю принесли разбитыя носилки короля, до сихъ поръ показываемыя въ сокровищницѣ московской Оружейной палаты. Нѣсколько времени Петръ думалъ, что Барлъ убитъ; вскорѣ, однако, принесли ему извѣстіе, что король успѣлъ убѣжать къ обозу, и Петръ, узнавши, что Барлъ живъ, былъ этимъ очень доволенъ. Онъ питалъ большое уваженіе къ своему врагу ^{*)}).

Послѣ полудня всему русскому войску приказано было выстроиться. Царь выѣхалъ безъ шляпы, благодарилъ всѣхъ за храбрость, далъ приказаніе перевязывать раны и лѣчить раненыхъ, показывалъ къ нимъ состраданіе. Между тѣмъ на полѣ приготовлена была походная церковь. Въ часъ пополудни тамъ отслужили благодарственный молебенъ, и во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» дано было три пушечныхъ залпа. По окончаніи молебна, царь позвалъ сподвижниковъ на пиръ, устроенный въ шатрахъ. Царь съ генералитетомъ пировалъ въ особомъ царскомъ шатрѣ, котораго полы были подобраны, а передъ шатромъ на караулѣ стояла гренадерская рота Преображенскаго полка. Къ этому пиру приглашены были знатные шведскіе плѣнники—генералы и полковники. Во время пира привели Пипера; и его уса-

^{*) Катифора: „Житіе Петра Вел.“, кн. IV, л. 248.}

дили также за столъ. Царь ласково обращался со всѣми плѣнниками, собственноручно вручилъ фельдмаршалу Реншильду шпагу и похвалилъ его за храбрость и вѣрное исполненіе своего долга. У прочихъ плѣнниковъ хотя шпаги были отобраны, но тутъ же милостиво возвращены царемъ. «Господа! — сказалъ обратившись къ плѣнникамъ Петръ, — братъ мой Карлъ приглашалъ васъ на сегодня къ обѣду въ шатрахъ моихъ, но не сдержалъ королевскаго слова; мы за него исполнимъ и приглашаемъ васъ съ нами откушать»⁹⁾. Поднявши налитой виномъ заздравный кубокъ, Петръ воскликнулъ: «пью за здоровье моего брата Карла!» Потомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ учителей. — «Кто эти учителя?» — осмѣлился спросить Реншильдъ. «Вы, шведы» — отвѣчалъ царь. — «Хорошо же ваше величество отблагодарили своихъ учителей» — сказалъ Реншильдъ¹⁰⁾.

Еслибы русскіе, — говорить шведскій историкъ¹¹⁾, — неустанно преслѣдовали шведское войско, то, безъ сомнѣнія, не выпустили бы съ полтавскаго поля ни короля, ни всего остатка его арміи, но Петръ увлекся пиромъ на радости о побѣдѣ, одержанной въ такой степени, въ какой быть можетъ онъ даже и не ожидалъ, и не прежде, какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріателемъ генералъ-поручиковъ: князя Мих. Голицына и Боуэра. Они не застали уже непріателя, и дѣйствительно это была большая ошибка со стороны Петра: вся цѣль Сѣверной войны была бы уже достигнута въ этотъ день и Россія безъ дальнѣйшихъ потерь приобрѣла бы все то, что получила по Ништадтскому миру.

На другой день утромъ, по приказанію царя, съ 4-хъ часовъ начали копать могилы для погребенія убитыхъ. Все войско было выстроено на этомъ мѣстѣ. Двѣ могилы были готовы и въ 6 часовъ прибылъ туда государь. Въ одну могилу положили тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ; всѣхъ ихъ клали въ мундирахъ, въ которыхъ они пали

⁹⁾ Голицына: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 388.

¹⁰⁾ Ibid., „Дѣян. Петра Вел.“, т. III, стр. 104—113. — „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 324—373. — *Оеоф. Прокоповичъ*: „Исторія Петра Вел.“, стр. 247—252. — *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 264—282. — *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 169—179. — *Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 310—315. — *Ршеляманъ*: „Лѣтоп. Пов. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 80, 82, 85 и 88. — Брошюры, означенныя въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 47—54.

¹¹⁾ *Fryxel*, ч. I, стр. 179.

на полѣ битвы. Отслужили надъ ними обычное послѣдованіе погребенія. Царь, обращаясь къ убитымъ, произнесъ предъ всѣми такую рѣчь: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души свои положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчались и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и вани подвиги»¹²⁾. Затѣмъ царь положилъ передъ убитыми три земныхъ поклона и первый собственноручно сталъ засыпать могилы землею. Другіе командиры послѣдовали ему, и такъ совершилось погребеніе при громѣ пушекъ, бѣглой ружейной пальбы и звукахъ полковой музыки. Образовался высокій курганъ; на его вершинѣ Петръ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «воины благочестивіи за благочестіе бровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня».

Послѣ отправленія всего обряда надъ убитыми русскими, Петръ приказалъ похоронить непріятельскія тѣла, поручивши совершить надъ ними погребальный обрядъ плѣннымъ протестантскимъ священникамъ. Дано было приказаніе жителямъ вездѣ отыскивать и хоронить человѣческіе и конскіе трупы *).

Наконецъ послѣ всего этого, въ тотъ же день, Петръ, вообще любившій торжественные вѣзды и выходы, въ сопровожденіи своихъ генераловъ вѣхалъ въ Полтаву, принималъ поздравленія отъ освободившихся изъ осады солдатъ своихъ и всѣхъ полтавскихъ жителей, хвалилъ ихъ за храбрость и стойкость и при

¹²⁾ *Голіковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел“, т. XVI, стр. 9.

*) Въ „Гисторіи Шведской войны“ царь рассказываетъ о Полтавской битвѣ: хотя и зѣло жестоко оба войска бились, однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія съ малымъ урономъ нашихъ войскъ еже навѣяще удивительно есть. Кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потому не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шагами и байонетами колоты и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаты, притомъ въ началѣ генераль-маіоръ Стакельбергъ, потомъ генераль-маіоръ Гамильтонъ, также послѣ фельдмаршалъ Ревшильдъ и принцъ виртембергскій кунно съ многими полковники и иными полковыми и ротвыми офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которыхъ большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труновъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые врозни по лѣсамъ и по полямъ побиты и отъ ранъ померли (Гос. Арх. „Гист. Шведск. войны“. Рукопись).

всѣхъ, въ знакъ своей милости, поцѣловалъ въ голову коменданта Келина. Въ Полтавѣ царь слушалъ въ церкви благодарственное молебствіе при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, посѣщалъ раненыхъ, объявлялъ награды и въ заключеніе сталъ обѣдать у коменданта «чѣмъ Богъ послалъ»¹³⁾. Во время этого обѣда явился къ царю въ Полтаву шведскій генералъ Мейерфельдъ. Карлъ послалъ его изъ подъ Стараго-Санжарова безъ всякаго письменнаго вида, но съ словеснымъ заявленіемъ согласія заключить миръ на такихъ условіяхъ, на какихъ самъ царь предлагалъ прежде. Петръ сказалъ: «поздно король принимается за миръ; прежде предложенныя нами кондиціи уже не соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Впрочемъ, я не отрицаюсь отъ мира, но только на условіяхъ приличныхъ и сходныхъ со справедливостію». Онъ послалъ такой отвѣтъ съ трубачомъ, пріѣхавшимъ съ Мейерфельдомъ, а самого генерала Мейерфельда на время задержалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ явился безъ письменнаго вида¹⁴⁾. Вслѣдъ за тѣмъ царь отправилъ Меншикова съ цѣлымъ корпусомъ преслѣдовать шведовъ, давши приказаніе, если поймутъ въ плѣнъ Карла, то возвратитъ ему шпагу и провозжатъ его не стѣсняя, съ подобающимъ уваженіемъ, а измѣнника Мазепу везти заковавши подъ строгимъ карауломъ и наблюдать, чтобы онъ надъ собою чегонибудь не учинилъ. Вѣроятно, эта отправка происходила уже не рано, послѣ всѣхъ описанныхъ церемоній, и это было причиною, что Меншиковъ уже не могъ поймать ни Карла, ни Мазепы, какъ этого желалъ государь.

29 іюня былъ день царскихъ именинъ. Устроенъ былъ въ шатрахъ другой такой же пиръ, какъ и въ день побѣды, и опять были приглашены къ нему шведскіе плѣнные военачальники¹⁵⁾. На этомъ второмъ пирѣ былъ между прочимъ и шведскій историкъ Нордбергъ. По его извѣстіямъ, шатры, въ которыхъ происходилъ этотъ пиръ, были каждый болѣе чѣмъ въ 50 аршинъ длиною. Шведскихъ плѣнныхъ было тамъ много. Когда уже вставали изъ-за стола, вошелъ царь, заговорилъ ласково съ нѣкоторыми изъ плѣнниковъ и провозгласилъ тостъ за здравіе шведскаго короля. Нордбергъ при этомъ замѣчаетъ, что хотя писали

¹³⁾ Ibid., стр. 8 и 9.

¹⁴⁾ *Adlerfeld*, нѣмецк. перев., ч. III, стр. 290. — *Голицковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI, стр. 11.

¹⁵⁾ *Голицковъ*: „Дѣлнія Петра Великаго“, т. III, стр. 115.

и разглашали, будто Петръ ласково говорилъ съ Пиперемъ, но онъ, Нордбергъ, какъ очевидецъ, можетъ удостовѣрить, что Петръ не сказалъ ни единого слова шведскому министру ¹⁶⁾). Послѣ пира въ тотъ же день плѣнные шведскіе военачальники розданы были подъ наблюденіе русскимъ вельможамъ: Меншикову поручень былъ принцъ виртембергскій, Головкину Пиперь, Шереметеву Реншильдъ, — всѣ другіе были розданы русскимъ офицерамъ, сообразно чинамъ, какіе носили шведскіе плѣнники, до самыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Всѣхъ отправили въ Россію черезъ нѣсколько дней. Худшая участь постигла малороссіянъ мазепинцевъ, которые взяты были въ плѣнъ и большею частію сами сдались, увидя шведское дѣло проиграннымъ. Нордбергъ, въ качествѣ очевидца, говоритъ, что ихъ подвергали ужаснѣйшимъ истязаніямъ, ломали имъ руки и ноги и выставляли на колесахъ изуродованныя тѣла ихъ; другихъ вѣшали и на колы сажали ¹⁷⁾). Шведскій историкъ, сообщая эти извѣстія, тутъ же съелъ умѣстнымъ опровергать какого-то другаго историка, котораго имени онъ не называетъ и который утверждалъ, будто Петръ оказалъ козакамъ милость. Нордбергъ положительно заявляетъ, что такой милости не было. Мы не можемъ безусловно отвергать извѣстія Нордберга, такъ какъ свирѣпыя казни надъ мятежниками и царскими измѣнниками были въ обычаѣ у Петра; но есть несомнѣнныя официальные свѣдѣнія, что нѣкоторые самые крупные изъ Мазепинныхъ соумышленниковъ еще до полтавскаго сраженія добровольно явились съ повинною въ русскій станъ. То были бывшіе генеральный судья Чуйкевичъ, генеральный асаулъ Максимовичъ, лубенскій полковникъ Зеленскій, компанейскій полковникъ Кожуховскій, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило, Антонъ Гамалѣя, Семень Лизогубъ, канцеляристъ Григорій Григоровичъ и писарь Яковъ Гречаный. Имъ не было объявлено прощенія, какъ они того просили, — напротивъ, ихъ подвергли аресту какъ преступниковъ, и уже послѣ 8 августа сняли съ нихъ допросы, которые сохранились въ дѣлахъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ ¹⁸⁾). Всѣ они увѣряли, что не были заранѣе въ соумышленіи съ гетманомъ, прикидывались завлеченными посредствомъ обмана *). Но срокъ, объявленный

¹⁶⁾ Nordberg, стр. 315.

¹⁷⁾ Ibid.

¹⁸⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1709 года, августъ, № 52.

*) ... Судья Чуйкевичъ показалъ: Прежде перехода за Десну онъ не зналъ объ измѣнѣ, ибо гетманъ всѣмъ говорилъ, что идетъ на служеніе съ Шереме-

для тѣхъ, которые отстануть отъ Мазепы, давно прошелъ и ясно было, что эти малороссіяне явились уже только тогда, когда увидали, что затѣи освободиться отъ московской власти никакъ удаться не могутъ. Ихъ увертки не были приняты во вниманіе. Царь указалъ, что хотя они за измѣну достойны смертной каз-

тевнми, а уже когда перешли Десну, тогда только сказалъ мнѣ, что идетъ подъ протекцію шведскую, опасаясь чтобы царское величество по бывшему доносу на него отъ Кочубея когда нибудь не велѣлъ его взять. Я говорилъ ему, зачѣмъ это дѣлать и вести насъ невѣдомо куда, а Мазепа меня лаялъ и приказалъ гречанину Згурѣ Стигльеву смотрѣть за мною и Згура всегда былъ въ квартирѣ со мною и смотрѣлъ, чтобы я не ушелъ. Въ близкихъ совѣтахъ съ Мазепою не былъ ни я, ни другіе старшины, кромѣ родственника Мазепина Мокіевскаго, да генеральнаго писаря Орлика. Жены своей я не бралъ съ собою, жила она за 15 миль отъ Батурина, а потомъ переехала въ Гадячь и хотѣла оттуда ѣхать въ слободскіе полки, но гадячскіе жители не пустили ее до прихода шведскихъ войскъ. Меня, Чуйкевича, Мазепа послалъ одинъ разъ въ Переволочну къ запорожцамъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Мокіевскимъ, я отговаривался, но Мазепа слушать меня не хотѣлъ, потому, какъ онъ говорилъ, что я генеральный судья. Однако, приказъ данъ былъ не мнѣ, а Мокіевскому и я запорожцевъ къ измѣнѣ не подговаривалъ и съ собою къ неприятелю не проваживалъ и воръ кошевой съ запорожцами приходили къ Мазепѣ по его письмамъ и подговору Мокіевскаго. Мокіевскій держалъ меня за карауломъ и поѣхалъ въ Брымъ съ племянникомъ кошевого, а я поѣхалъ назадъ къ Мазепѣ, но подъ карауломъ у запорожцевъ. Наипаче я былъ въ подозрѣніи у Мазепы оттого, что сватомъ былъ покойному Кочубею и онъ часто мнѣ про то словами напоминалъ и называлъ бунтовщикомъ противъ себя. Я все собирался уйти да не могъ, оттого что гречанинъ Згура Стигльевъ меня стерегъ, а когда этого гречанинъ въ Гадячь умеръ, то ко мнѣ приставили шведскій караулъ, который оставался при мнѣ до полтавской битвы. Я давно только о томъ и думалъ, какъ бы уйти и совѣтовался о томъ съ Максимовичемъ, Зеленскимъ и Кожуховскимъ и они нисали о томъ къ миргородскому полковнику и къ Сулимѣ, только никакъ не подручно было уйти намъ.

Генеральный асаулъ Димитрій Максимовичъ показалъ: Прежде перехода за Десну я объ измѣнѣ не зналъ. Когда же перешли Десну и были за полверсты отъ шведскаго обоза, то послалъ меня Мазепа съ капитаномъ иноземцемъ и Згурою Стигльевымъ а со слугою Быстрицкаго къ шведамъ, только объявлялъ не я, а капитанъ, который отъ нихъ же шведовъ былъ прежде посланъ къ Мазепѣ. Посланы были также къ шведамъ Ломиковскій и Орликъ. Мнѣ Мазепа говорилъ, будто убѣгаетъ отъ Меншикова, который хотѣлъ его, гетмана, и всѣхъ старшинъ казнить. Потомъ послалъ меня Мазепа трижды провѣдывать, гдѣ будетъ шведскаго короля квартира занята. Жена моя была въ Лубнахъ. Тамъ ее взяли шведы и препроводили въ Ромень съ лубенскимъ полковникомъ. По уходѣ Апостола и Сулимы, послалъ меня Мазепа въ Гадячь, будто для раздачи денегъ компанейцамъ, и велѣлъ меня держать за карауломъ. И послѣ, находясь при Мазепѣ, я былъ постоянно за карауломъ и подъ надзоромъ.

Лубенскій полковникъ Зеленскій показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде ничего не зналъ, какъ приближался къ Деснѣ были мы подъ Коропомъ, говорилъ Мазепа, что ѣдетъ для свиданія съ Шереметевымъ, а какъ уже перешли

ни, но онъ ихъ милуетъ и даруетъ имъ жизнь, замѣняя смертную казнь ссылкой — однихъ въ отдаленныя мѣста Сибири, другихъ въ городъ Архангельскъ. Послѣ этого приговора слѣдовало ихъ отправить въ Мосюву, но они оставались въ Уграннѣ за карау-

Десну, то онъ сказалъ, что Меншиковъ хочетъ его и всѣхъ старшинъ забить въ колодки. Я на это сказалъ: мы вины своей передъ царемъ не вѣдаемъ и намъ невозможно убѣжать отъ царскаго гнѣва. А Мазепа сказалъ: смотрите на меня: куда пойду я, туда и вы идите. На другой день привелъ насъ гетманъ къ шведскому войску. Какой былъ у него уговоръ со шведами—я того не знаю. Въ дѣло меня не употреблялъ Мазепа, жилъ я при немъ какъ плѣнникъ. Получивши вѣсть о смерти моей дочери, отправился я въ Лубны, и въ этомъ помогъ мнѣ миргородскій полковникъ; по его прошенію меня отпустили, но за шведскимъ карауломъ. Когда же миргородскій полковникъ убѣжалъ, то Мазепа прислалъ въ Лубны 500 человекъ, изъ нихъ 300 осталось въ Лубнахъ, а 200 меня препроводили въ Роменъ, а черезъ нѣсколько дней привезли туда мою жену и жену Максимовича. Уйти мнѣ было никакъ невозможно, а я хотѣлъ уйти, и на то имѣю свидѣтельства—письма Меншикова и Головкина.

Полковникъ компанейскій Юрій Кожуховскій показалъ: О замыслахъ Мазепы я не зналъ, былъ въ походѣ противъ Булавина, а воротившись прожил недѣлю въ своемъ дому и получилъ приказъ ѣхать въ Борзну. Мазепа разглашалъ будто ему прислалъ царскій указъ идти въ случаеніе съ царскимъ войскомъ. Узналъ я, Кожуховскій, правду только тогда, когда меня со 150 человекъ моего полка привелъ Мазепа къ шведамъ. Когда Кгалаганъ ушелъ, Мазепа боялся, чтобы и я того же не сдѣлалъ и держалъ меня за карауломъ вмѣстѣ съ женою моею, которая и умерла у шведовъ. Я думалъ убѣжать, и по совѣту съ Чуйкевичемъ, Максимовичемъ и Зеленскимъ писалъ къ Меншикову съ нарочнымъ, но Мазепа о томъ увѣдалъ и держалъ меня за крѣпчайшимъ карауломъ.

Сердюцкій полковникъ Яковъ Повотило показалъ: Я былъ при гетманѣ, а моего полку было меньше ста человекъ; остальныхъ Мазепа оставилъ въ Батуринѣ. Я узналъ объ измѣнѣ уже тогда, когда прибылъ къ шведамъ. Въ Гадячѣ мнѣ отдали жену мою и я содержался подъ карауломъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ, а послѣ ухода Апостола и Кгалагана мнѣ не довѣрялъ.

Антонъ Гаматѣя показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде не зналъ и жилъ въ маестностяхъ своихъ все дѣло, а какъ шведъ пришелъ въ Ромны, тогда за мною прислалъ Мазепа компанейщиковъ 50 человекъ, которые меня привезли въ Ромны и шведы отдали меня за караулъ. Жену свою до взятія своего за недѣлю я вѣсилъ въ Сумы и самъ хотѣлъ вслѣдъ за нею туда же ѣхать, но удержался для прибранія дому моего, потому что мои подданные стали бунтовать и дома грабить. Ни въ какой службѣ я прежде при Мазепѣ не былъ и уряда на мнѣ не было никакого.

Семень Лизогубъ показалъ: Былъ въ войскѣ, когда перешли Десну, но объ измѣнѣ не зналъ. Въ Черниговѣ домъ нашъ ломали для шатровъ и крѣпости и потому жена моя съѣхала въ Переяславъ къ дядѣ своему Томарѣ, нынѣшнему полковнику переяславскому, а потомъ вернулась опять въ Черниговъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ. Не разъ я нытался бѣжать, но меня ловили: одинъ разъ, какъ Мазепа шелъ черезъ разоренный Батуринъ, другой—въ Будинахъ.

ломъ до апрѣля 1711 года. Предлогомъ къ такой отсрочкѣ служило появившееся въ краѣ моровое повѣтріе. Изъ этого видно, что все-таки смертная казнь не постигла ихъ. Если извѣстіе Нордберга о жестокихъ казняхъ, совершенныхъ надъ малороссійскими измѣнниками, не вовсе ложно, то оно можетъ относиться къ какимъ-нибудь запорожцамъ, взятымъ въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи.

ГЛАВА XVII.

Карль послѣ пораженія.—Ужась Мазепы.—Отступленіе шведовъ.—Карль въ Новомъ Санжаровѣ.—Кобыляки.—Переволочна.—Толки о переправѣ.—Упорство Карла.—Король соглашается на переправу.—Переправа Мазепы.—Послѣднія распоряженія Карла.—Помощь, оказанная запорожцами.—Переправа короля и шведовъ.—Прибытіе Меншикова съ войскомъ.—Упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ.—Капитуляція шведскаго войска.—Отчаяніе запорожцевъ.—Бѣгство шведовъ и мазепинцевъ за Дняпромъ въ степи.—Недостатокъ съѣстного.—Погова за бѣглецами.—Прибытіе къ Бугу.—Толки съ турецкими пашею.—Переправа черезъ Вугъ.—Русскіе берутъ въ плѣнъ шведовъ, не успѣвшихъ переправиться.—Прибытіе въ Бендеры.—Пріемъ оказанный сераскиромъ.—Смерть и погребеніе Мазепы.—Новый гетманъ.—
Историческое значеніе личности Мазепы.

Карль XII, убѣгая отъ погони съ поля битвы, достигъ своего обоза въ первомъ часу пополудни и увидѣлъ тамъ раненыхъ генерала Мейерфельда и полковника Гертта. Верховая ѣзда, и притомъ быстрая, развердила рану короля и причинила ему страданіе. Онъ кричалъ: «снимите меня съ лошади и посадите въ коляску!» Карла сняли и внесли въ шатеръ. Онъ съѣлъ холоднаго жаркого и спрашивалъ про своихъ генераловъ, которыхъ не видалъ близъ себя. «Гдѣ Реншильдъ?» — Въ плѣну, отвѣчали ему. Гдѣ тотъ, гдѣ другой генераль, гдѣ Пиперь?—въ плѣну!—былъ одинъ отвѣтъ. «Въ плѣну у русскихъ!»—воскликнулъ король.—«Да это хуже чѣмъ у турокъ... Впередь!» Онъ думалъ сначала, что съ русскими придется еще схватиться. Но тутъ одинъ за другимъ возвращались съ поля битвы растрепанные отряды пораженнаго войска. Явился къ королю и Мазепа, во все время битвы находившійся въ своемъ шатрѣ въ обозѣ.

Намъ теперь трудно вообразить себѣ тѣ ужасныя минуты, которыя переживалъ тогда украинскій гетманъ. Всѣ надежды

Яковъ Гречаный показалъ: Въ войскѣ при переходѣ черезъ Десну я не былъ, а сидѣлъ дома въ Гадачѣ; когда шведы заняли Гадачъ я ушелъ въ Кіевъ, меня поймали на дорогѣ шведы, а я ушелъ отъ нихъ и ночевалъ въ Лохвицѣ у своего зятя; но на слѣдующее утро меня опять взяли шведы и повезли вмѣстѣ съ женою. До баталіи я не могъ уйти, потому что находился за карауломъ (Ibid.).

его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь рядъ коварствъ и козней, которыми такъ богатъ былъ пройденный имъ путь. Уже скоро послѣ своей измѣны сталъ онъ предчувствовать неудачу. Уже не разъ сожалѣлъ онъ, что ступилъ на скользкую дорогу, и пробовалъ сойти съ нея, но ему не удалось. Тоска и раскаяніе мучили его уже не одинъ день. И вотъ ударилъ рѣшительный, страшный часъ. Медлить было невозможно. Никто въ побѣжденномъ станѣ не имѣлъ такого повода страшиться, какъ Мазепа. Русскіе съ минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти—куда?—къ царю! Что тамъ ожидало его—отъ одного воображенія должна была останавливаться въ жилахъ кровь у слабаго старика. Онъ принялся просить, умолять Карла немедленно бѣжать съ остатками силъ своихъ въ турецкія владѣнія. Не было иного притона. Въ Польшу невозможно было пробраться. Однѣ русскія силы преслѣдовали бы бѣгущихъ сзади, а за Днѣпромъ стоялъ Гольшть съ другими. Бѣжать степью въ Турцію казалось тогда самымъ подходящимъ дѣломъ. Запорожцы брались перевезти короля черезъ Днѣпръ ¹⁾).

— Позвать Левенгаупта!—завричалъ король.

Прибылъ Левенгауптъ.

— Ну, что теперь намъ дѣлать?—спрашивалъ Карлъ.

Левенгауптъ сходилъ въ мѣнни съ Мазепою.

— Ваше величество!—отвѣчалъ онъ, — остается поступить такъ, какъ сдѣлано было подъ Лѣснымъ: бросить всё тяжести, артиллерію, провіантъ, аммуницію, лошадей распределить между воинами, сколько кто можетъ взять, а остальное все сжечь и уходить какъ можно скорѣе. Русскіе скоро здѣсь будутъ.

Воспоминаніе о Лѣсномъ не понравилось Карлу. Онъ никакъ не могъ забыть этой неудачи своего лучшаго генерала. Карлъ услалъ Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять сталъ настаивать, чтобъ уходить какъ можно скорѣе. Къ нему присоединили свой голосъ нѣкоторые шведскіе военачальники: всѣ хоромъ умоляли Карла не терять времени и уходить. Карлъ все еще храбрился, кричалъ, что бѣгство постыдно, что лучше биться съ врагомъ до послѣдней капли крови, когда онъ наступитъ, но потомъ, наконецъ, склонился на усиленные моленія Мазепы и своихъ генераловъ. Впрочемъ, онъ

¹⁾ *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 283.

далъ приказъ отступленія совершенно противный тому, что совѣтовалъ Левенгауптъ: онъ приказалъ забирать съ собою весь багажъ и артиллерію съ 31 пушкою и двигаться вдоль Ворсклы по направленію къ ея устью. Въ виду у него было—присоединить къ себѣ отряды шведскаго войска, разставленные въ городкахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣлкахъ, Кобылякахъ и Соколкахъ. Карлъ, вмѣстѣ съ Мазепою, сѣлъ въ коляску генерала Мейерфельда. Вечеромъ шведы двинулись съ распущенными знаменами. Они надѣялись переправиться черезъ Днѣпръ у Переволочны, какъ обѣщали имъ запорожцы. Но русскіе успѣли уже заранѣе истребить тамъ суда и паромы.

Шведскія войска шли довольно медленно и спокойно, такъ что отступление ихъ на первыхъ порахъ не походило на бѣгство. Кромѣ военной силы, при шведскомъ обозѣ было множество рабочихъ малороссіянъ; были тамъ сверхъ того и поселяне, привозившіе въ шведскій станъ живность на продажу. Карлъ не хотѣлъ чтобъ эти люди попались въ руки великороссіянъ и приказалъ не спѣшить, чтобы дать имъ время уйти ²⁾).

Передъ свѣтомъ на другой день Карлъ былъ въ Новомъ Санжаровѣ. Хирургъ перевязалъ ему раненую ногу; Карлъ уснулъ глубокимъ сномъ. Но едва сталъ заниматься день, какъ короля разбудили.

— Русскіе гонятся за нами, ваше величество, — сказали ему. — Прикажете слѣдовать далѣе?

— Дѣлайте, что хотите! — отвѣчалъ Карлъ.

Тогда генералъ Крейцъ, взявши на себя отвѣтственность, сталъ поступать такъ, какъ совѣтовалъ прежде Левенгауптъ. Зажгли тяжелый багажементъ, а лошадей роздали пѣхотѣ. Съ этой поры походъ сталъ совершаться такъ быстро, что русскіе не успѣвали гнаться за шведами. Въ погоню за ними шли еще только генералы Голицынъ и Боуэръ; Меншиковъ съ корпусомъ выступилъ только послѣ полудня 28-го числа ³⁾). Съ Карломъ въ этотъ день случилось приключеніе: коляска его повредилась и онъ принужденъ былъ приказать посадить себя снова на лошадь, а съ наступленіемъ ночи съ 28-го на 29-е число король заблудилъ въ лѣсу и это, разумѣется, замедлило еще болѣе бѣгство шведовъ ⁴⁾). Къ счастью шведовъ, Мен-

²⁾ Ibid, стр. 284.

³⁾ *Туманскій*: „Записки о Петрѣ Великомъ“, т. IX, стр. 8.

⁴⁾ *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 399.

шиковъ съ своимъ корпусомъ былъ еще не близко. На разсвѣтъ бѣглецы добрались до Кобылякъ. Къ восьми часамъ утра прибыли туда Меншиковъ. Но шведовъ тамъ уже не было; только, при переходѣ черезъ рѣчку Кобылячку, шведскій арьергардъ задерживалъ переправу русскихъ съ цѣлю дать время уйти далѣе своему войску съ королемъ *).

Къ вечеру 29-го числа бѣглецы достигли Переволочны. Она была расположена въ углу, образуемомъ Днѣпромъ и устьемъ впадающей въ него Ворсклы. Пространство между этими рѣками было не велико, покрыто болотистыми топями и открыто для неприятельскихъ выстрѣловъ, если они начнутся съ возвышенностей. Не было ни судовъ, ни паромовъ, не было и людей въ Переволочнѣ; торчали только груды развалинъ послѣ посѣщенія ея русскими. Шведы успѣли отыскать запасъ строеваго дерева, годнаго для постройки паромовъ, но имъ не доставало ни цѣпей, ни веревокъ, а главное—недоставало времени: неприятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять объ отпорѣ: мало было у шведовъ пушекъ, ядеръ не было, порохъ былъ подмоченъ и войско упало духомъ. Господствовалъ безпорядокъ; незамѣтно было ни заботливости о спасеніи арміи, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадѣянный, все еще вѣрилъ въ стойкость своихъ шведовъ и въ волшебную силу своихъ рѣчей.

— Пусть только увидать меня солдаты верхомъ на лошади,—станутъ они сражаться такъ же храбро, какъ и прежде,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ ему Гилленкрокъ,—если неприятель явится, то многіе наши солдаты или положатъ оружіе, или бросятся въ воду, чтобы спасти свою честь.

Тотчасъ стало оказываться, что король заблуждался насчетъ воинственной стойкости своихъ воиновъ. Многіе самовольно стали овладѣвать паромами, приготовленными ихъ товарищами для себя, а не для нихъ ³⁾). Тогда Мазепа сталъ умолять короля переправиться какъ можно скорѣе черезъ Днѣпръ и уходить въ

^{*)} Письмо Меншикова къ царю изъ Кобылякъ въ 8 часовъ утра 29 іюня: „Поздравляю ваше величество съ днемъ тезоименитства. Мы сейчасъ съ кавалеріею пришли до Кобылякъ и черезъ рѣчку Кобылячку переправляемся, гдѣ отъ неприятеля была стрѣльба, не хотѣлъ нашихъ пропустить. Однако мы съ помощію Божіею чуть не всѣ перебрались, и какъ переберемъ, то съ помощію Божіею за ними слѣдовать будемъ“ (Госуд. Арх. Письма Меншикова).

³⁾ Fryxel, нѣм. перев., ч. I, стр. 182.

турецкія владѣнія. Стали разсуждать, какими путемъ уходить, потому что представлялось два пути: въ Крымъ къ хану—подручнику турецкаго султана, или въ Бендеры—къ сераскиру-пашѣ. Многіе склонялись къ тому, чтобъ уходить въ Крымъ, полагая, что тамъ за нихъ станетъ готовая воинственная сила орды. Случившійся здѣсь какой-то татарскій мурза общалъ Левенгаупту самъ проводить войско черезъ стѣну. На пути въ Крымъ,—представляя оны,—послѣ Днѣпра не будетъ уже большихъ рѣкъ, черезъ которыя трудно было бы переправиться. Но Мазепа совѣтовалъ избрать путь на Бендеры. «Слѣдуя въ Крымъ,—говорилъ оны,—намъ придется проходить слишкомъ большое степное пространство и русскіе, погнавшись за нами съ большою силой, могутъ нагнать насъ, тогда какъ много-много на пятый день мы уже достигнемъ границы и будемъ безопасны»^{*)}. Король не рѣшался ни на то, ни на другое; оны никакъ не могъ побѣдить въ себѣ чувство стыда при мысли, что оны побѣжить отъ непріятеля.

Тогда Левенгауптъ, уговаривая короля, сталъ передъ нимъ на колѣни и говорилъ:

— Всемилостивѣйшій государь! дозволейте спасти вашу особу, пока еще возможно. Если непріятель сюда явится, то всѣхъ насъ истребитъ или въ плѣнъ заберетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что,—говорилъ съ жаромъ король,—не покину своихъ солдатъ. вмѣстѣ будемъ обороняться, вмѣстѣ погибнемъ!

— Невозможно,—говорилъ Левенгауптъ:—солдаты видимо упали духомъ; мѣстоположеніе здѣсь неудобно для обороны. Повторю: насъ непремѣнно или истребятъ, или въ плѣнъ заберутъ. Богъ поставилъ ваше величество правителемъ народа и вы должны будете отдать Богу отчетъ за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способъ спасти отечество и всѣхъ насъ, своихъ несчастныхъ подданныхъ. Если же попадете въ непріятельскія руки, тогда все пропало.

— Я,—сказалъ рѣшительно король,—согласенъ скорѣе понасть въ непріятельскія руки, чѣмъ умышленно покинуть войско.

Пришелъ Гилленкрокъ и присталъ къ совѣту Левенгаупта.

— А что будетъ со мною, если русскіе возьмутъ меня въ плѣнъ?—спрашивалъ король.

^{*)} *Adlerfeld*, вѣм. перев., ч. III, стр. 293.

Гилленкрогъ отвѣчалъ:

— Сохрани насъ Богъ отъ этого!... Но еслибы такая бѣда насъ постигла, то русскіе влчили бы вашу особу съ триумфомъ по своей землѣ и вынудили бы отъ васъ унизительныя для Швеціи условія.

На это Карлъ сказалъ:

— Шведы не будутъ обязаны соблюдать условія, вынужденныя отъ меня насиліемъ.

— Вы сами,—сказалъ Гилленкрогъ,—не предадите себя такому безчестію и не подумаете о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, чтобъ они нарушили обѣщанія, данныя ихъ королемъ хотя бы вслѣдствіе насилія.

Карлъ вдругъ опомнился и сказалъ:

— Господа! не вѣрьте тому, что я сейчасъ говорилъ.

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карлъ уже не возражалъ имъ, а порывисто произнесъ:

— Господа, оставьте меня въ покоѣ!

Всѣ въ тихой скорби отъ него удалились. Но вошелъ къ королю генералъ Крейцъ и неизвѣстно—одумался ли король, или рѣчи Крейца подѣйствовали на него болѣе, чѣмъ рѣчи Левенгаупта и Гилленкрога, только Крейцъ, вышедши отъ короля, сказалъ генераламъ:

— Король рѣшается оставить свою армію и переправиться черезъ Днѣпръ ¹⁾).

Мазена, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русскіе, сталъ заботиться о собственномъ спасеніи и, не дожидаясь болѣе, чѣмъ кончатся толки у короля съ его генералами, успѣвши воспользоваться стоявшими судами и часовами въ шесть вечера переправился черезъ Днѣпръ съ своими единомышленниками и съ нѣсколькими козацкими господами ²⁾). Онъ успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми монетами ³⁾). Мазена заторопился бѣжать именно тогда, когда у короля съ генералами шла рѣчь о томъ, что станетъ съ королемъ, если его возьмутъ въ плѣнъ: онъ зналъ, что какъ ни тяжелъ былъ бы такой плѣнъ для шведскаго короля и для шведскаго войска, но о томъ, что случилось бы съ нимъ, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникамъ. Говорятъ,

¹⁾ *Fryxel*, вѣм. пер., ч. I, стр. 184.

²⁾ *Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 317.

³⁾ *Fryxel*, вѣм. пер., ч. I, стр. 185.

что въ это время Карлъ выказалъ Мазепѣ свое неудовольствіе и называлъ его своимъ обольстителемъ, и хотя шведскій историкъ ¹⁰⁾, сообщая это свѣдѣніе, отвергаетъ его, но оно не лишено правдоподобія, тѣмъ болѣе, что самъ этотъ историкъ не находился тогда уже при королѣ.

Послѣ отплытія Мазепы, король назначилъ Левенгаупта главнокомандующимъ оставляемой на берегу Днѣпра арміи, а съ собою переправляться черезъ Днѣпръ опредѣлили генераламъ Акселю Спарре, Лагеркронъ, генераль-квартирмейстеру Гилленкроку, полковникамъ Герду, Пiertъ, Дальдорфу и Гротгузену, статсъ-секретарю Мюллерну, нѣсколькимъ писцамъ и служителямъ. Для прикрытія взялъ онъ изъ войскъ, не участвовавшихъ въ полтавскомъ сраженіи, 1.100 человекъ и сверхъ того оставшихся цѣлыми драбантовъ и такъ-называемыхъ одноупряжныхъ (einspänner). Нѣкоторые офицеры и солдаты заранѣе успѣли уйти за Днѣпръ и могли пристать къ королю въ степи, такъ что всей военной силы, сопровождавшей короля въ Турцію, могло набраться отъ двухъ до трехъ тысячъ ¹¹⁾.

Гилленкрокъ успѣлъ отыскать на берегу Ворсклы нѣсколько паромовъ и пустить ихъ до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско ¹²⁾. Запорожцы проводили черезъ Днѣпръ шведскихъ лошадей и приводили въ изумленіе своихъ иноплемennыхъ союзниковъ ловкостію, съ какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближалось время переправляться, то кромѣ тѣхъ, которыхъ король назначилъ для переправы съ собой, на берегу стали толпиться шведскіе солдаты, пытаясь и сами, вслѣдъ за прочими, какимъ нибудь способомъ перебраться за рѣку. Ломали багажныя тележки, усаживались на нихъ—и на такихъ, на-скоро сработанныхъ, плотяхъ пускались въ волны, а вмѣсто весель употребляли тележжныя колеса. Однако, сравнительно немного нашлось тогда шведовъ, которые такимъ способомъ перебрались на противоположный берегъ. Нѣкоторые тутъ же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королемъ и посаженное на паромъ. Они приготовляли веревки, одинъ конецъ вправляли въ паромъ, а другой держали въ рукахъ, и даже брали въ зубы, и такимъ образомъ, плывя верхомъ на своихъ лошадяхъ, пере-

¹⁰⁾ Nordberg, стр. 318.

¹¹⁾ Fryzel, нѣм. пер., ч. I, стр. 184.—Adlerfeld, нѣм. пер., ч. III, стр. 293.

¹²⁾ Fryzel, ч. I, стр. 185.

тащили союзниковъ на другой берегъ. Переправа окончилась въ одиннадцать часовъ ночи. Въ это время понесли и короля на берегъ рѣки, чтобы посадить его для отплытія. Успѣли взять его серебряный сервизъ и немалыя денежные суммы, доставшіяся ему съ контрибуціи, наложенной на Саксонію. Короля посадили въ коляску, самую же коляску поставили на двухъ суднахъ, такъ что переднія колеса стояли на одномъ, а заднія на другомъ.

У берега подошелъ къ нему Левенгауптъ и сказалъ: «Ваше величество, всемилостивѣйшій государь! я человекъ небогатый. Если со мною что нибудь случится, не оставьте моей жены и дѣтей, чтобъ имъ не пришлось нищенствовать».

— Ваша просьба будетъ исполнена,—отвѣчалъ король,—только и вы исполните въ точности мои приказанія—сохранить въ цѣлости войско и перейти въ татарскую стѣну.

Левенгауптъ поцѣловалъ королю руку.

Въ полночь отчалили отъ берега. 12 драбантовъ служили королю гребцами ¹³⁾.

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы ¹⁴⁾.

Утромъ Левенгауптъ и Брейцъ стали приводить въ извѣстность и порядокъ свои военныя силы. Тутъ Брейцъ первый провозгласилъ зловѣщую новость: «Мы опоздали,—Меншиковъ уже за высотами». Вслѣдъ затѣмъ на возвышеніи появилось 9.000 русской кавалеріи съ прибавкою пѣхоты. Русскіе отъ одного пойманнаго шведскаго полковаго квартирмейстера узнали уже о бѣгствѣ короля за Днѣпръ. Такимъ образомъ главная цѣль—взятіе въ плѣнъ короля и Мазепы—достигнута быть не могла ¹⁵⁾. Оставалось русскимъ раздѣлаться съ оставшимся шведскимъ войскомъ.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрымъ маршемъ. Меншиковъ приказалъ бить въ барабаны, чтобы шведамъ показалось, что на нихъ идетъ большая сила, а князь Михайло Голицынъ позади войска, вдали, поставилъ нѣсколько сотъ лошадей съ солдатами при нихъ, чтобъ издали они могли показаться шведамъ еще однимъ наступающимъ корпусомъ русскихъ войскъ. Въ шведскомъ войскѣ сразу наступило уныніе и

¹³⁾ Ibid., стр. 186.—*Adlerfeld*, вѣм. пер., ч. III, стр. 293.—*Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 318.

¹⁴⁾ *Adlerfeld*, вѣм. пер., ч. III, стр. 294.

¹⁵⁾ *Рительманъ*, ч. III, стр. 83.

Левенгауптъ сообразилъ, что нечего и думать бороться съ неприятелемъ. Онъ послалъ къ Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположенъ ли русскій военачальникъ, не вступая въ бой, заключить какія-либо условія. Меншиковъ отъ имени царя объявилъ имъ, что они должны сдаться на капитуляцію какъ военноплѣнные и выдать побѣдителямъ всё запасы и оружіе. Шведы, чтобы дать время своему королю уѣхать подалѣе, думали тянуть переговоры о сдачѣ и просили у Меншикова дозволенія снестись о такомъ важномъ дѣлѣ съ Левенгауптомъ. Меншиковъ дозволилъ Дукеру ѣхать къ Левенгаупту, а Крейца съ другими его товарищами задержалъ. Тогда Крэйцъ, находясь у русскихъ въ станѣ, видѣлъ неприятную для него сцену: бозаки приводили плѣнными къ Меншикову шведовъ, бѣжавшихъ изъ шведскаго лагеря, а другіе шведы кучками сами являлись въ русскій станъ, заранѣе избѣгая возможности сраженія, котораго не надѣялись выиграть. Левенгауптъ, получивъ черезъ полковника Дукера требованіе Меншикова, собралъ военный совѣтъ. Шведовъ было отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ, но изъ нихъ тысячъ до пяти было нездоровыхъ и раненыхъ, такъ что годныхъ къ бою могло набраться не болѣе какъ отъ восьми до девяти тысячъ. Левенгауптъ сказалъ полковникамъ: «Проѣзжайте по своимъ полкамъ и спросите солдатъ, будутъ ли они драться».

Когда сдѣланы были полковниками такіе запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнѣе всѣхъ заявила себя рота Альбедилля, состоявшая изъ самыхъ опытныхъ солдатъ. Когда подошли къ нимъ, они лежали на землѣ и читали молитвенники. Имъ сдѣлали запросъ. «Зачѣмъ это насъ спрашиваютъ?—сказали они, поднявши головы.—Насъ прежде не спрашивали; скажутъ, бывало, только: впередъ!—и мы идемъ». Но иные не съ такою охотой отзывались, хотя и не противились изъ чувства стыда, чтобы не показаться трусами; нѣкоторые же не дали никакого отвѣта. Обо всемъ этомъ принесъ Дукеръ извѣстіе Левенгаупту, замѣтивши тогда же, что тѣ, которые больше обѣщаютъ и храбрятся, первые убѣгаютъ. Дисциплины въ войскѣ совсѣмъ не стало. Солдаты самовольно расхищали багажъ.

Между тѣмъ Меншиковъ, вслѣдъ за Дукеромъ, прислалъ парламентаря къ Левенгаупту и торопилъ шведскаго военачальника скорѣйшимъ отвѣтомъ. Левенгауптъ выпросилъ еще одинъ часъ

и поѣхалъ самъ лично обозрѣвать свое войско. Онъ узналъ, что во многихъ полкахъ не достаетъ уже половины солдатъ, а многіе сдались уже русскимъ, не дождавшись команды. Ясно было, что Меншиковъ не станетъ уже ждать болѣе, и надобно было на что нибудь рѣшиться. Въ полдень Левенгауптъ, соображая, что король уже отѣхалъ далеко, послалъ сказать Меншикову, что сдается на капитуляцію. Запорожцы умышленно были изъяты отъ капитуляціи Меншиковымъ. Узнавши это, они бросались въ рѣбу, предпочитая добровольную смерть мукамъ, которыя ожидали бы ихъ, еслибъ они сдались русскимъ. Ихъ примѣру послѣдовали нѣкоторые раненые шведы; они не хотѣли идти въ плѣнъ къ русскимъ, которыхъ считали лютыми варварами. Они срывали сами съ себя повязки и бросались въ Днѣпръ. Два шведскихъ офицера прокололи другъ друга шпагами. Но большинство вообще было довольно. Сдались въ качествѣ военнопленныхъ: три генерала, 11 полковниковъ, 14 подполковниковъ, 20 майоровъ, 250 капитановъ, 300 поручиковъ, 320 корнетовъ и фендриховъ и отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ рядовыхъ ¹⁶⁾. По русскимъ извѣстіямъ число пленныхъ—по одному ¹⁷⁾ простиралось до 16.275 человекъ, по другому ¹⁸⁾—15.753, по третьему ¹⁹⁾ всѣхъ взятыхъ въ полтавскомъ бою и въ Переволочиѣ—16.947 *).

Всѣ запорожцы лишены были всякой надежды на сколько нибудь милостивое и человѣколюбивое снисхожденіе къ себѣ, но не

¹⁶⁾ *Fryxel*, ч. I, стр. 186—192.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 296—298.—*Nordberg*, франц. пер., стр. 320.—*Specification* 1709.

¹⁷⁾ *Галиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI, стр. 23—37.

¹⁸⁾ *Ричельманъ*, ч. III, стр. 83.

¹⁹⁾ *Соловьевъ*: „Истор. Россіи“, т. XV, стр. 379.

*) Письмо Меншикова къ царю изъ Переволочны 30 іюня, въ 2 часа по полудни: „Сего числа мы неприятеля здѣсь въ Переволочѣ настигли, который сталъ уже перебираться, а именно: король самъ съ драбантами и съ Мазепою перебрался прошедшей ночи, а на сей сторонѣ остался Левенгауптъ, который противъ насъ въ ордеръ баталію построился. А какъ мы усмотрѣли, что не въ маломъ числѣ обрѣтаются, а именно, что по послѣдней мѣрѣ будетъ у него войска около восьми тысячъ, того ради разсудили мы, что если съ такимъ не безсильнымъ и отчаяннымъ неприятелемъ въ бой вступить, то не безъ великаго урона у насъ было бы и для того я построилъ своихъ людей противъ онаго неприятеля въ ордеръ баталію, послалъ къ нему Левенгаупту своего генералъ-адъютанта съ такимъ предложеніемъ, что понеже они къ спасенію своему никакого иного способа не имѣютъ, то хотятъ ли сдаться на аккордъ или нѣтъ. На что отповѣдью прислалъ къ намъ генералъ Крейцъ, и хотя отъ онаго и были къ ихъ пользѣ нѣкоторые запросы, однако съ малою имъ пользою тотъ аккордъ учиненъ и всѣхъ ихъ какъ генераловъ, такъ и прочихъ офицеровъ и рядовыхъ со всею аммуниціею черезъ тотъ аккордъ мы приняли, которые сего

у всѣхъ достало отчаянной рѣшимости утопиться въ Днѣпрѣ. Со шведскимъ войскомъ взято было ихъ въ плѣнъ русскими 220 человекъ²⁰⁾.

Всѣмъ за Меншиковымъ пріѣхалъ въ Переволочну самъ государь. Тогда бывшіе съ Мазею малороссіяне, не успѣвшіе съ нимъ переправиться, терпя голодъ, рѣшились отдаться на милосердіе государя. По извѣстію Голикова, царь оказалъ всѣмъ имъ пощаду, ограничивши кару надъ ними только тѣмъ, что приказалъ ихъ обратить изъ козаковъ въ посольство, т. е. въ мужиковъ, и запретилъ имъ носить оружіе²¹⁾. Это вѣроятно были прежніе мужики, только недавно поступившіе въ казаки, по приглашенію Мазеи, увлекшись давно уже господствовавшею въ посольствѣ страстію околочиваться. Такихъ было тогда 2.700 человекъ. Не такъ милостиво относился царь къ запорожцамъ, которые съ своею Сѣчею были уже обречены царемъ на истребленіе въ видахъ государственной безопасности и спокойствія. Ихъ заковали и болѣе виновныхъ отправили на казнь, а другихъ на вѣчныя времена въ Сибирь. Государь принялъ очень ласково плѣннаго Левенгаупта и всѣхъ его офицеровъ. Узнавши отъ нихъ, что шведскій король побѣждалъ въ Турцію, Петръ отправилъ въ погоню за нимъ бригадира Бронотова и генераль-майора Волконскаго съ четырьмя конными полками.

Шведскій король съ остаткомъ своей арміи и Мазеи съ кучкою соумышленниковъ бѣжали по дикой степи въ совершенномъ бездорожьи. Сначала за Днѣпромъ почва была болотиста, покрыта кое-гдѣ камышомъ и осокою, но потомъ бѣглецы очутились въ необозримой степной равнинѣ, въ которой однообразіе нарушалось кое гдѣ выдававшимися изъ степнаго уровня возвышеніями. По всѣмъ сторонамъ не могъ увидѣть глазъ ни человѣческаго жилья, ни людей, ни домашнихъ животныхъ; бѣглецы увидали только множество дичи въ высокой травѣ, никогда не кошеной и не сожигаемой. Не было ни малѣйшаго признака лѣса. Туда шель путь въ Брацлавское воеводство, — путь, по которому ходили чумаки; тамъ была проложенная послѣдними дорога; тамъ были

числа пришли и всѣ строемъ кладутъ оружіе и нашъ караулъ къ нимъ представленъ. Также и плѣнные наши, колько ихъ въ непріятельскихъ рукахъ было, всѣ выручены, межъ которыми и зять мой и иные многіе офицеры“ (Гос. Арх. Письма Меншикова).

²⁰⁾ Голиковъ: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI, стр. 36.

²¹⁾ Ibid., стр. 45.

еще развалины прежняго жительствова, уничтоженнаго эпохою *руми*. Бѣглецы не пошли по этому пути, потому что ихъ тамъ могли удобнѣе нагнать русскіе. Они свернули влѣво и пошли не по проложенной дорогѣ, а по такой дѣвственной степи, что, казалось, нога человѣческая не ходила тамъ съ сотворенія міра. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которыхъ встрѣчали тамъ во множествѣ. У нѣкоторыхъ шведовъ сохранилась провизія, взятая съ собою. По замѣчанію очевидцевъ, нужда заставила всѣхъ дѣлаться бережливыми и скупыми; всѣ припрятавали полученную добычу. Самъ король ѣлъ овсянку. Все войско было раздѣлено на двѣ половины: одна шла за королемъ, другая за Мазепою и его козаками. Конные ѣхали верхомъ; у рѣдкихъ не было въ началѣ лошадей; настища были превосходныя; дикая степь для лошадей представляла болѣе удобствъ, чѣмъ для людей. Самъ Мазепа ѣхалъ въ коляскѣ съ какою-то козакою-госпожею, которая, какъ видно, ухаживала тогда за дряхлымъ старикомъ. Потрясенный послѣднимъ пораженіемъ, онъ видимо приближался къ своему концу: постоянно лежалъ въ подушкахъ, едва въ состояніи былъ встать на ноги, и притомъ находился въ ужасающей душевной тревогѣ, ожидая съ минуты на минуту русской погони, отъ которой отбиться было уже невозможно. Тѣмъ не менѣе злосчастный измѣнникъ приносилъ еще своимъ союзникамъ большую пользу. Ему были извѣстны всѣ пути по этой дикой степи; онъ ходилъ по ней много разъ и въ молодости, и во время своего гетманства, когда воевалъ турецкіе городки. Впрочемъ, не одинъ Мазепа, а и другіе бывшіе съ нимъ козаки обладали также знаніемъ примѣтъ въ безграничной степи и тѣмъ приводили въ изумленіе шведовъ. Первый день бѣглецы проволесили по степи подъ томительнымъ знаніемъ въ безпрестанномъ страхѣ появленія погони, а къ вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что послѣ знойнаго дня могли наконецъ прохолодиться и напиться воды. Но вода оказалась дурная, хотя солдаты все-таки набирали ее себѣ во фляги, такъ какъ вожи предупреждали ихъ, что на другой день долго не увидятъ воды. Тутъ бѣглецы постояли не болѣе двухъ часовъ и притомъ не выпуская изъ рукъ лошадей въ опасности заснуть и потерять ихъ, а нѣкоторые, не въ силахъ будучи преодолѣть усталости, задремали и лошади ушли отъ нихъ искать пастбища. Проснувшись, они должны были пѣшкомъ ловить ихъ, и было нѣсколько такихъ несчаст-

ныхъ, что не поспѣли за отходившими товарищами и остались въ степи на произволъ дикихъ звѣрей или русской погони. Въ два часа по полуночи бѣглецы двинулись далѣе, не выславшись и не поѣвши какъ бы слѣдовало. На разсвѣтъ они стали жаловаться на холодъ, который, къ ихъ удивленію, казался для нихъ почти такъ же несноснымъ, какъ дневной зной. Съ восходомъ солнца продолжали бѣглецы спѣшить, а часамъ къ восьми началась такая же томительная жара, какъ и прежде, и еще хуже, потому что не утолялась даже и маленькимъ вѣтеркомъ. Къ полудню увидали бѣглецы воду и сѣдали привалъ. Вода здѣсь была чистая, гораздо лучше той, какою довольствовались на ночлегѣ, но голодъ беспокоилъ многихъ. Козаки, привыкшіе къ татарскимъ обычаямъ, рѣзали лошадей оставшихъ и неспособныхъ къ дальнѣйшему пути, сушили на солнцѣ мясо, или клали подъ сѣдло, чтобы оно тамъ помякло и согрѣлось; шведы отвращались отъ такой ѣствы. На бѣду здѣсь не видно было дичи. Простоявши три часа, бѣглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

Въ слѣдующій, въ третій день своего пути (14 іюля нов. ст.) голодные бѣглецы увидали по сторонамъ зайцевъ, дикихъ овецъ, дрофъ и стрепетовъ. Они занялись охотою. Травы были такъ высоки, что овцы бродили въ нихъ какъ въ лѣсу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только ихъ стрѣляли, но даже ловили руками. Набрали они не мало такой добычи; но у нихъ не доставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведамъ туземный, степной способъ топлива: они набрали конского навоза, скоро высушили его, благодаря необычному солнечному жару, и, смѣшавши съ сухою травой и камышомъ, сѣдали кизякъ, развели огонь и приготовили себѣ жареную баранину и дичь. Шведы научались отъ нихъ такому неизвѣстному для нихъ способу. Другіе козаки въ густой травѣ нашли кустарники дикихъ вишенъ, на которыхъ, сообразно времени года, поспѣвали ягоды. Хотя онѣ были кислы, но зной и жажда мучили всѣхъ пуще голода, и эта находка показала очень пригодною. Слѣдуя далѣе въ путь, шведы, по указанію козаковъ, безпрестанно бѣгали въ сторону рвать ягоды на вишневыхъ кустахъ.

На слѣдующій за тѣмъ день (15 іюля н. с.) наткнулись бѣглецы на дорогу, которая вела изъ Брацлавскаго воеводства въ Украину. По ней ѣхали чумаки съ солью. Козаки отняли у

нихъ соль, чтобы не давать этого необходимаго матеріала неприятелю, которому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которыхъ также, по татарскому обычаю, употребили въ пищу. Такъ повѣствуетъ современникъ, хотя для насъ странно, что чумаки везли соль на лошадяхъ, а не на волахъ, какъ это обыкновенно водилось.

Вотъ уже проходилъ четвертый день, а погоня, которой всѣ такъ боялись, не показывалась. Русскій отрядъ Волконскаго и Кропотова, посланный царемъ за Дибирь, пустился въ степь, не зная хорошо ея примѣтъ, и попалъ на слѣдъ оставленной повозкою. Вѣхалъ какой-то больной шведскій офицеръ; онъ отсталъ отъ своихъ и заблудился. Хотя Волконскій, какъ говорили, надъ этимъ офицеромъ выместилъ свой собственный промахъ, но уже не могъ догнать короля; самый шведъ, котораго русскіе принуждали быть ихъ вожемъ, не могъ указать имъ пути ²²⁾. Это-то неожиданное событіе спасло бѣглецовъ въ эти опасные дни.

- Мазепа, слѣдившій за движеніемъ этого похода, объявилъ, что уже пройдена большая половина разстоянія между Дибиромъ и Бугомъ; по его совѣту, Карлъ отправилъ польскаго генерала Понятовскаго и своего секретаря Кликовстрема къ турецкому коменданту Очаковской крѣпости просить сообщить Дивану о прибытіи шведовъ и распорядиться приготовленіемъ судовъ для переправы черезъ Бугъ. «Паша,—говорилъ Мазепа,—мой давній пріятель и все для меня сдѣлаетъ». Понятовскій отправился, взявши съ собою козаковъ въ путеводители. Добѣхавши до Буга, онъ не увидалъ тамъ никакихъ признаковъ переправы и нашелъ тамъ только пять рыбаковъ, показавшихся ему по наружному ихъ виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодкѣ на другой противоположный берегъ: это были уже турецкія владѣнія. Тамъ онъ нашелъ турецкихъ рабовъ, изъ которыхъ одинъ оказался понимавшимъ по-французски; съ нимъ могъ Понятовскій объясниться, не зная турецкаго языка. Турецкій рабъ далъ ему лошадь и Понятовскій на ней доскакалъ до Очакова. Остановившись въ городскомъ предмѣстьѣ, Понятовскій просилъ караульныхъ доложить объ немъ пашѣ; но паша заставилъждать его до 9 часовъ слѣдующаго утра. Когда, наконецъ, его допустили къ пашѣ и онъ изложилъ ему просьбу короля дать

²²⁾ *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 304. Записка Понятовскаго.

суда для перевозки, то паша оказался вовсе не такимъ любезнымъ, какимъ описывалъ его Мазена. Онъ не прежде согласился, какъ послѣ предложенія ему 2.000 дукатовъ. Тогда паша сказалъ, что пришлетъ пять суденъ съ запасами для продажи шведамъ и на этихъ судахъ можетъ переправиться король. Понятовскій обратнымъ путемъ принесть извѣстie королю. Между тѣмъ паша очаковскій послалъ дать знать сераскиру въ Бендеры.

Тѣмъ временемъ шведы, отправивши впередъ Понятовскаго, шли за нимъ и вступили въ край нѣсколько отличный отъ той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великаго Ингула—первой рѣки, встрѣтившейся имъ послѣ Днѣпра. Почва была песчана и безтравна. Они перешли Ингуль и достигали до Буга. Не доходя за милю отъ этой рѣки, пришлось имъ спать на ночлегѣ. И людямъ, и лошадямъ стало тяжело. Вмѣсто превосходной травы, на солонцеватой степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. Къ счастью, козани отыскали маленькiй родникъ, и когда разнесся объ этомъ слухъ, всѣ шведы бросились туда и въ одну минуту родникъ могъ быть исчерпанъ, такъ что къ роднику приставили караулъ, чтобы сохранить свѣжей воды по крайней мѣрѣ для короля. На этомъ ночлегѣ явилась близъ шведскаго стана стая волковъ, и своимъ страшнымъ воемъ произвела большой переполохъ. Шведы долго не могли сообразить, что это значить.

Утромъ 6 iюля (16 нов. ст.), послѣ двухчасоваго пути, бѣглецы приблизились къ Бугу, который въ этомъ мѣстѣ, уже за нѣсколько миль отъ своего устья, былъ шириною около двухъ верстъ. У берега стояли турецкiя суда съ присланными турецкими запасами. Голодные шведы съ жадностiю бросались погупать ихъ, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали изъ нихъ, что хотѣли: шведы замѣтили, что турки съ особенною жадностiю хватались за червонцы. Всего привезли въ изобилiи: баранины, говядины, куръ, хлѣба, сухарей, разныхъ пряностей, крымскаго и греческаго вина, преимущественно краснаго, смоль, которыя, по турецкому обычаю, продавались нанизанными на ниткахъ. Баранина оказалась превосходнаго достоинства, хлѣбы были свѣжи и вкусны, вино прiятное и крѣпкое. Самъ король накупалъ всего этого для своихъ солдатъ, а одинъ турецкiй купецъ представилъ ему въ даръ барана, нѣсколько куръ и хлѣба, за что ко-

роль отблагодарилъ его 12 червонцами. Увидя это, другіе турки стали подносить Барлау дары, чтобъ и себѣ получить что нибудь отъ его щедротъ.

Но королю сообщили, что присылаютъ судно только одно, для переправы его лично съ нѣсколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрѣшенія изъ Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшіе по сторонамъ, принесли извѣстіе, что уже русская погоня приближается. Волконскій, проблудивши въ степи, исправилъ свою ошибку; онъ потерялъ время, чтобы нагнать бѣглецовъ въ степи между Днѣпромъ и Бугомъ, но потомъ напалъ на слѣдъ бѣгущихъ и шелъ къ Бугу. Король послалъ къ пашѣ снова, ссылаясь на то, что сераскиръ уже прежде обѣщалъ ему пріютъ въ Турціи съ его войскомъ. Паша остался непреклоненъ. Онъ позволялъ переправиться только королю съ приближенными особами, а прочимъ шведамъ запретилъ давать суда. Нѣкоторые тогда же толковали, что очаковскій паша потому именно не пускаетъ шведовъ, что съ ними находится Мазепа и козаки: турки мстятъ теперь козакамъ за то, что они дѣлали нападеніе на Очаковъ. Другіе подзрѣвали даже, что турки нарочно хотятъ задержать шведовъ и козаковъ, чтобъ ихъ выдать русскимъ и за то получить отъ царя награду. Тогда шведы и козаки обратились къ купцамъ, пріѣхавшимъ съ товарами, и обѣщали имъ не мало денегъ, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы ортачились, хотѣли сорвать съ нихъ побольше и отговаривались тѣмъ, что не смѣютъ этого сдѣлать безъ дозволенія пашы. Такъ прошелъ цѣлый день, прошла за нимъ ночь. Утромъ 8 іюля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за нихъ деньги хозяевамъ, и поплыли. Въ одномъ суднѣ сѣлъ король съ Мазепою, генералы и козацкіе старшины; запорожцы были у нихъ гребцами. Хозяинъ судна, увидя, что королевскіе офицеры и драбанты хотятъ взять другое судно, поднялъ крикъ и требовалъ, чтобы шведы вернулись назадъ. Шведы не слушали. Турокъ кричалъ: стрѣлять! — шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако, все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведамъ и козакамъ въ переправѣ, потому что имъ заплатили по два червонца за каждаго человѣка. Козаки переправлялись вплавъ, держась за хвосты своихъ лошадей. За полмили вверхъ они уви-

дали отшель, поплыли туда и оттуда тѣмъ же способомъ удобнѣе добрались до противоположнаго берега.

По винѣ упрямаго очаковского паши, продержавшаго бѣглецовъ понапрасну на лѣвомъ берегу Буга, не всѣ шведы и козаки успѣли благополучно перебраться на турецкій берегъ. Наскочила русская кавалерія съ Волконскимъ, когда еще отъ 800 до 900 человекъ шведовъ не успѣли отчалить отъ берега. Часть ихъ была загнана въ рѣку и утонула; другіе, числомъ до пяти сотъ, были взяты въ плѣнъ и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; нѣкоторые изъ такихъ не вынесли утомленія и умерли. Были такіе, что, завидя русскихъ, бросались въ рѣку, но не утопились подобно своимъ отчаяннымъ товарищамъ, а, спрятавшись въ тростникахъ, сидѣли тамъ до тѣхъ поръ, пока русскіе не отошли; потомъ благополучно перешли черезъ рѣку вплавъ и соединились со своими. Удачно избѣжали бѣды и козаки, которые не успѣли прежде переправиться: они, какъ только завидѣли русскихъ, тотчасъ пустились бѣжать въ широкую безпримѣтную степь; она многимъ изъ нихъ была извѣстна, а русскіе не осмѣливались искать ихъ тамъ, какъ въ морѣ.

Переправившись черезъ Бугъ, слѣдовало идти въ Бендеры. Путь лежалъ вблизи Чернаго моря вдоль Днѣстра. «Мы думали, — говоритъ шведскій описатель этого послѣдняго путешествія Карла съ Мазеной, — что теперь наши неудобства кончились, мы будемъ проходить черезъ жилия мѣста, находить вездѣ пріютъ и средства содержанія. Но еще не пришелъ конецъ всѣмъ нашимъ печалямъ. Опять пустыня, зной, томительная жажда, бессонница». Теперь, правда, бѣглецамъ было что ѣсть, потому что за ними изъ Очакова ѣхали торгаши съ съѣстными припасами; они хотя были не высокаго достоинства и продавались по высокимъ цѣнамъ, но все-таки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпѣть голодъ, какъ прежде. Нѣкоторые закупили себѣ въ Очаковѣ крытыя войлокомъ повозки въ одну лошадь, и такія повозки служили имъ для спасенія отъ зноя, а ночью для спанья. Въ нихъ сберегали они себѣ и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близъ Очакова. Въ это время Карлъ отправилъ въ Константинополь нѣмца Нейгебауэра, который служилъ нѣкогда въ Московскомъ Государствѣ, былъ въ приближеніи у царя, училъ его сына, а потомъ перешелъ къ

шведамъ. Король вручилъ ему письмо къ падишаху. Въ этомъ письмѣ король сообщалъ о своемъ несчастіи, просилъ дать ему убѣжище въ султанскихъ владѣніяхъ и оказать содѣйствіе къ возвращенію въ отечество черезъ Польшу. О полтавскомъ поражениіи и о бѣгствѣ шведовъ падишахъ уже зналъ отъ аги, бывшаго недавно у шведскаго короля и скоро побѣжавшаго домой, чтобъ извѣстить своего гоеударя о томъ, что случилось подъ Полтавою.

На другой день послѣ отправки Нейгебауэра (23 іюля новаго стиля) пріѣхалъ къ Карлу отъ сераскира посланецъ изъ Бендеръ. Сераскиръ писалъ королю разныя мудрыя утѣшенія и приглашалъ въ Бендеры. Онъ присылалъ королю въ даръ разныя турецкіе товары и между прочимъ превосходный шатеръ, въ чемъ дѣйствительно король нуждался. Крымскій ханъ прислалъ Карлу въ подарокъ коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарилъ обомъ посланцамъ—и ханскому и сераскирову—по тысячѣ червонцевъ.

Послѣ продолжительнаго и спокойнаго пути по знойной акерманской степи, полтавскіе недобитки достигли, наконецъ, Бендеръ 1 августа (10 новаго стиля). Тамъ королю сообщили, что царь посылалъ просить падишаха не принимать подъ свое покровительство измѣнника Мазепу, а выдать его царю. Падишахъ отвергъ такое домогательство. У мугамеданъ считалось противнымъ Корану выдавать тѣхъ, которые, будучи гонимы судьбою, прибѣгаютъ подъ ихъ покровительство. Царскій посолъ Толстой напрасно предлагалъ великому муфтію 300.000 талеровъ за содѣйствіе къ выдачѣ Мазепы. Два раза сряду была повторена царемъ такая просьба къ падишаху (іюля 10-го и 27-го стараго стиля). Подобное предложеніе даръ сдѣлалъ и своему сопернику. Пока была надежда поймать бѣжавшаго изъ-подъ Полтавы шведскаго короля, Петръ задержалъ присланнаго къ нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперникъ перебрался въ турецкія владѣнія, царь отпустилъ Мардефельда и бывшаго въ плѣну королевскаго секретаря Цедергельма и поручилъ имъ словесно сообщить шведскому королю, что онъ, царь, готовъ заключить миръ, если Карлъ уступитъ ему всю Ингрію, Карелію съ городомъ Выборгомъ, Эстляндію съ городомъ Ревелемъ и Лифляндію, признаетъ Августа польскимъ королемъ и выдастъ царю измѣнника Мазепу. Такія условія были сообщены Карлу въ Бендерахъ. Король отвергъ ихъ и особенно раздражился за требо-

ваніе выдать Мазепу. Въ такомъ смыслѣ онъ послалъ протестъ свой графу Пиперу, находившемуся въ плѣну. Когда Петру сообщили этотъ протестъ, онъ замѣтилъ, что его требованіе относительно выдачи Мазепы таково, каково было требованіе Карла отъ Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желаніе гнѣвнаго царя во что бы то ни стало добыть въ свои руки павшаго измѣнника окончательно потрясло старика. Его жизненныя силы и безъ того уже были такъ надорваны послѣдовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная въ бѣдахъ, козацкая натура, чтобы эти силы еще держались. Теперь онъ окончательно исчезли. Сераскиръ принялъ Мазепу ласково, сообщилъ ему, что падишахъ приказывалъ беречь его; но Мазепа хорошо зналъ нравы и обычаи мусульманскаго Востока. Онъ зналъ, что при оттоманскомъ дворѣ червонцы пользуются громаднымъ могуществомъ. Если Петръ, котораго Мазепа зналъ всегда бережливымъ, не щадилъ уже большихъ суммъ единственно изъ-за того только, чтобы добыть хилаго старика въ свои руки, то Мазепа могъ опасаться, что еще два-три такихъ настойчивыхъ домогательства, сопровождаемыхъ подарками, и Диванъ прикажетъ его выдать. Этотъ страхъ ускорилъ разрушеніе одряхлѣвшаго организма. Съ прибытія своего въ Бендеры Мазепа уже не покидалъ постели и съ каждымъ днемъ угасалъ все болѣе и болѣе. Онъ умеръ 22 августа. Распространяли слухъ, будто онъ, отъ страха быть выданнымъ Петру, отравилъ себя ядомъ, но это извѣстіе не имѣетъ за собою никакой исторической достовѣрности. Его опустили въ землю недалеко отъ королевскаго стана въ Варницѣ, близъ Бендеръ ²³⁾. Но спустя немного времени перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественныя похороны, описанныя современниками. Карлъ присутствовалъ при погребеніи своего союзника. Впереди погребальнаго поѣзда играли королевскіе трубачи; гробъ обитый краснымъ бархатомъ съ широкими золотыми позументами везли на повозкѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. По обѣимъ сторонамъ его шли рядами козаки съ обнаженными саблями. Передъ гробомъ гетманскій бунчужный несъ гетманскую булаву, блиставшую жемчугомъ и драгоценными камнями. За гробомъ шла толпа малороссіянокъ, послѣдовавшихъ за мужьями и родными, приставшими къ гетману: по народному обычаю онъ го-

²³⁾ Бантышъ-Каменскій: „Исторія Малой Россіи“, т. III, стр. 116.

лосили и кричали. Сзади за ними ѣхали верхомъ два тогдашніе претендента на гетманство: неизмѣнный товарищъ и довѣренный Мезепы Орликъ и болѣе всѣхъ родственно-любимый покойникомъ его племянникъ Войнаровскій. За ними слѣдовали всѣ старшины. Козаки шли съ опущенными внизъ знаменами и оружіемъ; гробъ малороссійскаго гетмана опустили въ могилу, приготовленную въ церкви, находившейся за городомъ, и козаки, въ знакъ почести, въ эту минуту дали залпъ изъ своихъ мушкетовъ.

Въ Малороссіи составилось преданіе, сохранившееся до сихъ поръ, будто Мазепа не умеръ и не былъ погребенъ въ Молдавіи, а для вида устроили тамъ фиктивные похороны; самъ же бывшій гетманъ тайкомъ пробрался въ Кіевъ, принялъ иночество, а потомъ схиму въ Печерской Лаврѣ подъ чужимъ именемъ и тамъ окончилъ дни свои въ покаяніи. Эта легенда, переходившая изъ устъ въ уста, не подтверждается никакими фактами и соображеніями, также точно какъ и анекдотъ, сообщенный фальшивою исторіей Конискаго, будто Мазепа передъ смертію приказалъ принести къ себѣ свои бумаги и сжегъ ихъ съ тѣмъ, чтобы не открылось участіе въ его замыслѣ такихъ лицъ, о которыхъ никому и въ голову не приходило. «Пусть,—говоритъ онъ,—я одинъ буду несчастенъ; я хотѣлъ счастья своему отечеству, но судьба рѣшила иначе на непредвидѣнный конецъ».

О послѣднихъ минутахъ гетмана не осталось намъ достовѣрныхъ извѣстій. Мазепа оставилъ послѣ себя 160.000 червонцевъ, изъ которыхъ король взялъ себѣ 40.000 въ займы; но другимъ извѣстіямъ²⁴⁾, Карлъ еще прежде занялъ у Мазепы 240.000 талеровъ, обѣщая въ случаѣ кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало поводъ къ извѣстію совершенно легендарнаго свойства, будто Мазепа, собираясь приставать къ шведамъ, послалъ Карлу 30 возовъ наполненныхъ золотыми и серебряными монетами²⁵⁾. Какъ бы то ни было, Мазепа успѣлъ увезти съ собой въ изгнаніе и оставить послѣ своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромнаго богатства, которое онъ пріобрѣлъ въ Украинѣ во время своего гетманства, благодаря щедротамъ искренно любившаго его Петра. Всѣ его имѣнія—и жалованныя, и купленные—были конфискованы. Множество движи-

²⁴⁾ Scherera: „Annales de la Petite Russie“, I, 226. — Engel: „Geschichte der Ukrain“, 322.

²⁵⁾ Ричельманъ: „Лѣтопися. повѣств. о Малой Россіи“, т. III, стр. 99.

маго имущества и принадлежавшихъ ему денежныхъ суммъ отнято русскими. Все нажитое имъ и правыми и кривыми способами пошло прахомъ, какъ и всё его планы, замыслы и затѣи ²⁶⁾).

Послѣ смерти Мазепы, по волѣ короля, казаки должны были выбрать себѣ новаго гетмана. Но голоса раздѣлились. Два соперника стали одинъ противъ другаго: Орликъ и Войнаровскій. Споръ между ними доходилъ до того, что Орликъ подозрѣвалъ у Войнаровскаго замыслы на свою жизнь ²⁷⁾). Тогда выдвинулся еще третій претендентъ—прилуцкій полковникъ Горленко, свойственникъ Мазепы по женѣ послѣдняго *). Однако избранъ былъ Филиппъ Орликъ, такъ какъ ему покровительствовалъ король шведскій, прежде расположенный къ Войнаровскому, но потомъ увидавшій, что Войнаровскаго за молодостью не хотятъ выбрать. Новаго гетмана въ его званіи могли признавать только одни чужіе люди—шведы, да немногіе казаки, которые находились съ нимъ въ изгнаніи, такъ какъ во владѣніи у него не было ни одного сажня козацкой земли ²⁸⁾).

Гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи. Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Полякъ по воспитанію и приемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, поддѣлываясь, какъ мы видѣли, къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни передъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будетъ сказать, что это была воплощенная ложь. Онъ лгалъ передъ всѣми,

²⁶⁾ Fryxel, нѣм. перев., ч. I, стр. 186—211.—Adlerfeld, нѣм. перев., ч. III, стр. 298—342. Дневникъ, приложенный къ сочиненію Адлерфельда.—Nordberg, француз. перев., ч. III, стр. 322—339.—Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 118 и 166.—„Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго“, т. XVI, стр. 20—44.—Рышельманъ, ч. III, стр. 83—84, 96—97.—Бантишъ-Каменскій: „Исторія Малой Россіи“, т. III, стр. 115—116. Примѣч., стр. 157 и 158.

²⁷⁾ Письмо Орлика.

*) Starszyzna Kozacka znajduje się z żonami i z dziećmi in continuo planctu do swojej ziemi, nie mają się po co kwapić znając rygorem cara, a bardziej justitiae. Kozarzyła się elekcyja hetmańska na miejsce Mazepy, posłał był na to i król szwedzki votum na Wojnarowskiego siostrzeńca Mazepy, ale kozactwo starszyzna nie pozwoliła na to dando rationem: młodość na hetmaństwo. Horlenka tedy półkownika przyłuckiego obrać suadeband, ale u ta konkordancya ustała, a to z tej przyczyny Kiedy uważali że nie mają żadney nadziei od Porty... (Ручкопись Импер. Публ. библ. Польская, folio. № 39, стр. 126. Письмо Тургута къ воеводѣ Бельзскому въ февралѣ 1710 года).

²⁸⁾ Fryxel, нѣм. пер., ч. I, стр. 222.

всѣхъ обманывалъ—и поляковъ, и малороссіянъ, и царя, и Карла, всѣмъ готовъ былъ дѣлать зло, какъ только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться изъ опасности. Онъ воспользовался существовавшимъ у малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность и обманывалъ старшинъ, будто у него планъ—приобрѣсть для Украины самостоятельность. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ его тайный договоръ съ Лещинскимъ, онъ думалъ отдать Украину подъ власть Польши,—иначе сказать, онъ въ старости дѣлалъ то, что дѣлалъ въ юности, когда король Янъ-Базмиръ посылалъ его агентомъ въ Украину проводить планъ возвращенія этого отпавшаго отъ Польши края къ прежнему господству. Онъ и не могъ добиваться передъ королями шведскимъ и польскимъ независимости Украинѣ: Станиславъ, какъ польскій король, не могъ и не долженъ былъ отрекаться отъ наслѣдственныхъ правъ Рѣчи Посполитой на Украину; притомъ самъ Мазепа зналъ хорошо, что народъ, ненавидѣвшій его, не будетъ повиноваться новой династіи, которая должна была бы начаться съ него, Мазепы. Онъ благоразумно выговаривалъ себѣ владѣніе въ бѣлорусскомъ краѣ, а Малороссію отдавалъ на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы съ поляками, еслибы Украина поступила подъ польскую власть: это Мазепа зналъ по опыту, разыгравшемуся уже въ правобережной Украинѣ. Но ему не жаль было того народа, у котораго онъ за 20 лѣтъ своего правленія не могъ приобрести любви. Что онъ только обманывалъ своихъ малороссійскихъ соумышленниковъ призракомъ независимости, а на самомъ дѣлѣ собирался ввергнуть ихъ со всею странюю въ рабство—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и Петръ, обличавшій въ томъ Мазепу передъ всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ совершенно правъ; шведскій историкъ, королевскій секретарь, близко стоявшій къ дѣлу и лично видѣвшій Мазепу, сообщаетъ о его коварномъ замыслѣ, безъ всякой задней цѣли чернить новаго шведскаго союзника. Недовѣрять этому источнику нѣтъ никакого основанія. Ясно, что Мазепа не измѣнилъ бы царю Петру, еслибы не показалось ему, что, такъ сказать, акціи царя падаютъ, а акціи Карла поднимаются. Карлъ заставилъ Августа отречься отъ польской короны, Карлъ ограбилъ Саксонію контрибуціями; польскіе паны одинъ за другимъ спѣшили признавать королемъ Станислава; государства европейскія присылали Карлу поздравленія и благожеланія.

Карлъ собирався иди расправляться съ царемъ. Между тѣмъ въ царской державѣ происходили внутреннія смуты, а царскія войска терпѣли отъ шведовъ и поляковъ пораженія за пораженіями. Уже царь трепеталъ даже за свою столицу и собирався увозить оттуда всё драгоцѣнности, чтобъ онѣ не попали въ руки враговъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ эгоистъ-гетманъ не задумался измѣнить своему благодѣтелю и, конечно, думалъ, что онъ совершаетъ актъ мудрой и проницательной политики. Но не прошло и мѣсяца, какъ Мазепа увидалъ, что онъ ошибся. И большинство козаковъ, и весь малороссійскій народъ—все пошло не за него, а противъ него. Думая оказать важную услугу царскому непріятелю, онъ причинилъ ему только зло. И что же?—Не задумался Мазепа измѣнить и своему свѣжему союзнику, замышляя онъ, какъ мы видѣли, купить его гибелью свое примиреніе съ оскорбленнымъ царемъ. Никогда во всю свою жизнь не проявилъ себя этотъ человекъ во всей полнотѣ, какъ въ этомъ новомъ замыслѣ. Но коварство не удалось. Нить, которую онъ началъ вести такъ осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось, вѣстѣ съ подведеннымъ въ бѣду герою, отважиться на конечную гибель...

Во всей русской исторіи ни одно сраженіе не имѣло такихъ важныхъ послѣдствій, какъ полтавское, и ни одно, исключая развѣ Буликовской битвы, не отпечатлѣлось до такой степени въ народной памяти. Церковь русская осватила его на вѣки ежегоднымъ воспоминаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ счастье для русскаго государства было неизмѣримое. Честь Русской державы вырвана была изъ бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмѣрно велика. Еслибы, какъ того надѣялся Карлъ, малороссійскій народъ прельстился обольщеніями своего гетмана и слагою сѣвернаго побѣдителя, Петру ни за что бы не сладить съ своимъ соперникомъ. И если кто былъ истиннымъ виновникомъ спасенія Русской державы, то это—малороссійскій народъ, хотя эта сторона дѣла не выставлялась до сихъ поръ исторіею въ настоящемъ свѣтѣ. Въ послѣднее время много было говорено о внутреннемъ смыслѣ, какой проявляетъ масса народная въ важныя минуты своего историческаго бытія. Нигдѣ эта истина не явилась такъ наглядно, какъ въ эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы въ тѣ времена народъ малороссійскій питалъ какою-то привязанностью къ Русской державѣ и къ соединенію съ «москалями»; напротивъ, мы на каждомъ шагу натыкаемся, такъ ска-

зять, на факты взаимнаго недружелюбія и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народъ малороссійскій не сознавалъ своей народной личности и не желалъ національной независимости. Много было условій, дѣлавшихъ возможнымъ отпаденіе малороссіянъ отъ вѣрности къ русскому царю. И однако вышло не то. Народъ инстинктивно почувялъ ложь въ тѣхъ призракахъ свободы, которые ему выставляли. Онъ уже и прежде лучше самого Петра и его министровъ раскусилъ своего гетмана, считалъ его лихомъ, готовымъ измѣнить царю съ тѣмъ, чтобы отдать Украину въ рабство Польшѣ. Никакія увѣренія измѣнника, никакія живыя обвиненія, разсыпавшя имъ на московскія власти, не переимѣнили къ нему народной антипатіи. Народъ инстинктивно видѣлъ, что его тянутъ въ гибель, и не пошелъ туда. Народъ остался вѣренъ царю, даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто оттого, что изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее. Какъ бы ни тяжело было ему подъ гнетомъ московскихъ властей, но онъ по опыту зналъ, что гнетъ польскихъ пановъ сталъ бы для него тяжелѣе. Подъ русскою властію по крайней мѣрѣ оставалось для него всегда духовное утѣшеніе—вѣра его отцовъ, которую никакъ уже не могли бы попираить «москаля», какъ бы ни относились они ко всѣмъ остальнымъ народнымъ правамъ. Этого одного уже было достаточно.

Между тѣмъ послѣдующая исторія показала, что русская власть, еще менѣе чѣмъ русскіе историки, оцѣнила въ этомъ дѣлѣ здравый смыслъ малороссійскаго народа и заслугу, оказанную имъ Русскому Гоеударству. Измѣна Мазепы ни въ какомъ случаѣ не могла падать на малороссійскій народъ, который въ продолженіе двадцати лѣтъ такъ не любилъ этого гетмана, что послѣдній долженъ былъ охранять свою особу великороссійскими стрѣльцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссійскому народу слѣдовало быть совершенно изъятымъ отъ пятна, павшаго на Мазепу: народъ за Мазепой не пошелъ. Память о Мазепѣ не испарилась совершенно въ народѣ, но осталась никакъ не въ привлекательномъ видѣ. Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ—это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человекъ, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Болѣе всего сохранилась въ народной памяти его борьба съ Палѣемъ: Мазепа хочетъ самъ свергнуть царя съ престола и клевететь на Палѣя. Палѣя ссылаютъ, или засажива-

ють въ тюрьму, но скоро отъкрывается злоба «проклятой Мазепы». Палѣй, хотя уже дряхлый старикъ, получаетъ свободу и побѣждаетъ Мазепу. Самая полтавская побѣда, по народному міровоззрѣнію, приписывается Палѣю. Однако измѣна Мазепы оставила надолго, если не на вѣки, подозрѣніе русскихъ властей на малороссійскую народность. Во все остальное царствованіе Петра въ отношеніи къ Малороссіи замѣчалась осторожность, переходившая неоднократно въ насиліе. Преемникъ Мазепы Скоропадскій былъ до того стѣсненъ недовѣрчивостію верховной власти, что долженъ былъ терпѣть нарушеніе своихъ правъ, предоставленныхъ ему закономъ. Послѣ кончины его, одно только вполне справедливое и законное ходатайство о выборѣ новаго гетмана повергло Полуботка съ его товарищами въ заточеніе и повело къ устройству фальшиваго отзыва будто бы отъ всего народа о нежеланіи имѣть гетмана *). Потомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ заставляли Малороссію управляться безъ выборныхъ властей при посредствѣ особо учрежденной малороссійской коллегіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ великороссійянъ, мало знакомыхъ съ малороссійскимъ бытомъ и языкомъ. Появленіе избраннаго гетмана въ особѣ Апостола было только короткимъ промежуткомъ. Такъ было до избранія въ гетманы Разумовскаго, при императрицѣ Елисаветѣ, которая, однако, только по особому расположенію къ семейству Разумовскихъ, новидимому, оказала уваженіе къ стариннымъ формамъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, русская государственная политика нашла окончательно несообразнымъ съ своими видами удерживать отдѣльное гетманское устройство. Оно дѣйствительно имѣло рядомъ съ хорошими сторонами и нѣкоторыя отжившія, требовавшія вѣрныхъ измѣненій. Но предприняты ли были такіа измѣненія въ пользу народа? Если и были, то мало,—напротивъ, изъ видовъ политики, принято было извѣстное правило: *divide et impera*. Опасались, чтобъ уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смуть, и, вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, всегда бываетъ язвою тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Поспольшество заврѣпоцается во власти этого новоизмышленнаго дворянства, и такимъ образомъ народъ разбивается на два сословія, противополо-

*) Мои „Историческія монографіи“, т. XIV, статья: „Павель Полуботокъ“.

ложныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемые какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей они узаконились и Малороссія, наравнѣ со всею остальною Россіей, подверглась надолго всей мерзости крѣпостничества, отъ котораго облегчилась только въ недавнее время. Кромѣ того, въ великорусскомъ народѣ измѣна Мазепы, несмотря даже на царскіе указы, объяснявшіе непричастность малороссійскаго народа къ поступку бывшего когда-то гетмана, не забывалась — и память о ней набрасывала всячески тѣнь на всѣ грядущія поколѣнія. Великороссіянинъ, разсердившись на малороссіянина, первымъ дѣломъ считаетъ помянуть Мазепу, и выраженіе: хохоль-Мазепа—остається во всей силѣ до нашего времени. Даже въ послѣднее, близкое къ намъ, время, чему, какъ не памяти о Мазепѣ и его измѣнѣ, можно приписать гоненіе на «украинофиловъ», — подозрѣніе, что въ намѣреніяхъ дать малороссійскому народу воспитаніе съ сохраненіемъ своей рѣчи и своей индивидуальности, въ стремленіи поднять путемъ литературной обработки родное нарѣчіе малороссійскаго края—кроется какое-то тайное политическое измышленіе—вредное для государственной цѣльности Русской имперіи? Все это—прямое послѣдствіе не вполне понятаго администраціей и литературой отношенія малороссійскаго народа къ самому себѣ и къ своимъ сосѣдямъ въ эпоху Мазепы. Если въ тѣ времена, когда дѣйствительно поступки московскихъ властей возбуждали въ народѣ возможность стать враждебно къ Русской державѣ, народъ этотъ изъ инстинктивнаго чувства остался вѣренъ этой державѣ, то невозможно подозрѣвать что нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что ихъ расторженіе уже немыслимо въ силу освященнаго опытомъ сознанія обоюдной пользы ихъ соединенія.

Н. Костомаровъ.

ТРУДЪ И ОТДЫХЪ.

Разсказъ изъ нижеволжскаго быта.

I.

Надъ недалекой Астраханью, раскинувшейя по пологимъ холмамъ южнаго горизонта, стоитъ не совсѣмъ раннее утро послѣднихъ дней мая. Послѣ восхода солнца прошло уже часа три и металлическій звукъ тыпанья топоровъ, жесткій стукъ молотка по широкой шляпкѣ шпигора, храпъ и сопѣнье пилъ, визгъ и свистъ рубанковъ, покрываемые звонкимъ сухимъ гуломъ перекладываемаго и кидаемаго дерева—дровъ, тѣса, подтоваринъ, рѣшетинъ, верехъ и балочника,—весь этотъ дикій деревянный хоръ, пересыпаемый речитативомъ людскихъ голосовъ, давнымъ-давно стоитъ въ воздухѣ надъ правымъ берегомъ широкой Болды *). Она только - что отдѣлилась отъ матери Волги и залита солнцемъ. Лѣсныя пристани покрываютъ правый берегъ ея, начиная съ истока,—съ мыса, разъединяющаго ее и Волгу. Довольно своеобразное зрѣлище представляютъ собою эти пристани города, недавно еще бывшаго портовымъ.

Вся торговля лѣсомъ, часть судостроенія и даже мелкаго крестьянскаго домостроенія смѣшиваются тутъ, разнообразя общее впечатлѣнiе.

Гигантскія, широкія, золотистыя бѣлны, колоссально и тѣсно нагруженныя лѣсомъ и дровами, высокія, точно деревянные бастионы и крѣпостцы древней Руси, жмутся къ самому берегу или, тихо и тяжело колеблясь, поскрипываютъ на близкой Волгѣ, между черными парусными судами, точно бѣлны, крупныя, тяже-

*) Болда—рукавъ Волги, откидывающійся влѣво, версты за двѣ выше Астрахани.

лыя птицы-бабы среди стаи черныхъ баклановъ. У пристаней грузятся лѣсомъ рыбницы и морскія ловецкія лодки: кладутъ бревна, тесъ и дрова для ватагъ и ловецкихъ селъ дельты и прибрежій моря; бѣлыя каспійскія шкуны персовъ, армянъ и русскихъ чинятся, конопатятся и красятся, скрещенныя у берега, и строятся на берегу.

Далѣе, за валомъ *) , ограждающимъ пристани отъ высокихъ вешнихъ водъ, тѣсно и высоко скученъ лѣсной матеріалъ всевозможныхъ видовъ, сортовъ и именованій, начиная съ легкаго бондарнаго и подѣлочнаго и кончая огромными деревьями строеваго. Высокая, кубообразная кладка образуетъ цѣлый лабиринтъ въ кварталахъ этого деревяннаго города, съ узкими пролетами, глухими переулками и проѣзжими дорогами, необходимыми для вывозки. Длинные ленты обручей и пирамиды черныхъ угольныхъ кулей тамъ и сямъ выдѣляются на общемъ блѣднозолотистомъ фонѣ древесной массы. Впереди, ближе къ берегу, почти на каждой пристани, кучками, стоятъ еще безлюдныя домики, безъ оконъ и дверей, сверкающіе чистотою и дѣвственностью новизны, плачущіе янтарными слезами смолы и обдающіе живительнымъ, бодрящимъ запахомъ родной верховой хвои. Готовыя избы для сельскаго промысловаго люда. А въ глубинѣ, за лѣснымъ лабиринтомъ, виднѣются пристанскія конторки и строенія, съ мачтами и флюгарками, снятыми съ бѣлянь, давно уже потемнѣвшія и будничныя, засаленныя присутствіемъ человѣка, точно старыя, измятыя жизнью, увядшія лица, позабывшія о своей виѣшности. Въ довершеніе гула и стука, царящихъ кругомъ, изъ маленькаго домика-конторки, торчащаго на верху одной изъ бѣлянь, у пристани, несется тоже храпъ, сопѣнье и присвистъ, точно тамъ тоже кто-то работаетъ. Несмотря на то, что производится инструментомъ, носящимъ названіе человѣческаго носа, храпъ этотъ мало чѣмъ уступаетъ любой изъ рабочихъ пилъ. Въ единственной горенкѣ домика-конторки, на самодѣльномъ ложѣ, наглухо пришитомъ (прикрѣпленномъ гвоздями) къ стѣнѣ — не то нарахъ, не то кровати — спитъ богатырскимъ сномъ дебѣлый, румяный, откормленный малый, разметавшійся отъ духоты тѣсной, низкой горенки.

*) Такимъ валомъ отъ половодья окруженъ весь городъ, но очень небрежно, такъ что въ большія воды валъ почти всегда гдѣ-нибудь прорывается, причемъ обыкновенно терпятъ низменные части города и, разужьется, бѣдный людъ, ихъ населяющій.

Несмотря на испарину, давно смочившую курчавыя бѣлогурья пряди волосъ, и стан мухъ, облѣпившія широкораскрытый ротъ и вѣки спящаго, сонъ его продолжался бы вѣроятно долѣе, еслибы въ эту минуту въ городъ не ударили къ раннимъ обѣднямъ. Спящаго точно толкнулъ этотъ звукъ — голосъ жилого мѣста. Онъ открылъ глаза, бессмысленно уставилъ ихъ въ низкій потолокъ и потянулся, зѣвая и грестя ротъ.

Прошло нѣсколько минутъ тихаго, бессмысленнаго столбняка. Проснувшійся лежалъ безъ движенія, уставя глаза на одну точку и тяжело дыша, пока нестерпимая духота не вывела его изъ сладкаго, лѣниваго одеревенѣнія. Наконецъ, спустивъ большія боссы ступни съ кровати, онъ тяжело застучалъ ими по легкому деревянному полу и, отдернувъ занавѣску, быстро распахнулъ настѣжь одно изъ маленькихъ оконъ. Волны влажнаго, свѣжаго утренняго воздуха хлынули снаружи, веселый блескъ позлащенной воды полоснулъ по заспаннымъ глазамъ. Онъ прищурился и тяжело опустился на складной рѣшетчатый стулъ, раздвинутый въ видѣ буквы X, захлебываясь чистымъ воздухомъ во всю ширину разгоряченной груди.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на тихое раздолье Болды, на лѣсокъ на противоположномъ берегу и прислушивался къ суетѣ работы, кипѣвшей на бѣлянѣ. Выгрузчики, съ носилками въ рукахъ или на плечѣ, съ ношами дровъ или пустые, сновали взадъ-впередъ, перекидываясь шутками, наивно грубыми остротами и мѣткими замѣчаніями, иногда совсѣмъ непечатнаго свойства. Слышался хохотъ, точно легкую работу работали они, когда знакомый голосъ возбудилъ вниманіе слушателя. Онъ высунулся въ оконце и крикнулъ:

— Семенычъ!... Эй, Семенычъ!

— Чево изволишь, Прохоръ Тимоѣичъ?—послышался густой, грубоватый голосъ подъ окномъ.

— Дагось харю сплеснуть... Да самоваръ бы... Экъ я проспалъ! Обѣдни раннія...

— Я ужъ заглядывалъ, да спишь, вижу... Сейчасъ, сейчасъ наставлю и воды зачерпну—мигомъ!

Минуть черезъ пять, въ низенькой двери конторки показалась темная, курчавая голова согнувшася вдвое высокаго мужика, настоящаго русскаго богатыря по сложенію и образу. Въ одной рукѣ онъ держалъ ведро съ водой, въ другой—ковшъ,

которымъ наполнилъ черный двуносный умывальникъ, висѣвшій надъ новою лаханью, въ углу.

— Што, выгружаютъ?—обратился Прохоръ Тимоеичъ къ вошедшему, готовясь умыться и засучивая рукава розовой ситцевой рубахи.

— Эва!... Со свѣтомъ начали.

— Много еще въ бѣлянѣ-то?—продолжалъ допрашивать плескавшійся около черного двулицаго Януса, клевавшего носами.

— Мало ли добра въ бѣлянѣ,—али ее скоро проберешь?... Половины еще не выгрузили.

— Какъ же быть-то, а? Посудину-то я просваталъ, только къ сроку штобы, а то покупателя упустишь,—не переставалъ умывшійся, утиравшій красное влажное лицо грязнымъ, грубымъ утиральникомъ, сорваннымъ съ гвоздя.

— Срокъ-отъ дологъ ли?

— Да дѣнь десять, полторы недѣли договаривались. Праходъ *) у нихъ на промыселъ идетъ,—взять штобъ.

Богатырь покачалъ кудрявою головой.

— Ты што, Прохоръ Тимоеичъ, рази успѣешь экую машину кончить?... Тутъ и лошадьми не вывозишь, а не то што въ-рушную.

— Еще бортъ пропиляжь **), народу прибавимъ.

— Да, какъ хошь, не успѣешь... Мѣсто не дозволить. Не въ мѣру много народу поставить — другъ другу только мѣшать стануть... Толкотня одна!

— Ну, ужъ, какъ-никакъ, а сдѣлать надо. Не покупателя изъ этого упускать... Опослѣ не довелось бы на мели сидѣть да хѣрчиться—у моря погоды ждать... А покупатель хорошій и деньги хошь сейчасъ бери.

— Не знаю ужъ, какъ будемъ... Ай задорого пошла статья-то?

— Безъ Кати двѣ тыщи надавали... Можетъ и всѣ двѣ настою. Ко времени дѣло-то, главное,—прибавятъ сотельную-то.

— Цѣна, пуцай, ладная, да, вотъ, какъ со срокомъ-то быть...

— Чево тутъ! Чай не впервой съ бѣляной-то слышли. Ну, на аккордъ отдадимъ, на срокъ; цѣну-то за выгрузку прибавить

*) Праходъ—исковерканное *sergovymi* (по Волгѣ) слово пароходъ.

***) Для выгрузки бортъ бѣяны къ берегу пропиливаютъ, причемъ образуется отверстiе въ видѣ воротъ, черезъ которые и производится выгрузка, иначе немислямая по причинѣ высокихъ бортовъ.

доведется—пёсь ихъ дери!... Однако, вотъ што, время не терпитъ,—веди давать самоваръ-то, а самъ кого посмышленѣе изъ выгрузчиковъ волоки сюда: потолкуемъ,—можетъ, сладимся.

Высокій, кудрявый богатырь опять согнулся вдвое и исчезъ за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ, на столигѣ межъ окнами, пыхтя, шипя и наполняя комнату бѣлымъ паромъ, улетавшимъ въ окно, кипѣлъ маленькій самоваръ. Въ теченіе этого времени Прохоръ обулся, облекся въ единственный верхній костюмъ — жилетъ, заварилъ чай и поставилъ чайникъ на бурлившій самоварчикъ, напоминавшій собою Крыловскую моську,—такъ онъ кипятился.

На порогѣ показались двое выгрузчиковъ въ сопровожденіи Семеныча.

Одинъ былъ небольшой, коренастый парень, съ восточнымъ типомъ и черными, иногда жестоко сверкавшими, плутовскими глазами; другой сильно смахивалъ на здоровеннаго отставного гвардейца, которымъ и былъ въ дѣйствительности, пока не попалъ въ число штрафованныхъ. Усы, бритая борода и своеобразный казарменный говоръ и ухватки тотчасъ выдавали его. Добродушіе, юморъ и кабая-то безшабашная веселая откровенность свѣтились въ глазахъ, замершихъ на прикащикѣ, по привычкѣ когда-то замирать на всякомъ начальникѣ, съ тою впрочемъ разницею, что теперь бездна молчаливой ироніи глядѣла изъ нихъ, вмѣсто выраженія прежняго страха. Это сразу располагало къ нему. Оба были достаточно обтрепаны, обдерганы и плохо обуты.

— Сказывалъ ты имъ? — обратился Прохоръ къ Семенычу, тщетно прождавъ привѣтствія пришедшихъ, и, несолоно хлебнувъ, подсѣлъ къ самовару.

— Ничего не говорилъ. Посмышленѣе только коихъ спросилъ въ артели. Вотъ привелъ,—самъ перетолкуешь.

— Ну, такъ вотъ што, ребята, — обратился прикащикъ къ смышленнымъ:—выгрузка-то у насъ не спорится быдто...

— Какъ же такъ—не спорится? Какой еще выгрузки? Бажись, ходомъ идетъ. Для себя работаемъ, сами знаете,—запротестовалъ восточный типъ, чисто говоря по-русски и съ нѣкоторымъ изумленіемъ, потому что выгрузка дѣйствительно шла ходомъ; но прикащику нужно было упрекнуть ее только для того, чтобы не приступить къ дѣлу прямо и не переплатить за свою торопливость.

— Одно слово, по командѣ работаемъ, ваше степенство, ровно на штурмъ—разъ, два, три, чтобы... деньги и—маршъ въ кабакъ! Вотъ какъ!... Скучился чай объ насъ, сердешный,—улыбаясь, весело отрапортовала служивый.

— Вотъ, то-то, объ кабакъ больше думаете, а не о дѣлѣ,—наставительно замѣтилъ прикащикъ, хотя самъ оттого и проспалъ, что накануне, просватывая бѣлянну, потерялъ счетъ выпитому и сейчасъ еще ощущалъ трескъ, круженіе и боль въ головѣ.

— Точно-што, куонецъ почтенный, правое твое слово это, — хмуро и съ жестокимъ блескомъ въ глазахъ, вставилъ черномазый,—оттово у насъ и кишки-то свело на бѣлянѣ на твоей, што о кабакъ все думали, въ струнку вытягивали ихъ мало. Ты попытай, впрягись хошь на денекъ въ оглобли-то въ наши,—самъ о кабакъ думать станешь.

— Не на чужіе пьемъ, ваше степенство. Хребтомъ взяты, нутромъ вымотаны денежки-то. А безъ кабака намъ не жить... Надорваны мы, запалены, ровно походныя клячи въ степи... Пить—умереть и не пить—умереть!... Лучше ужь пить—умереть, ваше степенство,—съ ужасающимъ безшабашнымъ добродушіемъ засиѣлся солдатъ. — Хошь на-время отведешь сердце-то, — все мое.

— Ну, ну, ладно; знаемъ мы это, — слышали неоднократно... А вы вотъ што, объ дѣлѣ-то лучше толкуйте — какъ, то-есть, съ бѣляной-то управиться думаете.

— А кто-жъ ее знаетъ... Ишь въ ней добра-то понатискано... Недѣли чай на три хватить работы, и то управиться дай Богъ,—не торопясь и какъ бы соображая, отвѣтилъ черный.

— Ну, а если борть-оть еще выпилить, народу прибавить, усилить выгрузку, одно слово, тутъ какъ дѣло будетъ?

— Недѣли двѣ все, чай, потребуется... Пока дѣло, пока што—борть пилить, сходни класть, народъ припасти... Время-то идетъ.

— А поскорѣе еслибы?

— Не приведется скорѣе-то... Главное, не знаемъ мы, сколько остается въ ней, въ бѣлянѣ-то, — не сообразишь.

— Это какъ не сообразить, — у насъ видно. На погрузку выписна есть, а што выгружено, извѣстно,—сами знаете. Вотъ онъ все скажетъ вамъ, — мотнулъ на Семеныча головой Прохоръ.—А нельзя ли дѣнь въ десять штобы?—какъ бы раздумыва-

вая, обратился онъ къ стоявшимъ, хотя думать тутъ ему было нечего. — Аккордио не хотите ли — на срокъ, на десятый день штобы кончить, а?... Некогда мнѣ валандаться-то здѣсь. Козянъ пишеть, штобы торопиться — кончать, да и вверхъ. Не у чево тутъ проживаться-то...

Стояшіе переглянулись и почесали затылки, словно искали тамъ добраго совѣта и разрѣшенія своихъ недоумѣній. Они недоумѣвали, потому что хитрый прикащикъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о запродажѣ бѣляны, — тогда былъ бы разговоръ иной и рыться въ затылкѣ не потребовалось бы.

— Работа-то эта анаоемская, ваше степенство, не скоро на нее охотниковъ найдешь. Кому пробовать доводилось, знаетъ, какова она... Самая каторжная работа это, — какъ бы размышляя, произнесъ солдатъ, съ лица котораго однако не сходила беззаботно-веселая улыбка.

— А цѣна какъ?—серьезно полюбопытствовалъ черномазый.

— Што-жь цѣна! Извѣстно, набавлю... Вы о дѣлѣ-то толкуйте: можно ли?—а о цѣнѣ потомъ говорить будемъ. Сметните спервоначала, съ артелью столкуйтесь, народу припасите, тогда и приходите... Сойдемся, авось, въ цѣнѣ-то.

— Ты што, купецъ почтенный, кто-жь это тебѣ безъ цѣны, безъ договора, народъ припасать станеть? Аль ево безъ цѣны на такую работу возмешь?... Вѣдь тутъ тебѣ малость што не душу запродать приводится, ты то подумай!

— Да вы хошь промежь себя-то сговоритесь, черти! Еще подойдетъ ли линия-то?... Вѣдь ежели, къ примѣру, не выгрузишь ты мнѣ къ сроку, тогда за што я тебѣ набавлять буду, а?... Лѣшій, пра лѣшій! Чать эти дѣла-то по договору дѣлаются. Выгрузилъ къ сроку—получай набавку, не выгрузилъ — по старой цѣнѣ разочту... Ну, такъ ступайте — толкуйте, да живѣе, то-ли сѣ-ли... До обѣда не споетесь, другихъ кликну. Нынче што у насъ... середя?... Ну, такъ въ пятницу на той недѣлѣ кончить штобы.

— Какъ, въ пятницу?... Посчитай-ко, —въ субботу чай. Съ утрева рабочій день-то считать надо. Таперь куда повернуть день-то? Ни борть не выпилень, ни сходень нѣтъ, ни народа...

— Ну, ну, ладно, въ субботу, такъ въ субботу. Согласны будете, приходите, — да живѣй поторапливайтесь, коли што!

— Да ужь, вѣстимо, для себя стараться будемъ... Борть-отъ,

да сходни-то вели готовить. Идемъ, Иванъ Семенычъ, покажь, што у тебя тамъ, на остаткѣ-то.

Посѣтители исчезли и Прохоръ прилежно принялся за чай, отъ котораго раньше безпрестанно отрывался.

II.

Не мѣшаетъ узнать поподробнѣе, что значить взять выгрузку на аккордъ, къ сроку, и кто за нее обыкновенно берется.

Изъ предыдущей главы не трудно понять, что трудъ этотъ экстренный, каторжный, какъ понимаетъ его самъ рабочій, вынужденный обстоятельствами съ одной стороны и быстрымъ, и выгоднымъ заработкомъ—съ другой. Не даромъ онъ и предлагается по возвышенной цѣнѣ и производится съ упорствомъ, постоянствомъ и почти неестественнымъ напряженіемъ послѣднихъ силъ человѣка. Не даромъ и берется на себя почти только тѣмъ отребіемъ рабочей массы, которая равно готова рискнуть своей отпѣтой жизнью и въ кабацкѣ, и въ грязнѣйшемъ развратномъ домѣ, и въ темномъ уголовномъ дѣлѣ.

Въ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ и преимущественно на окраинахъ государства, въ городахъ благодатнаго юга, прививается и живетъ бездомная птица, не вьющая гнѣзда—видъ голаго пролетарія, стаи которой носятъ разнообразныя клички: золотой роты, воровской артели, босоногой команды, кабацкой голи и т. п.

Артель, работавшая на знакомой бѣлянѣ, очевидно, принадлежала къ числу подобныхъ корпорацій, къ роду такихъ бездомныхъ птицъ, привлеченныхъ нечистотою и падалью города, неизбежной въ борьбѣ за существованіе. Въ существѣ это былъ сбродъ, члены котораго соприкасались только въ темныхъ ночныхъ походахъ, въ кабацкихъ засѣданіяхъ и въ тяжеломъ ненормальномъ трудѣ, плоды котораго пропивались сообща. Тутъ были люди Богъ вѣсть откуда—кто съ борку, кто съ сосенки,—люди едва ли на самомъ дѣлѣ не забывшіе своего происхожденія. Тутъ встрѣчались и татаринъ, и нерсъ, и армянинъ, и отставной или бѣглый солдатъ, и чиновникъ; даже купцы попадались тутъ, переименованные въ Ивановъ, не помнящихъ родства.

Тѣмъ не менѣе было тутъ кое-что и общее: это — обычаи, часто теплые и гуманные, часто суровые, какъ драконовскіе за-

коны, по несомнѣнно выросшіе изъ вѣчнаго зерна правды. Не лицо создало ихъ, а цѣлый рядъ, жизнь цѣлаго ряда такихъ бездомныхъ птицъ. Лица мѣнялись, а традиции жили, росли и продолжаютъ жить, несмотря на новыя лица.

Кто могъ, умѣлъ и захотѣлъ бы войти въ эту сферу, чтобы познакомиться съ нею, приобрести ея довѣріе, только тотъ понялъ бы, какое тутъ обширное поле для наблюденія контрастовъ человѣческой природы, какой это неистощимый рудникъ для психолога, философа, поэта—искателей золота человѣческой души. Только дикой фантазіи доступно представленіе человѣка, стоящаго внѣ общественныхъ условій, выкидыша соціального чрева, не знающаго никакихъ узъ,—дикаго плотояднаго звѣря на просторѣ съ одной стороны—и наивнаго смѣющагося ребенка, юноши съ женственно-чуткими, тонкими инстинктами, мужа сильнаго духомъ, патріарха, полнаго ветхозавѣтной мудрой кротости и всепрощенія—съ другой. А между тѣмъ такіе люди есть. Это нѣчто вродѣ смѣчеловѣка Дантовскаго ада, гдѣ не отыщешь границы между областью химеры и жизни, между человѣкомъ и гадомъ.

Нѣчто подобное представляли собою и люди, о которыхъ идетъ рѣчь. Несмотря на гнетущія условія существованія, на темныя и грязныя пятна, густо цоложенные на нихъ жизнью, не надо было много времени, чтобы разглядѣть и признать во множествѣ изъ нихъ теплый, ясный, иногда глубоко сочувственный образъ человѣка, полнаго дѣтски-незлобивыхъ, наивныхъ взглядовъ на міръ, на человѣка, брата по несчастію, и на долю, которую терпѣливо переносили они сами. Подъ толстой, грубой, нечистой корой почти всегда оказывалось живое, чувствительное тѣло нравственно-здороваго организма.

И вотъ такіе-то, или подобные люди, не щадя себя, брались за всякій каторжный трудъ, видя впереди разливанное море безпросыпнаго пьянства и самозабвенія на нѣсколько дней. Бѣдняки можетъ-быть только и жили въ эти минуты.

Такъ было лѣтомъ, въ навигацію, когда работы въ-волю, но не то было зимой, когда часто приходилось блатъ зубы на полку или щелкать ими, какъ голоднымъ волкамъ. Зима, въ особенности на югѣ, сезонъ преступленій. Только бабачики не оставляли отпѣтаго люда, даже пропитывая его кое-какъ. За то не было вѣрнѣе плательщиковъ и лучшихъ покупателей. Какъ скоро являлись деньги, человѣкъ кончалъ тѣмъ, что оставлялъ въ

кабакъ все, чуть не раздѣваясь и даже раздѣваясь до-нага. Въ Астрахани нерѣдко можно было встрѣтить и такого первобытнаго человѣка, иже стыда не иметъ.

Дѣло на бѣлянѣ кончилось, по обыкновенію, тѣмъ, что артель взяла на себя аккордную, срочную выгрузку ея къ немалому удовольствію Прохора. Въ десять дней заработка на человѣка долженъ былъ дать болѣе двадцати пяти рублей, и человѣкъ, разумѣется, забывалъ о своемъ надорванномъ рабочемъ механизмѣ, какъ о совершенно негодной вещи.

Вдосталь поломается, — кабакъ починить.

Однако полнаго комплекта рабочихъ не набиралось и двое изъ артельщиковъ, болѣе надежныхъ и трезвыхъ, отправились въ городъ договорить на-завтра подходящій народъ.

Несмотря на май мѣсяцъ, наступалъ гнетущій невыносимый полдневный жаръ, когда посланные вернулись изъ города съ приговоренными людьми.

Только-что пошабавшіе выгрузчики бѣяны, въ ожиданіи объѣда, большею частію лежали въ-растяжку или сидѣли на солнцепекѣ, не находя малѣйшей полоски тѣни, чтобъ укрыться отъ солнца, бывшаго въ зенитѣ и палящаго немилосердно. Нѣкоторые курили, болѣе дѣятельные готовили ѣду. Отдыхавшіе видимо собирались ашать *)), что доказывали незатѣйливые гастрономическіе припасы, состоявшіе изъ хлѣба, калача **) , не по жарѣ холоднаго квасу, луку, огурцовъ и воблы, когда кучка новобранцевъ показалась на берегу, подъ предводительствомъ посланныхъ.

— А-а, вотъ и нашенскіе!—весело указалъ на подходящихъ солдатъ, толковавшій поутру съ приващивомъ и теперь окруженный большинствомъ курильщиковъ, съ хохотомъ слушавшихъ его рассказы. Оказывалось, что Марченковъ, какъ звали солдата, былъ любимцемъ артели, потому что немедленно умѣлъ сдѣлаться душою всякаго общества, въ которое попадалъ. Начавъ съ гвардіи, штрафованный онъ успѣлъ искрестить всю южную Россію, побывать на Кавказѣ и на западной и восточной границахъ, извѣдавъ на собственной шкурѣ, какъ говорилъ самъ, свойство палогъ даже самыхъ безлѣсныхъ губерній ея.

*) Ашать (киргизское) — ѣсть.

**) Калачъ—вѣсовой хлѣбъ изъ пшеничной муки перваго, втораго и третьаго сорта, смотря по потребителю.

«Придешь на мѣсто, — рассказывалъ онъ, — кажись, на что ужь голд—на сто верстѣ кругомъ опричь травы ничѣмъ ничего нѣтъ, а потребуются палки—туть, какъ туть. И откуда, песь ихъ знаетъ, лознякъ какой-нибудь тамъ, али верба!... Или, вотъ, чего лучше, хоть бы подъ Дарьей въ такія мѣста заходили, што ущипнуть нечего, трубки не раскуришь,—степь матушка, песокъ одинъ,—анъ и туть Господь о нашемъ братѣ позаботился: саксаулъ или жидовинникъ для солдатской мякоти есть,—бѣда чистая!... У молдаванъ стояли, тагъ, чай, она, родная, всякіе фрухты перепробовала — и бизиль, и вишню, и тутовицу, — однимъ словомъ, всякой сласти навидалась на своемъ вѣгу!»

И несмотря на порядочный лѣсокъ, изломанный на мякоти Марченкова, объ этомъ говорилось съ такимъ добродушіемъ и юморомъ, что малозакорuzлаго слушателя морозъ подиралъ по кожѣ даже въ тридцатиградусную жару, — и подиралъ тѣмъ сильнѣе, что незлобивый рассказчикъ въ сущности былъ скорѣе не-исправимый проказникъ и шутникъ, нежели дрянной, безнравственный человѣкъ. О какихъ извергахъ, ротныхъ и батальонныхъ, рассказывалъ онъ, нельзя было вспомнить безъ ужаса и чувства жалости къ терпѣливости русскаго человѣка. Это—пытки инквизиціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, и въ недавнее время!

— Ишь забрили народу-то! — вглядывался Марченковъ въ подхившихъ.

— Зачѣмъ — «забрили»... Взглянемъ еще, годны ли, — предумотрительно замѣтилъ знакомый восточный типъ. — Можетъ такіе есть, что и хлѣба не стокуютъ.

— А-а... Такимъ, значить, *затылокъ*? Што-жь, по мѣркѣ, надо быть, принимать будемъ? — прищуривъ глазъ, иронически отнесся онъ къ прожженному восточному человѣку, не совсѣмъ-то удачно покушавшемуся сдѣлаться мозгомъ артели и руководить товарищами, какъ мускулами.

— Безъ мѣрки увидимъ, — не слѣпые... Нечего зубы-то скалить! — угрюмо и рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— Такъ ужь ты, сдѣлай милость, и за дохтура будь, — не унимался Марченковъ. — Тебя энтимъ дѣлаемъ-то, чай, тоже не учить стать. Ребята, скидавай портки и рубахи, — досмотри будеть! — озадачилъ онъ подошедшихъ. Кругомъ хохотали.

— Ну, вотъ вамъ, договорили и привели, — обратился къ артели одинъ изъ посланныхъ. — Штобы мѣсто, значить, знали

и завтра со свѣтомъ были. Да, вотъ што, ребята, которые изъ нихъ задатокъ просятъ.

— Это какой такой задатокъ?—съ изумленіемъ обратился восточный человѣкъ къ пришедшимъ.—Задатокъ-то, чай, съ васъ надо брать: мы—люди здѣшніе—не уйдемъ, а васъ кто знаетъ? Да и работа, опять, незнамая для васъ: можетъ, не по вкусу придетъ,—гдѣ тебя искать тогда?

— Зачѣмъ же... Мы пашпорты дадимъ. Это ужъ дѣло такое. А што работа, такъ мы, поштенный, всякую видали,—не испужаешь насъ работой-то. Съ измалѣтства на ней,—не привыкать!—заговорили въ кучкѣ, состоявшей, повидимому, изъ верхоты, которую работой, дѣйствительно, не удивишь.

— То-то не всякую! Значить такой еще не видывали, если съ собой вонъ энтото гусенка притащили,—указалъ говорившій на молодого бѣлокураго паренька, съ открытымъ, красивымъ, но задумчивымъ лицомъ, который по наружности былъ строенъ, но тщедушенъ, и едва ли много старѣе двадцати лѣтъ. — Чего онъ будетъ дѣлать тутъ? И самъ не снесетъ, да и товарищу-то бѣда съ нимъ. Не такіе пытали, да отказывались...

— Зачѣмъ отказываться!—серьезно возразилъ тотъ, слыша, что рѣчь идетъ о немъ.—Взялся за дѣло, не бойсь, не уступлю, съ любимъ потягаюсь. Ты по виду-то не суди,—не смотри, што велика Ѳеодора. Видали мы такихъ-то!

-- Што и говорить, видать по всему, каковъ ты богатирь...

— А ты попытай, чѣмъ брехать-то,—можетъ ошибешься.

— Чево такое?!—съ вызывающимъ тономъ, сдвинувъ густыя черныя брови и вскочивъ съ земли, подошелъ черномазый къ парню.

Тотъ не шевельнулся и прямо, серьезно и смѣло смотрѣлъ въ сверкавшія, рѣжущія глаза подошедшаго. Даже что-то вродѣ мимолетной усмѣшки на секунду тронуло серьезное, нервное, молодое лицо.

— Ну!—зарычалъ тотъ, поймавъ эту усмѣшку.

— Чево нукаешь-то? Чай я не лошадь, зря брыкаться не стану. Попытай, говорю, путемъ.

Марченковъ, который давно съ одобреніемъ смотрѣлъ на молодого новобранца, въ эту минуту тоже всталъ и подошелъ къ спорившимъ, вытряхая закоптѣлую, обожженную деревянную трубочку, сидѣвшую на коротенькомъ чубучкѣ.

За Марченковымъ поднялись другіе и вокругъ спорящихъ быстро образовался живой кругъ любопытныхъ разнообразныхъ фи-

зіомій. Дѣло, видимо, начинало интересовать перелетныхъ птицъ. Слышались подзадориванія, замѣчанія и отчасти что-то вродѣ ропота на нападающаго.

— Ты чево къ нему чалишься зря! Чай важный жрать хочеть,—тихо и миролюбиво замѣтилъ Марченковъ черномазому товарищу, втираясь между нимъ и вновь пришедшимъ.

— Не въ свое дѣло не лѣзь!—крикнулъ тотъ, раздосадованный вмѣшательствомъ, и попробовалъ въ первую минуту отодвинуть непрошеннаго заступника.

— Легше, легше,—съ улыбкой повторялъ, какъ скала неподвижный, солдатъ.—Погоди малость хозяйствовать-то, Самсонъ! Тутъ дѣло артельное, не одинъ ты. Какъ артель обсудить, такъ и будетъ. Тебя какъ по имени-то?—внезапно обратился онъ къ молодому парню.

— Семень.

— Ну, такъ вотъ што, ребята, какъ же съ Семеномъ—примаете што ли?...

Толпа переминалась нѣсколько секундъ, осматривая новобранца, какъ рѣдкость, потомъ въ ней послышались отдѣльные замѣчанія, не совсѣмъ рѣшительныя, но не въ пользу избираемаго, вродѣ—молодъ, жидковатъ, несвыченъ и т. п. Были впрочемъ и такіе, которые говорили за парня: ничево, што нужды, охота была бы, приобькнетъ, втянется, видно будетъ; но такихъ было меньшинство.

Сначала, слыша неодобрительные отзывы, Семень было потупился и смѣшался, но вскорѣ открытое серьезное лицо его разгладилось, голова поднялась и задумчивые глаза сознательно и прямо окунули окружавшихъ.

— Што-жь это за покоръ, што молодъ?—обратился онъ къ нимъ.—Значить, по-вашему, въ годахъ сила-то? Кабы я мальчонка былъ, такое дѣло, а то поработалъ на свой пай,—слава-те Господи, поворочалъ землю-то. А што жидковатъ, говорите, такъ вѣдь съ виду-то и лошадь не торгуютъ. Иная и гладка, да безъ кнута съ мѣста не тронетъ, другая и лосная, да отрубъ одинъ въ ей, на показъ,—такъ старики сказываютъ. Ошибетесь, люди добрые, по виду-то! Чать силу-то и сноровку въ дѣлѣ видать, а не въ шкурѣ,—такъ я слыхалъ.

Рѣчь парня видимо понравилась и вызвала общее одобреніе, только Самсонъ не согласился съ ней и, не выдержавъ, выскочилъ изъ-за Марченкова.

— Какъ не такъ, всякаго щенка въ дѣлѣ пытаты!... Ты думаешь въ игрушки играть мы здѣсь?..

— Зачѣмъ дѣлу мѣшаты. Самъ попытаты можешь, коли охота есть—одинъ на одинъ. Все одно, не работаете сичасъ,—невозмутимо и сдержанно предложилъ Семень.

— Да ты вправду никакъ?—обратился къ Семену Марченковъ, изумленный и восхищенный отвагою парня.—Ты съ ума сперь,—рази онъ ровня тебѣ? Молодецъ, што не трусишь, а пустое затѣвать нечего—младенцу съ чортомъ связываться!

— Што ты его уговариваешь-то, али не видишь — мальчишкѣ жизнь надоѣла? — насмѣшливо и презрительно вставилъ Самсонъ.—На какую-жь ты работу безъ головы-то пойдешь, гусенокъ? Въ похлебку, што ли?—съ пренебреженіемъ усмѣхнулся онъ въ сторону Семена.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты што надумалъ! Ушибеть онъ тебя,—майданщикъ *) вѣдь, — слышались голоса окружавшихъ, видимо сочувствовавшихъ смѣлому молодому парню.

— Зачѣмъ драться... Побороться можно, чай,—миромъ попытаты другъ друга, — на всѣ убѣжденія бросить дѣло упрямо и твердо отвѣтилъ тотъ.

Однимъ словомъ, какъ ни уговаривали и не стращали Семена артельщики, съ какимъ презрѣніемъ ни смотрѣлъ на него Самсонъ, парень не взялъ назадъ своего слова и не отказался отъ неравной борьбы, — не попятился, сдѣлавъ неосторожный шагъ впередъ, несмотря на неоспоримую силу и прочную постройку противника.

Дѣйствительно, не будучи высокъ ростомъ, Самсонъ былъ сложенъ брусомъ, широкъ въ плечахъ, бедрахъ и бревнообразныхъ толстыхъ ногахъ, такъ что пошатнуть эту приземистую башню, даже сильному человѣку, казалось, не было никакой возможности. Совершенно противоположное впечатлѣніе производилъ собою новичокъ, котораго, казалось, и не такому, какъ Самсонъ, легко было швырнуть за нѣсколько сажень. Тѣмъ не менѣе, послѣ недолгихъ переговоровъ о правилахъ борьбы, она началась.

*) Майданщикъ—по мѣстной терминологіи *кулачный боецъ*, отъ слова Майданъ, мѣста и сборища такихъ бойцовъ и боевъ, происходившихъ въ Астрахани по праздникамъ, большею частію одинъ-на-одинъ, между русскими съ одной стороны и татарами и армянами съ другой. Бои эти прекращены не очень давно и нерѣдко кончались общею свалкой, причемъ доставалось и любопытной публикѣ, несмотря на то, что среди ея попадались и интеллигентные любители, даже дамы въ экипажахъ, не покидаемыхъ изъ похвальной предосторожности.

Любопытные окружающие разступились и дали мѣсто, когда восточный человекъ пренебрежительно согласился малость поучить гусенка.

— Ты легче, смотри,—видишь, съ кѣмъ связываешься,—сторонясь, тихо, но настойчиво бросилъ Марченковъ товарищу.—Зашибень либо повредишь—на себя пеняй! Нечего взять съ мальчишки,—лежачаго не бьютъ.

Слова эти были понятны Самсону, не разъ испытавшему силу Марченкова. Онъ только прорычалъ недовольно и неразборчиво.

Противники подтянули кушаки и, обнявшись, ухватились за нихъ за спиной другъ друга. Прошло нѣсколько секундъ мертваго молчанія, пока они оправлялись. Ноги борцовъ были широко разставлены, груди слились вмѣстѣ, смуглыя, точно темно-бронзовыя, руки Самсона сдавили парня, какъ тиски, и ждали, что отъ него будетъ. Семень хорошо понималъ, что его дѣло не упадать, а защищаться, но не выдержалъ и сдѣлалъ первый натискъ съ такой стремительностью и энергіей, что ошеломленный противникъ невольно подался назадъ.

Кругомъ загудѣли одобрительные крики, побрываемые голосомъ изумленного Марченкова. Дѣлалось ясно, что все сочувствіе было на сторонѣ парня.

Самсонъ молча сдержалъ порывъ противника и недружелюбно повелъ агатовыми зрачками и синеватыми бѣлками сердитыхъ глазъ по шумной толпѣ. Ровные бѣлые зубы его тихо скрипнули и бронзовыя руки какъ-то странно, судорожно перетряхнули жидковатое, гибкое тѣло Семена, словно хотѣли удостовѣриться, что именно держутъ. Холодное, немирътное, тяжелое впечатлѣніе нестерпимаго гнета охватило въ эту минуту сердце парня, точно тяжелыя глыбы сырой земли рушились и давили его. Ощущеніе торжества неразумной, издѣвающейся силы переполнило гнѣвомъ все молодое существо его. Блѣдный, серьезный и сосредоточенный, онъ инстинктивно рѣшилъ постоять за себя, не сдаваться, пока не истощитъ всѣхъ силъ.

Первыми маневрами Самсона, видѣвшаго гибкость и податливость противника, было притянуть его и, обезсиленного, поднять подъ себя; однако этого не удавалось. Ловкій и, какъ становилось замѣтнымъ, опытный въ борьбѣ парень ревниво не позволялъ этого,—для него было слишкомъ довольно силы Самсона, чтобы почувствовать на себѣ еще его массу. Превосходство роста и крѣпость рукъ и ногъ, прибрѣтенная въ полѣ, за сохой,

косой и цѣпомъ, не мало помогали ему въ томъ. Такимъ образомъ, напрасно и долго топтались противники на одномъ мѣстѣ. Слышались только тяжелыя ступни, да критическія замѣчанія артели, ободрившія одного и раздражавшія другаго. Восточный человѣкъ видѣлъ теперь, что ошибся въ противникѣ, что слишкомъ понадѣялся на себя и что необходимо перемѣнить тактику, но это не послужило ему въ пользу и еще болѣе выводило изъ себя. Приходилось потрудиться ему, думавшему кончить дѣло однимъ махомъ. Препятствіе раздражало тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше ожидалось. Нетерпѣніе побудило Самсона быстро перемѣнить систему борьбы.

До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ сверху внизъ, надѣясь подмять противника подъ себя, теперь сталъ дѣйствовать снизу вверхъ, пытаясь оторвать его отъ земли, чтобы бросить на нее, какъ легкаго беззащитнаго ребенка. Это казалось по началу удалось ему лучше, потому что дѣйствительно легкій, худощавый паренъ не разъ взлеталъ на воздухъ, но всякій разъ крѣпко становился на ноги, имѣя точкой опоры надежную фигуру Самсона, не имѣвшаго силъ оторвать его отъ себя. Семень держался за противника, какъ за скалу утопающій, кидаемый и подмываемый волнами, но выгода была на его сторонѣ. Постоянное и упорное напряженіе истощало силы раздраженнаго Самсона, а одобренія артели противнику окончательно выводили его изъ себя. Онъ утомлялся и физически, и нравственно, не сознавая того, помня и видя только одно, что проклятый гусенокъ не сдавался, мелькая въ его воспаленныхъ глазахъ. А гусенокъ, менѣе утомленный, молча, внимательно и серьезно наблюдалъ слабыя стороны противника.

— Молодецъ Семень, молодецъ, лихо, не поддавайся! Ай да новичокъ, не уважаетъ Самсону, даромъ-что онъ силенъ!... Накось! Какъ бы не такъ, — держи карманъ!... Да, вотъ тебѣ и гусенокъ — не поддается и шабашъ... Тю-тю-тю! Держись, держись!... Вотъ такъ — опять на ногахъ! Ровно кошка, братецъ ты мой, не валится!

Такими и подобными восклицаніями артели и прибывавшихъ зѣвакъ сопровождалась борьба. Интересъ дѣлался всезахватывающимъ, — объ обѣдѣ забыли, не окончивъ даже приготовленія его. Все вниманіе было поглощено борцами. Оживленныя, подвижныя, возбужденныя фізіономіи смотрѣли отовсюду. Казалось, самая усталость зрителей исчезла.

Хотя происходившее совершалось быстрѣе, нежели рассказано здѣсь, но противники, истощавшіе силы подъ немилосердными лучами жгучаго солнца, видимо утомились, особенно Самсонъ, которому принадлежала роль нападающаго. Крупныя капли пота выступили на его смугломъ лбу; на рукахъ, на вискахъ и на шеѣ, точно веревки, вздулись темно-синія жилы; онъ дышалъ тяжело и отрывисто. Семень только блѣднѣлъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, точно небольшое количество крови, бывшее въ немъ, ушло въ оконечности напряженныхъ борьбой. Инстинктивно царень видѣлъ, что изнемогаетъ, что силъ хватить не надолго, что остается сдѣлать еще одно-два напряжения и — отдаться въ руки противника или отказаться отъ борьбы.

Какъ разъ въ эту минуту Самсонъ употребилъ еще новый приемъ. Онъ выставилъ впередъ слоновобразное колѣно, стараясь на него положить и опрокинуть царя. Не спохватившійся противникъ чуть было не потерялъ равновѣсія и двѣ-три секунды былъ на волоскѣ отъ паденія.

Въ толпѣ уже послышались соболѣзнованія, превратившіяся въ радостный гулъ, какъ только Семень опять оправился.

Онъ былъ выше и ловчѣе противника, это и пособило ему. Короткаго колѣна Самсона не хватало, чтобы вразъ захватить, и скосить обѣ длинныя и крѣпкія ноги гусенка, однако онъ повторилъ приемъ, не обращая вниманія, что въ этомъ положеніи жертвуетъ собственною точкой опоры, оставляя большинство ея только въ одной ногѣ.

Мысль объ этомъ, какъ молнія, озарила царя, указывая ему единственный выходъ изъ страдательнаго положенія и воспламеняя рѣшимость *попытать*. До настоящаго момента онъ напрягалъ все силы, сопротивляясь намѣренію Самсона подтащить его ближе, чтобы скосить разомъ, тутъ же не только свободно отдался влеченію противника, но стремительно, какъ звѣрь, бросился на него, обвилъ своими гибкими и крѣпкими ногами его отставленную ногу и внезапнымъ, неожиданнымъ натискомъ — напряженіемъ послѣднихъ силъ — опрокинулъ неуспѣвшаго ахнуть Самсона, падая вмѣстѣ съ нимъ.

Все легко объяснялось внезапностью и неожиданностью толчка вмѣсто сопротивленія, нападенія вмѣсто защиты, но поздно и бесполезно было разсуждать объ этомъ.

Толпа взревѣла въ сумасшедшемъ восторгѣ, пораженная такъ же неожиданно и внезапно.

Взбѣшенный паденіемъ, стыдомъ и собственной оплошностью, разсвирѣпѣвшій Самсонъ впился въ противника, чувствуя потребность сорвать свой гнѣвъ. Онъ быстро стряхнулъ его съ себя и, разумѣется, смялъ бы, еслибы Марченковъ и другіе не вырвали Семена изъ замерѣвшихъ рукъ, которыя насилу-насилу разжали.

Однако побѣдитель не вставалъ. Онъ сидѣлъ на землѣ съ помутившимися глазами, съ руками судорожно прижатыми къ лѣвой сторонѣ груди и страшно блѣднымъ и какимъ-то изумленно-оробѣвшимъ серьезнымъ лицомъ. Въ моментъ, когда его оторвали отъ Самсона, парень почувствовалъ въ себѣ что-то странное, чего не понималъ, но инстинктивно страшился. Точно сильный электрическій токъ пошелъ по его тѣлу и неприятно сжалъ сердце, задерживая и измѣняя правильность его біенія до остановки на нѣсколько секундъ. Потомъ парня точно кто толкнулъ въ сердце, не больно, но хуже, нежели больно—неприятно и грубо. Толчокъ разъ—и опять задержка, два—и опять задержка, три—и что-то точно пробило себѣ путь и потекло къ верху, къ головѣ, на минуту отуманивъ ее. Вотъ во время этихъ толчковъ-то онъ и сжималъ себѣ грудь, точно боясь, чтобы они не разбили сердца, въ которое стучались. Онъ, разумѣется, ничего не понималъ; онъ потому и ощущалъ страхъ, что подозрѣвалъ въ себѣ какую-то самостоятельную, невѣдомую силу, съ которою была невозможна и бесполезна борьба. На всѣ вопросы сочувствующихъ онъ могъ объяснить только одно, что *это* поднималось въ немъ не разъ послѣ горячей работы. «Поработаешь иной въ охотку, на споръ, али поспѣшишь зря,—надорвешься што-ли,—ну, и *придетъ, навалитъ на тебя*; отдохнешь—опять отпустить... И что это за оказія—Богъ ее вѣсть!»

Кто-то изъ окружающихъ принесъ Семену воды, помочили ему голову и онъ всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Нечего говорить, что, послѣ подвига, парня приняли въ артель на работу единогласно и, покормивъ новобранцевъ, чѣмъ Богъ послалъ, отпустили до слѣдующаго утра.

III.

Немногимъ изъ читателей будетъ понятно, съ какимъ трепещущимъ радостью сердцемъ шелъ съ лѣсныхъ пристаней Семень, продавшійся въ *каторжную* работу.

Несмотря на невыносимую жару и блѣдно-сѣрую тончайшую пыль, стоявшую въ воздухѣ, бодрья, веселыя ноги несли парня точно крылья,—радужныя мечты подмывали и подгоняли все существо его. Разгадка такого настроенія заключалась въ томъ, что въ десять дней заработать двадцать пять рублей верховому земледѣльцу, только-что оторванному отъ сохи, не выдавшему свѣта внѣ своей деревни и денегъ въ рукахъ, казалось чѣмъ-то баснословнымъ; а между тѣмъ это было такъ, было на яву, а не во снѣ,—въ дѣйствительности, а не въ сказкѣ. Не мудрено, что онъ едва вѣрилъ себѣ и добрымъ людямъ, подтверждавшимъ это; не мудрено, что и самая *каторжная* работа, какъ ему называли ее, совсѣмъ не страшила и не казалась такою. «Эка невидаль,—про себя соображалъ онъ,—дрова таскать!»

Только тотъ понялъ бы, какъ упало давеча его сердце, когда Самсонъ старался забраковать его, кто, какъ онъ, прошелъ за этою работою сотни верстъ, изъ-за нея покинулъ все родное и искалъ, и ждалъ ее долгіе дни. Только тотъ посочувствовалъ бы ему, кто, какъ онъ, бѣжалъ отъ долгаго непроизводительнаго, незнаграждаемаго труда, напрасно убитаго и похороненнаго въ тощей землѣ, какъ въ могилѣ, день за днемъ, годъ за годомъ повторяемаго въ лишеніяхъ и безъ надежды на лучшее будущее.

Нечего говорить, что предстоящее казалось парню едва осуществимымъ волшебнымъ праздникомъ, пиромъ жизни, послѣ тяжелой темной школы, которую прошелъ онъ. Кстати, онъ не былъ одинокъ въ Астрахани, куда закинула его судьба, и теперь, послѣ томительной безработицы, гордый достигнутымъ успѣхомъ, спѣшилъ, задыхаясь отъ жара, подѣлиться имъ съ единственнымъ дорогимъ лицомъ, за которымъ, не задумываясь, покинулъ мать и родную семью, пашню и кладбище и пошелъ бы всюду, куда тотъ ни повелъ бы его.

Человѣкъ этотъ былъ дядя его Павелъ, котораго наречь съ дѣтства почиталъ за отца и любилъ всею душой, горячо сочувствуя ему, непоколебимо вѣря и понимая его больше сердцемъ, нежели головой. Да и не мудрено,—таковъ былъ этотъ своеобразный продуктъ новой деревенской жизни.

Но пока Семень, подгоняемый мыслью о дядѣ и проводя нехитрую параллель между настоящимъ и прошедшимъ, подвигается впередъ, попробуемъ съ своей стороны сдѣлать то же и мы, побуждаемые тѣми же мыслями о дядѣ Павлѣ, образъ котораго, что ни шагъ разказа впередъ, оживаетъ передъ нами.

Вотъ мѣрнымъ шагомъ, напрягая привычныя руки, всѣмъ корпусомъ навалившись впередъ, идетъ онъ за сохой, идетъ и думаетъ тяжелую, непривычную думу. Ни отецъ, ни дѣдъ, ни прадѣдъ его, ни пращуръ не знавали ее, не таскали по кормилицѣ родной землѣ, а у него та мысль ни ночь, ни день изъ ума нейдетъ, руки опускаетъ, голову клонить, — работать не даетъ.

Съ дѣтства Павелъ былъ Устымъ, кореннымъ пахаремъ, на пядь не отходившимъ отъ земли, и, вотъ, чувствовалъ теперь, какъ покидать эту родимо-неродимую землю, бросать непереносное тягло и идти изъ родного міра на весь вольный свѣтъ, не имѣя за душой ничего, кромѣ горькой, скорбной, возмущенной мысли, зерно которой, разъ пустивъ свой чужездннй корень, не можетъ не расти въ человѣкѣ.

Не день и не годъ думалъ и надѣялся онъ, мертвымъ терпѣніемъ, безотвѣтнымъ смиреніемъ и тяжелымъ, упрямымъ трудомъ, отогнать, искоренить, заглушить въ себѣ эту мысль, но не сбылись эти надежды, — беспощадная дѣйствительность и протестующая мысль оказались упорнѣй и властнѣй.

Напрасно напрягалъ онъ всѣ силы и работалъ, мокрый отъ пота, отъ зари до зари, это не мѣшало ему думать о безплодно губимомъ времени, о напрасномъ трудѣ, о тощей родимой пашнѣ подъ ногами. Часто ему сдавалось, что сама чахлая, скудная, изнемогшая земля тихо и жалобно шептала ему о пощадѣ и что этотъ шепотъ встаетъ и несется землнстымъ паромъ съ каждой вновь проводимой борозды. «Брось! — слышалось ему, — нечего ждаты отъ меня... Нѣтъ у меня ни силы, ни плодородія пропитать тебя. Сама алчущая, обнаженная, изнасилованная, что могу дать тебѣ, какой плодъ принести? Пожалѣй меня — брось!... Тепло, пища, отдыхъ мнѣ самой нужны». Самъ не отдавая себѣ отчета — какъ, онъ слушалъ ее, понималъ и жалѣлъ. Все непереноснѣе и чаще онъ чувствовалъ боль въ сердцѣ, которой не выговоришь словомъ, — боль сына, отторгаемаго отъ матери. Молчаливая, скорбная дума и странная, недобрая улыбка все чаще ложились на его загорѣломъ, серьезномъ лицѣ, пока не оттиснули тамъ складки, рѣзкія черты — печать свою, точно клинообразную надпись на древнемъ кирпичѣ.

Еще недавно добрый, простой, тихій парень, день ото дня, дѣлался нелюдимомъ и начиналъ сторониться отъ міра и своихъ — въ сторону подростковъ и дѣтей, гдѣ отдыхалъ, чувствуя, что

ему не миль Божій бѣлый свѣтъ. Онъ не зналъ, чѣмъ объяснить это, и не сознавалъ, что прозрѣлъ. Богъ вѣсть, сознавалъ ли онъ даже то, какъ критически и враждебно относился ко вновь нарождавшемуся міру, пока не почувствовалъ, что не могъ остаться въ немъ.

Разумѣется, все это сдѣлалось не вдругъ. Съ чувствомъ какой-то невольной жалости и досады, мало-по-малу начиналъ онъ смотрѣть кругомъ и видѣть невеселыя вещи, которыхъ доселѣ не замѣчалъ. Съ недоумѣніемъ онъ видѣлъ, какъ слабѣлъ и пошатывался тотъ міръ, въ которомъ жилъ и въ незыблемость котораго вѣровалъ. Съ инстинктивнымъ враждебнымъ чувствомъ онъ встрѣчалъ все, что вползало въ его сердцевину извнѣ и подтачивало его, — тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ паразитовъ, что портили и пожирали его корни и листья, цвѣтъ и плодъ.

Не формулируя ничего, Павелъ не могъ не видѣть египетскихъ казней, посланныхъ съ неба на мужага, этого тысячелѣтняго младенца, освобожденнаго отъ помѣщичьихъ пеленокъ, но за то обнаженнаго. Онъ самъ былъ такимъ младенцемъ и чувствовалъ это на собственномъ тѣлѣ. вмѣсто чаемаго благосостоянія онъ видѣлъ тѣсноту и нужду, вмѣсто крѣпкаго мірскаго организма — булаковъ и мирофдовъ, порождаемыхъ даже родимой землей, вмѣсто стройнаго мірскаго порядка — общую неурядицу и хозяйничанье писарей и старшинъ. Онъ глядѣлъ на взысканіе податей, которыхъ платить было нечѣмъ, на скудный урожай хлѣбовъ на истощенной землѣ и изобиліе недоимокъ, кабаковъ и нищеты. Однимъ словомъ, библейская песья муха отроилась черезъ тысячи лѣтъ и пожирала крестьянство, и Павелъ со скрежетомъ зубовъ рѣшилъ уйти куда бы то ни было, куда глаза глядятъ, лишь бы не видѣть окружавшаго. Онъ чувствовалъ, что не могъ оставаться въ немъ.

Павелъ родился и росъ крестьяниномъ богатаго барина, въ большомъ людномъ селѣ Тамбовской губерніи, лежавшемъ на границѣ Моршанскаго и Шацкаго уѣздовъ. Ему было невступно семнадцать лѣтъ, когда объявилась воля, и онъ хорошо помнилъ, какъ года за два до этого ихъ выселили изъ южной, болѣе плодородной, части огромнаго помѣстья въ сѣверную, малоплодородную. Послѣдствія показали, въ какихъ видахъ это было сдѣлано. Отъ этого перваго толчка благосостоянію крестьянъ оно

пошло внизъ быстрыми шагами, образуя въ данное время тотъ сельскій пролетаріатъ, который едва ли желательнѣй и, пожалуй, несчастнѣй городскаго, потому что у него отнята почва для труда. Что можетъ быть горше положенія земледѣльца безъ земли, кочующаго пахаря, который привыкъ держаться за землю, если это даже только могила? Этого не понять никому, кто не лежалъ у ея сердца. Это—корень, выкинутый изъ нѣдръ земли, а между тѣмъ, ко времени нашего разсказа, множество такихъ людей покинули міръ и родимую землю, особенно тамъ, гдѣ она была тяжела въ приномъ и переносномъ смыслѣ—и по самому существу своему, и по тяготамъ обременявшимъ ее.

Мы знаемъ, что не одни экономическія причины гнали Павла изъ родимаго міра, что нравственное существо его возмутилось и не находило почвы тамъ. Однако, какъ скоро въ немъ сложилась твердая рѣшимость бросить все и идти, куда глаза глядятъ, онъ почувствовалъ, что сдѣлать это не легко. Около были привязанности, которыя держали его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе прикасались къ нему. Напрасно даже поиски лучшей доли онъ искренне оправдывалъ ихъ благомъ и тѣснотой, гдѣ не у чего жить,—сердце не слушало этихъ оправданій. Молча, серьезно и тепло онъ столько пожертвовалъ близкимъ, что успѣлъ полюбить эти жертвы и людей, ради которыхъ приносились онѣ. Въ чести Павла надо сказать, что онъ смотрѣлъ на это, какъ на дѣло жизни, ясно, просто, и видѣлъ здѣсь прямую обязанность, которую исполнялъ, какъ умѣлъ, какъ подсказывало ему сердце. Въ него не западало и мысли, что тутъ была какая-то жертва съ его стороны, хотя дѣло было такъ:

До двадцатичетырехлѣтняго возраста Павелъ хозяйствовалъ и жилъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ, женатымъ уже. Они жили дружно и безбѣдно, благодаря покойному отцу, который оставилъ послѣ себя хорошее хозяйство, свопленное еще до выселенія деревни, да и первые годы по выселеніи, пока не выпалась долго пустовавшая земля. Дѣла еще не были такъ плохи, какъ въ послѣднее время, и Павелъ начиналъ было уже подумывать о женитьбѣ, имѣя на примѣтѣ женщину, къ которой лежало его сердце, просившее привязанности. Къ сожалѣнію, баба была солдатка, вдова, и, отличаясь внѣшней красотой и веселостью, не берегла внутренней, которая была необходима парню. Созданный для семейной жизни, онъ переломилъ себя и отвернулся отъ нея. Никто не узналъ, чего это ему стоило. А

сердце ныло и просило привязанности. Нежданное обстоятельство положило предѣлъ тоскѣ Павла.

У братьевъ въ той же деревнѣ была выдана старшая сестра. Бракъ оказался несчастнымъ, мужъ—не трезвымъ, буйнымъ человѣкомъ, и баба не видала ясныхъ дней. Къ ней-то и ея семьѣ все тѣснѣе привязывался Павелъ. У старшаго брата дѣтей не было, а теплое сердце парня просило дѣтской ласки и сочувствовало дѣтскому горю, да и горькую мученицу-сестру хотѣлось утѣшить ему.

Не было ничего удивительнаго, что дѣти сестры привыкли почитать Павла за отца, потому что только дядя вносилъ миръ и ласку въ семью, гдѣ глубоко и сильно привязался къ младшему племяннику Сенькѣ, съ которымъ почти не разлучался. И мальчикъ дѣйствительно стоялъ того. Это была чуткая, любящая натура, не совсѣмъ заурядная въ нашемъ крестьянскомъ быту. Не зная, что такое отцовская ласка, ребятишки, а особенно Сенька, всею душою прилѣпились къ дядѣ, съ дѣтства обратившагося въ няньку послѣдняго. Длинные лѣтніе багряные вечера, вмѣсто того, чтобъ идти на отдыхъ послѣ долгой работы, просиживалъ дядя Павелъ съ племянниками на завалинѣ своей или сестриной избы, сплетая имъ не хитрыя тихія сказки, пока любимицею не засыпалъ у него на рукахъ и бѣненіе дѣтскаго бродкаго сердца не умиротворяло страдавшаго сердца взрослого.

Между тѣмъ зять Павла, очень зажиточный сначала, въ это время допился до нищеты и во время наступившей зимы замерзъ на дорогѣ изъ сосѣдняго села, гдѣ справляли храмовой праздникъ. Жѣнщина осталась одна, съ тремя малыми дѣтьми и почти безъ средствъ къ жизни. Павелъ предложилъ брату взять сестру съ ребятами къ себѣ, говоря, что навсегда покончилъ съ женитьбой, а ему Богъ не даетъ дѣтей и имъ не для кого жить. Видно братъ былъ другого мнѣнія, потому что отказалъ за тѣснотой. Они подѣлились и дядя Павелъ обстроился и захозяйничалъ у бѣдной вдовы. Богъ далъ ему святое наслѣдство! Далъ бы и святое спокойствіе, еслибы не то, о чемъ мы говорили, еслибы чужеродныя мысли не принялись и не росли въ немъ. Не даромъ въ это время дядя уходилъ отъ взрослыхъ къ дѣтямъ,—онъ отдыхалъ среди нихъ.

Не успѣлъ курносый, вздернутый носишко Семенки выглянуть на свѣтъ Божій, за околицу деревни, какъ владѣлецъ его сталъ увязываться за дядей на работы, и не разъ вечеромъ видали

ихъ вмѣстѣ возвращавшихся домой по пыльному проселку—дядю, шедшаго мѣрными, усталыми шагами, и племянника, верхомъ на пѣгомъ меринѣ, пылившаго упрямою сохой, глядѣвшую, сошникомъ вверхъ, въ багряно-синее, потухавшее небо. Дядѣ Павлу рѣдко удавалось выбраться на мельницу, на базарь, даже за дровами зимою безъ того, чтобы шустрый Семенка не сидѣлъ у него въ саняхъ или телѣгѣ, понукая лукавую лошадежку. Такъ росъ ребенокъ при взросломъ, душой прилѣпляясь къ нему, и сдѣлался его правою рукой, помощникомъ, сначала въ бороньбѣ, покосѣ и дома кругъ лошадей и скота. Только школа разлучала ихъ и переменяла роли. Семенка, въ свою очередь, сталъ рассказывать дядѣ вещи болѣе хитрыя, нежели тѣ богатырскія сказки, которыя когда-то слыхалъ отъ него.

Вотъ о комъ болѣло привязчивое сердце Павла, когда онъ рѣшилъ уйти. А между тѣмъ теперь, когда ему самому перевалило за тридцать пять лѣтъ, когда все семейство сестры было поставлено на ноги и три молодца - сына готовы на поддержку матери, Павлу было можно уйти. Онъ понималъ это, но чувствовалъ давно, что родственныя узы обратились въ узы сердца.

Семену, самому младшему, минулъ двадцать одинъ годъ, а старшій племянникъ Павла, Алѣкса, отслужилъ уже свой терминъ солдатомъ и его ждали домой на постоянное жительство, въ то время, когда дядя сообщилъ любимцу свое непреклонное намѣреніе уйти, хмуро и смущенно смотря въ землю, мѣстами уже обнаженную отъ снѣга. До настоящей минуты никто и не подозрѣвалъ ничего подобнаго, потому нечего говорить, въ какое недоумѣніе пришелъ Семень. Онъ просто не вѣрилъ ушамъ и остался нѣкоторое время неподвижнымъ, точно на него нашелъ столбнякъ, не говоря ни слова, словно боялся подтвержденія слышаннаго.

Въ самомъ дѣлѣ, узнать ранѣе о намѣреніи Павла въ домѣ никому не было никакой возможности. Была половина великаго поста и онъ съ обычною заботливостью велъ домашній обиходъ и съ особымъ рвеніемъ приводилъ въ исправность орудія для предстоящихъ работъ, точно готовился въ свое время приступить къ нимъ. Онъ чинилъ бороны, сохи, поправлялъ ветхую сбрую, заготовилъ сѣмяна, вошелъ даже въ долги въ чайникъ будущаго,—однимъ словомъ, дѣлалъ все, продѣлываемое обыкновенно подъ весну мужикомъ - земледѣльцемъ. Только по усиленной дѣятельности, да по подробностямъ, въ которыя входилъ Павелъ

по хозяйству съ сестрой и племянниками, можно было предполагать что-то необычное, но что именно — это никому и въ голову не приходило.

Дѣло было на задахъ, у креста, на поворотѣ проселка, гдѣ остановились дядя съ племянникомъ, намѣренно медля войти въ деревню. Видно было, что первый искалъ случая переговорить съ любимцемъ.

Пасха приходилась не ранняя и весна настойчиво вступала въ свои права. Влажный, обогрѣтый воздухъ яснаго, сверкашаго послѣполудня парилъ, съѣдая послѣдній снѣгъ, бѣлизна котораго рѣзала глаза. Подъ нимъ сочилась и, пробираясь по склонамъ, тихо шептала и журчала вода. Проталины захватывали все большее пространство, въ лужахъ глядѣлось солнце и купались вороны къ теплу. Любовь къ родному воскресавшему миру и чувство глубокой жалости и тоски давило Павла. Онъ подмывалъ смущенные глаза на пораженного спутника.

— Ты не вѣришь, што ли?... Чево молчишь-то?—тихо спросилъ онъ.

— Да какъ же?... Я въ толкъ не возьму. Ужли вправду это?— прерывающимся, надтреснутымъ голосомъ, вдругъ заволновался Семень, жалобно взглянувъ на дядю глазами полными слезъ. — Ты што-жь это?...

— А ты не сумлѣвайся,—не въ могилу собираюсь, не пропаду!... Не мало добрыхъ людей по бѣлу свѣту ходять, не всѣ дома на полатяхъ сидять. Посидѣлъ дома - то довольно, пора и на людей взглянуть. Подъ лежачей камень вода не течетъ,—слыхалъ ты это, ай нѣтъ?

Очевидно, говорившій хотѣлъ ободрить и племянника, и себя.

— Да какъ же такъ-то... вдругъ?... Буда-жь ты надумалъ?— почти шепотомъ спросилъ Семень, не поднимая понижшей головы. Онъ просто боялся заплакать.

— А куда Богъ приведетъ, увижу тамъ,—не клиномъ земля сошлась... Буда ни поди, чай тѣснѣй нашего не будетъ, самъ видишь. Ай умирать у себя дома-то?! Пойду туда, гдѣ работа нужна.

— Чай работа-то вездѣ равна,—все на барина, али на суму на толстую работать придется,—помолчавъ, выговорилъ Семень, пытаясь разговорить дядю. —Такая чай и здѣсь не подалеку найдется...

— А найдется—и ладно,—отъ добра добра не ищутъ. Только врядъ ли по нашимъ мѣстамъ есть такая, подходящая-то. Вдо-

воль нашего брата, а самому штобы хозяйствовать—не на чемъ. Гдѣ она, земля-то?... На помѣщика только хлопотать доведется. Есть, сказываютъ, такія мѣста, гдѣ земли не въ-пропахъ, гдѣ ей цѣна—грошъ, да люди дороги, вотъ куда бы пробраться!

— А мы-то, дядя? Какъ же мы-то безъ тебя?—испуганно и растерянно спросилъ Семень, видя, что въ дядѣ Павлѣ засѣла такая мысль, съ которой нечего бороться, и что такія обѣтованныя мѣста вѣроятно находятся за тридевять земель.

— Што-жь вы?! Кругъ своей-то земли и вамъ дѣлать нечево,—безъ меня управитесь. Вотъ, ждемъ, Александра въ отпускъ придетъ,—самимъ будетъ жить не у чево.

— Родимой земли-то... ай не жаль тебѣ?—печально спросилъ Семень.

— Не родимая она намъ,—обманная!... У барина наша исконная земля-то осталась. Съ этой все одно—долго ли, коротко ли—всѣмъ уйти придется. Вотъ и надумалъ я лучше загодя попытать, чѣмъ ждать послѣдняго дѣла—съ голоду на ней пухнуть. Поможетъ Господь найти подходящее што—для васъ же. Ай я объ васъ думать забылъ?... Эхъ, парень, этакъ ты дядю-то понимаешь!—съ теплымъ упрекомъ и грустью покачалъ онъ головой.—Мнѣ што? Много-ль моего вѣку-то осталось, штобъ объ себѣ думать?... Вотъ што съ вами станется,—думается, день и ночь думается, Сеня!... Гдѣ тотъ святыя человѣкъ на землѣ, што наши мужичьи слезы услышитъ, што наши мужичьи дѣла безъ обиды распутает?... Чай, видишь, не кормитъ она, земля-то, во сейчасъ не кормитъ, у чево-жь жить-то? Если таперь такъ, што-жь съ вами будетъ, а? Вѣдь грызться миряне-то стануть, што волки голодные! Глянь кругомъ, али не видишь, куда дѣло идетъ?... Казнь лютая смотрѣть-то на это!... Пожалѣй ты меня, не перечь, если любишь,—порѣшилъ я это дѣло!

— Дядя, родимый, замолвь слово у матушки,—я съ тобой пойду! Заработки высылать буду. Пусть рабочаго найметъ, коли што, коли самихъ управа не возьметъ.

Скрѣпя сердце, но совершенно напрасно старался Павелъ уговорить племянника обождать годикъ-другой и остаться дома до полученія доброй вѣсти отъ него,—тотъ стоялъ на своемъ всю дорогу домой.

Въ сущности Павелъ давно мечталъ объ этомъ, но боялся взять сына отъ матери, не зная, какъ устроится самъ и куда закинетъ его судьба.

Дѣло однако устроилось легче, нежели предполагалось, когда въ домъ узнали рѣшеніе Павла и вскорѣ пришелъ Александръ. Въ самомъ дѣлѣ, для собственнаго, падаваго и безвыгоднаго хозяйства дома оказывались лишнія рабочія руки и рта, такъ что работа и пропитаніе на сторонѣ были прямою пользою и необходимостью, — пособіемъ сами по себѣ, даже не принимая во вниманіе грѣзъ Павла объ обѣтованной землѣ, гдѣ-то ожидающей крестьянскихъ рукъ. Не мудрено, что мать безъ труда согласилась отпустить съ дядей его любимца.

Сборы были не долги и въ концѣ Оминой недѣли, наказавъ и отказавъ сестрѣ все свое хозяйство, дядя съ племянникомъ вышли за околицу деревни и простились съ домашними у бреста, гдѣ впервые заговорили о разлукѣ. Слава Богу, они были вмѣстѣ и миръ не клиномъ сошелся, какъ говорилъ Павелъ. Былъ хмурый, ненастный день. Они помолились на старый, скривленный осьмиконечный крестъ, земно простились съ своими и пошли по дорогѣ на Моршанскъ, чтобы выбратъся на Волгу. А тамъ, что Богъ дастъ. Они шли молча, глядя подъ ноги; языкъ не шевелился ни у того, ни у другаго, и только одинъ разъ оглянулись назадъ на поворотѣ, когда деревня готова была скрыться за холмомъ. Родные стояли на томъ же мѣстѣ.

IV.

Человѣку, не наблюдавшему дѣла собственными глазами въ послѣднее время, трудно повѣрить, чтобы постоянный сельскій житель, коренной землепашецъ, могъ бросить родное поле и домъ во время наступающихъ вѣшнихъ работъ и идти куда глаза глядятъ, не имѣя въ виду впереди привычнаго земледѣльческаго труда, то-есть почти никакого знакомаго опредѣленнаго заработка. Немного лѣтъ назадъ, такое явленіе, если и было возможно, встрѣчалось единичнымъ, какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила, совсѣмъ не то, что теперь. Стоитъ перезимовать въ одномъ изъ торговыхъ и особенно портовыхъ городовъ нашего юга, чтобы наблюдать тамъ этотъ сѣрый сельскій пролетаріатъ, уже охваченный затхлою, зловонною мутью города. Стоитъ встрѣтить тамъ весну, чтобы видѣть, какія массы этого сыраго почвеннаго продукта, сыраго трудового люда, приносятъ туда одни только водяные наши пути, не говоря о желѣзныхъ. Правда, и прежде даже пахарь черноземной полосы выходилъ на заработки

въ степныя губерніи, но не покидая родного, свычнаго ему дѣла около той же матери-земли, покосовъ и уборки хлѣбовъ. Тучная неоглядная степь, колыхаясь злаками, какъ море, не отрывала, а звала закорузлыя рабочія руки на тотъ же родной трудъ, къ родимой землѣ, и, мирно стихая, ложилась подъ косою. Теперь не то. Борьба за существованіе уводитъ ихъ дальше и дальше, гонитъ прочь, чтобы не вернуть почвѣ никогда. Какіе люди выйдутъ изъ такой борьбы на чужой территоріи—вопросъ, о которомъ стоитъ подумать. Нельзя успокоиться на дикой мысли, что народу во благо эти испытанія,—это значило бы рѣшить, что «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Шло время, шли и дядя съ племянникомъ. Путь лежалъ на Моршанскъ, а въ Кирсановѣ предстояло сѣсть на Саратовскую чугунку, еслибы ранѣе не представилось подходящаго дѣла. Впрочемъ твердымъ намѣреніемъ Павла было, какъ упомянуто, выбраться на Волгу, про которую не мало заманчиваго доводилось наслушаться ему. Онъ не вѣрилъ ни въ молочныя рѣки, ни въ кисельные берега, но ему, какъ большинству русскаго люда, особенно недалекаго отъ великой рѣки, она казалась еще какими-то особымъ міромъ, артеріей, ведущей къ обѣтованной землѣ, какииъ-то стихійнымъ просторомъ, источникомъ мощи и свободы, живюю водой богатырскаго эпоса, заживлявшею раны и воскрешавшею мертвецовъ. По рассказамъ, тамъ чудилось ему, да отчасти и Семену, что-то доброе, широкое, дѣвственное, чего они не могли бы передать, но чего просила душа, вырвавшаяся изъ непереносной, гнетущей тѣсноты, духовной и матеріальной, родного темнаго міра, лишеннаго возможности существовать.

Они шли и видѣли, какъ исчезали послѣдніе снѣга, притаившіеся кое-гдѣ, по лѣсамъ и оврагамъ, отъ зоркаго, теплаго глаза солнца, тщетно надѣясь, что ихъ пощадятъ и дыханіе вѣшняго вѣтра, и горячія объятія пробужденной земли. Послѣдніе замравшіе потоки, сочившіеся здѣсь и тамъ по промоинамъ и овражкамъ, уносили ихъ ко вздувшимся полямъ рѣкамъ. Темный бархатъ свѣже вспаханной пашни и изумрудные ковры озимей и луговъ начинали устилать просыхавшую землю. На глазахъ шедшихъ надувались и лопались сочныя почки и деревья подернулись мутно-зеленымъ флеромъ и затрепетали дѣвственной зеленью молодого листа. Шелковистые землекопы-грачи, каркая, бродили по рыхлымъ пашнямъ; надъ зелеными, сверкая, залива-

лись жаворонки; ласточки со щебетомъ носились по водамъ и сырымъ берегамъ. Съ дѣтства знакомыя, ласкающія, родныя картины всею встрѣчали и провожали шедшихъ, точно хотѣли остановить ихъ своею благодатью, красотой и лаской, о которыхъ пѣли и говорили птицы полей, лѣсовъ и водъ.

Сердца шедшихъ не разъ съ болью прислушивались и отзывались на эти пѣсни, но Павелъ наружно оставался глухъ. Даже любимцу онъ отвѣчалъ коротко и говорилъ мало. Молча, хмуро и упрямо онъ шелъ впередъ и впередъ, пока локомотивъ, сверкая и блестя мѣдью, шипя и свистя, дыша дымомъ и паромъ, не встрѣтилъ его съ Семеномъ на Саратовской чугунокъ-брикомъ и оханьемъ, точно понималъ предстоящій трудъ. Только теперь съ замѣтнымъ недоумѣниемъ, возбужденіемъ и интересомъ смотрѣлъ Павелъ и говорилъ любимцу объ этомъ новомъ для него зрѣлищѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Сызранская дорога тогда только-что строилась и ѣзду по чугунокъ-домосѣдъ-дядя зналъ только по слухамъ. Теперь это было первымъ чудомъ новаго міра, поразившимъ его, по уходѣ изъ дома.

Съ давно неощущаемымъ оживленіемъ смотрѣлъ онъ на маневрирующіе локомотивы, работавшіе колѣнями стальныхъ ногъ, послушныхъ желанію человѣка. Когда онъ видѣлъ, какъ то или другое изъ этихъ чудовищъ переходило съ рельсовъ на рельсы, шло впередъ, останавливалось или отступало назадъ, наливалось водой или набирало и тащило тендеры полные дровъ и тихо возвращалось и занимало свое мѣсто, не тревожа поѣзда, ему казалось, будто что-то живое и разумное дѣйствовало и сознательно работало въ этомъ желѣзномъ огнедышащемъ богатырѣ.

Когда, наконецъ, послѣ незнакомой желѣзнодорожной суетни и толкотни, наши путники усѣлись въ вагонъ и поѣздъ тронулся, съ каждою секундой ускоряя ходъ и все чаще отбивая темпъ по рельсамъ, они невольно перекрестились и принаги къ открытому окну, уже весело и бодро смотря на широкую панораму, огромнымъ круговоротомъ пронесившуюся мимо.

Быстро уносившійся поѣздъ точно порвалъ въ нихъ послѣднія нити горькой мысли о покинутомъ домѣ. Масса новыхъ впечатлѣній возбуждала и поглощала вниманіе, — родъ какой-то новой силы и бодрости просыпался въ угнетенной душѣ при видѣ общей дѣятельности. Все властнѣе захватываемые водоворотомъ новаго міра, въ который окунулись, ни дядя, ни племянникъ не

сознавали, да и не могли бы сознать, что съ ними. Они ощущали неволью родъ какой-то неловкости и недоверія къ себѣ, свойственныя всякому новичку. Даже между собою дѣлились они только рѣдкими и отрывистыми замѣчаніями, какъ бы опасаясь ихъ неумѣстности, наивно и недоумѣло переглядывались между собой и внимательными, любопытными глазами озирались кругомъ, словно ища толковаго объясненія окружавшаго, словно опасаясь попасть въ-просакъ и нарушить обычныя условія незнакомаго міра, въ который попали.

А міръ кругомъ былъ дѣйствительно не тотъ, изъ котораго ушли дядя съ племянникомъ. Люди, вещи, разговоры мало или почти не напоминали о тѣсномъ, замкнутомъ деревенскомъ углѣ. Тутъ некому было провести параллели между тѣмъ и другимъ, некому указать, что скорлупа и что ядро.

А въ сущности какъ бѣдны, ничтожны и узки были отношенія лицъ и темы вагонныхъ разговоровъ передъ міровоззрѣніемъ и непрерывнымъ отношеніемъ мужика къ кругообороту матери-природы, къ потребностямъ и жизни кормилицы-земли и къ той части дикаго животнаго царства, что отнята у него и обращена въ друга человѣка.

Да, міръ былъ иной. Разговоры, долетавшіе изъ всѣхъ угловъ вагона, носили на себѣ торгашествующій, меркантильный отпечатокъ, въ которомъ земледѣлію оставалось немного мѣста. Говорилось больше о цѣнахъ и всякаго рода операціяхъ хлѣбомъ, гдѣ на даръ Божій смотрѣли только какъ на товаръ и на предметъ азартной игры. Тутъ не было мѣста ни живому золотому волосу, ни крестьянскому поту, ни солнцу, которыми поливался и наливался онъ.

— Откель Богъ несетъ?—обратился сосѣдъ къ Павлу, первоначально нѣсколько разъ смѣривъ его торопливыми глазами и очень хорошо видя, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Изъ своихъ мѣстовъ, шацкіе будемъ,—неторопливо отвѣтилъ тотъ, въ свою очередь оглядывая любопытствующаго.

Одѣтый въ короткомъ сѣромъ чекменѣ на ватѣ, въ картузѣ и высокихъ сапогахъ съ оторочкою, расшитой яркими шелками, онъ казался чѣмъ-то въ родѣ прикащика или мелкаго торговца, ведущаго операціи съ народомъ и на его счетъ. Такіе люди, точно червякъ кузька или гессенская муха, шныряютъ теперь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ нашей огромной Россіи, пожирая продукты полей и деревень.

— Далече ли поднялись?... По дѣлу, што ли, по какому?— продолжалъ любопытствовать онъ.

— Извѣстны наши дѣла-то—на работу идемъ. До Саратова покудова, а тамъ... што Богъ дастъ.

— Тэ-экъ! — не очень одобрительно протянулъ онъ.— Не близко. Чай у васъ подъ руками работы-то вдоволь,—подъ чугунку полотно ведутъ... Ай кончили?...

— Нѣтъ, роютъ, да не свычны мы,—не наша работа эта. Опять... не одобряютъ наши, которые пытали.

— Тэ-экъ... Какую-жь вы работу работать можете?

— Да, правду тебѣ сказать, добрый человекъ, кругъ земли наша работа,—крестьяне мы споконъ вѣка были. Топоромъ малость можемъ, правда, да и то отъ нужды; кругъ скота, вотъ, либо ошто—это наше дѣло тоже. Сами хозяйствовали съ измалѣтства,—по хозяйству все можемъ.

— Чай, у васъ вплоть такая работа-то?

— Это на барина то-есть?

— А хоть бы и на барина.

Павелъ нахмурился и отвѣчалъ не вдругъ.

— Не подходяще. Такая-то работа не рука,—проку отъ еѣ нечево ждать. Барщина она—барщина и есть! Не затѣмъ намъ слободу дали, штобъ изъ чужихъ рукъ смотрѣть, на барской землѣ колотиться. Ай мужику-то опричь того на бѣломъ свѣтѣ и доли нѣтъ?

— А вотъ узнаешь въ Саратовѣ,—можетъ, Богъ приведетъ на купца поработать,—съ усмѣшкой произнесъ сѣрый чекмень и, крутя папиросу, переложилъ ногу на ногу, выставя на-показъ щегольскіе сапоги.

— Не въ ту силу ты меня понялъ. Чайлось намъ такія мѣста найти, гдѣ бы Богъ привелъ, по времени, на своей землѣ похозяйствовать, а не то што... Правду тебѣ сказать, эта самая статья и въ даль-то насъ ведетъ. Не своль далеко за Волгой, сказываютъ, есть такія мѣста-то.

— Ну, братъ, не знаю,—не слышно што-то. Оно, конечно, и по нашимъ мѣстамъ за землей не далеко ходить, съ капиталомъ если, а безъ того и думать нечево. Сдается много и казенныхъ земель, и общественныхъ, да деньги тутъ нужны хорошія... Опять дотошному человеку, надо быть, не дадутъ зря-то,—отобьютъ. По тыщи десятинъ есть запашки у нашего брата.

— А вы сами-то какіе будете?—спросилъ Павелъ, ошеломленный почтенною цифрой.

— Самарскіе и по Саратовской губерніи дѣло ведемъ. Хутора у насъ. По времени хлѣбъ покупаемъ, сало опять,—изъ-подъ Оренбурга барановъ-то гонять... Вотъ тамъ, сказываютъ, есть земли пустопорожнія, по четвертаку за десятину скупаютъ. Это ужъ я тебѣ доподлинно говорю,—подтвердилъ онъ, видя полное недовѣріе, даже что-то въ родѣ обиды на лицѣ собесѣдника, вполне увѣреннаго, что надъ нимъ хотятъ потѣшиться.—Да ты не вѣришь, никакъ?—усмѣхнулся онъ.

— Богъ тебя знаетъ, шутишь ты, аль нѣтъ, только плохо вѣрится... Не оповѣщали насъ объ земляхъ-то объ этихъ... Можетъ болотина какая, али песокъ?—въ недоумѣніи отозвался Павелъ, не зная, вѣрить сказанному или нѣтъ.

— Черноземъ, да еще съ лѣсомъ съ мелкимъ, сказываютъ.

— Ну, братъ, это ужъ старъ я сказки-то слушать. Али не оповѣстили бы насъ, еслибъ захотѣли по четвертаку крестьянамъ такія земли раздать, мужичью бѣду развязать?

— Ну, вотъ! Кто про што, а ты свое. Такія дѣла-то, чай, попрещъ мужика дѣлаются. По-вашему только и свѣта, што въ окошкѣ. Тутъ баре были, господа-чиновники, али хоть бы нашъ братъ-купецъ... Одинъ, сказываютъ, такую палестину, ровно царство, себѣ купилъ. Еще впередъ другихъ угодилъ.

Разсказчикъ не подозрѣвалъ, что разрывалъ сердце слушателя на части: Павелъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ, но досада, гнѣвъ, ожесточеніе поднимались и душили его. Точно о позорѣ и неволѣ матери или жены слушалъ онъ эти вѣсти, точно объ увозѣ суженой, которой желалъ и ждалъ многіе годы.

— Какъ же это такъ?—произнесъ онъ растерянно, будучи рѣшительно не въ состояніи переварить вопіющаго дѣла или грубой шутки, такъ безучастно передаваемыхъ ему, словно они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, или происходили на другой планетѣ.—Значить, не наша эта земля-то?... Не въ Россіи она, што ли?

Долго, а можетъ-быть и бесполезно пришлось бы сѣрому чекменю втолковывать сомнѣвавшемуся слушателю, какая это земля и наша ли она, еслибы въ разговоръ не вмѣшалось новое лицо.

Близъ толковавшихъ, доселѣ молча прислушиваясь, сидѣлъ высокій старикъ, скромной, но серьезной и почтенной наружности, представлявшій собою по виду что-то среднее между под-

городнымъ крестьяниномъ и небогатымъ мѣщаниномъ глухого городка, неуспѣвшимъ еще покинуть крестьянскихъ обычаевъ и вѣщности. Можно было предположить скорѣй всего, что это былъ мелкій торговецъ или ремесленникъ, какихъ много кочуютъ по Россіи, промышляя нехитрыми дешевыми товарами и такимъ же мастерствомъ. Только отпечатокъ какой-то торжественной steepности и достоинства противорѣчили этому. Выбритая маковка, сѣдые волосы и такая же глинообразная борода напоминали ликъ старой иконы, что, впрочемъ, ни мало не мѣшало житейской обходительности старика, обратившагося къ Павлу.

— Ништо же сумняшеса... Али въ диво тебѣ такія дѣла, что сильные міра мзду имуть?—вдругъ, точно что заученное, улыбувшись въ сторону его, тихо заговорилъ онъ.—Самъ будучи изъ отдаленныхъ мѣстъ тѣхъ, я рѣкомаго купца самолично знаю и многое тебѣ о тѣхъ мѣстахъ, какъ очевидецъ, повѣдать могу. Имѣяй уши слышати, да слышити.

Послѣ такого неожиданнаго приступа, всякій другой на мѣстѣ Павла могъ бы ожидать, что кочующій витія скажетъ подобающую случаю рѣчь, вынетъ неизвѣстно откуда жестяную кружку съ мѣднымъ замочкомъ или засаленную и закапанную воскомъ книжку въ плисовомъ черномъ чехлѣ съ мишурнымъ крестомъ и потребуетъ подавнія на монастырь, храмъ или образъ, но въ дѣйствительности этого не случилось.

Совершенно напротивъ, старикъ немедленно принялъ самый добродушный и теплый житейскій тонъ и съ видимою любовью заговорилъ о тихихъ сокровенныхъ мѣстахъ нашихъ отдаленныхъ окраинъ, куда уходитъ русскій людъ, простой и чистый сердцемъ, ради тишины и мира, отъ тѣсноты матеріальной и нравственной.

Вскорѣ говорившій и слушатель тѣсно сидѣли вмѣстѣ. Доселѣ несообщительный, долгіе годы замкнутый въ себѣ и ни съ кѣмъ, кромѣ неровни племянника, не отводившій души, парень пожиралъ каждое слово почтеннаго сосѣда и безусловно вѣрилъ ему, умѣвшему понять, сочувствовать и тронуть его сердце.

— Да, братикъ, — проговорилъ тотъ, когда точно на исповѣди узналъ долгія недоумѣнія и рѣшеніе Павла, — не иметъ тѣснота, а иметъ лихота! Не отъ одного малоземелья и скудости бросаются старыя насиженные гнѣзда. До нищеты сидятъ въ нихъ, не безъ слезъ покидаютъ... Плоть поборолась бы, притерпѣлась, да духу тѣсно, — вѣдь смердитъ міръ-то сельскій, черви въ немъ!

А вѣдь чѣмъ народъ врѣпокъ? Имъ, единеніемъ,—общей радостью и общимъ горемъ. На людяхъ и смерть красна, говорится. Вѣдь имъ мы—ни много, ни мало—тысячу лѣтъ жили, всѣ наши бѣды перенесли, ты то подумай!

Старикъ видимо сочувствовалъ Павлу, можетъ-быть потому, что самъ давно ушелъ отъ міра малаго въ міръ большой, вѣдомый, впрочемъ, совсѣмъ иными побужденіями,—отъ жизни дѣятельной къ жизни созерцательной, отъ Марѳы къ Маріи. Онъ оказался старообрядцемъ-начѣтчикомъ, ради истинъ древле-христіанскаго благочестія искрестившимъ Русь повсюду, гдѣ привилось, жило и угрывалось оно, начиная съ Соловецкой обители до поселеній некрасовцевъ на Дунаѣ. Не мудрено, что многое могъ поразсказать онъ и о тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ гадалъ Павелъ.

Онъ говорилъ ему объ Иргизѣ, объ Узеняхъ, объ Яикѣ—золотомъ днѣ и о другихъ болѣе отдаленныхъ тихихъ мѣстахъ, куда шелъ народъ русскій по стопамъ древлеправославія, бѣгущаго отъ антихриста и его печати. Съ истиннымъ краснорѣчіемъ рисовалъ онъ миръ, тишину, незлобіе и ангелоподобную простоту братской жизни въ тѣхъ мѣстахъ. Тамъ, по его словамъ, произволеніемъ Бога, сама земля растворила свои нѣдра, чтобы дать человѣку успокоеніе, благоденствіе и миръ. Обрисовавъ темные лѣса, высокія горы и многоводныя рѣки и озера, полныя всякой твари на потребу людскую, онъ говорилъ о цвѣтущихъ степяхъ и лугахъ, питающихъ тучный скотъ, и о нивахъ, утонувшихъ въ золотѣ тяжелой колосистой ржи.

Эти рѣчи казались музыкой, картины захватывали духъ Павла,—ему хотѣлось летѣть въ прекрасную, благодатную даль, безъ думъ, безъ сожалѣній о томъ, что оставалось назади. По одному мановенію старика въ то время онъ, казалось, пошелъ бы всюду. Только станція, гдѣ вышелъ собесѣдникъ, прервала иллюзію. Остановка была короткая; онъ оборвалъ разсказъ, прозаически заторопился, собралъ свои пожитки и исчезъ въ толпѣ, забывъ о недавнемъ сосѣдѣ и едва ли подозрѣвая неутолимую жажду новой жизни, которую возбудилъ въ немъ.

Вѣроятно, долго продумалъ бы Павелъ о слышанномъ, еслибы не здравый смыслъ русскаго человѣка, который неотступно напоминалъ ему, что райскія мѣста далеко, а подъ носомъ у него Саратовъ, о которомъ тоже необходимо было кое-что узнать, такъ какъ приходилось дѣятельность свою начать съ него, приближавшагося съ каждымъ оборотомъ колеса.

Утѣшительнаго, впрочемъ, для дяди съ племянникомъ изъ возобновленнаго разговора о немъ съ сѣрымъ чекменемъ выходило немного. Работу, по словамъ послѣдняго, на Волгѣ, во время навигаціи, найти было не трудно, но кромѣ того, что она была временна, требовалась еще и свычка съ ней.

Впрочемъ то, что свычку ко всевозможной работѣ русскій человѣкъ пріобрѣтаетъ быстро, Павлу и Семену вскорѣ предстояло подтвердить на дѣлѣ.

Первое время по пріѣздѣ въ Саратовъ, онъ встрѣтилъ нашихъ сѣрыхъ гостей довольно дружелюбно, несмотря на то, что рабочаго народа скопилось уже въ немъ довольно и вновь прибывало съ каждымъ новымъ парходомъ и поѣздомъ чугулки. Дѣло въ томъ, что они прибыли во-время—въ самый развалъ открывавшагося судоходства, когда еще спѣшили догрузкою хлѣбныхъ каравановъ и работой на пароходахъ и баржахъ, подходящихъ съ низу.

Дядя съ племянникомъ вскорѣ успѣли пристроиться на одной изъ парходныхъ пристаней и несомнѣнно укрѣпились бы тамъ, въ силу своей нелицемѣрной, безотвѣтной готовности работать всякую работу, какова бы ни была она, на что мѣстный и пришлый избалованный и искусившійся рабочій людъ смотритъ искоса, принимается за нее нехотя и дѣлаетъ черезъ пень-колоду, какъ скоро она хоть мало выходитъ за рамки его договора. Потому наниматель, даже несмотря на неумѣлость, часто предпочитаетъ сѣрый сырой продуктъ нашей деревни самому опытному мѣстному. Часто, кромѣ того, главную роль въ дѣлѣ предпочтенія играетъ безъ сравненія высшая благонадежность крестьянина, еще не тронутого и не обработаннаго растлѣвающей городской средой. Однако, мысль о возможности присмотрѣть себѣ подходящую землицу и мечты о невозмутимомъ мирѣ сокровенныхъ, далеко притаившихся поселеній, о счастливыхъ, ушедшихъ отъ зла, такъ прочно укоренились въ головѣ и сердцѣ Павла, что не давали ему спать и вскорѣ заставили покинуть Саратовъ. Его тянуло дальше,—ему казалось невозможнымъ, чтобы не было гдѣ-то такой земли, которая не можетъ оттолкнуть его рабочихъ закорузлыхъ рукъ, выросшихъ и обрѣвшихъ на ней и ради ея. Только мысль о страшной отдаленности удерживала его на мѣстѣ. Ближайшія мѣста оказывались далеко не тѣмъ, чѣмъ были въ глазахъ сектанта, воздѣлывателя духовной нивы. Работа по Яигу, у казаковъ, изъ доли, была доступна только сосѣднему

русскому крестьянству, сидѣвшему на собственныхъ земляхъ. Она, правда, была не безвыгодна, потому что вся дѣлалась мужичьими руками, орудіями и знаніемъ, за что оплачивалась все-таки сравнительно львиною долей этимъ щедро надѣленнымъ помещикамъ, самымъ безхозяйнымъ въ мірѣ, сотни тысячъ десятинъ которыхъ вѣка лежатъ впустѣ, словно среднеазіятскія степи. Безъ ошибки и пристрастія можно бы сказать, что даже монгольское владычество было дѣятельнѣе, цвѣтущѣе, производительнѣе современной скудости, лѣни и первобытной формы труда, существующей здѣсь. Сотни тысячъ головъ въ полѣ зимующаго барана, лошадей и измелъчавшаго рогатаго скота, безконечные стоги Богомъ сѣмаго и Ураломъ поливаемого сѣна, да рыболовство, предусмотрительно дарованное природою, и затѣмъ—ничего, что бы не было доставлено изъ Россіи, начиная съ насущнаго хлѣба, гвоздя, мыла, сальной свѣчи, сбруи, обуви, которые возвращаются въ эту первобытную страну переработанными изъ матеріаловъ ея же скотоводства. Еслибы не бѣдные, рѣдкіе, чуть не одичалые форпосты, никто бы не принялъ за осѣдлую эту страну номадовъ и рыболововъ, не тронувшуюся съ мѣста въ теченіе болѣе столѣтія. Тутъ было самое настоящее мѣсто для скита старобрядца, а не для производительнаго крестьянскаго труда. Основные положенія замкнутой казачьей общины отрицали его. Только подъ видомъ ничѣмъ не гарантированнаго рабочаго земледѣльца могъ прокрасться за ея китайскую стѣну.

Когда Павелъ узналъ все это отъ бывалыхъ практическихъ людей, оно не охладило его, а только направило въ другую сторону. Онъ сталъ наводить справки о ближайшихъ подходящихъ мѣстахъ по Волгѣ, съ которою, увидавъ и извѣдавъ ее разъ, онъ не хотѣлъ бы разстаться.

На его счастье или горе вскорѣ онъ узналъ отъ сослуживца, водолива баржи, знавшаго низовья Волги вдоль и поперекъ, что есть такія подходящія мѣста по Ахтубѣ, самому восточному и длинному рукаву Волги, почти пограничному съ Внутреннею Киргизскою ордой,— что земли тамъ новыя, почти не видавшія сохи-бороны, съ незапамятныхъ временъ удобряемыя разливами и дающія благодатные урожанъ,— что по Ахтубѣ множество большихъ, богатыхъ, цвѣтущихъ селъ, куда можно приписаться и переселиться. Нечего говорить, что съ тѣхъ поръ на эту Ахтубу были обращены все помыслы и вожделнія Павла. Узнавъ, что обратиться туда почти безъ расходовъ легко черезъ Владиміровку,

откуда идут караваны съ солью Баскунчагскаго озера и изъ Астрахани, по постоянному сообщенію съ рыболовными ватагами, и что заработки въ послѣдней не хуже, а лучше саратовскихъ, онъ съ Семеномъ, при первомъ же представившемся случаѣ, сплыли внизъ по Волгѣ. Недолгій благословенный путь—лучшіе дни въ жизни пльвшихъ—ничего не стоилъ, напротивъ за него заплатили имъ, потому что зачислили въ комплектъ баржевыхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, недѣли за полторы до побѣдоносной борьбы и поступленія Семена въ работу, дядя съ племянникомъ очутились въ Астрахани, гдѣ обстоятельства на время раздѣлили ихъ, хотя они видались въ день раза по два.

Дѣло было въ томъ, что мѣсто Павлу нашлось немедленно на пристани привезшаго ихъ парохода, а Семену такого не оказывалось, хотя оно и было обѣщано впредь. Парню по неволѣ пришлось пока поселиться въ семьѣ пароходнаго кочегара, квартировавшей на селеніи, въ бѣдномъ домигѣ одного изъ астраханскихъ ловцовъ, которыми въ данное время была полна та часть города. Квартира была удобна тѣмъ, что дешева и находилась вблизи отъ пристани пароходства, при которой остался дядя, совсѣмъ нечаявшій и не желавшій разставаться съ племянникомъ.

Между тѣмъ проходили дни, мѣста Семену не обазывалось и онъ, не желая сидѣть сложа руки и ждять у моря погоды, сталъ выходить на базаръ и наниматься на поденную работу, если такая представлялась, и такимъ путемъ попалъ на выгрузку бѣляны.

Теперь мы знаемъ, съ какимъ торжествующимъ сердцемъ и съ кѣмъ торопился подѣлиться неожиданнымъ счастьемъ, возвращавшійся съ лѣсной пристани, Семень.

У.

Прошла недѣля. Работа около бѣляны кипѣла и по времени приближалась къ концу, но добра въ ея вскрытой огромной утробѣ оставалось еще довольно. Артель начинала побаиваться не кончить работы къ сроку и, напрягая послѣднія силы, уничтожила единственный отдыхъ, обычный и необходимый здѣсь, въ самые жаркіе часы раскаленнаго дня. Люди отдыхали только за ѣдой, то-есть не дѣлами, какъ слѣдуетъ, ни того, ни другаго.

Если самые привычные и сильные изъ артели не чувствовали подъ собою ногъ, не знали куда дѣвать болѣзненно нывшихъ рукъ и едва разгибали согбенныя, сведенныя тяжестью спины, то не трудно догадаться, каково было новичкамъ и слабѣйшимъ. Люди работали почти безсознательно, автоматически, точно зубья одной шестерни, которая вращалась, заведенная золотымъ ключомъ выгоднаго заработка. Только артелью, гдѣ одинъ работалъ за другими, пропадая въ общемъ механизмѣ и покоряясь его ходу, могло дѣлаться такое дѣло, — личной энергіи не хватило бы на него.

На-лицо доказательство. Цѣлые дни, отъ зари до зари, солнцемъ палимая, смоншая потомъ, ходитъ ужасная шестерня и бѣдный Семень въ ней. Нѣтъ, это не родимая пашня, не влажная рыхлая борозда, не жаворонки поютъ надъ ней, да и самъ онъ не тотъ, — у него въ глазахъ туманъ, а не на полѣ. Въ пламенномъ небѣ южное солнце стоитъ, — груди дышать нечѣмъ, рубаху хотъ выжми, раскаленная почва глаза рѣжетъ и ноги палить... Что за дѣло? Не ждетъ дорогая работа! Торопятся, идутъ товарищи спереди, по пятамъ настигаютъ сзади, — нечего дѣлать, несутъ и его затекшія, одеревенѣвшія ноги, носить и онъ съ товарищемъ тяжелый срочный грузъ, — носить, надрывается, а молчить. Стыдно жаловаться, не на кого пенять. «Взявшись за грузъ, не говори, что не дюжь», какъ-то механически и случайно мелькаетъ у него въ головѣ, мало помогая тяжелому дѣлу. Приходится испытать на себѣ, что значить выгрузка къ сроку и какова эта желанная работка. Только общее дѣло да надежда скорого избавленія отъ него напрягаютъ и поддерживаютъ послѣднія силы артельщиковъ, особенно тѣхъ, у которыхъ ихъ мало. «Дотянуть бы до срока, покончить съ Божіей помощію, а тамъ прахъ ее возьми, — калачомъ не заманишь», думаютъ многіе и работаютъ молча и упрямо, спѣша покончить съ непосильнымъ трудомъ. Не отставать же Семену! Развѣ не онъ, недѣлю назадъ, съ глубокою радостью принесъ дядѣ извѣстіе о предстоявшей работѣ? Развѣ не онъ со рвеніемъ и горячностью принялся за нее въ охотку въ первые дни? Не самъ ли онъ скрылъ тягость ея отъ родного, не вѣря ей и до послѣдняго времени думая, что не Богъ вѣсть какое дѣло — дрова таскать?...

Теперь онъ знаетъ, каково оно, да дѣться некуда, — надо кончать... И вотъ онъ идетъ, идетъ, идетъ, несмотря на одеревенѣвшія ноги, и боится отдохнуть, задыхаясь отъ напряженія и

жара, точно робкая, запаленная, нервная кляча, побуждаемая впередъ и впередъ длиннымъ рядомъ родного обоза и соловьинымъ свистомъ хозяйскаго кнута.

Въ день начала работы, только-что забрезжило на востокъ недавно потухшее небо, свѣжій, бодрый и счастливый, проснулся Семень и заторопился на пристань, боясь опоздать на свое мѣсто. Еще полусвѣтъ-полумракъ лежалъ надъ пустыннымъ безмолвнымъ полемъ, которыми торопливо шагаль онъ, и послѣднія звѣзды, блѣднѣя, мигали въ прозрачномъ, чуть-чуть синеватомъ небѣ. Несмотря на то, что, съ каждымъ шагомъ впередъ, окрестность, свѣтлѣя, выдѣлялась изъ сѣрой туманной мглы утра, пристани спали мертвецкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Даже сторожа, уставъ бродить, трещать и стучать въ чугунныя доски, повалились тамъ и сямъ, пьяные свѣжимъ влажнымъ дыханіемъ и невозмутимую тишиной вновь наступавшаго дня. Даже собаки, набѣгавшіяся за ночь, растянулись безъ движенія, какъ трупы, наповаль убитыя сладкой смертельной отравой отдыха и нѣги.

Семень тихо и безпрепятственно вошелъ въ лабиринтъ мертваго деревяннаго города и пересѣкъ его поперекъ, направляясь къ Болдѣ. Тамъ тоже все спало. На берегу не было живой души, ни единого звука, кромѣ соннаго, чуть слышнаго гуда комара, отлетавашаго на покой. Парень сълъ на валу, опоясывавшемъ пристани отъ полыхъ водъ, и смотрѣлъ кругомъ, пока его самого не начала охватывать сладкая дрожь и непреоборимая пѣга дремоты и сна. Съ нимъ была кое-какая одежонка, онъ бросилъ ее подъ голову и сладко, судорожно протянулся на прохладной песчаной постели. Бѣлая была противъ и не замѣтить его не могли.

Но сонъ пришелъ не вдругъ и лежавшій бродилъ тихими, спокойными глазами по обширному глубокому небу, гдѣ блѣзли легкіе паруса облаковъ, чуть гонимые заштилѣвшимъ вѣтромъ. Ему было хорошо. Въ полубдѣніи-полуснѣ онъ слѣдилъ, какъ реили они, брасуя и уходя то тѣмъ, то другимъ галсомъ.

Слѣва, дремлющимъ, упавшимъ строемъ уха, слышала онъ тихій всплескъ волпъ о крутыя груди и бока судовъ, убаюкивавшій своимъ ритмомъ; справа, отъ пристаней, начиналась веселая болтовня просыпавшихся скворцовъ — отцовъ и дѣтей. Но гдѣ это было — во снѣ или на яву, въ дѣйствительности или въ грѣзахъ — Семень уже не могъ опредѣлить. Онъ помнилъ, какъ

верхи облаковъ-парусовъ ожили, точно блѣдныя лица, въ котрымъ прилила кровь, заалѣли, вспыхнули румянцемъ и блескомъ; но гдѣ это было—въ морѣ неба или сна—парень не зналъ. Онъ спалъ, не помня, какъ слылось то и другое.

Когда его разбудили, солнце поднялось надъ горизонтомъ, артель была въ сборѣ и шумѣла — галѣла, какъ выражалась сама. Подбирались товарищи, то-есть распредѣлялось, кому съ кѣмъ работать, такъ какъ носилки требовали двухъ человекъ. При этомъ имѣлась въ виду равномерность работы, но только въ смыслѣ ея большей успѣшности вообще, а не силъ того или другого человека въ частности. Достигалось это довольно простымъ, хотя едва ли справедливымъ, путемъ.

Дѣло въ томъ, что точкой отправленія здѣсь очевидно служила мысль, что каждый членъ артели долженъ внести въ нее, по возможности, совершенно одинаковый съ прочими пай труда, не взирая на личныя физическія средства, и, разумѣется, съ непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго исполненія предпринятаго дѣла. Для этого сильный спрягался со слабымъ, опытный съ неумѣлымъ, ретивый съ лѣнливымъ, чтобы первые служили регуляторомъ и побуждали послѣднихъ. Въ силу ли это имъ, артель не хотѣла знать, потому что никого не тащила въ дѣло насильно, а, напротивъ, предупреждала, что оно — каторжное, чтобы вступившему не на кого было пенять.

По настоянію Марченкова, Семену пришлось работать съ нимъ. Это не испугало парня только потому, что онъ не вполнѣ понималъ расчеты артели, избѣгалъ связки съ Самсономъ и чувствовалъ радушіе и покровительство добраго, веселаго солдата.

Не мудрено, что онъ въ охотку бодро принялся за работу, сдерживаемый, а не понуждаемый товарищемъ.

Артельная шестерня легко и дружно пошла въ ходъ.

Но миновалъ день, прошелъ другой и третій—и медаль стала оборачиваться другою стороною. Мускулы напрягались и жили вытягивались за предѣлы сокращенія, связки ослабѣвали, хрящи и кости наминались и ломили,—рабочій механизмъ расклѣпывался и развинчивался тѣмъ быстрѣй, чѣмъ менѣе проченъ и устойчивъ былъ. Люди, отъ зари до зари работавшіе длинные дни, вмѣсто отдыха, начинали страдать и стонать короткими ночами, забываясь безпокойнымъ, болѣзненнымъ сномъ. Они чувствовали, что все болѣло, ныло и надрывалось въ нихъ, пока въ цѣломъ организмѣ не оставалось живого мѣста.

Болты и гайки, поршни и муфты, колѣна и плечи рычаговъ живой машины расшатывались, теряли точку опоры и, не исправленные отдыхомъ, вновь поступали въ работу. Такимъ образомъ прошла недѣля, работать оставалось три дня, да и слава Богу, — долго такое дѣло не могло тянуться...

А оно тянулось чѣмъ далѣе, тѣмъ мучительнѣе, однообразнѣе, медленнѣе, пока часъ не сталъ казаться за день и день за недѣлю. Но этого оказывалось мало: былъ отнять послѣобѣденный отдыхъ, когда жары переходили за сорокъ градусовъ. Боязнь опоздать увеличивала значительность остававшейся работы, хотя, на самомъ дѣлѣ, она вовсе не была такова и для своевременнаго окончанія не требовала никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, большинствомъ онѣ были предложены и приняты — и часы послѣобѣденнаго отдыха уничтожены въ прямой вредъ себѣ и дѣлу. Какъ бы то ни было, черезъ полчаса послѣ ѣды, въ самое знойное время послѣ полудня, убійственная машина пускалась въ ходъ.

А дни, какъ на грѣхъ, стояли знойные, невозмутимо-тихіе; даже ночами парило, точно въ теплой влажной ваннѣ, и давило нестерпимую духотой. Росы падали дождемъ и смачивали поверхность земли, особенно растительности, за ночь. Уставшимъ трудно было отдыхать и набираться новыхъ силъ въ эти короткія, распаривающія, не дающія дышать ночи, — не мудрено, что они вставали истощенные и дряблые и принимались за работу съ туманомъ въ глазахъ и головѣ, безучастные ко всему окружающему, точно автоматы, которые не падали только потому, что ихъ никто не толкалъ.

Восьмой день съ утра наступилъ такой же: то же пламенное солнце показалось и взошло надъ горизонтомъ на безоблачномъ небѣ, — уже съ одиннадцати часовъ такъ же душило и жгло. Работавшіе, пара за парой, носилки за носилками, двигались ужаснымъ круговоротомъ Дантова ада, переложеннаго на русскіе нравы. Грузные шли они съ бѣляны, облегченные возвращались въ нее, что казалось имъ отдыхомъ, несмотря на тяжелыя носилки и невозможность простого движенія въ такой температурѣ. Бѣдный Семень чувствовалъ, что изнемогаетъ, что, вотъ-вотъ, ноги его подкосятся, грудь задохнется или одеревенѣвшія руки выпускать эти тяжелыя носилки и разсыпать дрова на пути, вызывая проклятія товарищей. При послѣдней мысли руки его судорожно сжимались и держали гнетущую ношу.

Еслибы не Марченковъ, Семенъ изнемогъ бы давно. Добрый, бывалый, испытанный человекъ понималъ, каково парню, въ которомъ было больше энергіи, чѣмъ силы, и незаметно старался брать на себя большую долю труда, который такъ черство стремилась поровнять артель. Въ глубинѣ простаго, безшабашнаго сердца, Марченкова возмущали положенія артели, какъ онъ ни старался оправдать ихъ практичностью. Онъ не сознавалъ, а чувствовалъ совершенно независимо отъ себя, инстинктивно, что если Богъ награждалъ его силой, то вѣроятно не затѣмъ, чтобы давить ею слабого, а затѣмъ, чтобы помочь ему. Такъ онъ и поступалъ. Прежде всего, мало-по-малу, онъ сталъ брать на себя навалку дровъ на носилки, отстраняя парня будто бы потому, что тотъ не умѣетъ дѣлать этого. Самъ онъ, разумеется, дѣлалъ это лучше, потому что центръ тяжести этой нехитрой для укладки ноши оказывался всегда впереди носилокъ, то-есть на его солдатской сторонѣ. Но этимъ не удовольствовался штрафованный нижній чинъ. Замѣчая все большее утомленіе Семена, онъ сталъ постепенно укорачивать плечо рычага, на которомъ лежала ноша, то-есть подхватывалъ поручни носилокъ все ближе къ грузу, пока не сталъ касаться къ нему своею солдатскою мяготью. Даже новичку нельзя было не замѣтить этого, но перепрямить Марченкова въ данномъ случаѣ было тоже нельзя. На замѣчанія парня, онъ коротко отвѣчалъ, что ему такъ ловчѣе, что онъ ему не указъ или что онъ безъ него знаетъ, какъ дрова носить, и невозмутимо продолжалъ дѣлать свое дѣло. А въ наказаніе за противорѣчія и везнаніе субординаціи онъ отнялъ у Семена и отобралъ исключительно въ свою пользу даже пустыя поручни носилокъ, которыя обыкновенно носились или поочередно, или по одной каждыиъ изъ товарищей. Онъ находилъ, что арестовалъ его, постоянно таская эти тяжелые трофеи, какъ ружье на плечѣ.

Не мудрено, что Семенъ сталъ поминать его въ своихъ молитвахъ наряду съ матерью и дядей Павломъ.

Дядя Павелъ тоже не забывалъ племянника. Въ теченіе недѣли онъ три раза урывалъ минутку отъ своего хлопотливаго и постоянного дѣла, чтобы заглянуть на пристань и провѣдать Семена; но такъ какъ тотъ бодрился при немъ и не показывалъ вида, каково ему въ дѣйствительности, то серьезный мужикъ уходилъ успокоенный, думая, что все идетъ обычнымъ добрымъ порядкомъ.

А между тѣмъ несчастный парень самъ не зналъ теперь, какъ дотянулъ до обѣда. Нѣсколько разъ онъ чувствовалъ, какъ у него мутится и меркнетъ въ глазахъ, земля уходитъ изъ-подъ ногъ и обширная панорама пристанскаго берега идетъ кругомъ, точно онъ стоитъ въ центрѣ наклоннаго вращающагося бруга какаго-то гигантскаго самоката.

Какъ только пошабалили, онъ повалился, какъ пласть, и отказался отъ всякой ѣды. Отдыхъ былъ единственною необходимостью, за которой забывались другія. Отдышаться—первое дѣло, подсказывалъ инстинктъ, и онъ дышалъ всѣми легкими, дышалъ тяжело, но съ наслажденіемъ утопавшаго, вынутаго изъ воды. Первое время, пока не успокоилась кровь и сердце не стало биться равномернѣе и тише, ни единого помышленія, ни искры мысли не блеснуло въ его головѣ,—единственное чувство отдохновенія всецѣло охватило его. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, навзничъ, на солнечномъ припежѣ, и сквозь сомнутыя вѣки, налитыя кровью, видѣлъ цѣлый адъ, пламенный и багровый, по которому, восходя и нисходя, крутились золотыя блестки, песчинки и звѣздочки самыхъ причудливыхъ сочетаній и формъ. Больше ничего не было въ его сознаніи.

И все-таки первая мысль, которая прошла и застѣла клиномъ въ головѣ Семена, была мысль о работѣ и необходимости докончить ее, во что бы то ни стало,—о необходимости докончить то дѣло, которое чуть было не убило его.

Выкупаться бы, мелькнуло въ его воображеніи, какъ только онъ почувствовалъ себя легче. Немного погодя онъ всталъ, сошелъ на плотъ и, скинувъ смочшую отъ поту рубаху и штаны, перекрестился и погрузился въ воду.

Сразу почувствовавъ себя лучше и бодрѣй, парень уже безъ ужаса могъ думать о предстоящей работѣ и даже поѣлъ не безъ аппетита. Каторги оставалось два дня и нѣсколько часовъ.

Но, наконецъ, даже самая природа, кажется, сжалилась надъ артельщиками. Пока люди обѣдали, изъ-подъ западнаго горизонта выдвинулся темный край длинной синей тучи и глухо, чуть слышно зарокоталъ громъ, точно проѣхали гдѣ-то очень далеко по деревянному мосту. Утомленные лица обѣдавшихъ оживились.

— Давай Богъ, давай Богъ!—крестясь заговорили они.

— Говорилъ я вамъ даве, што дождь будетъ, ай нѣтъ?—послышался голосъ въ гучкѣ.—Досадно, обѣ закладъ не ударился,—хоть бы корешковъ четвертку выигралъ, али папушу махорки.

— Какъ разъ!... Угадчикъ выискался... Побейся, глядишь— и отдашь бы.

— Ну, нѣтъ,—примѣту знаю. Навѣрняка спорить могу. Исто разовъ пятокъ, можетъ, не отгану. Еще утресь сказываль...

— Ишь ты!... Много у насъ примѣтъ-то этихъ: *сверху*, да не всегда угождаютъ,—обманываютъ сплошь. Иной ждешь, ждешь дождя - то, а онъ возьметъ да стороной и пройдетъ. И: *молебны* не помогаютъ!

— Попы, значить, плохи,—не въ аккуратѣ себя держутъ,— ввернулъ Марченковъ. — Што-жь это за примѣта такая вѣрная?

— А касатки летали низомъ — по-надъ водой надъ самой.

— Это ластовки, значить?... Ну?

— Ну, только и всево! Самая вѣрная примѣта: либо дождя, либо вѣтра сильнаго жди—бури какой ни на есть. Вотъ если высоко летаетъ—бѣ вѣдру. Это ужъ вѣрно.

Обѣдавшіе отнеслись къ говорившему недовѣрчиво и захотали.

— Ну, братъ, умень же ты! Въ жизнь бы не догадаться, отчево дожди бываютъ, анъ дѣло-то въ ластовкахъ. Тебѣ старуха, што ли, эту сказку-то сплела?

— А ты не торопись колпакъ-отъ надѣвать,—не уйдетъ! Не отпѣлъ еще я... Не оттово дождь живетъ, што касатка низомъ летитъ, а оттово птица Божія такъ и летитъ, што дождю вскорости быть. Нужда ее заставляетъ по низамъ-то маяться — вотъ што, и насъ же дрова таскать,—прахъ ихъ возьми! Голодъ—не свой братъ, а питается-то птичка живой тварью—мухой, комаромъ, мошкой,—словомъ, мушкарой всякой. Вотъ и охотится за ней: куда та, туда и она. Та вверхъ — и она вверхъ, та внизъ—и она внизъ. Такъ-то!... Ну, а мушкара-то эта загодя всякую погоду чувствуетъ,—за день али больше знаетъ, чево ждатель,— такъ ужъ Богомъ ей во спасенье положено. Ветеръ - то и дождь бѣда ей, — безъ защиты, унесетъ ни вѣсть куда, али забьетъ совсѣмъ, — вотъ она къ ненастью къ землѣ и льнетъ, не залетаетъ высоко - то. Въ вѣдро — такъ; теплу, свѣту радуется — высоко въ небо летитъ, приволья ищетъ, поетъ. Чай видали толкуну-то?... Вотъ оно и выходитъ, что какъ пошли касаточки по низу летать—охотиться, значить дичь внизу, это мушкара-то,—жди ненастья. Не будь этого, ласточка-то, можетъ, никогда не охотилась бы внизу, потому что несподручна охота тутъ,— не такъ добычлива, какъ вверху. Оно, знамо, виднѣй на воль-

номъ-то свѣтѣ, а тутъ и дичь-то сѣра, да и земля-то сѣра,— промахнешься какъ разъ... Поняли таперь примѣту-то мою? — обратился онъ къ товарищамъ, слушавшимъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Слушатели единогласно согласились съ говорившимъ и съ видимымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ отнеслись къ его объясненіямъ. Съ смѣхъ и помина не было. Кабалось, въ лицѣ рассказчика простота, естественность и правда наблюденія и вывода покорили себѣ безхитростныхъ слушателей.

Между тѣмъ причина разговора росла въ небѣ, захватывая значительную часть его. Туча была грозная, насыщенная электричествомъ и шла съ натискомъ темной, огромной массы арміи, двинутой на штурмъ, подъ прикрытіемъ огня и грохота батарей. Поднимая клубы и водовороты пыли и праха, начиналъ подувать густой, насыщенный влагой, западный вѣтеръ, несшей ее, опережавшій и грозившій, вотъ-вотъ, обрушиться вдругъ, яростно хлестнуть по землѣ и превратиться въ штормъ, не знающій препятствій. Все ближе слышалась его музыка и шорохъ наступающей тучи.

Артельщики бросились убирать обѣдненные припасы и принадлежности, точно первыми пулями, поражаемые рѣдкими, крупными, тяжелыми каплями дождя, начинавшими падать и постукивать среди мертвой внезапной тишины. Только бѣлая волнующіяся знамена, клочья разорванныхъ облаговъ, со страшною стремительностью неслись подъ темной массой тучи, словно торопились впередъ.

Вдругъ ослѣпило всѣхъ и грянулъ страшный залпъ.

Вихрь, крутя и унося, подхватилъ море пыли; поле зрѣнія исчезло, какъ въ пороховомъ дыму; дождь хлынулъ и полился потоками.

Какъ наступило, такъ же быстро и пронеслось все. Хотя мелкій дождь пересталъ не вдругъ, но онъ не мѣшалъ, а, напротивъ, пособлялъ работавшимъ, кропя и освѣжая ихъ. Гнетъ и духота воздуха исчезли, унесенные вѣтромъ, пожираемые молніей и смытые дождемъ. Что-то освѣжающее, легкое, точно углекислота бьющая въ носъ, осталось и чувствовалось въ озонированномъ воздухѣ. Не даромъ говорятъ, что грозы очищаютъ атмосферу, и нигдѣ это не замѣтно такъ, какъ на югѣ. Кабалось, отдыхало не только все живое, но и сама раскаленная земля.

Пришло время отдохнуть и артели. Работы оставалось всего два дня, а главное—къ вечеру опредѣлилось, что выгрузка будетъ окончена къ сроку. Можно было уснуть съ легкимъ сердцемъ.

Сопять, храпять и тяжело дышать товарищи, одному Семени не спится. Онъ смотритъ... Далекое, далекое звѣздное небо горитъ и трепещетъ надъ нимъ свѣтлыми очами, а въ груди у него опять что-то неладно. Опять что-то томить и подходить къ сердцу, но не одно, — страхъ и горькая тоска впереди. Не втерпѣжь ему... «Звѣздоньки, теплыя Божьи очи, гляньте мнѣ въ сердце, что тамъ!»—мысленно молится онъ, маясь, тоскуя и не зная, къ кому прибѣгнуть. Онъ слышитъ, что внутри у него что-то кипитъ, рокочетъ глухо, словно давешній отдаленный громъ; что чьи-то грубыя, безжалостныя руки, нѣтъ-нѣтъ, да и пожмутъ ему сердце. Боль, тоска и страхъ темной силы не даютъ ему спать, отдыхъ гонять прочь. Дума за думой, воспоминаніе за воспоминаніемъ не даютъ ему забыться. Съ тихою тоской смотритъ онъ въ небо и въ миновувшую жизнь. Дядя Павелъ и мать, далекая пашня и деревня, ветхій крестъ на проселкѣ и сѣрое небо — все это почему-то необычайно дорого и больно ему теперь. Даже необходимость отдыха, скорое окончаніе работы, даже физическая боль забыта за тоской. Онъ не чувствуетъ, какъ разбито и надорвано его тѣло, и не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, а онъ, вотъ-вотъ, появится на востокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ забыться парень, какъ его растолкали и тяжелое колесо пошло въ ходъ.

VI.

Въ небѣ ни облачка, на землѣ ни блячка тѣни, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія,—пламенное солнце въ зенитѣ. И земля, и воздухъ накалены, жгутъ и, бажется, потому только не шипятъ въ прикосновеніи съ водою, что та сама обратилась въ теплую лѣкарственную ванну. Весь вчерашній дождь плаваетъ и стоитъ въ воздухѣ, точно паръ въ банѣ, гдѣ плеснули на каменку. Нѣтъ возможности дышать, не только работать; тошно видѣть солнце, а не печься на немъ въ теченіе долгаго сверкающаго дня. Жжетъ земля, жжетъ небо, всякая поверхность накалилась до того, что жжетъ руки и ноги. Замираетъ всякая жизнь, скоть забываетъ кормиться и лежить, прячутся насѣбо-

мыя и птицы, только царь природы, человекъ, ходить въ ужасномъ ярмѣ, обливаясь потомъ.

Совсѣмъ плохо приходилось изнемогавшему Семену, почти не отдохнувшему за ночь; а между тѣмъ наружно дѣло шло своимъ чередомъ. Только Марченковъ видѣлъ, что съ товарищемъ творится что-то неладное, что послѣдняя энергія и силы парня исчезаютъ. Довольно было взглянуть въ его глаза, чтобы видѣть, что они замерли и потухли, точно у умирающаго; блѣдное лицо, облитое потомъ, широко раздвинутая, свистящая грудь, дрожація ноги и руки довершали впечатлѣніе агоніи. Онъ начиналъ приостанавливаться и отдыхать все чаще, поощряемый товарищемъ, ловившимъ для этого каждую мало-мальски удобную и возможную минуту.

Такъ было и теперь, пока Марченковъ накладывалъ дрова въ бѣлянѣ, а Семень стоялъ широко разставивъ ноги и привалившись спиной къ единственному внутреннему боку бѣяны, вдоль котораго еще оставалась узенькая полоска тѣни.

Парень стоялъ въ изнеможеніи, прищуривъ тусклые, утомленные глаза, не выносившіе солнца, и не чувствовалъ ничего, кромѣ учащенныхъ ударовъ собственнаго сердца, глухо отдававшихся въ толстой обшиви судна, сквозь наболѣвшія ребра, точно оно хотѣло пробиться и выпорхнуть изъ ихъ костяной клетки.

— Слышь-ка, парень, ты чево-жь молчишь-то? Ай помирать задумалъ?—между дѣломъ обратился къ Семену солдатъ.—Ты вечеръ бы сказать должонъ, если не можется али што... Песъ съ ней и съ работой,—чай, не на штурмъ лѣземъ!...

— Да я ничево... Думалось, можетъ перемогусь какъ-нибудь. Вѣдь менѣ двухъ дѣнь остается,—тихо и жалостливо возразилъ Семень.

— А ты не думай,—не обидитъ артель. Болѣзнь-то не свой братъ,—не такихъ врючить... Прахъ ихъ возьми два-то дня,—не озолотѣешь съ нихъ! Сказалъ бы вечеръ, я бы на твое мѣсто человекъ припасъ. А то—перемогусь, перемогусь, на каторгѣ-то на этой!... Вѣдь тебя ноги не носятъ. Ты што чувствуешь-то, по крайности?—съ соболѣзнованьемъ пыталъ онъ парня.—Болятъ што ли гдѣ?

Семень вскинулъ на добраго солдата страдальческіе глаза, полные слезъ; пересохшія губы его судорожно передернулись и покосились, но заговорили не вдругъ и почти шепотомъ. Слова не шли и спирались въ сжатомъ горлѣ.

— Все болить, ноетъ во мнѣ, дяденька, живого мѣста нѣтъ, разнемогся совсѣмъ!... Нутро-то перегорѣло все,—хоть исшить бы.

— Ахъ, парень-парень, какъ же это, а?... Не рука такъ-то! А ты присядь-ко, присядь покель,—я кваску принесу. Ахъ, голова, голова!—пожалъ онъ со страданіемъ плечами и исчезъ въ бѣлянѣ за квасомъ.

Семень въ безсиліи опустился на толстое сосновое полѣно, склонилъ голову къ дрожавшимъ колѣнамъ и ждалъ. Мириады оранжевыхъ, кроваво-золотистыхъ кружковъ катились въ его закрытыхъ глазахъ. Влажный горячій воздухъ не утолялъ груди.

Мимо шли артельщики, бросая не совсѣмъ дружелюбныя замѣчанія насчетъ парня. Оно и понятно,—каждый бы хотѣлъ побывать и отдохнуть на его мѣстѣ, да работа не ждетъ, отдыхъ не имѣетъ права заѣдать чужой трудъ.

— Ишь разсѣлся! Бѣлоручка видно! Запарился! Заснулъ!— Эти и подобныя замѣчанія глухо доходили до Семена, въ головѣ котораго стоялъ гулъ и въ ушахъ звенѣло.

— Это што-жь такое? На што похоже?—раздался вдругъ грубый и насмѣшливый голосъ Самсона.—Много мы наработаемъ такъ-то!... Эй ты, чего сидишь? Давно ли въ хозяева-то записался? Постель для вашей милости не изготовить ли?

Парень поднялъ робкій, молящій взоръ на издѣвавшагося. Передъ нимъ стоялъ восточный темно-бронзовый атлетъ, обнаженный до пояса, сверкая смѣющимися холодными глазами. Самсонъ работалъ безъ рубахи, но свѣжіе потоки пота сочились по его мускулистой спинѣ и груди.

— Дай ты мнѣ испить ради Бога, сварило совсѣмъ,—робко просилъ сидѣвшій.—Идемъ, сейчасъ идемъ, готовы носилки-то, видишь.

— Ты мнѣ пѣсни-то не пой! Взясся работать, такъ работай съ другими прочими.

— А тебѣ што, ты куда лѣзешь?—перебилъ голосъ Марченкова, появившагося съ квасомъ, взятымъ прямо со льду.

— А туда же! Мы работать будемъ, а вы прохладяться съдохлымъ съ этимъ!—мотнулъ онъ на Семена.—Говорили: не брать,—такъ нѣтъ...

Марченковъ быстро взглянулъ въ робкія, молящія, жалкія глаза Семена, вспыхнулъ, сунулъ ему ковшъ въ дрожавшія руки и кинулся къ Самсону.

— Слушай ты, азіятская образина! Если ты еще хоть слово вякнешь, я изъ тебя духъ вышибу!... Сволочь проклятая! Ну, тебѣ чево надо?! Я его остановилъ, я!... Ты къ нему чего-жъ чалишься? Одинъ онъ носилки понесетъ што ли? Жалуйся артели, если што не по закону, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего. Песъ этакой!... Пра, песъ...

Самсонъ хотѣлъ было возразить что-то, но не успѣлъ зарычать, какъ солдатъ оборвалъ его.

— Проходи, проходи, чортова голова! Не доводи до грѣха,— хуже будетъ!

Самсонъ благоразумно не заставилъ повторить себѣ добраго совѣта и, вмѣстѣ съ дровами, понесъ свое негодованіе дальше, мимо.

— Слушай, парень, ты не вдругъ холодное-то,— обратился защитникъ къ Семену, какъ пивка прильнувшему къ ковшу. Но такъ какъ пить холодное здѣсь было потребностью и общимъ обыкновеніемъ, а холодный квасъ доставлялъ наслажденіе и бодрость горѣвшему нутру Семена лучше и слаще всякаго нектага и амврозіи, то понятно, что тотъ оставилъ ковшъ, но не оставилъ въ немъ капли. Съ каждымъ глоткомъ жаждавшему казалось, что сама жизнь и сила вторгалась и разливалась въ немъ, утоляя и гася нестерпимый жаръ, раскаленный уголь сердца. Лицо и глаза его ожили и онъ увидалъ свѣтъ, какъ выразился самъ. Отъ сердца точно отпало что, точно горячій камень отвалился прочь, и работать, казалось, можно было вновь.

— Ну, што, полегчило малость?— обратился Марченковъ къ Семену, вновь впрягавшемуся въ носилки.

— Маненько отошло будто.

— А ты на это не гляди, — не надолго! Жажду заморилъ, оно такъ и сдается. Ужь если неможется, не проходишь долго,— по себѣ знаю, даромъ силѣнь. Ты послушай меня, — вотъ што сдѣлаемъ. Черезъ полчаса обѣдъ, до него дотянемъ какъ-нибудь, а тамъ—баста—тебѣ надо порѣшить. И такъ вдосталь надорвался. Богъ съ ними полтора-то дня, куда ни шло!

Семень пробовалъ былъ противорѣчить и отговариваться, но солдатъ невозмутимо-рѣшительно и серьезно объявилъ, что грѣха на душу брать и работать съ нимъ не станеть.

— Это тебѣ по новости, а мнѣ не въ первой,—тебѣ меня не учить. Навидался я этихъ дѣловъ-то,—съ досадою возразилъ онъ упрямому товарищу, поднимая тяжелую ношу.—Ты поѣшь,

да отдохни лягъ, а я въ городъ слетаю: есть у меня тамъ человѣчекъ, другой,—прихвачу на полтора дня. Если въ пропитіи, не задорого найму. Ты ужь не спорь, сдѣлай милость,—знаешь, што дядя Павелъ наказывалъ?

Семень дѣйствительно зналъ, что дядя просилъ служиваго не маять его непосильной работой, говоря, что Богъ съ ними и съ деньгами, если сверхъ силы онѣ.

Ужасная, безпощадная машина опять пошла впередъ и скоро парень почувствовалъ всю справедливость Марченкова. Не прошло и десяти минутъ, какъ короткое облегченіе стало смѣняться еще большимъ утомленіемъ и упадкомъ силъ.

Въ глазахъ его опять помутилось, отхлынувшая было кровь стала подваливать къ сердцу, руки и ноги слабѣли съ лихорадочной быстротой и дрожали, во рту сохло, въ ушахъ звенѣло. Онъ шелъ только потому, что его велъ Марченковъ, а въ сущности ему хотѣлось бы лечь и умереть. Раскаленный, знойный, ослѣпительный Божій міръ былъ противенъ ему; тьма, тишина, прохлада—завидны, будь это сама могила. Дотянуть бы хоть до обѣда, тоскливо думалъ онъ, вскидывая ненавистные, негодующіе глаза въ пылавшее небо, которое слѣпило и жгло въ отвѣтъ.

«Дотянуть бы хоть до обѣда»—этой единственной, упрямой, нищею мыслью, точно пружиной, онъ механически подвигался впередъ. Онъ шелъ, шелъ, шелъ, задыхаясь въ адскомъ круговоротѣ, обливаемый потомъ, обжигаемый солнцемъ, давимый тяжелымъ полѣномъ, погоняемый мыслью—«дотянуть бы хоть до обѣда».

Въ это время они подходили къ мѣсту свалки, гдѣ лежали груды дровъ, выкладываемыя въ полѣнницы другою артелью.

«Дотянуть бы хоть до...» Куда и до чего, онъ и самъ не зналъ. «Нѣтъ, зналъ да забылъ»—мельгало ему, и онъ тупо и растерянно, какъ-то безпомощно, улыбался своей забывчивости. Фраза оставалась не конченною, мысль оборвалась, памяти не было. «Господи, што это со мной?...»—недоумѣвалъ онъ, мгновенно то озаряемый искрой сознанія, то погружаемый въ мракъ его, точно послѣ молніи въ непроглядную ночь.

Они только-что свалили тяжелую ношу и освободились отъ проклятаго ярма, какъ Семень почувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Невѣрными шагами онъ отошелъ къ близлежащему раскаленному тесу и навалился на его невысокій бунтъ грудью

и локтями, спрятавъ лицо въ судорожно сжатыхъ, дрожавшихъ ладоняхъ. Такъ стоялъ онъ, наблюдаемый оторопѣвшимъ Марченковымъ, который тихо звалъ его, но боялся потревожить и нарушить минуты отдыха.

— Семень, Семень!...— время отъ времени тихо и жалобно обликать онъ стоявшаго, но тотъ оставался глухъ. Тогда солдатъ съ досадою махалъ рукой и прибавлялъ:— Бѣдняга, загорѣлся совѣмъ!... Передохни.

А Семень?... Въ первую минуту онъ почувствовалъ тотъ тихій, но грубый толчокъ въ сердце, который навелъ на него страхъ и теперь глухо, но неприятно отдался во всей лѣвой половинѣ его измученнаго тѣла. Въ это время все его вниманіе было отдано тому, что совершалось въ этой половинѣ; но, странное дѣло, парню почему-то казалось, что и самаго вниманія-то у него осталось только половина и что не хватаетъ другой, которой бы онъ могъ распорядиться, напрасно напрягая ее. Однако невыразимо - отрадное чувство минутнаго отдохновенія охватило его. Освобожденный отъ каторжнаго труда, онъ хотѣлъ бы стоять часы въ такомъ положеніи и завидовалъ счастливымъ, которымъ это возможно. Онъ съ ужасомъ думалъ, что его позовутъ, не дадутъ отдышаться, а ему надо отдышаться совѣмъ, совѣмъ, чтобъ утихъ тотъ глухой рокотъ, который онъ слушалъ въ себѣ, чтобъ «отошло оно». Но оно не отходило,—нѣтъ, оно росло и поднималось въ немъ, кипя и бурля подступало и тѣснилось къ сердцу. Вотъ, вотъ, вотъ опять толчокъ, опять—грубѣе и сильнѣе, словно что-то пробило это сердце и бросилось ввѣрхъ затопить мозгъ. Затѣмъ наступила тишина. Семену казалось, что онъ выплывалъ изъ какого-то темнаго моря и выбирался на берегъ. Въ это время онъ приходилъ въ себя и начиналъ сознательно ждать новаго прилива.

И вотъ онъ чувствуетъ опять, что тотъ растеть, растеть, наступаетъ и захватываетъ его. Голова его идетъ кругомъ, духъ сѣирается, сердце трепещетъ и замираетъ, точно при взмахѣ и паденіи исполинскихъ качель. Онъ хочетъ крикнуть. Напрасно! Въмѣсто вопля—ничего кромя моментальной жестокой боли сердца и тихаго звука, вродѣ лязга тайнаго нутрянаго замка, заперевшаго Семена въ безднѣ тьмы, тишины и полнаго отдыха.

— Семень!... Сеня. Да што съ тобой? Если не можется, легъ бы, чѣмъ на жарѣ стоять,—усовѣщевалъ Марченковъ.

Стоявшій не подавалъ голоса, словно оглохъ или онѣмѣлъ.

— Тебѣ водпцы не принести ли, можетъ въ голову ударило?... Полегчаетъ живой рукой.

То же мертвое молчаніе.

Солдатъ сбѣгалъ на бѣлянну, зачерпнулъ ведро воды и то-ропливо подошелъ къ недвижному парню.

— Не испужать бы,—сообразилъ онъ, думая сначала просто-на-просто окатить загорѣвшагося товарища, чтобы привести его въ себя и освѣжить водою; онъ поставилъ ведро и подошелъ вплотъ.

— Помочить голову-то, што-ль? Нагнико-сь, я скачу!... Ну-ка!—Онъ положилъ руку на плечо Семена и осторожно потянулъ его къ себѣ.

Стоявшій подался, не сходя съ мѣста, скользнулъ по крайней тесинѣ и упалъ, какъ мѣшокъ съ зерномъ, къ ногамъ Марченкова. Мертвые бѣлки глазъ глядѣли изъ-подъ раздвинутыхъ вѣкъ.

Бравый солдатъ инстинктивно отскочилъ отъ наваливагося трупа, но за тѣмъ тотчасъ же бинулся къ нему,—оставалась надежда, что это, можетъ-быть, обморокъ.

Въ сущности отдаленная труба архангела, единственная надежда бѣдняковъ, осталась Семену,—развѣ тогда очнется онъ.

Въ минувшемъ году мнѣ пришлось быть на Ахтубѣ и взглянуть на эту своеобразную, чуть ли не степную рѣку—самый восточный рукавъ дельты Волги, откинутый ею еще между Дубовкою и Царицынымъ.

Вечерѣло, когда внезапная и сильная гроза захватила насъ въ пути, что было не совсѣмъ-то пріятно и удобно въ небольшой ловацкой лодкѣ, гдѣ хотя и существовалъ бакъ, но только для того, чтобы лежать подъ нимъ или сидѣть поджавъ ноги по-восточному. Потому, не взирая на нордъ-вестъ *), сорвавшійся съ цѣпи, мы не сажали парусовъ, лишь бы добиться до болѣе удобнаго ночлега. Жилыя мѣста по лѣвому берегу рѣки довольно часты,—села, деревни, хутора и ватаги чередуются постоянно,—вѣтеръ насъ несъ штормовый и почти попутный, потому не прошло и получаса съ начала грѣзы, какъ подъ даровымъ дѣшевымъ ливня и при такомъ же электрическомъ освѣщеніи мы ткнулись въ берегъ, чернѣвшій строеніями. Разобрать, впрочемъ, было нельзя

*) Жесточайшій вѣтеръ въ низовьяхъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ.

ничего и кормицкѣ, выкинувъ кошку *) на берегъ и вдавивъ ее въ сырую почву, исчезъ во мракѣ, въ которомъ къ громовымъ ударамъ тотчасъ присоединился тревожный лай собакъ—голосъ жилаго мѣста, зовъ друга во тьмѣ и безлюдьѣ пути.

Черезъ четверть часа я входилъ въ чистую половину новой просторной избы, пахнувшую смолой, ярко освѣщенную лампадой передъ божницей и почти незапятнанную еще присутствіемъ человѣка, а черезъ полчаса, на столнѣ, между окнами небольшой зальцы, бурлило и лоснилось мѣдное чрево выхоленного самовара, который шипѣлъ, фурчалъ и вдругъ запѣвалъ такимъ отчаяннымъ дискантомъ, точно кричалъ: «ой, батюшки, уйду! Ой, батюшки, уйду!...» Къ счастью, появился хозяинъ обиталища, куда меня занесъ Богъ.

Это былъ типъ настоящаго хорошаго русскаго брестянина, что меня не мало удивило, такъ какъ я зналъ, что вокругъ и по близости обитали большею частію только малороссы.

Павель Васильевичъ Тороповъ былъ благообразный мужикъ лѣтъ за сорокъ, выше средняго роста, съ умнымъ, строгимъ, но чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ и до такой степени сознательными глазами, что вы тотчасъ же видѣли, что они думали и понимали каждое ваше слово, часто даже то, которое вы только собирались сказать. Особенность, далеко не всегда встрѣчаемая даже въ интеллигентныхъ слояхъ, говорящая о владѣльцѣ какъ о личности, которая жила, думала и, вѣрнѣе всего, страдала.

Это бросалось въ глаза и заинтересовало меня. Однако, близко подойти къ Павлу Васильевичу оказывалось возможнымъ не сразу. Между тѣмъ никакихъ обходовъ, подходовъ и шатаній вокругъ да около, я чувствовалъ, нельзя было и помыслить допустить съ человѣкомъ, сидѣвшимъ противъ меня. Я съ первыхъ же словъ его почему-то порѣшилъ, что это человѣкъ правды и можетъ быть завоеванъ только правдой, откуда бы она ни коснулась его. Человѣкъ влекъ къ себѣ, несмотря на серьезную, почти угрюмую сдержанность, а вѣрнѣе всего—благодаря ей. Прошло съ часъ времени, можно бы сказать, взаимнаго анализа, пока мы не начали дѣлаться своими людьми. Къ счастью, у насъ обзались общіе интересы. Павель нашелъ во мнѣ порядочное знакомство съ краемъ, поглощавшимъ все его вниманіе, но въ которомъ самъ онъ могъ назваться еще новичкомъ.

*) Кошка—малый якорь.

Какъ бы то ни было, но по этому поводу я узналъ исторію дяди Павла, рассказанную мнѣ съ такою непосредственностью и простотой, что на этотъ разъ я искренне пожалѣлъ, что не стенографъ, чтобы передать ее, какъ слышалъ только, а не какъ понялъ и сумѣлъ.

До сихъ поръ во мнѣ живо впечатлѣніе этого рассказа, и ни одна лекція объ искусствѣ не доказала мнѣ съ такой осязательной ясностью, что въ простотѣ и правдѣ вся суть, весь смыслъ, всѣ задачи, альфа и омега искусства самого въ себѣ. Только сами мы до того дѣланы, что сплошь и рядомъ не ощущаемъ и не можемъ воспринять и передать того и другого.

Дойдя до смерти племянника, по словамъ очевидца Марченкова, говорившій все тише, Павелъ замолчалъ и упрямо уставился на огонь свѣчи, точно позабылъ и въ немъ старался прочесть послѣдовавшее.

Я видѣлъ, что ему тяжело, и не рѣшался прерывать горькаго безмолвья, наступившаго вдругъ. Я видѣлъ, какъ плотно сдвинулъ онъ дрогнувшія было губы, и терпѣливо ждалъ. Въ темныя окна все еще барабанилъ дождь и изрѣдка вспыхивала отдаленная молнія, сопровождаемая глухимъ громомъ.

Тяжелое, хмурое молчаніе и плачь дождя, кропившаго по стекламъ и лужамъ, давили насъ, пока Павелъ не поборолъ себя и не заговорилъ вновь.

— Ну, прибѣжалъ это ко мнѣ солдатъ, самъ не свой, задохся совсѣмъ... Едва выговорилъ, что бѣда у нихъ, а какая— не сказываетъ. Стряслась моля бѣда—и все тутъ. Зоветъ съ собой, а самъ, вижу, не въ себѣ, мечется, успокоивать меня началъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ я на него, сперва думалъ—во хмѣлю, анъ нѣтъ. Слышу, сердце - то и упало во мнѣ: не даромъ, моля, это,—съ Семеномъ што-нибудь...

Онъ передохнулъ и опять замолчалъ на минуту.

— Правду тебѣ сказать, о смерти-то о Семеновой въ то время у меня и въ мысляхъ не было... Ни-ни, ни чуточки! Захворалъ сильно, али упалъ какъ, зашибся,—ну, тамъ руку, либо ногу сломалъ,—такое вотъ што-нибудь чаялось, такъ и то сердце кровью облилось,—дорогъ парень-то былъ, для него жилъ и жить думалъ...—Голосъ говорившаго немного дрогнулъ и зазвенѣлъ.—Да, ожѣхъ и горе,—отъ солдата-то путемъ ничево добиться не могу: несеть неоколесицу какую-то, да и на; самъ жалобится, да и у меня ровно прощенья просить... Однимъ сло-

вошь, страхъ и сердце меня взяли, что, мошь, это такое... Хочу налечь на него поплотнѣе, спросить: што мошь это за бѣда за такая, сказывай, полно душу-то маять,—анъ слова-то съ языка у меня и не идутъ, беретъ страхъ да и все тутъ... Однако, *допытался*-таки!

Онъ поднялъ суровые глаза на божницу съ сиявшею лампадой, но тотчасъ же перекрестился и опустил ихъ.

— Допытался!—тихо и жалобно добавилъ онъ, помолчавъ и точно вспоминая, чего допытался, и упрекая кого-то. Скорѣе всего можно было думать, что себя. — Ты хоронилъ ли близкихъ-то, дорогихъ,—такихъ, для которыхъ жилъ?—внезапно обратился онъ ко мнѣ.

— Случалось.

— Ну, такъ вотъ знаешь, каково легко это... А вѣдь мнѣ его и похоронить-то какъ слѣдуетъ не дали, ты пойми это!... Пойми, вѣдь я его на смерть-то своими руками отдалъ, не защитилъ!—вдругъ прорвался и болѣзненно вскрикнулъ онъ, но тотчасъ же скрипнулъ зубами и горько добавилъ:—За дѣло проклятому!—относя это, разумѣется, прямо къ себѣ.

Въ эту минуту мнѣ стало страшно жалко рассказчика и я попробовалъ было уговорить его не мучаться и прекратить рассказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—съ живостью и досадой запротестовалъ онъ,—мнѣ, собакѣ, мало важный день такъ-то казнить себя, да не съ тобой, а съ такимъ, штобы судилъ меня. Съ тобой-то я только душу отвожу!

— Ну-ну, какъ знаешь, Господь съ тобой... Какъ же это похоронить не дали?—полюбопытствовалъ я.

— Опотрошили,—тихо, угрюмо и какъ бы стыдясь отрѣзалъ онъ, но скорѣе поймалъ прерванную нить рассказа. — Какъ сказалъ мнѣ солдатъ, што Семень мертвый лежитъ, такъ, не повѣришь ты, я спервоначала-то ровно и не понялъ, только холодомъ обдало. Одно слово, въ холодную воду упалъ. Да и не вѣрю!... Смотрю на солдата-то и не вѣрю. Какъ это такъ, сообразить не могу: третѣвось видѣлъ здороваго, веселаго, говорилъ, а сичасъ мертвый лежитъ?!... Не такъ што-нибудь, думаю, вретъ служба; самъ пойду, все дѣло раскрою. Не можетъ этого быть, не можетъ!... За што-жь это, Господи... Самъ думаю этакъ-то, а во мнѣ, слышу, кипить, дрожить што-то, давить меня... Это, видно, горе-то подступать стало, снлу

брать, послѣднюю надежду душить. А чево душить,—стояло на солдата-то посмотрѣть, штобъ всю правду узнать,—такъ убивался сердечный, што она вся на немъ была! Дрожь меня взяла, какъ понялъ я это. Какъ ума не рѣшился, не умѣю тебѣ сказать... А можетъ и рѣшился. Вотъ самъ услышишь.

Онъ опять перевелъ духъ и смогъ, точно собирался съ силами.

— Тутъ ужь, какъ пропала у меня надежда-то всякая, свѣту я не взвидѣлъ, себя не помнилъ, бросилъ все, амбаръ не заперъ... Пропадай все пропадомъ!... Побѣжалъ, даже головы не прикрылъ... Одно помнилъ—туда, къ нему мученику, къ дѣтищу дорогому! Не знаю ужь, какъ самъ-то не издохъ на дорогѣ. Жара стояла—геенна огненная, а я дрожу и бѣгу, дрожу и бѣгу, задыхаюсь, дрожу и бѣгу... Кто видѣлъ, безпримѣнно али за вора, али за полоумнаго сочли... Пристань-то, чай знаешь, поболѣ полутора версть будетъ, такъ я къ ней ровно птица прилетѣлъ, ровно меня несъ кто... Говорю, не знаю какъ не издохъ только, вѣдь жаръ-то, говорили, подъ пятьдесятъ градусовъ подходилъ!—Онъ опять помолчалъ минуту.—Ну, што тебѣ еще скзывать, душу маять? Удостоверился, лично свидѣлся...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и серьезными глазами, полными слезъ, опять уставился на освѣщенную божницу, но они смотрѣли куда-то дальше, можетъ-быть на родимый трупъ и мертвые бѣлки закатившихся глазъ отдохавшаго Семена. Такъ прошла не одна минута. Дождь затихъ и стояла мертвая тишина.

«А вѣдь въ то время я, можетъ-статься, впряду ума рѣшился,—вдругъ заговорилъ онъ.—Какъ узналъ я, што мнѣ покойничка взять нельзя, што полициі обзаявлено и што ево, для порядка, надо-быть, рѣзать стануть,—тутъ не скажу што и стало со мной,—не могу... Прости ты меня, Господи!—перекрестился онъ,—въ то время возропталъ я, сквернословилъ, буйствовалъ, ровно звѣрь сдѣлался. Очень ужь мнѣ непереносно стало, што живова-то въ каторгѣ заморили, да и надъ мертвымъ измываться будутъ, въ гробу-то покоя не дадутъ... Посуди самъ, што тутъ было дѣлать?... Съ ногъ меня это свалило въ то время, недоброе дѣло надумалъ было я... Да чево надумалъ!—чуть не сдѣлалъ. Што у меня тутъ въ головѣ бродило, не перескажешь всево. Не на комъ было, такъ на себѣ хотѣлъ сердце сорвать,—ну, однимъ словомъ, порѣшить съ собой. Легше мнѣ стало, съ тѣмъ я и съ пристани ушелъ. А порѣшилъ-то я—ни

много, ни мало—не давать на поруганье Семена, схоронить самому, хоть бы кровь пролить—свою ли, чужую,—не разбираю въ то время... Говорю, совсѣмъ звѣрь сдѣлался.

«Вотъ, въ мысляхъ-то въ этихъ, дошелъ я домой, захватилъ малость деньжонокъ, што скопилъ, да въ контору, къ управляющему прямо. Разказалъ ему свое горе, объявилъ, што служить не могу, просилъ не поминать лихою, а деньги, съ тѣми, што причтутся мнѣ, што и мертвымъ заработаны, если дохнетъ артель,—Марченкову поручилъ,—переслать сестрѣ. Хотѣлъ письмо писать, да раздумалъ: пусть, молъ, ждетъ; если и напишутъ добрые люди, къ тому времени все кончено будетъ.

— Што-жь, молъ, ты умирать што ли собрался?—попыталъ меня добрый баринъ, подивился, пожалъ плечами, но приказалъ все сдѣлать по-моему,—просилъ ужь очень я.

«Ну, ни сколь много дня-то оставалось послѣ этого, а какъ я ево дотянулъ—одному Богу извѣстно. Многое у меня тутъ въ головѣ перебивало и вспомнилось. Вспомнились и люди, и земля родимая, а пуще всево мать, отъ которой сына на смерть и поруганіе увелъ. Больно непереносно ужь это было... Да нѣтъ, не быть, не бывать этому, не быть! И ропталъ же я, на Господа Бога, зло ропталъ: «за что?!...» А ужь себя глялъ—и говорить нечево. Кто не испыталъ, не понятно это совсѣмъ.

«Суета-то затихла, свечерѣло и солнышко сѣло, когда я съ пристани на баржу сошелъ. Измаяло меня, напоследяхъ, захотѣлось на Божій міръ взглянуть. Да и время такое было. Пошабашили, народъ ушелъ, баржа къ погрузкѣ стояла пустая,—одному-то хорошо было и подумать, и на вольный свѣтъ взглянуть, и съ Богомъ примириться—покаяться. Словомъ, легче было. Тутъ я пристроился и остался, когда убѣдился, што подъ кормой завозня и бударчѣнка стояли, да и весла на баржѣ. «Ровно самъ Богъ позаботился», подумалось мнѣ тогда. До того, значить, дошелъ, што всякое понятіе потерялъ,—не разумѣлъ, што такія дѣла-то не съ Божьей помонцію дѣлаются. Вотъ и началъ я думать объ этомъ дѣлѣ своемъ. Долго думалъ,—нѣ даромъ говорится, што злой злое и думаетъ. Еще кипѣло все во мнѣ, не уходило сердце-то,—што порѣшилъ, то и думалъ.

«Сижу и соображаю такъ-то. Пусть, молъ, минеть большая половина ночи, разсвѣтъ займетъ, самый ерѣпкій сонъ придавить живое, только не меня,—не уснуть мнѣ! Тогда возьму я весла, отвяжу бударку да и былъ таковъ—въ гости къ Семену поѣду.

Поутру завтра его рѣзать собрались они, да не быть тому. И таперь, чай, полиція караулить—одинъ, либо двое? Да не велика помѣха,—волей не дадутъ, силой возьму! Можеть еще спать будутъ на мое и на свое счастье, а и барахтаться начнутъ—не поспѣютъ. У меня все готово,—далеко буду. Это, значить, надо было дѣло-то Семена взять въ лодку, вывезти на Волгу, гдѣ поглубе,—не далеко тутъ,—обнять покрѣпче сердягу, ногами лодчонку-то оттолкнуть подалѣ, да и кануть вмѣстѣ, какъ ключъ ко дну... Не выпустилъ бы, не бойсь,—не гдѣ искать, а и нашли бы, такъ вмѣстѣ.

— Вотъ, братецъ ты мой, въ тѣ поры до чево я дошелъ, о чемъ думу думалъ!... Въ умѣ ли былъ—самъ суди,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Однако, не случилось вѣдь этого?—не стерпѣлъ я.

— Нѣтъ, слава Господу Богу, не совсѣмъ покинулъ меня,—не дозволилъ пропасть. Говорять, утромъ безъ памяти въ лодкѣ меня нашли; въ огневицѣ близъ мѣсяца пролежалъ, людей не узнавалъ, говорилъ непутящее; караулили,—бѣжать все куда-то хотѣлъ. Самъ-отъ не помнилъ я этого, а люди сказывали, какъ выздоравливать сталъ. Марченкова одного, правда, признавалъ,—въ болѣзни онъ часто навѣдывалъ. Добрый человекъ, дай Богъ ему, жалѣлъ онъ меня. О Семенѣ и не пикнулъ, пока самъ не началъ,—боялся вишь. Такъ безъ меня и похоронили парня. Одно отрадно—артелью, на общій коштъ. На себя она это дѣло взяла. Вѣдь трудовыя, пѣтомъ и кровью добыты денежки-то,—тутъ и молитва скорѣе до Бога дойдетъ! Не лицепрятна...—Павель произнесъ это съ глубокимъ удовольствіемъ, самое лицо его разгладилось и потеряло всякую суровость.—По крайности не на днѣ рѣчномъ, а подъ Божьимъ крестомъ спать,—тихо и задумчиво добавилъ онъ.

— Ну, вѣчная память!... Ты-то какъ?...

— Вотъ, видишь, живу, опять за соху взялся. Очень ужъ стосковался по дѣлу по мужичьему, а вѣдь совсѣмъ было въ гупцы вышелъ,—саркастически добавилъ Тороповъ.

— Какъ такъ?

— А такъ. На пристани-то помошникомъ матерьяльнаго сдѣлался, даромъ не грамотный; четыреста рублей получалъ, вѣрно тебѣ говорю. Уходить сталъ,—не пуцали, прибавку сулили! Вотъ оно дѣло-то! Жить бы—не прожить.

— Что-жь ты?

— Богъ съ ними и съ деньгами. Опостылѣло мнѣ это, — махнулъ онъ рукой. — Не наше дѣло совсѣмъ. Смола да сажа, сурикъ да бѣлила, пакля да деготь, — протухъ весь, вольнаго воздуха захотѣлъ, сырой земли понюхать... Соскучился, говорю тебѣ, — болѣ трехъ лѣтъ въ пароходствѣ-то выжилъ. Ну, скопилъ деньжонки да и приписался здѣсь. Сестру съ дѣтьми перевезъ, хозяйство, кое не распродалъ, да вотъ второй годъ ужъ тутъ хозяйствуемъ, пшеничку сѣемъ.

— Родныя-то мѣста покинулъ, значить?

— Богъ съ ними! Тише тутъ, просторнѣе, грѣха менѣ...

— Какого грѣха?

— Да всякаго! — неопредѣленно махнулъ онъ рукой. — Однако, ты спи! Заговорилъ я тебя, не рано теперь, — заторопился онъ, прервалъ разговоръ и всталъ.

Черезъ полчаса я дѣйствительно спалъ, какъ убитый.

Н. Бобылевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

у*).

Превосходно разработанные проекты Уставовъ судоустройства, судопроизводства и о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, снабженные обстоятельными замѣчаніями министра юстиціи Замятнина, были рассмотрѣны соединенными департаментами и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта меньше чѣмъ въ годъ. Замятнину, при содѣйствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, удалось провести большинство своихъ поправокъ, подчасъ весьма существенно измѣнявшихъ предположенія комиссіи, ради болѣе строгаго проведенія принциповъ «Основныхъ Положеній».

Судебной реформѣ удалось-таки преодолѣть всѣ многочисленныя препятствія, созданныя своекорыстіемъ, невѣжествомъ и рутинною, и 20 ноября 1864 года вылиться въ тотъ замѣчательный памятникъ нашего законодательнаго творчества, о которомъ въ одномъ изъ недавнихъ оффиціальныхъ актовъ справедливо сказано, «что онъ составляетъ гордость нашу и славу прошлаго царствованія».

Случайность въ исторіи все еще играетъ очень важную роль. У насъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ гдѣ-либо, весьма важно умѣть ловить минуту... Не распорядись Ланской напечатать и изготовить въ одну ночь циркуляры губернаторамъ по крестьянской реформѣ, быть-можетъ, реакціи удалось бы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ честныхъ тружениковъ крестьянской реформы, покойный сенаторъ Соловьевъ, надолго задержать реформу. Такъ было и съ судебною реформой. И до и послѣ утвержденія «Судеб-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

ныхъ Уставовъ» реакціонная клика дѣлала все возможное, чтобы исказить и затормозить ее. Нужно было торопиться. Это хорошо понимали горячіе сторонники судебной реформы, председатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ и министр юстиціи Д. Н. Замятинъ. «Судебные Уставы» *въ день же* утвержденія были препровождены при замѣчательномъ указѣ въ правительствующій сенатъ для обнародованія. Указъ этотъ, который слѣдовало бы заставлятъ юношей учить наизусть, какъ въ древности заучивали *сagmina XII таблицъ*, въ слѣдующихъ краткихъ, но выразительныхъ выраженіяхъ передаетъ основной смыслъ «этого великаго дѣла» (судебной реформы), долженствовавшего водворить въ «новой» Россіи первые элементы благоустроеннаго, въ европейскомъ смыслѣ слова, общежитія, точнѣе — правоваго порядка. «Разсмотрѣвъ сии проекты, Мы находимъ, — сказано въ помянутомъ указѣ Царя-Освободителя, — что они соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвыситъ* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть *руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждого отъ высшаго до низшаго*». Памятныя слова, заслуживающія внесенія въ основные законы!

Партія застоя не унималась и послѣ утвержденія и обнародованія «Судебныхъ Уставовъ». Теперь она переѣмнила тактику. Если уже нельзя было воспрепятствовать изданію «Судебныхъ Уставовъ», то еще можно было попробовать надолго «задержать» введеніе ихъ въ дѣйствіе. Къ этому-то и направились усилія этой партіи. Для ея вліянія особенно пагубенъ былъ принципъ провозглашенія самостоятельности и независимости судебной власти, бывшей дотолѣ игрушкою для вліятельныхъ сферъ. Такъ какъ нельзя было откровенно высказывать свои некрасивыя сѣтованія насчетъ предстоящей утраты вліянія на судебныя мѣста, то старались своимъ эгоистическимъ вождельніямъ пріискать гражданскіе мотивы, разчитывая при этомъ на обычныя всѣмъ смертнымъ слабости. Такъ, на примѣръ, старались нашептывать, что самостоятельность судебныхъ учреждений есть умаленіе «власти», которая, отбазываясь отъ права перевершенія дѣлъ, рѣшенныхъ судами, лишается одной изъ важнѣйшихъ своихъ прерогативъ. Все серьезное значеніе этихъ инсинуацій будетъ понятно,

если вспомнить, что къ ихъ содѣйствію даже въ наше время, т.-е. спустя 18 лѣтъ послѣ введенія новыхъ судовъ, сочла удобнымъ прибѣгнуть реакція, брпчавшая на всю Россію, что независимость судей означаетъ «самодержавіе» судей... Замятнину и другимъ друзьямъ реформы стоило не малаго труда разсѣять внушенія своекорыстія и очистить путь для введенія реформы. Рѣшено было ввести судебную реформу во всѣхъ частяхъ на первый разъ въ двухъ судебныхъ округахъ — С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Послѣ этого Замятнинъ рѣшился во что бы то ни стало устранить всѣ препятствія и открыть своевременно новые суды.

Были препятствія довольно серьезныя для скорого введенія судебной реформы: это — недостатокъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ средствъ для ея осуществленія. На устраненіе этихъ препятствій употребилъ Замятнинъ весь 1865 и часть 1866 года. Когда финансовая сторона дѣла была улажена, пришлось подумать о принежаніи приличнаго и удобнаго помѣщенія для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ не такъ ничтоженъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лучшимъ доказательствомъ его важности служить то обстоятельство, что враги судебной реформы рассчитывали, какъ это ни покажется страннымъ, что дѣло реформы отложено будетъ въ долгій ящикъ за невозможностью пріискать и приспособить для новыхъ судовъ въ ближайшемъ будущемъ приличное помѣщеніе. Нечего было и думать строить новый домъ, во-первыхъ, потому, что это стоило бы порядочныхъ денегъ, на ассигновку которыхъ трудно было рассчитывать, и, во-вторыхъ, это значило бы откладывать дѣло на нѣсколько лѣтъ и стало-быть рисковать судьбою самой судебной реформы. Надлежало во что бы то ни стало пріискать нужное зданіе. Замятнинъ такъ и смотрѣлъ на дѣло. Онъ объѣздилъ почти весь Петербургъ, осмотрѣлъ всѣ зданія, которыя могли сколько-нибудь пригодиться для этой цѣли, но ни одно изъ нихъ не подходило. Замятнинъ сталъ уже отчаяваться и скорбѣть, что дѣло можетъ разстроиться изъ-за того, что не оказывается въ Петербургѣ приличнаго зданія для суда, какъ вдругъ выручилъ его архитекторъ Шмидтъ.

Повидимому, для хорошаго дѣла всегда найдутся друзья; Шмидтъ, видѣвшій за границей судъ присяжныхъ и хорошо понимавшій значеніе судебной реформы, неожиданно оказался ея преданнымъ другомъ и сослужилъ ей хорошую службу. Онъ предложилъ министру юстиціи Замятнину приспособить для петер-

бургскихъ судебныхъ установлений зданіе арсенала, на Литейномъ проспектѣ. На первый взглядъ планъ Шмидта показался черезчуръ фантастичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, зданіе безъ лѣстницъ, съ большими воротами, чрезъ которыя ввозили и вывозили пушки,—какъ изъ него сдѣлать, и то въ короткое время, залы для публичныхъ засѣданій, многочисленные кабинеты для должностныхъ лицъ, залы для обширной канцеляріи семи отдѣленій окружнаго суда, трехъ департаментовъ судебной палаты, нотаріата и прокурорскаго надзора? Но усердіе и любовь къ дѣлу все преодолеваютъ.

Замятинъ остановился на арсеналѣ. Неизмѣнный поборникъ реформъ, военный министръ Д. Н. Милютинъ, которому подвѣдомо было это зданіе, охотно согласился уступить его подъ новый судъ; министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ также безъ затрудненія отпустилъ нужную сумму. Вскорѣ закипѣло дѣло. Всю зиму 1865 года работали, иногда ночью, при электрическомъ освѣщеніи, надъ приспособленіемъ зданія арсенала. Замятинъ почти ежедневно посѣщалъ работы, подгоняя ихъ къ окончанію въ назначенный срокъ. Усталый отъ дневнаго труда, измученный назойливымъ противодѣйствіемъ реакціонеровъ, Замятинъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ бодрость духа въ своихъ сотрудникахъ, неустанно твердя свое *segetum senso*: «а все-таки новые суды будутъ открыты въ назначенное время».

Относительно будущихъ московскихъ судебныхъ установлений Замятинъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, изъ личнаго осмотра сенатскаго зданія убѣдился, что часть этого зданія, занятаго тогда архивомъ военнаго вѣдомства и другими учрежденіями, можетъ быть весьма удобно приспособлена для новыхъ судебныхъ установлений *). Заинтересованныя вѣдомства уступили и это зданіе. Такимъ образомъ, благодаря энергіи Замятнина, вопросъ о зданіяхъ столичныхъ судебныхъ установлений былъ разрѣшенъ благополучно.

Вопросъ о раздѣленіи на судебные округа и размѣщеніи окружныхъ судовъ представлялъ также не мало затрудненій. Почти всѣ болѣе или менѣе значительные города заявляли претензію имѣть у себя окружные суды и вызывались на денежные и иныя жертвованія. Отчаянная борьба завязалась, напимѣръ, между Бѣжецкомъ и Кашиномъ изъ-за мѣста будущаго окружнаго суда. «Enfin la

*) Журн. Мин. Юстиціи 1864 г., № 4, стр. 32.

question a provoqué dans les esprits une activité générale, — писалъ тверской губернаторъ, князь Багратионъ, Замятнину, — ce qui vaut toujours mieux, — спѣшилъ онъ, впрочемъ, присовокупить, — que le silence et l'indifférence». По этому поводу кстати будетъ припомнить слова одного изъ сенаторовъ, довольно сочувственно относившагося къ судебной реформѣ, но смущеннаго шумнымъ общественнымъ воодушевленіемъ, ее сопровождавшимъ: «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ! — писалъ онъ, — вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, — какъ же заревѣтъ другому» и т. д.

Замятнинъ не принадлежалъ къ числу этихъ робкихъ людей, которые до такой степени акклиматизировались въ спертой кабинетной атмосферѣ, что они уже не выносятъ вольнаго воздуха свободной жизни. Замятнинъ понималъ, что общественное воодушевленіе — великая сила и при умѣломъ пользованіи ею можно совершить много хорошаго. Онъ пошелъ, такъ-сказать, на площадь, въ самую толпу, будучи убѣжденъ, что только ближе къ мѣсту и въ средѣ лицъ, вполне знакомыхъ съ внутреннею жизнью провинціи, можно правильно рѣшить и вопросъ о мѣстѣ нахождения окружныхъ судовъ, и о присканіи удобныхъ помѣщеній для нихъ. Съ этою цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Новгородъ, Тверь, Рязань, Владиміръ и другіе города. При немъ не было пышнаго штата походной канцеляріи. Всею перепиской завѣдывалъ Б. Н. Хвостовъ, вице-директоръ департамента министерства юстиціи; ихъ сопровождалъ только одинъ курьеръ. При этихъ поѣздкахъ не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Ни прокуроры, ни члены судебныхъ мѣстъ не выходили на встрѣчу. Встрѣчалъ обыкновенно мѣстный полицеймейстеръ, указывавшій приготовленную квартиру (двѣ или три комнаты) въ частномъ домѣ или гостиницѣ. Вообще Дмитрій Николаевичъ былъ врагъ пышности и богатой внѣшней декоративности, которыя такъ тѣшатъ тщеславіе мелкихъ натуръ. Благодаря своей скромности, Дмитрій Николаевичъ иногда натыкался на курьезныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ въ вагонѣ II класса, переполненномъ народомъ. Подсаживается къ нему молодой чловѣкъ и, видя его въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ бархатнымъ околышемъ и одѣтымъ въ старое платье, принялъ за какого-нибудь экзекутора или незначительнаго чиновника. Молодой

человѣкъ нѣсколько издалека началъ разговоръ о службѣ по вѣдомству министерства юстиціи, о томъ, что служба эта, въ особенноти для правовѣдовъ, плохо вознаграждается, но что онъ надѣется вскорѣ получить хорошее назначеніе. Затѣмъ, обратясь къ старику Замятнину, спросилъ: «Вы сколько лѣтъ на службѣ?... Служите давно, а въ сравненіи съ правовѣдами вѣроятно не далеко уѣхали?» Замятнинъ скромно отвѣчалъ на вопросы. Когда молодой человѣкъ узналъ, что говорить съ министромъ юстиціи, сильно переконфузился, сталъ извиняться и перешелъ въ другой вагонъ. Впослѣдствіи Замятнинъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, занимавшимъ въ Москвѣ должность стряпчаго, обласкалъ его и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ напомнилъ сцену въ вагонѣ.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ путешествія Замятнина, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ газетъ того времени. Въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* читаемъ: «На другой день пріѣзда въ Новгородъ (23 августа 1865 г.) министр юстиціи Замятнинъ принималъ депутаціи отъ городовъ, явившіяся съ ходатайствомъ объ открытіи у нихъ окружныхъ судовъ. Вечеръ 23 августа былъ проведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ, на квартирѣ начальника губерніи, въ разсужденіи о размѣщеніи въ Новгородской губерніи окружныхъ судовъ. По приказанію губернатора были приготовлены къ этому совѣщанію всѣ средства мѣстнаго статистическаго комитета: разнообразныя географическія карты губерніи, ея пространства, размѣщенія лѣсовъ, населенности и судебно-статистическія таблицы. Разсужденія шли непринужденно, оживляемые даже нѣкоторою горячностью, которую невольно вызываетъ въ каждомъ рѣчь о своей родной мѣстности, по вопросу, который имѣетъ прямое вліяніе на ея благосостояніе. Особенно интересенъ былъ споръ двухъ должностныхъ лицъ, бывшихъ предводителей дворянства, бѣлозерскаго и череповецкаго, въ отношеніи помѣщенія окружнаго суда. Ни одинъ городъ не остался безъ защитника. Эти разсужденія и проведенныя въ нихъ данныя послужили полнымъ и надежнымъ матеріаломъ для составленія окончательнаго убѣжденія по этому предмету. Затѣмъ министр осмотрѣлъ зданія, относительно которыхъ имѣлись предположенія о помѣщеніи въ нихъ новгородскаго окружнаго суда. Свободное отъ занятій время министр проводилъ въ кругу лицъ административнаго и судебного вѣдомствъ, знакомясь съ подробностями ихъ быта и губернской жизни. Такія бесѣды могли

только довершить самое приятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все новгородское общество, и проявили во всѣхъ отношеніяхъ его къ окружающимъ тѣ добросердечіе и гуманность, которыя въ отношеніи къ подчиненнымъ образуютъ связь взаимнаго довѣрія и сочувствія. Въ день отъѣзда новгородское городское общество изъявило министру желаніе принять на счетъ города полную мебельровку окружнаго суда *)). То же самое дѣлалось и въ другихъ городахъ. Обаятельнымъ воздѣйствіемъ своей личности Замятнинъ вездѣ успѣлъ вызвать сочувствіе къ судебной реформѣ и значительныя пожертвованія для ея осуществленія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, издержки казны на устройство зданій каждаго изъ четырнадцати провинціальныхъ окружныхъ судовъ не превышали 7.000 руб. **). Замѣчательно, что псковской губернаторъ графъ Палень, и вице-губернаторъ, подъ предлогомъ объѣзда губерніи, оставили Псковъ именно въ то время, когда туда долженъ былъ пріѣхать Замятнинъ.

Замятнину слѣдовало заняться еще другимъ, кардинальнымъ для успѣха судебной реформы, вопросомъ — о присканіи добропорядочнаго, честнаго и развитаго персонала для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Назначить безъ разбора на новыя судебныя должности старыхъ чиновниковъ—это значило вливать новое вино въ старыя мѣхи и испортить сразу дѣло реформы. Съ другой стороны, поручать неиспытанное на опытѣ дѣло пылкой, увлекающейся молодежи—значило также скомпрометировать его. Между этими двумя дилеммами пришлось бороться Замятнину, который вышелъ изъ борьбы самымъ счастливымъ образомъ, благодаря своей честной натурѣ, умѣнью привлекать и распознавать людей. Не забудемъ, что Замятнинъ не могъ пользоваться такимъ прекраснымъ средствомъ, какъ избраніе на судебныя должности самими судебными мѣстами, которое установлено «Судебными Уставами» и которымъ такъ пренебрегалъ систематически его преемникъ, графъ Палень. Припомнимъ еще, что слѣдовало въ двухъ обширныхъ округахъ, въ которыхъ вводилась судебная реформа, назначить сразу огромное количество должностныхъ лицъ, начиная отъ сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ и кончая судебными слѣдователями и чинами прокурорскаго надзора. Нужно было назначить: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и ихъ товарищей, 144 члена судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ,

*) *Новгород. Губерн. Вѣдомости* 1865 года, № 38.

**) *Журн. Министер. Юстиціи* 1866 года, № 4.

192 судебных слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ и откуда взялъ Замятнинъ такое количество должностныхъ лицъ, и притомъ такихъ, память о которыхъ живетъ доселѣ въ обществѣ, какъ отрадное воспоминаніе о безкорыстной и мужественной службѣ родинѣ, которыя создали достойный подражанія типъ беззапятныхъ слугителей правосудія!...

Это вопросъ интересный не только для біографіи Замятнина, но и для нашихъ судебныхъ порядковъ вообще. Чтобы отвѣтить на него, нужно припомнить личныя свойства Замятнина. Прямой, откровенный, простой и честный по натурѣ, онъ умѣлъ проникать въ душу людей, расшевелить лучшія стороны ея, привязывать ихъ къ себѣ, а черезъ себя и къ дѣлу, которому онъ служилъ. Не всякій этому повѣритъ, но бывали случаи, когда Замятнинъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ его подчиненныхъ, старался горячимъ сочувствіемъ своимъ утѣшить ихъ, плакалъ съ ними... *Рязанскія Губернскія Вѣдомости* слѣдующимъ образомъ описываютъ впечатлѣніе, произведенное Замятнинимъ: «въ короткое пребываніе его въ Рязани всѣ здѣсь успѣли полюбить его, такъ какъ онъ своимъ непринужденнымъ и ласковымъ со всѣми обхожденіемъ являлъ собою не столько высокое начальственное лицо, сколько почтеннаго отца большой семьи, служащей въ храмѣ Фемиды» (1865 года, № 38). Чуждый узкимъ школьнымъ традиціямъ и *esprit de corps*, онъ далеко былъ отъ исключительной симпатіи къ своимъ товарищамъ по лицу, онъ искалъ людей талантливыхъ и честныхъ всюду, гдѣ можно было ихъ найти. Онъ лично знакомился съ кандидатами на судебныя должности, ѣздилъ на мѣста, былъ въ Москвѣ, во Владимірѣ, Новгородѣ, Твери, лично спрашивалъ товарищей, представителей мѣстнаго общества, и, наконецъ, лично наблюдалъ судоговореніе и такимъ образомъ создавалъ себѣ живое и вѣрное представленіе о нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ своихъ кандидатовъ. И ужь сдѣлавъ, послѣ тщательнаго разслѣдованія, выборъ, Замятнинъ держался за своего избранника, защищая его отъ всякаго рода навѣтовъ, которые нерѣдко навлекаютъ на себя люди честные и талантливые. Сенаторъ Д. Б. Беръ передаетъ слѣдующій характерный случай избранія на предсѣдателя окружнаго суда: «При замѣщеніи новыхъ должностей, — говоритъ сенаторъ, очевидецъ событій того времени, — особенно затруднителенъ былъ выборъ кандидатовъ на предсѣдателей окруж-

ныхъ судовъ. Кандидатовъ было много, весьма и вполне, казалось, достойныхъ, но Дмитрій Николаевичъ все не былъ спокоенъ и не могъ рѣшиться: видимо, имѣвшіеся въ виду кандидаты не осуществляли его идеала; онъ неоднократно посѣщалъ засѣданія прежнихъ судебныхъ установленій и однажды возвратился изъ засѣданія с.-петербургской гражданской палаты видимо счастливый, спокойный и довольный. Онъ нашелъ кандидата: выборъ его остановился на Г. Н. Мотовиловѣ. Достаточно назвать это всѣми достойно чтимое имя, чтобы понять, насколько вѣрно угаданъ былъ будущій первый предсѣдатель с.-петербургскаго окружнаго суда *)). Слѣдуетъ еще замѣтить, что Замятинъ впервые выдвинулъ при назначеніи на судебныя должности принципъ личныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ на мѣсто стараго принципа—«сидѣнья» на одномъ мѣстѣ. Замятинъ не справлялся о родствѣ кандидата, происхожденіи, его связяхъ въ великосвѣтскихъ салонахъ, а о томъ, получилъ ли онъ юридическое образованіе, о нравственныхъ качествахъ его и способностяхъ, обнаруженныхъ на службѣ. Не только хорошіе отзывы, но и дурные старался онъ провѣрить лично или черезъ довѣренныхъ лицъ, чтобы никто не пострадалъ изъ-за клеветы. И ужъ убѣдившись въ достоинствахъ кандидата, онъ выдвигалъ его впередъ.

Но для цѣлесообразнаго примѣненія этого порядка необходимо чувство мѣры и умѣнье распознавать душевный обликъ человѣка, а иначе легко понасть въ-просакъ. Но почти всѣ, безъ исключенія, избранныя Замятиннымъ лица съ избыткомъ оправдали его довѣріе. Встъ какъ наглядно доказалъ Замятинъ несправедливость увѣренія представителей застоя, что у насъ нѣтъ людей,—увѣреніе, изъ-за котораго затормозилось не мало добрыхъ начинаній и чуть было не затормозилась и судебная реформа. Замятинъ доказалъ, что если не довольствоваться одними петербургскими салонами и департаментами и найти болѣе надежное средство распознаванія людей, нежели рекомендаціи великосвѣтскихъ покровителей,—честные и знающіе труженики найдутся всегда.

Относительно назначенія персонала новыхъ судебныхъ учреждений сначала возникло было недоразумѣніе довольно щекотливаго свойства между комиссіей, начертавшей проекты «Судебныхъ

*) Журн. Гражд. и Угол. Права 188 года, № 6.

Уставовъ», и министромъ юстиціи Замятнинымъ. Соревнуя съ послѣднимъ въ дѣлѣ реформы, председатель комиссіи, В. П. Бутковъ, предлагалъ окончательное назначеніе лицъ на судебныя должности предоставить комиссіи; но Замятнину удалось убѣдить комиссію въ неудобствахъ такого порядка назначенія, которое и было поручено министру юстиціи и выполнено имъ столь блистательно.

Признавая, что для содѣйствія успѣшному осуществленію судебной реформы необходимо заблаговременно озаботиться о возможномъ ускореніи движенія и окончанія дѣлъ, производившихся въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, Замятнинъ принялъ дѣятельныя мѣры къ достиженію такого ускоренія, и такъ какъ эти мѣры должны были заключаться не только въ усиленіи средствъ судебныхъ мѣстъ, но и въ упрощеніи порядка существовавшего тогда дѣлопроизводства и судоустройства, — министръ юстиціи, независимо отъ ходатайства объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ нѣкоторыхъ судовъ 1-й и 2-й степени, входилъ съ представленіемъ объ измѣненіи правилъ, которыя, не принося никакой существенной пользы для частныхъ лицъ и не обезпечивая вѣрнѣйшаго достиженія истины, замедляли только движеніе дѣлъ и затрудняли тяжущихся, подсудимыхъ и судебныхъ мѣста *).

Независимо отъ этого, въ виду того, что рѣшено было судебную реформу вводить постепенно, слѣдовало предпринять что-нибудь для прибрятія язвъ стараго судебного устройства и производства, которыя съ открытіемъ новыхъ судовъ должны были обнаружиться съ ужасающею наготою. Этой цѣли должны были служить составленныя Д. Н. Замятнинымъ и проведенныя черезъ государственный совѣтъ правила объ измѣненіи и дополненіи Свода Законовъ, касающихся судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила были Высочайше утверждены 11 октября 1865 года и внесли въ старыя судебныя учрежденія нѣкоторый лучъ свѣта въ видѣ гласности, соображенія письменности, устности и т. д.

Начало 1866 года министерство юстиціи также провело въ энергичной работѣ по подготовительнымъ распоряженіямъ по введенію реформы. Министерство, руководимое Замятнинымъ, имѣло неослабное наблюденіе за изготовленіемъ списковъ лицъ, имѣю-

*) Жур. Министер. Юстиціи 1866 г., № 4.

щихъ право быть избранными въ мировые судьи, за составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и за своевременнымъ выборомъ и утвержденіемъ мировыхъ судей. По новости дѣла встрѣчалось не мало недоразумѣній, которыя Замятнинъ разъяснялъ по возможности личнымъ объясненіемъ съ представителями администраціи и земства или путемъ телеграммъ и письменныхъ предписаній. Всѣ остальные затѣмъ постановленія «Судебныхъ Уставовъ», исполненіе коихъ было необходимо для безпрепятственного введенія судебного преобразованія, исполнены до срока открытія судебныхъ мѣстъ или самимъ министромъ юстиціи, или при его участіи, или же подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Равнымъ образомъ министромъ юстиціи проведены были въ законодательномъ порядкѣ проекты—общаго наказа судебнымъ мѣстамъ, объ охранительномъ судопроизводствѣ, о таксъ вознагражденія судебнымъ приставамъ и присяжнымъ повѣреннымъ. Сверхъ того министерство юстиціи участвовало въ разсмотрѣніи и составленіи прочихъ законодательныхъ работъ, имѣющихъ соотношеніе къ судебной реформѣ: такъ, наприм., о соглашеніи Уложенія о наказ. съ Уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговору мировыхъ судей, объ устройствѣ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и т. п. *)

Теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только непреклонной настойчивости Замятнина, этого на видъ очень мягкаго и слабаго старца, обязаны мы тѣмъ, что судебная реформа, несмотря на все противодѣйствіе ей вліятельныхъ сферъ, была осуществлена. Кому памятны событія послѣдующаго времени, тотъ пойметъ все важное значеніе этого историческаго fait accompli, съ которымъ волею-неволею должны считаться представители реакціонной партіи. Въ этомъ неустанномъ стремленіи провести во что бы то ни стало въ дѣйствительность судебную реформу заключается громадная заслуга Замятнина предъ потомствомъ. Проявляя такую необычайную энергію, Замятнинъ очень хорошо понималъ, что тутъ каждая минута дорога.

---

*) Жур. Минист. Юстиціи 1867 г., № 2, стр. 142.

VI.

„Либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ реформъ спокойно, — оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее.

С. Соловьевъ.

Продолжительныя и сложныя подготовительныя работы къ открытію новыхъ судовъ окончены были къ апрѣлю 1866 года.

14 апрѣля покойный Государь посѣтилъ зданіе петербургскихъ судебныхъ установлений. Послѣ осмотра зданія творцу новаго суда представлены были Замятнинымъ, вновь назначенные къ должностямъ, чины судебныхъ установлений. Прощаясь съ ними, Государь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!»

16 апрѣля происходило освященіе с.-петербургскихъ судебныхъ установлений и открытіе кассационныхъ департаментовъ сената.

Наконецъ настало 17 апрѣля, лучшій день въ жизни Д. Н. Замятнина, какъ онъ самъ впоследствии говаривалъ, день открытія новыхъ судовъ. Торжество открытія почтили своимъ присутвіемъ почетные посѣтители, члены дипломатическаго корпуса и многочисленная публика. Товарищъ министра Н. И. Стояновскій прочелъ Высочайшее повелѣніе 19 марта и 13 апрѣля 1866 года, объ открытіи судебныхъ установлений, прочтенъ былъ также списокъ новыхъ назначеній. Затѣмъ первый министръ юстиціи новыхъ судебныхъ учрежденій обратился къ представителямъ магистратуры съ рѣчью, въ которой развилъ свой взглядъ на положеніе и призваніе судьи. «На вашу долю выпалъ завидный жребій, — такъ началъ Замятнинъ, — провести въ жизнь многозначительныя слова Августѣйшаго Монарха: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно-успѣшнаго достиженія

высокой цѣли. Царь освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ, — продолжалъ ораторъ, — что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими исполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полныя Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія, — продолжалъ министръ, — ждуть отъ васъ водворенія суда скорого, правого, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ равную защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Заявляя свои глаза предъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

«Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебного преобразования недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять, — сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ, — предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ

будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій, и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предугазуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе *)).

23 апрѣля были открыты Замятиннымъ московская судебная палата и окружный судъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ 1866 г. открыты 14 провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Въ рѣчи, обращенной къ московскимъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи между прочимъ сказалъ: «вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя наиболѣе нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него браеугольный камень гласнаго, скорого, праваго и милостиваго суда».

Рѣчи Замятина произвели превосходное впечатлѣніе. Никогда еще русскіе судьи не выслушивали изъ устъ министра юстиціи такого, исполненнаго силы и достоинства, воззванія, въ которомъ такъ рельефно ставилось на видъ, что отнынѣ они должны считать себя свободными отъ начальственнаго давленія и имѣть въ виду только предписанія закона и велѣнія совѣсти. Одинъ изъ зоиловъ, бывшій въ числѣ слушателей Замятина, съ худо скрываемою злобой замѣтилъ: «voilà un discours bien dit», что въ переводѣ означало: «куда вамъ все это осуществитъ». Но вся послѣдующая дѣятельность Замятина доказала, что слова его были не пустоцвѣтомъ оффиціального краснорѣчія, а выраженіемъ строго обдуманной и сознательно усвоенной программы, которой ораторъ намѣревался слѣдовать при осуществленіи на дѣлѣ судебной реформы.

Въ полной самостоятельности суда, независимости адвокатуры отъ администраціи — онъ не видѣлъ, подобно своему пре-

*) Журн. *Министер. Юстиціи* 1866 г., № 4.

емнику, нетерпимое проявленіе анархическихъ поползновеній, которыя *per fas et nefas* должны быть подавляемы, а, напротивъ, вѣрнѣйшій залогъ нелицепріятнаго правосудія. Въ качествѣ министра юстиціи, Замятнину не разъ приходилось охранять щитомъ судейской независимости судей, не угодившихъ тѣмъ или другимъ высоко, очень высоко поставленнымъ лицамъ. Не только судей, но и представителей прокурорскаго надзора прикрывалъ Замятнинъ своимъ авторитетомъ, коль скоро убѣждался, что неудовольствіе мѣстной власти вызвано тѣмъ, что прокуроры осмѣливались распространять дѣйствіе общихъ законовъ на протекъ мѣстныхъ властей. Замятнинъ всегда спокойно провѣрялъ всѣ навѣты, и когда оказывалось, что прокуроръ былъ правъ, то, вмѣсто удаленія отъ должности, онъ получалъ повышенія, какъ это случилось съ владимірскимъ прокуроромъ г. Г—мъ и псковскимъ г. Г—мъ, котораго не взлюбилъ и хотѣлъ уволить безъ прошенія псковской губернаторъ графъ Паленъ. Теперь еще не время поименно исчислять многочисленныя заслуги Замятнина по строгому проведенію начала несмѣняемости, тѣмъ болѣе трудному, что чѣмъ выше были задѣтыя несмѣняемостью сферы, тѣмъ властнѣе проявляли желаніе проводить въ жизнь старое крѣпостническое начало: *«sic volo, sic jubeo, fiat mea voluntas»*.

Само собою разумѣется, что во время управленія Замятнина министерствомъ юстиціи отношенія судебной администраціи къ судамъ и адвокатурѣ исполнены были взаимнаго довѣрія, уваженія и предупредительности, благодаря которымъ масса недоумѣній, затрудненій, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, а въ особенности въ такомъ трудномъ, какъ первое насажденіе правильно организованнаго и неподкупнаго суда, разрѣшалась успѣшно, быстро и къ обоюдному удовольствію. Даже въ мелочахъ сквозило это благоволеніе министерства къ судамъ. Возникъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніяхъ стоящей и сидящей магистратуры, и Замятнинъ, не колеблясь ни минуты, предписалъ прокурорамъ вставать съ мѣсть при обращеніи къ суду. Замѣчательныя мотивы, приведенныя въ циркулярѣ: «Для поддержанія во всеобщемъ мнѣніи высокаго значенія, присвоеннаго судебной власти новыми Уставами,—пишетъ Замятнинъ,—необходимо наглядное выраженіе того уваженія, которымъ власть эта должна пользоваться со стороны всѣхъ безъ изъятія лицъ, имѣющихъ къ нему какое-либо отношеніе» (Циркуляръ министра юстиціи 15 января 1867 года, № 911).

Новыя формы процесса, примѣнявшіяся съ такимъ сознани-емъ собственнаго достоинства и гуманностью, въ связи съ глас-ностью и почти идеальной скоростью рѣшенія дѣлъ, сдѣлали да-же для слѣпыхъ очевидною разницу между старымъ тайнымъ канцелярскимъ порядкомъ безграмотнаго судопроизводства съ но-вымъ гласнымъ судоговореніемъ, отправляемымъ образованными короннымъ юристами или излюбленными мировыми судьями. Но-вый судъ сразу завладѣлъ общественною симпатіей. Не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, гдѣ введены были толь-ко «Правила 11 октября 1865 года», съ допущеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ новаго судопроизводства, публичнаго ложились не только на засѣданія интересныхъ уголовныхъ, но и гражданскихъ дѣлъ *). Такъ заманчиво было это приобщеніе, хотя бы въ качествѣ зри-телей, къ отправленію правосудія.

Ну, а что судъ присяжныхъ, этотъ перлъ судебной реформы, возбуждавшій столько искреннихъ и неискреннихъ опасеній? Да-же знаменитый Миттермайеръ, горячо привѣтствовавшій нашу судебную реформу, опасался сильно за судьбу суда присяж-ныхъ и дѣлалъ слѣдующее доброжелательное предостереженіе: «опираясь на долготѣнія наблюденія постепеннаго развитія уго-ловныхъ учрежденій, — писалъ онъ, — мы высказываемъ наше же-ланіе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожи-даемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобъ оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напо-минаемъ ему то интересное явленіе, — продолжалъ ученый про-цессуалистъ, — что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти но-выя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образо-ванные люди считали народъ не созрѣвшимъ, — даже тамъ чудес-нымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выго-ды, доставляемыя ими, высказываются все болѣе и болѣе, а люди призываемые въ присяжные оказывались наконецъ и тамъ способными выполнить свое назначеніе» **).

Если опасеніе, высказанное Миттермайеромъ въ первой по-ловинѣ приведенной цитаты, оказалось, какъ мы увидимъ ниже, до извѣстной степени справедливымъ, то опасенія касательно достоинствъ русскаго суда присяжныхъ съ первыхъ же шаговъ судебной реформы были опровергнуты самымъ блистательнымъ

*) *Юрид. Газета*, кн. VI. — *Журн. Мин. Юст.* 1866 г., № 5, и 1867 г., № 5.

***) *Журн. Министер. Юстиціи* 1864 г., № 10, стр. 15.

образомъ. Всякій воочію видѣлъ, что не только образованный классъ гражданъ, но и «вчера́шній рабъ», въ которомъ, казалось, должно было быть вытравлено помѣщичьимъ самосудомъ всякое сознаніе права и правды, въ составѣ суда общественной совѣсти оказываются вполне на высотѣ своего призванія. Судъ присяжныхъ завоевалъ себѣ сочувствіе не только въ публикѣ, но даже въ сферахъ, ему враждебныхъ, и блистательнымъ образомъ подтвердилъ справедливость мнѣнія составителей «Судебныхъ Уставовъ», не допуская мысли, «чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго».

Но для провѣрки личныхъ впечатлѣній по судебной реформѣ необходимо было дожидаться отчета центрального вѣдомства, поставленнаго въ возможность дѣлать общія наблюденія и выводы. Отчетъ министерства юстиціи не заставилъ себя долго ждать. Въ мартѣ 1867 года въ *Съверной Почтѣ* напечатанъ былъ первый и послѣдній отчетъ Замятина о дѣятельности новыхъ судовъ. Замятинъ съ справедливою гордостью и нескрываемымъ удовольствіемъ заявлялъ въ отчетѣ, что великое дѣло насажденія на Руси суда честнаго и независимаго, трудную задачу коего онъ взялъ на себя, увѣнчалось наилучшимъ успѣхомъ. «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—сказано въ отчетѣ Замятина,—простота мирового разбирательства, допущенная при отправленіи онаго, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованіе Россіи суда столь близкаго народу и вполне соответствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установлений возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

Дѣятельность общихъ судебныхъ установлений,—писалъ Замятинъ,—оказалась столь же благотворною, какъ и мировыхъ

учрежденій. И здѣсь, по словамъ отчета, глубокое сочувствіе всѣхъ сословіи къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшеній дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебного вѣдомства со всѣми сословіями *).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ Замятнина о дѣятельности суда присяжныхъ: «присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ (наприм. въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполне оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудныя для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно».

Общій выводъ изъ отчета Замятнина сводится къ слѣдующему: «взаимнымъ содѣйствіемъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, а равно и добросовѣстнымъ исполненіемъ присяжными засѣдателями своихъ важныхъ обязанностей—достигалось столь необходимое для отправленія правосудія единство, причемъ немаловажнымъ пособіемъ служило то единодушіе, съ которымъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ **).

Отчетъ Замятнина произвелъ громадное впечатлѣніе. Самые отчаянные скептики увидѣли, что дѣло, внушившее столько опасеній, въ искусныхъ рукахъ Замятнина начинается прекрасно прививаться. Печать единодушнымъ восторгомъ привѣтствовала первые итоги судебной реформы, подведенные Замятнинымъ новому дѣлу. Мы не приводимъ восторженныхъ отзывовъ газетъ,

*) Журн. Министерства Юстиціи 1867 г., № 2.

**) Тамъ же, стр. 144.

всегда сочувственно относившихся къ либеральнымъ реформамъ прошлаго царствованія, какъ *Голосъ, С.-Петербургскія Вѣдомости* (прежней редакціи) и др.,—мы сошлемся на газету, которую, кажется, нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ либеральнымъ реформамъ и ихъ дѣятелямъ. По поводу опубликованнаго отчета *Моск. Вѣдомости* говорили слѣдующее: «по-истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ брѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому справедливыхъ, сомнѣній,—теперь находится въ полномъ дѣйствии на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне,—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія».

Приведа то мѣсто отчета Замятина, гдѣ говорится о мирныхъ судьяхъ, консервативный органъ замѣчаетъ: «вотъ до какой степени вѣрно высказанное не разъ мнѣніе, что наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти». Статью свою *Московскія Вѣдомости* заключаютъ слѣдующими словами: «*честь и слава* правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зяждительную мысль Преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго гражданского порядка*. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданского обновленія Россіи» *).

Мы не затѣмъ привели эту длинную цитату, чтобы бросить упоризну нынѣ первенствующему реакціонному органу печати, такъ своеобразно выполняющему на нашихъ глазахъ обѣщаніе, данное именемъ исторіи, и договорившемуся до необходимости уничтожить судейскую несмѣняемость, а потому, что лучшей похвалы нельзя было придумать въ честь того «имени», носитель котораго наиболѣе доблестно подвизался надъ созданіемъ въ Россіи первыхъ судовъ, заслуживающихъ этого названія.

*) *Московскія Вѣдомости* отъ 28 марта 1867 года, № 69.

Все, что было приведено выше, показываетъ, съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ встрѣтили образованное общество и народъ первые шаги судебной реформы. Ошибочно было бы думать, что интересъ публики и печати вызывался только новизною публичнаго судового разсужденія, или серьезною торжественностью судебныхъ засѣданій, или улучшеніемъ технической стороны судопроизводства. О, нѣтъ, — тутъ дѣйствовали болѣе важные мотивы. Слишкомъ обидное, но, увы, глубоко коренившееся въ нашихъ законахъ и правахъ утвержденіе Карамзина, что у русскихъ гражданъ, какъ таковыхъ, не бывало никогда и нѣтъ никакихъ «общегражданскихъ правъ», получило съ введеніемъ «Судебныхъ Уставовъ» въ дѣйствіе наглядное и торжественное опроверженіе. На новомъ судѣ русскій гражданинъ впервые узналъ, что онъ не безправый объектъ, обязанный служить матеріаломъ для начальственныхъ манипуляцій, а правоспособный субъектъ, обладающій правами. Имущество, личность, честь и свобода гражданина изъ «случайнаго» дара, находившагося дотолѣ въ безотчетномъ распоряженіи предрержащихъ властей, превратились въ реальныя блага, поставленныя подъ надежную охрану просвѣщенной и несмѣняемой магистратуры. Личность гражданина, даже преступившаго законъ, поставлена подъ охрану закона и ограждена отъ произвольныхъ дѣйствій. Въ подсудимомъ стало уважаться его человѣческое достоинство, безъ всякаго отношенія къ его общественному положенію. Если новое законодательство относилось съ уваженіемъ къ личности даже павшаго гражданина, то тѣмъ паче должно было возвыситься уваженіе къ правамъ гражданъ вообще. Очевидное доказательство такого уваженія было тутъ же на-лицо на судѣ. Двѣнадцать простыхъ гражданъ, взятыхъ, такъ-сказать, прямо съ улицы или отъ сохи и рабочаго стола, исключительно во вниманіе къ ихъ гражданской добросовѣстности, облечены громадною властью творить судъ по совѣсти. Предъ этимъ приговоромъ общественной совѣсти склоняютъ съ уваженіемъ голову не только подсудимые, но и представители обвинительной власти, и самъ судъ. Это былъ апофеозъ гражданскаго достоинства, дотолѣ совершенно поправнаго. Это была первая школа для политическаго воспитанія народа. Это былъ ясный для всѣхъ и безповоротный приговоръ надъ бюрократическою системою: все для народа, ничего съ помощью народа. Для всѣхъ было ясно, что наступила новая эра общественной жизни Россіи, что новый порядокъ вещей долженъ произ-

вести переворотъ въ умоначертаніи народа и отношеніяхъ его къ властямъ.

Высшая судебная администрація въ лицѣ Д. Н. Замятина хорошо понимала всю бытовую и политическую важность насажденія независимой судебной корпораціи и передачи обществу функцій уголовной репрессіи. Правительство рѣшилось однако и на этотъ смѣлый по либерализму шагъ, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ. Не даромъ учитъ исторія, эта наставница народовъ, что только либеральное и сильное правительство «можетъ быть безнаказанно либеральнымъ».

VI.

At nunc narraturo mihi vitam defuncti hominis venia opus fuit quam non petissem incusaturus tam saeva et infesta virtutibus tempora.

Tacitus.

Только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они приобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душиить—очень легкое дѣло,—особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ!

С. Соловьевъ.

Базалось бы, что дѣло введенія въ дѣйствіе «Судебныхъ Уставовъ», столь счастливо начатое Замятинимъ, не могло быть вырвано изъ его опытныхъ и доброжелательныхъ рукъ, въ которыхъ заключался вѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго продолженія судебной реформы. И дѣйствительно, уже 10-го января 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи судебной реформы въ округъ харьковской судебной палаты. При такомъ ходѣ дѣла осуществленіе первоначальнаго предположенія о введеніи реформы до 1870 года во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области казалось близкимъ къ исполненію. Но эта - то преданность судебной реформѣ и стремленіе возможно скоро осуществить ее повсемѣстно и дѣлали дѣятельность Замятина неприятною и даже ненавистною для партіи, враждебной реформамъ. Она не дремала. Она старалась собирать всѣ вздорные толки и пересуды о мнимыхъ или дѣйствительныхъ промахахъ новыхъ судовъ, чтобы представить дѣятельность ихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ. Суды отвергали вздорныя обвиненія, воздвигаемыя

полиціей мысли по дѣламъ печати, и вмѣсто того, чтобы винить возбудителей неосновательнаго обвиненія, порицали суды за то, что они точно примѣняли законъ, и усматривали въ дѣйствіяхъ суда желаніе подорвать авторитетъ власти. Вслѣдствіе небрежнаго управленія государственными имуществомъ, частныя лица захватывали земли и впослѣдствіи на судѣ выигрывали дѣло, а судей, точно примѣнявшихъ законъ, обвиняли въ томъ, что они причиняютъ ущербъ казнѣ. Съ высокопоставленныхъ неоплатныхъ должниковъ исполнительные органы суда, не взирая на лица, требовали удовлетворенія по исполнительнымъ листамъ—и на новый судъ сыпались новыя нападки въ демократической тенденціозности, невниманія къ заслугамъ и орденамъ. Извѣстное дѣло Протопопова, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника и признаннаго присяжными дѣйствовавшимъ въ состояніи умозступленія, послужило поводомъ для новыхъ яростныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Мировые судьи, вѣрные своему призванію, чинили судъ равный для всѣхъ, не мирволя дворянамъ, и это служило новымъ поводомъ для нареканій на новыя судебныя учрежденія. Всѣ подобные факты старательно собирались, нанизывались другъ на друга, раздувались и выставлялись какъ доказательство вреднаго—либеральнаго, революціоннаго (да, употреблено было именно это слово)—направленія новыхъ судовъ.

Отъ Замятнина требовали принятія «мѣръ» противъ судей, честно и мужественно исполнявшихъ свою обязанность и не прислушивавшихся къ властнымъ стороннимъ внушеніямъ, требовали прямой или замаскированной отмѣны судейской несмѣняемости, но на всѣ эти требованія онъ конечно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ замѣнь ожидаемыхъ проектовъ объ уничтоженіи судейской несмѣняемости и о назначеніи правительствомъ мировыхъ судей на вакансіи, отсрочившіяся до конца срока выборовъ, которыхъ отъ него требовали и ожидали враги реформъ, Замятнинъ внесъ въ государственный совѣтъ вполне согласное съ духомъ «Судебныхъ Уставовъ» представленіе, коимъ предлагалось предоставить земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, въ случаѣ открытія до срока вакансіи на должность мировыхъ судей, производить новыя дополнительные выборы. Представленіе прошло въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго Высочайше утверждено было 27-го марта 1867 года. 12 апрѣля Замятнинъ циркулярно оповѣстилъ объ этомъ новомъ и торжественномъ под-

тверженіи выборнаго начала мирового института председателей мировыхъ съѣздовъ. Этотъ циркуляръ, достойно завершавшій министерскую карьеру Замятина, сдѣлался его лебединою пѣснью. Дни его министерства уже были сочтены.

Реакціонная партія вела свою игру довольно искусно. Сначала отрѣзана была у Замятина, такъ-сказать, его правая рука—уволень въ отставку его достойный и неутомимый сотрудникъ-товарищъ Н. И. Стояновскій. На мѣсто его былъ назначень, помимо избранія самого министра, бывшій псковской губернаторъ графъ фонъ-деръ-Палень. Для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ заставить Замятина отойти отъ любимаго дѣла, придумали соединить званія главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцелярїи и министерствомъ юстиціи. Зная добросовѣстность Замятина, рассчитывали на то, что онъ не возьмется за эти двѣ многотрудныя должности, бывшія ему не подъ силу. Расчеты оказались вѣрными. Замятинъ отказался принять эти двѣ должности и подалъ въ отставку. Ровно черезъ годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учреждений, 16-го апрѣля 1867 года, побинулъ онъ министерскій постъ, напутствуемый сожалѣніями всего судебного вѣдомства и прогрессивной части русскаго общества. Замятинъ, покидая свой постъ, могъ съ гордостью сказать, что онъ передалъ своему преемнику великій законодательный памятникъ 20 ноября 1864 года безъ малѣйшаго изъяна, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ его творца.

Постъ министра юстиціи занялъ князь Урусовъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ Его Императорскаго Величества канцелярїи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти двѣ должности были снова раздѣлены, и графъ Палень вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи. Кто не помнитъ этого времени, такъ внезапно наступившаго послѣ медоваго мѣсяца судебной реформы! Графъ Палень, бывшій вице-директоромъ департамента полиціи исполнительнои, человекъ совершенно чуждый кружку славныхъ дѣятелей судебной реформы и относившійся враждебно къ либеральнымъ основаніямъ ея, долженъ былъ замѣнить Замятина!?

Призванный къ власти въ томъ предположеніи, что онъ сѣмѣетъ подчинить дѣятельность новыхъ судовъ административно-полицейскимъ дѣлїямъ, новый министръ юстиціи старался оправдать возложенныя на него надежды. Судъ общественной совѣсти, несмѣняемая магистратура, мировой институтъ, независимая адвока-

тура, — однимъ словомъ, все, что заявляло претензію жить въ духѣ «Судебныхъ Уставовъ», т. е. дѣйствовать согласно предписанія закона и внушенія совѣсти, а не по мановенію начальническаго перста, — все это было взято въ сильное подозрѣніе и держалось въ черномъ тѣлѣ. Одинъ только непосредственно подчиненный министерству юстиціи прокурорскій надзоръ, содержимый въ духѣ спасительной дисциплины, пользовался благоволеніемъ новаго министра и представлялъ единственно благонадежные кадры для пополненія судебного персонала. Насколько все это мало согласовалось съ духомъ и буквою «Судебныхъ Уставовъ», объ этомъ и не думали. Словно въ непріятельской странѣ, старались то при помощи военныхъ хитростей подкопаться подъ основанія начала судебной реформы, то открытою силою нападали на эти первые проблески правильно устроеннаго правового общежитія. Странная иногда бываетъ игра судьбы! И безъ того свѣтлая и симпатичная личность Замятина на своей исторической чредѣ точно нарочно была поставлена между графами Панинымъ и Паленомъ — какъ бы для того, чтобы на этомъ фонѣ она получила еще болѣе блестящее освѣщеніе!

Замятинъ ушелъ отъ своего любимаго дѣла съ горечью, но безъ озлобленія. Онъ понялъ, что подули противные прогрессу вѣтры, но они не пошатнули его убѣжденій. Въ то время, какъ малодушные пошли по теченію, Замятинъ и другіе истинные друзья прогресса остались вѣрными либеральнымъ принципамъ. Изъ жизненнаго опыта они еще болѣе убѣждались въ справедливости началъ, положенныхъ въ основаніе «Судебныхъ Уставовъ». Уваженіе къ этимъ началамъ, возрастая по мѣрѣ того, какъ ополчалась на нихъ реакція, перешло въ настоящій религиозный культъ, оправдывая извѣстное изреченіе: *amicus certus in re incerta cernitur*.

Чтя судебную реформу какъ святыню, Замятинъ въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе 11 лѣтъ держалъ «упрямую оппозицію» реакціоннымъ проектамъ графа Палена, вносимымъ подъ благовиднымъ предлогомъ «улучшенія» «Судебныхъ Уставовъ» по указаніямъ опыта. Энергіи и трудамъ Замятина и его товарищей русское общество обязано тѣмъ, что «Судебные Уставы», этотъ палладіумъ русской гражданственности, не были вовсе обезображены стараніями необузданной реакціи.

Уже семидесятилѣтнимъ старцемъ Замятинъ еще разъ со- служилъ великую службу своей родинѣ, отстоявъ въ 1878 году

принципы новаго судоустройства отъ яростнаго нападенія реакціонной партіи. Графъ Паленъ внесъ въ государственный совѣтъ рядъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. Замятнинъ, всегда спокойный, на этотъ разъ сильно волновался предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, чуждымъ какой опасности подвергаются краугольные камни новаго суда. При содѣйствіи опытныхъ судебныхъ дѣятелей была составлена Замятнинимъ обстоятельная записка, направленная противъ проектовъ графа Палена. Воззваніе ветерана судебной реформы не осталось гласомъ въ пустынь воиющимъ. Изъ проектовъ графа Палена былъ принятъ одинъ о частичномъ измѣненіи подсудности суда присяжныхъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ «закона 9-го мая» и недавно отмѣненный въ значительной части.

Вдали отъ любимаго дѣла Замятнинъ имѣлъ на закатѣ дней своихъ великую минуту утѣшенія. Это было въ 1873 г., когда онъ праздновалъ свой пятидесяти-лѣтній служебный юбилей. На этомъ праздникѣ Замятнина единодушно откликнулся весь судебный міръ, съ которымъ онъ и послѣ своей отставки поддерживалъ самыя теплыя отношенія, радуясь успѣхамъ лучшихъ дѣятелей его. Въ юбилейный день 4 сентября вся многочисленная и широко разбросанная судебная семья, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовала своего незабвеннаго вдохновителя и перваго руководителя. Болѣе 30 телеграфическихъ привѣтствій получилъ Замятнинъ отъ разныхъ судебныхъ учреждений, въ томъ числѣ даже изъ такой уѣздной глуши, какъ Зарѣчье, Горбатовъ, Спасскъ, Кинешма, Мелитополь. Въ адресѣ, привезенномъ старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ А. Н. Шаховымъ, чины московскихъ судебныхъ установленій между прочимъ писали: «Вспоминая о неустанной работливости вашей, съ которою вы старались устранить всѣ препятствія къ скорѣйшему введенію гласнаго судопроизводства, о томъ вниманіи, съ кѣмъ вы относились къ разрѣшенію всѣхъ возникшихъ недоразумѣній и вопросовъ, а равно о снисходительности вашей къ ошибкамъ немзбѣжнымъ въ новомъ дѣлѣ, чины московской судебной палаты и окружнаго суда считаютъ долгомъ выразить предъ вами чувства истинной высокой признательности за все сдѣланное вами на пользу новыхъ судебныхъ учреждений... Да поможетъ намъ Богъ, руководясь вашимъ при-

и́ромъ, содѣлаться достойными исполнителями воли Монарха-Преобразователя—творить судъ скорый, правый и милостивый *)).

Чины петербургскихъ судебныхъ установлений, бывшіе ближайшими свидѣтелями благотворной дѣятельности Замятина по судебной реформѣ, ознаменовали юбилей Замятина основаніемъ въ петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ учрежденіи которой Замятинъ принималъ весьма близкое участіе, домика имени юбиляра. Предполагалось также въ зданіи судебныхъ установлений, служащемъ монументальнымъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ Замятина по учрежденію новыхъ судовъ, поставить бюстъ его, но предположеніе это было оставлено. Теперь, когда рѣшено соорудить въ зданіи петербургскихъ судебныхъ установлений статую покойнаго Государя, не своевременно ли было бы, къ приближающемуся двадцатилѣтію открытія новыхъ судовъ, выполнить оставленное предположеніе о сооруженіи бюста и сохранить для потомства славную память о незабвенномъ сподвижникѣ Царя-Преобразователя, такъ много и честно поработавшемъ для осуществленія судебной реформы...

Послѣднимъ утѣшеніемъ для Замятина должно было быть сознаніе, что подвигъ его жизни—служеніе либеральнымъ основамъ реформъ прошлаго царствованія—пропалъ не даромъ, что положеніе новыхъ учреждений какъ будто нѣсколько окрѣпло. Какъ извѣстно, всѣ реформы прошлаго царствованія при введеніи въ дѣйствіе были сильно урѣзаны, ограничены врагами реформъ. Не видя всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ отъ реформъ, удивлялись, отчего это происходитъ. А дѣло было очень просто. Наши реформы находились въ положеніи той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...
Пищить бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой, да пой!...

Въ послѣдніе годы своей жизни Замятинъ долженъ былъ видѣть, что, повидимому, становится для всѣхъ ясною причина неудачъ произведенныхъ реформъ. Само правительство заявило, наконецъ, о необходимости водворить правду въ этихъ реформахъ,

*) *О.-Петербургскія Вѣдомости* отъ 5-го сентября 1873 года.

т.-е. прилагать ихъ къ жизни въ духѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ отношеніи судебнаго дѣла это значило возвращеніе къ той политикѣ, которая господствовала въ министерствѣ юстиціи при Замятинѣ, — иными словами, примѣненіе «Судебныхъ Уставовъ» съ точнымъ сохраненіемъ ихъ основныхъ принциповъ. Это, хотя и запоздалое, признаніе великаго значенія судебной реформы, послѣ дѣлаго ряда лѣтъ блужданія и посягательствъ на нее, должно было служить истиннымъ утѣшеніемъ для такого убѣжденнаго защитника этой реформы, какимъ былъ Замятинъ...

Храня свято завѣтъ своего великаго товарища по школѣ, Замятинъ не измѣнялъ «плѣнительной привычкѣ» и аккуратно являлся «на пиръ любви, на сладостное вѣче» лицейской годовщины. Среди своихъ товарищей, окруженный почетомъ и ласками, провелъ онъ послѣдніе часы своей жизни.

Таковъ былъ завидный конецъ этого честнаго гражданина, безкорыстнаго и гуманнаго дѣятеля, просвѣщеннаго государственнаго мужа и благороднаго человѣка, которому достойнѣйшею эпитафіей былъ бы стихъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе вѣчное
Сѣйте, — спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Я кончилъ. Не мнѣ быть судьбою, насколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить свою задачу. Пусть не осудятъ лица, близко знавшія Замятина, если на этихъ страницахъ не нашли они точное изображеніе незабвенныхъ чертъ ихъ знаменитаго современника. Имъ я скажу: *feci, quod potui, — faciant meliora potentes*. А тѣмъ изъ читателей, которые найдутъ, что настоящій очеркъ даетъ менѣе рельефное представленіе о Замятинѣ, нежели то, какое сохранила существующая въ судебномъ мірѣ традиція, моя авторская добросовѣстность велитъ заявить, чтобъ они этотъ недостатокъ отнесли на счетъ автора, а не изображаемой личности. Скажу безъ обаянниковъ, что мое авторское самолюбіе было бы вполне удовлетворено, еслибы читатель, по прочтеніи настоящаго очерка, могъ сказать: *ut desunt vires, tamen laudanda est voluntas...* Намѣреніе же это заключалось въ томъ, чтобы въ «наше столь равнодушное къ современникамъ время не пропала безслѣдно память о томъ, какъ высокая и благо-

родная личность одолѣла и обезоружила порокъ, свойственный малымъ и большимъ государствамъ, непризнаніе доблести и зависть» *).

А что сказать о смѣлой попыткѣ изобразить великую эпоху либеральныхъ преобразованій!... Я могъ только намѣтить величіе этой задачи, не смѣя даже и подойти къ ней. Къ величавой эпопеѣ общественнаго движенія 60-хъ годовъ можно примѣнить слова знаменитаго оратора древности, Демосеена. Во второй филиппикѣ, говоря объ одной славной эпохѣ своей родины, онъ замѣчаетъ: «всѣ любятъ разсказывать объ этихъ чудесахъ доблести, но доселѣ они не нашли еще достойнаго повѣствователя; и я долженъ пройти ихъ молчаніемъ и вотъ почему: въ жизни народовъ встрѣчаются такіе великіе моменты, что никакое человѣческое слово не можетъ ихъ точно изобразить».

Гр. Джаншіевъ.

---

*) Tacit: „Vita Agricolaе“, I, 1—5.

Встрѣча*).

Точкою пересѣченія называется мѣсто встрѣчи двухъ линій. Франкеръ: „Курсъ чистой математики“. Т. I—„Геометрія“.

Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденахъ при первой встрѣчѣ... Это кажется странно, удивительно. Но пусть разберетъ каждый человѣкъ (въ самомъ дѣлѣ!), не случилось ли ему въ продолженіе жизни встрѣтиться съ незнакомцемъ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго никогда не увидитъ и въ которомъ съ перваго взгляда открывается близкій родственникъ души,—человѣкъ, котораго онъ хочетъ имѣть другомъ, съ которымъ ему жаль разстаться... Какая-то симпатія, какой-то магнетизмъ влечетъ къ нему, и эта встрѣча остается навсегда въ памяти, ибо существованія ихъ, пересѣвшись, опять раздвоились, но слились въ точкѣ пересѣченія. Чѣмъ бурнѣе была жизнь человѣка, чѣмъ болѣе страсти пережигали его душу, тѣмъ болѣе такихъ встрѣчъ.

Итакъ, мы всѣ—храмовые рыцари. Посторонніе не знали знаковъ ордена, такъ и теперь толпа—это посторонніе всего одушевленнаго—не понимаетъ людей глубокочувствующихъ. Помнится, Дидротова бухарка очень удивилась, услышавъ, что ея господинъ—великій человѣкъ. Сколько Дидротовыхъ бухарокъ!...

Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die Kummer vollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt auch nicht ihr himmlischen Mächte.
Goethe. Wilh. Meister.

Холодный, ледяной вѣтеръ дулъ изъ-за Камы. Такъ дышетъ Уральскій хребетъ вѣчнымъ льдомъ своихъ вершинъ, такъ ды-

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. XII.

шесть холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала съ неимоверною скоростью множество тяжело нагруженных судовъ; кое-гдѣ двигались запоздалыя льдины, поворачиваясь и какъ бы нехотя слѣдуя теченію рѣки. Порывами вѣтеръ наносилъ *tembra disjecta* *) пѣсенъ бурлаковъ и ихъ громкіе возгласы. Было грустно. Я сидѣлъ, закутавшись въ плащъ, на высокомъ берегу. Съ противоположной стороны садилось солнце красное, но холодное. Раны моего сердца были свѣжи. Недавно оставилъ я родной городъ, хотя давно уже былъ оторванъ отъ всѣхъ близкихъ душъ моей. Всѣ подробности 9-го апрѣля явились въ моемъ воображеніи: день свиданія послѣ мрачной разлуки, день разлуки послѣ мрачнаго свиданія. Въ этотъ день переломилось мое существованіе... Прощальный поцѣлуй, облитый слезами, запечатлѣлъ небесною печатью воспоминанія, за которыми—пустота и мракъ... Было грустно; мнѣ понадобились люди, чтобы разсѣяться,—люди, которые мелкимъ пескомъ своихъ словъ могутъ засыпать раны сердца, докопѣ порывъ вѣтра не снесетъ его. На дворѣ становилось холоднѣе, Кама почернѣла, барки превратились въ какихъ-то ракообразныхъ животныхъ, съ огромными ребрами; огонь, разложенный на нихъ, казался огненною пастью чудовищъ. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы зайти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ на скорую руку, и зашелъ *къ кому-то*. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на двухъ человекъ, бывшихъ въ горницѣ, я бросился на турецкій диванъ и курилъ сигару.

Разговоръ шелъ безцвѣтный и холодный, какъ всегда между людьми, которыхъ не связываютъ ни общія идеи, ни симпатіи души, ни даже привычка. Меня спрашивали о столицѣ, мнѣ рассказывали о провинціи, — незамѣтно я развлекся. Хозяинъ грузинъ тѣшилъ меня своею ненавистью къ морозу, которая у него à l'oriental доходила до личной вражды. Вдругъ ему вздумалось перемѣнить тему и на мѣсто своей термометрической антипатіи рассказывать о томъ, какъ онъ покидалъ отцовскій домъ. Душа моя встрепелась. Холодная маска упала, и я въ пламенныхъ и горячихъ словахъ описывалъ имъ мое 9-е апрѣля. Чувства бушевали во мнѣ, и радостныя, что нашли отверстіе, лились потокомъ словъ. Я всталъ съ своего мѣста и вдругъ взоръ мой встрѣтился со взоромъ одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ я едва

*) Отрывочные звуки.

замѣтилъ входя. Глаза наши столкнулись, и рѣчь моя, какъ бы спloшенная, остановилась. Мужчина лѣтъ сорока, въ черной венгеркѣ, обшитой шнурками, склонивъ голову на руку, опернувшись на диванъ, и крутя другою длинныя русые усы, со всѣми знаками самаго усиленнаго вниманія смотрѣлъ этимъ взоромъ на меня. Грудь его подымалась, ноздри раздувались и крупная слеза тихо катилась по щекѣ. Но глаза—теперь вижу ихъ—издавали какой-то свѣтъ, въ нихъ было что-то отъ пламени молній. Я остановился, и онъ, какъ бы обиженный, грубо обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Продолжайте». Мы помѣнялись взоромъ, и я, чувствуя, что понять, продолжалъ еще съ большимъ одушевленіемъ. Когда кончилъ я, онъ всталъ, прошелъ раза два по горницѣ, приблизился ко мнѣ и, прямо смотря въ глаза, сказалъ: «Мы—друзья!»—«Друзья!»—отвѣчалъ невольный голосъ изъ моей груди, какъ эхо на его вызовъ, какъ инструментъ, невольно издающій звукъ, взятый на другомъ. Потомъ онъ сѣлъ на старое мѣсто и принялъ неподвижную фигуру статуи; лицо его сдѣлалось мрачно, длинныя волосы падали на глаза, но онъ не поправлялъ ихъ, молчалъ и, можетъ, въ мысляхъ перебиралъ свое 9-е апрѣля. Пора было идти домой. Онъ проводилъ меня съ хозяиномъ до дверей, сжалъ мнѣ руку и сказалъ: «Первый лучъ солнца послѣ долгой зимы!»—«Да,—подхватилъ грузинъ, не понимая его словъ,—нынче первый ясный день съ августа мѣсяца... Ужасно! Морозы доходили до 45°». Я ушелъ. Незнакомецъ занималъ меня непрерывно; я не зналъ, ни кто онъ, ни что онъ, но многое понялъ, догадался. Исторія его сердца должна быть ужасна, но его сердце должно быть высоко. Приготовленія въ дорогѣ, мелочи, хлопоты заставили на время забыть незнакомца. На другой день къ ночи надобно было ѣхать.

Въ самый день отъѣзда меня пригласили на большой обѣдъ къ одному богачу, и я пошелъ, чтобы взглянуть на beau monde того края. Провинція запечатлѣла весь этотъ домъ, и хозяинъ—въ яхонтоваго цвѣта фракъ, съ непоимѣрной величины Анною на шеѣ и съ волосами, вглядъ вычесанными—такъ же не годился въ модную гостиную, какъ его кресла изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжелѣе 10-фунтоваго орудія и украшенныя позолоченною рѣзбою въ видѣ раковинъ и выгнутыхъ листьевъ... Парно и съ какимъ-то благоговѣніемъ шли въ столовую, гдѣ дожидался столъ длинный, узкій, изогнутый глаголемъ. Поскорѣй по-

далъ я руку какой-то барышнѣ, которой никто не даетъ руки ни къ вѣнцу, ни къ обѣду, и замкнулъ процессію. Толпа лакеевъ въ сюртукахъ, съ часами на бисерныхъ шнуркахъ, въ пестрыхъ галстукахъ, суежилась подъ предводительствомъ дворецкаго, который своею дебѣлостью доказывалъ, что ему идетъ на пользу дозволеніе ѣсть съ барскаго стола остатки. Толпа мальчишекъ, всѣ въ разныхъ костюмахъ, но не всѣ въ сапогахъ, мѣшались и дрались изъ-за чести, кому за кѣмъ стоять, не имѣя понятія, что мѣстничество уничтожено. Но оно и не уничтожено въ провинціи. Провинція смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ — эта статья изъ адресъ-календаря. Тутъ-то вполнѣ узналъ я, что значить предсѣдатель уголовной палаты, которому губернаторъ *предлагаетъ*, и совѣтникъ губернскаго правленія, которому губернаторъ *предсѣдательствуетъ*, и земскій исправникъ, которому губернаторъ *повелеваетъ*, наконецъ, что такое прокуроръ, партизанъ никому неподчиненный, кромѣ министра юстиціи, о которомъ губернаторъ даже не *аттестуетъ* и который губернатору говорить «вы». Такъ все въ провинціи отнесено къ губернатору, и понятно: онъ — центръ, остальное — периферія; онъ — солнце, остальное — созвѣздія; словомъ, онъ — необходимая координата, безъ которой нельзя составить уравненія этихъ безконечно малыхъ величинъ. Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину, который учился пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Геттингенѣ, но тредо помнящій всѣ филистерскія затѣи. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди, и, занесенный сюда нѣмецкою страстью пытаться счастье по всему бѣлому свѣту, остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе *vasorum absorbentium* превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старикъ — весьма веселый и очень маленькій ростомъ, плѣшивый и съ быстрыми глазами — острилъ надо всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, дивилъ своимъ матеріализмомъ, смѣшилъ своими двусмысленностями. Его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ. Да и какъ было ему не любить всѣхъ? Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружности, но зналъ ихъ внутренности и... *l'amour de la science* заставило любить ихъ. Второе лицо былъ какой-то флотскій капитанъ, который, по несчастію, сидѣлъ возлѣ меня и,

поймавъ новаго человѣка, тѣмъ голосомъ, которымъ кричать съ палубы на мачту, рассказывалъ мнѣ весь обѣдъ, продолжавшійся три добрыхъ часа, какъ онъ минутъ двадцать тонулъ у Алеутскихъ острововъ, со всѣми техническими выраженіями, которыя живутъ на кораблѣ и приплываютъ къ материку только въ романахъ Сю и въ повѣстяхъ Бестужева. Онъ душевно желалъ, чтобы путь мой былъ въ Березовъ, гдѣ живетъ отставной мичманъ Филиппъ Васильевичъ, который былъ свидѣтелемъ этого происшествія и могъ мнѣ прибавить то, чего онъ не помнитъ, ибо былъ безъ памяти нѣсколько времени. Я съ иронической улыбкой поблагодарилъ его за желаніе... Еще кто былъ за столомъ? Наливки изъ всѣхъ растений, оканчивающихъ ягодою свой цвѣтъ, *старое французское* и — place au grand' homme—шампанское, которое лилось не по-столичному—въ узенькіе бакалы, а въ стаканы, и пребольшіе. Накопецъ *пережилъ* я обѣдъ. Всѣ торопливо бросились за карты, кромѣ доктора, который свято исполнялъ однажды возложенныя на себя гигиеническія правила: долженъ былъ послѣ обѣда 25 минутъ ходить по горницѣ для пищеваренія.

Я обнялъ хозяина, который съ искреннею добротою пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и вышелъ на улицу, улыбаясь и приводя на память всѣ пустые разговоры, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Время было хорошо; хотѣлось походить, и я отправился на бульваръ, идущій отъ Московской заставы до Сибирской. Бульваръ этотъ превосходенъ. Обхватывая полгорода съ наружной стороны, онъ простирается версты на три: огромныя, толстыя березы, прямыя и вѣтвистыя, отдѣляютъ его съ одной стороны отъ города, съ другой—отъ обширнаго поля, и чугуныя заставы, какъ черныя колоссальныя латники, стерегутъ его съ обѣихъ сторонъ. Скупа природа того края: зелень едва видѣлась и кое-гдѣ вѣшніе цвѣты—блѣдныя, слабыя недоноски, должныя умереть отъ холодныхъ утренниковъ. Несмотря на это, какой-то человѣкъ гербаризировалъ. Тотчасъ узналъ я вчерашняго незнакомца и пошелъ къ нему. Онъ такъ былъ занятъ своею работою, что долго не замѣчалъ меня. Я взялъ его за руку и онъ съ видомъ сильной радости сказалъ, оборачиваясь: «Итакъ, мнѣ еще суждено видѣть васъ! Благословляю нашу вчерашнюю встрѣчу. Вотъ ужъ два года не слыхалъ я человѣческаго голоса, а вчера ваши слова, какъ симфонія Бетховена, какъ пѣснь родины, пробудили мою душу. Вы помирили меня съ людьми, высказывая чувства,

которыя бились и въ моей груди... Два года—много времени, и все чужое, кромѣ природы; мы съ нею вдвоемъ и понимаемъ другъ друга. Какъ звученъ языкъ ея и какъ утѣшительнъ! Я всякій день бываю на этомъ полѣ,—я люблю его. Мы—старые знакомые. Вотъ этотъ монтодонъ уже третьяго дня распустился и два раза видѣлись мы. Люблю природу! Говоря съ нею, я отвыкъ отъ человѣческаго языка, а вы мнѣ напомнили его. Прелестенъ и онъ, когда выходитъ изъ самаго сердца, когда не запыленъ...» Онъ приостановился. «Вы вѣрно много страдали,—сказалъ я,—вѣрно очень несчастны?»—«Да, я много страдалъ, но не несчастенъ; несчастны они въ своемъ счастьѣ, а мы счастливы. Съ гордостью смотрю я на душу мою, всю въ рубцахъ отъ гоненій и бѣдствій, ибо совѣсть моя чиста, ибо я, какъ воинъ, ни разу не бѣжалъ съ поля несчастья. И вотъ я заброшенъ сюда и безъ куска хлѣба, а все тотъ же, какъ былъ. Они ничего не отняли у меня,—душа осталась. Да неужели вы не чувствовали особой сладости страданій высокихъ, страданій за истину? Правда, нынѣ минуты доводятъ до отчаянія. Я помню, когда меня оторвали отъ моей жены во время ея родовъ и какъ она—одна, безъ помощи служанки, покинутая всѣми—мучилась смертельною болѣзнью. Холодный потъ выступаетъ, когда подумаю... Но Богъ печется объ несчастныхъ,—она выздоровѣла. Теперь я безъ куска хлѣба, а былъ богатъ; бѣдность гнететъ иногда, но душа стала выше этихъ предразсудковъ. И можно ли за одно чистое, святое наслажденіе созерцательной минуты взять цѣлую жизнь, спокойную и безмятежную, этой толпы, которую ничто не грѣетъ, ничто не влечетъ?... Часто сажусь я вотъ на этой горѣ и перебираю жизнь мою. Какъ ярко напечатлѣны въ памяти минуты поэтическихъ восторговъ, когда душа, вырваная изъ цѣпей, паряла! Эти минуты свѣтять, подобно фаросу, по болотному пути жизни. А мгновенія, когда я слышалъ первое слово любви,—это мощное слово, которое одно можетъ пересоздать человѣка,—не выкупили ли они впередъ всѣ несчастія?... Въ шестнадцать лѣтъ схватили меня волны и умчали, крутя, въ какой-то *bufera infernal*. И я, подобно моряку, приставшему на безплодный утесъ, вспоминаю всѣ бури, всѣ волны, бившія о мой корабль, и благодарю Провидѣніе, что спасло меня, забывая потери. Счастіе—слово безъ смысла въ нечистыхъ устахъ толпы. Для чего счастье человѣку, одаренному душою высокою, которая внутри себя найдетъ блаженство? И когда же были счастливы становившіеся выше узкихъ

рамъ, которыми сновались ничтожные люди? Птицы небесныя нивють гнѣзда и лиси—язвины, но Сыну человѣческому негдѣ главы преклонить. И развѣ Онъ счастиемъ манилъ учениковъ? Развѣ счастье оставилъ имъ въ наслѣдство?—Нѣтъ, крестъ!... И съ радостію взяли они это наслѣдство и понесли крестъ Его... Никогда человѣкъ въ счастиі не узнаеть всей глубины поэзіи, въ его душѣ лезащей; но страданія, вливая силы, разверзнуть цѣлый океанъ ощущеній и мыслей. Когда Дантъ былъ въ раю: торжествуя-ль въ своей *Figente*, или будучи въ ссылкѣ и испытывая горечь чужого хлѣба и крутизну чужихъ лѣстницъ? Иной всю жизнь провелъ бы, не зная сокровенныхъ областей души своей, и она не вышла бы изъ своей прозелиды,—такъ искусно толпа умѣеть подавить, задушить чувство даже въ другомъ. Но его поражаетъ несчастіе, и душа вспорхнетъ, отрясетъ прахъ земной, взлетитъ къ небу. Одна мысль: *я перенесъ это*—исполняетъ гордостью и наслажденіемъ. Человѣкъ, не согнувшій выю свою передъ обстоятельствами, выдержавшій твердую борьбу съ ними, можетъ сознать свое достоинство и посмотрѣть на людей тѣмъ взоромъ, которымъ смотрѣлъ Марій съ развалинъ Кароагена на Римъ и Наполеонъ изъ Лангвуда на вселенную... Да, одна мысль эта достаточна, чтобы вознестись надъ толпою, которая такъ боится всякихъ ощущеній и лучше согласится жить жизнию животнаго, нежели терпѣть несчастія, сопряженныя съ жизнью человѣка... Слова незнакомца нашли отзывный звукъ въ моемъ сердцѣ. Долго говорили мы. Наконецъ, пора мнѣ было собираться въ дорогу. «Вамъ не нужно совѣтовъ: душа ваша не померкнетъ»,—сказалъ онъ.—«И если она изнеможетъ,—возразилъ я,—подъ ударами судьбы, придетъ въ отчаяніе, я вспомню васъ и покраснѣю отъ своей слабости». Онъ плакалъ.—«Зачѣмъ вы ѣдете? Я останусь опять въ моемъ одиночествѣ... Здѣсь сердца холодны, какъ руды ихъ Уральскаго хребта, и такъ же жестоки. Но сладостно будетъ мнѣ воспоминаніе нашей встрѣчи». Я бросился въ его объятія и не могъ вымолвить слово благодарности. Онъ снялъ чугунное кольцо съ руки и, подавая мнѣ, сказалъ: «Не бросай его. Ты молодъ, твоя судьба еще переменится, страданія не подавятъ твоей души. Но ты, можетъ, будешь счастливъ, тогда береги свою душу; тогда, взглянувъ нечаянно на это кольцо, вспомни нашъ разговоръ». Я былъ тронутъ до крайности, взялъ его кольцо, отстегнулъ запонку съ своей груди и молча подалъ ему.

— Со мной до гроба,—сказалъ онъ.

Мы разстались и болѣе я никогда не видалъ его. Черезъ часъ кто-нибудь изъ гуляющихъ по тому же бульвару могъ видѣть быстро промчавшуюся коляску на почтовыхъ, съ лихими усачомъ въ военной шляпѣ на козлахъ, который, непрерывно поправляя пальцемъ въ своей трубкѣ, погонялъ ямщика.

Вѣроятно, прохожій остановился; но, когда затихъ колокольчикъ, унялась пыль, спокойно продолжалъ свою прогулку *).

А. Герценъ.

Вятка.

1836 года, марта 10.

---

*) Въ концѣ статьи сдѣлана приписка: „Посвящается барону Уисагьскому“.

Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ.

Четырехлѣтнее правленіе императора Павла оставило тяжелую память въ русскомъ обществѣ, несмотря на то, что въ характерѣ императора было много симпатичныхъ чертъ, что онъ искренно желалъ приносить пользу и думалъ, что дѣйствительно ее приносить. Еще наслѣдникомъ престола въ письмѣ къ одному изъ своихъ приближенныхъ Павелъ писалъ: «Еслибъ я нуждался въ томъ, чтобы составить свою партію, я могъ бы молчать о безпорядкахъ, щадя извѣстныя личности; но при настоящемъ моемъ положеніи я не могу имѣть ни партіи, ни иного интереса, кромѣ интереса государства, а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкосъ и что причиною тому небрежность и личные виды. Пусть лучше меня ненавидятъ за правое дѣло, чѣмъ любятъ за неправое» *). Эти намѣренія прекрасны, но бѣда въ томъ, что понятія императора Павла шли слишкомъ въ разрѣзъ со взглядами общества; поэтому не мудро, что онъ дѣйствительно заслужилъ крайнее нерасположеніе къ себѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить извѣстная характеристика императора Павла въ запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи» **).

Значительная часть суровыхъ мѣръ императора Павла была или отмѣнена, или исправлена его гуманнымъ преемникомъ: заключенные освобождены, сосланные возвращены, конфискованное имущество передано въ руки прежнихъ владѣльцевъ, тайная канцелярія уничтожена, предписанія относительно одежды

*) „Сборн. Истор. Общ.“, т. XX, стр. 412.

***) *Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 2267—2270.

были немедленно, какъ бы по уговору, всѣми нарушены, безумная строгость дисциплины исчезла и возобновилась въ нѣкоторой степени лишь во вторую половину царствованія императора Александра I; не приходилось приказывать отвѣшивать извѣстные поклоны новому императору, такъ какъ его и безъ того горячо привѣтствовали; наконецъ, изданъ былъ мягкій цензурный уставъ.

Но, къ сожалѣнію, не все, сдѣланное императоромъ Павломъ, было исправлено, не все даже можно было исправить. Были мѣры гораздо болѣе вредныя для государства, чѣмъ все указанное выше, и тѣмъ не менѣе не встрѣчавшія протеста въ высшемъ обществѣ, потому что онѣ были ему выгодны; о нихъ не упомянулъ и Карамзинъ, потому что, какъ членъ этого общества, считалъ ихъ даже полезными. Такою мѣрой была, на примѣръ, раздача крестьянъ въ частную собственность, производившаяся, въ теченіе перваго года по вступленіи на престолъ императора Павла, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ онъ далеко превзошелъ свою мать, которую также нельзя упрекнуть въ особой умѣренности въ этомъ отношеніи.

Будучи еще наслѣдникомъ, Павелъ, готовясь въ 1788 году ѣхать въ дѣйствующую армію, кромѣ духовнаго завѣщанія и писемъ къ женѣ и дѣтямъ, оставилъ особый «Наказъ», въ которомъ изложилъ свои мысли объ управленіи государствомъ. Перечисливъ здѣсь всѣ сословія, Павелъ съ любовью останавливается на крестьянствѣ, которое «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ переменамъ его». Павелъ считалъ необходимымъ «уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу переимѣнить и разрѣшить... Не меньшаго частнаго уваженія, — по его мнѣнію, — заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу: они прямые государственные. Экономическіе оставить въ ихъ нынѣшнемъ основаніи, но доходы съ нихъ никуда не опредѣлять, какъ на монастыри и богоугодныя заведенія, а за симъ, что останется, на прямыхъ государственныхъ необходимости... Дворцовые остаются на содержаніе Двора, на государскія жалованія и на удѣлы фамилльные» *). Добрыя намѣренія Павла относительно крестьянскаго сословія далеко

*) *Вѣстникъ Европы* 1867 г., кн. I: „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка“, стр. 317—319.

не были осуществлены въ его царствованіе. Въ пользу государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, при немъ не было издано никакихъ указовъ; если же подъ названіемъ «приписныхъ къ заводамъ» Павелъ разумѣлъ посессионныхъ крестьянъ, то относительно ихъ была принята весьма вредная мѣра, а именно опять дозволено было покупать крестьянъ къ фабрикамъ, что было запрещено указами императора Петра III и императрицы Екатерины II. О крѣпостныхъ крестьянахъ отдѣльно Павелъ не упомянулъ въ своемъ «Наказѣ», однако же онъ принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія ихъ быта, а именно: запретилъ продажу людей безъ земли въ Малороссіи и установилъ трехдневный размѣръ барщины въ пользу помѣщика. Но первый изъ этихъ указовъ совершенно не достигъ своей цѣли, а вторая мѣра, принятая, какъ и большая часть всего, сдѣланнаго императоромъ Павломъ, крайне поспѣшно, безъ всякаго собиранія свѣдѣній о повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, выраженная притомъ чрезвычайно кратко и недостаточно опредѣленно, не только сама и рядомъ не исполнялась, такъ какъ за нарушеніе ея не было установлено никакого наказанія, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказалась положительно вредною. Дѣло въ томъ, что въ Великороссіи трехдневная барщина была дѣйствительно наиболѣе обычною повинностью издѣльныхъ крестьянъ, но въ Малороссіи въ теченіе всего XVIII вѣка помѣщики обыкновенно не требовали отъ своихъ крестьянъ работы болѣе двухъ дней въ недѣлю, а послѣ указа императора Павла стали требовать по три *). Считаая необходимымъ поддерживать власть помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими полицеймейстерами, императоръ Павелъ строго наказывалъ крѣпостныхъ, приносявшихъ на нихъ жалобы. Волненія среди крѣпостныхъ, начавшіяся по вступленіи на престолъ императора, были, какъ извѣстно, подавлены самымъ суровымъ образомъ.

Въ своемъ «Наказѣ» 1788 года Павелъ, между прочимъ, высказалъ мысль, что крестьянство достойно «утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ переменамъ его». Не совсѣмъ понятно, что онъ хотѣлъ выразить этими словами; всего скорѣе это означаетъ неодобреніе раздачи населенныхъ ильній фаворитамъ и различнымъ приближеннымъ къ императрицѣ Екатеринѣ II,

*) Прямая указанія на этотъ фактъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ по крестьянскому вопросу, составленныхъ жителями Малороссіи въ первые годы XIX вѣка.

причемъ крестьяне государевы, дворцовые, казенные, крестьяне въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, принадлежавшіе прежде королю или духовенству и монастырямъ, дѣлались крѣпостными русскихъ вельможъ. Если мы правильно понимаемъ мысль императора Павла, то и это желаніе онъ не только не осуществилъ по вступленіи на престолъ, но въ гораздо большей степени, чѣмъ его мать, заслужилъ сдѣланный ей упрекъ. Впрочемъ уже въ «Наказѣ» Павелъ предназначалъ дворцовыхъ крестьянъ, между прочимъ, на «государскія жалованія», и мы увидимъ, какъ сильно истощилъ онъ этотъ источникъ.

Громадная часть пожалованій населенныхъ имѣній, сдѣланныхъ императрицею Екатериною, была произведена ею въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, гдѣ, по ея взглядамъ, это быть-можетъ входило въ программу политики обрусѣнія этого края; кромѣ того не мало пожалованій произведено тамъ изъ только-что секвестрованныхъ крестьянъ, гдѣ, слѣдовательно, бывшіе крѣпостные польскихъ пановъ только перемѣнили владѣльцевъ. Были и въ Великороссіи двѣ обширныя группы вотчинъ, которыя наши дворяне сильно желали пріобрѣсти въ свою собственность или по крайней мѣрѣ въ пользованіе: во-первыхъ, крестьяне дворцовые и, во-вторыхъ, такъ-называемые экономическіе, т. е. отобранные при императрицѣ Екатеринѣ II у синода, монастырей и церквей. Даже люди либеральнаго образа мыслей, какъ, наприимѣръ, Я. Е. Сиверсъ, совѣтовали императрицѣ отдать эти имѣнія въ аренду дворянамъ (съ этою цѣлью составлялись цѣлые проекты; въ числѣ ихъ авторовъ былъ и И. П. Елагинъ), а нѣкоторые депутаты нашего высшаго сословія въ комиссіи «Уложенія» и князь Щербатовъ полагали, что необходимо продать по дешевой цѣнѣ, — опять-таки, конечно, дворянамъ. Императрица Екатерина долго не рѣшалась на эту мѣру. Изъ дворцовыхъ крестьянъ въ Великороссіи было пожаловано ею въ полную собственность около трехъ съ половиною десятковъ тысячъ душъ, а экономическіе крестьяне, освобожденные отъ власти духовенства, оставались неприкосновенными. Но дворцовыя и экономическія вотчины, разсѣяныя въ лучшихъ провинціяхъ государства, были слишкомъ лакомымъ кускомъ, — понятно, что высшіе представители дворянства производили на императрицу постоянное давленіе съ цѣлюю заполучить ихъ въ свою пользу тѣмъ или другимъ способомъ. Въ первую, либеральную, пору своего царствованія она успѣшно сопротивлялась подобнымъ влі-

яніямъ, но во вторую его половину, какъ извѣстно, постепенно исчезали прежнія мечты относительно освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, а слѣдовательно и помѣщичья власть должна была все менѣе и менѣе казаться зломъ, требующимъ серьезнаго обузданія. Пугачовскій бунтъ у насъ и французская революція на Западѣ заставили консерваторовъ не искать истинныхъ причинъ того и другого событія, а напротивъ — бояться тѣхъ жѣръ, которыя могли бы предупредить какъ бунтъ, такъ и революцію. Въ послѣдніе годы своего царствованія, составляющаго самую блаженную эпоху въ жизни нашего дворянства, императрица Екатерина II готова была поддаться дворянскимъ настояніямъ, оставшимся безуспѣшными въ болѣе свѣтлыя эпохи ея жизни. Вотъ что свидѣтельствуетъ Безбородко въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, написанномъ вскорѣ по смерти императрицы Екатерины II: «Покойная императрица, за недѣлю предъ кончиною своею и въ послѣдній день, что я ее видѣлъ, много со мною говорила о намѣреніи своемъ всѣ деревни дворцовыя и экономическія раздать въ аренды заслуженнымъ, но не иначе, какъ произведя въ одной за другою губерніи камеральное описаніе и раздѣлъ, да и не съ публичнаго торга, а за заслуги, безъ потери казенной» *). Смерть императрицы не дозволила осуществить эту мысль, хотя, какъ мы увидимъ, она была скоро выполнена въ иной формѣ относительно нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экономическихъ крестьянъ, а значительная часть населенія дворцовыхъ вотчинъ подверглась даже полному закрѣпощенію.

Въ день неожиданный кончины императрицы Екатерины великій князь Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ женою ѣздили для развлечения на мельницу въ Ропшу. Когда онъ и великая княгиня рассказали, что оба они видѣли во снѣ, какъ будто невидимая и сверхъестественная сила подымала ихъ къ небесамъ, сопровождавшій ихъ во время прогулки графъ Ильинскій замѣтилъ:

— Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною (объ имѣніи въ нѣсколько тысячъ душъ).

— Навѣрно выигралъ бы, — отвѣчалъ Павелъ. — *По моему лучше бы и остлхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ.* Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе. Помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ; у нихъ своя, отеческая, полиція.

*) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII, стр. 371.

Возвратившись изъ этой поѣздки, великій князь нашелъ въ Гатчинѣ графа Зубова съ извѣстіемъ объ ударѣ, поразившемъ императрицу Екатерину, и о томъ, что нѣтъ надежды на ея выздоровленіе *).

Эти слова императора Павла предъ самымъ вступленіемъ его на престолъ были дурнымъ предзнаменованіемъ для крестьянъ, уцѣлѣвшихъ отъ закрѣпощенія помѣщичьей власти. Что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ разсказъ Кутлубицкаго, стоявшаго во время этой поѣздки на запяткахъ саней Павла, видно и изъ свидѣтельства Саблукова, также весьма приближеннаго къ Павлу и до, и послѣ вступленія его на престолъ. Упомянувъ о раздачѣ многихъ тысячъ крестьянъ во время коронаванія императора, Саблуковъ замѣчаетъ: «Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами». Для Саблукова, отецъ котораго получилъ во время коронаціи прекрасное имѣніе въ Тамбовской губерніи (500 душъ), было даже «несомнѣнно, что крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе» **).

Впрочемъ не одинъ императоръ Павелъ считалъ полезнымъ пожалованіе крестьянъ. Въ XIX вѣкѣ извѣстный Мордвиновъ (получившій при императрицѣ Екатерицѣ II и императорѣ Павлѣ 3.000 душъ) во всеуслышаніе говорилъ, что, ради образованія необходимой для Россіи богатой и сильной аристократіи, слѣдуетъ раздать знатнѣйшимъ фамиліямъ всѣ казенныя имѣнія ***). Въ 1827 году статсъ-секретарь Муравьевъ предлагалъ жаловать заслуженнымъ чиновникамъ земли, населенныя казенными крестьянами, въ потомственное владѣніе, а въ то же время Сперанскій, представляя положеніе казенныхъ крестьянъ въ болѣе ирачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, хотя и не предлагалъ раздать ихъ дворянамъ, но утверждалъ, что они бѣднѣютъ и разоряются не менѣе помѣщичьихъ крестьянъ. «Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики, съ тою только разностію, что они

*) «Разсказы Кутлубицкаго о временахъ императора Павла». *Русскій Архивъ* 1866 года, стр. 1308 и 1309.

***) *Русскій Архивъ* 1869 года, стр. 1893.

***) *Богдановичъ*: «Исторія царствованія Александра I», т. VI, стр. 421—422.

перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управлѣ; но въ замѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочать *)). Между тѣмъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, каковы бы ни были злоупотребленія мѣстныхъ властей, положеніе казенныхъ крестьянъ было неизмѣримо благопріятнѣе, чѣмъ крѣпостныхъ.

Замѣтимъ, что причиною чрезмѣрной раздачи населенныхъ именных при императорѣ Павлѣ могло быть не одно ошибочное предположеніе императора, что такимъ образомъ онъ оказываетъ благодѣяніе крестьянамъ. Нѣкоторые современники предполагали, что этою мѣрой будетъ въ значительной степени предотвращена возможность народныхъ волненій **).

Переходимъ къ вопросу о томъ, сколько крестьянъ было всего роздано при императорѣ Павлѣ.

До сихъ поръ было до нѣкоторой степени извѣстно только число душъ, пожалованныхъ императоромъ въ день своей коронаціи, благодаря списку наградъ, составленному кн. А. Б. Буракинымъ ***). На основаніи этого списка подсчитывали, что при коронаціи было роздано около 82.000 душъ муж. пола (мы увидимъ ниже, что и въ этотъ день было роздано нѣсколько болѣе). Дальнѣйшихъ свѣдѣній о пожалованіи, или, какъ мѣтко выразился Шишковъ, «расхваткѣ» крестьянъ при императорѣ Павлѣ—вовсе не было, если не считать отрывочныхъ извѣстій о пожалованіи нѣкоторымъ вельможамъ. Теперь мы можемъ представить обстоятельныя данныя по этому вопросу, составляющія результатъ внимательнаго пересмотра 50 томовъ именныхъ указовъ императора Павла, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ.

Разсмотримъ сначала количество душъ, пожалованныхъ императоромъ Павломъ, по годамъ его царствованія.

Съ 6 ноября 1796 года (день вступленія его на престолъ) по 31 декабря 1796 года было пожаловано 89.002 душъ муж. пола, $11\frac{1}{2}$ лифляндскихъ гаковъ, $53\frac{1}{4}$ эстляндскихъ гаковъ, 40

*) „Деятнадцатый вѣкъ“, изд. Бартенева, т. II, стр. 157 и 164.

**) „Причиною сей раздачи деревень,—по свидѣтельству извѣстнаго Шишкова, который и самъ получилъ въ это время 250 душъ,—связываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость Павла I: напуганный, можетъ-быть, примѣромъ Пугачова, онъ думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній“.

***) Напечатанъ въ *Чтен. Общ. истор. и древн. росс.* 1867 года, т. I, стр. 131—148.

гейматовъ (отдѣльныхъ крестьянскихъ усадебъ въ Финляндіи) и еще 5 пожалованій неизвѣстнаго числа душъ. Въ докладѣ лифляндскаго рыцарства о повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, Высочайше утвержденномъ въ 1804 году (§ 58), положено, что въ каждомъ гагѣ должно быть 20 человекъ къ работѣ годныхъ, т. е. 10 душъ муж. пола (отъ 17 до 60 лѣтъ) и 10 жен. пола (отъ 15 до 55 лѣтъ), слѣдовательно съ дѣтьми было всего около 20 душъ мужскаго пола. Но, по вычисленію мѣстнаго ученаго, на каждомъ лифляндскомъ гагѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія жило среднимъ числомъ по 30 душъ муж. пола *), слѣдовательно на 11½ лифляндскихъ гакахъ, пожалованныхъ императоромъ Павломъ въ послѣдніе мѣсяцы 1796 года, жило 345 душъ. Въ Эстляндіи считали гагомъ пространство земли, населенное 5 работниками отъ 15 до 60 лѣтняго возраста **), слѣдовательно съ дѣтьми около 10 душъ муж. пола, а въ 53¼ эстляндскихъ гакахъ, пожалованныхъ въ концѣ 1796 года, будетъ около 532 душъ мужскаго пола. Въ 40 гейматахъ въ Финляндіи могло быть приблизительно около 400 душъ. Размѣръ неизвѣстныхъ 5 пожалованій примемъ въ суммѣ въ 2.500 душъ, такъ какъ средній размѣръ пожалованія при императорѣ Павлѣ превосходилъ 500 душъ. Такимъ образомъ въ послѣдніе неполные два мѣсяца 1796 года императоромъ Павломъ было пожаловано всего 92.779 душъ.

Въ 1797 году императоръ Павелъ пожаловалъ 152.241 д. муж. пола, 74 лифляндск. гака, около 11½ озельскихъ гаковъ (меньше лифляндскихъ),—въ тѣхъ и другихъ приблизительно около 2.300 душъ,—95 дворовъ въ Курляндіи, о которыхъ Сиверсъ замѣтилъ, что они стоятъ 40 гаковъ,—слѣдовательно можемъ считать 1.200 душъ,—и 5 пожалованій неизвѣстнаго размѣра, которыя въ суммѣ примемъ въ 3.000 душъ, такъ какъ въ ихъ числѣ было крупное пожалованіе гр. С. Р. Воронцову. Въ итогѣ за 1797 годъ мы получимъ 158.741 душу, т. е. болѣе чѣмъ во всѣ другіе годы царствованія императора Павла, взятые вмѣстѣ. Это объясняется тѣмъ, что въ 1797 году была коронація императора, по поводу которой было роздано очень много населенныхъ имѣній.

Въ 1798 году было роздано гораздо менѣе, всего—13.523 души муж. пола.

*) *Hagemeyer*: „Ueber die ehemalige Bedeutung eines livländischen Hakens“. Jahrbücher der Landwirth. Bd. III, 20.

***) *Rixmer*: „Исторія крестьянскаго сословія въ присоединенныхъ къ Россіи прибалтійскихъ губерніяхъ“, 1860 года, стр. 16.

Въ 1799 году пожаловано 7.278 душъ муж. пола, 57¹/₂ лифляндскихъ габовъ, т. е. 1.717 душъ, 83 двора въ Курляндіи (примемъ приблизительно въ 900 душъ муж. пола) и 3 неизвѣстныхъ пожалованія (примемъ въ 1.500 душъ). Итого въ 1799 году было роздано 11.395 душъ, слѣдовательно еще менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Въ 1800 году было пожаловано 6.839 душъ и еще 2 пожалованія неизвѣстнаго размѣра (примемъ 1.000 душъ),—слѣдовательно, всего 7.839 душъ.

Наконецъ въ первые мѣсяцы 1801 года по 12 марта, когда вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, было дано 2.164 души и одно пожалованіе неизвѣстнаго размѣра. Принявъ послѣднее въ 500 душъ, получаемъ всего для этого года 2.664 души; а если присоединить еще 1.000 душъ, пожалованныхъ при императорѣ Александрѣ, на основаніи завѣщанія его отца, то окажется, что всего императоромъ Павломъ было дано въ этомъ году 3.664 души муж. пола.

Общій итогъ пожалованій императора Павла равняется 287.941 д. муж. пола. Такъ какъ изъ всего числа 528 пожалованій только въ 16 размѣръ ихъ намъ не былъ извѣстенъ, то, слѣдовательно, полученный итогъ представляетъ весьма значительную степень точности. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ царствованія императора Павла въ указахъ о пожалованіяхъ количество душъ, по видимому, обозначалось по 4-й ревизіи; слѣдовательно, еслибы считать все по даннымъ 5 ревизіи, то итогъ былъ бы еще болѣе полученнаго нами. Такимъ образомъ всего императоромъ Павломъ было роздано около 600.000 душъ *обоого* пола.

По произведеннымъ нами вычисленіямъ на основаніи матеріаловъ того же сенатскаго архива *), императрица Екатерина II въ продолженіе всего своего 34 лѣтняго царствованія пожаловала около 400.000 душъ *мужскаго* пола; это составитъ въ годъ среднимъ числомъ по 11.765 душъ. Императоръ Павелъ въ четыре съ небольшимъ года роздалъ 287.941 душъ муж. пола; это составляетъ по 65.679 душъ муж. пола въ годъ, слѣдовательно среднимъ числомъ императоръ Павелъ раздавалъ въ годъ въ 5¹/₂ разъ болѣе, нежели императрица Екатерина.

Въ теченіе всего царствованія императрицы Екатерины II было произведено 383 пожалованія въ наслѣдственную собственность,

*) См. нашу статью: „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“. *Отечест. Записки* 1877 года, № 8.

а при императорѣ Павлѣ 528 пожалованій; слѣдовательно, въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ императоръ Павелъ проигрѣвалъ почти въ полтора раза болѣе пожалованій, чѣмъ императрица Екатерина въ 34 года. Но за то средній размѣръ пожалованія въ царствованіе Павла вдвое менѣе, чѣмъ при его матери, а именно въ царствованіе императрицы Екатерины оно равняется 1.044 души муж. пола, а при императорѣ Павлѣ—545 душъ.

Мы подсчитали выше, сколько было пожаловано императоромъ Павломъ въ каждый годъ его непродолжительнаго царствованія, и видимъ, что этотъ ливень наградъ населенными имѣніями падалъ не одинаково во все время. Всего обильнѣе онъ былъ въ первые неполные два мѣсяца царствованія, когда было роздано болѣе 90.000 душъ. Въ 1797 году за весь годъ, несмотря на то, что въ то время были даны огромныя награды во время коронаціи, было роздано немногимъ болѣе полутора ста тысячъ душъ, слѣдовательно на мѣсяць приходилось среднимъ числомъ уже не около 50.000 душъ, а лишь по 13.000, а затѣмъ въ цѣлый годъ раздавалось 13.000 душъ и менѣе.

Но и въ теченіе одного года пожалованія шли неравномѣрно: въ царствованіе императора Павла было три дня, когда сразу было роздано особенно крупное количество крестьянъ. Такъ 4 декабря 1796 года 30 лицамъ, какъ военнымъ, такъ и придворнымъ, окружавшимъ императора Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей оказанныхъ по бытности при насъ», какъ сказано въ данномъ по этому случаю указѣ, было пожаловано 32.762 души,—слѣдовательно, среднимъ числомъ, по 1.092 души на человѣка. Кто именно получилъ при этомъ пожалованія, мы укажемъ ниже.

5 апрѣля 1797 года, въ день коронаціи, были даны пожалованія болѣе чѣмъ ста лицамъ. До сихъ поръ при опредѣленіи итога пожалованій въ день коронаціи источникомъ служила вѣдомость о всѣхъ данныхъ въ этотъ день наградахъ, составленная княземъ А. Б. Куракинымъ, и на основаніи ея опредѣляли, что въ этотъ день пожаловано около 82.000 душъ. При свѣркѣ этого списка съ отдѣльными именными указами о каждомъ пожалованіи, оказались ошибки или опечатки въ нѣкоторыхъ изъ цифръ, затѣмъ нѣкоторыя пожалованія были вовсе пропущены и, наконецъ, число душъ въ нѣкоторыхъ пожалованіяхъ, не обозначенное въ указѣ, мы могли опредѣлить по другимъ источникамъ.

Подведя итогъ пожалованій въ этотъ день на основаніи подлинныхъ матеріаловъ, мы нашли, что всего 109 лицъ получили населенныя имѣнія, въ которыхъ было 100.438 душъ муж. пола, да еще размѣръ одного пожалованія (графу С. Р. Воронцову) не извѣстенъ.

Наконецъ, черезъ 11 дней послѣ коронаціи, 16 апрѣля 1797 года, получили пожалованіе очень многіе офицеры кавалергардскаго корпуса, гвардейскихъ полковъ: преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и коннаго, гвардейскихъ баталіоновъ егерскаго и артиллерійскаго, полковъ лейбъ-гусарскаго и лейбъ-казачьяго. Полковникамъ было дано по 200 душъ, подполковникамъ и ротмистрамъ—по 150, а всѣмъ остальнымъ—по 100 душъ; всего же въ этотъ день было пожаловано 17.381 душа муж. пола. По свидѣтельству Комаровскаго, это были все офицеры, служившіе прежде въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ *).

Такимъ образомъ въ три дня—4 декабря 1796 года, 5 и 10 апрѣля 1797 года—было пожаловано болѣе 150.000 душъ муж. пола, слѣдовательно болѣе половины всего числа крестьянъ, розданныхъ въ царствованіе императора Павла.

При разсмотрѣніи пожалованій въ извѣстную эпоху очень важно не только опредѣлить общее число розданныхъ крестьянъ, но также и то, изъ какихъ разрядовъ сельскаго населенія и въ какихъ областяхъ Имперіи производились пожалованія. Въ царствованіе императрицы Екатерины II лишь незначительная часть пожалованій пришлась на долю великороссійскихъ крестьянъ, всего же болѣе роздано крестьянъ въ областяхъ присоединенныхъ отъ Польши. При императорѣ Павлѣ отношеніе измѣняется: увѣренный въ благоденствіи крестьянъ подъ помѣщичьимъ управленіемъ, онъ раздаетъ въ огромномъ количествѣ дворцовыя вотчины, которыя послѣ окончательнаго уничтоженія въ нихъ барщины, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, сравнились по своимъ повинностямъ съ казенными крестьянами и, благодаря обилію въ нихъ земли, находились въ весьма выгодномъ положеніи. Во все царствованіе императрицы Екатерины II изъ дворцовыхъ вотчинъ Великороссіи было роздано около 36.000 душъ. Императоръ Павелъ сразу рѣшилъ раздавать ихъ въ гораздо болѣе широкомъ размѣрѣ. Безбородко извѣстилъ въ концѣ февраля 1797 года графа А. Р. Воронцова, что изъ дворцовыхъ вотчинъ

*) Русскій Архивъ 1867 года, стр. 538.

«къ раздачѣ отдѣлено до 150.000 душъ и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, а остальные 50.000 д. отдѣлены для апанажа» (т.-е. въ удѣль) ¹⁾. Но ста тысячъ оказалось недостаточно для раздачи; на это понадобилось еще болѣе 50.000 дворцовыхъ крестьянъ. Державинъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе императора Павла было роздано дворцовыхъ крестьянъ «болѣе трехсотъ тысячъ душъ» ²⁾. Тутъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть душъ обоого пола. По нашимъ вычисленіямъ было пожаловано при императорѣ Павлѣ изъ дворцовыхъ имѣній Великороссіи 157.307 душъ мужскаго пола и еще число душъ въ одномъ пожалованіи неизвѣстно, — слѣдовательно, результатъ нашего вычисленія вполне совпадаетъ съ указаніемъ Державина.

Само собою разумѣется, что слѣдствіемъ неумѣренной раздачи дворцовыхъ имѣній должно было быть уменьшеніе ³⁾ дохода съ вотчинъ этого вѣдомства, что, разумѣется, было весьма неприятно. Это заставило императора Павла опомниться, и 22 октября 1798 года сенату былъ данъ слѣдующій именной указъ: «Все полное число душъ, какое съ состоянія сего указа явится въ имѣніяхъ, доселѣ дворцовыми бывшихъ, повелѣваемъ почитать ни къ какой раздачѣ не слѣдующими и принадлежащими навсегда къ содержанію нашей императорской фамиліи. Вслѣдствіе чего сенатъ нашъ имѣетъ дѣятельными мѣрами споспѣшествовать вступленію всѣхъ оныхъ имѣній въ вѣдомство департамента удѣловъ» ⁴⁾.

Сравнительно съ дворцовыми крестьянами число душъ другихъ разрядовъ сельскаго населенія въ Великороссіи, пожалованныхъ при императорѣ Павлѣ, было весьма невелико.

Изъ *государевыхъ* вотчинъ значительное пожалованіе (болѣе 25.000) получилъ графъ А. Г. Бобринскій. Кромѣ того А. А. Безбородко получилъ 10.000 душъ въ Орловской губерніи, которыя были завѣщаны императрицѣ Екатеринѣ княземъ Кантемиромъ.

Изъ *казенныхъ* крестьянъ было пожаловано въ Великороссіи всего 8.531 душа мужскаго пола.

¹⁾ „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII, стр. 371.

²⁾ „Собраніе сочиненій“. Спб. 1871 г., т. VI, стр. 735.

³⁾ По свидѣтельству Державина (т. VI, стр. 734), это уменьшеніе за все время, пока Васильевъ былъ государственнымъ казначеемъ (до 1800 г.), составило 2 милл. рублей.

⁴⁾ „Полное собр. законовъ“, т. XXV, № 18.713.

Изъ *купленныхъ* на счетъ казны роздано 3.497 душъ.

Изъ *экономическихъ* пожаловано только 2.441 душа, но, какъ мы увидимъ ниже, 50.000 душъ экономическихъ крестьянъ было отдѣлено для образованія таѣ-называемыхъ командорственныхъ имѣній, также розданныхъ при императорѣ Павлѣ, но уже не въ наследственное владѣніе.

Изъ *отписныхъ* и *выморочныхъ* было дано 1.001 душа.

Всего въ Великороссіи было роздано 207.777 душъ мужскаго пола и одно пожалованіе съ неизвѣстнымъ числомъ душъ.

Въ Малороссіи было пожаловано всего 6.623 души мужскаго пола и въ Слободско-Украинской губерніи 891 душа.

Въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши было роздано всего 55.954 души муж. пола, въ томъ числѣ 19.287 душъ изъ имѣній Подольской губерніи, купленныхъ у князя Любомирскаго *), и кромѣ того еще 7 пожалованій, число душъ въ которыхъ неизвѣстно.

Въ губерніяхъ Прибалтійскаго края, принимая указанный выше размѣръ гаковъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и дворовъ въ Бурляндіи, было роздано приблизительно 7.796 душъ муж. пола и еще число душъ въ 6 пожалованіяхъ неизвѣстно.

Въ Финляндіи было дано 3 пожалованія, изъ которыхъ въ двухъ число душъ неизвѣстно, а размѣръ третьяго равняется приблизительно 400 душамъ.

Итогъ всѣхъ тѣхъ пожалованій, число душъ въ которыхъ намъ извѣстно съ полною точностію или могло быть вычислено по числу гаковъ и дворовъ, равняется 279.441 душъ муж. пола. Изъ всего этого количества въ Великороссіи было пожаловано 74% (въ томъ числѣ въ однихъ дворцовыхъ вотчинахъ 56%), въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши—20%, въ Малороссіи и Слободско-Украинской губерніи около 3% и въ Остзейскомъ краѣ около 3%.

Въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши, въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и Малороссіи иногда обращалось въ наследственное пожалованіе имѣніе, данное при императорѣ Павлѣ, или ранѣе тому же лицу въ пожизненное владѣніе. Въ этихъ

*) Покупка имѣній князя Любомирскаго проектировалась еще при импер. Екатеринѣ, но только съ другою цѣлью („Сборн. Истор. Общ.“, т. XXIX, стр. 310). Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній находились въ залогѣ и поступали во владѣніе лица, получившаго пожалованіе, лишь по уплатѣ казною денегъ, данныхъ подѣ залогѣ имѣнія.

же окраинахъ Россіи (кромя лѣвобережной Украины) жаловались также имѣнія, состоявшія прежде на арендѣ у того же лица. Такъ какъ, вслѣдствіе слишкомъ усердной раздачи крестьянъ на окраинахъ, тамъ почувствовался недостатокъ въ свободныхъ имѣніяхъ, то назначалось иногда къ пожалованію имѣніе, находящееся еще въ арендѣ у другихъ, съ тѣмъ, чтобъ оно перешло во владѣніе лица, получившаго пожалованіе, лишь по истеченіи срока аренды. Это дѣлалось, впрочемъ, только въ Прибалтійскомъ краѣ. Окончанія срока аренды приходилось иной разъ ждать 4—5 лѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пожалованныя лица находили утѣшеніе въ томъ, что въ ихъ пользу велѣно было отдавать деньги, уплачиваемыя арендаторами *). Однажды (въ 1799 году) былъ даже случай пожалованія генералу Герману мызы въ Лифляндской губерніи, данной въ пожизненное владѣніе вдовѣ тайнаго совѣтника графа Лестока.

Недостатокъ для раздачи свободныхъ имѣній заставлялъ искать поводовъ къ отобранію тѣхъ, которыя были отданы въ аренду. Такъ Державину дано было порученіе обревизовать казенныя старостинскія имѣнія, которыхъ въ Западномъ краѣ (безъ сомнѣнія, не при одномъ императорѣ Павлѣ, но и при императрицѣ Екатеринѣ) было роздано, по словамъ Державина, болѣе 80.000 душъ, и если окажется несоблюденіе контрактовъ, то взять ихъ по-прежнему въ казенное вѣдомство. По возвращеніи изъ командировки Державинъ замѣтилъ, что императоръ сухо обращается съ нимъ; по его мнѣнію, поводомъ къ немилости послужило то, «что не отобрано въ казну ни одного староства, чего, кажется, очень хотѣлось, ибо, — продолжаетъ Державинъ, — за раздачею скоровременно и безразсудно, кому ни попало, русскихъ казенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и польскихъ арендъ при восшествіи на престолъ и коронаціи, нечѣмъ уже почти было награждать истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ, то и ожидали наполненія ущерба отобраніемъ арендныхъ староствъ за неисправное содержаніе по контрактамъ, такъ какъ и по другимъ дѣламъ за неисполненіе законовъ и обязанностей». Державинъ, — говоритъ онъ о себѣ, — «могъ рѣшительнымъ отнятіемъ большаго количества имѣній и себѣ достать за труды тысячи двѣ душъ или по крайней мѣрѣ одну, что ему и обѣщано было, но онъ не хотѣлъ взять на свою совѣсть грѣха, чтобъ у кого-либо от-

*) Или имъ предоставлялось войти въ сдѣлку съ бывшимъ арендаторомъ.

писать староство за несохраненіе контрактовъ, ибо, судя строго, никто изъ арендаторовъ оныхъ въ точности не сохранилъ, — одни въ той статьѣ, другіе въ другой, — а отобрать у всѣхъ около ста тысячъ душъ и поднять на себя крики и вопль многочисленныхъ, имѣющихъ связи при дворѣ, владѣльцевъ не рѣшился, а предоставилъ императору самому, не скрывъ передъ нимъ истины кому-либо въ поноровку, а другому въ обиду. Вотъ это - то и не полюбилось» *).

Теперь понятно, почему въ 1798—1801 гг. при императорѣ Павлѣ было пожаловано мало крестьянъ: жаловать дворцовыя вотчины оказалось неудобнымъ, а въ Западномъ краѣ свободныхъ имѣній также почти не было.

Изъ 528 пожалованій, данныхъ при императорѣ Павлѣ, 67 было получено женщинами. Такъ какъ одна изъ нихъ—статсъ-дама императрицы, княгиня Ливенъ—была награждена населеннымъ имѣніемъ три раза, то, слѣдовательно, всего женщинъ, получившихъ въ это время пожалованія, было 65. Изъ нихъ самыя крупныя пожалованія получили: княгиня Ливенъ всего около 3.800 душъ, мать извѣстной Екатерины Ивановны Нелидовой, Анна Александровна—2.000 душъ, вдовѣ и дѣтямъ великаго гетмана коронаго польскаго Ожаровскаго было дано 1.000 душъ, вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Обрескова съ дѣтьми—1.000 д., камеръ-фрейлинѣ императрицы, Протасовой—1.000 душъ; наконецъ, на основаніи завѣщанія императора Павла, пожаловано 1 августа 1801 года императоромъ Александромъ I дѣвицѣ Марѣѣ Мусиной-Юрьевой 1.000 душъ **). Упомянемъ тутъ же, что принцесса Биронъ съ двумя сыновьями офицерами получила при

*) „Собран. сочин. Державина“. Слб. 1871 г., т. VI., стр. 722, 724, 729 и 730.

**). Приводимъ указъ, данный по этому случаю сенату императоромъ Александромъ: „По содержанію завѣщанія Его Императ. Величества, любезнѣйшаго родителя нашего въ Бозѣ почившаго государя императора Павла Петровича, всемилостивѣйше жалуетъ дѣвицѣ Марѣѣ Мусиной-Юрьевой, въ вѣчное потомственное владѣніе, Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, изъ деревень, купленныхъ у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Андрея Разумовскаго, 1.000 душъ, повелѣвая правительствующему сенату о назначеніи оныхъ учинить надлежащія распоряженія съ тѣмъ, дабы казенная палата, собирая съ крестьянъ узаконенныя оброчныя деньги, отсылала оныя воспитательнаго дома въ петербургскій опекунскій совѣтъ для умноженія процентами до совершеннѣйшаго вѣку до замужства дѣвицы Мусяной-Юрьевой, въ которое время имѣетъ она вступить и во владѣніе пожалованныхъ ей деревень“ (сенатскій архивъ).

императоръ Павлѣ 4.500 душъ (въ томъ числѣ сама принцесса—639 душъ).

Въ царствованіе императрицы Екатерины втрое меньшее число женщинъ, а именно 21, были награждены населенными имѣніями; самыя крупныя пожалованія получили: графиня Александра Браницкая и Екатерина Скавронская (племянницы Потемкина), вмѣстѣ 8.414 душъ, князь Е. Р. Дашковъ—2.554 души и, наконецъ, вдова А. И. Бибилова съ дѣтьми—2.565 душъ.

Отмѣтимъ еще любопытный фактъ: въ мартѣ 1797 года императоръ Павелъ, несмотря на то, что владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ было по закону предоставлено однимъ дворянамъ, пожаловалъ 500 душъ протоіерею города Софіи, Самбурскому, «въ награжденіе, — какъ сказано было въ указѣ, — трудовъ его въ преподаваніи наставленіи въ Законѣ Божіемъ любезнымъ дѣтямъ нашимъ». Еще большее пожалованіе (1.000 душъ) получилъ каменецкій католическій епископъ Сѣрановскій.

Пожалованія при императорѣ Павлѣ отличались болѣе скромнымъ размѣромъ, чѣмъ при императрицѣ Екатеринѣ. Мы видѣли выше, что средній размѣръ пожалованій въ изучаемую нами эпоху вдвое менѣе средняго размѣра пожалованій въ предшествовавшее царствованіе. Дѣйствительно, въ царствованіе императрицы Екатерины II нѣсколько лицъ получили огромныя пожалованія. Такъ графомъ Орловымъ, не считая громаднхъ пространствъ незаселенныхъ земель, было дано всего 25.544 души, въ томъ числѣ одному Григорію Орлову около 15.000 душъ. Потемкинъ также, кромѣ незаселенныхъ земель, получилъ около 25.000 душъ, Завадовскому дано было 8.700 душъ, Зоричу—13.300 душъ, Александру Ермолову—6.000 душъ, Платону Зубову—13.669 душъ. Десять лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ императрицѣ Екатеринѣ, получили вмѣстѣ около 100.000 душъ, т.-е. четверть всѣхъ пожалованій, данныхъ въ ея царствованіе (Ланскому были даны незаселенныя земли). Графъ П. А. Румянцевъ получилъ всего около 20.000 душъ, графъ Н. И. Панинъ—8.412, Суворовъ—6.922 души.

При императорѣ Павлѣ только одно лицо получило такое крупное пожалованіе, какъ Потемкинъ: это — графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, да и то это пожалованіе было только исполненіемъ воли покойной государыни: Богородицкая, Бобринговская и Кіасовская волости, въ которыхъ вмѣстѣ было болѣе

25.000 душъ, находившихся въ особомъ управленіи князя С. В. Гагарина, и было извѣстно, что они назначаются графу Бобринскому. Черезъ шесть дней по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ исполнилъ намѣреніе своей матери.

Послѣ графа Бобринскаго самое крупное пожалованіе досталось на долю Александра Андреевича Безбородко. Безбородко выдвинулся своими способностями еще при императрицѣ Екатеринѣ II, но тогда онъ получалъ сравнительно мало; если не считать его урядовыхъ и ранговыхъ имѣній въ Малороссіи, онъ получалъ только за улаженіе крымскихъ дѣлъ съ Турціей 1.300 душъ въ Полоцкой губерніи. Въ день коронаціи императора Павла была пожалована вотчина въ Орловской губерніи (завѣщанная княземъ Кантемиромъ императрицѣ Екатеринѣ II), въ которой было 10.000 душъ, и еще 6.000 душъ по собственному выбору. Кроме того Безбородко былъ возведенъ въ княжеское достоинство (братъ его Илья Андреевичъ получилъ 1.349 душъ въ Литвѣ). Мы увидимъ позже, какъ выбиралъ себѣ крестьянъ князь Безбородко, а теперь только скажемъ, что онъ получилъ вмѣсто 6.000 душъ 6.072 души въ Бобровскомъ уѣздѣ съ землею въ количествѣ 15 дес. на душу и сверхъ того 30.000 дес. земли по рѣкѣ Битюгу, въ Воронежской губерніи. Орловская вотчина по росписанію должна была приносить 66.000 рублей дохода, а воронежская, по словамъ Безбородко, давала 50.000 рублей. 1 марта 1798 года Безбородку были еще пожалованы въ вѣчное и потомственное владѣніе «земли и состоящія при нихъ изъ числа астраханскихъ рыбныхъ ловель воды». Итакъ, населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ Безбородко получилъ 16.072 души, да еще при императрицѣ Екатеринѣ 1.300 душъ, итого ему досталось посредствомъ пожалованій въ наследственную собственность 17.372 души муж. пола; но огромные доходы, имъ получаемые, дали ему возможность пріобрѣсти гораздо болѣе крестьянъ. По его собственному свидѣтельству, у него было въ 1797 году послѣ полученія имѣній отъ императора Павла 40.000 душъ. Доходы его были очень велики, но все-таки не до такой степени громадны, какъ увѣряли нѣкоторые *): по свидѣтельству друга Безбородка, П. В. Завадовскаго, онъ получалъ болѣе 300.000

*) Ростопчинъ утверждаетъ, что 16.000 душъ, полученные Безбородкомъ въ день коронаціи, приносили ему 180.000 р., а ненаселенныя земли — 800.000 руб. ежегоднаго дохода. „Арх. князя Воронцова“, кн. VIII, стр. 206.

рублей годового дохода *). Какъ преувеличивались доходы гр. Безбородка, такъ и о числѣ принадлежавшихъ ему крестьянъ ходили самыя баснословныя слухи: одну иностранку, посѣтившую въ то время Россію, увѣряли, что у него столько крестьянъ, что онъ могъ съ однихъ своихъ земель выставить 30.000 рекрутъ **).

Очень крупныя пожалованія во время коронаціи получили также кн. Куракины. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Борисовичъ Куракинъ, «въ изъявленіе особливаго нашего благоволенія въ усердной службѣ и въ воздаяніе ревностнымъ трудамъ», какъ сказано было въ именномъ указѣ, получилъ 1.437 душъ въ Нарвскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, изъ имѣній, купленныхъ въ казну, и 2.863 души въ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, изъ деревень казеннаго вѣдомства; слѣдовательно всего отдѣльно отъ брата кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ получилъ 4.300 душъ. Кромѣ того вмѣстѣ съ братомъ своимъ тайнымъ совѣтникомъ, генераль-прокуроромъ кн. Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ онъ получилъ большую вотчину въ Опочекскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, поступившую въ казенное вѣдомство послѣ покойнаго генераль-лейтенанта Ланского, въ которой въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія было 6.858 душъ. Наконецъ Куракины получили еще изъ «порозжихъ» казенныхъ земель Тамбовской губерніи 20.000 дес. Извѣстно, что Александръ Борисовичъ воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичемъ Павломъ и былъ близкимъ его другомъ. Императрица Еватерина, удалявшая отъ цесаревича Павла всѣхъ преданныхъ ему людей, приказала Куракину въ 1782 году отправиться на жительство въ его саратовское имѣніе.

Генераль-фельдмаршалу кн. Репнину во время коронаціи дано было 6.000 душъ изъ дворцовыхъ деревень Нижегородской губ., да потомъ еще, вслѣдствіе недостатка опредѣленной пропорціи земли, было пожаловано 32.185 десятинъ въ губерніяхъ Воронежской и Рязанской. При императрицѣ Екатеринѣ Репнинъ получилъ 4.385 душъ въ Минской губерніи.

Одно изъ первыхъ пожалованій по вступленіи на престолъ

*) „Сборн. Ист. Общ.“, т. XXIX, стр. 373, 374, 383, 384, 391, 428 и 444.— „Арх. князя Воронцова“, кн. XIII, стр. 421. Быть-можетъ цифра 300.000 руб. въ свою очередь ниже дѣйствительной, если принять во вниманіе огромныя населенныя земли и доходныя рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ.

**) *Древняя и Новая Россія* 1876 г., № 12, стр. 402.

императора Павла было дано 12 ноября 1796 года дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору графу Александру Самойлову; онъ получилъ 4.000 душъ въ литовскихъ губерніяхъ, въ Гродненской экономіи, изъ деревень казеннаго вѣдомства.

Во время коронаціи генералъ отъ кавалеріи графъ Вал. Мусинъ-Пушкинъ получилъ 4.000 душъ изъ дворцовыхъ имѣній Симбирской, Нижегородской, Тамбовской и Ярославской губерній.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й (Иванъ Петровичъ) получилъ въ 1798 и 1799 годахъ 4.026 душъ въ Подольской губерніи изъ имѣнія, купленнаго въ казну отъ кн. Любомирскаго.

Оберъ-камергеру Шувалову и генералу отъ инфантеріи графу Гудовичу было пожаловано по 3.000 душъ: первому во время коронаціи изъ дворцовыхъ имѣній Ярославской, Орловской и Петербургской губерній, а второму въ 1798 году изъ имѣнія, купленнаго у Любомирскаго. Тайный совѣтникъ Петръ Пастуховъ получилъ въ три пріема 2.651 душу. Дѣйствительному тайному совѣтнику Стрекалову было дано во время коронаціи 2.580 душъ въ Малоросіи изъ казенныхъ деревень, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаскоинъ получилъ въ 1800 году 2.142 души въ Подольской губерніи изъ имѣнія, купленнаго у кн. Любомирскаго *).

4 декабря 1796 года сразу получили по 2.000 душъ генералъ-майоры: Сергѣй Плещеевъ, Григорій Куселевъ, Михаилъ Донауровъ, Фѣдоръ Ростопчинъ, Алексѣй Аракчеевъ, Петръ Оболянинъ. Всѣмъ имъ даны были имѣнія изъ дворцовыхъ деревень различныхъ губерній, кромѣ Аракчеева, получившаго въ Новгородской губерніи извѣстное село Грузино съ деревнями экономического вѣдомства. Въ день коронаціи было дано еще Плещееву 110 душъ и Куселеву 292 души изъ деревень казеннаго вѣдомства, а Ростопчину 473 души въ Орловской губерніи. Куселеву кромѣ того былъ еще вскорѣ пожалованъ казенный лѣсъ на рѣкѣ Воронѣ 11.720 дес. съ оброчными мельницами, рыбными ловлями и проч. Что касается Аракчеева, то ему въ началѣ 1797 года были еще пожалованы къ селу Грузину оброчныя земли и рыбныя ловли 146 дес.; затѣмъ велѣно было оставшіяся отъ

*) Гаскоину дано было имѣніе „въ замѣнъ суммы, слѣдующей (ему) по контракту изъ половины прибыли, которая по исчисленію, въ прошедшемъ году сдѣланному, на управляемыхъ имъ литейныхъ заводахъ отъ пониженія цѣнъ выдѣлываемыхъ орудій и снарядовъ простирается до 171.423 руб.“

пожалованія 9 душъ перевести на земли, принадлежавшія гатчинскому правленію, а прежде населенныя ими земли отдать владѣльцу Грузина. — Всѣ эти лица были приближенными къ Павлу еще въ то время, когда онъ былъ наследникомъ престола. С. И. Плещеевъ, какъ опытный морякъ, состоялъ при Павлѣ, какъ при генералъ-адмиралѣ; въ 1794 году онъ долженъ былъ оставить его дворъ быть - можетъ вслѣдствіе своего участія въ масонскихъ ложахъ. Ф. В. Ростопчинъ, очень хитро пріобрѣвшій расположеніе Павла, былъ въ томъ же году, какъ и Плещеевъ, высланъ въ деревню, но черезъ годъ возвращенъ, и въ царствованіе императора Павла, за исключеніемъ непродолжительной ссылки въ деревню, постоянно пользовался большимъ значеніемъ. Григорій Кущелевъ былъ полковникомъ въ гатчинскихъ войскахъ; Донауровъ, Оболяниновъ и Аракчеевъ служили тамъ же. Отомъ, какъ выслуживался въ Гатчинѣ Аракчеевъ, можно найти любопытныя свѣдѣнія въ книгѣ г. Кобеко — «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (стр. 365—370); въ царствованіе императора Павла онъ сначала пользовался большимъ расположеніемъ, но въ 1799 г. за сдѣланное имъ несправедливое донесеніе попалъ въ немилость. Оболяниновъ въ 1800 году былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ. По 2.000 душъ въ царствованіе императора Павла, кромѣ названныхъ выше лицъ, получили еще оберъ-егермейстеръ кн. Голицынъ и генералы отъ инфантеріи Каховскій и Архаровъ. 1.966 душъ было пожаловано тайному совѣтнику Шуазель-Гуфье.

Въ тотъ же день, 4 декабря 1796 года, когда семеро выше-названныхъ гатчинцевъ получили по 2.000 душъ, четверымъ приближеннымъ къ Павлу до вступленія его на престолъ было назначено по 1.500 душъ. Это были: бригадиръ Андрей Кологривовъ, статскій совѣтникъ баронъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Иванъ Бекъ и гардеробейстеръ Иванъ Кутайцовъ (или Кутайсовъ). Кологривовъ былъ заурядный фронтовикъ. Кутайсовъ — крещеный турчонокъ, служившій при Павлѣ въ Гатчинѣ камердинеромъ, человекъ совершенно необразованный. Получивъ 1.508 душъ въ Тамбовской и Петербургской губерніяхъ, Кутайсовъ, подъ предлогомъ недостатка въ нихъ земли, выпросилъ себѣ еще 14.260 дес. земли въ Тамбовской губерніи. Пріобрѣтенное имъ самимъ имѣніе въ 972 души въ Курской и Костромской губерніяхъ по просьбѣ его были обмѣнены въ самомъ концѣ царствованія императора Павла, въ февралѣ 1801 г., на одно имѣніе въ Курляндской губерніи, къ большому

ущербу для арендатора этого имѣнія, такъ что императору Александру I пришлось вознаградить арендатора пожалованіемъ въ наслѣдственное владѣніе двухъ мызь. Кутайсовъ умѣлъ устроить дѣло такимъ образомъ, что черезъ пять дней послѣ того и имѣніе въ 972 души, представленное имъ въ обмѣнъ, было возвращено въ его собственность.— Генрихъ Лудв. Николаи, плодовитый нѣмецкій писатель (1737—1820), былъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія профессоромъ въ Страсбургѣ, затѣмъ сдѣлался воспитателемъ старшаго сына К. Г. Разумовскаго, принималъ участіе въ воспитаніи Павла Петровича, потомъ былъ постояннымъ членомъ группировавшагося вокругъ него кружка, сопровождалъ его во время поѣздки за границу въ 1781 году вмѣстѣ съ Марією Феодоровною и жилъ съ нимъ въ Гатчинѣ. По вступленіи на престолъ императора Александра I, уже будучи въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ получилъ въ наслѣдственную собственность имѣніе въ Финляндіи, бывшее до тѣхъ поръ у него на арендѣ (три казенныхъ геймата: Лиматта, Монрепо и Фриденгофъ.— Всѣмъ извѣстенъ теперь садъ Монрепо барона Николаи въ Выборгѣ).

По 1.500 душъ въ царствованіе императора Павла получили еще тайный совѣтникъ и государственный казначей Васильевъ (въ день коронаціи); затѣмъ въ 1798 г. бывший польской службы генералъ-лейтенантъ и командиръ Мальтійскаго ордена князь Любомирскій въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ имъ при разграниченіи въ 1780 году Новороссійской губерніи съ Польшею, причемъ отъ него отошли деревни съ лѣсами. Пожалованіе онъ получилъ изъ деревень, купленныхъ у его брата. Въ 1799 году было пожаловано 1.499 душъ тайному совѣтнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Оттоманской Портѣ, Таварѣ. Въ слѣдующемъ году баронъ Огеръ получилъ 1.551 душу въ Кіевской губерніи.

Болѣе тысячи душъ получили слѣдующія лица: генералъ-лейтенантъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко 2-й, братъ извѣстнаго князя Алексѣя Андреевича, 1.349 душъ; по 1.300 душъ—адмиралы: Голенищевъ-Бутузовъ и Пущинъ (всѣ трое въ день коронаціи), отставной лейтенантъ графъ Ягужинскій *), въ 1797 году статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Крузъ—1.257 душъ; по 1.200 душъ получили: генералъ-поручикъ и гвардіи

*) Какъ сказано было въ указѣ, снисходя на его прошеніе „въ пополненіе суммъ за расчетами перешедшей въ казну сверхъ числа долговъ его бывшихъ“.

Преображенскаго полка подполковникъ Николай Татищевъ и въ день коронаціи—тайный совѣтникъ Соймоновъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. П. Трошинскій, бывший впоследствии при императорѣ Александрѣ I министромъ удѣловъ, а затѣмъ министромъ юстиціи *).

Наконецъ ровно по 1.000 душъ или съ ничтожнымъ лишкомъ получили при императорѣ Павлѣ: въ ноябрѣ 1796 года Игнатій Потоцкій, затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, служившими при Павлѣ до вступленія его на престолъ, подполковники: Канабихъ, Давыдовъ, Малютинъ, Недобровъ, Глазовъ, Евграфъ Грузиновъ, Адамовичъ (ему было назначено 1.020 душъ), Сназинъ, Кутлубицкій (назначено 1.077 душъ), дѣйств. стат. совѣт. Бажановъ (или Баженовъ). На другой день по стольку же получили подполковники: Аркадій Нелидовъ (назначено 1.003 души) и Аврамъ Баратынскій, тайный совѣт. Петръ Валуевъ, статскій совѣт. Роткирхъ и капитанъ 2 ранга Богданъ Баратынскій. Остальные лица, награжденные при императорѣ Павлѣ имѣніями въ 1.000 душъ, были: дукъ де-Полиньякъ, бывший королевско-французской службы генераль-директоръ почтъ, генераль-лейтенантъ Измайловъ, генераль отъ артиллеріи Мелиссино, дѣйствит. тайный совѣт. Волковъ, генераль-лейтенанты: Вадковскій (назначено 1.013 душъ), Левашевъ, кн. Голицынъ и Беклешевъ, вице-адмиралъ извѣстный Н. С. Мордвиновъ (получившій уже при императрицѣ Екаторинѣ 2.000 душъ), генераль отъ инфантеріи графъ Кастрѣ ла-Церда и бискупъ каменецкій Сѣраковскій «за вѣрную службу, усердіе и ревность». Несомнѣнно, болѣе тысячи душъ составляло также пожалованіе тайному совѣтн. графу фонъ-дербъ-Остенъ Сагену, получившему въ 1798 году въ одинъ день 500 душъ въ Бѣлоруссіи и 24¹/₂ така въ Лифляндіи. Всего мужчинъ, получившихъ болѣе 1.000 душъ, размѣръ пожалованій которыхъ точно извѣстенъ, было 65**). Женщины, получившія болѣе 1.000 душъ, были названы нами выше.

*) Такъ какъ пожалованіе Трошинскому было назначено наряду съ другими въ день коронаціи, то этимъ и опровергается рассказъ, напечатанный въ *Русской Старинѣ* (1882 года, № 6, стр. 647), о томъ, что это пожалованіе было дано на память о такомъ же смѣломъ поступкѣ Трошинскаго, каковымъ прославился при Петрѣ Великомъ Я. П. Долгоруковъ.

***) Безъ сомнѣнія, крупныя пожалованія получили: кн. С. Р. Воронцовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Лопухинъ, принцъ Виртембергскій и нѣкоторые другіе, но точныя размѣры данныхъ имъ имѣній неизвѣстны.

Изъ пожалованій менѣе 1.000 душъ отмѣтимъ лишь немногія, интересныя въ какомъ-либо отношеніи. Въ извѣстный намъ день 4-го декабря, вмѣстѣ съ прежде названными лицами, получили пожалованія: бригадиръ Линденеръ 800 д., затѣмъ по 500 д. камеръ-фурьеры Назаровъ и Волковъ и надворный совѣтникъ Томилинь, по 400 д.—Ратьковъ, адъютантъ гвардіи Семёновскаго полка, Бычковъ, унтеръ-штабмейстеръ подполковничьяго чина, и камердинеры камеръ-фурьерскаго ранга—Званцовъ, Бертомъ и Исаевъ. Всѣ они, какъ и другіе, въ этотъ день получили пожалованіе, по словамъ именнаго указа, «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей, оказанной по бытности при насъ». Такимъ образомъ императоръ Павелъ надѣлялъ населенными имѣніями людей всѣхъ чиновъ и ранговъ, начиная отъ генераль-фельдмаршала и кончая придворными камердинерами. Черезъ двѣ недѣли были также пожалованы придворные аптекаря Ганеманъ и Ильмеръ: первый получилъ 150, второй — 100 душъ, а затѣмъ и лейбъ-медикъ Фреиганкъ получилъ 400 душъ. Въ началѣ 1797 года четырьмя инспектрисамъ Смольнаго института, по ходатайству Нелидовой, было дано по 200 или по 200 съ небольшимъ душъ *). Въ день коронаціи, въ числѣ другихъ лицъ, получили по 600 душъ: тайный совѣтникъ и бураторъ Московскаго университета Херасковъ, извѣстный поэтъ, тайный совѣтникъ князь Андрей Вяземскій, отецъ писателя того же имени и тестъ Карамзина, а также за труды при воспитаніи великой княжны Александры Павловны получила 600 душъ жена камергера Ланскаго, урожденная Вилламова (входившая въ составъ брѣвца, группировавшагося вокругъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ). За ту же заслугу получила награду въ 300 душъ вдова коллежскаго совѣтника Молчина.

Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ, какъ и при императрицѣ Екатеринѣ II, производилось всегда письменнымъ именнымъ указомъ сенату. Въ большинствѣ случаевъ въ указѣ мы находимъ и мотивъ пожалованія. Наиболѣе обыкновенныя мотивировки пожалованія были слѣдующія: «во всемиловѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды», «въ воздаяніе усердной и ревностной службы», «въ награжденіе долговременной и усердной службы», «въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ», «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей», въ

*) Роштокъ, Зильберейзенъ старшей, Зильберейзенъ младшей и Дешанъ.

награду «за службу и труды по разнымъ препорученіямъ». 147 офицеровъ, служившіе прежде въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ, получили имѣнія по указу 16 апрѣля 1797 года—«въ награжденіе усердной намъ службы». Иногда чиновники получали пожалованіе по представленію ихъ начальника. Такъ, наприм., 12 ноября 1796 года пять человекъ получили населенныя имѣнія, причемъ указъ объ этомъ пожалованіи начинался такимъ образомъ: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на представленіе нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генераль-прокурора графа Самойлова о усердномъ служеніи нижеозначенныхъ чиновниковъ» и проч. Вдова генераль-маіора Родень получила имѣніе «въ награжденіе усердной службы его (т. е. ея мужа) и въ уваженіе того, что сынъ ихъ въ прошедшую съ турками войну въ сраженіи противъ непріятелей положилъ животь свой». Указъ о пожалованіи тысячи душъ Ожаровской начинался такъ: «въ воздаяніе усердія и преданности къ имперіи нашей бывшаго великаго гетмана короннаго польскаго Озаровскаго (sic) во время извѣстнаго въ Варшавѣ бунта насильственнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ отъ тамошнихъ мятежниковъ жизни лишеннаго, Высочайше пожаловали мы оставшимся по немъ вдовѣ и дѣтямъ его» и проч. Такимъ же образомъ мотивировано пожалованіе вдовѣ великаго гетмана литовскаго графа Забѣлло съ сыномъ его. Вдовѣ почти всегда жаловалось имѣніе за службу мужа, дѣтямъ—за службу отца. Дѣвицы Чарторижскія получили пожалованіе за то, что ихъ братья «въ брани за отечество животь свой положили». Принцесса Биронъ съ дѣтьми получила имѣнія, «вмѣсто пенсіи», простиравшейся до 26.000 талеровъ. Наслѣдники княгини Гики также получили 504 души въ замѣнъ пенсіона, ей пожалованнаго. Нашему консулу въ Далмаціи, Палладоклюсу, дано было имѣніе (261 д.) «въ уваженіе на службу его» и «въ награжденіе понесенныхъ имъ убытковъ». Дѣвица Шемякина получила 200 душъ за то, что отецъ ея служилъ пращѣду императора Павла, императору Петру Великому, а отставному маіору Горленко дано было 260 душъ «въ вознагражденіе заслугъ, предками его оказанныхъ». Статсъ-дамѣ Ливенъ жаловались имѣнія «въ награжденіе попеченій и трудовъ при воспитаніи любезныхъ нашихъ дочерей». Капитану Телеснину дано 50 душъ (меньшій размѣръ пожалованія) «въ награжденіе усердной службы, въ продолженіи которой получилъ онъ въ сраженіи съ непріятелемъ тяжелую рану». Одинъ изъ ука-

зовъ о пожалованіи имѣній графу А. А. Безбородку мотивированъ такимъ образомъ: «въ изъявленіе особливаго нашего благоволенія въ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, на пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемымъ». Бывшему елисаветградскому коменданту Комнено аренда въ 300 душъ обращена въ вѣчную собственность, «снисходя на (его) прошеніе». Отставной подпоручикъ королевской французской службы мекленбургскій дворянинъ баронъ Людвигъ Лефортъ получилъ имѣніе въ Литвѣ изъ бывшихъ столовыхъ епископовъ виленскихъ «въ память особливаго уваженія прародителемъ нашимъ государемъ Петромъ Великимъ заслугъ адмирала-генерала Лефорта». Отставной полковникъ князь Черкасскій получилъ 1.000 душъ «за вѣрную службу отца его, бывшего при любезнѣйшемъ родителѣ нашемъ гофмаршаломъ».

При императрицѣ Екатеринѣ II пожалованіе имѣнія производилось всегда однимъ именованнымъ указомъ, такъ какъ въ немъ если и не обозначалось число душъ, то все-таки приводилось названіе имѣнія. Въ царствованіе императора Павла это дѣлалось двоякимъ образомъ: въ меньшинствѣ случаевъ такъ же, какъ и при императрицѣ Екатеринѣ, но по большей части сначала только опредѣлялось, какое количество душъ пожаловано тому или другому лицу, и затѣмъ сенату предоставлялось «назначить» опредѣленное число душъ. Приведемъ образецъ первой формулы пожалованія: «во все милостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды (такого-то) пожаловали мы ему въ вѣчное и потомственное владѣніе (изъ деревень такого-то вѣдомства тамъ-то, такое-то число душъ) съ принадлежащими по тому землями и угодьями, повелѣвая сенату предписать, куда слѣдуетъ, объ отдачѣ оныхъ заготовить жалованную грамоту къ нашему подписанію». Напротивъ указъ 4-го декабря, которымъ 30 лицамъ было пожаловано болѣе 30.000 душъ, оканчивался такимъ образомъ: «которыя (души) повелѣваемъ сенату нашему назнача поднести намъ роспись, дабы мы по тому объ отдачѣ оныхъ и о заготовленіи жалованныхъ грамотъ къ нашему подписанію могли дать наше приказаніе». Назначеніе производилось или одному лицу, или сразу по росписи многимъ лицамъ, хотя бы указы о пожалованіи имъ извѣстнаго числа душъ были даны и въ равное время. Въ первомъ случаѣ форма указа была такая: «указомъ нашимъ (такого-то числа такого-то года) пожаловали мы (такому-то) въ вѣчное и потомственное владѣніе деревни (или такое-то число душъ), которыя и назначаемъ ему»

(тамъ-то), и затѣмъ сенату предписывалось изготовить жалованную грамоту. Очень часто послѣ названія имѣнія въ указѣ прибавлялось: «со всѣми принадлежащими по дачамъ землями, лѣсами, рыбными ловлями и находящимися въ тѣхъ дачахъ оброчными мельницами», а иной разъ и «съ имѣющимся въ оныхъ казеннымъ строеніемъ». При назначеніи пожалованія сразу многимъ лицамъ указъ объ этомъ назначеніи принималъ такую форму: «Указъ нашему сенату. Въ число пожалованныхъ душъ за службу разнымъ чинамъ, поименованнымъ въ росписи, за собственной нашею подписью приложенной, назначаемъ къ отдачѣ деревни, въ той росписи показанныя, съ принадлежащими къ нимъ по дачамъ землями, рыбными ловлями, мельницами и другими угодьями, и съ тѣми оброчными статьями, которыя въ росписи внесены, повелѣвая сенату нашему изготовить на сіи имѣнія жалованныя грамоты и поднести къ нашему подписанію, оброчныя же статьи по минованіи наймать срока изъ obroга исключить». Затѣмъ къ такому указу прилагалась роспись деревнямъ, назначеннымъ къ отдачѣ въ число «пожалованныхъ душъ». Какъ ни подробны были указы, все-таки являлись иногда сомнѣнія, поступаетъ ли во владѣніе новаго собственника скотъ и другія хозяйственныя принадлежности, если они были въ имѣніи. Поэтому въ мартѣ 1800 года данъ былъ такой указъ: «Его Императорское Величество жалуется экономическую наличность, какъ-то: хлѣбъ, скотъ, продукты, домашнія вещи и земледѣльческія орудія въ деревняхъ Подольской губерніи, пожалованныхъ графу де-Кастро ла-Церде и князьямъ Абемеликамъ, также и прочимъ, коимъ пожалованы деревни въ новоприсоединенныхъ губерніяхъ безъ изъясненія о сей наличности, а она понынѣ въ тѣхъ деревняхъ безъ такой отдачи имъ остается». Послѣ того при пожалованіи имѣнія въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, иногда къ названію деревень прибавляли: «со всею къ нимъ принадлежностью». Немалое сомнѣніе возбудилъ вопросъ о казенныхъ строеніяхъ въ селѣ дворцоваго вѣдомства Петербургской губерніи—Рождественѣ (нынѣ въ 10 верстахъ отъ Сиверской станціи Варшавской желѣзной дороги на рѣкѣ Оредежѣ). Дѣло въ томъ, что село Рождествено было сдѣлано при Екатеринѣ городомъ, который со вступленіемъ на престолъ Павла былъ обращенъ въ заштатный. При пожалованіи его коллѣжскому совѣтнику Ефремову (пользовавшемуся особымъ покровительствомъ князя А. А. Безбородка, тагъ какъ Ефремовъ, правитель его канцеляріи, былъ женатъ на его по-

бочной дочери отъ актрисы Баратыгиной) было оговорено въ указѣ, что купечество и мѣщанство, жившее въ Рождественѣ, должны по-прежнему пользоваться свободою и заниматься, если они пожелаютъ, торгами и промыслами. Но явился вопросъ, слѣдуетъ ли отдать Ефремову всѣ казенныя строенія, или только часть. Дѣло доходило до сената, и онъ рѣшилъ оставить для купцовъ и мѣщанъ народное училище, почтовый и питейный домъ и два деревянныя солянныя магазина, строенія же упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, городническій домъ и казенныя хлѣбныя магазины велѣно было отдать Ефремову *).

Но искателямъ пожалованій было недостаточно еще того, что казенное имѣніе поступало въ ихъ владѣніе съ лѣсами, рыбными ловлями, оброчными мельницами, всею хозяйственною наличностью, иной разъ даже съ бывшими казенными зданіями. Люди, наиболѣе приближенные къ императору Павлу и имѣвшие возможность повліять на составленіе указа, придумали еще одну—повидимому, не важную—прибавку къ обычной формулѣ пожалованія: «и съ узаконенною пропорціею по 15 дес. на душу». Впервые эту прибавку мы находимъ въ указѣ о пожалованіи имѣнія одному изъ наиболѣе ловкихъ слугъ императора Павла, гардеробмейстеру Кутайсову. Въ указѣ 12 декабря 1796 года было сказано: «Указомъ нашимъ отъ 4 декабря сего года всемилостивѣйше пожаловали мы нашему гардеробмейстеру Ивану Кутайсову въ вѣчное и потомственное владѣніе 1.500 душъ, въ число которыхъ назначаемъ къ отдачѣ состоящія Тамбовскаго намѣстничества, Моршанской округи, въ дворцовомъ селѣ Мамонтовѣ 1.000 душъ, съ имѣющеюся на рѣкѣ Цнѣ оброчною мельницею, да выселенныхъ изъ города Моршанска дворцовыхъ крестьянъ, жительствующихъ близъ самаго города въ новоселящейся деревнѣ 300 душъ съ отдаваемою въ оброкъ... мельницею, на Цнѣ же рѣкѣ состоящею, и съ узаконенною ко оной пропорціею земли по обѣ стороны рѣки и съ намѣреніемъ крестьянамъ новопоселенной деревни къ владѣемой ими земли изъ Ценскаго вѣззаго лѣсу узаконенной пропорціи по 15 дес. на душу, да С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, казенныя деревни Пчеву и Чиркову, въ коихъ по четвертой ревизіи 208 душъ, съ при-

*) Какъ въ Рождественѣ остались свободными купцы и мѣщане, такъ при пожалованіи мѣстечекъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, панцирные бояре и чиншевая шляхта сохраняли свои права и вольности, какими они пользовались при польскомъ владычествѣ. *Державинъ*, т. VI, стр. 802.

надлежащими въ первому и послѣднимъ землями и всякими угодья владѣемыми и отрѣзанными» *). Тутъ прямое упоминаніе о 15-ти-десятинномъ надѣлѣ явилось подъ прикрытіемъ необходимости обезпечить достаточнымъ количествомъ земли вновь переселившихся крестьянъ. Но полезность такой прибавки была очень скоро понята, и вотъ въ указѣ 1-го марта 1797 года о пожалованіи имѣнія генераль-лейтенанту Бенкендорфу (1.000 душъ Тамбовской губерніи) крестьяне уже прямо жалуются «съ закопенною по 15 дес. на душу пропорцію». Въ указѣ о пожалованіи Ростопчину было сказано еще яснѣе: «отдѣливъ положенную пропорцію по 15 десят. на душу, чего не достанетъ, *изъ другихъ казенныхъ земель*». Подобныя же прибавки мы находимъ въ указахъ о пожалованіяхъ князю Безбородку, генераль-лейтенанту князю Голицыну, Нелединскому-Мелецкому, Репнину («съ нарѣзкою въ недостающее число по 15 десят. на каждую душу *удобной* земли изъ дикопорозжихъ земель»), унтеръ-штаб-мейстеру Бычкову, генераламъ отъ инфантеріи Левашову и Беклешову, генераль-лейтенанту Вадковскому и нѣкоторымъ другимъ, приближеннымъ къ императору, лицамъ. Соблазнительность этой прибавки объясняется очень просто. Въ то время уже въ немногихъ губерніяхъ приходилось по 15 и болѣе десятинъ на душу; поэтому такая формула пожалованія въ случаѣ недостатка земли въ указанной пропорціи давала возможность просить о прирѣзкѣ изъ сосѣднихъ казенныхъ земель (если это не предписывалось прямо указомъ) или хотя бы и въ другой губерніи, если по близости не находилось удобныхъ угодій.

Въ указахъ, данныхъ ранѣе того, какъ придумана была эта выгодная комбинація, а при пожалованіи лицъ менѣе приближенныхъ и послѣ того, мы или не находимъ такой прибавки, или тамъ прямо говорится: «съ принадлежащими на число душъ *по дачамъ* землями», т.-е. съ тѣмъ количествомъ земли, какое было въ данномъ имѣніи по межеванію. Но стоило только подать умную мысль, ее подхватили и тѣ, которымъ пожалованіе было уже ранѣе назначено, такъ какъ, если у нихъ были связи, дѣло еще можно было поправить. Въ именномъ указѣ 13 іюня 1797 года читаемъ: «Генераль-маіору Линденеру на число Высочайше пожалованныхъ въ Курской губерніи 1.000 душъ, гра-

*) Кутайсову и этого было мало. 11-го февраля 1797 г. былъ данъ указъ, чтобы „по оказавшемуся“ въ его деревняхъ „въ землѣ недостатку“ нарѣзать ему 14.260 десятинъ.

фу Монестрелю и инженеру подполковнику Опперману, каждому на 200 душъ къ деревнямъ, въ Псковской губерніи назначеннымъ, повелѣваемъ въ положенную препорцію по 15 десят. на каждую душу *прирѣзать* изъ дикопорозжихъ земель и лѣсовъ, въ тѣхъ губерніяхъ состоящихъ и къ дачамъ ихъ прикешовенныхъ». Вскорѣ за тѣмъ слѣдуютъ указы о нарѣзкѣ земли, недостающей до 15 десят. на душу въ деревняхъ, пожалованныхъ генераль-майору и генераль-адъютанту Нелидову и другимъ. Такъ какъ оказалось, что прирѣзать недостающее количество въ ближайшемъ сосѣдствѣ очень часто невозможно, то стали жаловать эту прибавочную землю отчасти или цѣликомъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ въ указѣ 2 октября 1797 года было сказано: «Взамѣнъ недостающей въ 15-десятинную препорцію на каждую ревизскую душу земли на число пожалованныхъ нами нашему тайному совѣтнику графу Миниху Курской губерніи, Рыльского уѣзда, изъ Камарицкой волости 643 души жалуетъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе казенныя земли, въ прилагаемомъ при семъ реестрѣ означенныя», а въ реестрѣ оказывается 5.600 дес. въ Рыльскомъ, Судженскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ Курской губерніи и въ Симбирскомъ уѣздѣ. Такимъ же образомъ была прибавлена земля тайному совѣтнику Саблукову, оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, генераль-аудитору князю Шаховскому, придворнымъ камердинерамъ Исаеву и Бертому. Поэтъ Херасковъ получилъ прибавку въ 5.526 десятинъ, тайный совѣтникъ Трубецкой—2.000 дес., графъ Кушелевъ—10.000 дес. Удавалось иногда выхлопывать, чтобы нарѣзка недостающей земли производилась въ известной мѣстности по выбору самого пожалованнаго. Такъ бывшему гатчинцу генераль-майору Донаурову велѣно было нарѣзать землю, недостающую на его 2.000 душъ, въ Рязанской или Тамбовской губерніяхъ, «гдѣ онъ самъ избереть».

Оканчивая разсмотрѣніе формы указовъ о пожалованіяхъ, упомянемъ, что однажды имѣніе было пожаловано съ условіемъ, что оно не должно выходить изъ рода и потому не можетъ быть ни продано, ни заложено: такое условіе было постановлено при пожалованіи отставному подпоручику королевско-французской службы мекленбургскому дворянину Лефорту имѣнія въ память заслугъ его предка, адмирала Лефорта.

Если на пожалованномъ имѣніи состояла недоимка, то новые владѣльцы выхлопывали сложеніе ея: такъ съ имѣнія,

пожалованнаго оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, было сложено болѣе 5.000 руб.

Если въ вотчинахъ, назначенныхъ къ пожалованію, оказывались лишнія души, то нерѣдко и онѣ жаловались тому же лицу; этимъ объясняется, что при назначеніи количество душъ бывало иногда больше назначеннаго въ пожалованіе, и эта разница доходила до 70 душъ. Если же эти лишнія души не присоединялись сразу къ пожалованнымъ, то начинались объ этомъ особыя хлопоты, которыя иногда увѣличивались успѣхомъ. Но бывали и такіе случаи, что оставшіяся лишнія 2 души не назначались въ пожалованіе.

Случалось, что лицо, получившее пожалованіе, было недовольно имъ въ какомъ-нибудь отношеніи и просило объ обмѣнѣ его на другое, и нерѣдко такія просьбы удовлетворялись.

Извѣстному борцу за польскую независимость Костюшкѣ, освобожденному императоромъ Павломъ изъ заточенія, была пожалована 18 ноября 1796 года тысяча душъ, но это пожалованіе было замѣнено выдачею 60.000 руб. Вѣроятно, Костюшко, провозгласившій особымъ манифестомъ личное освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ въ Польшѣ и желавшій точно опредѣлить ихъ повинности въ пользу землевладѣльца, самъ просилъ объ этой замѣнѣ.

Если выборъ пожалованія представлялся лицу, его получившему, то, разумѣется, тутъ умѣли выбрать лакомый кусокъ. Князь Безбородко, который обнаружилъ большое искусство въ этомъ отношеніи еще при императрицѣ Екатеринѣ II, послѣ пожалованія ему императоромъ Павломъ 6.000 душъ на выборъ, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ князю А. Б. Куракину: «Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе, а прошу васъ только предостеречь, чтобы назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность, ибо, получивъ милости монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было бы мнѣ подать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою-либо жадностію. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что Его Величество опредѣлитъ изволить; выборомъ же, паки вамъ предоставляемымъ, исполняю токмо его волю. Я раздѣлилъ (имѣнія) на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но, впрочемъ, повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты Его Величества

и на ваше стараніе. Тутъ причтается весьма малый излишекъ, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однако же и въ семь какъ угодно». Изъ «перваго номера», о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи двѣ волости, Тайнинскую и Братовскую, съ 1.560 душами и въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ, 4.540 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ «малый излишекъ» Безбородка доходилъ до 100 душъ, и ихъ выклиничивалъ вельможа, получившій въ одинъ день 16.000 душъ!... Несмотря на то, что въ началѣ царствованія императора Павла дворцовыя волости въ Московской губерніи не разъ назначались въ пожалованіе, Куракинъ не могъ исполнить просьбу Безбородка и написалъ на его письмѣ: «Повелію Его Величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что мною лично уже исполнено». Безбородко получилъ 6.072 души въ Бобровскомъ уѣздѣ*),—слѣдовательно, онъ все-таки ухватилъ лишнѣхъ 72 души.

Безбородко усердно выхлопатывалъ пожалованія и своимъ подчиненнымъ, и знакомымъ. О нѣкоемъ Долинскомъ онъ писалъ А. Р. Воронцову 23 февраля 1797 года, что тотъ просилъ деревни: «я постараюсь о его пользѣ, хотя теперь и не такъ легко, какъ свачала подобныя просьбы успѣваютъ». Нелидова, долго жившая въ Смольномъ институтѣ, выхлопотала, какъ мы уже говорили, имѣнія четырехъ тамошнихъ инспектрисамъ**). Желавшіе получить имѣнія пускали въ ходъ всевозможныя средства. Вотъ что рассказываетъ, напримѣръ, Державинъ объ извѣстномъ Кутайсовѣ: «Временщикъ г. Кутайцовъ, бывши въ покоехъ генералъ-прокурора, завелъ Державина въ уединенную комнату и убѣдительно просилъ достать ему Шкловское имѣніе г. Зорича» (до 14.000 душъ), «по случаю попечительства его надъ онымъ» (за неплатежъ долговъ), «но его же, какъ видно, тайному ходатайству учрежденнаго, обѣщая ему сію услугу отплатить значительною благодарностью, да и подъ рукою однимъ евреемъ сказано было, что онъ получитъ за осмотръ арендъ 2.000 душъ и орденъ св. Андрея». Но Державинъ не согласился поступить иначе, какъ по закону, а для этого нужно было посредствомъ публикацій собрать кредиторовъ въ извѣстные спо-

*) «Сборн. Истор. Общ.», т. XXIX, стр. 375 и 376.

***) «Архивъ князя Воронцова», кн. XIII, стр. 371, и кн. XV, стр. 133.

ви. Понятно, что при такомъ отношеніи къ сильному временщику Державинъ не получилъ населеннаго имѣнія и принужденъ былъ потомъ съ грустью записать о себѣ: «въ подкрѣпленіе недостаточнаго состоянія своего, какъ многимъ тогда, Богъ знаетъ за что, раздавали крестьянъ, ничѣмъ не награжденъ» *).

Слѣдуетъ, однако, упомянуть съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ то время были не только такіе люди, какъ Державинъ, которые не желали поступать противозаконно ради полученія имѣнія, но которые не хотѣли даже просто просить объ этомъ, когда одной просьбы ихъ было бы достаточно для полученія пожалованія. Извѣстный масонъ И. В. Лопухинъ рассказываетъ: «Милость и довѣренность ко мнѣ государя были неописанныя. Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова». Когда императоръ Павелъ охладѣлъ къ Лопухину, «ближній комнатный человекъ» (безъ сомнѣнія, Кутайсовъ) «предлагалъ мнѣ подать отъ меня государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многого,—что онъ увѣренъ, что государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Если вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь, по подачѣ вашего письма, вынести на то указъ». Но Лопухинъ наотрѣзъ отказался, сказавъ, что не будетъ просить награды **). Е. И. Нелидова старалась уменьшить разиѣръ пожалованія, назначеннаго ей матери, слѣдующимъ письмомъ (12 декабря 1796 года): «Ваше Императорское Величество дали мнѣ понять вчера, что вы хотите облагодѣтельствовать мою мать, и г. Донауровъ вручилъ мнѣ послѣ обѣда указъ, объясняющій мнѣ, въ чемъ состоитъ это благодѣяніе. Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться за нее, ибо она мнѣ мать. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, еслибы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2.000 душъ тяготятъ мою совѣсть; ни моя мать,

*) „Собраніе сочиненій“, т. VI, стр. 730 и 824.

**) „Записки Лопухина“ въ *Чтен. Общества истор. и древн. росс.* 1860 года, т. II, стр. 61, 66 и 67.

ни кто-либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ, еще есть время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ. Вы найдете между вашими подданными много людей по-истинѣ заслуживающихъ, или которые заслужатъ со временемъ тысячу душъ, которую вы можете держать про запасъ. *Подумайте о томъ, что источникъ вашихъ щедротъ можетъ иссякнуть.* Послушайтесь совѣта, который осмѣливается вамъ дать старинный другъ»¹⁾. Однако, просьба Е. И. Нелидовой уважена не была. Были, наконецъ, и такія исключенія изъ общаго правила, какъ извѣстный адмиралъ Шишковъ, который при первой возможности пересталъ брать оброкъ съ 250 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему императоромъ Павломъ²⁾.

Люди съ такимъ твердымъ характеромъ, какъ И. В. Лопухинъ, не могли ушиться при дворѣ императора Павла, требовавшего слѣднаго повиновенія его волѣ. Въ обществѣ такихъ людей, безъ сомнѣнія, считали не только чудаками, но чуть ли не выжившими изъ ума: «ближній комнатный человѣкъ» не безъ насмѣшки называлъ Лопухина «философомъ». Въ подобномъ обществѣ не только отназъ отъ пожалованія, но даже одна мысль объ этомъ была бы сочтена чуть не преступленіемъ. Это доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ числѣ различныхъ обвиненій, взведенныхъ на полковника гвардіи Грузинова, хотя и не подтвержденныхъ слѣдствіемъ, но приведшихъ къ тому, что онъ въ Новочеркасскѣ, въ присутствіи слѣдователей, былъ засѣченъ до смерти кнутомъ³⁾, въ числѣ этихъ обвиненій, вѣроятно, выдуманныхъ его врагами, чтобы возбудить на него гнѣвъ императора Павла, было между прочимъ то, будто бы онъ «отказывался отъ пожалованныхъ ему крестьянъ,—говорилъ, что они ему не нужны, и прогналъ ихъ, когда они пришли къ нему изъ Минской губерніи за приказаніемъ»⁴⁾. Обвиненіе было очевидно выдуманно, но тутъ всего

¹⁾ „Восемнадцатый вѣкъ“, изданіе Бартенева, т. III, стр. 427.

²⁾ Извѣстенъ разсказъ С. Т. Аксакова въ „Семейной хроникѣ“, какъ сами крестьяне предлагали Шихову обложить ихъ денежнымъ сборомъ, но онъ отказался. Что въ началѣ онъ бралъ съ нихъ оброкъ, это видно изъ его собственнаго свидѣтельства о полученіи пожалованія. „Даръ сей,—замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ,—тѣмъ больше для меня былъ приятенъ, что доходы мои заключались въ одномъ только весьма небольшомъ жалованьи“.

³⁾ Казнь продолжалась отъ восхода солнца до 2 часовъ пополудни.

⁴⁾ 14 декабря 1796 года Еяграфу Грузинову была пожалована, а 15 января 1797 года назначена 1.000 душъ, но только не въ Минской, а въ Московской

характернѣе то, что отказъ отъ пожалованія въ то время могъ считаться преступленіемъ. Это, если хотите, и было бы своего рода преступленіемъ: это была бы измѣна не государству, а интересамъ дворянскаго сословія, а въ нѣкоторыя эпохи послѣднее могло быть опаснѣе перваго; жаль только, что намъ неизвѣстно случаевъ дѣйствительнаго, окончательнаго отказа отъ пожалованія. Шинковъ выразился совершенно вѣрно, назвавъ пожалованіе населенныхъ имѣній «расхваткою» деревень: всякій, кто не успѣлъ захватить въ это время лакомаго куска, считалъ себя обиженнымъ. «Въ первые десять мѣсяцевъ своего царствованія,—толковали въ обществѣ,—императоръ Павелъ раздарилъ болѣе имѣній и крестьянъ, чѣмъ его мать въ 10 лѣтъ» *),— и это правда: въ эти мѣсяцы онъ раздалъ около 250.000 тысячъ душъ, а императрица Екатерина II пожаловала гораздо менѣе даже въ послѣднія 10 лѣтъ своего царствованія, когда такъ щедро раздавались деревни въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Но толки о щедрой раздачѣ служили только побужденіемъ къ тому, чтобы поскорѣе захватить и свою долю добычи **).

Въ число пожалованій при императорѣ Павлѣ мы не включили нѣсколькихъ случаевъ простаго возвращенія секвестрованныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II имѣній и даже тѣхъ случаевъ, гдѣ за эти имѣнія, уже кому-нибудь пожалованныя, приходилось вознаграждать другими пожалованіями, такъ какъ въ первомъ случаѣ было только нѣкоторое уменьшеніе размѣровъ секвестраціи, а во второмъ—простой обмѣнъ пожалованія (впрочемъ тѣхъ и другихъ случаевъ было очень немного). Такъ въ ноябрѣ 1796 года было возвращено Игнатію Потоцкому все отписанное у него имѣніе (кромѣ того, какъ мы уже упоминали, ему была вновь пожалована тысяча душъ). Въ мартѣ 1797 года были отобраны у статскаго совѣтника Обрескова пожалованныя ему имѣнія Флоріана Чарнецкаго и возвращены прежнему владѣльцу, а Обрескову въ замѣнъ того пожаловано 500 душъ изъ деревень казеннаго

и Тамбовской губерніяхъ. Подробности дѣла о судѣ и казни братьевъ Грузиновыхъ (другой братъ былъ наказанъ кнутомъ)—въ *Русской Старинѣ* 1873 года, т. VII, стр. 573 и 575.

*) *Blum*: „Ein russischer Staatsmann“, IV, 370.

***) О пожалованіяхъ просили нерѣдко лица, не имѣвшія на то никакого права. Такъ въ 1798 году бывшій полковникъ польской службы Стрѣльбицкій просилъ о пожалованіи ему староства. Онъ получилъ отказъ на томъ основаніи, что „таковыя милости дѣлаются за службу государю и отечеству“.

вѣдомства. Въ августѣ 1797 года императоръ Павелъ приказалъ имѣніе Іосифа Богюца, Волынской губерніи, пожалованное въ 1795 г. по смерти безъ платы аренды генералъ-маіору Боровскому, по прошенію Богюца отдать его дочери. Не упоминаемъ еще о нѣсколькихъ подобныхъ же случаяхъ.

Императору Павлу приходилось возвращать имѣнія, отобранныя при императрицѣ Екаторинѣ II у поляковъ, а императору Александру I по вступленіи на престолъ оказалось нужнымъ сдѣлать то же для русскихъ, лишенныхъ при его отцѣ всѣхъ или нѣкоторой части имѣній. Такъ на третій день по восшествіи на престолъ (14 марта 1801 г.) императоръ Александръ возвратилъ графу С. Р. Воронцову все имѣніе, конфискованное у него при императорѣ Павлѣ въ февралѣ 1801 г. *). У графа Орлова-Чесменскаго было отобрано имѣніе (341 душа) за завладѣніе небольшимъ (20 дес.) лугомъ сосѣднихъ съ его имѣніемъ дворцовыхъ крестьянъ. Императоръ Александръ приказалъ возвратить имѣніе Орлову, а за пользованіе лугомъ, на основаніи межевой инструкціи, взыскать по 4 руб. въ годъ.

Мы видѣли, что уже при императорѣ Павлѣ чувствовался сильный недостатокъ въ имѣніяхъ для пожалованія: приходилось давать пожалованія съ тѣмъ, чтобы лица, которымъ они были назначены, получали ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда они освободятся отъ аренды, приходилось назначать ревизіи розданныхъ старостинскихъ имѣній, съ заднею мыслию, нельзя ли нѣкоторыя изъ нихъ отобрать въ казну. Недостаткомъ этимъ и объясняется то, что государь, раздавъ въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія болѣе 250.000 душъ крестьянъ, въ 1798 году пожаловалъ только 13.523 души, въ 1799 г.—11.359 душъ и въ 1800 г.—7.839 душъ. Раздача дворцовыхъ крестьянъ была слишкомъ невыгодна для Двора, а пожалованіе экономическихъ сильно отозвалось бы на государственномъ бюджетѣ, такъ какъ крѣпостные не платили въ казну оброчнаго сбора.

Итакъ, были настоятельныя экономическія причины, требовавшія прекращенія раздачи въ полную собственность населенныхъ имѣній. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I къ этому присоединилось еще и личное отвращеніе молодого гуманнаго императора къ крѣпостному праву и желаніе его не со-

*) По свидѣтельству Ростопчина, императоръ Павелъ былъ раздраженъ тѣмъ, что С. Р. Воронцовъ не принялъ предложенной ему должности канцлера. *Рус. Арх.* 1872 года, стр. 2175.

дѣйствовать еще большому распространенію этого зла. Обыкновенно думаютъ, что при императорѣ Александрѣ I не было ни одного случая пожалованія населеннаго имѣнія въ полную собственность; но это несправедливо. Не считая пожалованія тысячи душъ малолѣтней Мусиной-Юрьевой, что было, такъ сказать, загробнымъ распоряженіемъ императора Павла, было еще четыре случая пожалованія населенныхъ имѣній при императорѣ Александрѣ. 28 марта 1801 года, — слѣдовательно черезъ 16 дней послѣ вступленія на престолъ, — онъ пожаловалъ отставному надворному совѣтнику Рейнике мызу въ Лифляндіи (4 гака), сданную ему прежде пожизненно, «по уваженію полезныхъ заведеній, сдѣланныхъ имъ въ Камчаткѣ, въ бытность его тамъ предсѣдателемъ верхней расправы». Второе пожалованіе было вознагражденіемъ за несправедливость, сдѣланную въ концѣ царствованія императора Павла ради графа Кутайсова *). Затѣмъ было пожаловано въ Бѣлоруссіи совѣтнику лѣснаго департамента Пиллисіеру въ награду за усердную службу 300 душъ, прежде находившіяся у него на арендѣ. Наконецъ, 27 июня того же года, по прошенію тайнаго совѣтника барона Николаи ему пожалованы было въ потомственное владѣніе три казенныхъ геймата Выборгской губерніи, данные ему прежде въ аренду.

Но это было послѣднее пожалованіе. Черезъ мѣсяцъ послѣ того въ засѣданіи неофициальнаго комитета, разсуждая о наградахъ въ предстоящую коронацію, императоръ заявилъ, что «никому не дастъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи онъ не отступить отъ принятаго имъ намѣренія». И дѣйствительно, когда одинъ изъ сановниковъ обратился къ императору съ просьбою въ письмѣ о пожалованіи ему населеннаго имѣнія, государь отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне большею частію принадлежать помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано *въ аренду вамъ и вашимъ наследникамъ,*

*) У ротмистра Бутлера были отняты двѣ мызы, находившіяся въ его пожизненномъ владѣніи, для того, чтобы пожаловать ихъ графу Кутайсову, а въ замѣнъ ему назначены двѣ мызы, изъ которыхъ одна должна была освободиться отъ аренды въ 1805, а другая въ 1807 годахъ. Въ вознагражденіе убытковъ Бутлера ему пожалованы въ полную собственность двѣ мызы, находившіяся въ арендѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ разсчитался съ ихъ арендаторами (именной указъ 5 апрѣля 1801 г.)

слѣдовательно вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ. Остаюсь въ убѣжденіи, что вы поступили бы не иначе на моемъ мѣстѣ *).

Такимъ образомъ пожалованіе населенныхъ имѣній въ вѣчное и потомственное владѣніе было прекращено; но это же письмо императора Александра напоминаетъ намъ о томъ, что былъ особый разрядъ крестьянъ, постоянно отдаваемыхъ въ аренду и переходившихъ такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣльца къ другому. Пожалованія въ аренду были и ранѣе царствованія императора Александра I, въ теченіе всего XVIII вѣка. Они давались сначала въ Прибалтійскомъ краѣ, а потомъ, съ присоединеніемъ областей, отошедшихъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши, также и въ этой мѣстности. Аренды давались на извѣстный срокъ или пожизненно, съ платою арендныхъ денегъ или безъ платы. Въ приведенномъ письмѣ императоръ Александръ заранѣе обѣщалъ передать аренду и наследникамъ надѣляемаго ею лица. Въ 1810 году во всѣхъ арендныхъ имѣніяхъ Эстляндской, Лифляндской и восьми западныхъ губерній было около 350.000 душъ муж. пола; дохода съ нихъ получалось 130.000 талеровъ и 300.000 рублей. Въ этомъ году министръ финансовъ предложилъ продать ихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими казенными имуществами и надѣялся, такимъ образомъ, выручить до 100 милл. рублей ассигнаціями; для удовлетворенія же лицъ, получающихъ аренды и вообще имѣющихъ права на эти имѣнія, предложилъ уплачивать должныя имъ суммы изъ капиталовъ, вырученныхъ за проданныя имѣнія. Государь утвердилъ это предложеніе **). Но едва ли удалось продать много такихъ имѣній ***), и арендная система продолжала существовать.

При императорѣ Александрѣ I всего чаще жаловали аренды на 12 лѣтъ; иногда аренда продолжалась еще на такой же срокъ. Повинности крестьянъ относительно лицъ, получавшихъ аренду, были опредѣлены; нужно замѣтить, впрочемъ, что обыкновенно они не

*) *Богдановичъ*: „Исторія царствованія Александра I“, стр. 97 и 98, и приложение, стр. 44.

***) *Варадиновъ*: „Истор. министер. внутрен. дѣлъ“, ч. II, кн. I, стр. 80. — „Полн. собр. законовъ“, т. XXXI, № 24.346.

****) Срав. *Богдановичъ*, ч. III, кн. 3 и 4. „При послѣднемъ обозрѣніи армій, — писалъ въ 1823 году Сперанскій своей дочери, — роздано военнымъ около 50 арендъ, такъ что и сей источникъ надолго исчерпанъ“. — „Въ память гр. Сперанскаго“, Сиб. 1872 года, стр. 682.

сами хозяйничали въ ней, а передавали ее арендатору за известный ежегодный взносъ. Понятно, что судьба этихъ крестьянъ была весьма печальна: «это самые бѣдные и самые несчастные изъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ,—говоритъ Н. Тургеневъ.—Ихъ повинности, правда, опредѣлены закономъ,—продолжаетъ онъ,—но этотъ законъ нерѣдко не соблюдается» *).

При императорѣ Павлѣ, несмотря на огромную раздачу земель въ полную собственность, раздавались и аренды; но онъ не только сохранилъ этотъ уже установившійся обычай, а также учредилъ и новый разрядъ крестьянъ, раздаваемыхъ во временное пользованіе.

Еще въ XVIII вѣкѣ были имѣнія, дававшіяся служащимъ лицамъ не въ наслѣдственное владѣніе, а только на время. Такъ въ Малороссіи русскіе чиновники во время службы получали ранговыя имѣнія: напримѣръ, въ 1769 году такіа ранговыя деревни велѣно было оставить во владѣніи оберъ-комендантовъ и комендантовъ. Нѣчто подобное было и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи: это—имѣнія, дававшіяся губернаторамъ на содержаніе ихъ стола. Такъ, напримѣръ, въ 1776 году на столовое содержаніе смоленскаго губернатора было назначено въ Могилевской губерніи староство Мстиславское, которое числилось за нимъ во все время исправленія имъ должности. По штатамъ 1796 года на столъ генералъ-губернаторамъ въ 18-ти намѣстничествахъ было назначено по 600 душъ, вмѣсто которыхъ въ другихъ намѣстничествахъ давали по 1.200—1.800 руб. въ годъ **).

Нѣчто вродѣ такихъ временныхъ владѣній были командорственныя имѣнія, установленныя императоромъ Павломъ въ 1797 году. Проникнутый рыцарскими воззрѣніями, императоръ Павелъ задумалъ образовать изъ общества кавалеровъ російскихъ орденовъ что-то подобное рыцарскимъ братствамъ и орденамъ. «Все кавалерское общество Россійской имперіи да будетъ почитаемо, яко единое тѣло и яко единый російскій кавалерскій чинъ или орденъ», сказано было въ данномъ имъ указѣ. Подобно тому, какъ въ западной Европѣ рыцарскія общества и ордена имѣли свои капиталы, свои фондуши и имѣнія, императоръ Павелъ I опредѣлилъ въ пользу русскихъ кавалеровъ деревни для составленія изъ

*) *Tourgueneff*: „La Russie et les Russes“, II, 57—58; справ. *Storch*: „Cours d'économie politique“, 1815, VI, 270.

***) „Полн. собр. законовъ“, т. XVIII, № 13.260, т. XX, № 14.438, книга гражданскихъ штатовъ, стр. 253.

нихъ командорствъ. Съ этою цѣлью, указомъ 17 апрѣля 1797 года, было одновременно отдѣлено 50.000 душъ экономическихъ крестьянъ, а впослѣдствіи, съ увеличеніемъ орденскихъ капиталовъ, дозволено было увеличивать и командорства. Командорства расписаны были на 4 класса, сообразно оставленнымъ 4 орденамъ (Св. Андрея, Екатерины, Александра Невскаго и Св. Анны). Самыя большія командорства были въ классѣ Св. Андрея—нѣкоторымъ кавалерамъ по 1.000 душъ, а меньшія въ классѣ Св. Анны—по 100—400 душъ. Въ каждомъ классѣ извѣстная часть кавалеровъ состояла изъ духовныхъ особъ, которыя, получивъ командорственное имѣніе, въ непосредственное управленіе имъ не вступали, но пользовались доходами, подобно какъ и казна съ крестьянъ своего вѣдомства. Изъ кавалерственныхъ дамъ ордена Св. Екатерины было 15 свѣтскихъ и 5 духовныхъ. Лица же свѣтскія, получивъ командорственное имѣніе, могли сами хозяйничать въ немъ, какъ помѣщики. Но такъ какъ командорственное имѣніе находилось только во временномъ владѣніи командора, пока онъ числится въ классѣ даннаго ордена, то права владѣльцевъ были нѣсколько ограничены. Если кто захочетъ опредѣлить крестьянъ на оброкъ, тотъ не долженъ былъ собирать болѣе того, что платятъ казенныя крестьяне, а поземельный сборъ можно установить лишь на такихъ же основаніяхъ, какія приняты въ удѣльныхъ имѣніяхъ; удѣльные крестьяне должны были работать на господина не болѣе трехъ дней. Владѣльцы не должны были заводить въ данныхъ имъ имѣніяхъ никакихъ фабрикъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ; они не могли также брать крестьянъ въ домашнее услуженіе, не должны были вмѣшиваться въ раскладку рекрутской повинности и семейные раздѣлы, предоставляя то и другое наблюденію самихъ крестьянъ; не должны были расселять крестьянъ по своему усмотрѣнію и переносить ихъ жилища. Въ удѣльныхъ имѣніяхъ пашня и сѣнокосы должны быть раздѣлены такимъ образомъ, чтобы двѣ трети находились въ пользованіи крестьянъ, и только треть обрабатывалась на владѣльца; послѣдній не могъ также рубить лѣса на продажу. Очень важно было запрещеніе владѣльцамъ отдавать данныя имъ имѣнія въ аренду *).

Иногда одно и то же лицо одновременно получало и пожалованіе въ наследственную собственность, и командорство. Такъ на-

*) „Полн. собр. законовъ“, т. XXIV, № № 17.908 и 17.945.

шему посланнику въ Турціи Тамарѣ было сразу дано въ 1799 г. за трактатъ съ Портою имѣніе въ 1.499 душъ и командорство въ 1.000 руб. дохода.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра I, въ 1801 году, орденскія командорства обращены были въ вѣдомство казенныхъ палатъ, а командорамъ назначены были пенсіоны.

Кромѣ раздачи населенныхъ имѣній въ вѣчное потомственное владѣніе и временныхъ или пожизненныхъ арендъ, императрица Екатерина II щедро раздавала и ненаселенныя земли. Алексѣй и Федоръ Орловы получили 158.000 десятинъ на Волгѣ и въ Воронежской губерніи. Огромное количество земель было роздано также Потемкину, Ланскому и Безбородку. Въ особенно обширныхъ размѣрахъ производилась раздача земель на югѣ Россіи: такъ князь Вяземскій, при раздѣлѣ запорожскихъ земель, получилъ 100.000 десятинъ.

То же самое продолжалось и при императорѣ Павлѣ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Какъ мы уже знаемъ, канцлеръ Безбородко получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе «земли и состоящія при нихъ изъ числа астраханскихъ ловель воды». Астраханскія рыбныя ловли, пожалованныя Куракину, приносили ежегодно, по свидѣтельству Сиверса, 120.000 рублей дохода, а рыбныя ловли на Волгѣ, отданныя Бутайсову, давали ему до полумилліона ежегоднаго дохода. Не мало было и болѣе мелкихъ пожалованій: напримѣръ, тайному совѣтнику Бвалупину-Самарину—10.000 дес. въ разныхъ губерніяхъ, статсъ-дамѣ княгинѣ Гагариной, урожденной Лонухиной, подаренъ былъ Екаторингофъ. Генераль-прокуроръ Оболянинъ исходатайствовалъ многимъ сенатскимъ и нѣкоторымъ провіантскимъ чиновникамъ пожалованіе отъ 1.000 до 5.000 дес. въ Саратовской губерніи. Самое крупное пожалованіе ненаселенной земли получилъ оберъ-штабмейстеръ Нарышкинъ, а именно 505.724 дес. въ Саратовской и смежныхъ губерніяхъ (впрочемъ около половины этого пространства принадлежало Нарышкинымъ и прежде, до 1765 года, но было отрѣзано по межеванію). Очевъ усердная раздача ненаселенныхъ земель въ Саратовской губерніи производилась и при императорѣ Александрѣ I.

В. Семевскій.

Гарibaldi и Мадзини.

I.

Въ 1833 году въ Марсели впервые встрѣтились два молодыхъ итальянца, которымъ суждено было играть впоследствии одинаково важную роль въ историческихъ событіяхъ, волновавшихъ Италію въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія. Оба они были еще молоды, оба одинаково любили свою родину и мечтали объ ея освобожденіи. Первому было 29 лѣтъ, но онъ уже успѣлъ извѣдать тюрьму и изгнаніе, его имя извѣстно было во всей Италіи. Основанная имъ тайная организація разрасталась съ каждымъ днемъ, проповѣдь единства и освобожденія родины отзывалась въ сердцахъ каждаго итальянскаго патріота и имя молодого проповѣдника было одинаково извѣстно какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ средѣ всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи. Это былъ Джузеппе Мадзини, основатель общества «Молодая Италія» и редакторъ журнала того же имени.—Второму было 23 года. Молодой морякъ, цвѣтущій юноша, полный силы и энергіи, онъ только-что выступалъ на поприще общественной дѣятельности. Одушевленный такою же безграничною любовью къ родинѣ, какъ и Мадзини, но не имѣя ни его опытности, ни связей, онъ искалъ человѣка, который могъ бы научить его работать для освобожденія Италіи, и въ лицѣ Мадзини нашелъ такого человѣка. Это былъ Джузеппе Гарibaldi, будущій диктаторъ освобожденной Италіи. У обоихъ была одна великая цѣль и оба въ теченіе цѣлой жизни ни разу не измѣнили ей, но часто шли къ ней разными путями, часто не понимали другъ друга и становились почти во враждебныя отношенія другъ къ другу. Только тогда, когда часть ихъ задачи была уже выполнена, когда смерть одного изъ нихъ

заставила умолкнуть клеветниковъ, когда исчезло раздраженіе, вызывавшееся мелкими столкновеніями, — итальянцы поняли, что дѣятельность обоихъ не только вела къ одной и той же цѣли, но и въ одинаковой мѣрѣ способствовала достиженію ея.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этой первой встрѣчи Гарибальди уже покидаетъ Италію и Европу, приговоренный къ смерти. Его время еще не пришло; въ Италіи наступилъ длинный періодъ подготовительной работы, на которую былъ способенъ только Мадзини. Общество «Молодой Италіи» продолжало свою дѣятельность. Вступая въ среду общества, каждый членъ его клялся всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ Италія превратилась въ свободное, единое республиканское государство, пропагандировать идеи общества и примыкать къ каждому движенію, которое будетъ начато во имя этой программы. «Во имя Бога и Италіи, — такъ гласила написанная самимъ Мадзини формула клятвы; — во имя мучениковъ итальянскаго дѣла; врожденною всѣмъ людямъ любовью, которую я питаю къ странѣ, гдѣ родилась моя мать, гдѣ будутъ жить мои дѣти; ненавистью, которую я чувствую ко злу, къ узурпаціи, къ несправедливости и произволу; краскою стыда, которая разливается по лицу моему каждый разъ, когда въ присутствіи гражданина другой страны мнѣ приходится сознаваться, что у меня нѣтъ ни правъ, ни отечества, ни національнаго знамени; слезами итальянскихъ матерей, которыя оплакиваютъ сыновей своихъ, погибшихъ на плахѣ, въ тюрьмѣ или изгнаніи; страданіями миллионовъ людей — клянусь вполне и навсегда посвятить себя Италіи...» Итальянская молодежь, воспламененная пламеннымъ краснорѣчіемъ Мадзини, зачитывалась его журналомъ, число республиканскихъ кружковъ росло и по всей Италіи началось броженіе, которое то тамъ, то здѣсь прорывалось наружу въ видѣ разрозненныхъ попытокъ возстанія, вспыхивавшихъ въ различныхъ городахъ полуострова, но не приводившихъ еще ни къ какому практическому результату. Будучи самъ «неисправимымъ» республиканцемъ, Мадзини тѣмъ не менѣе не считалъ себя въ правѣ навязывать итальянской націи свою программу; онъ неутомимо проповѣдывалъ республиканскія идеи и всѣми силами старался убѣдить итальянцевъ, что только республика способна дать имъ прочныя гарантіи свободы, но всегда готовъ былъ подчиниться волѣ націи, еслибъ она высказалась за иную форму государственнаго строя. «Ассоціація не желаетъ навязывать націи свое собственное зна-

ня,—писалъ Мадзини, говоря о «Молодой Итали». — Когда нація будетъ свободна, она сама провозгласитъ свою священную, непоколебимую волю». Поэтому ближайшею цѣлью Мадзини было освобожденіе страны отъ иноземнаго ига,—освобожденіе во что бы то ни стало, хотя бы даже въ союзѣ съ монархіей. Потомъ, послѣ достиженія этой ближайшей цѣли, должна была начаться мирная, плодотворная работа для установленія свободы болѣе широкой,—такой свободы, «которая превратила бы націю въ братскій союзъ счастливыхъ людей, живущихъ собственнымъ трудомъ и коллективно трудящихся для общаго блага». Такова была итальянская программа Мадзини. Но для того, чтобы подобный идеалъ могъ быть осуществленъ въ одной странѣ, необходимо, чтобъ онъ встрѣтилъ помощь и сочувствіе среди другихъ націй, такъ какъ въ противномъ случаѣ общеевропейская реакція безъ труда задушила бы каждое единичное движеніе. Вотъ почему Мадзини старается пронагандировать свои идеи и внѣ Итали; вотъ почему, живя въ Швейцаріи, онъ пытается составить изъ изгнанныхъ различныхъ національностей международное общество «Молодой Европы», задача котораго должна была состоять въ распространеніи республиканскихъ идей во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Кромя Гарибальди врядъ ли кто-либо пользовался когда-нибудь такимъ громаднымъ влияніемъ на итальянское общество и въ особенности на молодежь, какъ Мадзини въ первый періодъ своей дѣятельности. Каждое слово этого человѣка, безусловно чистаго и безупречнаго въ своей частной и общественной жизни, было проникнуто такою вѣрой, такою безграничною любовью къ родинѣ, къ своему народу и всему человѣчеству, что даже теперь, когда читаешь его воззванія къ итальянскому народу, невольно поддаешься влиянію его обаятельнаго краснорѣчія. Мудрено ли, что тѣ, кого такъ близко касалось каждое слово этихъ воззваній,—тѣ, кто имѣлъ случай испытать на себѣ чарующее впечатлѣніе, которое производила на всякаго личность Мадзини,—готовы были смѣло идти за нимъ и жертвовали жизнью за свободу родины, которую онъ училъ ихъ любить больше всего на свѣтѣ.

Послѣ отъѣзда Гарибальди въ Америку Мадзини живетъ изгнанныкомъ въ Швейцаріи, въ Лондонѣ, но душа его—въ далекомъ отечествѣ; вдохновенная проповѣдь его не умолкаетъ, и во всѣхъ углахъ Итали молодежь жадно ловитъ каждое слово апостола свободы и національнаго единства. Братя Бандера,

воодушевленные этою проповѣдью, жертвуютъ жизнью въ безплодной, преждевременной попыткѣ возстанія; вся Италия волнуется; готовится движеніе 1848 года, и въ то время, какъ Гарибальди въ Америкѣ, во главѣ своего итальянскаго легіона, бьется за свободу чуждаго народа, Мадзини подготавливаетъ въ Италиі репутацію будущаго вождя ея, печатая подробенные отчеты о его подвигахъ. Но вотъ въ 1846 году на папскій престолъ вступаетъ Пій IX. Политическая амнистія и проекты либеральныхъ реформъ, ознаменовавшіе начало его царствованія, возбуждаютъ въ итальянскихъ патриотахъ самыя блестящія надежды и они готовы видѣть въ папѣ вождя національнаго единства. Гарибальди спѣшитъ въ Европу съ остатками своего легіона и предлагаетъ свою шпагу къ услугамъ папы. Мадзини, менѣе легковѣрный, пишетъ къ папѣ письмо и излагаетъ въ немъ ту политическую программу, исполненія которой ждутъ отъ него итальянцы. Шесть мѣсяцевъ спустя папа снимаетъ маслу—и иллюзіи итальянскихъ патриотовъ разрушены.

II.

1849 годъ. Папа бѣжалъ изъ своихъ владѣній. Римъ свободенъ. Национальное собраніе провозглашаетъ республику и римскій народъ избираетъ Мадзини въ число своихъ представителей. Для того, чтобы понять, съ какими чувствами Мадзини въѣзжалъ при такихъ условіяхъ въ ворота Вѣчнаго города, нужно знать, какое значеніе имѣлъ для него Римъ. Онъ твердо вѣрилъ, что Италия призвана Провидѣніемъ служить путеводною звѣздой народовъ по пути прогресса, «что ей суждено положить начало новой жизни и могучему союзу европейскихъ націй». А сердце Италиі было въ Римѣ. Римъ былъ для Мадзини тѣмъ же, чѣмъ Іерусалимъ былъ для крестоносцевъ. Вотъ въ какихъ словахъ самъ Мадзини передаетъ ощущенія, которыя онъ испытывалъ, вступая въ Римъ въ мартѣ 1849 года: «Римъ былъ мечтою моею юности, обновляющей идеей всѣхъ моихъ стремленій, праеугольнымъ камнемъ всего моего міросозерцанія, религіей души моею; и когда я въ этотъ памятный мартовскій вечеръ вступалъ въ ворота города, мною овладѣло глубокое чувство благоговѣнія, граничившее съ обожаніемъ. Римъ былъ для меня тѣмъ, чѣмъ остался и до сихъ поръ, несмотря на его глубокое паденіе,—храмомъ человѣчества. Настанетъ день, когда Римъ положитъ начало

религіозному перерожденію, которое въ третій разъ создастъ нравственное объединеніе Европы...»

Римскіе граждане удостоили великаго итальянскаго патріота высшей почести. Мадзини, Саффи и Армеллини были назначены членами триумvirата; на нихъ была возложена трудная задача управленія молодою республикой въ это тяжелое время. У воротъ Рима уже кипѣла битва. Французы высадились въ Чивита-Веккіа. Въ то время, какъ Мадзини неутомимо работаетъ въ городѣ, издавая декреты, ведя длинную переписку съ представителями французскаго правительства, заботясь о продовольствіи города и арміи, — Гарибальди, который также поспѣшилъ на помощь къ возставшему Риму, организуетъ защиту и собственнымъ примѣромъ одушевляетъ своихъ солдатъ. Какъ часто цеховые военные люди смѣялись надъ жалкими, оборванными волонтерами Гарибальди, надъ этимъ сбродомъ, составленнымъ изъ дѣтей и искателей приключеній, неумѣлыхъ, неопытныхъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ; а между тѣмъ эти жалкіе оборванцы во всѣхъ кампаніяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Гарибальди, дрались такъ, какъ не дерется ни одинъ наемный солдатъ, и одерживали побѣды, когда правильныя войска Виктор-Эмануила обращались въ постыдное бѣгство. Въ числѣ волонтеровъ Гарибальди находилось даже не мало такихъ, которыхъ прошлое было далеко не безупречно, но онъ утверждалъ, что любовь къ отечеству искупаетъ все. Вліяніе Гарибальди на своихъ солдатъ было изумительно. Одинъ видъ его фигуры, величаво-спокойной и увѣренной въ самыя критическія минуты, электризовалъ и воодушевлялъ даже труса. Во время битвы онъ не знаетъ страха, хладнокровно слѣдитъ за ходомъ сраженія подъ градомъ пуль, а если нужно, и самъ, впереди всѣхъ, бросается на приступъ непріятельской позиціи. Въ битвы онъ такой же плебей, какъ и его солдаты, самъ сѣдлаетъ свою лошадь, спитъ на голой землѣ съ сѣдломъ подъ головой и наравнѣ со всѣми выноситъ лишения и тягости похода. Въ военной дисциплины онъ братъ и товарищъ солдата. Вотъ почему, независимо отъ его стратегическаго таланта, ему удавалось совершать такіа чудеса; вотъ почему онъ съ горстью храбрецовъ, проникнутыхъ идеей освобожденія родины, обращалъ въ бѣгство цѣлыя войска и бралъ неприступныя крѣпости. Гарибальди былъ богомъ своихъ солдатъ; отличиться, умереть у него на глазахъ за отечество, за Италію, въ пылу воинственнаго одушевленія, казалось

многимъ изъ нихъ высшимъ счастьемъ, и люди спокойно шли на смерть и умирали съ гордою улыбкой, прокричавъ въ послѣдній разъ: «Да здравствуетъ Италия! Да здравствуетъ Гарибальди!»

Мы не станемъ описывать осаду Рима и геройскую роль, которую игралъ въ его оборонѣ Гарибальди. Бъ несчастью, онъ не былъ главнокомандующимъ римскихъ войскъ и принужденъ былъ подчиняться другому лицу, которому, какъ оказалось, такая задача была совсѣмъ не по плечу. Уже въ началѣ юня Гарибальди зналъ, что Римъ не въ силахъ будетъ долго держаться, что ему оставалось только пасть съ честью. Наконецъ ночью 21-го юня французы овладѣли брешью и проникли въ городъ. Ужасная вѣсть, несмотря на ночное время, распространилась съ быстротою молніи; по всему городу загудѣлъ набатъ; улицы мгновенно наполнились народомъ; всѣ спѣшили на Яникульскій холмъ, гдѣ собрались главнокомандующій, военный министръ, Гарибальди и другіе сановники республики. Народъ съ оружіемъ въ рукахъ требовалъ, чтобы Гарибальди тотчасъ организовалъ колонну изъ городскихъ жителей и немедленно отбросилъ непріятеля за предѣлы городской черты. Но Гарибальди воспротивился этому проекту, который былъ вполнѣ одобренъ главнокомандующимъ, Розелли; онъ понималъ, что Римъ не въ состояніи будетъ держаться, что гибель его зависѣла не столько отъ взятія брешни, сколько отъ торжества реакціи во Франціи. Еслибы даже удалось въ эту ночь выгнать непріятеля изъ Рима, исходъ войны былъ бы несомнѣненъ. Тѣмъ не менѣе Гарибальди рѣшился бы на этотъ шагъ, еслибы не былъ увѣренъ, что съ безпорядочною толпой, совершенно не привыкшею къ огню, среди темной ночи, атака кончится всеобщою паникой и бесполезнымъ кровопролитіемъ. Въ виду этого онъ настоялъ, чтобы военныя дѣйствія были отложены до утра. На другой день, послѣ перваго неудачнаго приступа, онъ окончательно убѣждается, что защищаться долѣе невозможно, и велитъ отступать, несмотря на то, что народъ желаетъ битвы до послѣдней крайности. «Римъ погибъ, но погибъ послѣ чудной, геройской защиты,—говоритъ Гарибальди въ своемъ мемуарахъ.—Паденіе Рима послѣ такой осады было равносильно торжеству демократіи во всей Европѣ. У насъ оставался только одинъ исходъ — прорваться сквозь цѣпь непріятелей и, подобно Сципіону, перевести войну на Барбагенъ. Нашимъ Барбагеномъ былъ Неаполь...»

Какъ жестоко ошибались тѣ, кто видѣлъ въ Гарибальди простаго авантюриста, кондотьери, для котораго война была цѣлью жизни, наслажденіемъ, кто считалъ его безразсуднымъ, отчаяннымъ храбрецомъ, готовымъ проливать кровь своихъ согражданъ, какъ воду, изъ любви къ войнѣ, къ опасностямъ, къ смѣлымъ предпріятіямъ!... Никто глубже его не чувствовалъ всѣхъ ужасовъ войны, которая отняла у него лучшихъ друзей, его жену, его дорогую Аниту. Сердце его обливалось кровью, когда на глазахъ его гибли тысячи молодыхъ людей. Не даромъ даже въ счастливыя минуты, въ дни апогея его славы, среди привѣтствій восторженной толпы, среди дружеской бесѣды лицо его такъ часто омрачалось выраженіемъ глубокаго горя. Въ эти минуты передъ глазами его проносились кровавыя картины, которыми была такъ богата его боевая жизнь. Онъ никогда не былъ солдатомъ въ душѣ; онъ ненавидѣлъ войну. Только пламенная любовь къ родинѣ, пламенная ненависть къ ея угнетателямъ влекли его на поле битвы; но лишь только кончалась война, онъ снѣшился на свою одинокую Капреру и съ любовью отдавался мирной семейной жизни, занимался земледѣіемъ, охотой, читалъ, работалъ. Онъ никогда не считалъ войну своимъ ремесломъ. Когда, незадолго до смерти, ему пришлось, ради узаконенія двухъ младшихъ дѣтей своихъ, совершить обрядъ гражданскаго брака съ послѣдней своею женой, онъ съ полнымъ правомъ могъ отвѣтить на обычный вопросъ о профессіи: «Я—земледѣлецъ». Въ военнаго времени никто никогда не видалъ на немъ оружія. «Я не солдатъ,—отвѣтилъ онъ итальянцамъ, подносившимъ ему почетную шпагу;—я не люблю военнаго ремесла. Увидавъ, что въ отцовскій домъ мой ворвались разбойники, я вооружился, чтобы прогнать ихъ. Я—работникъ. Предки мои были работниками, и я горжусь этимъ».

Восемь дней еще длилась агонія Рима. Французскія пушки гремѣли день и ночь, разрушая вѣковые намятники, роскошныя дворцы и жилища бѣдняковъ. Матери съ грудными дѣтьми на рукахъ принуждены были скитаться ночью безъ убѣжища. Плачь, крикъ, стоны умирающихъ наполняли воздухъ, заглушаемые ревомъ пушекъ... Но никому и въ голову не приходила мысль о счастьи города. Улицы были буквально устѣяны изуродованными трупами; всѣ безъ исключенія артиллеристы были перебиты на римскихъ батареяхъ и замѣнены простыми линейными солдатами. Національное собраніе объявило свои засѣданія непрерывными и

и продолжало вѣдать общественныя дѣла погибающаго города подъ пулями и ядрами. 29-го іюня, послѣ страшной бомбардировки, длившейся до полуночи, силы осажденных были окончательно истощены. Въ полночь непріятельскія пушки наконецъ умолкли и въ продолженіе двухъ часовъ надъ городомъ стояла мертвая тишина. Въ 2 часа утра послышались три пушечныхъ выстрѣла. Часовые дали тревогу. Французы врывались въ городъ съвозъ новую брешь близъ воротъ Св. Панкратія. Гарибальди во главѣ небольшого отряда бросился на встрѣчу непріятелю. «Признаюсь,—говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—что въ эту минуту я потерялъ всякую вѣру въ будущее и имѣлъ только одно желаніе—умереть въ бою. Я бросился со своимъ отрядомъ на французовъ. Что было потомъ, я не знаю. Въ продолженіе двухъ часовъ я дрался, какъ бѣшеный. Когда настало утро, я весь покрытъ былъ кровью. У меня не было ни одной раны: Это было настоящее чудо». — «Въ эту ночь,—пишетъ историкъ Вежки, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ защитниковъ Рима,—Гарибальди былъ величественнѣе, чѣмъ когда-либо. Его мечъ сверкалъ какъ молнія; всякій, на кого онъ опускался, падалъ мертвымъ. Кровь новаго противника смывала кровь предыдущаго. Это былъ Леонидъ при Термопилахъ, Феручіо передъ замкомъ Гависсаны. Я каждую минуту съ трепетомъ ждалъ его смерти,—но, нѣтъ, онъ оставался на ногахъ, неуязвимый, непоколебимый, какъ рокъ».

Среди этой рѣзни на мѣсто битвы прибываетъ вѣстникъ изъ національнаго собранія. Гарибальди требуютъ въ Капитолій. Это было его спасеніемъ; онъ искалъ смерти и несомнѣнно былъ бы убитъ, еслибы долѣе оставался на полѣ битвы. «Когда я появился въ дверяхъ залы, — рассказываетъ Гарибальди, — всѣ депутаты поднялись со своихъ мѣстъ и привѣтствовали меня аплодисментами. Не понимая, что могло вызвать въ нихъ такой необыкновенный энтузіазмъ, я сталъ искать причины его вокругъ себя и на себѣ. Я весь покрытъ былъ кровью, моя одежда была пронизана пулями и изодрана штыками; согнувшаяся отъ долгой работы сабля только на половину входила въ ножны». Что дѣлать? Какъ поступить въ эту послѣднюю, отчаянную минуту?... Таковы были мучительные вопросы, которые задавало себѣ національное собраніе. Эти же вопросы были заданы и Гарибальди. «Покинуть Римъ во главѣ всѣхъ вооруженныхъ волонтеровъ, которые захотятъ за нами послѣдовать,—отвѣтилъ онъ.—Тамъ, гдѣ будемъ мы, будетъ и Римъ!» Это же предложеніе раньше его было сдѣ-

лаво Мадзини, но большинство собранія отвергло его, не рѣшившись принять на свою отвѣтственность такой отчаянный шагъ послѣ всѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя принесло уже население города. Послѣ короткаго совѣщанія собраніе вотировало слѣдующій декретъ: «Во имя Бога и народа! Учредительное собраніе прекращаетъ оборону, которая сдѣлалась невозможною, и остается на своемъ посту». Все было кончено. 2-го іюля Гарибальди собралъ на площади Ватинана своихъ волонтеровъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею краткою рѣчью: «Солдаты! я предлагаю вамъ голодъ, жажду, утомленія, опасность, смерть. Отечество зоветъ насъ. Кто слѣдуетъ за мною?»—4.500 человекъ откликнулись на этотъ призывъ, и во главѣ ихъ Гарибальди началъ новую Одиссею. Но съ паденіемъ Рима пало и всеобщее одушевленіе, которое овладѣло было итальянскими народами. Тщетно Гарибальди старается поднять возстаніе въ Тосканскихъ владѣніяхъ,—число его волонтеровъ уменьшается съ каждымъ днемъ. Наконецъ, онъ отводитъ ихъ въ республику Санъ-Марино, распускаетъ здѣсь большинство своего войска, а самъ съ сотнею храбрецовъ пробивается сквозь ряды австрійцевъ и на ихъ глазахъ пускается въ море на тринадцати лодкахъ... Впереди его ждало новое горе—смерть обожаемой жены его, героической Аниты, которая пріѣхала къ нему въ Римъ на восьмомъ мѣсяцѣ беременности и не разставалась съ нимъ вплоть до послѣдней минуты; а потомъ—плѣнъ и необходимость покинуть родину...

А Мадзини?... Пока гремѣла битва, пока Гарибальди стоялъ надъ пулями, триумвирать, душою котораго былъ Мадзини, работалъ съ лихорадочною энергіей. Организанія защиты и продовольствія, безпрерывныя дипломатическія сношенія съ непріятелемъ, казалось, должны бы были поглощать все время триумвировъ, а между тѣмъ они находили время позаботиться и о повседневныхъ интересахъ народа. Декретъ о раздачѣ государственныхъ земель наиболѣе нуждающимся земледѣльцамъ, декретъ объ устройствѣ даровыхъ квартиръ для бѣднаго населенія города въ помѣщеніяхъ миввизціи и многія другія распоряженія показывали, какова была бы въ будущемъ дѣятельность новаго правительства, еслибы римская республика восторжествовала. Гуманность, терпимость даже по отношенію къ врагамъ—вотъ тѣ принципы, которые руководили триумвирами республики, и въ особенности Мадзини, въ продолженіе всей ихъ короткой дѣятельности. «Римляне! неаполитанскіе плѣнники—первый залогъ

побѣды въ стѣнахъ города,—такъ гласилъ декретъ триумvirата послѣ первой побѣды надъ неаполитанскимъ войскомъ, которое выступило на защиту папы.—Во имя Бога и народа, личности ихъ должны быть для насъ священны... Докажите имъ, что римляне умѣютъ не только побѣждать, но и прощать. Да здравствуетъ республика!» А два дня спустя былъ уже обнародованъ слѣдующій декретъ относительно французскихъ плѣнниковъ: «Принимая во вниманіе, что Римъ и французскій народъ не воюютъ и не могутъ воевать другъ съ другомъ; принимая во вниманіе, что Римъ во имя права и долга защищаетъ свою независимость, но оплакиваетъ всякое нападеніе, направленное противъ обѣихъ республикъ, какъ преступленіе противъ священныхъ для каждой изъ нихъ принциповъ,—триумvirатъ постановляетъ: 1) французы, взятые въ плѣнъ 30 апрѣля, свободны и будутъ отосланы во французскій лагерь; 2) римскій народъ сегодня, въ полдень, братски простится съ храбрыми солдатами французской республики, нашей сестры».

Когда національное собраніе вотировало прекращеніе обороны и возложило на триумvirатъ обязанность вступить въ переговоры съ французскимъ генераломъ, Мадзини отказался наотрѣзъ, заявивъ, что онъ былъ избранъ для того, чтобы защищать республику, а не разрушать ее, и подалъ въ отставку. Саффи и Аршеллини послѣдовали его примѣру. Мадзини не могъ понять, не хотѣлъ допустить, чтобы Римъ, этотъ вѣчный, святой городъ, былъ не въ силахъ сопротивляться. Рѣшеніе собранія казалось ему преступною трусостью, граничившею съ измѣной. На слѣдующій день онъ отправилъ въ собраніе свой протестъ: «Въ послѣднюю, рѣшительную минуту,—писалъ онъ,—вы измѣнили своей миссіи,—вы измѣнили, сами того не подозрѣвая, великой итальянской идеѣ, выразителемъ которой былъ Римъ. Какъ избранникъ народа, я торжественно протестую передъ вами, передъ лицомъ народа, передъ лицомъ Бога». Послѣ того, какъ французы заняли Римъ, Мадзини, обруженный врагами изъ реакціонной партіи, еще болѣе недѣли остается въ городѣ, несмотря на убѣжденія друзей, умолявшихъ его позаботиться о своей безопасности. Дѣло въ томъ, что въ католическихъ и французскихъ журналахъ появился рядъ вымысловъ относительно террора, который будто бы былъ организованъ Мадзини въ Римѣ во время осады, и Мадзини рѣшилъ остаться въ городѣ, чтобы враги его не имѣли повода говорить, что онъ укрылся бѣгствомъ отъ мести своихъ

жертвъ. И во всемъ Римѣ, въ присутствіи французскаго войска, не нашлось ни одного человѣка, который рѣшился бы выдать трибуна, хотя была полная возможность сдѣлать это тайно, не рискуя ничѣмъ. «Я не имѣлъ духа поинуть Римъ, — говорилъ Мадзини. — Съ душою полною той глубокой тоски, которую долженъ испытывать человѣкъ, присутствующій на похоронахъ своей возлюбленной, присутствовалъ я при распущеніи собранія, при отъѣздѣ членовъ правительства, отправлявшихся въ изгнаніе. Я помню, какъ друзья умоляли меня уѣхать изъ Рима и поберечь себя для болѣе счастливыхъ дней. Ахъ, еслибъ я въ то время думалъ только о самомъ себѣ, еслибъ я могъ предвидѣть неблагодарность и одиночество, которыя ожидали меня въ будущемъ, я бы сказалъ имъ: если вы меня любите, дайте мнѣ умереть вмѣстѣ съ Римомъ!» Наконецъ онъ уѣхалъ, и снова потянулись тяжелые дни изгнанія, лихорадочной работы, томительнаго ожиданія и горькихъ разочарованій...

III.

Теперь работа сосредоточивалась въ Ломбардіи. Мадзини — то въ Лондонѣ, то въ Швейцаріи, то на родинѣ, среди друзей и враговъ — агитируетъ, организуетъ, ведетъ дѣятельную пропаганду, пишетъ, говоритъ, и въ Ломбардіи возникаетъ обширная ассоціація рабочихъ, ближайшая цѣль которой — опять-таки освобожденіе, единство Италіи. Въ 1853 году — неудачная попытка возстанія въ Миланѣ, въ 1857 году — геройская экспедиція Пизакане, возмущенія въ Генуѣ и Ливорно, и вездѣ душою движенія — Мадзини, этотъ удивительный, желѣзный человѣкъ, который не знаетъ усталости, котораго не въ силахъ сломить никакія преслѣдованія, никакія неудачи. «Дѣйствуйте, дѣйствуйте, во что бы то ни стало!» — таковъ былъ его девизъ, и въ этой неуспѣшной, неутомимой дѣятельности заключается въ значительной долѣ причина того громаднaго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ соотечественниковъ. Ни на минуту не давалъ онъ заснуть итальянскому обществу, ни на минуту не позволялъ забыть итальянцамъ, что ихъ родина еще не свободна, что единство Италіи еще не осуществилось. Послѣ самыхъ жестокихъ поражений, когда въ Италіи партія дѣйствія падала духомъ, а Гарibaldi удалялся на Капреру и терпѣливо ждалъ новаго благоприятнаго момента, горячая проповѣдь Мадзини не умолкала, обод-

ряла, будила, воспаляла. По всѣмъ городамъ Италіи, въ Лондонѣ, во всей Англіи Мадзини агитировалъ въ пользу объединенія Италіи, собиралъ деньги, организовалъ комитеты для доставленія оружія, и когда наступило время дѣйствія, когда Гарибальди покидалъ свой островъ,—все уже было готово: деньги, оружіе, люди. Вліяніе Мадзини было такъ велико въ Италіи, что даже Викторъ-Эмануилъ, уступившій давленію общественнаго мнѣнія и рѣшившійся объявить войну Австріи, добивался его содѣйствія и вступилъ съ нимъ въ переговоры. И Мадзини не прочь содѣйствовать даже Виктору-Эмануилу; онъ добивается прежде всего объединенія Италіи и готовъ поступиться своею республиканскою программой, готовъ поддерживать монархію, лишь бы она искренно и энергично взялась за выполнение своей объединительной миссіи. Но онъ плохо вѣритъ въ искренность пьемонтскаго правительства, зорко слѣдитъ за его дѣйствіями и всегда готовъ порвать союзъ, когда убѣждается, что союзникъ не исполняетъ своихъ обѣщаній. Въ то время, какъ довѣрчивый Гарибальди весь отдается плану освобожденія Италіи подъ знаменемъ Виктора-Эмануила и спѣшитъ принять участіе въ войнѣ противъ Австріи, Мадзини, за шесть мѣсяцевъ до обнародованія договора объ уступкѣ Ниццы и Савойи Наполеону, печатаетъ и распространяетъ условія этого договора, предостерегая итальянцевъ противъ союза съ пьемонтскимъ правительствомъ. «Наполеонъ требуетъ Ниццы и Савойи для себя,—писалъ онъ,—неаполитанскаго трона для Мюрата и престола центральной Италіи для своего двоюроднаго брата. Бавуръ согласился на эти условія».

Исходъ войны съ Австріей извѣстенъ. Австрійцы были разбиты, миръ заключенъ. Но сильно разочаровались патріоты, мечтавшіе, что дрались за освобожденіе Италіи: Венеція осталась въ рукахъ Австріи, герцоги моденскій и тосканскій снова были утверждены въ своихъ владѣніяхъ, Болонья была возвращена напѣ и, наконецъ, Савойя и Ницца перешли къ Франціи. Но пьемонтское правительство ошиблось, рассчитывая, что возбужденный надеждами итальянскій народъ молча помирится съ такимъ исходомъ войны. Центръ Италіи снова поднимается. Тоскана и Болонья отказываются принять прежнія правительства и желаютъ присоединиться къ Пьемонту. Король сначала колеблется, боясь Наполеона, но наконецъ принужденъ уступить общественному мнѣнію и принять въ составъ своего королевства эти

новыя территоріи. Мадзини дѣлаеть новую попытку итальянизировать войну и склонить короля открыто провозгласить освобожденіе всей Италіи, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться борьбою изъ-за отдѣльныхъ провинцій. «Партіи исчезнутъ,—писалъ онъ королю,—останутся только Италія и вы». Планъ его былъ слѣдующій: король станетъ во главѣ движенія центра и провозгласитъ единство Италіи; Гарибальди восстанетъ въ Неаполь, который не замедлитъ подняться и присоединиться къ Пьемонту. Такимъ образомъ вся Италія соберется около короля, онъ будетъ располагать войскомъ въ 500.000 человекъ и сможетъ дать отпоръ всякому вѣнскому вѣшателю въ дѣла Италіи. Викторъ-Эмануилъ нѣсколько времени колебался и, наконецъ, отказалъ. Тогда Мадзини рѣшился дѣйствовать самостоятельно и, если возможно, въ союзѣ съ Гарибальди. Но и Гарибальди вначалѣ скептически отнесся къ смѣлому плану Мадзини поднять югъ Италіи и затѣмъ идти на Римъ; онъ называлъ его «мадзиніанскою мечтой» и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Тѣмъ не менѣе Мадзини не покинулъ своего плана и одинъ съ своими друзьями сталъ готовить экспедицію, которая должна была отправиться въ Сицилію подъ начальствомъ двухъ республиканцевъ—Розалино Пило и Квадріо. Тогда не вытерпѣлъ и Гарибальди; онъ общалъ присоединиться къ движенію и 11-го мая 1860 года дѣйствительно высадился въ Марсали, на западномъ берегу Сициліи, со своею знаменитой «тысячью». Во главѣ отряда развѣвалось трехцвѣтное знамя съ надписью «Italia e Vittorio Emanuele». По убѣжденіямъ Гарибальди не былъ монархистомъ,—и онъ тоже мечталъ о республикѣ,—но при настоящихъ условіяхъ считалъ своею обязанностью поддерживать Виктора-Эмануила, такъ какъ вѣрилъ въ его искренность и былъ убѣжденъ, что республиканская партія одна не въ силахъ будетъ осуществить трудное дѣло объединенія Италіи. Даже Мадзини еще разъ рѣшился пожертвовать своею республиканскою программой, чтобы въ союзѣ съ Гарибальди и подъ знаменемъ Виктора-Эмануила добиться перваго и главнаго условія освобожденія родины — единства. «Братья,—писалъ онъ своимъ сицилійскимъ друзьямъ въ мартѣ 1860 г.,—теперь не время разсуждать о республикѣ или монархіи; на очереди стоитъ вопросъ о національномъ единствѣ, о жизни или смерти». «У меня нѣтъ никакихъ республиканскихъ замысловъ,—пишетъ онъ въ іюль того же года одному изъ своихъ друзей.—Брикъ: «да здравствуетъ республика!»—по-

казался бы мнѣ при теперешнихъ условіяхъ преступленіемъ. Я выполняю мирную съ настоящею постановкою дѣла».

Передъ горстью героевъ, плохо вооруженныхъ, непривычныхъ къ военной дисциплинѣ, какъ пыль разлетаются стройные полки непріятели, который былъ въ десять разъ сильнѣе ихъ. «*Qui si fa l'Italia una o si muore!*»—восклицаетъ Гарибальди, бросающъ впереди всѣхъ на приступъ вѣрности Балатафини, и эта мысль, казалось, дѣйствительно одушевляла каждаго изъ его солдатъ и превращала его неопытное войско въ непобѣдимую армію. Походъ «тысячи» былъ апогеемъ славы Гарибальди: каждаго одушевляла увѣренность въ побѣду, въ осуществленіи завѣтнаго объединенія Италіи; каждый шелъ на смерть какъ на праздникъ. При Балатафини окончательно рѣшена была судьба экспедиціи: послѣ такой побѣды неудача была невозможна; вся страна трепетала отъ восторга и рвалась на помощь къ освободителямъ. «Балатафини!—писалъ Гарибальди много лѣтъ спустя,—если въ послѣднія минуты моей жизни друзья увидятъ на устахъ моихъ послѣднюю торжествующую, гордую улыбку, она будетъ вызвана воспоминаніемъ о тебѣ; ты была самою славною побѣдой народа...» Передъ Палермо героица ожидала армія въ 24.000 человекъ, сильная артиллерія и эскадра. Но рѣшеніе Гарибальди непоколебимо. «*O demania Palermo, o morti!*»—и въ его устахъ такія слова—не пустая фраза. 27-го мая онъ—въ Палермо. Сицилія свободна. Гарибальди провозглашаетъ себя диктаторомъ.

А Мадзини неумоимо работаетъ въ Италію, набираетъ волонтеровъ, собираетъ деньги, отправляетъ въ Сицилію людей и оружіе. И Гарибальди, и Мадзини, каждый въ своей сферѣ, въ одинаковой степени были душою этого движенія; но на долю Гарибальди выпала блестящая, славная роль: его имя было на всѣхъ устахъ, онъ переходилъ отъ одного торжества къ другому, и всюду населеніе съ восторгомъ привѣтствовало его, какъ освободителя; а Мадзини, все еще осужденный на смерть тѣмъ самымъ правительствомъ, для котораго онъ вмѣстѣ съ Гарибальди ковалъ новую корону, въ сторонѣ отъ этого блестящаго праздника объединенія Италіи дѣлалъ свое трудное дѣло и въ награду пожиналъ клевету. Умѣренная партія боялась этого пламеннаго республиканца и всюду распространяла слухъ, что Мадзини тайно конспирируетъ противъ Гарибальди и готовитъ республиканское движеніе. Это было даже отчасти причиною, почему онъ не поѣхалъ въ Сицилію къ Гарибальди, хотя всею

душой рвался туда. Онъ понималъ, что его мѣсто—не на полѣ битвы, и, кромѣ того, боялся даже повредить успѣху дѣла своимъ присутствіемъ, такъ какъ враги не замедлили бы указать на его отъѣздъ, какъ на новое доказательство какихъ-то тайныхъ замысловъ.

19 августа Гарibaldi переправился въ Калабрию. Въ неаполитанскомъ войскѣ царствовала страшная деморализація; въ теченіе трехъ недѣль изъ рядовъ его выбыло 40.000 человекъ. Это была цѣлая армія, побѣжденная однимъ звукомъ имени Гарibaldi. Наконецъ, 10 сентября Гарibaldi, опередивъ свое войско, одинъ, въ сопровожденіи десяти человекъ свиты, въѣзжаетъ въ ворота Неаполя, занятого непріятельскимъ гарнизономъ въ 14.000 человекъ. Но что значилъ этотъ гарнизонъ, когда на улицы города высыпало все населеніе Неаполя, ждавшее Гарibaldi какъ избавителя, какъ бога, какъ воплощеніе итальянскаго единства?... При появленіи его восторгу не было предѣловъ; всякій рвался взглянуть на обожаемаго вождя, коснуться края его одежды; всѣ ликовали, плакали отъ радости и умиленія. Въ теченіе десяти часовъ сряду не умолкали восторженные демонстраціи толпы. Гарibaldi, который тотчасъ по прибытіи въ Неаполь долженъ былъ заняться не терпѣвшими отлагательства государственными дѣлами, принужденъ былъ безпрестанно отрываться отъ работы и показываться въ окнѣ, чтобы нѣсколько успокоить толпу, которая не могла насмотрѣться на своего идола. Около восьми часовъ вечера, когда ликованіе и крики, казалось, достигли крайнихъ предѣловъ, фра Пантолео, францисканскій монахъ, присоединившійся къ Гарibaldi въ Сициліи и сопровождавшій его въ Неаполь, появился на балконѣ и объявилъ народу, что генералъ усталъ и легъ спать. Крики тотчасъ смолкли. «Отецъ нашъ спитъ»,—говорили другъ другу неаполитанцы шепотомъ, и огромная толпа молча разошлась. Ни одного крика не слышалось болѣе, но всѣ поднимали вверхъ указательный палецъ. Это былъ нѣмой символъ единства Италіи, равносильный восклицанію: «Viva l'Italia una!»

Но Мадзини не могъ удовлетвориться освобожденіемъ Сициліи и Неаполя. Безъ Рима единство Италіи для него невысказано. И вотъ онъ снова агитируетъ, вербуетъ волонтеровъ и всѣми силами старается склонить короля не терять времени и двинуться въ Римъ. Но Викторъ-Эмануилъ все еще боялся Мадзини и устами одного изъ своихъ министровъ даже публично заявилъ,

что не может войти съ нимъ въ союзъ, такъ какъ цѣль его въ сущности—не освобожденіе Рима, а провозглашеніе республики. Отряды Мадзини, готовые къ выступленію въ Римъ, были задержаны правительственными войсками и принуждены были направиться къ Неаполю. Негодованіе Мадзини не знало предѣловъ. «Такъ дѣйствуйте же,—говоритъ онъ въ открытомъ письмѣ къ монархической партіи,—чего вы боитесь? Республики?—Нѣтъ: мы вамъ всегда говорили, что еслибы даже сочли своимъ долгомъ конспирировать въ пользу республики, то предупредили бы васъ о нашихъ намѣреніяхъ. Нашего личнаго честолюбія?—Нѣтъ: вы знаете, что лишь только объединеніе Италіи осуществится, хотя бы подъ знаменемъ монархіи, мы добровольно вернемся въ изгнаніе... Такъ знайте же, что мы не уступимъ никогда. Мы сильны и рѣшились дѣйствовать во что бы то ни стало. Народъ намъ сочувствуетъ. Если вы побѣдите насъ въ одномъ мѣстѣ, мы поднимемся въ другомъ. Мы хотимъ единства Италіи. Если и вы стремитесь къ той же цѣли, мы будемъ съ вами,—если нѣтъ, мы будемъ съ Италіей».

Въ римскихъ владѣніяхъ вспыхиваетъ возмущеніе, и Гарибальди издаетъ прокламацію, въ которой заявляетъ, что намѣренъ двинуться въ Римъ. Пьемонтское правительство всполошилось. «Если мы не будемъ въ римской области прежде Гарибальди,—писалъ Бавуръ Талеярану,—то мы пропали». — «Если вы черезъ три недѣли не двинетесь въ Римъ,—въ свою очередь пишеть Мадзини къ Гарибальди,—то ваши начинанія будутъ бесполезны». Но было уже поздно: Гарибальди не могъ привести въ исполненіе своего плана,—въ Умбрію и Марки двинулось королевское войско, посланное, по словамъ самого короля, «для разсѣянія этого сборища людей всякихъ странъ и разныхъ націй, которое составилось здѣсь, представляя собою новый видъ иноземнаго вмѣшательства и худшій изъ всѣхъ прочихъ»,—противъ этого сборища людей, завоевавшаго для Виктора - Эмануила цѣлое королевство. Мадзини посѣдѣлъ въ Неаполь и началъ агитировать въ пользу римской экспедиціи. Но клевета сдѣлала свое дѣло. Въ Неаполѣ Мадзини встрѣтили съ недоверіемъ и даже искренніе патріоты сторонились отъ него, какъ отъ непримиримаго республиканца, котораго вмѣшательство способно только повредить дѣлу національнаго объединенія. Наконецъ, потерявъ послѣднюю надежду организовать римскій походъ, Мадзини, не дождавшись прибытія короля, покинулъ Неаполь.

Остатки неаполитанской арміи побѣждены въ блестящей, рѣшительной битвѣ при Вольтурно. Гарibaldi, несмотря на совѣты Мадзини и многихъ изъ своихъ друзей, убѣждавшихъ его не уступать завоеванныхъ провинцій королю, пока не осуществилось объединеніе Италіи, организуетъ плебисцитъ. Народъ высказывается огромнымъ большинствомъ въ пользу присоединенія къ пьемонтскому королевству; Гарibaldi слагаетъ съ себя диктатуру и ѣдетъ на встрѣчу къ королю, который спѣшитъ въ Неаполь, чтобы принять изъ рукъ его новую корону. Блестящая свита короля холодно, чуть не съ пренебреженіемъ, встрѣтила этого страннаго генерала въ фантастическомъ плебейскомъ нарядѣ, но за то крестьяне, сбѣжавшіе со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотреть на своего освободителя, въ свою очередь не обращали вниманія на короля, и какъ ни старался Гарibaldi заставить ихъ привѣтствовать своего новаго монарха, по всему пути къ Неаполю Викторъ - Эмануилъ слышалъ только восторженные крики: «Viva Calibardo!» Нѣсколько дней спустя Гарibaldi удалился на Капреру. Сложивъ съ себя власть, всемогущій диктаторъ увозилъ съ собою на свой островъ пятьдесятъ лиръ и мѣшокъ бобовъ, которыми онъ намѣревался засѣять на Капрерѣ свое поле.

IV.

Впереди его ждали горькія разочарованія: бесплодная борьба въ парламентѣ, гдѣ онъ является депутатомъ отъ Неаполя, бесплодная попытка экспедиціи въ Венецію, неудавшаяся благодаря внимательству итальянскаго правительства, и, наконецъ, злополучное, постыдное дѣло при Аспромонте, гдѣ Гарibaldi падаетъ, пораженный итальянскою пулей, тяжело раненный солдатами того самаго правительства, для котораго собирался завоевать еще Римъ. Мадзини въ это время жилъ въ итальянской Швейцаріи, въ Лугано. «Всякій, кто бы услышалъ крикъ, который вырвался у него при этомъ извѣстіи, — рассказываетъ одинъ изъ его друзей, — не могъ бы долѣ сомнѣваться въ глубокой привязанности его къ Гарibaldi, несмотря на всѣ существовавшія между ними разногласія».

Около двухъ лѣтъ спустя, когда Гарibaldi посѣтилъ Англію, англійскій народъ показалъ, какъ онъ умѣетъ цѣнить героя, котораго итальянское правительство отблагодарило пулями и тюрьмой. Такого приѣма, какой Гарibaldi встрѣтилъ въ Лон-

донѣ весной 1864 года, никогда не удостоивалась въ этой странѣ ни одна коронованная особа. Въ Соутгамптонѣ ему была устроена пышная торжественная встрѣча, въ которой принимали участіе цвѣтъ англійской аристократіи, муниципалитеты многихъ городовъ и депутаціи отъ рабочихъ ассоціацій. Въѣздъ его въ Лондонъ былъ такою триумфальною процессіей, какой, быть-можетъ, никогда еще не видала столица Англии. Шестъ часовъ ѣхала его коляска по улицамъ Лондона, останавливаясь на каждомъ шагу среди тѣсной толпы народа, которая сопровождала героя итальянской независимости оглушительными криками. Женщины поднимали своихъ дѣтей, чтобы дать имъ взглянуть на Гарибальди. «God bless you, Garibaldi! God bless you!»—кричалъ народъ и на всѣхъ лицахъ изображался искренній, неподдѣльный восторгъ. Всѣ эти люди, для личнаго благосостоянія которыхъ Гарибальди, разумѣется, не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ровно ничего, смутно понимали, что этотъ человѣкъ въ плебейскомъ нарядѣ—самъ плебей, сынъ народа и боецъ за народныя права; что между нимъ и тѣми, для которыхъ война есть ремесло, нѣтъ ничего общаго; что этотъ знаменитый полководецъ, пролившій такъ много крови, только и мечтаетъ о такомъ будущемъ, когда всѣ силы чело-вѣчества будутъ посвящены мирному труду. Въ это время въ Лондонѣ жилъ Мадзини. Гарибальди, конечно, поспѣшилъ посѣтить его, а нѣсколько дней спустя они встрѣтились на данномъ въ честь Гарибальди обѣдѣ. Когда всѣ усѣлись за столъ, Мадзини первый всталъ со стаканомъ въ рукѣ. «Мой тостъ, — сказалъ онъ, —будетъ заключать въ себѣ все то, что намъ дорого, за что мы боремся. Пью за свободу народовъ, пью за дружескій союзъ народовъ, пью за того чело-вѣка, который своею дѣятельностью служитъ живымъ воплощеніемъ этихъ великихъ идей, — за Гарибальди!...» Затѣмъ всталъ Гарибальди и сказалъ, поднимая стаканъ съ *марсалой*: «Я намѣренъ сдѣлать заявленіе, которое долженъ былъ сдѣлать уже давно: здѣсь есть человѣкъ, который оказалъ огромныя услуги моей родинѣ и дѣлу свободы. Когда я былъ молодъ, когда мною руководили лишь смутныя, неопредѣленныя стремленія, я искалъ чело-вѣка, который могъ бы помогать мнѣ совѣтомъ и руководить мною въ молодые годы. Я искалъ его, какъ жаждущій ищетъ воды. И я нашелъ такого чело-вѣка. Въ немъ одномъ сохранился священный огонь; онъ одинъ бодрствовалъ, когда всѣ спали. Онъ сдѣлался и всегда оставался моимъ другомъ. Никогда не потужалъ въ немъ священный

огонь любви въ родинѣ и свободѣ. Этотъ человекъ — Мадзини. Цю за моего друга, за моего учителя!»

Такіе люди, какъ Гарibaldi и Мадзини, не могли не любить и не уважать другъ друга. Разница во взглядахъ и въ темпераментѣ часто разъединяла ихъ въ періоды борьбы и горячей дѣятельности, но каждый изъ нихъ былъ слишкомъ чистымъ, искреннимъ человекомъ, чтобы не оцѣнить даже въ противникѣ той глубокой, безконечной любви къ общему идеалу, которая въ одинаковой степени одушевляла ихъ обоихъ. А между тѣмъ какъ различно сложилась судьба ихъ! Если въ жизни Гарibaldi и было много горя и разочарованій, за то на долю его выпали и такія минуты торжества, которыя даются немногимъ людямъ. Не только итальянскій народъ, но народы всего цивилизованнаго міра преклонились передъ безупречнымъ рыцаремъ свободы; онъ умеръ съ сознаниемъ, что его дѣятельность оцѣнена человечествомъ, что память его будетъ бессмертна, какъ та идея, которой онъ служилъ. Далекое не такова была судьба Мадзини, который, конечно, не менѣе любилъ эту идею и, конечно, болѣе страдалъ за нее, которому Италия настолько же обязана за свою независимость, какъ и Гарibaldi. Вѣчно въ изгнаніи, вѣчно скрываясь и обитаясь, часто безъ крова и пріюта, вѣчно непонятый и оклеветанный, онъ пережилъ столько несправедливости и неблагодарности, что можно только удивляться, какъ не потухла въ немъ любовь къ человечеству, какъ суждалъ онъ сохранить въ себѣ тотъ «священный огонь», который онъ первый зажегъ въ сердцахъ итальянской молодежи.

V.

Въ 1867 г. Гарibaldi начинаетъ снова проповѣдывать походъ въ Римъ, въ твердой увѣренности, что король не станетъ сопротивляться этому предпріятію. Но на этотъ разъ итальянское правительство уже не церемонилось. При Аспромонте оно убѣдилось, что, несмотря на всю популярность имени Гарibaldi, оно смѣло можетъ принимать самыя рѣшительныя мѣры противъ этого слишкомъ ужъ горячаго патріота, который не трепеталъ передъ всемогущимъ Наполеономъ и дерзалъ мечтать объ освобожденіи Рима, несмотря на то, что «великодушный союзникъ Италии» не разъ заявлялъ противъ этого освобожденія рѣшительное veto. При первыхъ приготовленіяхъ къ походу Гарibaldi былъ арестованъ

и заключенъ въ крѣпость Александрію, хотя личность его, какъ члена парламента, была неприкосновенна. Возмущенный до глубины души, онъ посылаетъ съ однимъ изъ своихъ друзей письма къ американскому и англійскому посланникамъ, въ которыхъ, какъ гражданинъ этихъ государствъ, проситъ защиты отъ преслѣдованій итальянскаго правительства. «Скажите этимъ господамъ,—прибавляетъ онъ,—что я отказываюсь быть гражданиномъ страны, въ которой министры первые нарушаютъ законы». Правительство не рѣшилось долго держать Гарибальди въ заключеніи; онъ былъ отвезенъ на Капреру, но съ этихъ поръ вокругъ острова постоянно крейсировало нѣсколько королевскихъ кораблей, капитанамъ которыхъ было строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ не допускать, чтобъ онъ покидалъ островъ или велъ сношенія съ континентомъ.

Послѣ несчастнаго тирольскаго похода 1866 года, дороги Гарибальди и Мадзини окончательно расходятся. Мадзини окончательно отрекается отъ союза съ итальянскимъ правительствомъ и рѣшаетъ развернуть независимое республиканское знамя. Онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что союзъ между республиканскою партіей и монархіей невозможенъ, что правительство Виктора-Эмануила не только само не рѣшается взять на себя инициативу объединенія Италіи, но, напротивъ, всегда и всюду тормозитъ и парализуетъ дѣятельность патріотовъ, въ которыхъ оно видитъ скорѣе враговъ, чѣмъ друзей. Въ особенности возмущало его отношеніе правительства къ Гарибальди. Недовѣріе къ себѣ, къ республиканцамъ «Молодой Италіи» онъ еще могъ понять и извинить. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ на монархію какъ на орудіе, которое слѣдовало отбросить, какъ скоро будетъ достигнуто объединеніе Италіи, какъ скоро послѣдній иноземный узурпаторъ покинетъ итальянскую почву; и Мадзини не удивлялся, что правительство не перестаетъ видѣть въ немъ врага и не хочетъ вѣрить даже въ искренность его временнаго содѣйствія. Но отношеніе правительства къ Гарибальди казалось ему непростительнымъ, преступнымъ. Гарибальди не былъ революціонеромъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Мечтая объ итальянской республикѣ, о соединенныхъ штатахъ Европы въ далекомъ будущемъ, онъ не вѣрилъ въ возможность быстрого осуществленія республиканской программы въ Италіи. Первымъ этапомъ на пути къ свободѣ, по его мнѣнію, должна была быть твердая конституціонная монархія съ либеральнымъ національнымъ пра-

вительствомъ, со всенародно избраннымъ королемъ; и онъ рѣшился поддерживать Виктора-Эмануила во что бы то ни стало, несмотря на всѣ его колебанія, несмотря на всѣ проявленія недобѣрія и неблагодарности къ себѣ. Поведеніе правительства приводило его въ негодованіе; онъ, также какъ и Мадзини, въ послѣднее время плохо вѣрилъ въ его искренность, но тѣмъ не менѣе надѣялся, что сила событій все-таки приведетъ Виктора-Эмануила къ выполнению возложенной на него миссіи объединителя націи. Вотъ почему, вырвавшись изъ своего плѣна на Капрерѣ, пробравшись ночью въ маленькой лодкѣ мимо королевскихъ судовъ, онъ снова развѣтываетъ свое старое знамя съ надписью «Italia e Vittorio Emanuele», во главѣ отряда волонтеровъ снова идетъ на Римъ и спѣшитъ какъ можно скорѣе переступить границу папской области, чтобы въ странѣ враговъ укрыться отъ преслѣдованій туринскаго правительства, которое выслало противъ него свое войско. Въ этой экспедиціи Мадзини и его друзья уже не принимали никакого участія, хотя дѣло и касалось освобожденія дорогого Рима. Дѣло освобожденія родины теперь для Мадзини было связано только съ республиканскимъ знаменемъ.

Печальный исходъ экспедиціи Гарибальди извѣстенъ. Французскія войска, высадившіяся въ Чивита-Веккіи, окружили гарибальдійцевъ; изъ четырехтысячнаго отряда тысяча человекъ легли на мѣстѣ въ битвѣ при Ментанѣ. Но ничто, казалось, не въ силахъ было сломить удивительную энергію Гарибальди. Разбитый, окруженный врагами, оставленный королемъ, онъ рѣшается отступить, уступая убѣжденіямъ друзей, но въ головѣ его уже готовы новые планы. «Пусть наши друзья во Франціи и во всемъ мірѣ не падаютъ духомъ, — *point de remontrances la besogne!*» — говоритъ онъ, отступая къ границѣ. Въ Перуджію его снова арестуютъ по распоряженію правительства и опять водворяютъ на Капреру.

Официальная пресса, привыкшая видѣть въ Мадзини источникъ всѣхъ волненій, принялась обвинять его и за эту неудачную попытку, которой, какъ мы уже сказали, онъ не содѣйствовалъ. Но какъ бы то ни было сочувствіе Мадзини, несмотря на всѣ разногласія, было на сторонѣ Гарибальди, и теперь, при мысли, что французы опять у вороръ его святого города, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ. «Быть или не быть? — писалъ онъ, — вотъ вопросъ, который поставленъ намъ

въ присутствіи иностранца. Французскіе солдаты высадились въ Чивита-Веквіи! Брэннъ у воротъ Рима! Хотите ли вы встрѣтить ихъ съ мечомъ въ рукахъ, какъ ваши предки, или предпочитаете склонить голову и покрыть себя нозоромъ, какъ трусливые, выродившіеся потомки героевъ?... Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, онъ рѣшитъ вашу будущность. Быть или не быть?... Отъ настоящей минуты зависитъ ваша участь».

Послѣ этого начинается періодъ усиленной реакціи, обыски, аресты, преслѣдованія. Мадзини, живя въ Швейцаріи, продолжаетъ агитировать. Наконецъ, итальянское правительство требуетъ его выдачи, утверждая, что онъ ведетъ въ Италиі обширную конспирацію, имѣющую цѣлью грабежъ и убійства. Мадзини, въ длинномъ письмѣ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ этой клеветы.

Въ 1870 году Мадзини, жившій въ то время въ Англии, отправляется въ Сицилію, въ которой готовилось республиканское движеніе. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ этого возстанія, но рѣшился принять въ немъ участіе, быть-можетъ надѣясь встрѣтить тамъ смерть. Даже его желѣзная энергія утомилась. Пора было отдохнуть. На пути въ Сицилію, на морѣ, Мадзини былъ арестованъ и отвезенъ въ Гаэту. Здѣсь онъ былъ заключенъ въ высокой, неприступной башнѣ вѣрности. Боясь возстанія, арестовавшій его генералъ стянулъ въ Гаэту войска, а въ гавани стояло нять военныхъ кораблей. При такихъ условіяхъ друзья заключеннаго, конечно, должны были отказаться отъ всякой попытки освободить его. Но правительство боялось долго держать его въ заключеніи; здоровье его было слабо, а еслибъ онъ заболѣлъ и умеръ въ тюрьмѣ, вся Италия поднялась бы въ единодушномъ негодованіи. Два мѣсяца спустя онъ былъ освобожденъ. Избѣгая всякихъ демонстрацій, Мадзини на разсвѣтѣ покинулъ Гаэту. Съ горькими, мечальными думами ѣхалъ онъ теперь по Италиі. Много дорогихъ надеждъ было разбито. Для него освобожденіе Италиі и Рима, о которомъ возвѣщала вся Европа, не осуществилось; для него «великая душа Италиі все еще лежала въ могилѣ, которую три вѣка тому назадъ вырыли для нея имперія и папство». Не о такой свободѣ мечталъ онъ для своей родины. Онъ не хотѣлъ останавливаться даже въ Римѣ, — ему было больно при такихъ условіяхъ вновь увидѣть городъ, въ который онъ когда-то вѣзжалъ съ такими свѣтлыми надеждами. Одну ночь только провелъ онъ въ Римѣ, да и то потому, что въ этотъ вечеръ поѣздъ не шелъ дальше.

Остановился онъ въ гостиницѣ подъ чужимъ именемъ и на другое утро, никѣмъ не признанный, продолжалъ свое путешествіе. Нѣсколько дней прожилъ онъ въ Генуѣ, ночью посѣтилъ могилу матери и затѣмъ покинулъ Италію, чтобъ отправиться въ Англію. Но не долго прожилъ онъ и въ Англіи. Несмотря на всѣ разочарованія, онъ не могъ покинуть дѣла, которому посвятилъ всю жизнь. Онъ отправился въ Швейцарію, въ Лугано, чтобъ издавать тамъ новую газету—*La Roma del popolo*. Когда - то онъ надѣялся издавать ее въ Римѣ, какъ скоро тамъ будетъ провозглашена республика.

VI.

А Гарибальди тѣмъ временемъ по-своему мстилъ Франціи за Ментану. Лишь только успѣла пасть имперія, лишь только надъ ратушей Парижа снова появилось трехцвѣтное республиканское знамя, больной старикъ поснѣшилъ предложить свои услуги правительству республики. За осаду Рима, за Ниццу, за Ментану онъ отплатилъ французскому народу кровью итальянскихъ волонтеровъ и повелъ подъ прусскія пули собственныхъ сыновей. Въ этой кампаніи онъ оказался единственнымъ французскимъ генераломъ, который ни разу не былъ разбитъ. Гарибальди часто сравнивали съ средневѣковыми кондотьери. Да, если хотите, это былъ своего рода кондотьери—храбрый, независимый вождь пестрой толпы волонтеровъ, всегда готовый спѣшить туда, гдѣ угнетенный народъ борется за свою независимость,—кондотьери, который зачастую вмѣсто жалованья могъ предложить своимъ солдатамъ только «голодь, жажду, утомленіе и смерть», который всею душой желалъ мира, но не считалъ себя въ правѣ вложить въ ножны свой мечъ, пока на свѣтѣ существуютъ угнетатели и угнетенные.

Позорно отплатило бордоское національное собраніе великодушному Гарибальди за услуги, оказанныя Франціи. Оскорбленный враждебными выходками консервативнаго большинства, онъ принужденъ былъ оставить залу засѣданій, въ которую явился только для того, чтобы сложить съ себя депутатское званіе, которымъ почтили его избиратели четырехъ департаментовъ Франціи. Бѣшеные крики прервали его на первыхъ словахъ, со всѣхъ сторонъ посыпались упреки, обвиненія. «Qu'est ce que c'est que

са?»—презрительно воскликнулъ Тьеръ.—«*Ça, c'est Garibaldi,*—отвѣтилъ чей-то негодующій голосъ,—Гарибальди, который стбитъ больше, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ взяты!» Не добившись слова, Гарибальди вышелъ изъ палаты, и восторженные крики, которыми встрѣтили его на площади толпа народа и національная гвардія, доказали ему, что французскій народъ лучше умѣетъ цѣнить его заслуги, чѣмъ правительство Франціи. Изъ Бордо Гарибальди отправился въ Марсель, а оттуда прямо на Капреру.

Поселившись въ Лугано, больной, физически разбитый, Мадзини цѣлый годъ еще проработалъ надъ изданіемъ своей новой газеты. Весной 1872 года онъ опасно заболѣлъ, переѣзжая черезъ Альпы, и слегъ въ Пизѣ, въ домѣ одного изъ своихъ друзей. 10 марта его не стало. Тогда началась вѣчная иронія судьбы. Бездомный скиталець, у котораго въ теченіе большей части жизни не было отечества, который такъ недавно еще былъ освобожденъ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ смертнаго приговора и выпущенъ изъ итальянской тюрьмы, теперь вдругъ превратился въ національнаго героя. Изъ всѣхъ городовъ Италіи посыпались въ Пизу адреса съ выраженіемъ печали по поводу смерти великаго патріота. Муниципалитетъ Генуи немедленно телеграфировалъ, требуя его тѣла. Трупъ его былъ набальзамированъ, и въ Пизу со всѣхъ сторонъ стекались итальянцы, желавшіе взглянуть въ послѣдній разъ на бранные останки апостола объединенія. 15 марта все населеніе Пизы, безчисленные друзья Мадзини, депутаты отъ различныхъ городовъ и ассоціацій, прибывшіе со всѣхъ концовъ Италіи, сопровождали его гробъ на желѣзную дорогу. Въ Болоньѣ, въ Пармѣ, во всѣхъ городахъ, черезъ которые двигалась похоронная процессія, народъ встрѣчалъ и провожалъ гробъ итальянскаго трибуна. Въ Генуѣ, въ день его похоронъ, всѣ магазины и театры были закрыты и весь городъ убранъ былъ траурными флагами. 17 марта, въ полдень, Мадзини похоронили, согласно его желанію, возлѣ могилы его матери. Безчисленная толпа сопровождала гробъ его на кладбище; кромѣ жителей Генуи въ процессіи участвовало 50.000 человѣкъ, пріѣхавшихъ изъ всѣхъ провинцій Италіи; двадцать два оркестра играли похоронный маршъ... 22 іюня этого года, на одной изъ площадей Генуи, ему воздвигнуть великолѣпный памятникъ. На высокой колоннѣ изъ бѣлаго мрамора стоитъ его статуя; внизу, на ступеняхъ пьедестала, сидитъ плачущая Италія, а возлѣ нея юноша держитъ знамя съ девизомъ—«*Dio e popolo*».

На десять лѣтъ Гарibaldi пережилъ своего «учителя», но эти десять лѣтъ были для него тяжелымъ временемъ. Его мучительная болѣзнь съ каждымъ годомъ усиливалась; правительство, которому онъ ввѣрилъ судьбу своей дорогой Италіи, не оправдывало его ожиданій; многіе изъ прежнихъ друзей и товарищей перешли въ реакціонный лагерь. Къ этому присоединились еще серьезныя неприятели въ семейныхъ дѣлахъ, которыя заставили его наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, принять денежную помощь и пенсію отъ правительства. Враги Гарibaldi часто пользовались этимъ фактомъ, какъ доказательствомъ того, что въ сущности онъ былъ далеко не такъ безкорыстенъ, какъ увѣряли его поклонники; даже многіе изъ друзей его порицали этотъ поступокъ. Но, повторяемъ, только тяжелая необходимость вынудила его принять эти деньги, и сдѣлавъ онъ это не ради себя. Самъ онъ продолжалъ жить все тою же болѣе чѣмъ скромною жизнью въ своемъ маленькомъ домикѣ на Капрерѣ, больной, измученный, печальный. Да и отъ кого же онъ принялъ деньги, какъ не отъ итальянскаго народа, которому отдалъ свое здоровье, силы, всю свою жизнь, лучшихъ друзей, ради освобожденія котораго не только никогда не задумывался подвергать опасности свою собственную жизнь, но даже жизнь дѣтей своихъ. Возможно ли допустить, чтобъ итальянскій народъ отказалъ ему въ этой помощи, еслибъ онъ обратился съ подобною просьбой прямо къ нему? Самый несчастный итальянскій нищій сваялъ бы съ себя послѣднюю рубашку, чтобы помочь Гарibaldi.

Въ 1870 году этотъ желѣзный человекъ еще разъ появляется въ Римѣ. Скованный хроническимъ ревматизмомъ, онъ едва способенъ двигаться, но сердце его по-прежнему юно, въ душѣ не угасла вѣра, въ головѣ новые планы. Въ Римѣ онъ основываетъ «Демократическую лигу», а въ началѣ 1882 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, предпринимаетъ послѣднее путешествіе по Италіи, посѣщаетъ Миланъ, Неаполь, Палермо. Родные и друзья его были убѣждены, что онъ не вынесетъ этого путешествія, но ничто не въ силахъ было удержать его отъ исполненія задуманнаго плана. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ повидаться съ итальянскимъ народомъ и проститься съ нимъ. Печальное это было путешествіе. Восторженные крики народа умолкали при видѣ блѣдной, исхудалой фигуры страдальца, который не въ состояніи былъ даже говорить и съ грустной, искаженной отъ боли улыбкой, сквозь слезы смотрѣлъ на тѣснившуюся вокругъ его эки-

пажа толпу; народъ молча плакалъ, встрѣчая и провожая своего любимца. Всѣ знали, что это — послѣднее свиданіе. 16 апрѣля Гарибальди покинулъ Палермо и отправился обратно на Капри, а 2-го іюня телеграфъ разнесъ по всей Италиі печальную вѣсть о его смерти. Мы не будемъ говорить о впечатлѣніи, которое произвела эта вѣсть въ Италиі и во всей Европѣ; газеты въ свое время такъ подробно описывали всѣ манифестаціи по поводу его смерти, все это еще такъ живо въ памяти читающей публики, что мы не видимъ надобности повторять общеизвѣстные факты.

А. М.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ.

XIX *).

Послѣднія впечатлѣнія. — Ссудосберегательныя товарищества. — Школы. — Земледѣльческія фермы. — Нѣсколько страничекъ изъ прошлаго.

Передъ отъѣздомъ изъ этого интереснаго края мнѣ привелось опять побывать въ Людиновѣ. Начиналось лѣто, и озеро, давно освобожденное ото льда, все горѣло подъ яркимъ свѣтомъ юльскаго солнца. Далеко, далеко были видны окрестности завода... Вонъ красивая Сукремень, вонъ серебристые извивы Болвы, яро бѣгущей по зеленымъ полямъ, то огибающей густые лѣса и словно прячущейся въ ихъ пустынную глушь и темень, то снова выбѣгающей на сочную понизь, чтобы разлиться по ней спокойнымъ просторомъ мирнаго плеса. А вокругъ большого Людиновскаго озера, повитыя золотистою дымкой солнечнаго свѣта и сплошь ушедшія въ поэтическую дрему, стоятъ себѣ зеленыя рощи, точно облака тамъ къ самой водѣ приникли и не могутъ отъ нея оторваться... Хорошо, привольно. Привольно, хотя съ низу доносится оглушающая музыка труда — стукъ и грохотъ молотовъ, хрипѣніе паровыхъ машинъ, визгъ стальныхъ пилъ, въѣдающихся въ желѣзо, шумъ воды, падающей въ шлюзахъ...

— Не загляните ли къ намъ въ ссудосберегательную кассу нашу? — прервалъ мои восторги одинъ изъ здѣшнихъ рабочихъ, между прочимъ завѣдывающій ею.

Оказывается, что такія кассы устроились здѣсь при нѣкоторыхъ заводахъ и пока идутъ довольно успѣшно. Заправляютъ ими выборные отъ вкладчиковъ. Столь модныхъ въ послѣднее время хищеній и растратъ въ этомъ производительномъ округѣ

*) *Русская Мысль*, кн. X.

пока не было. Да вѣрно и не будетъ, потому что копѣчныя сбереженія, добытыя цѣною трудового пота, ввѣряются тутъ не кулакамъ и аферистамъ, а тѣмъ, кому близко народное горе, кто самъ испыталъ и испытываетъ его... И повѣряютъ кассу при этомъ довольно часто и весьма обстоятельно. Вотъ, наприимѣръ, людиновское ссудосберегательное товарищество. Оно состоитъ изъ девяти сотъ двадцати одного вкладчика, между которыми нѣтъ купцовъ и капиталистовъ. Размѣры вкладовъ самые микроскопическіе. Есть вклады по три рубля, и свыше пятисотъ или семисотъ рублей, кажется, не имѣется. А между тѣмъ по балансу за прошлый годъ оказалось здѣсь въ приходѣ 187.178 руб., а въ расходѣ— 184.823 руб. Остатокъ—2.355 рублей. Въ мелкихъ ссудахъ значится розданными рабочимъ 80.070 рублей. Крупныя ссуды дѣлаются часто заводоуправленію, когда оно нуждается въ деньгахъ, и эта операція для товарищества особенно выгодна: во-первыхъ, возвратъ несомнѣненъ и, во-вторыхъ, каждая такая ссуда приноситъ кассѣ 10% чистой прибыли. Проценты, выплачиваемые этимъ учрежденіемъ по вкладамъ, зависятъ отъ сроковъ: до востребованія—5%, на годъ—6%, на два года—7%, на три—7½%, и на четыре года—8%. Управляющій кассою, крестьянинъ Коростелевъ, съ своими помощниками получаетъ въ вознагражденіе 15% съ чистой прибыли, которая въ прошломъ году равнялась семи тысячамъ рублей. Заводоуправленіе даетъ кассѣ даромъ квартиру и отопленіе.

— Неужели у рабочаго остается что-нибудь отъ заработка?

— Какъ у кого... Нынче времена плохія, заказовъ мало,—ну, а прежде составлялись сбереженія... Непьющіе и теперь могутъ отложить на черный день, да и пьющіе не много истратятъ на водку.

— Почему?

— Да вѣдь народъ пьетъ больше въ праздники.

— Такъ.

— Ну, а на праздники мы, случается, денегъ не даемъ. Бери товаромъ по дешевой цѣнѣ, хлѣбомъ, припасами...

— И не требуютъ?

— Требуютъ, только мы говоримъ: приходи послѣ праздника и получай расчетъ.

Мнѣ вспомнилась видѣнная наканунѣ въ Устахъ сцена въ этомъ родѣ. Передаю ее безъ комментариев,—пусть каждый самъ выводитъ свое заключеніе.

Толпа народа встрѣтила управляющаго.

— Ну, что, братцы, какъ праздники-то провели?

— Да что... Праздники такъ прошли, что и не примѣтили.

— Запьянствовать не пришлось?

— Не... Самъ же ты денегъ не далъ!

— Тутъ какое дѣло было,—обратился ко мнѣ управляющій:— пришелъ праздникъ, народъ валомъ валить.

— Давай намъ по двадцати пяти рублей на брата.

— Это зачѣмъ же?—спрашиваю.

— Праздникъ,—погулять хотимъ.

Сидѣльцы разныхъ кабаковъ радуются, а бабы режутъ. Вой идетъ: «все-то они, душегубцы наши, пропьютъ». Здѣсь и распорядились.

— Хлѣба, припасовъ, товару берите, сколько угодно, а денегъ вамъ не будетъ пока.

Заволновался народъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ не таковъ, какъ въ Дядьковѣ,—на пойло тянетъ его.

— Дай намъ тогда свидѣтельство на заработанные деньги.

— И свидѣтельства вамъ не будетъ.

Свидѣтельства эти въ кабакахъ за чистые деньги берутъ.

Чешутъ рабочіе затылки, уходятъ. Ругательски ругаются. Бабы за то повеселѣй становятся.

Черезъ два дня опять народъ является.

— Напиши намъ по рублю на брата.

— Зачѣмъ?

— Попу, ну... и прочее.

— Вотъ это дѣло!

Написали имъ ассигновки. Получили деньги.

Праздникъ прошелъ—пѣсни пѣли, хороводы водили; пьняныхъ было не слышать. Послѣ праздника нуженъ хлѣбъ и многое другое. Расходовъ пропасть. Являются гурьбой.

— Спасибо тебѣ сказать пришли. У насъ теперь и хлѣбъ есть, и деньги есть. Коли бы передъ праздникомъ выдалъ, все бы пропили.

Бабы чуть въ ноги не валятся.

— Все бы Ироды эти съ себя споили. Съ дѣтьми бы намъ теперь зарѣзъ былъ!...

Все это, разумѣется, самоуправство, но, при безпомощности народа по отношенію къ кабаку, что же прикажете дѣлать?

Такіе же эпизоды повторялись и въ другихъ мѣстахъ.

Замѣчательно при этомъ отношеніе пьянства къ различнымъ заводскимъ работамъ: стекловары, напримѣръ, и столяры почти не пьютъ ничего; на желѣзныхъ работахъ въ Людиновѣ пьютъ, но мало; на рудникахъ и песчаныхъ копяхъ пьютъ охотно, когда есть на то средства. Я уже выше говорилъ, что пьянства здѣсь не видѣлъ — такого сплошного и повальнаго, которое зачастую встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ, но первыхъ пьяныхъ я встрѣтилъ все-таки въ Людиновѣ. Тамъ же, гдѣ работаютъ стекловарни, въ три своихъ побывки на этихъ заводахъ я не видалъ вовсе пьяныхъ, хоть и жилъ подолгу.

Тутъ есть увѣренность въ своемъ положеніи. Завтрашній день не грозитъ голодною смертью. Рабочіе выросли при заводахъ и помнятъ, что ихъ отцы еще кормились тутъ же.

Школьное дѣло въ этомъ районѣ поставлено недурно. Справедливость требуетъ сказать, что высшее техническое образованіе здѣсь, въ лицѣ спеціального училища «Людиновскаго», долгое время весьма хромало. Никакъ нельзя было найти для него хорошаго заправилы и заводоуправленіе серьезно было озабочено этимъ. Но въ послѣднее время, уже послѣ моего отъѣзда, кажется, нашли настоящихъ людей, вполне пригодныхъ къ этому дѣлу. Это спеціальное училище имѣетъ цѣлю — распространеніе чисто техническихъ знаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было полнымъ-полно. Народъ съ удовольствіемъ отдавалъ туда своихъ дѣтей и дѣти учились отлично. Многие изъ мѣстныхъ механиковъ вышли отсюда... Но такой порядокъ не удержался. Старые учителя уходили, на ихъ мѣсто поступали новые, бездарные. Въ концѣ концовъ и народъ сталъ брать своихъ «мальцевъ» назадъ.

— Ты чего?—спрашиваетъ завѣдующій этимъ дѣломъ у сумрачнаго рабочаго.

— По своему дѣлу!—угрюмо бурчитъ онъ.

— По какому своему?

— По кровному... Мальца мнѣ отдайте.

— Чудакъ!... Да вѣдь онъ учится.

— Точно-что... А только пуцай дома работаетъ самъ на себя...

— Годъ ему остался только.

— Много довольны... А только мальчика мнѣ ослобоните. Я его на заводъ, если что, пошлю работать. Все семь рублей въ мѣсяцъ набѣжить.

И принуждены отдавать мальчика.

А то явится другой.

— Сколько вы мнѣ за моего рабѣна положите?

— За что же?

— А за то—ѣнѣ учится у васъ въ школѣ.

— За это ничего не дають.

— Такъ я его къ себѣ уберу...

И убираетъ.

Тѣмъ не менѣе хотя цифра учащихся въ специальной технической школѣ Людиновскаго завода и упала съ 310 до 100, но учрежденіе это дѣлаетъ свое дѣло. При школѣ находится нѣсколько учителей, и такія разбросаны и по всѣмъ остальнымъ заводамъ. Техническое училище занимаетъ чуть не цѣлый этажъ. Тутъ нѣсколько залъ и мастерскихъ.

— Если мало, такъ скажите, я раздвину стѣны!—замѣтилъ хозяинъ, когда ему сказали о неудобствѣ помѣщенія въ его прежнемъ видѣ.

Школы—по всѣмъ деревнямъ здѣсь и по всѣмъ заводамъ. Воспитаніе дѣтей ввѣрено не однимъ священникамъ, но и сверхъ того свѣтскимъ учителямъ, для которыхъ выстроены дома. Вознагражденіе они получаютъ небольшое. Въ школахъ дѣвочекъ учится почти столько же, сколько и мальчиковъ. Первые даже работаютъ едва ли не лучше вторыхъ. Оно и понятно. На мальчика семья смотритъ какъ на заводскую силу, только и ждетъ времени, когда его можно будетъ послать къ дѣду, къ сталевари, къ матицѣ, чтобъ онъ принесъ свои полтора рубля въ недѣлю домой. Дѣвочка, пока вырастетъ, свободна. Ея страда начинается потомъ...

Земледѣльческія фермы этого района стоятъ не на такой высотѣ, какъ заводское дѣло, но и на нихъ рѣшаются многіе вопросы нашего народнаго хозяйства. Урожай двухъ послѣднихъ лѣтъ были пока успокоительны. Тревожныхъ извѣстій было меньше, чѣмъ въ 1880 году. Даже почтенная коллекція всевозможныхъ жучковъ, невозбранно царствовавшихъ въ прошлое лѣто на русскомъ югѣ, какъ будто рѣшилась дать отдохнуть измученному населенію. Тамъ, гдѣ нашлось зерно для посѣва полей, какъ-то меньше прежняго говорятъ о нарожденіяхъ кузьки, гессенской мухи и другихъ зловредныхъ насѣкомыхъ, не разъ уже до тла съѣдавшихъ и русскій хлѣбъ, и русское богатство... Но успокоиваться на этомъ еще очень рано. На смѣну кузькамъ

и гессенскимъ мухамъ являются столь же опасныя скупщицы хлѣба: маклаки въ среднихъ, евреи въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ. Они не разъ доводили народъ до такого состоянія, что онъ больше всякой бѣды боялся слишкомъ обильнаго урожая. При среднемъ цѣны были еще сносны, при высокомъ кузьки-капиталисты и мухи-маклаки низводили заработки земледѣльца до такого минимума, что просто становилось страшно. Такъ и здѣсь въ Брянскомъ уѣздѣ, гдѣ находятся частію и заводы, описанные нами, крестьяне, еще недавно платившіе по 1 р. 75 коп. за пудъ хлѣба, черезъ два мѣсяца были поставлены въ необходимость продавать его по 30—40 коп. за пудъ. Спасти страну какъ отъ мухъ гессенскихъ, такъ и отъ эксплуатаціи народнаго труда въ одинаковой степени важно. Какимъ путемъ сдѣлать это?... Такой вопросъ рѣдко кто задавалъ себѣ, прежде всего, потому, что наша провинціальная печать стѣснена, а столичная, платонически излюбившая деревню, очень мало ее знаетъ. Но изрѣдка и тутъ слышались голоса практиковъ и дѣятелей нашихъ захолустьевъ. Къ сожалѣнію, рѣдка временъ въ своемъ теченіи уносить всѣ эти робкія начинанія и топить въ пропасти забвенія самыя спасительныя совѣты знающихъ людей. До нихъ ли, помилейте!... А между прочимъ дѣйствительность какъ нельзя лучше оправдываетъ эти указанія, то и дѣло изъежая изъ народнаго капитала сотни милліоновъ рублей, уходяція въ бездонныя пасти всякихъ акулъ, и такія же сотни милліоновъ, поѣдаемыя саранчой, кузьмой, мухой и другими паразитами нашего земледѣльческаго худосочія..

Въ свое время и здѣсь ратовали противъ такого ненормальнаго порядка вещей. Мнѣ часто приходилось говорить по этимъ вопросамъ. Разсуждая о томъ, къ чему ведетъ хищническое пользование землей, грабежъ ея, производимый невѣжественными владѣльцами, тутъ еще сорокъ лѣтъ назадъ по тогдашнимъ цвѣточкамъ предвидѣли ягоды нашего времени. Предугадывалось это худосочіе истощенныхъ почвъ, эта золотуха родной земли, высосанной самымъ глупымъ и самымъ опаснымъ способомъ. Въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій, давно напечатанныхъ, Мальцовъ говорилъ между прочимъ: «Теперь въ ходу мнѣніе, что Россія исключительно должна быть земледѣльческимъ государствомъ, причемъ поддержка внутреннихъ промысловъ вредна для потребителей, ожиданіе же внутренней конкуренціи и усовершенствованія отъ нея русскихъ произведеній слишкомъ продолжительно для на-

стоящаго поколѣнія. Признано, что обмѣномъ на хлѣбъ и покупкою на золото получатся лучшія произведенія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ, и притомъ выгоды для потребителей, а слѣдовательно и для администраціи и для государства. О, еслибъ эта теорія, какъ и другія нѣкоторыя, была бы только *мыслью, отданной на всеобщій судъ!* Тогда, навѣрное, явились бы пренія, дѣло разсмотрѣно было бы со всѣхъ сторонъ. Оно вызвало бы и зрѣлые доводы за и противъ него. Тогда можно было бы составить комитетъ, но не изъ однихъ только потребителей, особенно же не изъ однихъ должностныхъ лицъ, получающихъ казенное содержаніе, которое еще, несмотря на упадокъ внутренней производительности, остается неизмѣннымъ, — лицъ, которыхъ интересы связаны не съ благосостояніемъ отечества, но съ возможностью безотлагательно пользоваться всѣми иностранными изобрѣтеніями для удовлетворенія прихотей, сдѣлавшихся ихъ потребностію, — нѣтъ, комитетъ должно бы составить изъ людей, представляющихъ народную жизнь и ея дѣятельность. Такіе комитеты не ослѣпялись бы самонадѣянностію неопытности, не считали бы своею силой недопущеніе противорѣчій. Представленія такихъ комитетовъ лучше всякихъ разглагольствованій содѣйствовали бы ко введенію мѣръ практичныхъ, необходимыхъ для поддержанія юнаго, полнаго жизни и будущности государства. Еслибы вопросъ о томъ, должна ли Россія быть исключительно земледѣльческімъ государствомъ, былъ отданъ на общее изслѣдованіе, то и знаменитый Либихъ съ своими химическими вѣсами и неизмѣнными цифрами явился бы для доказательства, что послѣдствія такой теоріи суть истощеніе и, слѣдовательно, гибель государства. Онъ доказалъ бы, что только одинъ внутренній повсемѣстный размѣнъ между жителями можетъ охранять страну отъ быстрого истощенія. Для положительнаго опредѣленія степени истощенія Россіи вывозомъ пеньки, масла, зерновыхъ хлѣбовъ, сала, костей и прочихъ сырыхъ продуктовъ весьма было бы поучительно, еслибы наши ученые общества обратили вниманіе на цифры вывозовъ, на сумму и качество предметовъ, служащихъ вознагражденіемъ за истощеніе нашей почвы. Полезно было бы изслѣдовать методы истощенія, еще недавно живущимъ поколѣніемъ, почву, считавшихся неистощимо-богатыми. По такимъ даннымъ можно было бы опредѣлить продолжительность запасовъ плодородія нашихъ земель при системѣ грабежа, всюду у насъ являющейся. Тогда цифры можетъ-быть показали бы намъ, что

если Соединенные Штаты, благоприятствуемые природою, содрогаются при мысли о своей будущности относительно плодородія земель своихъ, то что же можетъ сказать Россія, лишенная всѣхъ этихъ преимуществъ?... Внигнувъ въ положеніе нашего отечества, становится ясно, что никакъ не слѣдуетъ отлагать заботы о сохраненіи всѣми возможными средствами плодородія нашихъ земель, а тѣмъ менѣе—успокоивать себя мыслью о неистощимости ихъ. Наука, съ точностью указывая заблужденія человѣка въ экономическомъ дѣлѣ, указываетъ и средства предупредить зло, возникающее изъ нихъ, или исправлять его, если оно уже сдѣлано».

Дѣйствительность является какъ будто исполненіемъ этой программы, указанный сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Какъ въ своемъ проектѣ, такъ и на дѣлѣ, въ приложеніи къ собственному земледѣльческому хозяйству, Мальцовъ ратуетъ противъ земледѣльческихъ предрасудковъ. У себя онъ все время старался возвращать землѣ то, что отнималось у нея въ видѣ жатвы или сѣнокоса. Здѣсь, едва ли не впервые въ Россіи, были примѣнены законы, выведенные Либихомъ, безъ выполненія которыхъ хлѣбопашество и травосѣяніе являлись глупымъ грабежомъ, причемъ истощенныя почвы не возстановишь никакими трехпольными и иными, столь популярными у насъ, системами. Возвысить плодородіе поля безъ соответствующаго удобренія—нельзя. Для освобожденія же крестьянъ и вообще землевладѣльцевъ отъ вліянія кулаковъ и монополистовъ, устанавливающихъ цѣны на хлѣба, здѣсь нѣкогда проектировалась выдача ссудъ подъ снятый съ полей хлѣбъ въ размѣрѣ части средней цѣны его. Такимъ образомъ паденіе цѣнъ было бы невозможно, ибо прекратилась бы самая нужда отдавать его чуть не даромъ при недостаткѣ денегъ. Исторія этого проекта въ высшей степени интересна. Ее рассказываетъ самъ авторъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ средняя полоса Россіи была потрясена страшнымъ голодомъ. Пораженный его поразительными бѣдствіями, Мальцовъ представилъ императору Николаю проектъ составленія въ каждомъ селѣ запасовъ изъ хлѣба, принятаго въ залогъ, по среднимъ для данной мѣстности цѣнамъ—не болѣе восьми рублей на ревизскую душу. Это предупреждало бы голодъ—при неурожаѣ—имѣющимися запасами, а во время урожая защищало бы хлѣбопашцевъ отъ искусственнаго пониженія цѣнъ. Три раза Го-

сударь по этому предмету выражалъ свое полное сочувствіе. Императоръ Николай Павловичъ положительно самъ увлекся этой идеей и приказалъ опросить землевладѣльцевъ всѣхъ мѣстностей Россіи, насколько они считаютъ это полезнымъ. Отвѣты отовсюду получались самые благопріятные. Казалось бы, слѣдовало привести проектъ въ исполненіе, но не тутъ-то было. Идея родилась не въ министерствѣ и была проведена помимо канцелярій, поэтому «два министра — внутреннихъ дѣлъ и финансовъ — нашли возможнымъ отклонить исполненіе проекта за неимѣніемъ средствъ». Авторъ не уговорился, — такой ужъ безпокойный человекъ попался. Черезъ покойнаго принца П. Г. Ольденбургскаго, онъ испросилъ разрѣшеніе сдѣлать опыты составленія хлѣбныхъ запасовъ самому мѣстному населенію, безъ участія администраціи, на первый разъ въ двухъ бѣднѣйшихъ губерніяхъ — Смоленской и Витебской, и тогда уже наиболѣе нуждавшихся. Государь отпустилъ на это 500.000 руб. Дѣло казалось оконченнымъ, какъ вдругъ «я былъ пораженъ, — говоритъ авторъ, — неожиданнымъ результатомъ. Подъ давленіемъ двухъ несочувствовавшихъ министровъ, вліявшихъ черезъ губернаторовъ и предводителей», населеніе желавшее этой мѣры оказалось не желающимъ ея. Были подтасованы дворянскія собранія — и въ концѣ концовъ благая мысль канула въ Лету!... Лучше всего тотъ способъ, каковымъ удалось подтасовать дворянскія собранія. Въ одномъ изъ нихъ дворянскій предводитель сообщилъ господамъ-дворянамъ, что «съ нихъ потребуется большой сборъ», въ то время какъ, напротивъ, деньги были даны казною.

— Съ насъ хотѣли деньги взять! — волновались господа-дворяне.

— Да вамъ читали Высочайшее повелѣніе?

— Нѣтъ, не читали.

Мальцовъ сталъ читать, но предводитель ушелъ «въ окно» и собраніе закрылось. Въ другомъ собраніи предводитель былъ откровеннѣе. Онъ прямо заявилъ господамъ-дворянамъ, что «министръ этого не хочетъ», и господа-дворяне послушались, а предводитель получилъ мѣсто губернатора.

При поѣздкахъ моихъ по здѣшнему земледѣльческому району, какъ нельзя лучше подтвердилась справедливость всѣхъ этихъ указаній. Когда-то автора ужасалъ «близорукій произволъ бездарностей, случайно занявшихъ высшія административныя должности, — произволъ, выразишійся въ цѣломъ рядѣ разоритель-

ныхъ для государственнаго хозяйства постановленій». И теперь положеніе дѣлъ такое же, и если оно лучше здѣсь, то только потому, что въ этомъ отношеніи въ описываемомъ мною районѣ сдѣлано очень многое. Нечего, значить, успокоиваться на случайныхъ урожаяхъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на выводы людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Жаль будетъ, если и теперь мы останемся слѣпы и глухи къ «проклятымъ» вопросамъ, отъ которыхъ мы только чураемся да отрещиваемся, ожидая у моря погоды... Время не терпитъ, а мы точно свѣтопреставленія ждемъ завтра. Лишь бы сегодня было хорошо, а тамъ хоть трава не расти. Плохо придется нашимъ дѣтямъ, если она, дѣйствительно, расти перестанетъ... Исторія ничего не забываетъ, будущность ничего не прощаетъ. Въ каждой ошибкѣ, въ каждой небрежности уже таятся сѣмена будущаго наказанія.

И вотъ когда обнищаетъ совсѣмъ эта почва, тогда придется вспомнить добрые совѣты, дававшіеся въ свое время.

Самъ С. И. Мальцовъ — живая лѣтопись нашего прошлаго. Съ необыкновенною ясностью и свѣжестью въ его памяти возникаетъ царствованіе императора Николая Павловича, въ которое ему пришлось начать свою дѣятельность. Разказы его изъ этого времени чрезвычайно рельефно обрисовываютъ эпоху и людей, игравшихъ тогда громадную роль, — и обрисовываютъ не съ показной, а съ интимной именно стороны. Разказы его будутъ приведены нами въ одномъ изъ историческихъ нашихъ журналовъ, тутъ же на выдержку мы сообщимъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ то время молодой, Мальцовъ, живо интересовавшійся всѣмъ, что совершалось на бѣломъ свѣтѣ, слѣдившій за техническими открытіями, за научнымъ прогрессомъ, былъ исключеніемъ въ средѣ, исключительно занятой службой да подслуживаніемъ. Еще поручикомъ ему уже пришлось столкнуться съ властными людьми того времени. Мы приведемъ здѣсь его разказы безъ всякихъ комментариевъ, — такъ они вѣрнѣе и лучше. Разъ ему привелось быть на одномъ придворномъ балу. Молодой поручикъ стоялъ въ амбразурѣ окна вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Будбергомъ и разговаривалъ въ то время, какъ къ той же амбразурѣ подошелъ императоръ Николай Павловичъ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ. Будбергъ испарился. Мальцовъ, припертый къ стѣнѣ, по-неволѣ долженъ былъ остаться на мѣстѣ. Государь сообщаетъ Чернышову о своемъ желаніи устроить оружейный заводъ въ Тулѣ.

— Этого нельзя, Государы!—вступился Мальцовъ.

Императоръ Николай съ удивленіемъ оглядывается на молодого поручика. Посмотрѣлъ, улыбнулся.

— Почему нельзя?

— Тульская губернія и безъ того обезлѣсена. Варку ружейныхъ стволовъ нужно учредить въ Сибири или около, гдѣ есть руды и топливо...

— Я это уже сдѣлалъ въ Ижевскомъ заводѣ.

Государь вступилъ въ болѣе подробный разговоръ съ молодымъ офицеромъ, со многими изъ его доводовъ соглашаяся и отрицая другіе.

Немного погодя, когда императоръ Николай отошелъ въ сторону, къ Мальцову подбѣгаетъ Чернышовъ—весь блѣдный, растерявшійся.

— Какъ вы смѣете!—съ пѣной на губахъ напалъ онъ на него.—Я васъ подъ арестъ отправлю. Какъ вы могли дерзнуть!..

Но не успѣлъ онъ еще окончить головоломки, какъ къ распекаемому подошелъ цесаревичъ Александръ, въ казачьемъ мундирѣ.

— Меня къ вамъ послалъ отецъ. Вы интересное что-то рассказываете... Можете доставить чертежъ проектированныхъ вами стволовъ?

— Могу... А я ужъ испугался, ваше высочество.

— Чего?

— Да военный министръ Чернышовъ страшно распекъ меня.

Какъ только удалось Мальцову освободиться отъ строевой службы, онъ тотчасъ же занялся устройствомъ новаго тогда въ Россіи парового дѣла. На этомъ поприщѣ ему пришлось прежде всего столкнуться съ цѣлою массой самыхъ пагубныхъ предразсудковъ и предубѣждений. Въ петербургскомъ арсеналѣ были объявлены торги на поставку паровой машины. Въ числѣ конкурентовъ является молодой поручикъ Мальцовъ. До тѣхъ поръ работы производились лошадиною силой. Мальцову пришлось конкурировать съ англичанами, которые имѣли въ виду поставить машину, выписанную изъ Англіи.

— Ты съ ума сошелъ!—останавливаетъ Мальцова великій князь Михаилъ Павловичъ.

— Почему, ваше высочество?

— Да какже, ты соперничаешь съ англичанами.

— Хочу, чтобы машиностроеніе устроилось и у насъ.

— Ну, смотри, приёмку сдѣлають такую, что не сдобровать! Мальцовъ тѣмъ не менѣе себѣ въ убытокъ отбилъ у англичанъ поставку.

Въ срокъ машина готова и поставлена въ арсеналъ, по предварительномъ испытаніи ея строителемъ.

Вдругъ оказывается, что паровая машина не дѣйствуетъ. Готовится докладъ объ этомъ Государю.

Мальцовъ бросается въ арсеналъ къ своимъ рабочимъ, устанавливавшимъ машину.

— Что случилось, ребята?

— Да какже ей дѣйствовать, коли два полѣнца дровъ бросаютъ въ нее, да и то негодныхъ.

Смотрить на монометръ: всего $\frac{1}{2}$ градуса. Заглядываетъ въ топку—дровъ нѣтъ.

Вдругъ является Юпитеромъ Олимпійскимъ начальникъ арсенала. Оглядѣлъ сурово Мальцова и настрожайше начинаетъ его отчитывать:

— Ваша машина нигуда не годится! Какъ вы смѣли соперничать съ англичанами?

— Да чѣмъ же машина-то должна дѣйствовать?

— Что вы меня учите!... Какъ чѣмъ?—Разумѣется, паромъ.

— А паръ какъ добывается?

— Молчать!...—началъ было тотъ.

— Дровами, дровами, полковникъ, а вы дровъ-то и не кладете. Я сейчасъ ѣду къ военному министру и попрошу его прибыть сюда посмотрѣть, какъ будетъ дѣйствовать машина, когда я растоплю ее своими дровами.

Начальство этого пассажа никакъ не ожидало.

— Помилуйте, зачѣмъ же это... Да еще и пойдетъ ли она.

Принесли дровъ, затопили какъ слѣдуетъ—и машина заработала отлично.

— Ради Бога, не погубите!...

— Да вѣдь вы уже донесли... Вѣдь министръ, пожалуй, уже доложилъ Государю!

— Устройте какъ-нибудь... У меня семья...

Мальцовъ сообразилъ, что если рассказать, какъ было,—испортятъ что-нибудь въ машинѣ, да на него же и свалятъ. Поѣхалъ къ Чернышову.

— Я къ Государю ѣду!—сообщилъ тотъ.—Ваша машина ни-

куда не годится!... Лѣзете соперничать съ англичанами, а сами ничего не умѣете дѣлать.

— Помилуйте, все устроено, машина дѣйствуетъ превосходно.

— Какъ это?

— Не угодно ли, опять, вамъ самимъ убѣдиться.

— Ну, я радъ, радъ... Изъ-за чего же весь шумъ?

— Да они привыкли по-прежнему съ лошадьми, не знали какъ съ топкой обращаться!

Такихъ случаевъ было не мало. Это было въ 1844 году, а годомъ раньше онъ же первый въ Россіи началъ выдѣлку желѣзныхъ рельсъ для Николаевской желѣзной дороги по 1 рублю 43 коп. съ пуда. Въ 1847 году хотѣли водопроводныя трубы для той же дороги заказать за границей,—предпримчивому заводчику удалось и это отбить у иностранцевъ, такъ что когда въ 1852 году объявили торги на сооруженіе паровой машины съ приводами для тульского оружейнаго завода, то это уже безъ спора осталось за нимъ. Желая окончательно вытѣснить заграничныя машины, онъ явился въ томъ же году конкурентомъ на устройство кievскаго арсенала. Когда иностранцы стали у него перебивать это дѣло, Мальцовъ заявилъ, что онъ беретъ на 30.000 рублей ниже послѣдней предложенной цѣны. Но въ дѣло вмѣшались очень и очень сильные люди. Въ Петербургѣ добились уничтоженія состоявшихся уже торговъ и постройку отдали другому заводу. Сейчасъ же большая часть машинъ была забрана за границей и дѣло рухнуло.

Собственно до нашего технического и научнаго прогресса тогда никому дѣла не было. Придумалъ, напимѣръ, Мальцовъ новый типъ судовъ. Специалисты пришли отъ него въ восторгъ. Обратился онъ къ вліятельному тогда Меньшикову.

— Это для нашей лужи-то?—насмѣшливо спросилъ князь.

— Положимъ, Балтика—лужа, а Черное море...

— Я бы тебя поблагодарилъ, еслибы ты изобрѣлъ способъ утопить Черное море виѣстѣ съ адмираломъ Лазаревымъ!

Видя беззащитное положеніе Крыма, онъ предлагалъ задолго до Севастопольской войны укрѣпить высоты этого полуострова.

— Зачѣмъ?... Неужели вы думаете, что непріятель явится къ намъ на судахъ?—засмѣялся Меньшиковъ.

— Непремѣнно.

— Чего они здѣсь не видали?... Достаточно вашимъ крымскимъ виномъ напоить ихъ и всѣ они подохнутъ.

Бнязь - бритва, какъ тогда называли остроумнаго Меньшикова, отъ всего умѣлъ отдѣлываться шуточками.

Съѣздивъ за границу въ то время, Мальцовъ привезъ государю Николаю Павловичу пулю Минье — ту самую, которой союзники одолжены своею побѣдой подъ Севастополемъ. Она еще не была принята во Франціи и изобрѣтеніе это можно было купить у его автора. Императоръ понялъ важность этого дѣла и Минье былъ приглашенъ въ Россію. Но старая партія восторжествовала, — дѣло передали въ комитетъ. Тотъ сейчасъ же рѣшилъ:

— Не стоитъ хлопотать: пуля—дура, штыкъ—молодецъ.

Подъ Альмой скоро мы въ первый разъ познакомились съ этой дурой.

А между тѣмъ Государь очень интересовался открытіями.

— Ты все болтаешься за границей, что новаго привезъ еще?— обратился онъ не вдолгѣ послѣ того къ Мальцову.

— Да вотъ изобрѣтенъ винтъ для пароходовъ... очень полезный.

— Это выдумки!

— Выдумки, ваше величество, будутъ, пока люди будутъ.

— Расскажи, въ чемъ дѣло.

Изложилъ.

— Поѣзжай къ Меньшикову...

— Былъ.

— Что же онъ сказалъ тебѣ?

— А онъ мнѣ посовѣтовалъ и Черное море утопить виѣстѣ со всякими комиссіями.

Адмиралъ Нахимовъ терпѣть не могъ пароходовъ. На всѣ представленія Мальцова онъ отзывался:

— На что намъ эти самоварчики?...

Потомъ, когда его непріятель заперъ, онъ могъ оцѣнить важность парового флота.

— Мальцовъ правъ, — самоварчики бы насъ выручили.

Послѣ известной бури непріятельскій флотъ разбросало въ Бургосъ, въ Батумъ и по другимъ береговымъ пунктамъ Чернаго моря. Нахимовъ и тутъ имѣлъ случай пожалѣть, что во время не воспользовались добрымъ совѣтомъ.

— Еслибы хоть пять самоварчиковъ, — прибрали бы всѣхъ, и дѣло было бы спасено!

Въ свое время, дѣйствительно, еще молодой человѣкъ, Мальцовъ предлагалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, будучи приняты, могли бы хоть отчасти предупредить севастопольскій разгромъ; но къ нимъ обратились уже тогда, когда было поздно. Такъ, напримѣръ, на проектъ построекъ клиперовъ, какъ быстрѣйшихъ судовъ, сначала не обратили вниманія, а потомъ схватились за него, но уже когда Кинбурнъ былъ взятъ союзниками и клипера не могли бы помочь дѣлу. Задолго до войны онъ также доказывалъ необходимость постройки желѣзной дороги отъ Екатеринослава до Перекопа, — не согласились съ нимъ и только потомъ оцѣнили, сколько бы добра она принесла при передвиженіи нашихъ войскъ. Хотѣлъ построить шоссе отъ Перекопа къ Севастополю уже послѣ Синопа. Назначили Клейнмихеля рассмотреть этотъ проектъ, а тотъ положилъ резолюцію: это направленіе не имѣетъ смысла, такъ какъ по всему протяженію кромѣ пыли нѣтъ ничего!... Клейнмихель забылъ только до 30.000.000 пудовъ соли, которая нуждалась въ этомъ пути, не говоря уже о стратегической важности дороги. Впрочемъ Клейнмихелю скоро доказали эту важность пушки союзниковъ.

И это отношеніе къ дѣлу повторялось постоянно.

Какъ въ послѣднюю нашу войну, такъ и во время Севастопольской кампаніи злоупотребленія были ужасны. Здѣшнему Людиновскому заводу было заказано 200.000 артиллерійскихъ снарядовъ. Заготовка пошла въ высшей степени спѣшно. Все остальное было брошено. Какъ-то пріѣзжаетъ Мальцовъ въ Петербургъ.

— Вы однако дороже другихъ берете за провозъ! — обращается къ нему князь Долгорукій, тогдашній военный министръ.

— Какъ такъ? Почему это ты говоришь мнѣ?

— Да еще бы, — по 3 руб. 50 коп. обходится!

— Вранье.

Бросился Мальцовъ въ канцелярію, — не даютъ справокъ. Наконецъ узнали, что военный совѣтъ и департаментъ утвердили невозможныя цѣны: такъ, напримѣръ, снаряды, доставлявшіеся въ Свеаборгъ, отправляясь по Московской желѣзной дорогѣ на разстояніи отъ Москвы до Питера, оплачивались 2 руб. 50 коп. съ пуда, тогда какъ совершенно достаточно было и 28 коп. Начали разбирать дѣло и оказалось, что всѣмъ орудуетъ жидъ Франштейнъ. Онъ же доставилъ яко бы и отъ Мальцова требованія такой громадной платы. Обманъ былъ доказанъ, но Франштейнъ ничего не потерялъ отъ этого.

Вообще дѣятельная, энергическая, предприимчивая личность въ то время многимъ не нравилась. Клейнмихель да и другіе ненавидѣли его. Лучшіе люди, какъ, на примѣръ, Банкринъ, говорили о немъ:

— Молодой человекъ любознательный, только слишкомъ много воображенія у него.

Войну онъ съ ними велъ въ то время безпощадную.

Лично императоръ Николай Павловичъ былъ очень расположенъ къ Мальцову и потому имъ не удавалось съѣсть его. Вообще и тогда, и послѣ Мальцовъ особенно спасительнаго трепета не ощущалъ и съ властями тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены его заводы, находился постоянно на ножахъ. Разумѣется, они тоже понимали безпокойнаго человека всѣми мѣрами. Еще бы!... Нашлась личность, которой есть до всего дѣла... Въ этомъ отношеніи они прибѣгали ко всему. Онъ уничтожилъ у себя еще въ крѣпостное время тѣлесныя наказанія вовсе,—этого было достаточно, чтобъ онъ прослылъ революционеромъ. А тутъ еще онъ выступилъ съ своимъ проектомъ устройства крестьянъ. Дѣло въ томъ, что въ царствованіе императора Николая Павловича состоялся такой законъ: если заложное имѣніе помѣщикомъ въ срокъ не оплачено было или проценты за него не вносились, то въ двухнедѣльный срокъ предоставлялось право самимъ крестьянамъ выкупиться. Случалось, что, по неимѣнію средствъ, начинающіе «покупать себѣ свободу» крестьяне не доплатятъ, — ихъ тотчасъ же назначали въ продажу. Такимъ образомъ уже считавшіе себя свободными люди опять попадали въ кабалу. Предоставляю судить читателю, до какой степени это было ужасно. Мальцовъ предложилъ въ то же время не продавать вообще крестьянъ и не публиковать о торгахъ на имѣнія въ такихъ случаяхъ, а съ «просроченными» имѣніями поступать такимъ образомъ: нарѣзавъ достаточно земли крестьянамъ, переводить ихъ въ разрядъ государственныхъ съ уплатою извѣстнаго оброка за выкупъ, а остальные затѣмъ земли передать помѣщику или продать ихъ. Изъ-за тѣхъ случаевъ, когда крестьянъ то назначали въ продажу, то предоставляли самимъ выкупаться, а потомъ опять продавали въ раздробъ по рукамъ, происходили бунты. Участь крестьянъ сильно озабочивала императора Николая. Онъ не разъ собиралъ совѣтъ по вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ. Объ одномъ изъ такихъ совѣтовъ рассказываетъ Мальцовъ.

Члены совѣта стали возражать, особенно противъ освобожденія, говорилъ князь Меньшиковъ.

Слушалъ, слушалъ императоръ Николай и вспыхнулъ наконецъ.

— Съ вами я никогда и ничего не сдѣлаю!—сказалъ онъ и ушелъ.

Совѣтъ закрылся.

А между тѣмъ тѣ же самые господа, когда приходилось сообщать Государю правду о положеніи дѣлъ, терялись и молчали.

Разъ какъ-то Мальцовъ сообщаетъ А. Ф. Орлову о томъ, что дѣлается въ провинціи, — о правительственной кривдѣ и бѣдствіяхъ народа.

— Что же вы не скажете Царю правду, правду!—предложилъ было князь.

— Я—мальчишка... Скажите вы!

— Какъ я скажу?!—испугался Орловъ. — Я рисую моимъ служебнымъ положеніемъ.

— Ну, снимите мундиръ, выйдите въ отставку и тогда скажите.

Тотъ только расхохотался надъ его наивностью.

Очень поучительна была въ этомъ отношеніи исторія съ днѣпровскими порогами.

Мальцовъ поднялъ вопросъ о расчисткѣ этихъ пороговъ, гдѣ возможно, а тамъ, гдѣ нельзя—объ организаціи плаванія такимъ образомъ, чтобы судоходство терпѣло отъ этого насколько возможно менѣе убытка. Дошло до Государя; тотъ призываетъ Клейнмихеля. Сей министръ, хорошо знавшій Россію, донесъ, что на Днѣпрѣ никакихъ пороговъ нѣтъ, а гдѣ какіе были—давно уже расчищены имъ, Клейнмихелемъ, чрезъ своихъ подчиненныхъ. Мальцовъ не уговорился и привелъ доказательства тому, что ежегодно въ этихъ пунктахъ разбиваются десятки и сотни сплавныхъ судовъ. Клейнмихель написалъ мѣстнымъ губернаторамъ, чтобы тѣ доставили свѣдѣнія о «несуществованіи» пороговъ. Губернаторы собрали хозяевъ сплавныхъ судовъ и хотѣли заставить ихъ подписать заявленія о вполнѣ свободномъ плаваніи по Днѣпру. Чужіе подписали, а мальцовскіе, несмотря на угрозы тюрьмой, отказались. Не выгорѣло!... Тогда Клейнмихель послалъ какъ бы на ревизію близкаго своего человѣчка, который и привезъ въ Петеръ донесеніе, что все обстоитъ благополучно и ничего по этому предмету дѣлать не надобно. На этомъ дѣло и кончилось.

Каждый разъ, уѣзжая изъ этого оригинальнаго царства неустаннаго труда, я увозилъ въ душѣ чувство глубокаго уваженія къ невиднымъ и незамѣтнымъ работникамъ, честно дѣлающимъ здѣсь свое кровное дѣло. У горящаго жерла сварочныхъ нечей, у жадной пасти домны, передъ ярко раскалившейся матрицей стебловарни, на скудной почвѣ съ сохою, въ лѣсу съ топоромъ—всюду человѣкъ добываетъ здѣсь скудный хлѣбъ свой цѣною невѣроятныхъ усилій. И эти усилія, и этотъ каторжный трудъ, и эта вѣчная неустанная энергія даютъ ему только одно—возможность не умереть съ голоду сегодня, отбиться отъ грозящей ему, отовсюду наступающей на него нужды... И еще выше, и еще ярче вырастали передо мною типы этой русской Америки, когда я вспоминалъ о нихъ изъ своего «далека».

Пошли вамъ судьба удачу, неутомимые русскіе люди!

В. Немировичъ-Данченко.

Государственная роспись на 1882 годъ.

III *).

Расходы.

Расходы по министерству финансовъ.—Расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ.—Расходы морского вѣдомства.—Расходы по министерству народнаго просвѣщенія.—Расходы остальныхъ вѣдомствъ и учреждений.—Заключеніе.

По смѣтѣ министерства финансовъ на текущій годъ расходъ опредѣляется въ 78.430.477 рублей. Впрочемъ, эту цифрой не исчерпывается вся сумма расходовъ, предполагаемыхъ министерствомъ, такъ какъ 4 милл. руб. на чрезвычайные по государственному казначейству расходы отнесены въ особый IV отдѣлъ росписи расходовъ не предусмотрѣнныхъ, тогда какъ прежде они вносились въ смѣту министерства финансовъ. Кромѣ того, къ оборотныхъ расходовъ отнесены расходы на счетъ возврата изъ другихъ источниковъ, на сумму 16.013.065 руб. Для сравненія смѣтныхъ предположеній съ дѣйствительнымъ расходомъ прежняго времени, эту послѣднюю цифру надо также приложить къ суммѣ расходовъ министерства финансовъ, такъ какъ въ отчетахъ государственнаго контроля всѣ эти расходы показываются по смѣтѣ департамента государственнаго казначейства и включаются въ общій итогъ расходовъ министерства. Вслѣдствіе этого общая сумма предполагаемыхъ расходовъ по этой смѣтѣ будетъ 98.443.542 рубля. Къ сожалѣнію, я не могу представить читателю сравнительную таблицу расходовъ этого вѣдомства за продолжительное время, такъ какъ въ послѣдніе годы нѣкоторые весьма крупныя расходы были исключены изъ этой смѣты, дру-

*) *Русская Мысль*, в. XI.

гіе же къ ней причислены. Такъ расходы по горному вѣдомству перенесены въ смѣту государственныхъ имуществъ, а расходы по уплатѣ гарантированнаго желѣзнодорожнымъ обществамъ дохода перенесены въ смѣту министерства финансовъ изъ смѣты министерства путей сообщенія, въ которой они прежде показывались. На этомъ основаніи цифры прежнихъ отчетовъ государственнаго контроля не могутъ быть сравниваемы съ предположенными по смѣтѣ. Только въ послѣднихъ отчетахъ, въ видахъ удобства сравненія, общіе итоги расходовъ за предшествовавшія пятилѣтія исправлены согласно новому порядку распредѣленія по смѣтамъ. Такимъ образомъ я имѣю возможность представить читателю сравнительную вѣдомость расходовъ министерства финансовъ только съ 1875 года и опускаю цифры за прежніе годы во избѣжаніе ошибочнаго заключенія. Вотъ эта вѣдомость:

РАСХОДЪ.

	{	1875 годъ	87.215.077 руб.
По отчетамъ	{	1876 »	94.578.152 »
	{	1877 »	100.785.650 »
госуд. контр.	{	1878 »	92.590.595 »
	{	1879 »	94.386.212 »
	{	1880 »	112.730.159 »
По государ.	{	1881 »	99.395.940 »
росписямъ.	{	1882 »	98.443.542 »

Изъ этой таблицы оказывается, что расходы по министерству финансовъ растутъ съ неизмовѣрною быстротой и въ теченіе пятилѣтія возросли на 25½ милл. рублей, или на 29,4%. Такое сильное возрастаніе въ 1880 году объясняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, сильнымъ увеличеніемъ такъ-называемыхъ расходовъ на счетъ возврата, а именно: отпускомъ 8.377.229 руб. въ ссуду за счетъ продовольственнаго и страхового капитала, вслѣдствіе истощенія этихъ источниковъ, и затѣмъ увеличеніемъ расходовъ на уплату гарантированнаго желѣзнодорожнымъ обществамъ дохода, на что издержано болѣе 19½ милліон. руб., т. е. расходъ почти на 10 милл. превысилъ цифру, предположенную по смѣтѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что израсходованная цифра въ ссуду за счетъ продовольственнаго капитала едва ли можетъ быть причислена къ расходамъ на счетъ возврата и, какъ мнѣ кажется, съ полнымъ основаніемъ должна считаться расходомъ безвозвратнымъ. Если вся

сумма продовольственного капитала исчезла и встрѣтилась необходимость отпустить изъ государственныхъ доходовъ на обезпеченіе народнаго продовольствія болѣе 8 милл. руб., то трудно ожидать, чтобы когда-нибудь продовольственный капиталъ былъ пополненъ до той цифры, которая не только обезпечитъ народное продовольствіе, но и дастъ возможность возвратить казнѣ сдѣланную ссуду, въ особенности если припомнить, какъ медленно въ прежнее время поступали суммы въ возвратъ продовольственного капитала. Что же касается суммъ на выдачу гарантій желѣзнодорожнымъ обществамъ, то, вслѣдствіе совершенно неправильнаго счетоводства кредитной канцеляріи, въ отчетахъ государственнаго контроля значатся лишь суммы дѣйствительно отпущенныя изъ государственнаго казначейства, но вовсе не входятъ тѣ, которыя слѣдовали бы правительству въ счетъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, но засчитываются обществами въ счетъ уплаты гарантированнаго дохода. Такіе случаи встрѣчаются очень нерѣдко, когда часть облигацій выпущена обществомъ подъ гарантію правительства, а другая реализована самимъ правительствомъ. Въ этихъ случаяхъ, если чистый доходъ дороги покрываетъ сумму, пужную на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ, выпущеннымъ обществомъ, то послѣднее вовсе не требуетъ выдачи суммъ изъ государственнаго казначейства, но не вноситъ вовсе процентовъ по тѣмъ облигаціямъ, которыя реализованы правительствомъ, и, такимъ образомъ, сумма гарантіи несомнѣнно уплачивается государственнымъ казначействомъ, но она значится по расходу въ системѣ кредита и зачисляется въ счетъ долга общества по платежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала. Погашеніе этого долга, по уставамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, производится только изъ половины чистаго дохода, превышающаго гарантированный. Но такъ какъ громадное большинство нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ даже не предвидится и возможности полученія дивиденда сверхъ гарантіи, то подобное причисленіе невыплаченныхъ къ долгамъ общества равнозначительно записыванію ихъ *въ трубы угольжонъ*. вмѣстѣ съ начисляемыми ежегодно процентами долги обществъ по этому счету могутъ возрасти до такихъ размѣровъ, что никакіе доходы желѣзнодорожныхъ обществъ не будутъ въ состояніи изъ указаннаго источника покрывать однихъ процентовъ по этимъ долгамъ. То же самое можно сказать и о тѣхъ

ссудахъ, которыя дѣлаются обществамъ на покрытіе дефицитовъ по эксплуатаціи на тѣхъ дорогахъ, на которыхъ доходы не покрываютъ расходовъ. Подобныя ссуды значатся лишь въ капитальныхъ затратахъ правительства и вовсе не входятъ въ отчетъ государственнаго контроля по обыкновеннымъ расходамъ государства; между тѣмъ какъ ихъ, въ качествѣ ежегоднаго и, въ виду изложенныхъ соображеній, положительно безвозвратнаго расхода, слѣдовало бы причислять также къ расходамъ на выдачу гарантіи.

Изъ сказаннаго видно, что, несмотря на значительную цифру расходовъ министерства финансовъ, эти расходы не исчерпываются вполнѣ и существуютъ въ иныхъ видахъ помимо смѣтныхъ и отчетныхъ цифръ. Но, оставляя обстоятельство это въ сторонѣ и обращаясь къ предположеннымъ цифрамъ расхода на 1881 и 1882 годъ, очень трудно согласиться съ предположеніемъ, что министерство финансовъ въ состояніи будетъ сократить свои расходы на 13 или 14 милл. рублей въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года. Если допустить, что въ эти годы оно и не встрѣтитъ необходимости усиливать средства продовольственнаго капитала (что, впрочемъ, очень сомнительно), то во всякомъ случаѣ всѣ остальные расходы министерства и въ особенности на уплату гарантіи необходимо должны возрасти, такъ какъ доходъ желѣзныхъ дорогъ за 1881 годъ значительно сократился, а за текущій годъ хотя и представляетъ нѣкоторое увеличеніе за первыя двѣ трети, но съ сентября сталъ понижаться и, въ виду упадка хлѣбной торговли, едва ли позволитъ рассчитывать на уменьшеніе приплатъ. Впрочемъ, доходъ желѣзныхъ дорогъ текущаго года можетъ оказать вліяніе на приплаты только въ будущемъ году, въ настоящемъ же расходы правительства опредѣляются большею частію доходами обществъ въ истекшемъ году. Кстати не могу не замѣтить, что, по принятому въ послѣднее время обычаю, кредитная канцелярія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ задерживаетъ выдачу нужныхъ обществамъ суммъ какъ на уплату гарантированнаго дохода, такъ и на покрытіе дефицитовъ. Вслѣдствіе этого не только запутываются взаимные счета желѣзнодорожныхъ обществъ, но послѣднія обязаны прибѣгать къ дорого стоющему кредиту банковъ; не имѣя же собственныхъ векселей для учета, общества должны прибѣгать къ посредникамъ, имѣющимъ кредитъ въ банкахъ, и вслѣдствіе этого платить сверхъ банковаго еще ком-

миссіонный процентъ посредникамъ и переписывать векселя свои черезъ каждыя три мѣсяца. Въ виду такихъ условій, пользованіе кредитомъ обходится обществамъ не менѣе 12% и иногда и 14% годовыхъ, считая 8% банковыхъ, комиссію за каждую пересрочку и вексельную бумагу. Само собою разумѣется, что всѣ эти расходы общества сносятъ на расходы эксплуатаціи и тѣмъ увеличиваютъ приплаты правительства по гарантіи. Такимъ образомъ система отсрочекъ по выдачѣ суммъ желѣзнодорожными обществамъ ведетъ лишь къ тому, что правительство платитъ по долгамъ желѣзнодорожныхъ обществъ отъ 12 до 14%. А между тѣмъ эти отсрочки и задержки дѣлаются въ видахъ огражденія интересовъ государственнаго казначейства. Если такъ понимаются интересы государства со стороны нашихъ канцелярій, то нѣтъ ничего мудренаго, что приплаты правительства по гарантіи возрастаютъ.

Другіе расходы министерства финансовъ также возрастаютъ. Расходы по таможенному департаменту достигли по смѣтѣ на текущій годъ 8.529.261 руб.,—съ 1879 только года возросли на 1.117.275 руб.; если же принять въ соображеніе, что въ эту сумму перечислены расходы, производившіеся прежде по смѣтѣ Закавказскаго края, на сумму 476.017 руб., то и тогда окажется, что по прошествіи только 2-хъ лѣтъ расходы этого департамента возросли на 641.258 руб., или болѣе чѣмъ на 8¹/₂ процентовъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что сравниваю дѣйствительный расходъ съ смѣтными предположеніями, а извѣстно, что предположенія всегда оказываются ниже дѣйствительнаго расхода, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что послѣдній превыситъ расходъ 1879 года на всѣ 10%. Передъ такимъ возрастаніемъ расхода дѣйствительнаго можно остановиться и предложить вопросъ: гдѣ причина этого явленія? Подобный вопросъ тѣмъ простительнѣе, что жалобы на недостаточность таможеннаго надзора не перестаютъ раздаваться и, слѣдовательно, дальнѣйшее возвышеніе этого расхода неизбежно. Нѣтъ никакихъ также оснований предполагать, чтобы министерство финансовъ могло сократить расходы по другимъ отдѣламъ своей смѣты въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это предположено, одними административными распоряженіями, безъ серьезныхъ законодательныхъ реформъ и безъ измѣненія штатовъ.

Если читатель припомнитъ, что я говорилъ, рассматривая расходы военнаго вѣдомства, о тенденціи отдѣльныхъ частей

управленія обособиться въ особыя вѣдомства, то все это можно примѣнить также къ министерству финансовъ, такъ какъ здѣсь стремленіе въ средѣ одного министерства создать нѣсколько министерствъ проявляется едва ли не болѣе, чѣмъ въ военномъ министерствѣ.

Все наше центральное финансовое управленіе дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: 1) департаментъ государственнаго казначейства, 2) департаментъ окладныхъ сборовъ, 3) департаментъ необкладныхъ сборовъ, 4) таможенный департаментъ, 5) департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, 6) общая канцелярія министра, 7) канцелярія по кредитной части, 8) экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Затѣмъ отдѣльно отъ министерства, но все же въ непосредственномъ вѣдѣніи министра финансовъ состоятъ: государственный банкъ, комиссія погашенія государственныхъ долговъ, выкупное учрежденіе и вновь открываемый крестьянскій поземельный банкъ.

Прежде всего человѣкъ знакомый съ общимъ ходомъ нашего управленія поражается положительнымъ излишествомъ и избыточностію нѣкоторыхъ отдѣловъ. Такъ, наприм., зачѣмъ существуетъ цѣлый департаментъ окладныхъ сборовъ? Всѣ дѣла объ окладахъ, о причисленіи и исключеніи изъ окладовъ и составленіи окладныхъ листовъ вѣдаются казенными палатами самостоятельно, а расчеты съ плательщиками ведутся въ казначействахъ, и дѣла эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ входить въ число предметовъ вѣдомства центрального управленія, такъ какъ такой порядокъ вызвалъ бы страшную медленность и неточность въ окладахъ. Только жалобы на дѣйствія казенныхъ палатъ и могутъ входить на разсмотрѣніе департамента. Но, связанная съ такими жалобами, процедура, отдаленность мѣста жительства плательщиковъ отъ Петербурга и невозможность для центрального управленія имѣть въ виду послѣдніе расчеты съ плательщиками, заставляютъ послѣднихъ положительно избѣгать и стараться возникающія недоразумѣнія разъяснить въ казенныхъ палатахъ, а въ нѣкоторыхъ незначительныхъ случаяхъ оставлять безъ послѣдствій. Впрочемъ всѣ возникающія здѣсь недоразумѣнія могутъ быть слѣдствіемъ лишь фактическихъ ошибокъ, и какъ скоро фактъ установленъ правильно, то и спора между плательщикомъ и мѣстной администраціей быть не можетъ. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что подобныхъ жалобъ не можетъ доходить до министерства, а если они и могутъ возникать въ чрезвычайно рѣд-

нихъ случаяхъ, то разсмотрѣніе ихъ могло бы производиться въ департаментѣ государственнаго казначейства, которому казенныя палаты подчинены непосредственно. Затѣмъ могутъ быть дѣла о разсрочкахъ недоимокъ въ окладныхъ сборахъ или окончательномъ ихъ сложеніи по безнадежности взысканія. Но, во-первыхъ, подобныхъ дѣлъ не много и сохранять отдѣльный департаментъ, на содержаніе котораго ассигновано въ текущемъ году 85.232 рубля, положительно не стоитъ; а во-вторыхъ, мотивы, по которымъ возникаетъ вопросъ о разсрочкѣ или сложеніи недоимокъ, устанавливаются на мѣстахъ и значеніе этихъ мотивовъ въ центральномъ управленіи провѣрено быть не можетъ за неизмѣнимъ данныхъ помимо тѣхъ, которыя должны быть представлены мѣстнымъ управленіемъ. Слѣдовательно, всѣ подобныя дѣла производятся для исполненія только пустой формальности, по которой требуется въ этихъ случаяхъ санкція центрального управленія. Но подобная санкція можетъ быть получена простымъ утвержденіемъ министра постановленія казенной палаты чрезъ канцелярію министра. Наконецъ, остается бухгалтерія по окладнымъ сборамъ, которая и составляетъ такъ-сказать текущее дѣло департамента окладныхъ сборовъ и ведется имъ на основаніи вѣдомостей казенныхъ палатъ, съ указаніемъ какъ утвержденныхъ ими окладовъ, такъ и поступившихъ за извѣстный періодъ сборовъ. Но та же самая бухгалтерія ведется и въ департаментахъ государственнаго казначейства, въ виду необходимости имѣть эти свѣдѣнія для распредѣленія наличныхъ средствъ государственнаго казначейства, и, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности, чтобъ она велась еще въ особомъ департаментѣ того же министерства. Въ прежнее время, когда существовалъ особый земскій сборъ государственный и губернской и когда министерство финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, вѣдало не только утвержденіе смѣтъ по этимъ сборамъ, но производило и раскладку государственнаго земскаго сбора, — необходимость особаго департамента была понятна, тѣмъ болѣе, что и производство расходовъ изъ этихъ сборовъ производилось подъ наблюденіемъ этого департамента. Но, съ причисленіемъ государственнаго земскаго и общественнаго сборовъ къ общимъ государственнымъ доходамъ и съ передачею губернскихъ сборовъ въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, департаментъ окладныхъ сборовъ дѣлается совершенно излишнимъ и ненужнымъ учрежденіемъ и, какъ мнѣ кажется, остается только

потому, что для бюрократическаго порядка трудно подымать руку на самого себя. Можетъ возникнуть трудный для разрѣшенія вопросъ, что дѣлать съ чиновниками, служащими въ департаментѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ есть и тайные, и дѣйствительные статскіе совѣтники. Неловко же ихъ оставлять за штатомъ.

То же и съ большею достовѣрностію можно сказать и о департаментѣ торговли и мануфактуръ. Если департаментъ окладныхъ сборовъ въ прежнее время имѣлъ свой *raison d'être*, то департаментъ торговли и мануфактуръ рѣшительно никогда не имѣлъ значенія и велъ только бухгалтерію по сборамъ съ торговли и промысловъ, которая ведется также и въ департаментѣ государственнаго казначейства по тѣмъ же вѣдомостямъ казенныхъ палатъ. Правда, въ виду отсутствія предметовъ вѣдомства, его вѣдѣнію былъ подчиненъ технологическій институтъ въ Петербургѣ, но теперь и онъ переданъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ, кромѣ бухгалтеріи по сборамъ съ торговли и промысловъ, за нимъ остается завѣдываніе Строгановскимъ училищемъ технического рисованія (въ Москвѣ), которое, Богъ знаетъ почему, остается въ вѣдѣніи этого департамента, и выдача привилегій на изобрѣтенія, не касающіяся однако-жъ сельскаго хозяйства. Что касается послѣдняго предмета вѣдомства, то вопросы сюда относящіеся должны бы разсматриваться отнюдь не въ департаментѣ министерства, который въ этомъ случаѣ нисколько не компетентенъ, а въ какой-нибудь ученой корпораціи техниковъ, какъ, напримѣръ, при технологическомъ институтѣ или подобномъ учрежденіи.

Можно понять министерство торговли и промышленности, которое завѣдывало бы всѣми отраслями промышленной дѣятельности, т. е. таможеннымъ тарифомъ, путями сообщенія, торговыми портами, банками и нуждами сельскаго хозяйства. Объединеніе всѣхъ промышленныхъ интересовъ государства въ вѣдѣніи одного вѣдомства могло бы вести къ болѣе правильному направленію средствъ, ассигнуемыхъ въ распоряженіе такого министерства, на одновременное развитіе всѣхъ промышленныхъ силъ государства, и избавило бы можетъ-быть насъ отъ той односторонней торговой политики, которая такъ вредитъ общенароднымъ интересамъ. Конечно, учрежденіе подобнаго министерства не есть еще панацея противъ ошибочной политики, но во всякомъ случаѣ сопоставленіе разнородныхъ интересовъ и нравственная отвѣтственность одного и того же лица за общее ихъ раз-

впѣтіе представляютъ до извѣстной степени гарантію противъ той ошибочной политики, по которой считается, напримѣръ, что развитіе торговли и фабричной промышленности обезпечиваетъ богатство страны; между тѣмъ какъ оно ведетъ только къ сосредоточенію капиталовъ въ немногихъ рукахъ, полному разоренію сельскаго рабочаго и оскудѣнію финансовъ государства. Повторяю, можно понять устройство министерства торговли, но понять учрежденіе департамента торговли и мануфактуръ въ числѣ другихъ департаментовъ министерства финансовъ я положительно отказываюсь. Если разсмотрѣть всѣ кредиты, ассигнуемые департаменту, то окажется, что они составляютъ только простую выдачу разныхъ пособій разнымъ обществамъ и учрежденіямъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ, не требующую ровно никакихъ распоряженій, — выдачу, которую могло бы исполнять казначейство въ виду открытаго кредита. Что же касается кредита на полезныя для торговли и промышленности издержки, въ суммѣ 14.750 руб., то онъ настолько ничтоженъ, что не представляетъ возможности сдѣлать что-либо полезное въ этомъ отношеніи и, по всей вѣроятности, тратится совершенно непроизводительно именно въ силу своей ничтожности. Вообще въ смѣту этого департамента вносятся разнородныя выдачи, повидимому за отсутствіемъ у него другихъ функций. Такъ, напримѣръ, по этому департаменту производилась выдача 12.000 рублей въ 1880 году на изданіе атласа орнаментовъ подъ названіемъ: «Славянскіе и восточные орнаменты». Спрашивается, что общаго между славянскими и восточными орнаментами и назначеніемъ департамента торговли и мануфактуръ?

Въ виду означенныхъ соображеній, департаментъ торговли и мануфактуръ, вмѣстѣ съ его бухгалтеріей, подлежитъ положительному упраздненію, другія же обязанности его могутъ быть переданы въ общую канцелярію министра безъ всякаго для нея обремененія, такъ какъ онѣ состоятъ только изъ подписыванія ассигновокъ. Дѣла же по выдачѣ привилегій должны быть переданы совѣту высшаго технологическаго учебнаго заведенія.

Третье совершенно ненужное учрежденіе министерства финансовъ есть комиссія погашенія государственныхъ долговъ. Въ прежнее время, когда означенная комиссія была учреждена, государственный долгъ имѣлъ совершенно другое значеніе: это было лишь временное позаймствование частныхъ средствъ, о скорѣйшей уплатѣ которыхъ необходимо было особое попеченіе; но съ

тѣхъ поръ, какъ платежъ процентовъ по государственнымъ долгамъ сдѣлался существенной и неизбѣжною статьей государственнаго бюджета, а погашеніе государственнаго долга не ставится непремѣннымъ условіемъ займа, никакого особаго попеченія о погашеніи не требуется и оно производится или путемъ разъ установленнаго ежегоднаго тиража, или покупкою на биржѣ, на опредѣленную сумму, государственныхъ обязательствъ, если есть на то средства у министра финансовъ. Такимъ образомъ, въ виду существованія особой канцеляріи министра финансовъ по кредитной части, нѣтъ никакого повода сохранять комиссію погашенія долговъ, между тѣмъ какъ упраздненіе оной сохранило бы государству 114.842 рубля, которые нынѣ тратятся совершенно непроизводительно.

Не понятно для меня также, почему въ бюджетѣ расходы по системѣ кредита вносятся издержки на содержаніе с.-петербургской и московской сохранной казны. Обороты этихъ кассъ причисляются къ оборотамъ государственнаго банка, а потому и расходы должны падать не на государственное казначейство, а на доходы банка, которые стоятъ у насъ совершенно особнякомъ и внѣ всякой зависимости отъ высшихъ государственныхъ учреждений. Отчетъ государственнаго банка представляется только совѣту государственныхъ кредитныхъ учреждений; но такая зависимость есть чисто фиктивная, являющаяся пустою формальностью, такъ какъ совѣтъ не только не руководитъ дѣйствіями банка, но, повидимому, вовсе и не собирается; иначе нельзя объяснить, почему прибыли банка не только за истекшій годъ, но даже за 1880 годъ остаются въ числѣ счетовъ пассива банка и не получаютъ никакого назначенія, такъ какъ банкъ безъ распоряженія совѣта кредитныхъ учреждений сдѣлать этого не можетъ.

Дѣйствительно, положеніе государственнаго банка въ нашемъ отечествѣ какое-то странное. Онъ представляетъ собою совершенно самостоятельное учрежденіе, стоящее внѣ всякой зависимости и вліянія даже комитета министровъ и не имѣетъ ничего общаго съ учрежденіемъ министерства финансовъ, кромѣ прямого подчиненія управляющаго банкомъ министру финансовъ. Между тѣмъ государственный банкъ оперируетъ главнымъ образомъ казенными капиталами и характеръ его операций имѣетъ огромное вліяніе на всѣ условія хозяйственной дѣятельности въ Россіи. Это вліяніе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно дѣй-

ствуется не прямо, а косвенно, и потому можетъ быть замѣчено только опытнымъ глазомъ. Я не говорю о томъ, что при существующей системѣ денежнаго обращенія и при такой громадной наличности кассы, какая имѣется въ настоящее время въ кладовыхъ банка, послѣдній держитъ въ полной своей зависимости все денежное обращеніе страны и, въ случаѣ ошибочныхъ распоряженій, можетъ вызвать не только не желательныя, но и печальныя послѣдствія; но, кромѣ того, одно право и возможность расширять кредитъ одной мѣстности въ ущербъ другой или одной отрасли промышленности на счетъ другой—даетъ банку средство содѣйствовать общимъ видамъ административной политики комитета министровъ или парализовать ее. Еще въ большей зависимости отъ государственнаго банка находится успѣхъ хозяйственной дѣятельности каждаго отдѣльнаго министра, такъ какъ и содѣйствіе, и противодѣйствіе отдѣльному вѣдомству еще менѣе замѣтны, чѣмъ общему направленію внутренней политики. Я не хочу этимъ сказать, что государственный банкъ можетъ имѣть въ виду сознательно направлять свои распоряженія въ ту или другую сторону, но все это можетъ такъ случиться, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, вслѣдствіе дискреціоннаго права банка распоряжаться кредитомъ и различія взглядовъ при отсутствіи возможности согласить ихъ. Для поясненія моей мысли приведу одинъ примѣръ. Положимъ, военный министръ дѣлаетъ распоряженіе о заготовкѣ значительнаго количества провіанта въ извѣстномъ районѣ и съ этою цѣлью командируетъ агентовъ для покупки его; между тѣмъ государственный банкъ, въ виду какихъ-либо соображеній, находитъ нужнымъ расширить значительно въ томъ же районѣ и въ то же время кредитъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ. Само собою разумѣется, что цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе такой мѣры государственнаго банка, возвысятся, успѣхъ операціи военнаго министра будетъ значительно парализованъ и можетъ даже оказаться полнѣйшая неудача; если же, наоборотъ, кредитъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ будетъ стѣсненъ, то успѣхъ можетъ превзойти ожиданія. Но, при такомъ несомнѣнномъ вліяніи операцій государственнаго банка на тотъ или другой исходъ операціи, дѣйствительная причина врядъ ли сдѣлается извѣстной военному министру и врядъ ли самъ государственный банкъ узнаетъ о послѣдствіяхъ своихъ распоряженій. Они совершенно чужды одинъ другому и ихъ распоряженія исходили изъ соображеній различнаго порядка, ничего общаго между собою не имѣю-

щихъ. Каждый изъ гг. министровъ, въ вѣдомствѣ котораго производятся какія-либо значительныя хозяйственныя операціи или состоитъ завѣдываніе извѣстной отраслью промышленности, можетъ быть поставленъ въ то же положеніе, какъ и военный министръ въ приведенномъ гипотетическомъ примѣрѣ, и его распоряженія могутъ быть парализованы распоряженіями государственнаго банка, между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны не можетъ оказать никакого вліянія на дѣятельность государственнаго банка. Все это я говорю въ тѣхъ видахъ, чтобы показать тотъ ненормальный порядокъ вещей, въ которомъ находится наша администрація. Учрежденіе, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ, такъ-сказать, всѣ жизненные силы государства, вліяющее на развитіе и стѣсненіе всякаго рода дѣятельности, поставлено совершенно независимо отъ высшаго административнаго учрежденія въ государствѣ и даже не представляетъ ему своего отчета, при разсмотрѣніи котораго члены комитета министровъ могли бы критически отнестись къ дѣятельности государственнаго банка и, въ случаѣ его совершенно односторонней и несоотвѣтствующей общимъ государственнымъ интересамъ дѣятельности, указать на нее или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть серьезному обсужденію послѣдствія этой дѣятельности.

Мы можемъ замѣтить, что министръ финансовъ, въ качествѣ главнаго руководителя дѣятельностію государственнаго банка, всегда можетъ выслушать замѣчанія своихъ сочленовъ, принять ихъ къ руководству или представить на нихъ возраженія. Но это можетъ говорить только тотъ, кто незнакомъ съ порядкомъ, установленнымъ для внесенія дѣлъ въ комитетъ министровъ. Дѣло въ томъ, что министрами вносятся въ комитетъ министровъ только вопросы ихъ вѣдомства и подлежатъ разсмотрѣнію лишь въ предѣлахъ сдѣланнаго представленія. На этожъ основаніи вопросъ о дѣятельности государственнаго банка въ комитетѣ министровъ и возникнуть не можетъ. Какъ бы ни вредила эта дѣятельность усиліямъ кого-либо изъ гг. министровъ, онъ не въ правѣ возбуждать этого вопроса въ комитетѣ, а испрашивать на это Высочайшее разрѣшеніе всеподданнѣйшимъ докладомъ считается необычнымъ и было бы прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію другого министра. Такимъ образомъ дѣятельность государственнаго банка остается безконтрольною, такъ какъ контроль министра финансовъ—и какъ лица дающаго направленіе этой дѣятельности, и какъ лица обременен-

наго другими занятіями—далеко недостаточенъ. Мудрено ли, что при такой обстановкѣ дѣятельность государственнаго банка уклонилась отъ дѣйствительнаго своего назначенія и сдѣлалась одностороннею.

Первая статья устава государственнаго банка возлагаетъ на него содѣйствіе развитію отечественной торговли и промышленности. Какъ же исполняетъ эту обязанность государственный банкъ?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ его балансахъ. До сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть ни одного баланса государственнаго банка, въ которомъ бы не было указано долговъ банка его конторамъ и отдѣленіямъ, причемъ долги эти доходили до 40—50 милліоновъ рублей. Отсюда слѣдуетъ, что государственный банкъ при посредствѣ своихъ конторъ и отдѣленій сосредоточиваетъ провинціальныя капиталы въ Петербургѣ и раздаетъ ихъ въ ссуду петербургскимъ торговцамъ и капиталистамъ, то-есть содѣйствуетъ не отечественной, а петербургской, и притомъ не промышленности вообще, а исключительно торговлѣ и притомъ на счетъ провинціи. Его конторы и отдѣленія, пользуясь кредитомъ въ силу правительственнаго авторитета, служатъ, такъ-сказать, насосами для выкачиванія мѣстныхъ капиталовъ въ пользу петербургскихъ банковъ, банкировъ и капиталистовъ. Мудрено ли послѣ этого, что въ провинціи, лишенной этихъ капиталовъ, обнаруживается полнѣйшій застой промышленности, въ особенности въ послѣднее время. Но, кромѣ того, конторы и отдѣленія, помимо тѣхъ капиталовъ, которые онѣ переводятъ въ государственный банкъ, часть ихъ раздаютъ въ ссуду мѣстнымъ капиталистамъ. Такимъ образомъ капиталы, прежде обращавшіеся, за неимѣніемъ другого помѣщенія, въ мелкомъ производствѣ, теперь попадаютъ въ руки мѣстныхъ Колупаевыхъ и усиливаютъ ихъ средства эксплуатировать какъ производителей, такъ и потребителей. Отсюда слѣдуетъ, что государственный банкъ, усиливая централизацию и сосредоточеніе капиталовъ въ столицахъ и болѣе крупныхъ центрахъ,—централизацию и безъ того чрезвычайно сильную вслѣдствіе существующаго государственнаго устройства и управленія,—препятствуетъ болѣе правильному и равномерному распредѣленію капиталовъ, вызываетъ вовсе непроизводительныя ихъ траты, ничѣмъ не оправдываемую роскошь большихъ городовъ и бѣдность деревень. Этимъ государственный банкъ не только не содѣйствуетъ развитію отечественной промышленности, но положитель-

но парализуетъ ее, давая обращенію капиталовъ совершенно неправильное направленіе. Операціи банка могли бы содѣйствовать развитію отечественной промышленности только въ такомъ случаѣ, еслибъ онѣ, не высасывая капиталовъ изъ одной мѣстности для перевода ихъ въ другую, въ каждой данной мѣстности развивали бы ссуды въ мѣрѣ возрастанія вкладовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотя бы до извѣстной степени исправляли вредныя экономическія послѣдствія централизаціи капиталовъ, обусловливаемой существованіемъ крупныхъ административныхъ центровъ, т. е. способствовали бы обратному теченію свободныхъ средствъ изъ крупныхъ административныхъ центровъ въ провинцію и деревню.

Но этой одной переменной въ политикѣ государственнаго банка можетъ понизиться процентъ съ капитала въ провинціи, но поставленная для банка цѣль не можетъ быть достигнута, такъ какъ въ этомъ случаѣ капиталы изъ рукъ столичныхъ болѣе крупныхъ Разуваевыхъ могли бы перейти въ руки болѣе мелкихъ провинціальныхъ Колупаевыхъ, нисколько не содѣйствуя развитію производства. Для достиженія этой послѣдней цѣли нужно измѣнить самый характеръ ссудъ, производимыхъ государственнымъ банкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ объектъ, надъ которымъ обыкновенно оперируетъ государственный банкъ по ссудамъ?—Главнымъ образомъ процентная бумага, вексель, и притомъ торговый, и наконецъ товаръ въ незначительныхъ размѣрахъ. Относительно процентныхъ бумагъ слѣдуетъ замѣтить, что кредитъ, создаваемый этими цѣнностями, не имѣетъ никакого отношенія къ производству и нисколько его не усиливаетъ; напротивъ, выгоды кредита, доставляемаго этими цѣнностями, поощряютъ извлеченіе капиталовъ изъ производства и помѣщеніе ихъ въ процентныхъ бумагахъ. Владѣлецъ процентныхъ бумагъ прибѣгаетъ къ кредиту отнюдь не въ видахъ какаго-либо производства, но просто для покупки другихъ бумагъ, рассчитывая или на высшій процентъ по этимъ бумагамъ, или на повышеніе ихъ стоимости. Такимъ образомъ ссуды подъ процентныя бумаги развиваютъ только биржевую игру и убиваютъ производство. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе, какая масса капиталовъ обращается въ торговлѣ процентными бумагами, и притомъ возьмемъ въ соображеніе то обстоятельство, что такая торговля создавалась у насъ только со времени учрежденія государственнаго банка, — то должны согласиться, во-первыхъ, что капиталы эти ни въ какомъ случаѣ не

могли быть слѣдствіемъ однихъ сбереженій, сдѣланныхъ въ послѣднія 20 лѣтъ, а извлечены изъ другихъ предпріятій и оборотовъ, между которыми производство играло не послѣднюю роль; а во-вторыхъ, что виновникомъ такой непроизводительной затраты капиталовъ, какимъ является биржевая игра, можно считать исключительно государственный банкъ, такъ какъ наши частные банки оперируютъ по примѣру и на средства того же государственнаго банка.

Другой объектъ, надъ которымъ оперируетъ государственный банкъ, а за нимъ и всѣ частные банки, есть вексель. Но эта бумага есть орудіе торговли, и притомъ торговли исключительно. Вексель облегчаетъ для торговли возможность сдѣлать товаръ предметомъ сбыта и обращенія, но нисколько не усиливаетъ производства, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ главная масса товаровъ является продуктомъ сельско-хозяйственной или кустарной промышленности, вовсе не имѣющихъ кредита ни въ какихъ банкахъ. Что же касается нашей крупной заводской и фабричной промышленности, то она, во-первыхъ, составляетъ каплю въ морѣ нашего производства и, во-вторыхъ, можетъ пользоваться кредитомъ лишь въ видахъ скорѣйшаго сбыта продуктовъ, т. е. пользоваться кредитомъ въ мѣрѣ кредита, сдѣланнаго торговлѣ, а отнюдь не для усиленія производства, такъ какъ для этой цѣли нуженъ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ какой отсрывается нашими банками. Мнѣ могутъ возразить, что обрабатывающая промышленность можетъ, въ виду существующей учетной операціи, пріобрѣтать въ кредитъ тѣ матеріалы производства, затрата которыхъ не требуетъ большаго срока; но необходимость отпускать выработанный продуктъ въ кредитъ, въ видахъ облегченія сбыта, требуетъ также болѣе продолжительнаго срока. Въ виду означенныхъ условій вексель является средствомъ усиленія обращенія товаровъ, слѣдовательно содѣйствуетъ развитію торговыхъ оборотовъ, но не имѣетъ никакого вліянія на развитіе и усиленіе производительной промышленности. Доказательства на-лицо: наша сельско-хозяйственная дѣятельность въ застоѣ, кустарная промышленность падаетъ, фабричная и заводская занимаетъ то же число рукъ, что и 20 лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно не приноситъ народу большихъ выгодъ, и если увеличила сумму своего производства, то лишь благодаря тѣмъ потерямъ, которыя въ силу покровительственныхъ пошлинъ обязаны нести русскіе потребители. Подобная переплата, еслибъ

она осталась въ рукахъ потребителей, могла бы служить источникомъ сбереженій и, конечно, пошла бы на болѣе выгодное развитіе промышленныхъ силъ страны, чѣмъ мы это видѣли на послѣдней выставкѣ. Что же касается усиленія обращенія товаровъ, то она дѣйствительно усилилась въ громадныхъ размѣрахъ. Количество нашего ввоза и вывоза не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что было 20 лѣтъ тому назадъ, и цѣна на всѣ предметы первой необходимости удвоилась. Но такъ какъ огромное большинство русскаго народа не продаетъ ихъ, а покупаетъ, и во всякомъ случаѣ весь русскій народъ потребляетъ предметовъ первой необходимости несравненно болѣе, чѣмъ продаетъ, то отъ этого возвышенія цѣнъ онъ не находится въ авантажѣ, такъ какъ собственное содержаніе ему обходится вдвое дороже. Вотъ послѣдствія усиленія товарнаго обращенія путемъ того содѣйствія, которое оказывалъ государственный банкъ, а за нимъ и всѣ частныя банки, нашей торговлѣ, — послѣдствія, развившіяся въ полномъ обѣднѣніи крестьянскаго населенія.

Но мнѣ желательнo обратить вниманіе читателя еще на одно обстоятельство и указать, какъ операціи государственнаго банка могутъ парализовать даже политику того вѣдомства, которому онъ непосредственно подчиненъ, а именно политику министерства финансовъ. Извѣстно, что наше министерство финансовъ, несмотря на перемѣну лицъ, стоявшихъ во главѣ его, постоянно придерживалось системы протекціонизма и таможенныя пошлины, возрастая постоянно, въ настоящее время на нѣкоторые товары достигли размѣровъ чисто запретительныхъ, въ виду взиманія ихъ золотомъ при существующемъ низкомъ курсѣ нашего кредитнаго рубля. Такая политика, разумѣется, имѣетъ въ виду оградить нашъ рынокъ отъ наплыва заграничныхъ товаровъ. Но государственный банкъ, направляя всѣ свои операціи на усиленіе товарнаго обращенія, не въ состояніи направить свое содѣйствіе только на усиленіе обращенія товаровъ внутренняго приготовленія; онъ не можетъ даже знать, за какой товаръ выданъ учитываемый имъ вексель, слѣдовательно его содѣйствіе усиливаетъ на нашемъ рынкѣ обращеніе товаровъ какъ внутренняго, такъ и заграничнаго приготовленія, и, мнѣ кажется, преимущественно обращеніе послѣднихъ, которые болѣею частію продаются въ кредитъ съ разсрочкою платежа, тогда какъ сырые продукты нашего производства болѣею частію идутъ за наличный рассчетъ, вслѣдствіе чего подобныя сдѣлки вызываютъ мень-

шее количество векселей. Такимъ образомъ учетная операція нашихъ банковъ всего болѣе содѣйствуетъ усиленію обращенія заграничныхъ товаровъ и тѣмъ увеличиваетъ ввозъ. Русскій торговецъ гораздо охотнѣе будетъ приобрѣтать даже болѣе цѣнный заграничный товаръ, получая его въ кредитъ, въ которомъ заграничные комиссіонеры никогда не отказываютъ. Но этого мало: выписка заграничныхъ товаровъ и продажа ихъ на нашемъ рынкѣ въ кредитъ даже по дешевымъ цѣнамъ и въ убытокъ дѣлается комиссіонерскими конторами съ единственною цѣлью учесть векселя въ нашихъ банкахъ для производства другихъ операцій. Значительная отсрочка платежей, которую дѣлаютъ здѣшнимъ комиссіонерамъ заграничные заводчики и торговые дома, даетъ комиссіонеру возможность производить другія операціи впредь до наступленія срока платежа и барышами покрывать свои убытки по продажѣ заграничнаго товара. При колебаніи у насъ вексельнаго курса и цѣны на золото и при высотѣ нашего торговаго процента, недостатка въ различныхъ денежныхъ операціяхъ, быстро совершаемыхъ у насъ, быть не можетъ. Такимъ образомъ государственный банкъ, производя учетную операцію, создаетъ не только возможность ввоза заграничныхъ произведеній, но и усиленное ихъ распространеніе по всей Россіи, и слѣдовательно парализуетъ въ значительной степени значеніе покровительственныхъ пошлинъ въ ущербъ нашему заводскому и фабричному производству, то-есть не содѣйствуетъ ему, а убиваетъ его.

Ссуды подъ залогъ товаровъ также облегчаютъ лишь сбытъ ихъ и слѣдовательно содѣйствуютъ обращенію, а не производству товаровъ, и притомъ производятся въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что о нихъ и говорить не стоитъ.

Еслибы государственный банкъ дѣйствительно имѣлъ въ виду развитіе производительной промышленности, то, во-первыхъ, онъ озаботился бы, чтобы капиталы, скапливающіеся въ столицахъ и большихъ промышленныхъ центрахъ, шли бы въ провинцію, а не наоборотъ, — ближе къ дѣйствительному производителю и попадали прямо ему въ руки, а не оставались бы въ распоряженіи торговаго люда, этого паразитнаго класса, который отъѣдается, жирѣетъ на счетъ производителя и потребителя и, къ несчастію Россіи, за многими исключеніями, отличается тупостію, неразвитостію и отсутствіемъ всякаго чувства гражданскаго долга. Само собой разумѣется, что вопросъ, какъ достигнуть подобныхъ результатовъ,

есть вопросъ техническій и не можетъ быть предметомъ настоящей статьи, имѣющей въ виду указать лишь тѣ принципы, на основаніи которыхъ инициатива государства въ дѣлѣ кредита могла бы соотвѣтствовать народному интересу. Дѣло это конечно трудное, но трудность достиженія цѣли не есть еще невозможность. Нужно только отрѣшиться отъ того рутиннаго взгляда, перешедшаго къ намъ съ Запада, по которому вексель съ бланкомъ его владѣльца считается лучшимъ объектомъ банковскихъ операций. Но тамъ этотъ взглядъ имѣлъ основаніе: задача кредита въ западной Европѣ состояла въ томъ, чтобъ облегчить сбытъ и расширить рынокъ для продуктовъ исторически уже развившагося производства, тогда какъ у насъ дѣло кредита—создать производство или, лучше сказать вдохнуть новую жизнь въ наше производство, которое въ большинствѣ случаевъ ведется до сихъ поръ допотопными приѣмами. Въ виду такой значительной разницы экономическаго положенія у насъ и на западѣ Европы, приемы нашихъ кредитныхъ учрежденій должны быть совершенно иные, чѣмъ на западѣ Европы, если только имѣется въ виду путемъ кредита содѣйствовать развитію нашихъ производительныхъ силъ. Само собою разумѣется, что наши частные акціонерные банки не могутъ задаваться подобными цѣлями: ихъ цѣль — нажива, какимъ бы путемъ она имъ ни доставалась; но государственный банкъ, казалось бы, долженъ имѣть въ виду указанную мною цѣль, и можно только удивляться, что въ теченіе 20-лѣтняго его существованія не было замѣчено, что онъ не только не достигаетъ предназначенной ему цѣли, но прямо тормозитъ развитіе нашего внутренняго производства.

Если таково значеніе операций государственнаго банка, то его дѣятельность необходимо должна подлежать контролю комитета министровъ, какъ высшаго административнаго учрежденія въ государствѣ, и не можетъ оставаться исключительно въ вѣдѣніи министра финансовъ. Конечно, подобный контроль не есть панацея отъ ошибочной политики; но все-таки разсмотрѣніе отчета государственнаго банка въ комитетѣ министровъ можетъ имѣть полезныя результаты, такъ какъ коллегіальное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ есть до извѣстной степени гарантія правильности этого рѣшенія, тѣмъ болѣе, что между членами комитета министровъ могутъ быть лица, для которыхъ значеніе операций государственнаго банка и ихъ вліяніе на экономическое положеніе государства вовсе не чужды.

Читатель, быть-можетъ, посѣтуетъ на меня за это длинное уклоненіе отъ разсмотрѣнія смѣты министерства финансовъ въ область банковской политики; но, относясь критически къ нынѣшнему устройству учреждений министерства финансовъ, я не могъ не указать на ненормальность положенія государственнаго банка въ средѣ нашихъ государственныхъ учреждений, — ненормальность, состоящую въ томъ, что, имѣя влияние на всѣ отправления государственнаго организма, онъ совершенно изъятъ изъ вѣдѣнія высшаго административнаго учрежденія. Разъ же коснувшись этого вопроса, я не могъ ограничиться краткимъ замѣчаніемъ.

Переходя къ другимъ отдѣламъ министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что и здѣсь, также какъ въ военномъ министерствѣ, замѣчается стремленіе каждаго департамента обособиться въ особое вѣдомство, не имѣющее ничего общаго съ остальными. Вѣдомство государственнаго банка, акцизное управленіе, государственное казначейство и таможенное управленіе—это все особья министерства, объединяющимъ началомъ между которыми служить не характеръ управленія, а только подчиненіе одному лицу, такъ что нашъ министръ финансовъ можетъ считаться представителемъ четырехъ министерствъ и каждое изъ нихъ можетъ быть безъ всякихъ затрудненій переведено въ вѣдѣніе всякаго другого министра: вся разница въ этомъ случаѣ будетъ состоять только въ томъ, что директоръ департамента будетъ ѣздить съ докладомъ къ другому министру. Обособленіе проведено настолько, что каждый департаментъ имѣетъ свою отдѣльную смѣту, особые органы въ губерніяхъ, свою инспекторскую часть, свою бухгалтерію и особыхъ чиновниковъ для надзора за мѣстными органами управленія. Эти послѣдніе въ свою очередь не имѣютъ ничего общаго между собою и не только не обязаны никакой совмѣстной дѣятельностію, но иногда входятъ между собой въ пререканія.

Такимъ образомъ существующій порядокъ вещей совершенно удался отъ мысли законодателя, который, учреждая департаменты министерствъ, имѣлъ въ виду установить лишь одно распредѣленіе занятій по родамъ дѣлъ, нисколько не нарушая единства общаго управленія. Между тѣмъ на практикѣ канцеляризмъ создалъ отдѣльныя учрежденія, которыя ведутъ между собою переписку и входятъ въ пререканія.

Въ результатѣ такой системы оказалась огромная трата въ 25 милл. рублей на содержаніе мѣстной администраціи при отсутствіи серьезныхъ занятій въ особенности для старшихъ лицъ мѣстнаго управленія. Ни управляющій акцизными сборами, ни управляющій казенною палатой, ни начальникъ таможеннаго округа не имѣютъ почти никакого дѣла, кромѣ обычнаго надзора за своими подчиненными. Положимъ, управляющій казенною палатой подписываетъ массу бумагъ, но это только формальность, которую онъ долженъ исполнить не читая, такъ какъ провѣрить всѣ цифры, которыя онъ удостовѣряетъ своею подписью ежедневно, нѣтъ ни надобности, ни физической возможности. Но въ акцизномъ вѣдомствѣ нѣтъ даже и этой механической работы. Пишущему эти строки извѣстно положительно, что въ одномъ изъ наиболѣе значительныхъ губернскихъ управленій число исходящихъ бумагъ не превышало 300 №№ въ годъ, а въ теченіе лѣта, когда винокуреніе прекращается, чиновники акцизнаго вѣдомства рѣшительно были свободны, а между тѣмъ это одно изъ наиболѣе дорогихъ вѣдомствъ. При сравненіи, наприм., расходовъ на содержаніе акцизнаго управленія въ губерніяхъ съ расходами на содержаніе казенныхъ палатъ и казначействъ оказывается, что на первыя назначено въ текущемъ году 7.683.000 рубля, тогда какъ на послѣдніе только 6.508.000 рублей, т. е. на 1.178.000 рублей менѣе, тогда какъ для исполненія канцелярской работы и счетоводства по казначействамъ и казенной палатѣ требуется значительное число лицъ, въ которыхъ вовсе не нуждаются губернская и окружная акцизные управленія. Неравномѣрность вознагражденія чиновниковъ, состоящихъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ, вообще есть большое зло, вызывающее сильную деморализацію; но различіе въ содержаніи чиновниковъ одного и того же министерства, и притомъ такое различіе, при которомъ платится вдвое большее жалованье при вдвое и втрое меньшемъ трудѣ, — это такая несправедливость, которая не можетъ не возмущать людей. А что чины акцизнаго вѣдомства имѣютъ очень мало занятій въ сравненіи съ чиновниками казенной палаты или казначейства, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Такой ненормальный порядокъ вещей обратилъ на себя серьезное вниманіе нынѣшняго министра финансовъ и въ настоящее время собрана комиссія изъ управляющихъ казенными палатами и акцизными сборами для обсужденія вопроса о реформѣ фи-

нансоваго управления въ губерніяхъ. Но, къ сожалѣнію, изъ со-общенныхъ газетами словъ г. министра, сказанныхъ членамъ комиссіи, можно заключить, что вниманіе министерства обра-щено только на одну сторону неудобствъ существующаго поряд-ка, а именно—на отсутствіе единства въ мѣстномъ финансовомъ управленіи, но вовсе не имѣется въ виду сокращенія штатовъ и соблюденія возможной экономіи. Между тѣмъ мнѣ бы казалось, что заботы о введеніи единства въ управленіи ни въ какомъ случаѣ не должны устранять необходимости позаботиться о со-кращеніи штатовъ и возможной экономіи. При настоящемъ по-ложеніи государственнаго казначейства отпускъ на содержаніе одного надзора за поступленіемъ акцизныхъ сборовъ 7.683.011 руб. въ то время, какъ на мѣстахъ, кромѣ того, существуютъ другіе органы министерства финансовъ, представляется расходомъ въ высшей степени непроизводительнымъ. Мнѣ кажется, что въ на-стоящее время упраздненіе губернскихъ и окружныхъ акцизныхъ управленій и переводъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ всѣхъ по-мощниковъ окружныхъ надзирателей и ревизоровъ въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій не только для надзора за по-ступленіемъ акцизныхъ сборовъ, но и для исполненія всѣхъ дру-гихъ порученій управляющаго казенной палаты вполне возможно и потребовало бы только нѣкотораго усиленія расходовъ на кан-целярію казенной палаты. Такая реформа содѣйствовала бы луч-шему надзору какъ за казначействами, такъ и за правильностію поступленія окладныхъ доходовъ и налога на торговлю, на томъ простомъ основаніи, что при объѣздѣ своихъ районовъ эти чи-новники могли бы наблюдать вмѣстѣ съ тѣмъ за правильностію взносовъ сельскими сборщиками окладныхъ сборовъ, что нынѣ вовсе не дѣлается, а также и за правильностію взятія торговыхъ документовъ, что нынѣ очень рѣдко повѣряется. Въ особенности въ лѣтнее время, когда винокурение вовсе не производится и когда акцизный надзоръ почти не имѣетъ занятій, такая повѣр-ка могла бы очень легко производиться. Въ настоящее же время, когда эти силы состоятъ въ вѣдѣніи особаго вѣдомства, казен-ная палата не можетъ ими пользоваться, хотя онѣ и подчинены тому же министру финансовъ и оплачиваются изъ одного и того же источника *)).

*) Статья моя уже печаталась, когда я прочелъ въ газетахъ, что означенная комиссіи пришла къ заключенію о необходимости сохранить акцизное вѣдом-ство въ настоящемъ составѣ, въ виду многосложности занятій чиновъ этого

Говоря о расходах по департаменту неокладных сборов, нельзя пройти молчаніем расхода на вознагражденіе мѣстъ и лицъ за отошедшіе въ казну питейные доходы, — расхода, достигающаго 2.367.000 рублей по смѣтѣ на текущій годъ. Признаюсь, я рѣшительно не понимаю подобнаго расхода черезъ 20 лѣтъ послѣ отміны права различныхъ мѣстъ и лицъ взимать питейные доходы. Если и можно было допускать вознагражденіе этихъ мѣстъ и лицъ на первое время послѣ введенія акцизной системы, въ виду невозможности покрывать изъ другихъ источниковъ необходимыхъ расходовъ, отнесенныхъ на подобный доходъ, то существованіе такого порядка вещей въ теченіе 20 лѣтъ мнѣ представляется положительно ненормальнымъ. Обложеніе извѣстнымъ налогомъ извѣстнаго промысла принадлежитъ къ категоріи правъ публичныхъ, принадлежащихъ исключительно государству, и если въ прежнее время законъ допускалъ извлеченіе изъ подобнаго права выгодъ въ пользу различныхъ учреждений или частныхъ лицъ, то только потому, что не было точнаго разграниченія областей частнаго права и общегосударственнаго. Но при установленіи новыхъ формъ государственной жизни подобное смѣшеніе понятій должно было породить цѣлую массу неудобствъ и столбновеній и вызвать безусловно необходимую отміну такъ называемыхъ политическихъ правъ, хотя бы и приносившихъ какіе-либо доходы отдѣльнымъ учреждениямъ и лицамъ, и, разумѣется, отміну безвозмездную. Такъ установилось право дорогъ чрезъ чужія владѣнія, отміна таможенныхъ заставъ при провозѣ товаровъ на территоріи одного и того же государства, отміна права продажи чиновъ въ Англіи, отміна вѣрностнаго права, невольничества и т. д. Никому и въ голову не придетъ, наприм., ожидать или требовать вознагражденіе за право переезда черезъ рѣку, если устанавливается какой-либо новый почтовый или торговый трактъ и перевозъ, переходя въ вѣдѣніе земства, становится бесплатнымъ. На какомъ же основаніи отміна частнаго сбора съ питейной торговли, принадлежащаго прямо къ категоріи публичныхъ правъ, создаетъ право на вознагражденіе? Его можно было допустить, говорю я, какъ извѣстный компромисъ, только на первое время, понижая его постоянно, но остав-

---

вѣдомства. Другаго рѣшенія отъ управляющихъ акцизными сборами и ожидать было нельзя; мудро было ожидать, чтобы люди сами подняли на себя руки и сказали, что ихъ должности, приносящія имъ такіе оклады, надо упразднить. А что этимъ господамъ дѣлать нечего, то это можно смѣло удостовѣрить.

лять его въ теченіе 20 лѣтъ нѣтъ никакого основанія. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что почти вся сумма вознагражденія выдается казачьимъ войсковымъ управленіямъ, между тѣмъ какъ казацкія станицы, при значительныхъ земельныхъ надѣлахъ и значительныхъ пространствахъ свободныхъ земель, поставлены въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ другіе классы населенія, и легко могутъ обойтись безъ особенныхъ пособій. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ по землямъ Терскаго, Кубанскаго, Донскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ и съ развитіемъ углепромышленности въ Донецкомъ бассейнѣ, положеніе казацкихъ станицъ настолько улучшилось въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда они пользовались правомъ обложенія питейной торговли, что выдавать имъ вознагражденіе теперь за потерю такихъ доходовъ, которыхъ не имѣло и не имѣетъ ни одно мѣстное управленіе, представляется совершенно несправедливою привилегіей. Что же касается 10.000 рублей, выдаваемыхъ г. Новосельскому, то это уже простой подарокъ, не болѣе.

Все, или почти все, то, что было указано объ управленіи акцизными сборами, можно сказать и о таможенныхъ округахъ. Если одинъ министръ финансовъ можетъ завѣдывать и руководить всѣмъ финансовымъ управленіемъ государства, то нѣтъ основанія утверждать, что одинъ управляющій казенною палатой не можетъ имѣть надзоръ за поступленіемъ всѣхъ доходовъ въ губерніи, не исключая и таможеннаго, въ особенности если ему же будутъ подчинены и лица акцизнаго вѣдомства. Мнѣ кажется, что такой порядокъ вещей ослабилъ бы тотъ отчасти кастовый характеръ управленія, который нынѣ существуетъ въ таможенномъ вѣдомствѣ и вслѣдствіе котораго новыя силы могутъ поступать въ вѣдомство только на низшія должности, для занятія же высшихъ должностей требуется извѣстный, довольно продолжительный, искусъ. Такая система оправдывается необходимостью ознакомленія съ порядками таможенной службы; но мнѣ кажется, что таможенная служба вовсе не такъ сложна и головоломна, чтобы нужно было для ея изученія проходить продолжительный искусъ. Этотъ искусъ только пріучаетъ человѣка рутинно относиться къ дѣлу и равнодушно смотрѣть на бесполезный формализмъ, господствующій въ нашихъ таможенныхъ порядкахъ и вызывающій столько справедливыхъ жалобъ со стороны людей, имѣющихъ дѣло съ таможеню, — формализмъ, который однако-жь, какъ указываетъ опытъ, нисколько не гарантируетъ интересовъ

казны противъ безпорядковъ и злоупотребленій. Съ устраненіемъ же этой замкнутости вслѣдствіе объединенія всѣхъ органовъ министерства финансовъ, многіе порядки таможеннаго вѣдомства, конечно, не будутъ признаны необходимыми, а потому и сокращеніе расходовъ сдѣлается возможнымъ. На необходимость же сокращенія указываетъ постоянно возрастающая цифра расхода по таможенному вѣдомству, дошедшая въ текущемъ году до 8.529.261 рубля, тогда какъ въ 1879 году она не превышала суммы въ 7.412.000 рублей, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ увеличилась болѣе чѣмъ на миллионъ рублей.

Несмотря однако-жь на такое увеличеніе средствъ таможеннаго вѣдомства, жалобы на увеличеніе контрабанды раздаются все сильнѣе и сильнѣе и въ виду этихъ жалобъ мнѣ могутъ замѣтить, что думать о сокращеніи расходовъ по таможенному вѣдомству нельзя и что, напротивъ, необходимо желать увеличенія средствъ таможеннаго вѣдомства для борьбы съ этимъ зломъ.

Что до меня касается, то такое замѣчаніе и мнѣніе, что контрабанда можетъ быть уничтожена усиленіемъ таможеннаго надзора, мнѣ кажутся крайне наивными, чтобы не сказать болѣе. Не недостатокъ таможеннаго надзора порождаетъ контрабанду, а высота таможенныхъ пошлинъ и та выгода, которую можетъ получить человѣкъ, занимающійся контрабандой. Чѣмъ выше соблазнъ этой выгоды, тѣмъ большее число людей примыкаетъ къ этому преступному промыслу и тѣмъ изобрѣтательнѣе становятся ихъ приемы для тайнаго провоза. Для контрабандиста нужно оградить себя отъ опасности быть пойманнымъ только на одномъ пунктѣ, между тѣмъ какъ таможня должна принять мѣры предосторожности въ тысячѣ и болѣе мѣстахъ; таможня можетъ принимать мѣры противъ извѣстныхъ, уже открытыхъ, способовъ тайнаго провоза, между тѣмъ какъ контрабандистъ можетъ изобрѣтать совершенно новые, неизвѣстные способы, которыхъ таможенная стража и предположить не въ состояніи. Но, вромѣ того, беспошлинный или съ уменьшенною значительно пошлиной ввозъ товаровъ можетъ производиться и при посредствѣ самой таможни вполне на законномъ основаніи, если только пошлина довольно значительна, чтобы покрыть извѣстныя издержки и притомъ доставить барышъ. Такъ, наприм., у насъ шелковыя матеріи облачиваются очень высокимъ тарифомъ, превышающимъ, если не ошибаюсь, 200 руб. на пудъ. Представьте же себѣ такой приемъ: человѣкъ, желающій избѣгнуть платежа этой пош-

лины и торгующій модными товарами, покупаетъ во Франціи разныхъ матерій и кроить изъ нихъ дамскія платья съ разными фигурными отдѣлками и однѣ части платья, разумѣется, различныя, отправляетъ въ Россію черезъ одну таможду, другія—черезъ другую, а третьи—черезъ третью и предъявляетъ ихъ для досмотра подъ именемъ шелковыхъ обрѣзковъ. Таможни облагаютъ ихъ пошлиной по тарифу шелковыхъ матерій и онѣ, разумѣется, отказывается принять ихъ. Для продажи назначается аукціонъ; но кому же нуженъ такой товаръ по его дѣйствительной стоимости? Само собою разумѣется, что купить его черезъ подставныхъ лицъ самъ же хозяинъ товара за бездѣнокъ и, по привозѣ домой, найдетъ каждому обрѣзку мѣсто въ готовомъ платьѣ. Однимъ словомъ, при извѣстной высотѣ пошлинъ борьба таможи съ контрабандистами невысказана, какія бы средства ни назначались на эту борьбу. Только одна мѣра—пониженіе пошлинъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ рискъ становится мало выгоднымъ, можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ контрабанды. вмѣстѣ съ этимъ, такая политика усиливаетъ поступленіе таможеннаго дохода и даетъ возможность сокращенія расходовъ по таможенному надзору. Въ подтвержденіе этой истины укажу на нашъ собственный опытъ съ акцизомъ на спиртъ: пока акцизъ на нашей западной пограничной полосѣ не превышалъ 5 коп. съ градуса, ни о какомъ тайномъ провозѣ спирта въ Россію рѣчи не было; но съ тѣхъ поръ, какъ акцизъ въ губерніяхъ Царства Польскаго былъ уравненъ съ акцизомъ во внутреннихъ губерніяхъ и доведенъ до 8 коп. съ градуса, контрабанда постепенно охватила всю пограничную полосу и никакія строгія мѣры противъ нея недѣйствительны. Дѣло даже приняло такой оборотъ, что въ пограничной полосѣ Пруссіи и Австріи образовались страховыя конторы, которыя за умеренную плату страхуютъ контрабандистамъ благополучную переправу ихъ черезъ границу, такъ что, въ случаѣ неудачи, они бросаютъ спиртъ и имъ отпускается за тѣ же деньги новый. Что же можетъ сдѣлать таможня при такихъ условіяхъ?

Все это возможно при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей со стороны таможеннаго чиновничества и таможенной стражи. Но гдѣ же увѣренность, что при такой массѣ служащихъ въ семьѣ не будетъ урода, что изъ числа таможенныхъ стражниковъ не будетъ лицъ, содѣйствующихъ контрабандистамъ? А разъ такія содѣйствующія лица будутъ, тогда для

контрабандныхъ операций открывается широкое поле и никакія мѣры таможеннаго вѣдомства ихъ не уничтожатъ. Такимъ образомъ результатомъ высокихъ пошлинъ является полная деморализація пограничнаго населенія и вмѣстѣ съ нимъ и части лицъ, служащихъ въ таможенномъ вѣдомствѣ, подрывъ внутренней промышленности, созданной искусственно, подъ вліяніемъ этихъ пошлинъ, и затѣмъ необходимость новаго ихъ возвышенія и новое усиленіе тѣхъ же послѣдствій, пока, наконецъ, не явятся сознаніе ошибочности торговой политики и необходимость остановиться на этомъ пути. Но такая остановка непременно повлечетъ за собою гибель тѣхъ капиталовъ, которые такъ неразсчитливо были затрачены въ предпріятія, невозможныя на нашемъ рынкѣ. Въ виду означенныхъ соображеній, я позволяю себѣ предложить вопросъ: не лучше ли остановиться заранѣе на этомъ пути и не вовлекать въ подобныя затраты новыхъ капиталовъ, гибель которыхъ въ будущемъ не можетъ подлежать сомнѣнію?

Разсматривая остальные расходы министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что кредиты на награды и пособія по нѣкоторымъ департаментамъ назначены широкою рукой. Такъ, на примѣръ, по смѣтѣ департамента таможенныхъ сборовъ на подобныя расходы назначено по § 1 ст. 2-й—77.711 руб., по § 7-му по ст. 1, 2, 3, 4 и 5-й—643.423 р., по § 9 ст. 2-й—13.174 р. По смѣтѣ общей канцеляріи министра § 4 ст. 1-я—60.500 руб. и по § 3-му ст. 2-й—29.000 руб. Всего 823.808 рублей. Если принять въ соображеніе, что на этотъ же предметъ употребляются остатки отъ кредитовъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственные расходы всѣхъ учреждений, что къ подобнымъ же расходамъ должны быть отнесены расходы на воспитаніе дѣтей чиновниковъ и, наконецъ, что многія изъ командировокъ какъ внутри Имперіи, такъ и за границу даются чинамъ министерства также въ видѣ наградъ и начальство командированныхъ лицъ часто затруднилось бы объяснить, къ какому полезному результату привела извѣстная командировка,—принимая все это въ соображеніе, говорю я, нельзя не придти къ заключенію, что награды и пособія по министерству финансовъ поглощаютъ не одинъ милліонъ рублей. Между тѣмъ, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, министерству финансовъ слѣдовало бы первому обратить вниманіе на то, что подобныя расходы не могутъ считаться неизбѣжными, и на этомъ основаніи исключить изъ смѣтѣ особые

на этотъ предметъ кредиты въ суммѣ 823.000 руб., тѣмъ болѣе, что остатки отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственныя расходы всегда бываютъ довольно значительны и могутъ вполне удовлетворить эту потребность. Позволю себѣ выразить это мнѣніе на томъ основаніи, что всѣ эти особые кредиты на награды и пособія по принятымъ обычаямъ никогда не расходуются на чиновниковъ мѣстныхъ управленій, а раздаются всегда лицамъ служащимъ въ центральныхъ управленіяхъ. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки.

Въ виду означенныхъ обстоятельствъ нельзя не пожалѣть, что государственный контроль въ своихъ отчетахъ не помѣщаетъ въ особой графѣ суммъ, оставшихся отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственныя расходы и выданныхъ въ награду служащимъ. Изъ документовъ, прилагаемыхъ къ ассигновкамъ, государственный контроль всегда бы могъ получить эти свѣдѣнія. Между тѣмъ такія свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ могли бы опредѣлить дѣйствительную потребность какъ числа служащихъ, такъ и сумму, необходимую на канцелярскіе и хозяйственныя расходы. Теперь же нельзя отвѣчать на вопросъ, не превышаютъ ли установленные штаты дѣйствительную потребность. Я не буду, конечно, утверждать, что такія свѣдѣнія могутъ дать влючь къ окончательному разрѣшенію этого вопроса для всѣхъ учрежденій: конечно, могутъ быть случаи, гдѣ всѣ положенныя по штату должности будутъ замѣщаться постоянно и, слѣдовательно, остатковъ для наградъ не будетъ, хотя служащіе будутъ сидѣть безъ всякаго дѣла; но во всякомъ случаѣ значительные остатки отъ штатныхъ расходовъ могли бы дать извѣстныя указанія.

За министерствомъ финансовъ по величинѣ суммы расхода слѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на содержаніе котораго ассигновано по смѣтѣ на текущій годъ 65.120.548 руб. Да такой цифры расхода министерство внутреннихъ дѣлъ еще никогда не доходило. Вотъ таблица этихъ расходовъ за послѣдніа десять лѣтъ:

1872	49.710.738 р.	1877	54.074.818 р.
1873	50.657.789 »	1878	55.177.765 »
1874	51.830.139 »	1879	59.542.059 »
1875	52.407.355 »	1880	62.672.889 »
1876	53.653.219 »	1881	61.402.802 »

Послѣдняя цифра опредѣлена по государственной росписи и поэтому оказывается менѣе дѣйствительнаго расхода за предыдущій годъ; но, по всей вѣроятности, дѣйствительный расходъ превзойдетъ эту цифру и даже цифру предыдущаго года, какъ въ виду постоянного возрастанія этого расхода, такъ и въ виду назначенія суммы на текущій годъ, которая на 2½ милл. рублей болѣе цифры 1880 года и на 3,7 милл. болѣе предполагаемой по смѣтѣ на 1881 годъ. Изъ этой таблицы оказывается, что расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возрастаютъ постоянно и притомъ безъ всякаго колебанія, которое замѣчается въ расходахъ другихъ вѣдомствъ: каждый годъ приноситъ за собой необходимость новыхъ издержекъ безъ всякаго сокращенія старыхъ. Сравнивая ассигнованную на текущій годъ сумму съ израсходованной въ 1872 году, оказывается, что расходъ въ десять лѣтъ увеличился на 15.409.810 руб., или на 31%. Если мы возьмемъ цифру общаго расхода за 1872 г., т. е. 523.077.475 руб., и сравнимъ ее съ цифрой расхода, предполагаемаго на текущій годъ въ суммѣ 658.595.191 руб., то увидимъ, что общій расходъ увеличился только на 25%; слѣдовательно, расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возросли гораздо быстрѣе, чѣмъ общая сумма расхода. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе настоящихъ расходовъ съ расходами шестидесятихъ годовъ подтвердитъ этотъ выводъ еще болѣе, но я не имѣю возможности представить читателю вѣрныхъ цифръ по отчетамъ государственнаго контроля, такъ какъ въ теченіе этого времени происходили передвиженія кредитовъ изъ смѣты одного вѣдомства въ другое и въ отчетахъ государственнаго контроля исправленія сдѣланы только за указанные мною годы. Между тѣмъ сравненіе однородныхъ расходовъ этого вѣдомства не лишено значенія, а потому я представляю читателю цифру расхода за текущій годъ за исключеніемъ тѣхъ расходовъ, которые перенесены въ смѣту министерства изъ другихъ смѣтъ послѣ 1866 года, и сравню ее съ расходомъ министерства внутреннихъ дѣлъ за этотъ годъ. Такимъ образомъ изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ подлежатъ исключенію расходы на арестанскую часть, предполагаемые по смѣтѣ въ 11.503.633 рубля и удовлетворявшіеся прежде по смѣтѣ министерства финансовъ; расходы чрезвычайные, какъ перенесенные изъ смѣты бывшаго третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ суммѣ 634.307 руб. и расходы по вѣдомству почтъ и телеграфовъ въ

суммъ 22.847.545 руб. Такимъ образомъ подлежить исключенію сумма въ 34.985.483 руб. и, слѣдовательно, расходы собственно министерства внутреннихъ дѣлъ по тѣмъ учрежденіямъ, которыя были въ его вѣдѣніи въ 1866 году, составятъ въ текущемъ году сумму въ 30.134.965 руб., между тѣмъ какъ въ 1866 году расходы эти составляли сумму въ 15.687.663 руб., т. е. черезъ 15 лѣтъ они увеличились на 92%, между тѣмъ какъ общее повышение расходовъ текущей смѣты въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1866 года (413.298.011 руб.) составляетъ только 59%. Такого сильнаго возвышенія расходовъ не встрѣчается ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ, хотя произведенныя реформы позволяли ожидать, что расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возвысятся далеко не въ той степени, какъ другіе государственные расходы.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на сущность всѣхъ реформъ послѣдняго царствованія, то нельзя отрицать, что всѣ онѣ клонились къ тому, чтобы сократить предметы вѣдомства, возложенные на обязанность чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ учрежденіе судебныхъ слѣдователей и затѣмъ введеніе судебныхъ учреждений освободило полицейскихъ чиновъ отъ производства слѣдствій, а губернскія учрежденія—отъ надзора не только надъ слѣдственной частью, но и надъ судами первой инстанціи. Вся масса дѣлъ по частнымъ жалобамъ на полицейскія управленія и уѣздные суды, а также по безспорнымъ обязательствамъ вышла изъ вѣдѣнія полиціи, губернскихъ правленій и губернаторовъ. Введеніе земскихъ учреждений, а затѣмъ сліяніе государственнаго земскаго сбора съ общими доходами государства—избавило губернское начальство отъ дѣлъ по приказамъ общественнаго призрѣнія и больницамъ, а также отъ завѣдыванія суммами земскихъ сборовъ всѣхъ категорій; введеніе единства кассы и контрольныхъ учреждений освободило мѣстную администрацію отъ надзора за казначействами; наконецъ, введеніе Городового Положенія сняло съ администраціи обязанность завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. На все это мнѣ, конечно, могутъ возразить, что на губернаторахъ осталась обязанность по надзору за правильностію и законностію дѣйствій какъ мѣстныхъ земскихъ, такъ и городскихъ учреждений. Но на это я могу сказать, что эта обязанность осталась лишь лично на губернаторахъ, и то только по рассмотрѣнію постановленій земскихъ и городскихъ собраній, что не можетъ идти ни въ какое сравненіе

съ количествомъ занятій по дѣйствительному завѣдыванію хозяйствомъ; губернскихъ же правленій эта обязанность вовсе не касается. Если разсмотрѣть тѣ предметы вѣдомства, которые возложены на губернскія правленія по Своду Законовъ, то окажется, что изъ нихъ остаются въ силѣ только обнародованіе законовъ, да постановленія о преданіи суду тѣхъ чиновниковъ, которые опредѣляются мѣстнымъ начальствомъ, всѣ же остальные обязанности губернскихъ правленій возложены на другія учрежденія. Между тѣмъ изъ общей суммы расхода въ 30 миліоновъ рублей на содержаніе губернскихъ правленій назначено 2.798.132 руб., которые тратятся по старой традиціи неизвѣстно для чего.

Нѣтъ сомнѣнія, что передача многочисленныхъ обязанностей въ вѣдѣніе другихъ учрежденій не могло не повліять на сокращеніе числа дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, между тѣмъ какъ въ этихъ учрежденіяхъ служащія лица и прежде не были обременены занятіями. Насколько могу припомнить, и въ дореформенное время они являлись въ департаментъ очень не надолго и большею частію для препровожденія времени. Теперь же залы департаментовъ начинаютъ пополняться не ранѣе какъ съ двухъ часовъ. Если штатнымъ чиновникамъ въ министерствѣ не предстоитъ большихъ занятій, то тѣмъ менѣе имѣютъ ихъ чиновники особыхъ порученій и состоящіе при министерствѣ; между тѣмъ на содержаніе ихъ ассигновано 85.423 руб. помимо суммы 21.320 руб., назначенной на усиленіе центральныхъ управленій по ст. 3-й § 4. Въ прежнее время хозяйственный департаментъ завѣдывалъ продовольственною частью и городскимъ хозяйствомъ, и теперь, когда самая значительная часть этихъ дѣлъ перешла въ вѣдѣніе земскихъ и городскихъ управленій, на долю цѣлаго департамента остается только завѣдываніе общимъ по Имперіи продовольственнымъ капиталомъ. При этомъ не лишнее замѣтить, что капиталъ этотъ значится только на бумагѣ, въ дѣйствительности же онъ израсходованъ весь сполна и возвращеніе его не только сомнительно, но и врядъ ли возможно.

Переходя къ расходамъ на содержаніе городскихъ уѣздныхъ и окружныхъ полицейскихъ управленій, оказывается, что эти расходы возрастали особенно сильно. Въ 1879 году они не доходили однако-жь до 10 милл. рублей, а въ текущемъ году на этотъ предметъ потребовалось 12.547.253 рубля. Новый институтъ полицейскихъ урядниковъ не только увеличилъ значительно

эту цифру расхода, но и легъ тяжелымъ бременемъ на все население, такъ какъ многіе изъ нихъ далеко не довольствуются опредѣленнымъ имъ содержаніемъ, а рассчитываютъ на *ничто большее*. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя избѣжать вопроса, какъ могло возникнуть такое сильное возвышеніе расходовъ, несмотря на ограниченіе предметовъ вѣдомства этого министерства? Конечно, до извѣстной степени оно объясняется послѣдними печальными событіями, которыхъ мы были свидѣтелями, необходимостію усиленія полицейскаго надзора и въ особенности преувеличеннымъ расчетомъ на возможность полицейскими мѣрами бороться съ нравственнымъ зломъ. Но такое объясненіе можетъ относиться лишь къ послѣднему времени, между тѣмъ какъ возрастаніе расходовъ замѣчается и прежде, и притомъ въ значительной степени. Это послѣднее обстоятельство, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что для удовлетворенія новыхъ потребностей создавались новые органы управленія, а старые, несмотря на потерю своего прежняго значенія, оставались и, конечно, служили только тормозами къ осуществленію новыхъ порядковъ. Такъ образовались: канцелярія министра, земскій отдѣлъ, временная коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, главное тюремное управленіе, а между тѣмъ департаментъ общихъ дѣлъ и хозяйственный остались въ прежнемъ видѣ. Точно также остаются совѣтъ министра, съ которымъ нѣтъ никакой надобности совѣтываться, и масса чиновниковъ при министерствѣ, не имѣющихъ никакого опредѣленнаго назначенія. Въ губерніяхъ создаются особыя по крестьянскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, а между тѣмъ удерживаются губернскія правленія. Самая должность губернаторовъ потеряла все свое прежнее значеніе и становится только старшей полицейской властію, между тѣмъ за нею сохраняется вся прежняя обстановка, и законъ продолжаетъ называть губернатора хозяиномъ губерніи.

Изъ сказаннаго прямо видно, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть цѣлая масса должностей, которыя могутъ быть упразднены безъ всякаго вреда дѣлу. Но кромѣ того расходы разнаго рода могутъ назначаться въ болѣе умѣренныхъ размѣрахъ, въ особенности въ виду настоящаго затруднительнаго положенія государственнаго казначейства. Кому не извѣстно, что кредиты на награды и пособія раздаются чиновникамъ центральныкъ управленій и что въ этихъ расходахъ нѣтъ никакой безусловной необходимости, а между тѣмъ они назначаются по § 3

сметы и представляют довольно крупную цифру въ 175.000 рублей. Чрезвычайные и экстраординарные расходы, ассигнуемые по §§ 27 и 28 и превышающіе миллионъ рублей, могли бы также быть сокращены въ виду существующихъ затрудненій. Впрочемъ, имѣя въ виду однѣ общія цифры расхода, трудно судить о томъ, насколько онѣ могутъ быть сокращены. Одно только можно сказать съ достовѣрностію, что бюрократическій порядокъ разсмотрѣнія сметъ не можетъ привести къ сокращенію расходовъ, такъ какъ чиновничество не можетъ наложить руку на свои собственные интересы: ему всегда покажутся неизбѣжными тѣ расходы, которые производились на содержаніе чиновниковъ. Существованіе губернскихъ правленій служить прямымъ этому доказательствомъ. Съ теченіемъ времени, конечно, все большее и большее число чиновниковъ достигаетъ высшихъ чиновъ; для нихъ создаются новыя должности и новыя оклады, такъ какъ увольнять людей заслуженныхъ за ненадобностію считается не обычнымъ, мотивировать же учрежденіе новой должности, при нашемъ безпринципномъ стремленіи къ воображаемому улучшеніямъ и переменамъ, всегда возможно,—даже массу воображаемаго дѣла приискать не трудно. При этомъ я не могу не привести словъ одного изъ нашихъ администраторовъ, сказанныхъ лично пишущему эти строки. Возьмите,—говоритъ онъ,—обложку, употребляемую въ канцеляріяхъ для дѣлъ, выдумайте заголовокъ какого-нибудь невозможнаго дѣла и напишите: не пройдетъ и мѣсяца, какъ встрѣтится бумага прямо по заголовку этого дѣла, а къ концу года оно выростетъ въ цѣлый томъ. Слова эти очень мѣтко характеризуютъ наши бумажные порядки. Что мудренаго, что при такихъ порядкахъ наши расходы на содержаніе администраціи растутъ, полезныхъ же результатовъ отъ нихъ не оказывается.

Между расходами по вѣдомству почтъ и телеграфовъ особое вниманіе обращаетъ на себя расходъ на содержаніе почтовыхъ лошадей. На текущій годъ этотъ расходъ предположенъ въ суммѣ 7.612.148 руб. Насколько память мнѣ не измѣняетъ, расходъ этотъ постоянно колеблется около этой цифры, несмотря на то, что всѣ условія этого расхода положительно измѣняются. Такъ, на примѣръ, несмотря на сооруженіе 20.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, которыя должны были упразднить цѣлую массу почтовыхъ станцій и уменьшить число лошадей на другихъ, расходъ этотъ не сокращается замѣтно. Съ другой стороны, цѣны на фу-

ражъ значительно повысились и въ особенности съ 1878 года онѣ едва ли не удвоились, между тѣмъ это нисколько не увеличиваетъ сумму расхода и подрядчики въ несостоятельность не приходятъ, по крайней мѣрѣ слуховъ объ этомъ никакихъ нѣтъ. Если же можно содержать лошадей за тѣ же цѣны въ настоящее время, то, спрашивается, какими же барышами пользовались эти лица въ прежніе годы? Въ виду подобныхъ тратъ правительства, многія земства обращались съ ходатайствами передать въ ихъ вѣдѣніе содержаніе почтовыхъ станцій. Мнѣ неизвѣстно, какой результатъ постигъ ходатайства другихъ губерній, но я знаю, что ходатайство саратовскаго земства было уважено и ему предоставлено было содержаніе почтовыхъ лошадей за ту сумму, которую правительство платило прежнимъ подрядчикамъ, т. е. что около 300.000 рублей. Земство заключило условіе съ тѣми же самыми подрядчиками, достигнувъ изъ этой суммы экономіи въ 90.000 рублей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что земство, изъ опасенія неисправности подрядчиковъ, не допустило конкуренціи, хотя ему и предлагались болѣе выгодныя условія. Само собою разумѣется, что, не имѣя въ виду цѣны, по которымъ сданы подряды на содержаніе лошадей въ каждой отдѣльной мѣстности, нельзя судить о хозяйственности этой операціи въ настоящее время, но указанный примѣръ заставляетъ удивляться, почему она до сихъ поръ находится въ рукахъ почтоваго вѣдомства и почему она давнымъ-давно не передана въ вѣдѣніе земскихъ учреждений. Какъ мѣстные жители, члены управъ могли бы лучше оцѣнить стоимость содержанія лошадей, чѣмъ чиновники почтоваго вѣдомства, тѣмъ болѣе, что стоимость можетъ имѣть значительную разницу, несмотря на незначительныя разстоянія отдѣльныхъ мѣстностей. Уловить эти отгѣнки различныхъ условій возможно только для мѣстнаго жителя, и притомъ хозяина, и немислимо для чиновника, командированнаго почтовымъ департаментомъ.

Не расходы по морскому министерству на текущій годъ ассигнованъ кредитъ въ 27.507.721 рублей. Вотъ таблица расходовъ этого министерства съ 1866 года:

1866	24.012.714 р.	1871	21.144.813 р.
1867	18.183.407 »	1872	22.320.853 »
1868	18.019.260 »	1873	25.766.520 »
1869	18.684.443 »	1874	26.228.866 »
1870	20.135.296 »	1875	25.851.739 »

1876	27.109.000 р.	1879	27.328.032 р.
1877	28.102.116 >	1880	29.353.781 >
1878	26.086.036 >	1881	28.903.132 < по смѣтѣ.

Итого . . . 387.329.908 р.

Въ среднемъ выводѣ болѣе 24 милліон. рублей въ годъ.

Итакъ, вотъ какая громадная цифра издержана нашимъ отечествомъ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ на содержаніе нашихъ морскихъ силъ. Въ виду подобныхъ издержекъ позволительно предложить вопросъ: соотвѣтствовала ли такимъ жертвамъ польза, приносимая странѣ нашими морскими силами, и въ состояніи ли онѣ оградить Россію отъ блокады или нападенія съ моря въ случаѣ войны съ одной изъ морскихъ державъ? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что не только число нашихъ военныхъ судовъ для этого недостаточно, но и морскія и боевыя качества большинства изъ нихъ весьма сомнительны. Еслибы Россія была настолько богата, что могла бы имѣть флотъ близко подходящій— не говорю къ англійскому, но хотя бы къ французскому флоту, тогда бы другое дѣло: подобная сила на вѣсахъ европейской дипломатіи могла бы имѣть значеніе и ее нельзя было бы игнорировать. Но при настоящихъ своихъ условіяхъ русскій флотъ не можетъ имѣть такого значенія и въ виду финансовыхъ затрудненій нашего отечества рассчитывать на возможность его усиленія въ близкомъ будущемъ положительно невозможно. Поэтому я позволяю себѣ выразить мнѣніе, что тратить въ настоящее время такія значительныя суммы на флотъ— это значитъ тратить ихъ напрасно и отодвигать въ болѣе отдаленное будущее тотъ моментъ, когда Россія будетъ въ состояніи содержать морскія силы въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ онѣ могутъ быть дѣйствительно полезными. Если за недостаткомъ средствъ мы не имѣемъ возможности ввести судебную реформу во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества, если министерство народнаго просвѣщенія принуждено отказывать въ приѣмѣ въ училища за недостаткомъ помѣщенія, то тратить на содержаніе флота 24 милл. руб. въ годъ только для того, чтобы нѣсколько нашихъ судовъ показывались въ разныхъ углахъ земного шара въ мирное время, безъ всякой возможности защищать наши берега или оказать какое-либо содѣйствіе нашей арміи въ военное время,—нѣтъ никакого расчета. Было бы много полезнѣе, еслибы наши мор-

скія силы были рассчитаны только на береговую оборону. Достигнуть этой послѣдней цѣли гораздо легче, даже съ меньшими средствами, но тогда, по крайней мѣрѣ, была бы удовлетворена вполне существенная потребность страны; теперь же, когда мы гоняемся за двумя зайцами и непремѣнно хотимъ имѣть также дорого стоящія агрессивныя суда, мы не достигаемъ ни той, ни другой цѣли,—для этого необходимы, какъ указываетъ опытъ Англіи и Франціи, такія средства, о пожертвованіи которыхъ Россія и думать не можетъ. Англія тратитъ на свой флотъ до 10 милл. фунтовъ стерлингъ, что составляетъ на наши деньги болѣе 100 милліоновъ рублей, а Франція до 150 мил. франковъ, или 60 мил. рублей. Само собою разумѣется, что подобныхъ или близко подходящихъ затратъ мы дѣлать не въ состояніи, и слѣдовательно объ агрессивномъ флотѣ намъ бы не слѣдовало и думать. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что въ силу значительнаго въ Англіи и Франціи развитія механическаго производства, работающаго для всемірнаго рынка, постройка судовъ этимъ странамъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ намъ. Мы все жаждемъ собственными силами удовлетворять свои потребности и потому намъ приходится сплошь и рядомъ построенные у себя механизмы выкидывать изъ нашихъ судовъ и заказывать новые въ той же Англіи. Кромѣ того, западныя державы не дѣлаютъ такъ дорого стоящихъ, но неудачныхъ опытовъ, какой мы сдѣлали съ постройкой поповокъ: ихъ инженеры осудили этотъ проектъ въ теоріи и не допустили никакихъ опытовъ.

Многіе, конечно, не согласятся со мною въ этомъ случаѣ и укажутъ мнѣ на посылку въ 1863 году эскадры г. Лесовскаго въ американскія воды, а также на усиленіе нашей эскадры у береговъ Китая во время недавнихъ переговоровъ о Бульдѣ, какъ на примѣры той пользы, какую можетъ извлечь Россія изъ своихъ морскихъ силъ. «Достаточно было,—скажутъ мнѣ, отправить 10 судовъ въ американскія воды, чтобъ Англія заговорила съ нами другимъ языкомъ по поводу польскаго вопроса, а переговоры съ Китаемъ пошли гораздо успѣшнѣе въ виду нашихъ морскихъ силъ». Мнѣ кажется, что подобныя сужденія отзываются значительною долей наивности, которая заставляетъ смотрѣть въ увеличительныя стекла на подобнаго рода факты. Еслибы люди, рассуждающіе такъ, имѣли болѣе вѣрныя понятія объ интересахъ другихъ странъ, то, понятно, они не прибѣгали бы къ подобной аргументаціи въ пользу необходимости агрессивныхъ предпріятій

нашего флота. Польскій вопросъ не имѣеть никакого значенія для интересовъ Англiи и никогда, ни при какомъ фазисѣ не заставитъ Англiю взяться за оружіе, что во всякомъ случаѣ не можетъ обойтись дешево. Если же Англiя обращалась въ то время съ представленіями къ Россіи, то, конечно, не съ цѣлю угрозы, а съ совѣтомъ въ качествѣ дружественной державы, въ видахъ предупрежденія событій подобныхъ тогдашнимъ. Можно оспаривать соображенія, изложенныя въ такихъ представленіяхъ, но заподозривать въ нихъ враждебность со стороны Англiи едва ли логично. Еслибъ интересы Англiи требовали серьезнаго вмѣшательства въ польскій вопросъ, то, конечно, она не испугалась бы десятка нашихъ судовъ, отплывшихъ къ берегамъ Америки, тѣмъ болѣе, что стоянка этихъ судовъ была извѣстна и, конечно, крейсера Англiи, гораздо въ большемъ числѣ, сторожили бы ихъ прежде, чѣмъ начались военныя дѣйствія. Вооружить же частныя американскія суда по секрету отъ Англiи, при существующей въ Америкѣ гласности, положительно невозможно, и потому каждая подобная попытка могла, конечно, встрѣтить и противодѣйствіе со стороны Англiи. Англiя не продолжала своего дипломатическаго похода отнюдь не изъ опасенія нашихъ крейсеровъ, а, во-первыхъ, потому, что польскій вопросъ вовсе не касался ея интересовъ, и, во-вторыхъ, потому, что дипломатическая переписка выяснила его и Англiя была удовлетворена послѣдующею политикою Россіи, склонившейся въ пользу огромнаго большинства польскаго населенія. Что это такъ, а не иначе, Англiя доказала своею политикою въ восточномъ вопросѣ, который, по общепринятымъ взглядамъ, касается дѣйствительныхъ ея интересовъ. Въ 1878 году, когда Россія имѣла гораздо болѣе судовъ въ водахъ Америки и Тихаго океана, когда для снаряженія крейсеровъ были приняты особыя мѣры, Англiя все-таки поставила вопросъ ребромъ и Россія, во избѣжаніе новой войны, признала необходимымъ отказаться отъ Санъ-Стефанскаго договора и подписать Берлинскій трактатъ. Точно такъ же энергично дѣйствовала Англiя и въ текущемъ году. Она заняла Египетъ даже не ожидая окончанія совѣщаній европейской конференціи, несмотря на то, что, такимъ образомъ дѣйствій, она могла поссориться съ Франціей.

Что же касается полезнаго вліянія нашихъ морскихъ силъ при переговорахъ съ Китаемъ, то мнѣ кажется, что и здѣсь значеніе ихъ преувеличено, такъ какъ Кульджа фактически была въ рукахъ Россіи и китайскому правительству могла бы

очень дорого обойтись попытка отнять ее у насъ силой, тѣмъ болѣе, что попытка могла быть вовсе неудачной. При извѣстномъ, отнюдь невоинственномъ, настроеніи своей арміи, китайское правительство могло опасаться подобнаго исхода безъ всякихъ угрозъ со стороны нашихъ морскихъ силъ. Къ тому же блокада китайскихъ портовъ съ нашей стороны едва ли была бы возможна, такъ какъ она скорѣе нарушила бы интересы Англіи и Америки, чѣмъ Китая, и потому могла вызвать неудовольствіе со стороны этихъ двухъ державъ, что едва ли могло быть выгодно для Россіи.

Но, скажутъ мнѣ, война можетъ быть не только съ Англіей или Франціей, она возможна и съ Германіей, и въ этомъ случаѣ нашъ флотъ очень легко можетъ помѣриться силами съ флотомъ Германіи и вообще можетъ оказать содѣйствіе нашей арміи. Такое предположеніе кажется мнѣ еще болѣе наивнымъ, чѣмъ прежнія сужденія. Прежде всего нельзя не имѣть въ виду, что въ ближайшемъ будущемъ подобное столкновеніе положительно для насъ невысказано, что бы ни говорили поклонники покойнаго Скобелева. Наши финансы вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы мы могли въ настоящее время броситься въ какую бы то ни было политику приключеній, а тѣмъ болѣе въ борьбу съ такимъ могущественнымъ сосѣдомъ, какова Германія. Что же касается отдаленнаго будущаго, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ Германія будетъ имѣть флотъ гораздо болѣе сильный, чѣмъ имѣетъ или будетъ имѣть Россія. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что Германія не имѣетъ долговъ и можетъ для созданія флота воспользоваться своимъ кредитомъ, если только будетъ признано необходимымъ имѣть его въ большихъ размѣрахъ, тогда какъ Россія почти истощила этотъ источникъ. Такимъ образомъ нашъ флотъ не можетъ быть пригоденъ даже въ борьбѣ съ Германіей.

Поэтому нашъ флотъ при серьезныхъ столкновеніяхъ оказывается слишкомъ слабымъ, а для случаевъ не требующихъ большихъ силъ онъ оказывается и бесполезнымъ, и слишкомъ дорогимъ. Еслибы въ рукахъ народа осталась хотя половина тѣхъ суммъ, которыя совершенно непроизводительно потрачены на нашъ флотъ въ теченіе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что капиталы эти въ его рукахъ утроились бы и наше экономическое положеніе было бы совсѣмъ другое.

Наконецъ, мнѣ могутъ замѣтить, что если разсуждать такъ, какъ я думаю, то и расходы на содержаніе арміи также бесполезны, въ особенности въ виду тѣхъ суммъ, которыя на это содержаніе расходуются. Я конечно не буду возражать противъ того, что содержаніе нашей арміи обходится дорого, и готовъ согласиться, что это могло быть сдѣлано дешевле; но въ оправданіе расходовъ на содержаніе арміи въ мирное время можетъ быть приведено то обстоятельство, что она необходима не только для охраненія страны отъ внѣшняго врага, но и для поддержанія внутренняго порядка. Съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но по отношенію къ морскимъ силамъ подобный аргументъ вовсе негодится: флотъ вовсе непригоденъ для поддержанія внутренняго порядка. Тѣмъ не менѣе я вовсе не отрицаю необходимости имѣть морскія силы, способныя защищать наши берега или вредить судамъ блокирующимъ ихъ, — я возражаю только противъ флота, имѣющаго въ виду дѣствовать агрессивнымъ способомъ.

При разсмотрѣніи общей цифры расходовъ министерства государственныхъ имуществъ встрѣчается тотъ же самый поражающій наблюдателя своею странностію фактъ, который встрѣчается и въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно, что цифра производящихся расходовъ вовсе не соотвѣтствуетъ суммѣ тѣхъ функцій, которыя возложены на министерство. При возникновеніи министерства государственныхъ имуществъ главная его обязанность состояла въ завѣдываніи всею администраціею 8 милл. душъ государственныхъ крестьянъ и наблюденіемъ за правильною раскладкою и поступленіемъ оброчной подати, государственнаго и губернскаго земскаго и общественнаго сборовъ, а также мірскихъ повинностей. Кромѣ того на это же вѣдомство возложено было и завѣдываніе казенными лѣсами и оброчными статьями. Такъ было до 1866 года, когда главная функція министерства государственныхъ имуществъ — администраціи государственныхъ крестьянъ — перешла въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій и министерство осталось при завѣдываніи казенными лѣсами и оброчными статьями, т. е. при завѣдываніи казеннымъ доходомъ, показаннымъ по отчету государственнаго контроля за 1866 годъ въ слѣдующихъ цифрахъ: а) отъ оброчныхъ статей 3.349.521 руб., б) отъ продажи казенныхъ земель, угодій, рекрутскихъ квитанцій и проч. — 1.070.196 руб. и в) отъ лѣсовъ — 4.307.167 рублей, всего на сумму 8.726.884 рубля. Каза-

лось бы, что завѣдываніе такимъ доходомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ составлять предметъ вѣдомства отдѣльнаго министерства и должно было поступить въ вѣдѣніе министерства финансовъ по департаменту государственнаго казначейства, а въ губерніяхъ — въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ. Подобный способъ завѣдыванія этимъ доходомъ могъ вызвать нѣкоторое усиленіе казенныхъ палатъ чинами по надзору за казеннымъ имуществомъ и средствами на увеличеніе канцеляріи; въ департаментѣ же государственнаго казначейства могло прибавиться одно лишнее отдѣленіе. Если завѣдываніе казенными лѣсами требуетъ особыхъ специальныхъ знаній, то можно было оставить лѣсной департаментъ съ его мѣстными органами, подчинивъ его министерству финансовъ. Такая реформа могла бы вызвать значительную экономію безъ всякаго вреда дѣлу. Между тѣмъ было признано нужнымъ оставить все министерство государственныхъ имуществъ со всеми его департаментами, стоимость содержанія котораго на 1866 годъ была опредѣлена по росписи въ 9.554.221 руб., но въ дѣйствительности, за сокращеніемъ расходовъ по мѣстному управленію, обошлась 8.597.690 рублей, а въ 1867 году, послѣ окончательной передачи государственныхъ вѣстей въ вѣдѣніе крестьянскихъ учреждений, содержаніе министерства государственныхъ имуществъ стоило 7.255.857 рублей, то-есть для управленія доходомъ въ 8 милл. рублей потребовался расходъ въ 7 милл. рублей! Повидимому, одно сопоставленіе этихъ двухъ послѣднихъ цифръ требовало изысканія другихъ способовъ завѣдыванія государственными имуществами и не допускало ни малѣйшей возможности сохранять цѣлое отдѣльное министерство въ особенности въ виду того обстоятельства, что освобожденіе министерства отъ главной его функціи уменьшило расходы только на 24%. Какъ ни настоятельно требовали интересы государственнаго казначейства изысканія новыхъ, болѣе выгодныхъ, способовъ завѣдыванія государственными имуществами, но такое требованіе шло въ разрѣзъ съ интересомъ бюрократіи, для которой гораздо важнѣе было сохраненіе мѣсть и окладовъ. Само собою разумѣется, что интересъ бюрократіи взялъ верхъ, такъ какъ защитниковъ казеннаго интереса въ наличности не оказалось и министерство государственныхъ имуществъ было сохранено. Этотъ примѣръ чрезвычайно характеристиченъ и во-очію доказываетъ, насколько совмѣстно съ государственными интересами поддержаніе бюрокра-

тических порядковъ въ управленіи и насколько заботливо относится къ этимъ интересамъ наше чиновничество.

Между тѣмъ и въ то время уже возникла мысль о новомъ, болѣе выгодномъ, способѣ распоряженія государственными имуществами, — мысль, которой, однако-жь, не было дано хода. Говоря о доходахъ съ оброчныхъ статей, я упоминалъ о предложениіи новоузенскаго Самарской губерніи земства приобрести отъ правительства всѣ казенныя земли уѣзда за сумму въ 20.000.000 рублей, что представляло капитализацію чуть ли не двойного дохода, поступавашаго въ казну съ этихъ земель. Само собою разумѣется, что подобная передача, еслибъ она осуществилась, была бы опаснымъ прецедентомъ для нашихъ бюрократическихъ порядковъ. Она оказалась бы выгодною не только для правительства, но и для земства, а вслѣдствіе этого примѣненіе такого соглашенія въ другихъ мѣстностяхъ не заставило бы себя долго ждать. Вслѣдствіе этого наши земскія учрежденія получили бы другую фізіономію и другое значеніе. Очень естественно, что наше чиновничество поняло это и подобный прецедентъ допущенъ не былъ, несмотря на то, что мысль эта въ принципѣ была одобрена покойнымъ Государемъ Императоромъ.

Выше я сказалъ, что, съ передачей государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе крестьянскихъ учреждений, бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ сократился на 24%, но такая экономія продолжалась не долго. Съ слѣдующаго же года расходы министерства, несмотря на сокращеніе предметовъ вѣдомства, стали возрастать и не далѣе какъ черезъ три года, то-есть въ 1871 году, они уже опять превзошли ту сумму, которая назначалась въ то время, когда государственные крестьяне были въ его вѣдѣніи; т. е. дошли до цифры 9.638.481 р. Въ настоящее же время, не считая расходовъ горнаго департамента, какъ не входившихъ въ указанную цифру, по смѣтѣ текущаго года ассигновано 11.644.096 руб., въ сравненіи съ 1867 годомъ болѣе на 4.338.473 руб., или на 60¹/₂%. Цифры эти говорятъ сами за себя безъ всякихъ съ моей стороны комментариев. Онѣ не оправдываются даже и значительно возвысившимся доходомъ. По смѣтѣ на текущій годъ доходовъ, состоящихъ въ завѣдываніи министерства, также за исключеніемъ доходовъ горнаго департамента, предположено 22.485.152 рубля, а потому расходы поглощаютъ больше половины поступающаго дохода. Если же принять въ соображеніе, что значительная часть этихъ

доходовъ поступаетъ безъ всякаго содѣйствія министерства и только показывается доходомъ по его смѣтѣ, то отношеніе расхода къ доходу окажется еще менѣе выгоднымъ. Къ такимъ доходамъ относятся разныя пособія и лѣсной налогъ.

Что касается расходовъ горнаго департамента, то они въ послѣдній годъ завѣдыванія этимъ департаментомъ министерства финансовъ, то-есть въ 1873 году, достигали 9.652.383 руб., понизились въ 1879 году до 6.954.893 руб., а въ 1880 г. вновь повысились до 8.112.906 руб., въ смѣтѣ же на текущій годъ предполагаются въ суммѣ 8.048.782 руб., и это несмотря на передачу многихъ горныхъ заводовъ въ частныя руки. Хотя доходы этого департамента предполагаются въ большей суммѣ, а именно въ 12.439.570 руб., и потому можно бы предполагать значительную сумму чистаго дохода, приносимаго нашими горнымъ вѣдомствомъ; но, имѣя въ виду цифры поступавшаго дохода въ предыдущіе годы, я позволяю себѣ сомнѣваться въ возможности поступления предполагаемой цифры. Такъ въ 1879 году доходовъ по горному департаменту поступило 5.946.866 руб., а въ 1880 году — 6.866.049 руб. Правда, въ смѣту текущаго года внесено 2 милл. рублей подати съ золота и серебра, которая въ указанные годы вовсе не взималась; но все-таки позволительно сомнѣваться, чтобы устройство и управленіе нашихъ горныхъ заводовъ въ теченіе одного года могло измѣниться настолько, чтобы вмѣсто настоящаго дефицита можно было ожидать приращенія дохода почти въ 4 милліона рублей, которые не только покроютъ дефицитъ, но представятъ около 2½ милл. рублей чистаго дохода. Въ этомъ, конечно, позволительно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что и въ прежніе годы предположенія горнаго вѣдомства никогда не подтверждались отчетами государственнаго контроля по исполненію росписи. Ошибка встрѣчается постоянно въ суммѣ предположенныхъ къ исполненію нарядовъ министерствъ военнаго, морскаго и путей сообщенія, которыхъ горное вѣдомство не успѣвало исполнять: такъ въ 1879 году заказовъ принято на 3.885.863 руб., а исполнено на 1.581.301 руб.; въ 1880 году ихъ принято на 4.517.378 рублей, а исполнено на 2.621.561 руб. Въ отчетахъ государственнаго контроля такой недоборъ въ доходѣ объясняется неокончаніемъ расчетовъ по исполненнымъ заказамъ; но еслибы это было такъ, то тогда сумма платежей могла бы только передвигаться изъ одного года въ другой и значительный недоборъ въ этихъ доходахъ не могъ

быть явленіемъ постояннымъ. Какая причина заставляетъ горное вѣдомство принимать такое количество заказовъ, котораго оно выполнить не можетъ, объ этомъ, конечно, судить очень трудно и позволительно только допустить, что основаніемъ къ тому можетъ быть естественное желаніе представить смѣту въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Но если такое представленіе фиктивныхъ цифръ можетъ совпадать съ интересомъ горнаго вѣдомства, то оно вовсе не совпадаетъ ни съ интересами тѣхъ министерствъ, отъ которыхъ даются наряды, такъ какъ вслѣдствіе неисполненія ихъ могутъ произойти упущенія по удовлетворенію насущныхъ потребностей этихъ вѣдомствъ, ни съ интересами министерства финансовъ и государственнаго контроля, обязанныхъ соглашаться на кредиты по исполненію этихъ нарядовъ пропорціонально ихъ фиктивной цифрѣ. Тѣмъ не менѣе порядокъ этотъ продолжается постоянно и не вызываетъ никакихъ мѣръ къ объясненію такого ненормальнаго явленія: въ отчетахъ государственнаго контроля встрѣчается постоянно одно и то же объясненіе, несмотря на неудовлетворительность его.

Впрочемъ, неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ нашемъ горномъ вѣдомствѣ вообще и въ нашихъ казенныхъ горныхъ заводахъ въ особенности далеко не составляетъ секрета и съ давнихъ поръ озабочиваетъ нашихъ государственныхъ людей. Покойный государственный контролеръ Валеріанъ Алексѣевичъ Татаринъ положительно отчаявался въ возможности улучшить управленіе этими заводами и сильно ратовалъ за необходимость передать ихъ въ частныя руки. Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, нельзя не согласиться, такъ какъ во всякомъ промышленномъ дѣлѣ, не составляющемъ монополіи, личный интересъ есть лучшій двигатель его успѣха. Между тѣмъ въ казенномъ горномъ дѣлѣ этого двигателя не существуетъ. Лица, руководящія этимъ дѣломъ, вовсе не заинтересованы въ его успѣхѣ; напротивъ, часто увеличеніе расходовъ по эксплуатаціи какаго-либо горнаго дѣла гораздо болѣе совпадаетъ съ интересами агентовъ горнаго вѣдомства, чѣмъ ихъ сокращеніе, въ особенности при трудности повѣрки этихъ расходовъ. Къ этому присоединяется еще сильно укоренившаяся въ нашихъ правительственныхъ сферахъ мысль, что администрація какаго-либо спеціальнаго и техническаго дѣла должна находиться непременно въ рукахъ техника. Если промышленное дѣло въ рукахъ частныхъ лицъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, то это именно потому, что подобное ошибочное мнѣніе не имѣ-

еть здѣсь мѣста, тогда какъ въ казенномъ дѣлѣ оно считается аксіомой. Между тѣмъ дѣйствительно хорошей техникъ, въ силу спеціальнаго своего образованія, въ силу постоянныхъ своихъ занятій, до того привыкаетъ сосредоточивать свое вниманіе на вопросахъ своей спеціальности, что умъ его естественно становится одностороннимъ. Вопросы экономическіе, юридическіе и бытовые не обращаютъ и не могутъ обращать на себя его вниманія; а если они и встрѣчаются на его пути, то, конечно, отходятъ на второй и третій планъ, тогда какъ въ администраціи всякаго промышленнаго дѣла они составляютъ главную суть и часто обуславливаютъ успѣхъ дѣла въ большей степени, чѣмъ совершенство техническихъ приемовъ. Скажу болѣе: никакое совершенство техники не можетъ возмѣстить убытковъ, являющихся слѣдствіемъ упущеній въ администраціи, требующей гораздо болѣе широкаго взгляда и разнородныхъ способностей. Дѣльный администраторъ, конечно, долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать, гдѣ кончается административный вопросъ и начинается техническій, и не браться за разрѣшеніе послѣдняго. При соблюденіи же этого условія техникъ долженъ быть только орудіемъ въ рукахъ администратора, никакъ не болѣе. Къ сожалѣнію, въ нашемъ горномъ дѣлѣ въ рукахъ техниковъ сосредоточена вся администрація этого дѣла и недостатки этой ошибочной системы усиливаются еще болѣе бюрократическимъ ея характеромъ. Чиновначаліе проникло и въ дѣло техники, хотя здѣсь оно вовсе не у мѣста, такъ какъ чины пріобрѣтаются выслугою извѣстнаго числа лѣтъ и ничего общаго съ научнымъ и техническимъ знаніемъ не имѣютъ. Кромѣ того, техника или умѣнье приложить научныя свѣдѣнія къ практической дѣятельности есть все-таки искусство, которое также чинами не дается. Между тѣмъ наша практика выработала такой порядокъ, при которомъ только достигшій извѣстнаго чина техникъ можетъ сдѣлаться администраторомъ завода, т. е. когда онъ уже отвыкъ слѣдить за развитіемъ науки и за новыми открытіями, а рутинная пріучила его считать извѣстные приемы безошибочными. Само собою разумѣется, что всякій техникъ скорѣе будетъ руководиться своими собственными, хотя и устарѣлыми, мнѣніями, чѣмъ согласится съ мнѣніемъ молодыхъ своихъ помощниковъ, у которыхъ свѣжи еще въ памяти новыя открытія въ наукѣ и техникѣ, и, конечно, не допуститъ никакихъ нововведеній. Еслибы во главѣ дѣла былъ просто образованный человѣкъ, не заражен-

ный самолюбіемъ техника, тогда для молодыхъ талантовъ открывалось бы широкое поле дѣятельности и наше горное дѣло могло бы развиваться; но когда не только во главѣ заводскихъ округовъ, но и во главѣ заводовъ должны стоять генералы, получившіе свое техническое образованіе десятки лѣтъ тому назадъ и, тѣмъ не менѣе, убѣжденные въ непогрѣшимости своихъ техническихъ знаній, то нѣтъ ничего мудренаго, что наше горное дѣло стоитъ на точкѣ замерзанія.

Расходы по министерству народнаго просвѣщенія предположены въ суммѣ 18.030.867 руб. Расходы эти, какъ наиболѣе производительные, не могутъ вызывать особенныхъ соображеній: можно только пожалѣть, во-первыхъ, о томъ, что бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не поглощаетъ большей части государственныхъ средствъ и оно за недостаткомъ помѣщенія принуждено закрывать двери среднихъ учебныхъ заведеній передъ желающими въ нихъ поступать и, во-вторыхъ, что изъ незначительной суммы въ 1.688.217 руб., ассигнованной на содержаніе народныхъ училищъ, болѣе трети, а именно 589.249 руб., тратится на содержаніе дирекцій и инспекцій этихъ училищъ.

Точно также можно пожалѣть, что бюджетъ министерства юстиціи, опредѣленный по росписи въ 16.780.362 рубля, не возрастаетъ въ той степени, чтобы представилась возможность введенія Судебныхъ Уставовъ 1864 года на всемъ пространствѣ Россіи. Вообще расходы министерства юстиціи опредѣляются штатами и не могутъ вызывать особыхъ замѣчаній. Только одна цифра смѣты министерства юстиціи можетъ остановить на себѣ вниманіе наблюдателя: это—цифра на содержаніе правительствующаго сената прежняго устройства. Несмотря на то, что судебные департаменты сената на основаніи Судебныхъ Уставовъ предположено постепенно сокращать, а затѣмъ и вовсе упразднить, расходы на ихъ содержаніе не уменьшаются, но возрастаютъ, хотя и незначительно. Впрочемъ этого можно было ожидать, такъ какъ наша практика выработала обычай заслуженныхъ лицъ администраціи, оставляющихъ почему-либо службу, вознаграждать званіемъ сенатора съ сохраненіемъ получаемаго оклада. При такомъ порядкѣ вещей упраздненіе судебныхъ департаментовъ сената невозможно.

Расходы вѣдомства святѣйшаго синода я разсматривать не буду, такъ какъ я очень мало знакомъ какъ съ потребностями этого вѣдомства, такъ и съ порядками, введенными въ немъ. Но

не могу не выразить мнѣнія, что расходы на содержаніе духовныхъ консисторій совершенно непроизводительны; такъ какъ эти учрежденія, несмотря на свою коллегіальность, не имѣютъ ни малѣйшей самостоятельности и безъ всякаго ущерба дѣлу могутъ быть замѣнены канцеляріями мѣстныхъ архіереевъ. Кромѣ того отпускаемая на содержаніе консисторій суммы слишкомъ недостаточны на безбѣдное содержаніе служащихъ и потому эти учрежденія ложатся тяжкимъ бременемъ на каждое духовное лицо, имѣющее какое-нибудь дѣло въ консисторіи.

Расходы министерства путей сообщенія, за исключеніемъ расходовъ на эксплуатацію Харьково-Николаевской и Ливенской желѣзныхъ дорогъ, опредѣленные въ суммѣ 10.451.457 рублей, составляютъ штатные и ремонтные расходы. Всѣ наиболѣе производительные расходы этого вѣдомства составляютъ такъ-сказать общепользные расходы и не могутъ считаться безусловно необходимыми, а потому, вслѣдствіе затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, они введены въ смѣту въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Стало-быть о сравнительной оцѣнкѣ этихъ расходовъ въ настоящемъ году не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до расходовъ на счетъ желѣзнодорожнаго фонда, т. е. постройки Криворожской и Баскунчакской желѣзныхъ дорогъ за счетъ казны, то о нихъ можно будетъ говорить тогда, когда будетъ опубликована отчетность временнаго управленія. Позволяю себѣ рассчитывать, что эта отчетность не будетъ скрыта въ архивѣ министерства подобно прежнимъ сооруженіямъ дорогъ за счетъ правительства.

Расходы министерства Двора опредѣлены по смѣтѣ на текущій годъ въ суммѣ 8.954.000 рублей. Но вотъ цифры расходовъ по этому министерству за истекшее десятилѣтіе:

1871 г.	10.909.755 р.	1876 г.	11.628.993 р.
1872 »	10.812.400 »	1877 »	9.479.051 »
1873 »	13.031.170 »	1878 »	10.479.730 »
1874 »	11.993.175 »	1879 »	11.849.278 »
1875 »	11.472.952 »	1880 »	11.106.830 »

Въ среднемъ выводѣ 11.276.333 рубль.

Въ виду послѣдней средней цифры расхода трудно предположить, что экономія можетъ достигнуть 2.300.000 рублей, тѣмъ болѣе, что цифры дѣйствительнаго расхода всегда превышали смѣтное назначеніе.

Расходъ на содержаніе высшихъ государственныхъ учреждений опредѣленъ въ 1.650.230 рублей. Между тѣмъ не видно никакихъ оснований, по которымъ онъ могъ бы уменьшиться въ сравненіи съ прежними годами. Вотъ цифры за послѣднія десять лѣтъ.

1871 г.	2.454.754 р.	1876 г.	2.661.619 р.
1872 »	2.587.720 »	1877 »	2.634.233 »
1873 »	2.490.852 »	1878 »	3.066.733 »
1874 »	2.587.351 »	1879 »	2.946.554 »
1875 »	2.842.394 »	1880 »	2.994.788 »

Въ среднемъ выводъ 2.727.699 рублей.

Если средній расходъ за цѣлое десятилѣтіе превышаетъ опредѣленную по смѣтѣ цифру болѣе чѣмъ на миллионъ рублей, т. е. на 65%, то я могу сказать съ полною достовѣрностію, что предположенная цифра окажется недостаточна и уменьшена съ цѣлю сократить дефицитъ. Я утверждаю это на томъ основаніи, что по смѣтнымъ правиламъ расходы, не имѣющіе штатнаго назначенія и производимые въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, предписывается исчислять по средней сложности послѣдняго трехлѣтія, что составитъ круглымъ числомъ сумму въ три милл. руб., или на 81% болѣе предположенной суммы. Ошибочнаго исчисленія въ такомъ документѣ, какъ государственная роспись, допустить нельзя.

Расходы министерства иностранныхъ дѣлъ, опредѣленные въ суммѣ 3.686.185 руб., не вызываютъ замѣчаній, такъ какъ они сократились на 1.100.000 рублей въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о расходахъ на содержаніе государственнаго контроля, исчисленныхъ по смѣтѣ на текущій годъ въ суммѣ 2.367.225 руб. Если припомнить, что цифра расхода за десять лѣтъ передъ этимъ, т. е. въ 1872 году, доходила до 2.055.227 руб., то окажется, что расходы по государственному контролю за десять лѣтъ увеличились всего на 15%, т. е. возрастали по 1½% въ годъ. Еслибы мысль, положенная въ основу контрольной реформы покойнымъ Валеріаномъ Алексѣевичемъ Татариновымъ, была проведена до конца, а не остановилась на полудорогѣ, то, конечно, я бы сказалъ, что расходъ на содержаніе учреждений государственнаго контроля есть одинъ изъ самыхъ производительныхъ, и могъ бы только пожа-

лѣтъ, что средства для развитія его дѣятельности не увеличиваются въ той степени, какъ это требуется интересами государственнаго казначейства. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ: со смертію творца реформы въ системѣ государственнаго счетоводства и отчетности прекратилась и организованная работа ревизіоннаго дѣла. Онъ создалъ только внѣшнюю форму этого дѣла, вполне понимая, что тогдашнее время и господствовавшіе въ правительственныхъ сферахъ взгляды на права администраціи были неблагоприятны для того, чтобы вложить въ эти формы то содержаніе, которое только и можетъ придать контрольнымъ учрежденіямъ извѣстную цѣлесообразность. Въ самомъ дѣлѣ всякое правительственное учрежденіе для выполненія своихъ функцій должно имѣть извѣстную степень власти, или, по крайней мѣрѣ, возможность заставить ту среду, въ которой ему приходится дѣйствовать, исполнять его законныя требованія. Но учрежденія государственнаго контроля этой возможности не имѣютъ, вслѣдствіе чего ихъ дѣятельность совершенно парализована и представляетъ напрасную трату и силъ, и средствъ. Не понимать этого трузизма Валеріанъ Алексѣевичъ не могъ и пишущій эти строки имѣлъ полную возможность убѣдиться изъ личныхъ съ нимъ сношеній, что введеніе контрольныхъ учрежденій съ тѣми правами, которыя имъ предоставлены, было только первымъ шагомъ на пути реформы, за которымъ должно было слѣдовать дальнѣйшее развитіе его мысли; но это была задача не положенія о контрольныхъ учрежденіяхъ, а ревизіоннаго устава. Какъ государственный человѣкъ и практическій дѣятель, понимавшій ту среду, въ которой ему приходилось проводить свою мысль, онъ очень хорошо зналъ, что попытка предоставить контрольнымъ учрежденіямъ извѣстную власть вооружила бы всѣ высшія правительственныя сферы противъ самой реформы, тѣмъ болѣе, что въ то время встрѣчались въ высшихъ сферахъ и такія лица, которыя самую мысль о ревизіи ихъ дѣйствій находили для себя оскорбительной. Оппозиція такихъ лицъ противъ реформы была сломлена только той уступкой, что государственный контроль обязывался свои замѣчанія передавать на распоряженіе начальства ревизуемаго лица, безъ права на какія - либо самостоятельныя распоряженія. Что такая уступка отнимала жизненныя силы у новыхъ учреждений, этого, повторяю, Валеріанъ Алексѣевичъ не могъ не сознавать, но онъ разсчитывалъ, что на первое время полезно создать хотя бы только формальную сторону ревизіоннаго дѣла, которая

приучила бы къ мысли, что государственныя и общественныя суммы не подлежат безъотчетному распоряженію, что онѣ должны слѣдовать своему назначенію и что повѣрка дѣйствій распорядителя не можетъ считаться для него оскорбительной. Только съ усвоеніемъ и широкимъ распространеніемъ этой мысли въ обществѣ и администраціи, по мнѣнію покойнаго, можно было изданіемъ ревизіоннаго устава вооружить контрольныя учрежденія тѣми правами, которыя необходимы для правильнаго и своевременнаго исполненія возложенной на нихъ обязанности. Къ сожалѣнію, смерть слишкомъ рано отняла у Россіи этого полезнаго дѣятеля и онъ не успѣлъ осуществить своихъ намѣреній. Послѣ его смерти, хотя и были попытки составленія проекта ревизіоннаго устава, но эти попытки не осуществились и контрольныя учрежденія за массою постоянно накапливающагося дѣла довольствуются лишь исполненіемъ обрядной его стороны. Такое накопленіе есть неизбѣжное послѣдствіе отсутствія всякой власти и всякой возможности заставить исполнять требованія контроля. На основаніи нынѣ существующаго положенія, онъ обязанъ производить ревизію по отчетности казначействъ и первый камень преткновенія встрѣчается очень часто въ отсутствіи необходимыхъ для ревизіи документовъ, которые нужно требовать и ожидать присылки ихъ; но распорядительныя управленія могутъ медлить ихъ доставленіемъ. Затѣмъ, въ случаѣ встрѣченныхъ неправильностей, необходимо истребованіе объясненій, на доставленіе которыхъ положительныхъ сроковъ и взысканій за просрочку не установлено. Далѣе, постановленіе контрольнаго учрежденія тогда только дѣйствительно, когда съ нимъ согласится начальство отчетнаго управленія; но начальство можетъ не отвѣчать на вопросъ и дѣло остается не оконченнымъ. Наконецъ, вслѣдствіе понужденій со стороны центрального учрежденія, присылается возраженіе и дѣло поступаетъ въ совѣтъ государственнаго контроля, гдѣ за массою дѣлъ, стекающихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи по всякому возраженію, успѣшное разрѣшеніе вопросовъ положительно невозможно. Вслѣдствіе такой процедуры, съ наступленіемъ каждой новой отчетности возникаютъ новыя вопросы, между тѣмъ какъ старыя не разрѣшаются и вызываютъ страшное накопленіе дѣлъ, интересъ современной ревизіи исчезаетъ и теряется всякая энергія со стороны ревизующихъ лицъ. Мудрено ли, что все дѣло ревизіи обращается въ пустую формальность?

Въ виду такого положенія дѣлъ, можно только пожалѣть даже о тѣхъ средствахъ, которыя ассигнуются на такую безплодную и бесполезную работу. Если въ дѣятельности государственнаго контроля есть какая-либо полезная сторона, она состоитъ только въ разсмотрѣнн смѣтъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Эта сторона дѣятельности государственнаго контроля производится своевременно и доклады государственнаго контроля департаменту экономіи всегда сохранять серьезное значеніе, какъ критическая оцѣнка испрашиваемыхъ министерствами кредитовъ. Что же касается ревизіонной дѣятельности контроля, то я позволю себѣ высказать мнѣніе о совершенной ея бесполезности, если не имѣется въ виду:

1) Установить штрафы, налагаемые властію контрольныхъ учреждений, за неприложеніе къ ассигновкамъ или недоставленіе въ опредѣленной срокъ документовъ, необходимыхъ для ревизіи.

2) Установить срокъ на доставленіе объясненія по учетному реестру, пропущеніе котораго принимается за согласіе съ замѣчаніемъ контрольной палаты, вслѣдствіе чего сумма, помѣщенная въ учетный реестръ, обращается въ начеть безъ права обжалованія.

3) Установить срокъ, въ который подвергаемое лицо можетъ требовать представленія дѣла на разсмотрѣніе совѣта государственнаго контроля.

4) Опредѣлить цифру начета, которую контрольныя палаты могутъ налагать собственною властію окончательно.

5) Предоставить лицамъ, подвергаемымъ начету, лично являться въ контрольную палату къ слушанію ихъ дѣла, прочитывать заготовленные ревизорами доклады общему присутствію и представлять словесныя объясненія по выслушаніи этихъ докладовъ.

Если, повторяю, не имѣется въ виду установить подобныхъ правилъ, то лучше прекратить ревизіонную дѣятельность государственнаго контроля и упразднить всѣ контрольныя палаты, которыя безъ указанныхъ правъ не въ состояніи не только своевременно, но и вовсе исполнять своей задачи, хотя бы средства ассигнуемыя въ ихъ распоряженіе не только удвоились, но даже утроились. Если же указанные мною правила будутъ введены, то я беру на себя смѣлость утверждать, что ассигнуемыхъ нынѣ средствъ вполне достаточно для своевременной и всесторонней ревизіи. Все накопленіе дѣлъ въ контрольныхъ палатахъ есть слѣдствіе ихъ безправія.

Этимъ я ованчиваю разсмотрѣніе государственной росписи за 1882 годъ. Къ какому же окончательному заключенію приводить это изслѣдованіе?—Къ сожалѣнію, очень печальному. Многія статьи дохода, вопреки указаніямъ опыта, значительно преувеличены, тогда какъ нѣкоторые расходы, наоборотъ, сильно сокращены и, повидимому, нѣтъ никакой возможности ожидать, чтобы дѣйствительное исполненіе подтвердило составленныя такимъ образомъ предположенія. Кромѣ того указанія опыта были настолько враспорѣчивы, что въ этихъ предположеніяхъ можно видѣть простое желаніе уменьшить цифру дефицита. Но въ исторіи не было примѣра, чтобы государство изъ 80-милліоннаго дефицита въ одинъ годъ, безъ особыхъ преобразованій, могло придти къ дефициту въ 3½ мил., а потому такое желаніе можетъ вызвать послѣдствія прямо противоположныя тѣмъ, которыхъ ожидали. Такое желаніе можетъ навести на мысль, что наше финансовое положеніе хуже, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности.

А. Головачевъ.

Въ горахъ и степяхъ Башкиріи.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ.)

III *).

Нарушенный заводъ.

Заводъ этотъ называется Усень-Ивановскимъ.

Не мало въ Башкиріи «нарушенныхъ» заводо́въ: Верхній Кидашь, Нижній Кидашь (они же и Троицкіе), Архангельскій, Воскресенскій, Усень-Ивановскій—все покончили свое существованіе, а впереди ожидается закрытіе и другихъ заводо́въ...

Тяжелое впечатлѣніе производитъ видъ нарушеннаго завода. Масса сѣрыхъ, когда - то хорошихъ и приглядно смотрѣвшихъ, домовъ съ полужизгнвшими или заплатанными кровлями привольно раскинулась въ лощинѣ. Покинутыя зданія мастерскихъ и фабрикъ, полуразрушенная плотина и заброшенный прудъ съ выбѣгающими изъ него потоками рѣки, жалобно плачущими и наводящими уныніе; вездѣ чернѣются глубокія ямы, горы изъ остатковъ руды и на всемъ—печать широкаго запустѣнія. Заводское населеніе на половину разбѣжалось по разнымъ мѣстамъ отыскивать себѣ хлѣбъ, другая,—изъ привязанности къ родному и насиженному мѣсту, — остается тутъ доживать свой вѣкъ, переколачиваясь изъ дня въ день. Чудная природа, горы, лѣса и рѣки, окружающіе эти жалкія руины заводо́въ, только усиливаютъ больше впечатлѣніе и наводятъ на грустныя размышленія...

Живутъ въ этихъ нарушенныхъ заводахъ большею частію старовѣры.

*) *Русская Мысль* кн. V.

Возникновеніемъ и развитіемъ своимъ горная промышленность обязана здѣсь башкирамъ: они первые показали русскимъ «чудскія копи» — мѣста старинныхъ рудныхъ разработокъ въ башкирскихъ дачахъ, первые всегда отыскивали новые рудники и первые же являлись работниками у русскихъ заводчиковъ, орлами налетавшихъ съ разныхъ сторонъ на прекрасную Башкирію. Управляющій Оренбургскимъ краемъ, статскій совѣтникъ Кириловъ, воспользовался свѣдѣніями «башкирцевъ» и, при содѣйствіи одного горнаго офицера и разныхъ штейгеровъ и бергауеровъ, основалъ при Табынской крѣпости мѣдноплавильный Воскресенскій заводъ; но предпріятіе покойнаго статскаго совѣтника на этомъ и остановилось: дѣло почему-то не пошло, а тутъ еще, на бѣду, подоспѣло «возмущеніе»: башкиры до тла разнесли Воскресенскій заводъ!... Но при Неплюевѣ, вступившемъ въ управленіе краемъ 1743 года, дѣло съ помощью Божіей и добрыхъ людей обошлось по-хорошему: чтò было посѣяно статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ, то при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ возросло и дало плодъ. Наслышавшись разныхъ чудесъ о новой странѣ, въ Башкирію явился тогда симбирскій купецъ Иванъ Борисовичъ Твердышевъ, «человѣкъ предпріимчивый и знатокъ горнаго дѣла». Онъ обратился къ Неплюеву съ просьбой о дозволеніи возобновить Воскресенскій заводъ, причемъ изъявилъ желаніе приложить «отмѣнное» усердіе и стараніе свое къ дѣлу развитія въ Уфимской провинціи горной промышленности. Неплюевъ отнесся въ Бергъ-Коллегію и аттестовалъ передъ нею Твердышева такимъ образомъ: «къ изысканію рудъ ревность показываетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, черезъ стараніе свое, новые рудные признаки обыскалъ и, ревнуя къ дѣйствительному того завода произведенію, просить, чтобы ему оныя отданы были». Заводчикъ Демидовъ, еще раньше показавшій свою «ревность» не къ одному лишь «обысканію» рудныхъ признаковъ, но и къ широкой эксплуатаціи богатствъ сѣвернаго Урала, и оренбургскій солепромышленникъ Осокинъ хотѣли, было, помѣшать успѣху представленія Неплюевымъ о новомъ «ревнителѣ» и «знатокѣ горнаго дѣла»; но «въ уваженіи сдѣланной Твердышевымъ значительной уступки въ казну (болѣе 20.000 руб.) и по принятіи имъ на себя уплаты издержанныхъ статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ на устройство завода 565 руб. 79³/₄ к., правительствующій сенатъ отъ 16-го апрѣля 1744 года утвердилъ дѣло за Твердышевымъ». Для завода тѣмъ же указомъ сената велѣно отвести изрядное количество

земли и приписать потребное число врестьянъ (подъ Воскресенскимъ заводомъ находилось 46.000 десятинъ, изъ которыхъ 28.000 лѣса). «Особая счастливая способность» и «умѣнье» Твердышева «обходиться съ полудикимъ народомъ не только устранили всѣ препятствія и предполагаемыя опасенія, но какъ не надобно лучше расположили башкирцевъ въ его пользу, и они споспѣшествовали ему не только своими услугами въ отысканіи руды, но и личными работами въ добываніи ея и доставкѣ на заводъ». Но, помимо счастливой способности и умѣнья обходиться съ полудикимъ народомъ, надо полагать, на «расположеніе» и «споспѣшествованіе башкирцевъ» оказывала нѣкоторое вліяніе также и военная команда, содержавшаяся Твердышевымъ на собственный счетъ, съ цѣлью «охраны завода»...

Не прошло семи лѣтъ, какъ уже къ Твердышеву присоединился землякъ его, купецъ Мясниковъ, и общими силами они построили сперва Богоявленскій и Архангельскій мѣдноплавильные заводы, а черезъ два-три года Твердышевъ строитъ Катавъ-Ивановскій желѣзный заводъ, потомъ, въ компаніи съ тѣмъ же Мясниковымъ, Усть-Катавскій, Верхотурскій и затѣмъ Симскій... За ними и, частью, одновременно выступили другіе ревнители: Осокинъ, построившій заводы Троицкіе и Усень - Ивановскій (1754—60 г.), Мосоловъ—Кана-Никольскій и Златоустовскій, Матвѣевъ — Авзяно-Петровскій, Красильниковъ — Шаранскій и такъ далѣе.

Заводы устраивались и возводились на башкирскихъ земляхъ, приобретаемыхъ основателями отъ владѣльцевъ двумя способами—или посредствомъ прямого захвата, или покупки (иначе «отвода глазъ»): за самую ничтожную сумму приобреталось отъ 50 до 270 тысячъ десятинъ...

Заводы росли и размножались. Къ нимъ стягивались и прикрѣплялись рабочіе люди: бѣглецы, переселенцы, усмиренныя уже осы, и крестьяне, покупаемые у помещиковъ и вывозимые заводчиками изъ внутренней Россіи въ Башкирію... Новая, своеобразная жизнь начиналась въ заводахъ, — жизнь полная нескончаемыхъ печалей, но не лишенная и своихъ радостей; въ теченіе болѣе ста лѣтъ она складывалась и, наконецъ, сложилась въ опредѣленныя формы, выработался типъ заводскаго человѣка... Но вотъ по всей Россіи, изъ конца въ конецъ, пронеслась радостная вѣсть объ уничтоженіи крѣпостного права: изданъ и вездѣ прочитанъ манифестъ 19-го февраля.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и призови вмѣстѣ съ Нами въ помощь Бога на свой свободный честный трудъ!» — торжественно, какъ звуки священнаго органа, раздавалось по необъятной и многострадалной нашей землѣ. Полною грудью тогда вздохнулъ многомилліонный народъ, и вслѣдъ за словами манифеста пламенная молитва освобожденныхъ рабовъ понеслась къ далекимъ небесамъ... Теперь-то, казалось, разовьется и разцвѣтетъ горнозаводская промышленность, вступивъ на путь широкаго свободнаго труда, и заводскій рабочий позабудетъ про все, что было тягостнаго въ его крѣпостнической жизни, и бодро, съ новыми силами, примется за свой трудъ и запоетъ:

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.
Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь;
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ...

Но въ Башкиріи случилось какъ разъ наоборотъ: оказалось въ дѣйствительности, что заводы только и цвѣли, пока господствовало крѣпостное право, а какъ его отмѣнили, — начали быстро вянуть и многіе скоро совсѣмъ завяли. Значить, всего на сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ хватило силъ! И это въ странѣ неисчерпаемыхъ минеральныхъ богатствъ?!... А между тѣмъ въ «ревности» и «стараніи» — слава Богу! — недостатка, кажется, не было, а въ итогѣ — одни «нарушенные» заводы! Непостижимо... *).

Въ Усень-Ивановскій заводъ я пріѣхалъ въ началѣ сентября. Хотя времени было еще и немного, — шелъ девятый часъ, — но темная ночь давно уже распростерлась надъ землей и закутала все селеніе. Мы подъѣзжали къ заводу со стороны горъ. Дорога шла лѣсомъ. Темь. По обѣимъ сторонамъ тянулся лѣсъ.

*) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ исторіей горныхъ заводовъ отсылаемъ къ трудамъ Я. В. Ханькова, В. М. Черемшанскаго, Р. Г. Игватьева и указамъ правительствующаго сената, изданнымъ за время съ 1720 по 1861 годъ.

Высокій, молчаливый и непроницаемый, онъ весь исполненъ былъ какихъ-то глубокихъ тайнъ и казался заколдованнымъ, волшебнымъ. Мнилось, что вотъ - вотъ, того и жди, напуститъ на насъ этотъ волшебникъ свои чары, заведетъ куда-нибудь въ непроходимую чащу лошадей и не выпуститъ насъ живыми изъ своего лѣсного царства. Жутко становилось!... Но дорога, къ нашей радости, начала круто опускаться, и внизу передъ нами, точно изъ-подъ воды, вынырнулъ и протянулся длинный рядъ огоньковъ. Еще нѣсколько минутъ—и мы очутились почти у самой линіи огня. Чѣмъ-то влажнымъ и свѣжимъ вдругъ пахнуло въ лицо... Ящикъ повернулъ налѣво, пронзительно гикнулъ, и лошади понеслись бѣшенымъ вихремъ. Справа, въ неясныхъ очертаніяхъ, обрисовывались изгибы рѣки, на холодной и мрачной поверхности которой, мѣстами, дрожали отраженія огоньковъ, а слѣва тѣснились и надвигались на насъ исполины-горы, угрожавшія преградить дорогу и принимавшія въ ночномъ мракѣ страшныя, фантастическія формы... Но вотъ передъ нами какъ будто широкое озеро развернулось, за нимъ бѣлое зданіе поднялось и забѣгали, смѣшались въ кучкѣ десятки огоньковъ. Завертели на плотину, миновали ее и въѣхали въ жилие. Наконецъ-то!... Поднимаемся вверхъ... Въ совершенно темной и безмолвной улицѣ, на-перерѣзъ намъ, неожиданно выдѣлялись двѣ высокія мужскія фигуры.

— Кто идетъ?

— Гдѣ домъ Василья Семеныча Грачева?

— А вотъ сейчасъ третій домъ отъ краю.

У большого деревяннаго дома лошади остановились. Ящикъ началъ стучать въ ворота. Отвѣта нѣтъ. Сильнѣе принялись стучать. Во дворѣ глухо залаяла собака... Наконецъ послышался человѣческій голосъ:

— Кто стучитъ?

— Василій Семенычъ дома?

— Постучите подъ окошко!

Стучимъ подъ окошко. Не отвѣчаютъ.

— Поѣдемъ къ волостному правленію.

Тамъ съ трудомъ достучались и, на наше счастье, нашли не окончательно еще заспавшагося сторожа. Онъ выслушалъ, зѣвая, нагнулъ на плечи полушубокъ и проводилъ насъ до казенной квартиры. Въ этой улицѣ не вездѣ спали,—въ домахъ виднѣлись огни и на бѣлыхъ занавѣскахъ, въ окнахъ, отражались

тѣни. Подъѣхали. Опять стукъ и отпирание воротъ. Лошади въѣхали на дворъ. На крыльцѣ, со свѣчой въ рукахъ, встрѣтилъ насъ старикъ, на видъ лѣтъ шестидесяти, въ кафтанѣ съ борками.

— Сюда пожалуйте!

Я поднялся по лѣстницѣ, предшествуемый хозяиномъ, и вошелъ въ комнату, а изъ нея въ другую, большую и чистую, съ кроватью, диваномъ, столомъ и стульями. Въ переднемъ углу, въ кѣтѣ, висѣло мѣдное распятіе и передъ нимъ теплилась лампадка; по стѣнамъ, въ черныхъ рамкахъ, развѣшаны картинки старыхъ модъ, ландшафты и «Страшный судъ».

— Здравствуйте, хозяинъ! Извините, что я васъ побеспокою.

— Помилуйте, наша обязанность принимать господъ.

Ямщикъ (банкиръ) внесъ чемоданъ и другія вещи.

— Самоваръ прикажете поставить?

— Не беспокойтесь, — не хочу.

Я чувствовалъ себя за день страшно утомленнымъ, — около полутораста веротъ сдѣлалъ, — и хотѣлъ спать. Поэтому спѣшилъ только скорѣе расплатиться съ ямщикомъ.

— Вотъ прогоны, а это тебѣ — на чай.

— Не надо на чай... Зачѣмъ мнѣ на чай? — отказался банкиръ. — А вотъ, господинъ, если можно, самоваръ, чаю напиться. У насъ — Ураза, ты видѣлъ давеча, я не успѣлъ дома...

— Съ большимъ удовольствіемъ, Шакиръ Сатъянычъ.

Я попросилъ хозяина поставить для ямщика самоваръ и накормить его ужиномъ.

— Ну, вотъ, спасибо тебѣ.

— Прощай, Шакиръ Сатъянычъ. Кланяйся отцу.

— Ладно. Прощай! Будь здоровъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку, и мы разстались.

— Позвольте узнать, кто вы будете? — обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяинъ.

— Исследователь. Собираю матеріалы, изучаю народный бытъ.

— Такъ... Значить, по разнымъ порученіямъ къ намъ на заводъ?

— Да, по разнымъ порученіямъ.

Мнѣ не хотѣлось говорить, и я старался какъ-нибудь отдѣлаться.

Черезъ пять минутъ я уже лежалъ на диванѣ. Усталось была таково, что хотѣлъ я подвинуть къ себѣ коробку со спич-

ками, чтобы выкурить папироску, но рука упала и я моментально заснулъ и проспалъ до восьми часовъ утра. Меня разбудилъ страшный и чудовищный бой часовъ.

Было великолѣпное утро. Хозяинъ возился въ сосѣдней комнатѣ, куда я вышелъ умываться. Только я приблизился къ умывальнику, какъ почтенный старецъ объявилъ:

— А у насъ сегодня ночью случилось происшествіе.

— Какое происшествіе?

— Да такъ, видно, часа въ два ночи я проснулся, гляжу: въ комнатѣ свѣтъ. Васъ я побоялся беспокоить... Подошелъ къ окну—заревъ въ той сторонѣ, откуда вы ѣхали: пожаръ былъ въ деревнѣ Невѣровкѣ, тридцать два двора сгорѣли и двѣ женщины.

Внесли мнѣ самоваръ. Я пригласилъ къ чаю хозяина. Старикъ сѣлъ; мы съ нимъ разговорились. Онъ, между прочимъ, рассказалъ, какъ у нихъ въ заводѣ, три года тому назадъ, ловили бѣглаго попа, какъ его поймали и привели на казенную квартиру и какъ потомъ бабы уворовали его изъ-подъ носа становаго.

— Бушать будете что?—спросилъ, вставая, хозяинъ.

— Что у васъ можно найти?

— Можно курочку, пѣтушка.

Я далъ денегъ на обѣдъ.

Оставшись одинъ, я продолжалъ сидѣть за самоваромъ и долго не могъ оторваться отъ окна. Передо мной, за порядкомъ домиковъ, открывался такой видъ: параллельно улицѣ, длиною стѣной, поднимались высокія горы, покрытыя съ низу до верху лѣсомъ, съ обнаженными, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отвѣсами и скалостями. У подошвы горъ въ безпорядкѣ лѣпились избушки, правѣе—уныло смотрѣли заводскія сооруженія: покосившееся зданіе бывшей конторы, обветшалыя постройки кладовыхъ, амбаровъ и т. п.; лѣвѣе, отдѣльно, стояли вершины горъ—Исаевская и Ильинская; прямо, внизу, извивалась голубою лентой р. Усень и озеро стояла у плотины завода. За нею желтою змѣйкой вскидывалась на горы узенькая дорожка, по которой я ѣхалъ наканунѣ. Липа, береза и осина, покрывавшія горы, наполовину пожелтѣли; однѣ сосны и ели не перемѣняли своего темно-зеленаго наряда. Все это—и лѣсъ, и горы, и рѣка съ заводскими постройками—было освѣщено яркими лучами солнца.

Послѣ обѣда я отправился къ Василью Семеновичу Грачеву. Надо сказать, что о немъ я слышалъ какъ о человѣкѣ почтенномъ, отъ котораго могъ узнать многое, и имѣлъ къ нему письмо отъ одного судебного слѣдователя и поэта (Якова Артемьевича Старостина). Мой квартирный хозяинъ изъяснилъ, было, готовность проводить, но я подъ какимъ-то предлогомъ уклонился отъ его любезнаго предложенія; притомъ отъ него попахивало не то лукомъ, не то чеснокомъ, и на щекахъ игралъ неестественный румянецъ. По дорогѣ я завернулъ въ волостное правленіе, но тамъ никого, кромѣ десятниковъ, не засталъ: старшина и писарь ѣздить по волости съ «застраховкою».

Василій Семенычъ стоялъ у воротъ своего дома. Онъ, видимо, былъ уже предупрежденъ и ждалъ меня. Это былъ высокій, съ сильною просѣдью, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ голубыми и привѣтливо смотрѣвшими глазами. Онъ отворилъ мнѣ калитку и съ хорошей улыбкой просилъ въ «горницу». Два большихъ камня, въ видѣ полукруга, вели въ сѣни; на дворѣ, особнякомъ, стояла избушка, изъ которой, вѣроятно, вчера и былъ намъ сдѣланъ опросъ; подлѣ нея, въ колодѣ, лежала на цѣпи большая, когда-то черная, но теперь старая и вся посѣдѣвшая, собака; при видѣ незнакомаго человѣка, она, по давнишней своей привычкѣ, вздумала на меня полаять, но сейчасъ же перестала и улѣзла въ колоду. Изъ сѣней мы вступили въ первую, чистую и просторную комнату, изъ которой створчатыя двери вели въ другую, гораздо больше первой; здѣсь стояла кровать съ пологомъ, на задней стѣнѣ развѣшаны кафтаны, шубы и сарафаны, — чистая бѣлая печь и картина «Ступени человѣческой жизни», столъ, до полудюжины стульевъ и шкафъ съ чайною посудой.

— Просимъ покорно. Садитесь!

Мы сѣли. Я вручилъ Грачеву письмо и просилъ его прочесть, а онъ освѣдомился объ Яковѣ Артемьичѣ, его здоровьѣ и занятіяхъ.

— Въ Уфѣ служить, здоровъ и кланяется вамъ.

— Мы наслышаны, что въ Уфѣ. Намъ очень пріятно, что они въ Уфѣ. Хорошій человѣкъ.

Василій Семенычъ вынулъ изъ кожанаго футляра большія, въ серебряной оправѣ, очки, разрѣзалъ ножомъ осторожно конвертъ и принялся за чтеніе письма.

— Ну, что вамъ пишетъ Яковъ Артемьичъ?

Хозяинъ съ тою же точно улыбкою, съ какою, отворивъ передо мною калитку, просилъ пожаловать въ горницу, протянулъ тебѣ съ письмомъ ко мнѣ руку и сказалъ:

— Да что вы говорили. Не угодно ли?

Впечатлѣніе, произведенное на меня Грачевымъ, располагало въ его пользу: человекъ обстоятельный, съ головой и, по наружности, весьма симпатичный. Но въ его хорошей улыбкѣ, въ тонѣ голоса и манерѣ говорить, несмотря на сердечность, замѣчались осторожность и тонкая наблюдательность: взглядъ его голубыхъ глазъ — необычайно кроткій, ласковый и добрый — останавливался, по временамъ, на лицѣ собесѣдника и точно хотѣлъ проникнуть въ самую глубину его души. Нечего, конечно, было рассчитывать, что Василій Семенычъ съ первого же разу, какъ васъ увидѣлъ, распояшется и начнетъ передъ вами выкладывать, что у него есть на умѣ и въ сердцѣ. Поэтому я нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ самому рассказать Василью Семенычу подробно о моемъ знакомствѣ съ Яковомъ Артемьевичемъ, посвятить его въ задачу моихъ скромныхъ научныхъ изысканій, и т. п. Такая, невинная съ моей стороны, стратегическая хитрость подвинула дѣло впередъ. Василій Семенычъ слушалъ меня съ какимъ-то тихимъ вниманіемъ, подолгу не сводилъ съ меня своихъ вдумчивыхъ глазъ и всякій разъ улыбался, когда въ разсказѣ выступалъ комическій элементъ.

Подали самоваръ, и на сцену явилось новое лицо: жена Грачева, высокая, здоровая женщина, съ глубокими карими глазами и сохранившимися слѣдами замѣчательной красоты; въ ней все было энергія и сила: фигура, движенія, голосъ и взглядъ глубокихъ карихъ глазъ. Она подала намъ чай, мнѣ — въ стаканъ, а мужу въ чашкѣ, поставила соты и большую рюмку вина. Не зная прямого назначенія послѣдней, я взялся за стаканъ съ чаемъ.

— Что же вы, пожалуйста! — показывая на рюмку, попросила меня хозяйка.

— Благодарю васъ: я не пью. Можетъ, хозяинъ самъ выкушаетъ?

— Съ роду не пивалъ.

За чаемъ я завелъ рѣчь о заводѣ. Василій Семенычъ полугрустно улыбнулся и проговорилъ:

— Что теперь нашъ заводъ! Одно названіе только осталось, а заводъ нарушенъ: работъ на немъ никакихъ не производится.

— А давно заводъ нарушенъ?

— Нашъ вскрыли въ 1866 году... вскорѣ послѣ того, какъ заведеніе отъ Бенардаки въ казну перешло. Основателемъ-то былъ Осокинъ Иванъ. По немъ да по рѣкѣ Усеню и заводъ нашъ такъ прозывается.

— Скажите, Василій Семенычъ, отчего заводъ не существовалъ дольше?

— На то была воля заводовладѣльца. Видите ли, какъ народъ отъ помѣщиковъ освободили, такъ бывшему нашему владѣльцу, должно-быть, и обидно показалось рабочимъ жалованье платить. Мы, вѣдь, народъ не знатный: бѣгле были, кто изъ-подъ кустика, кто изъ-подъ сосенки... Другая причина въ томъ состояла, что во сто лѣтъ заводъ много лѣсу свелъ и руду, какая вблизи была, всю истощилъ.

Причина уважительная.

— Развѣ что вотъ лѣсу мало—такъ, а то руды, я думаю, по вашимъ мѣстамъ не трудно найти?

— Какъ руды не найти! Вонъ, за Дѣмою, сколь её, матушки, лежитъ: не на одинъ заводъ хватить!

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника. Въ отвѣтъ мнѣ Василій Семенычъ улыбнулся и продолжалъ:

— Да, вѣдь, за рудою далеко ѣздить: надо все нанимать и людямъ деньги платить. А намъ это не нравится: не такъ ужъ будетъ прибыльно, какъ прежде... Намъ бы желательно побольше интересу получить, чтобы было изъ-за чего беспокоиться и заведеніе содержать.

Д-да, такъ вотъ оно что!...

— Въ прежніе-то годы заводамъ было очень хорошо, — постепенно, шагъ за шагомъ, уступалъ Василій Семенычъ, попивая чаекъ изъ своей аппетитной чашки. — Народъ былъ свой, даровой; земли, опять лѣсу и всякихъ угодій — сколько вашей душѣ только пожелаешь. А нонча ежели заводъ въ дѣйствіе пустить, — на все капиталъ понадобится. А въ оныя-то времена какъ просто велось! Обыскалъ башкирецъ гдѣ у себѣ руду, пришелъ къ заводовладѣльцу и только доложится: сейчасъ прикащика и мастеровъ посылаютъ, да самихъ же башкирцовъ и заставляютъ копать, а послѣ велятъ имъ руду на заводъ свезти. Башкирецъ хоть на двѣсти верстъ повезетъ: ѣдетъ да, по-своему, пѣсенки поѣвастъ. За труды отъ владѣльца — фунтъ чаю, пару барановъ и много пять-шесть серебряныхъ цѣлковыхъ

въ придачу! Башкирецъ доволенъ, «спасибо» — говоритъ, а рудникъ его къ заводу причисляется. Не успѣютъ еще этотъ рудникъ какъ слѣдуетъ разработать, а башкирецъ, глядишь, ужъ другой обыскалъ. Препжній оставляютъ безъ вниманія и за новый принимаются. Такъ не у насъ однихъ, а на всѣхъ заводахъ съ рудой обращались... Случится, ежели въ своихъ дачахъ гдѣ по-близости лѣсъ свели, — рядомъ, подъ рукой, башкирскай «урманъ» стоитъ: опять башкирцы сами нарубятъ и привезутъ. Такъ оно, сами видите, заводъ тогда и лестно было содержать. Ну, а какъ башкирцамъ кочевки воспретили, — скотоводство у нихъ сразу нарушилось: прежде у каждаго вотчиника до тридцати-пятидесяти косяковъ однѣхъ лошадей водилось, а тутъ — одному выѣхать стало не на чемъ. Въ тому же и размежеваніе башкирскихъ земель подоспѣло. Все одно къ одному...

— А теперъ ужъ не ѣздить болѣе на башкирахъ?

Супруги взглянули на меня и засмѣялись.

— Какъ не ѣздить! — сказалъ мужъ. — Была бы спина, на спину дубины много... Вы были у нихъ, — замѣтили, чай, въ какомъ они несчастномъ положеніи...

— Совсѣмъ ободраной стала лошадевка, — энергически замѣтила жена Василья Семеныча.

— Да, таки ее поободрали. А все еще ѣздить! Не та ужъ лошадь, что прежде была: много очень зря и безъ всякаго соображенія на ней гоняли... Вотъ и довели до послѣдняго... Да что говорить! Наше дѣло тоже не лучше башкирскаго: не знаемъ, что впереди насъ и ожидаетъ...

Василій Семенычъ вытерся платкомъ и шумно двинулъ свою аппетитную чашку.

— Въ какомъ теперъ положеніи находятся заводскіе? — предложилъ я вопросъ.

— Въ какомъ положеніи, вы спрашиваете? Да точно въ такомъ же, въ какомъ и сами заведенія наши находятся: въ положеніи нарушенномъ. Отъ заводскаго дѣла мы вотъ сколько годовъ отрѣшены, а хлѣбопашцами настоящими и по сіе время не сдѣлались: усадьба у мастеровыхъ не выкуплена, а надѣла мы не принимаемъ.

— Отчего же не принимаете?

— Боимся круговой поруки: отъ нея все селеніе должно разориться.

— Такъ чѣмъ же теперъ заводскіе промышляютъ?

— А разное: кто занимаются хлѣбопашествомъ,—землю подѣ пашню у казны снимають,—кто на сторонѣ пропитаніе себѣ находятъ, а кто дома промыслы имѣють: плотники, кузнецы, мѣдники, конокрады...

— Вотъ какъ! И конокрады?...

— Всякаго народу довольно... Изстари одно примѣчаніе есть: ежели какого человѣка отъ постоянного его дѣла оторвутъ, а другого настоящаго занятія ему не предоставятъ, такъ человѣкъ такой ко всякимъ худымъ дѣламъ склониться можетъ. Допрежде у насъ конокрадствомъ одни тептяри да новобашкиры промышленяли, а нонича и заводскіе за то же самое ремесло ухватились. Да не у однихъ заводскихъ,—послышишь, вездѣ разстройство и недохватка... Большое замѣшательство, какъ я смотрю, теперь на міру происходитъ.

— Но я, Василій Семенычъ, не достаточно себѣ уяснилъ, почему вы не принимаете надѣла. Положимъ, что круговая порука...

— Отвергаемъ!—перебила меня хозяйка, сопровождаая энергическимъ движеніемъ руки свое восклицаніе, и въ ея глубокихъ варихъ глазахъ мелькнуло выраженіе сердитой рѣшительности.

— Извольте, я вамъ поясню, — заговорилъ Василій Семенычъ.—У насъ теперь хлѣбопашествомъ занимаются по охотѣ: кто имѣеть у себя запашку, тотъ и платитъ въ казну, а прочимъ нѣтъ до того никакого дѣла. Отъ казны у насъ пока утѣшенія не видится: за десятину она съ насъ въ годъ беретъ отъ полутора до двухъ рублей. Лѣсъ покупаемъ отъ десяти и до шестидесяти рублей за десятину, а валежникъ—по сорока копѣекъ кубическую сажень. Земскихъ, волостныхъ и подушныхъ сходитъ по четыре рубля съ души, кромѣ усадебныхъ—то особо, платимъ шесть рублей съ десятины помѣщику. А всего, какъ сосчитаете, порядочно наберется; но мы не роищемъ. Ежели бы такъ и дальше пошло, да усадьбу намъ отдали,—жить бы еще ничего, хоть и пополамъ съ горемъ, какъ-нибудь можно... Народъ, вѣдь, у насъ не избалованъ,—немногимъ удовольствуется... Теперь вы поняли меня?... Но мы боимся: ну, какъ намъ землю нарѣжутъ? Съ круговой порукой совсѣмъ пропадемъ! У насъ много пустого народа, за него платить придется: и исправный человѣкъ изъ-за неисправнаго выдетъ неисправнымъ...

— Да что толковать, — перебила опять жена: — мы отвергаемъ!

— Вотъ еще усадьба бѣдняковъ донимаетъ, — продолжалъ мужъ. — Заводъ, по своему нарушенію, и вся земля на казну отошли, а подъ усадьбами мастеровыхъ помѣщикъ за собой оставилъ. Выкупить-то сила не беретъ, а платитъ ежегодно по шести рублей за десятину тягостно... Ежели бы усадьба!...

Поговоривши еще съ полчаса, я заявилъ о желаніи осмотрѣть самый заводъ, то-есть зданіе, въ которомъ обрабатывали руду.

— Ключи у меня, — сказалъ Грачевъ. — Я теперь главный начальникъ всѣхъ мастерскихъ. Извольте, я свожу васъ посмотрѣть нарушенный заводъ.

— Опять-то къ намъ жалуй, — сказала на прощаньи мужественная супруга Василья Семеныча и подала мнѣ свою ручку.

Отъ роду я еще не видѣлъ такой женской руки!

— Вотъ я съ вами познакомился и долго бесѣдовалъ, а имени и отчества вашего не имѣлъ удовольствія узнать.

— Вольно тебѣ было не спросить. Зови Макрина Пудовна, и буду откликаться.

— Очень пріятно...

— А ты попроще, какъ давѣ говорилъ, — осадила меня вдругъ Макрина Пудовна. — Не люблю я модниковъ: женщина я прямая... Вотъ, старикъ мой, тотъ не безъ лукавства: отъ вашего брата, должно, перенялъ моду эту.

«Старикъ» только усмѣхнулся.

— Пойдемте, Василій Семенычъ!

Макрина Пудовна проводила насъ до самыхъ воротъ, гдѣ мы съ нею вторично простились.

— Долго ты въ заводѣ проживешь?

— Проживу, Макрина Пудовна. Денька черезъ два съѣзжу въ Белебей, а потомъ опять къ вамъ.

— Ладно. Смотри же, ты заходи къ намъ завсяко просто. Мы завсегда тебя примемъ.

Мы шли къ заводу «старой» улицею. Домъ хоть отъ времени и потемнѣли, а у нѣкоторыхъ даже бревна, ниже окошекъ, выпятились, словно животы у деревенскихъ ребятишекъ, но всѣ были выстроены изъ толстаго, здороваго лѣса.

— А у васъ стройка хорошая! Избы больше пятистѣнные...

— Да, была хорошая, — отвѣтилъ пасмурно мой спутникъ. —

Прежде лёсъ былъ не купленный, рубили кто какую избу хотѣлъ... А новенькія-то вонъ ужъ какія стали строить!

Новенькія, дѣйствительно, были мизерныя и въ два окошечка.

— Ъ умаленію все склонится... Вотъ, на углу-то, большой домъ былъ, а теперь вонъ что осталось!...

Я взглянулъ. Остался одинъ, на половину разобранный, кирпичный фундаментъ.

— Что-жь это?

— А захотѣлось, видно, поменьше постромтъ!...

Въ тонѣ Грачева не то раздраженіе, не то презрѣніе слышалось. Но въ одномъ никакъ ужъ нельзя было ошибиться: старый мастеръ и заводскій человѣкъ не мирился съ мыслью ухудшенія родного завода, и все, что блонилось къ «умаленію», ненавидѣлъ всею силой своей души.

Бѣлый каменный и совершенно весь цѣлехонькій корпусъ передъ нами выступилъ: это—зданіе нарушеннаго завода.

Какимъ неутѣшнымъ, съ затаенною въ своихъ стѣнахъ печалью, смотрѣло это одинокое зданіе посреди груды всякихъ развалинъ, черной массы рудныхъ остатковъ и всеобщаго запустѣнія! Одинъ этотъ корпусъ пережилъ всѣхъ своихъ товарищей, поверженныхъ вокругъ него въ прахъ, одинъ остается свидѣлемъ того, что совершалось здѣсь въ былые давніе годы, какъ тутъ ключомъ била и кипѣла трудовая жизнь, какъ весною, посреди свѣжей зелени, въ веселыхъ улицахъ разряженныя дѣвушки, съ вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, и заводскіе парни водили хороводы, раздавался молодой звонкій смѣхъ и гремѣли до алой зари пѣсни... Зналъ и видѣлъ онъ въ своей жизни много и такого, что, можетъ, не разъ заставляло содрогаться его каменное сердце; но теперь, въ своемъ одиночествѣ, ему не до страданій минувшаго,—у него горе настоящаго. На его глазахъ догниваютъ трупы товарищей; на его глазахъ, годъ мзъ года, темнѣютъ и все кручиннѣе становятся широкія улицы, когда-то свѣтлыя, шумныя и веселыя; на его глазахъ бѣгутъ куда-то изъ селенія люди и чаще слышатся человѣческія жалобы... Можетъ,—думаетъ нарушенный заводъ,—не долго и ему самому осталось бесполезно прозябать: нахлынутъ враги и разрушатъ его до основанія. Глядитъ, что передъ нимъ творится, вспоминаетъ хорошее прошлое и втихомолку, украдкой отъ всѣхъ, плачетъ каждымъ своимъ выбѣленнымъ кирпичикомъ.

Громкимъ эхомъ въ заводѣ отозвался звукъ отодвинутаго засова. Отъ этого звука всполохнулись и разлетѣлись по разнымъ направленіямъ голуби и галки, свившіе себѣ вверху зданія гнѣзда; гнѣздя и пѣсенью обдало насъ при входѣ въ первую комнату, служившую для помѣщенія «механизмовъ». Механизмы эти сохранились: четыре большихъ чугунныхъ цилиндра съ деревянными поршнями; они имѣли назначеніе раздувальныхъ мѣховъ.

— Вотъ механизмы,—объяснялъ мнѣ заводскій Виргилій.— Въ движеніе они приводились посредствомъ водяного колеса. Теперь пожалуйте въ литейную!

Мнѣ послышалось, что «механизмы» вслѣдъ за нами тяжело вздохнули.

Между литейными печами и механизмами тянулся узенькій и длинный корридоръ, по всему протяженію котораго шли трубы съ клапанами: если нужно было усилить огонь, клапанъ открывали, а ослабить—закрывали. Когда Грачевъ попробовалъ открыть клапаны, то всё они и въ одинъ голосъ запѣли нѣчто похожее на «Miserege»...

— Не пугайтесь: вѣтеръ поетъ!

Сквозь узенькую и сводчатую арку мы вступили въ длинную, высокую и просторную залу, безъ пола. Вверху были устроены печи и котлы для руды, а внизу—спускъ плавленной руды, которая текла въ ямы: верхній слой—чугунъ, а нижній мѣдъ. Сплавъ отправляли на Верхній Кидашъ (заводъ тоже нарушенный), гдѣ онъ получалъ окончательную разработку.

— А что, эти механизмы годятся?

— Да послужили бы еще... Ежели сейчасъ пустить воду на колеса, такъ зачали бы дуть славно. Главная сила заключалась въ водѣ... Не угодно ли взглянуть?

Мы очутились на волѣ, у плотины изъ бѣлаго камня. Часть плотины еще уцѣлѣла, но цилиндры, которыми вода бѣжала на колесо, и самое колесо рузрушились. Одна труба свалилась въ воду: изъ нея билъ фонтанъ холодныхъ слезъ...

— Вотъ и бывшее наше заведеніе!—тихо вздохнувъ, проговорилъ Грачевъ.—Хорошо бы возобновить, да, видно, не для чего...

Нарушенный заводъ, на минуту, было, огласившійся людскими голосами, успѣлъ снова погрузиться въ гробовое молчаніе. Кто знаетъ: можетъ, въ стѣнахъ его никогда уже больше не раздастся ни единого слова живого человѣка...

Тою же дорогой мы возвратились назадъ. На встрѣчу намъ попалась процессія: впереди шелъ русоволосый мальчикъ, съ образомъ на бѣлой салфеткѣ; за нимъ, безъ шапки, высокой мужчина несъ гробикъ ребенка, — гробикъ изъ ствола дерева, разрубленнаго пополамъ и выдолбленнаго; гробикъ сопровождала небольшая группа мужчинъ и женщинъ, а между ними, сбоку, на распашку въ сѣромъ армякѣ, мужикъ несъ кадильницу. Мы приостановились и дали миновать процессіи.

— Какую должность исполняетъ этотъ человекъ? — спросилъ я Грачева.

— Это — старшій въ домѣ или изъ стариковъ — уставщикъ. Вѣдь, у насъ нѣтъ священника... А люди рождаются и умираютъ: священника мѣсто уставщикъ и занимаетъ... Да объ этомъ когда у меня поговоримъ!

— Хорошо. А пока — до свиданія, Василій Семенычъ! Просимъ милости ко мнѣ!

— А вы гдѣ остановились?

— На казенной квартирѣ...

— У Федула Васильича... Такъ!... Нѣтъ, лучше вы ко мнѣ пожалуйте, а на эту квартиру я къ вамъ не пойду.

— Почему?

— Да ужъ такъ... Узникъ былъ тамъ заключенъ... Когда ко мнѣ пожалуете, расскажу... О настоящемъ-то мы съ вами и не поговорили. Если не противно, зайдите, сдѣлайте одолженіе!

— Непремѣнно. Съ большимъ удовольствіемъ!

Василій Семенычъ долго не выпускалъ моей руки, крѣпко жалъ ее и, улыбаясь своей хорошей, доброй улыбкой, такъ ласково и любовно глядѣлъ мнѣ въ лицо своими голубыми глазами.

Простившись съ Грачевымъ, я направился вдоль той улицы, гдѣ была квартира; конецъ этой улицы почти упирался въ Исаевскую гору. Не доходя конца, на правой сторонѣ, за ветхимъ деревяннымъ заборомъ, почти супротивъ дома Федула Васильевича, видѣлось такое же ветхое деревянное строеніе, съ наглухо закрытыми ставнями. Должно-быть, къ разряду «нарушенныхъ» относится, подумалъ я... Оказалось — то была модельня усень-иванцевъ... На скамеечкѣ, у воротъ моей квартиры, сидѣлъ хозяинъ и съ нимъ рядомъ старшина, — на послѣднемъ надѣтъ былъ значокъ. Я подошелъ къ нимъ. Назвавши себя и упомянувъ, что изучаю народные юридическіе обычаи, я попросилъ старшину, чтобъ онъ познакомилъ меня съ рѣшеніями

волостного и третейскаго судовъ. Старшина изъявилъ готовность. Условились: я обѣщаль придти на другой день къ одиннадцати часамъ утра въ правленье.

Въ комнату еще не хотѣлось,—меня манили къ себѣ горы. Я переправился черезъ Усень и сталъ взбираться на вершину Исаевской горы. Какой сильный, порывистый вѣтеръ меня встрѣтилъ, когда я поднимался на гору! Верхушки деревьевъ сердито шумѣли, а по ущельямъ распространялся вой и глухой плачь. Съ горы я окинулъ глазами мѣстность. Подъ ногами у меня раскинулось все селеніе, съ тремя неправильно расположенными улицами, и беспорядочно разбросанныя заводскія постройки—амбары, бани и т. п.; далѣе, по обѣ стороны и впереди, начиналась степь, съ темнѣющими кое-гдѣ стогами хлѣба, а на горизонтѣ чернѣлись лѣсъ и горы, горы и лѣсъ. Весь заводъ лежалъ въ вечернихъ полусумеркахъ... Вѣтеръ злобно воетъ и поетъ дикую пѣсню. Тоска!...

Я оставилъ гору и спустился. На обратномъ пути мнѣ встрѣчались женщины и дѣвочки, шедшія на рѣчку за водой и мыть бѣлье.

Вернувшись въ квартиру, я нашель Федула Васильевича сидящимъ, по-прежнему, у воротъ, на скамеечкѣ. Увидѣвъ меня, хозяинъ поднялся и пошелъ въ домъ.

— У Грачева побывали? — началъ старикъ, поставивъ на столъ зажженную лампу.

— Да.

— Такъ. Дѣло хорошее... Отъ него есть чѣмъ заняться. Онъ у насъ великій разумникъ. О чемъ вы тамъ съ нимъ побесѣдовали?

— Больше про старину вспоминали.

— Такъ. Что же, не худое и про старину вспомнить... А что,—хочу я васъ спросить,—думаю я выписаться въ мѣщане,—какое ваше мнѣніе насчетъ этого будетъ?

— По-моему, вамъ не слѣдъ выписываться. Вы—не молодой человѣкъ. Лучше бы остаться въ своемъ обществѣ.

Федулъ Васильевичъ усѣлся на стулъ.

— Хочу я выписаться потому, что сынъ у меня въ писаряхъ, къ хлѣбопашеству ему ужъ не сручно, а самъ я хочу освободиться отъ общества: такъ полагаю, что мнѣ въ мѣщанахъ легче будетъ, меньше тягостей общественныхъ.

— Это ужь ваше дѣло, старинь: какъ для себя выгодыѣ находите, такъ и поступайте.

— Ежели бы такъ, какъ у насъ теперь, жить еще можно; а какъ дадутъ надѣлъ — чистое разоренье.

— Да чего вы боитесь надѣла? Люди домогаются гдѣ бы только найти земли, а вы отъ готоваго отказываетесь.

— Бруговой поруки опасаемся, — разорить...

— Ну, тогда и выписывайся.

— Тогда поздно будетъ: закрѣпостятъ землей... Да я ужь, признаться, порѣшилъ, даже хлопоты объ этомъ веду: почитай я ужь совсѣмъ теперь вышелъ... Мѣщанинъ настоящій.

— Такъ, значить, не о чемъ и разговаривать.

На другой день утромъ Федулъ Васильевичъ сообщалъ мнѣ новость:

— У насъ въ ночи сегодня происшествіе случилось.

— Что еще такое?

— У нашего заводскаго, одного парня, двухъ лошадей по-крали. На третьей улицѣ парень живетъ.

Немного погодя, когда я сѣлъ за самоваръ, Федулъ Васильевичъ скорыми шагами подошелъ къ столу и обратился съ просьбою.

— Одолжите мнѣ двадцать копѣекъ на часъ.

Старикъ куда-то сходилъ, потомъ воротился и, прикрывая — очевидно, изъ вѣжливости — рукою свой ротъ, нѣжнымъ голоскомъ спросилъ:

— Курочку прикажете?

— Пожалуйста!

Далъ старичку на погулку.

Напившись чаю, я отправился погулять и зашелъ на третью улицу. У одного дома остановился и вступилъ въ разговоръ съ дѣвицей, вязавшей на завалинѣ чулокъ. Изъ окна глядѣла другая, сестра, нѣсколькими годами моложе первой. Разговоръ начался съ посидѣлокъ: съ Рождества Богородицы были засидки. Изъ окна дома, съ противоположной стороны, на насъ глядѣли парень въ картузѣ и женщина. Черезъ нѣсколько минутъ парень вышелъ за ворота и перешелъ къ намъ.

— О чемъ говорите? — слышался голосъ, и передъ нами остановился другой парень.

— Про рѣпу: каковъ нынче былъ урожай?

— Хорошъ. Миѣ эта рѣпа-то нонѣ нагрѣеть шею.

— А что?

— Да ночью сегодня двухъ лошадей свели.

— Какъ?

— Свели.

— Кто же: башкирцы?

— Неизвѣстно. У насъ и свои этимъ занимаются.

Изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что рѣдная ночь происходитъ, чтобъ у кого не свели лошади.

— Думаю въ розыски пуститься.

Парень ушелъ.

— Поди ты вотъ, бѣдняга только домишко выстроилъ, снялъ двѣ десятины земли и теперь безъ лошадей.

— Плохо. Жаль Родюшки.

— Что онъ безъ лошадей станетъ дѣлать? Вотъ и ходитъ пѣшъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подъѣхалъ верхомъ на лошади, въ стременахъ изъ мочаль и самодѣльномъ сѣдлѣ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати-четырнадцати; на немъ была старая шапочка, рваная шубенка и лапти, сверхъ которыхъ видѣлись дырjавые шерстяные чулки и болтались худые портчишки.

— Куда ты, Павлунька?

— Съ Родивономъ на розыски.

— Молодецъ!

— Нужно бы пистолеть захватить, — говоритъ Павлунька.

— Ахъ, ты нагостное! — неизвѣстно за что обозвала мальчика одна изъ дѣвокъ. — Ишь ты, пистолеть ему надо!

— Смотри, Павлунька, — заговорила другая, — ты парнишка еще молоденькій, не въ свои дѣла ты вмѣшиваешься...

Въ это время на кобылѣ и безъ сѣдла подъѣхалъ Родіонъ.

— Ну, поѣдемъ, Павлунька!

Поѣхали. Мы смотрѣли за ними въ слѣдъ. Родіонъ завернулъ къ одной избѣ, а Павелъ, приостановясь у лежавшаго на улицѣ бревна, заговорилъ съ какимъ-то мужикомъ.

— Ишь, разговариваетъ. А, видно, Павлунька знаетъ что: на розыски ѣдетъ.

— Извѣстно, не знаяши, рази ты поѣхала бы?...

Скоро Родіонъ, съ длиннымъ ружьемъ въ рукѣ, показался въ улицѣ, остановился на минутку, перемолвился о чемъ-то съ мужикомъ у бревна и погналъ кобылу во весь духъ.

У Павла лошадь начала шалить.

— Гляди, гляди, что лошадь-то подь Павлушкой дѣлаетъ! Значитъ и она чувствуетъ, что недостойна онъ на ней сидѣть.

Общій смѣхъ.

На противоположной сторонѣ, между тѣмъ, собралась другая кучка, преимущественно изъ женщинъ.

— Матушка!—крикнулъ Родіонъ:—надо гнать въ погоню. Только отводъ одинъ дали, что лошадѣй поставили, а сами угнали къ Белебею. Надо подмогу.

И Родіонъ умчался.

Теперь ужъ мы перебрались на ту сторону. Въ это время подѣхалъ и Павелъ; онъ слѣзъ съ лошади.

— Павелъ, что же ты не ѣдешь съ Родіономъ?—спросилъ я.

— Я не поѣду,—отвѣчалъ понуро мальчикъ.

— Отчего?

— Такъ.

Мальчикъ говорилъ какъ-то смущенно, точно ему было стыдно за недавнее свое молодечество. Мнѣ стало его жаль. Павелъ отошелъ къ воротамъ сосѣдняго дома.

— Почему не ѣдетъ Павелъ?—спрашиваю я у парня въ картузѣ и красной рубашкѣ, который все время стоялъ молча и глядѣлъ въ сторону или въ землю, но внимательно прислушивался и наблюдалъ.

— Не знаю.

Бабы галдѣли.

— Видно что-нибудь Павлунька этому мужику передалъ, научилъ его сказать, отъ него вѣсть Родивону пала.

Подошелъ Павелъ. Въ разговорѣ, онъ высказалъ свои соображенія и заявилъ:

— Вѣдь они съ лошадьми не стоятъ, а гонять куда...

Парень въ красной рубашкѣ посмотрѣлъ на меня и значительно повелъ глазами въ сторону мальчика.

— Ишь, Павлунька-то что говоритъ!...

Бто-то отъ сосѣднихъ воротъ позвалъ мальчика. Тамъ стоялъ мужикъ, съ которымъ онъ говорилъ у бревна.

— Безъ Павлушки дѣло не обошлось: онъ сучастникъ дѣлу!—загалдѣли въ кучкѣ.

— Каковы корешки, таковы и отросточки,—подхватила одна изъ бабъ.—Не изъ роду: отецъ на томъ жизнь положилъ...

— А вы что шумите? — остановилъ молчаливый парень. — Э, дуры, ничего еще нѣтъ, а онѣ орутъ...

— Развѣ отецъ Павла былъ убитъ?

— Да. Онъ всю жизнь воровствомъ занимался, три раза въ острогѣ сидѣлъ и вышелъ. Ну, съ ними и покончили свои...

— Кто же у мальчугана родные?

— Мать. Вдвоемъ и живутъ. Вонъ ихъ избушка, рядомъ съ Родивоной.

Избушка Павла, также какъ и Родіона, была въ два оконца, но еще меньше и безъ крыши.

Я разговорился съ парнемъ въ картузѣ и красной рубахѣ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ Павелъ занимается воровствомъ?

— Не думаю.

— Мальчикъ не глядитъ такимъ. Можетъ онъ, живя по со-сѣдству, не выходилъ ли ночью на дворъ и не слыхалъ ли чего?

— Похоже на то. Сердце-то у него ребячье, онъ и пожа-лѣлъ, видно, Родюшку, — може что и шепнулъ ему.

Родіонъ опять вернулся съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ гонялъ къ родственникамъ за «подмогою».

Родіонъ сказалъ что-то женѣ и ускакалъ. Павелъ пошелъ съ мужикомъ. Вѣтеръ отдувалъ назадъ рваную полу его шубенки.

— Ишь, пола-то, пола какъ!

Я долго глядѣлъ за двумя фигурами: мужикъ шелъ, широко шагая вдоль по улицѣ, а за нимъ, съ относимою вѣтромъ полою, брелъ несчастный мальчуганъ въ шапчонкѣ, дырявыхъ чулкахъ и лаптишкахъ.

— А мать гдѣ у Павла?

— За калиной въ лѣсъ ушла.

Надо замѣтить, что усень-ивановцы съ калиной пироги пе-кутъ. Рябины не ѣдятъ: грѣхъ!

Протившись съ осторожнымъ на заключеніи парнемъ, я ото-шелъ и невольно какъ-то задумался о Павлѣ... Какая судьба его ждетъ?... Да, несправедливо подозрительны и жестоки под-часъ даже къ дѣтямъ бываютъ люди!...

Волостное правленіе въ полномъ своемъ составѣ: волостной старшина, писарь, десятники и Федулъ Васильевичъ (послѣдній, впрочемъ, никакого отношенія къ членамъ правленія не имѣлъ, но приехалъ сюда ради любопытства и расположился какъ у

себя дома). При моемъ появленіи члены волостного правленія пришли въ движеніе, Федулъ Васильевичъ даже смутился, и его ударило въ потъ; члены успокоились и сѣли; Федулъ Васильевичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, немедленно и свободно расположился, занявъ своею персоною цѣлый диванъ. Но почтенный старецъ и «почитай-что настоящій мѣщанинъ» въ чемъ превзошелъ самого себя, такъ это—въ терпѣніи: онъ имѣлъ мужество просидѣть пять часовъ къ ряду и ни разу не вышелъ, чтобы добѣжать куда-нибудь подрѣпиться!...

Писарь отперъ сосѣднюю комнатку, гдѣ стояли столъ и шкафъ съ «дѣлами» правленія, досталъ книги «рѣшеній» волостного и третейскаго судовъ и предложилъ мнѣ мѣсто для занятій. Пока шли эти приготовленія, я рассмотрѣлъ старшину и его писаря. Старшина былъ человѣкъ лѣтъ сорока, красивой наружности: лицо продолговатое съ небольшою, въ легкую просѣдь, темно-русою бородкой, живыми карими глазами и черными волосами на головѣ. Одѣтъ старшина въ черный суконный сюртукъ; панталоны заправлены за свѣтлыя голенища сапоговъ. На «словахъ» рѣчистый, говорилъ красно, держался съ достоинствомъ и вообще глядѣлъ человѣкомъ, видѣвшимъ на своемъ вѣку разные виды — и не разъ — и благополучно выходившимъ изъ затруднительныхъ положеній. Писарь, молодой человѣкъ, отличался замѣчательно добродушною физиономіей, но малый съ большою смѣткою; на немъ пиджакъ и брюки за сапоги. Учился онъ, какъ я потомъ узналъ, дома у своего брата. Старшина служилъ четвертое трехлѣтіе. За доносъ о старообрядческомъ попѣ сельское общество не хотѣло его выбирать, но другія общества пере-силили.

Большинство дѣлъ, разбиравшихся волостнымъ судомъ, относились къ числу дракъ, оскорбленія дѣйствіемъ и на словахъ («обидъ») и захвату или увозу чужихъ сноповъ. Наказанія—общепринятія въ юрисдикціи волостныхъ судовъ: денежный штрафъ и порка отъ десяти до двадцати ударовъ. Женщины присуждались къ метенію улицъ (общественнымъ работамъ) и денежному штрафу. «Обычай», въ огромномъ большинствѣ случаевъ, былъ нарушенъ и въ рѣшеніяхъ суда уступилъ свое мѣсто положительному праву. Правовое возрѣніе народа обнаружилось, съ особенной яркостью, только въ одномъ случаѣ. По приговорамъ сельскаго общества, нѣсколько человѣкъ за дурное поведеніе, преимущественно за воровство (конокрадство), были удалены изъ

завода на поселеніе въ Сибирь. Одинъ изъ ссыльныхъ потребо-
валъ къ себѣ жену и дѣтей. Жена обратилась къ волостному
суду. Въ просьбѣ своей она указывала на дурное съ нею со-
жительство мужа и частые отъ него побои; свидѣтели подтвер-
дили факты. Судъ рѣшилъ: «не высылать къ ссыльному NN
жены его и дѣтей».

Ознакомившись въ достаточной степени съ мѣстными юри-
дическими обычаями, почти уже совсѣмъ нарушенными, сдѣлавши
изъ рѣшеній кое-какія выписки и, главнымъ образомъ, узнавши
многое любопытное изъ разговоровъ съ представителями волост-
ного правленія (въ особенности писаря), я поблагодарилъ стар-
шину за любезное «содѣйствіе»; простился со всѣми и, сопут-
ствуемый почтеннымъ Федуломъ Васильевичемъ, отправился на
квартиру обѣдать.

— Что вы мнѣ скажете, — началъ старикъ дорогою: — хочу
я выйти изъ здѣшняго общества, чтобы записаться въ мѣщане.
Посоветуйте вы или нѣтъ?

— Мы вчера съ вами объ этомъ говорили.

— Такъ точно, говорили: мнѣ даже это очень памятно...
Такъ вотъ теперь я съ вами и желаю посоветоваться. Сынъ у
меня въ волостныхъ писаряхъ, къ хлѣбопашеству онъ привер-
женности не можетъ имѣть, а племянникъ — главнымъ управляю-
щимъ на суконной фабрикѣ... Будете когда въ Кидашѣ, спро-
сите только Пивоварова — нашей фамиліи: я тоже Пивоваровъ...
Онъ васъ приметъ: человекъ онъ образованный — на губернанкѣ
женатъ... Какже! первое, почитай, лицо мой племянникъ: его и
въ губерніи знаютъ. Учился онъ у сверхштатнаго пономаря,
но дарованіе ему Богъ сверхъ науки положилъ. Заводомъ уп-
равляетъ нѣсколько ужъ лѣтъ и капиталъ у него, надо пола-
гать, теперь ужъ большой. Изъ мальчиковъ выслужился. А си-
часъ онъ, почитай, не въ купцахъ ли ужъ состоитъ. Дарованіе
и выслуга... Такъ посоветуете ли вы мнѣ нарушить связь съ
нашимъ обществомъ, или придержаться?... Ежели нарушить, я
освобожусь отъ общественныхъ тяжестей, а придержусь — круго-
вая порука...

Продолжая въ такой формѣ со мною «советоваться», раз-
сказывать и разсуждать, Федулъ Васильевичъ значительно со-
кратилъ путь, и мы скоро дошли до квартиры.

Тамъ меня ждалъ заводскій паренъ.

— Не думаете ли вы куда поѣхать?

— Завтра въ Белебей поѣду.

— Такъ. А прогоны вы платите или нѣтъ?

— Плачѹ.

— У меня своя парочка лошадокъ. Я бы васъ довезъ.

— Хорошо. Побывай завтра утромъ: я смажу, въ которомъ часу ѣхать.

— Слушаю.

Парень переминался.

— А еще не прикажите ли чего?

Я не понялъ его вопроса.

— Мнѣ ничего не надо.

Федулъ Васильевичъ, присутствовавшій во время этого разговора, вдругъ обнаружилъ необычайные признаки услужливости и заботливости.

— Вы поѣдете. На завтрашнѣй день, коли такъ, надо съ вечера будетъ распоряженье сдѣлать: пѣтушка или курочку вамъ купить. Можетъ, яичекъ пожелаете? Чего угодно, я по вашему приказанію все исполню.

— Сдѣлайте одолженіе, — купите.

Ночью услужливый хозяинъ попытался, было, разъ заглянуть въ дверь, съ намѣреніемъ войти и побесѣдовать, но, увидѣвъ меня сидящимъ за письмомъ, не рѣшился перейти за дверь и ограничился лишь краткими словами.

— А я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Есть у меня твердое намѣреніе нарушить съ обществомъ... Ахъ, вы при занятіяхъ? Не стану вамъ мѣшать!

Утромъ парень зашелъ.

— Поѣдемъ въ два часа, — говорю.

— Хорошо-съ. А въ заводъ думаете воротиться?

— Непремѣнно.

— Еслибы вы въ городу недолго пробыли, я бы васъ тамъ подождалъ.

— Приѣдемъ, — на мѣстѣ виднѣе будетъ.

— Извѣстно... Ничего еще не прикажете?

— Чего приказывать? Приѣзжай къ двумъ часамъ.

Я собрался, до отъѣзда, посѣтить Грачева и побесѣдовать съ нимъ. Въ снѣгахъ я встрѣтилъ Федула Васильевича.

— Уходите?

— Ухожу. Пожалуйста, къ часу велите обѣдъ приготовить. Я сегодня ѣду.

— Провизія давно у меня заготовлена. Стряпкѣ ужь сдалъ... Не одолжите ли мнѣ на часъ тридцать копѣекъ.

Грачевы встрѣтили меня радушно. По обыкновенію, на столѣ прежде всего явился самоваръ; потомъ Макрина Пудовна принесла поджаренныхъ въ маслѣ пирожковъ, жаренаго молодого барашка, кусокъ телятины и не помню еще чего.

— Кушай,—говорила радужная хозяйка.—Поди, у Федуля-то не больно хорошо тебя кормили?

Сегодня Василій Семенычъ, въ разговорѣ со мною, не проявлялъ прежней своей осторожности и сдержанности; онъ много говорилъ и рассказывалъ, обнаруживая во всей силѣ свѣтлый умъ, большую начитанность книгъ Священнаго Писанія, прямой взглядъ на вещи, причежь раскрывалось его доброе русское сердце. Онъ передалъ мнѣ и исторію съ «узникомъ», т. е. «бѣглымъ» старообрядческимъ священникомъ (исторію эту, въ свое время, я расскажу читателямъ).

— Какъ же онъ спасся?

Въ глазахъ Василья Семеныча блеснуло что-то особенное.

— Богъ, видно, спасъ!

— Такъ это тогда дѣло напрасно подняли,—вступилась Макрина Пудовна.—Старшина всему причина... А ты кушай! Въ дорогу ѣдешь.

— Не знаю, къ чему послужать всѣ эти утѣсенія,—грустно и въ раздумьи говорилъ Василій Семенычъ.—Вонъ, кругомъ насъ и мусульмане, и язычники живутъ, каждый свою вѣру содержать и по своимъ обрядамъ богослуженіе справляетъ. Не преслѣдуютъ же ихъ,—знаютъ, что было бы несправедливо... А мы—христиане, насъ на единъ день въ покоѣ не оставляютъ. За что же къ намъ такая немилость? И такъ-то мы отъ всѣхъ прижаты и стѣснены, а тутъ и Богу-то вѣровать да молиться по-нашему не дозволяютъ!... Должно-быть время, что ли, подошло такое: все нарушаютъ и сокращаютъ...

— Кушай! Ты говори, а самъ ѣшь!—не переставала подбивать меня мужественная, но очень добрая женщина.

Долго шла наша бесѣда... Наконецъ, время наступило и ѣхать. Я разстался съ моими новыми знакомыми только «до свиданія!»

На квартирѣ я засталъ Федула Васильевича. Онъ былъ розовъ, какъ семнадцатилѣтній юноша, и отъ него несло сильнымъ букетомъ.

— А что обѣдъ?

— Да вѣдь вы ѣдете!—отвѣчалъ почтенный старецъ и будущій мѣщанинъ.—Напрасно бы только провизію истратили.

Я невольно разсмѣялся.

— А что я васъ спрошу, — началъ опять Пивоваровъ: — хочу отъ здѣшняго общества отписаться...

— Слышалъ...

Къ счастью, зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Происшествіе у насъ опять случилось...

Я уже не слушалъ.

— Ну, ѣдемъ, ямщикъ!

Я расплатился и уѣхалъ. Будущій мѣщанинъ провожалъ меня до воротъ, но, признаюсь, онъ успѣлъ-таки мнѣ понадоѣсть.

Ямщикъ мой — мастеровой Лазарь; онъ женатъ граждански; промышленяетъ больше ѣздой и «около господъ», съ баринномъ кардоннымъ тоже «завсе» ѣздитъ,—ну, и хлѣбпашествомъ занимается: полдесятины у казны онъ подъ рошъ беретъ и десятину засѣваетъ яровымъ. Отъ «барина кардоннаго» у него порученіе: купить въ городѣ бутылку уксусу. Онъ и по плотничьему искусству мастеръ: «видѣли, я вчера у Пивоварова сарай чинилъ?» Табакъ курить, но осторожно, чтобы кто не увидѣлъ: бѣда, если кто изъ стариковъ замѣтитъ!

— Вчера я хотѣлъ съ вами поговорить, только опасался.

— О чемъ говорить?

— Да можетъ вы... по части женскаго пола...

— А развѣ у васъ это позволительно?

— Заводскій народъ — сами знаете! Я и давеча хотѣлъ молвить, сказалъ вамъ: «не угодно ли еще чего», да вы промолчали.

Я и теперъ промолчалъ.

— У насъ, когда господа прѣзжаютъ, всегда требуютъ.

— А родители какже?

— Знаютъ... Ничего!

— Свободно?

— Свободно!... Да не угодно ли...

— Поѣзжай!... Ты съ гѣмъ давеча подѣхалъ къ дому Пивоварова?

— Съ женой.

— А скажи, Лазарь, живутъ у васъ невѣнчанные?

— Живутъ. Я самъ не вѣнчанъ. Сперва я три года такъ жилъ, ходилъ къ ней, а потомъ къ себѣ ее взялъ и—живу.

— Какъ же на это сожителство у васъ смотрять?

— А какъ?—Ничего. Она жена мнѣ, и дѣти, если мои будутъ, я запишу ихъ у станового. Много такъ живутъ.

— А вотъ за то, что къ вѣрѣ вы не такъ ревнивы, старики васъ не одобряютъ.

— Это точно. Старики насъ съ собой и на молитву не пускаютъ... Да у насъ молодежь на это не больно глядитъ. Старики-то въ домѣ курить никому не позволяютъ: если когда чиновникъ—ничего, вѣдь, дѣлать—курить въ домѣ, такъ послѣ сколько молитвъ однѣхъ читаютъ, духъ вонь выгоняютъ... А молодые-то сами курятъ и въ молельню рѣдко ходятъ.

— Значить, только старики крѣпко вѣру держатъ?

— Только старики.

— А каковъ человекъ Василій Семенычъ?

— Первый человекъ. Законникъ. Весь посѣдѣлъ.

— А хозяинъ мой?

— Такъ... Замѣтили вы, онъ пьяный?

— Замѣтилъ.

— Онъ и вчера былъ пьяный.

— Что же, у него запой?

— Нѣтъ. Такъ дня три-четыре пьеть, а потомъ и перестанеть.

— Ну, онъ не чета Василью Семенычу!

— Противу Василья Семеныча у насъ другихъ нѣту... А позвольте спросить, вы по какимъ дѣламъ къ намъ пріѣхали?

Я сказалъ.

— Такъ-съ. А у насъ, какъ вы пріѣхали, народъ заговорилъ: видно, говорятъ, чиновникъ пріѣхалъ насъ поздравить съ землею. Испугались!

— Чего же?

— Да пріѣзжалъ къ намъ становой, читалъ бумагу и велѣлъ подписываться, чтó слушали. А что тамъ написано—почемъ мы знаемъ?... Можетъ, это онъ объ надѣлѣ: выслушали,—ну, значить, приняли землю... А мы опасаемся круговой поруки...

— Нѣтъ, я не съ этимъ пріѣзжалъ.

— Такъ... А то еще у насъ говорятъ, что Императоръ рассылаетъ чиновниковъ по Россіи разузнавать, кто какъ живетъ,

въ чемъ нуждается, чтобы все объ этомъ ему извѣстно было и чтобы народу дать льготы. Мы и ждемъ все льготы.

Въ разговорѣ мы продолжали нашъ путь.

— Въ горы сейчасъ въѣдемъ.

Дѣйствительно, дорога сильно пошла внизъ, такъ что лошадей постоянно нужно было осаживать и сдерживать.

— Здѣсь — бѣда дорога. Ѣдетъ кто — изъ лѣсу разъ изъ ружья!... Грабили—страсть! Теперь маленько полегче стало, какъ сослали человекъ десять въ Сибирь, да это не надолго... И теперь нашихъ трое въ острогѣ сидятъ: приговорены обществомъ на поселеніе.

Но я не слушалъ уже разболтавшася парня и думалъ о «нарушенномъ» заводѣ...

— Правда ли, у насъ люди толкуютъ, что усадьбы намъ и пахоту съ лугами даромъ отдадутъ? — внезапно вывелъ меня изъ раздумья Лазарь.

— Пустяки!

Филиппъ Нефедовъ.

ЧАРТИЗМЪ *).

Обманутый, оскорбленный, но не убитый, чартизмъ опять опустил голову. Взаимныя несогласія различныхъ группъ и вождей тормозили всякое движеніе впередъ. Все новое встрѣчалось опасеніями и недовѣріемъ. Весь періодъ отъ 1842 до конца 1847 г. занятъ такими попытками родить что-нибудь новое, неизбежными личными дрязгами и партійными недоразумѣніями. Люди, выдвинутые движеніемъ и привыкшіе во время его къ извѣстной обстановкѣ, не могутъ помириться съ затишьемъ, остаются безъ почвы и чувствуютъ себя въ ложномъ положеніи.

Тотчасъ же послѣ окончанія неудачной, второй, конференціи Сторджа оставшіеся чартисты принялись было за восстановленіе порядка въ своихъ разрозненныхъ и порѣдѣвшихъ рядахъ. Но на этотъ разъ имъ удалось сдѣлать лишь одно—согласиться, что такія конференціи необходимо созывать каждый годъ. Что же касается до всего остального, то разногласіе дошло до такихъ размѣровъ, что изъ 193 голосовъ на сторонѣ прежняго большинства осталось всего 37, которые скоро сами предпочли разойтись и отложить дѣло реорганизациі до будущей конференціи 1843 г.

О'Кондоръ, какъ человѣкъ обладавшій чутьемъ, хорошо понималъ, что время отвлеченныхъ и политическихъ задачъ прошло, что людямъ необходимо нѣчто болѣе существенное, реальное. И вотъ онъ возвращается къ коопераціи.

Онъ задумалъ довольно курьезный планъ земельного кооперативнаго предпріятія, который, по его мнѣнію, долженъ былъ въ самый короткій срокъ дать средства чартистской ассоціациі и номѣщеніе извѣстному числу незанятыхъ рукъ. Это его такъ-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

называемая «поземельная компанія». Если, утверждалъ онъ, чартисты соберутъ 5.000 ф. ст. и купятъ на 4.125 изъ нихъ землю, то, во-первыхъ, на ней можно тотчасъ же поселить 50 человѣкъ, которые быстро увеличатъ ея стоимость, и, во-вторыхъ, ее скоро можно будетъ заложить за 4.000 ф. ст. и купить на нихъ вмѣстѣ съ 875 ф. ст., оставшимися отъ первой покупки, второй участокъ. Съ этимъ можно поступить точно такъ же и т. д. до 8, которые будутъ стоить 33.000 ф. ст. Черезъ 4 же года ихъ стоимость увеличится до 60.000 ф. ст., такъ что ассоціація получила бы 27.000 ф. ст. чистаго дохода. Такимъ образомъ предполагалось въ четыре года превратить 5.000 ф. ст. въ 60.000 ф. ст. Такое чудо едва ли снилось самому смѣлому биржевому аферисту. Тѣмъ не менѣе кредитъ О'Коннора былъ такъ великъ, что находились люди, которые повѣрили ему, вносили деньги и въ теченіе семи лѣтъ смотрѣли на свою земельную компанію какъ на серьезное предпріятіе. И она была такимъ, только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ они думали. Она поддерживала жизненность партіи.

На конференціи 1843 года планъ былъ принять чартистской ассоціаціей и члены ея исполнительнаго комитета въ то же время считались и директорами компаніи. Это были: Ф. О'Конноръ, Кларкъ, Макъ-Гратъ, Дойль, Вилеръ. Дѣла самой чартистской ассоціаціи шли очень вяло, такъ что въ кассѣ скоро не оказалось денегъ даже на жалованье членамъ комитета. О'Конноръ хорошо понималъ, что нужно во что бы то ни стало пережить это глухое время, и убѣдилъ членовъ комитета брать свое содержаніе отъ него; они было сначала отказывались и хотѣли оставить комитетъ, но потомъ-таки согласились, такъ что было время, когда официально чартистская ассоціація существовала вполнѣ на счетъ земельной компаніи.

Въ общественной жизни нѣтъ мертвыхъ точекъ и безразличныхъ состояній, какъ иногда кажется. Если нѣтъ движенія въ одну сторону, то есть въ другую, — не впередъ, такъ назадъ. Такъ было и теперь въ Англии. Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры, приобретала все большее и большее число сторонниковъ въ парламентѣ и, говоря о ней, *Times* выражался: «лига — великій фактъ». Чартисты пытались бороться съ ней. О'Конноръ нѣсколько разъ вызывалъ ее вождей на публичный диспутъ, но они всегда уклонялись, зная, что такое состязаніе ни въ какомъ случаѣ не увеличитъ ихъ популярности среди рабочаго народа; а чтобъ из-

бавиться отъ оппозиціи чартистовъ на своихъ митингахъ, они выпускали на нихъ публику только по билетамъ. Наконецъ, въ августъ 1844 года обѣ партіи случайно столкнулись на одной и той же платформѣ въ Ноттингемѣ. Съ той и съ другой стороны полилось изысканное краснорѣчіе, ѣдкіе сарказмы и грандіозныя обѣщанія. Окончилось же дѣло тѣмъ, что О'Конноръ изумилъ даже своихъ ближайшихъ друзей: онъ говорилъ цѣлый часъ, блисталъ находчивостью и остроуміемъ, но до существенныхъ пунктовъ спора даже и не коснулся. Формально онъ былъ героемъ дня, на дѣлѣ же оказалъ огромную услугу лигѣ, оставивши за ней послѣднее слово и не опровергнувъ ея аргументовъ. Онъ еще разъ доказалъ, что обладалъ очень многими достоинствами и талантами народнаго вождя, но не имѣлъ идей и не могъ дать внутренняго содержанія своимъ рѣчамъ; его рѣчь всегда была рассчитана на вкусы массы, угадывать которые, — нужно отдать ему справедливость, — онъ умѣлъ замѣчательно чутко.

Въ томъ же году среди чартистовъ былъ поднятъ вопросъ о ходатайствѣ въ пользу амнистіи Дж. Фроста, Вильямса и Джонса, вождей ньюпортскаго возстанія. О'Конноръ принималъ въ агитациі участіе, но скорѣе формальное, чѣмъ дѣйствительное, и успокоился, какъ только правительство отвѣтило отказомъ. Очень многимъ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что то же правительство, какъ бы въ пику чартистамъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ само амнистировало изгнанниковъ безъ права вѣзда въ Великобританію.

Все это: земельная компанія, споръ съ «лигой противъ хлѣбныхъ законовъ» и дѣло участниковъ ньюпортскаго возстанія — скоро сдѣлалось яблокомъ раздора среди самихъ чартистовъ. На О'Коннора обвиненія и разоблаченія сыпались со всѣхъ сторонъ. О'Брайенъ, какъ знатокъ экономическихъ вопросовъ, обвинялъ его въ шарлатанствѣ и пророчилъ земельной компаніи вѣрный неуспѣхъ. Другіе обвиняли его въ тайной зависти къ успѣхамъ вождей «лиги» и въ заигрываніи съ нею. Наконецъ, третьи приводили факты, доказательства и даже свидѣтелей того, что О'Конноръ умышленно погубилъ Фроста и его товарищей. Утверждалось, что въ Лондонѣ, передъ ньюпортскимъ возстаніемъ, былъ организованъ тайный комитетъ, стоявшій во главѣ такой же организаціи, принаровленной къ вооруженной борьбѣ. Кто были члены этого комитета, остается до сихъ поръ сомнительнымъ.

Нѣкій дипломатъ Юргартъ *) позднѣе утверждалъ, что «все это дѣло было устроено полякомъ Бенъовскимъ (тѣмъ, что писалъ статьи въ *London Democrat* Гарнея по военнымъ вопросамъ). Юргартъ, какъ истый дипломатъ, пытался свести вполнѣ народный взрывъ 1839 года на иностранную интригу. Однако-жь на дѣлѣ, кажется, было вотъ что: комитетъ дѣйствительно существовалъ и состоялъ изъ четырехъ человѣкъ рабочихъ и пятаго неизвѣстнаго; Бенъовскій, никогда не состоявшій агентомъ иностраннаго правительства, дѣйствительно былъ посланъ комитетомъ, какъ военный человѣкъ, принять на себя команду надъ возставшими рабочими, но всегда оставался лицомъ второстепеннымъ, исполнителемъ. Въ разоблаченіяхъ Юргарта остается вѣрнымъ лишь одно, что въ числѣ членовъ комитета былъ одинъ англійскій полицейскій инспекторъ, такъ что когда Джонъ Фростъ, передъ окончательною поѣздкой въ Уэльсъ, былъ въ Лондонѣ и сносился съ комитетомъ, то попался въ ловушку полиціи. Это было узнано за нѣсколько дней до 3 ноября и нѣкій Аштонъ, самъ принужденный бѣжать во Францію, сообщилъ объ этомъ, какъ онъ самъ утверждалъ, О'Коннору, который будто бы долженъ былъ и взялся предупредить Фроста и тѣмъ спасти его. О'Конноръ вмѣсто этого уѣхалъ въ Ирландію, ничего подобнаго не сдѣлавши. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что ни отъ кого ничего подобнаго не слышалъ и предупредить возстаніе не могъ.

Справедливы ли были эти обвиненія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ разладъ среди чартистовъ дошелъ до крайнихъ размѣровъ: О'Брайенъ съ О'Конноромъ, О'Конноръ съ Куперомъ, Уаткинсъ сначала съ О'Конноромъ, а потомъ съ О'Брайеномъ и т. д. — все это ссорилось, разоблачало, обвиняло; однако-жь популярности О'Коннора пошатнуть не удалось, — массы по-прежнему продолжали боготворить его. Въ 1846 году фондъ земельной компаніи, дѣло которой теперь составляло одно цѣлое съ О'Конноромъ, дошелъ до 50.000 фунт. стерл., еженедѣльно въ него вносилось до 200 фунт. стерл., земля и хартія дѣлались господствующимъ кличемъ среди рабочихъ чартистовъ. Конечно, для этого О'Коннору и его приближеннымъ приходилось вести постоянную агитацію, писать въ *Northern Star*, читать лекціи, ѣздить по странѣ, устраивать демонстраціи и т. п. Въ началѣ 1847 года началось, наконецъ, заселеніе общественной земли, купленной

*) *David Urquhart*: „The secret societies of the European Revolutions“. 2 vols. London.

компаніей на имя О'Коннора и получившей вмѣсто своего прежняго имени Heggingsgate названіе О'Connogville въ честь начинателя. По этому случаю, конечно, былъ устроенъ большой митингъ и банкетъ. Этотъ день былъ истиннымъ триумфомъ О'Коннора и земельной компаніи.

Въ это время Бронтеръ О'Брайенъ въ своей газетѣ *National Reformer* развивалъ свой взглядъ, что чартизму не достаетъ соціальной подкладки въ самой его программѣ. Всѣ политическія движенія Европы, утверждалъ онъ, обречены на неуспѣхъ прежде всего потому, что они не ставятъ себѣ задачей извѣстныхъ соціальныхъ преобразованій. Онъ съ своей стороны предлагалъ слѣдующее: кромѣ узаконенія хартіи, націонализацию земель съ вознагражденіемъ собственниковъ, бумажные обмѣнные знаки вмѣсто металлическихъ, національный кредитный банкъ на манеръ Прудоновскаго, національные обмѣнные рынки вродѣ Овеновскихъ *exchange markets*. И все это, какъ бывший якобинецъ, онъ предлагалъ дѣлать путемъ власти. Достойно замѣчанія, что въ ту эпоху соціальныя реформы вродѣ О'Брайеновскихъ или коопераціи О'Коннора появлялись на сцену всегда въ минуту усталости, разочарованія и служили какъ бы убѣжищемъ для общественной мысли и стремленій, куда они уходили отъ политической борьбы, агитаціи, пораженій и интригъ. Хотя, съ другой стороны, нужно сказать, что съ нихъ же, съ ихъ обсужденія, дебатированія, распространенія — обыкновенно и начиналось всякое новое движеніе, постепенно становясь все ближе и ближе лицомъ къ лицу съ роковымъ неизбѣжнымъ требованіемъ минуты — практическимъ рѣшеніемъ политическаго вопроса дня, такъ что эти же самые соціальные запросы въ моменты оживленія всегда отодвигались на второй планъ, прятались за народную хартію, дѣлались удѣломъ доктринеровъ и людей ограниченныхъ. Мы видѣли это послѣ 1831 г., послѣ 1839 г., видимъ это послѣ 1842 г. и увидимъ это же самое послѣ 1848 года. И мало сказать: «общественная мысль» работала въ этомъ направленіи въ лицѣ ея выразителей, — нѣтъ, сама жизнь требовала этого и дѣйствительно находила удовлетвореніе такимъ запросамъ; она, становясь на практическую почву, находила новые каналы для отвода грозной силы голода, который долженъ былъ явиться неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пониженія цѣнъ послѣ отмены хлѣбныхъ законовъ. Масса рабочихъ отхлынула изъ переполненныхъ рынковъ въ степи Америки и Австраліи, въ золотыя горы

Калифорніи и Лебязьей Рѣки. Пониженіе цѣнъ на трудъ было замедлено и кризисъ на время отвращень.

Выборы 1847 года показали, что чартизмъ снова оживаетъ. Почти вездѣ, гдѣ чартисты ставили своихъ кандидатовъ, они получили огромное большинство рукъ на предварительныхъ собраніяхъ, а къ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и большинство голосовъ при самыхъ выборахъ: Гарней побѣдилъ Пальмерстона, но отказался баллотироваться; О'Конноръ одержалъ блестящую побѣду надъ Гобгаузомъ въ Ноттингемѣ и получилъ мѣсто въ парламентѣ. Чартистскіе митинги и демонстраціи опять дѣлались злобой дня. «Землю, землю и землю!» — раздавалось повсюду. Агитація не ограничивалась городами: Магъ - Дуэль, Вестъ и Биддъ обращались къ землевладѣльческимъ рабочимъ въ разныхъ концахъ страны и имѣли успѣхъ.

Тѣмъ временемъ новый импульсъ движенію подготавливался извнѣ. Но прежде, чѣмъ перейти къ событіямъ на континентѣ, необходимо упомянуть объ одной личности, которая въ то время только - что начала выдвигаться на политической аренѣ и которой позднѣе предстояло играть очень видную роль. Это — Эрнестъ Джонсъ. Онъ родился въ Германіи отъ уэльскаго уроженца, который былъ адъютантомъ герцога Бумбэрлендскаго, то - есть короля ганноверскаго. Маленькій Джонсъ пользовался особеннымъ расположеніемъ короля и былъ его крестникомъ; ходилъ слухъ даже, что въ жилахъ мальчика текла кровь Карла Великаго. Онъ провелъ свою юность въ Германіи, а потомъ былъ посланъ въ Англію, гдѣ и получилъ блестящее образованіе. Въ раннемъ возрастѣ онъ выказалъ поэтическій талантъ, а позднѣе занялъ въ спискѣ англійскихъ поэтовъ довольно видное мѣсто. Въ 1846 году онъ въ первый разъ появился на чартистской конференціи подъ патронажемъ О'Коннора, и скоро его имя сдѣлалось извѣстнымъ среди англійской демократіи. Его ораторскій талантъ, его умѣнье нравиться и убѣждать скоро сдѣлали его очень популярнымъ среди рабочихъ массъ, такъ что въ 1847 году онъ игралъ уже видную роль какъ агитаторъ и какъ сотрудникъ *Northern Star* и ежемѣсячнаго журнала *Labourer*, основаннаго О'Конноромъ для пропаганды земельного предпріятія. Но нужно сказать, что, какъ и О'Конноръ, мыслителемъ онъ не былъ и своихъ оригинальныхъ идей не имѣлъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1847 года начали появляться первыя извѣстія о банкетахъ реформы во Франціи — въ Лижѣ, Валансѣ-

ейѣ и другихъ мѣстахъ—и производили на англійскую демократію эффектъ электрическихъ искръ. Въ исторіи мало эпохъ, когда настроенія народовъ, живущихъ на разныхъ концахъ Европы, составляли бы такой дружный хоръ, какъ въ 1848 году.

Въ январѣ въ Ломбардіи начались возстанія; Радецкій готовился къ борьбѣ; въ Неополѣ провозглашена конституція; герцогъ modenскій бѣжалъ; въ Сардиніи, въ Тосканѣ—революція. Лорда Минто обвиняли въ англійскомъ парламентѣ въ пособничествѣ итальянскимъ революціонерамъ. Въ Ирландіи въ то же время начинается замѣтное оживленіе: во главѣ молодой Ирландіи становятся крупныя личности—Митчель, Мартинъ, Смитъ, О'Брайенъ, Дуффи и другія, и партія приобретаетъ все большее и большее вліяніе на населеніе. Въ Шотландіи тоже начинается движеніе: въ Эдинбургѣ основана, по инициативѣ публичнаго демократическаго митинга, газета *Weekly Express* специально для служенія дѣлу чартизма и демократіи.

Въ Лондонѣ чартисты все чаще и чаще собираются въ своихъ залахъ въ John-street и Cooper-street. О'Конноръ въ своихъ письмахъ въ *Northern Star*, обращенныхъ къ «старымъ стражамъ», и на публичныхъ собраніяхъ пророчить приближеніе великихъ событій. Въ городѣ держится рядъ публичныхъ митинговъ въ честь польской революціи, для выраженія сочувствія ирландскимъ демократамъ и «Молодой Итали». Гарней, Джонсъ, нѣмецъ Карлъ Шапперъ и Скелтонъ—главные ораторы. Правительство же въ это время уже готовитъ актъ о подавленіи ирландскаго движенія. Въ Лондонѣ въ то время жило громадное число политическихъ изгнанниковъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей, и большая часть ихъ принадлежала къ «ассоціаціи братскихъ демократовъ» (*Association of Fraternal Democrats*), имѣвшей шесть секцій различныхъ національностей и собиравшейся въ «Бѣломъ Сердцѣ» на Drury Lane, гдѣ вокругъ предсѣдательскаго кресла, уставленнаго знаменами Французской республики, единой Германіи и независимой Венгріи и другихъ, помѣщались шесть секретарей секцій. Членскіе билеты имѣли на себѣ надпись: «Всѣ люди — братья» на двѣнадцати языкахъ: сверху—на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, слѣва—на датскомъ, голландскомъ и шведскомъ, справа—на испанскомъ, итальянскомъ и романскомъ и снизу—на русскомъ, польскомъ и венгерскомъ. Самыя многочисленныя секціи были французская, нѣмецкая и польская, конечно, не считая англійской, которая

включала большую часть выдающихся людей лондонской демократии и имѣла своими представителями Юліана Гарнея и Эрнеста Джонса. Эти три секціи находились въ связи съ тайными обществами «Молодой Германіи» и «Молодой Польши», составлявшими въ Швейцаріи вмѣстѣ съ итальянцами «Молодую Европу» подъ предсѣдательствомъ Мадзини; а кромѣ того и съ «Временами года» — обществомъ, основаннымъ Мартиномъ Бернардомъ въ 1839 году. Менѣе многочисленны были секціи венгерская и скандинавская. Въ польской секціи было нѣсколько русскихъ, во французской — испанцевъ, итальянцы же, жившіе въ Лондонѣ, не принимали прямого участія въ обществѣ, потому что, принадлежа большою частію къ «Молодой Италіи», не имѣли права быть членами ни въ какой другой организаціи. Вся эта масса людей, съ Мишло, Обринскимъ, Шапперомъ, Гарнеемъ во главѣ, теперь особенно зашевелилась и привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе.

Въ февралѣ появились послѣдовательныя извѣстія о парижскомъ банкетѣ и парламентской борьбѣ оппозиціи противъ Гизо и Луи-Филиппа и наконецъ о ея побѣдѣ, бѣгствѣ короля и объявленіи республики. Едва успѣли узнать объ этомъ въ Англии, какъ на всемъ горизонтѣ Европы — югѣ, востокѣ и сѣверѣ — занялись пожары революцій.

«Каждый день, — пишетъ умѣренно-либеральный Магвей, — съ континента прибывали короли, князья и министры, бѣжавшіе въ Англию, какъ единственное безопасное мѣсто. Революція, имѣвшая своимъ девизомъ — «свободу, равенство и братство» и «организацію труда» одной изъ цѣлей, въ высшей степени волновала кровь англійскихъ демократовъ. «Луи-Филиппъ бѣжалъ, въ Парижѣ революція! Ура!» — слышалось повсюду и почти всегда сопровождалось возгласомъ: «Теперь и мы должны добыть свои права!» Забыты были все раздоры, все домашнія дразги; все соединилось въ дружныхъ оваціяхъ въ честь французскаго народа. Магъ Дуэлль, Вестъ и Биддъ агитируютъ въ этомъ смыслѣ и въ пользу хартии въ сѣверныхъ округахъ. Въ Лондонѣ чартистская ассоціація вмѣстѣ съ братскими демократами, ирландскими конфедератами и другими организаціями составляютъ адресъ французскому народу и снаряжаютъ депутацію, состоящую изъ Эрнеста Джонса, Юліана Гарнея и Магъ Грата, отвезти его въ Парижъ. Нѣсколько дней спустя эта депутація принималась со всевозможными оваціями Ледрю-Ролленомъ въ Парижѣ. 2-го марта на площади Національныхъ Ваннъ собирается

громадная масса народа и протестуетъ противъ всякаго вмѣшательства англійскаго правительства во французскія дѣла. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ собраній въ разныхъ частяхъ Лондона и вездѣ выражается сочувствіе французскому народу, провозглашается хартія и союзъ съ ирландскими конфедератами для освобожденія Ирландіи.

Нужда рабочаго населенія столицы дошла въ это время до громаднхъ размѣровъ и начала все сильнѣй и сильнѣй проявлять себя среди этихъ волненій. Весь мартъ мѣсяць былъ занятъ волненіями по всей странѣ. 6-го марта нѣкій Бокранъ, человѣкъ изъ средняго класса и мало извѣстный, созвалъ на Трафальгаръ-скверѣ публичный митингъ въ пользу отмены подоходнаго налога. И инициаторъ, и цѣль были одинаково чужды интересамъ массы; тѣмъ не менѣе собралось громадное количество народа. Когда Бокранъ увидѣлъ передъ собой это возбужденное море головъ, онъ предпочелъ не входить на трибуну и постыдно бѣжалъ. Народъ волновался. Тогда къ нему обратился съ рѣчью нѣкій мало извѣстный журналистъ Рейнольдсъ и произнесъ рѣчь, сочувственную французской революціи и хартіи. Народъ съ восторгомъ слушалъ и чуть не на рукахъ проводилъ его до квартиры на Стрендъ, гдѣ ново-народившійся трибунъ держалъ рѣчь съ балкона дома. Хотя его имя до тѣхъ поръ и не знали, но его статьи въ *Weekly Dispatch* объ иностранной и особенно французской политикѣ, писанныя съ умѣньемъ и въ духѣ демократіи, были хорошо извѣстны. Когда почти весь народъ разошелся, изъ-за какихъ-то пустяковъ съ полиціей вышла ссора; толпа бросилась на нее, смяла и съ криками: «ко дворцу!» — направилась въ С.-Джемсъ-паркъ, ломая по дорогѣ фонари и огна и требуя въ лавкахъ хлѣба и вина. Тѣмъ временемъ полиція получила подкрѣпленіе и толпа повернула назадъ на Трафальгаръ-скверъ и разошлась.

Въ это время въ Глазго волненія приняли еще болѣе грозный характеръ. Здѣсь нужда рабочаго населенія дошла до того, что оно требовало и со дня на день ожидало раздачи хлѣба; но хлѣбъ не появлялся. 6-го марта толпа вышла изъ терпѣнія, ринулась на лучшую улицу, такъ-называемыя Irongates, и начала врываться въ лавки. Собственники торопились запираяться; всѣ дѣла остановились; по улицамъ ходили толпы съ крикомъ: «хлѣба или революцію!» Едва войска успѣли очистить главныя улицы, какъ въ другихъ повторялось то же самое. Въ Единбургѣ

послали за подкрѣпленіемъ. На другой день на площадяхъ и улицахъ, съ утра занятыхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ войскомъ, начали появляться толпы, мальчишки затѣяли перестрѣлку камнями, а кончилось дѣло 5-ю убитыми и параднымъ шествіемъ войскъ по улицамъ.

Въ Манчестерѣ народъ атаковалъ рабочій домъ и полицейскую станцію, билъ окна и фонари, врывался въ лавки и требовалъ хлѣба. Въ Нью-Кастлѣ, Донфри, Сондерлендѣ, Басѣ, Ноттингемѣ—всюду волненія по поводу событій во Франціи, публичные митинги, демонстраціи и процессіи. А въ газетѣ Митчеля, *United Irishman*, преподавались уроки уличной борьбы съ войскомъ.

Исполнительный комитетъ чартистской ассоціаціи рѣшилъ созвать на 3-е апрѣля конвентъ. Въ теченіе всего марта мѣсяца не проходило дня, чтобы въ разныхъ концахъ страны не было устроено нѣсколькихъ демонстрацій, часто съ трехцвѣтными знаменами, и чтобы въ резолюціяхъ не постановлялось требовать хартію и освобожденіе Ирландіи. Въ это же время началась вербовка между лавочниками добровольныхъ полицейскихъ. 13 марта на Кенингтонъ-Коммонсѣ въ южномъ Лондонѣ собралось до 20.000 человекъ народа и до 4.000 пѣшихъ и 80 конныхъ полицейскихъ. Оружейникамъ было велѣно отвинтить у ружей замки и продавать оружіе съ большой осторожностью.

Въ Бирмингемѣ митингъ въ пользу хартіи держался въ городской ратушѣ; въ Манчестерѣ, Бадфордѣ, Ипевичѣ, Шеффилдѣ, Лидсѣ, Саутгэмптонѣ, Мансфилдѣ, Денди, Ковентри, Экстерѣ и даже въ Нью-Портѣ, казавшемся убитымъ съ 1839 года,—всюду одно и то же: собранія по 10.000—20.000 народа, требовавшего хартію. Въ очень многихъ случаяхъ при этомъ присутствовали и войска, хотя нигдѣ дѣло не дошло до вмѣшательства ихъ. Даже ремесленные союзы—и тѣ собрались въ Old Bailey въ Лондонѣ и постановили резолюціи въ пользу хартіи.

Наступило 4-е апрѣля. Въ литературномъ и научномъ институтѣ въ John-street собрался чартистскій конвентъ изъ 49 делегатовъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Макъ-Гратъ. Изъ чтенія рапортовъ выяснилось приблизительно слѣдующее: жизнь народу становилась въ тягость; въ очень многихъ мѣстахъ онъ находилъ, что лучше сразу покончить съ собой, чѣмъ умирать, день за днемъ, медленною смертью. Большинство объявляло себя готовымъ на всякій рискъ, лишь бы добыть хартію. Въ петицію

народъ больше не вѣрилъ и соглашался подписать и подать ее въ послѣдній разъ только затѣмъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за то, что онъ не испыталъ всѣхъ средствъ. Если парламентъ откажетъ въ ней, то рѣшено было подать адресъ королевѣ о распущеніи его и смѣнѣ министровъ; а если и это не поможетъ, пусть будетъ, что будетъ. Другіе, впрочемъ, предлагали въ этомъ случаѣ въ одинъ день собрать митинги по всей странѣ и рѣшить, что дѣлать. Какъ ни странно звучитъ такая неувѣренность, однако-жъ вѣрно то, что изъ 49 человекъ делегатовъ, выбранныхъ на публичныхъ митингахъ, только 3 заявили себя за нравственную силу, всѣ же остальные готовы были, въ случаѣ надобности, на все. Макъ-Карти, ирландецъ, при этомъ заявилъ, что у нихъ есть въ Англіи глубы для стрѣльбы и что послѣ перваго выстрѣла въ Ирландіи 40.000 вооруженныхъ людей будутъ готовы здѣсь отмстить за своихъ братьевъ. Конвентъ принялъ слѣдующую программу:

1. Въ случаѣ отказа палаты общинъ на національную петицію, конвентъ приготовить національный меморіалъ королевѣ о распущеніи парламента и выборѣ такихъ министровъ, которые сдѣлали бы хартію министерскимъ вопросомъ.

2. Конвентъ согласенъ созвать національное собраніе изъ делегатовъ, выбранныхъ на публичныхъ митингахъ, — для подачи королевѣ меморіала и для того, чтобы продолжать свои засѣданія, пока хартія не сдѣлается закономъ.

3. Конвентъ призываетъ страну держать одновременные митинги въ «Добрую пятницу», 21-го апрѣля, для принятія національнаго меморіала и для выбора делегатовъ въ національное собраніе.

4. Национальное собраніе соберется 24 апрѣля.

5. Конвентъ будетъ засѣдать, пока не соберется національное собраніе.

На 10-е апрѣля было назначено собраніе народа, представителей ремеслъ и организацій на Кенингтонъ-Коммонсъ съ тѣмъ, чтобы оттуда съ процессіей нести петицію въ парламентъ.

На другой день министръ внутреннихъ дѣлъ лордъ Грей объявилъ въ парламентѣ эту процессію незаконной, а вечеромъ появилась прокламація правительства, объявлявшая преступными всякія петиціи, ходатайства, жалобы и заявленія, дѣлаемые больше чѣмъ 10 человекъ, причемъ объявлялось, что виновные будутъ преслѣдоваться.

На протест О'Коннора противъ этого произвольнаго нарушенія одного изъ основныхъ положеній англійской конституціи лордъ Грей при аплодисментахъ палаты объявилъ, что черезъ нѣсколько дней внесетъ законопроектъ о лучшей охранѣ короны и правительства. Напрасно конвентъ пытался объявлять о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, напрасно пытался онъ совѣщаться съ либеральными членами парламента и посылать депутацію къ Грею, — 8 апрѣля въ парламента былъ внесенъ «билль о безопасности короны и правительства», а 12 апрѣля онъ прошелъ — большинствомъ 295 голосовъ противъ 40 — въ палатѣ общинъ, у лордовъ же единогласно. Онъ гласилъ, что отнынѣ въ теченіе двухъ лѣтъ за *всякія рчи*, вызывающія волненія, будутъ судить какъ за измѣну и наказывать ссылкой за океанъ.

Конвентъ рѣшилъ во что бы то ни стало быть на Кенингтонъ-Коммонсѣ, держать митингъ и идти процессіей. Гарней сообщилъ, что правительство заказало 30.000 полицейскихъ палокъ. О'Конноръ рассказывалъ, будто бы со словъ полицейскаго инспектора, что въ вождей будутъ стрѣлять изъ оконъ. О'Брайенъ передъ своимъ избирательнымъ округомъ отказался отъ представительства въ конвентѣ, такъ какъ, по его словамъ, «подъ вліяніемъ бѣдствій въ странѣ, конвентъ хочетъ двигаться быстрѣе, чѣмъ позволяютъ обстоятельства». Въ *Northern Star* въ одинъ изъ этихъ дней появились два письма О'Коннора, въ которыхъ онъ въ одномъ насмѣхался надъ тѣми, кто собирался идти на Кенингтонъ-Коммонсѣ вооруженными, и называлъ ихъ измѣнниками, а въ другомъ рассказывалъ, какъ вооружается полиція, и звалъ народъ на борьбу.

Въ конвентѣ рѣшено было принять мѣры на случай ареста членовъ, чтобъ ихъ мѣста сейчасъ же были заняты другими делегатами. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вооружаться вообще, игралъ въ это время большую роль: среди самого рабочаго населенія онъ былъ поставленъ ребромъ и не мало эксплуатировался. Нѣсколько свидѣтелей, принимавшихъ участіе въ этомъ волненіи, рассказываютъ одинъ и тотъ же фактъ, что въ разныхъ концахъ города появились среди рабочихъ личности, убѣждавшія въ необходимости зажечь городъ съ разныхъ концовъ; какъ таинственное средство для этого, они показывали какой-то порошокъ, по которому только стоитъ ударить — и онъ можетъ сжечь полгорода. На повѣрку снадобье оказывалось просто бертолетовою солью съ примѣсью селитры и сѣры, но имъ нельзя было

зажечь и спички. Прежде личностей этихъ никогда не видали. Пожительно вѣрно можно сказать, что не было ни одного указа- ния, ни одного факта на кагія-нибудь воинственные приготовле- ния, —демонстрація на Кеннингтонъ-Коммонсѣ и въ планѣ, и въ дѣй- ствительности была совершенно мирная и министерство не мог- ло не знать этого.

Настало 10-е апрѣля. Чтобы дать понятіе о настроеніи, въ которомъ въ это время находились люди порядка, обратимся къ нимъ самимъ. Вотъ что пишетъ Маккей *) въ своихъ воспоми- наніяхъ: «Въ теченіе трехъ дней передъ 10 апрѣля во всѣхъ по- лицейскихъ префектурахъ и станціяхъ принималась присяга добро- вольныхъ полицейскихъ изъ коммерческаго, высшаго и даже нѣко- торыхъ слоевъ низшаго класса въ такомъ необыкновенномъ числѣ (70.000), что мировые судьи не успѣвали записывать имена. Трудно было найти купца, банкира, лавочника или священника въ Лондонѣ, исключая очень старыхъ, которые не были бы готовы взять въ руки дубины, чтобы въ случаѣ надобности раздробить скулу чартисту. Въ числѣ этихъ добровольцевъ былъ и Луи-На- полеонъ Бонапартъ, который, какъ онъ самъ выражался, былъ крайнимъ демократомъ, очень любилъ народъ, но ненавидѣлъ без- образій толпы. Веллингтонъ объявилъ, что онъ готовъ взять на себя защиту столицы, и обѣщался при этомъ, что у него не будетъ видно ни одного солдата. Между тѣмъ онъ рѣшился сохранить по- рядокъ во что бы то ни стало, рассчитывая на спрятанныя войска и рѣшимость средняго класса, на который недавнія сцены париж- ской революціи наводили наническій ужасъ. За четыре дня до демонстраціи войска были помѣщены во дворы банка, монетнаго двора, Соммерсетъ-гауза и другія «уязвимыя» мѣста Сити. Кромѣ того войска были стянуты со всѣхъ ближайшихъ городовъ и раз- мѣщены въ казармахъ вокругъ столицы, по близости парламента и на Трафальгаръ-скверѣ. Огромное количество оружія было раз- послано въ Индійскій докъ, таможеню, акцизное управленіе, поч- тамть (2.000 ружей), домъ мера, различныя отдѣленія Соммер- сетъ-гауза, въ артиллерійское и адмиралтейское управленія для употребленія служащими, которые всѣ должны были принять при- сягу добровольныхъ полицейскихъ.... Двери англійскаго банка были завалены мѣшками съ пескомъ вышиной въ 5 футовъ, но такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлены отвер-

*) *Mackay Charles: „Forty years recollections“.* London, 1877 г.

стія, а сзади их помѣщены небольшія пушки. На углахъ банка устроены небольшія батареи. То же сдѣлано во многихъ частныхъ банкахъ и доковыхъ компаніяхъ. Въ Тоуэрѣ саперы цѣлый день заваливали такими же мѣшками ворота и нижнюю часть замка. Въ почтамтѣ окна были забиты толстыми досками такимъ образомъ, чтобъ изъ щелей можно было стрѣлять. Около парламента размѣщены были шесть отрядовъ пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи^{*)}. Взда по улицамъ въ экипажахъ была запрещена съ цѣлью устранить возможность строить изъ нихъ баррикады». Дальше Маккей продолжаетъ: «Вся демократическая и большая часть аристократической Европы готовилась услышать, что послѣ обѣда 10 апрѣля Лондонъ окажется въ рукахъ чартистовъ, что англійскій банкъ, монетный дворъ, оружейныя лавки, Тоуэръ, Вуличскій арсеналъ будутъ разграблены; что войска побратаются съ народомъ, Фергюсъ О'Конноръ будетъ провозглашенъ президентомъ британской республики, а королева Викторія со своимъ мужемъ и семействомъ будутъ принуждены бѣжать въ Нью-Йоркъ, какъ единственное удобное для нихъ убѣжище, такъ какъ на континентѣ нѣтъ безопаснаго мѣста».

Съ утра 10 апрѣля по всему Лондону чартистами были назначены въ опредѣленныхъ мѣстахъ сборные пункты, откуда въ извѣстный часъ въ стройномъ порядкѣ и съ знаменами процессіи должны были двинуться на Кенингтонъ-Коммонсъ. Это были: Финсбюри-сверъ, Россель-сверъ, Клеркенвелъ-Гранъ и многіе другіе. Въ 10 часовъ утра изъ главнаго центра, Джонъ-стрита, двинулось зерно процессіи на двухъ телѣгахъ: первая, въ 4 лошади, везла петицію, а другая—въ 20 фут. длины, въ 6 лошадей—49 делегатовъ конвента. Бока обѣихъ ихъ были испещрены надписями, вродѣ такихъ: «Свобода стѣитъ не только жизни, но и смерти», или 6 пунктами хартіи; по бокамъ развѣвались флаги на трехцвѣтныхъ древкахъ и тоже съ надписями. Вслѣдъ за этимъ кортежемъ шли, построенныя въ военномъ порядкѣ, толпы до 20.000 народа, которыя увеличивались по мѣрѣ приближенія къ мѣсту назначенія. Когда процессія пришла къ нему, тамъ уже были различныя организаціи и ремесла со своими знаменами, а также до 14.000 чел. полиціи и войска. Цифра всѣхъ участниковъ демонстраціи до сихъ поръ остается спорной: по различнымъ показаніямъ, ее опредѣляютъ отъ 20 до 500 тысячъ; за

^{*)} *Morning Post* 1848 г.

среднее же принимается большинствомъ—150.000. Какъ только петиція и конвентъ прибыли на мѣсто, раздались оглушительные крики, аплодисменты и музыка. Прежде чѣмъ О'Конноръ успѣлъ что-нибудь сказать, явился храбрый полицейскій и позвалъ его въ сосѣдную таверну. Народъ было думалъ, что его арестовали, и зашумѣлъ; но дѣло скоро объяснилъ самъ любимецъ массы: полицейскій комиссаръ Майнъ передалъ ему отъ имени правительства, что процессія къ парламенту будетъ, во что бы то ни стало, запрещена, *для чего приняты мѣры*; мирному же митингу власти мѣшать не намѣрены. Во всякомъ случаѣ онъ, О'Конноръ, будетъ отвѣтственъ за все, что бы ни случилось. «Дѣти мои,—сказалъ О'Конноръ обращаясь къ толпѣ, ждавшей отъ него чуть не откровенія,—васъ увѣряли, что я сегодня не буду среди васъ. Я здѣсь! Я лучше буду убитъ, чѣмъ оставлю свое мѣсто среди моихъ дѣтей. Да, вы—мои дѣти! Я же вашъ отецъ и довѣренный, но честный отецъ и не наемный повѣренный». Дальше слѣдовали убѣжденія не губить своего дѣла неразумнымъ насиліемъ. Онъ не спалъ 6 ночей и докторъ запретилъ ему идти сюда сегодня, но онъ пришелъ, чтобы спасти дѣло. Пусть поднимутъ руки всѣ, кто согласенъ! (Лѣсъ рукъ.) Ну, и слава Богу! Онъ умретъ на полу палаты, а ужъ добудетъ имъ права. Онъ любитъ ихъ больше своей жизни. На прошлой недѣлѣ онъ отдалъ конвенту доходъ съ *Northern Star* за недѣлю... Если вы хотите убитъ меня, моя жизнь въ вашемъ распоряженіи; но другихъ я не выдамъ безъ борьбы. Я не думаю, чтобы вы согласились особенно легко пожертвовать мною теперь. (Оглушительные аплодисменты.) Я пойду съ вами мирно и рѣшительно и представлю вашу петицію сегодня ночью. Въ пятницу ее будутъ обсуждать и ничто не можетъ помѣшать ея успѣху, если вы сами не погубите дѣла своею невоздержностью и глупостью!»

Петицію раздѣлили на три части, сложили на три извоичьи кареты, О'Конноръ съ однимъ изъ членовъ конвента сѣли въ четвертую и отправились такимъ образомъ въ парламентъ.

Въ это время О'Коннора съ тремя возами бумаги полиція не пустила черезъ ближайшій Вестминстерскій мостъ, а заставила сдѣлать нѣсколько миль круга для того, чтобы явиться передъ парламентомъ съ грудой бумаги, похвастаться 5.700.000 подписей и выслушать отъ вице-министра Морнета, отъ лица Грея, признаніе, что онъ не придаетъ ровно никакой цѣны всѣмъ коллективнымъ петиціямъ вмѣстѣ взятымъ и даже не считаетъ нуж-

нымъ приходить для нихъ въ палату, будучи заняты чѣмъ-то другимъ.

Черезъ нѣсколько дней парламентскій комитетъ для разсмотрѣнія петицій сообщалъ палатѣ, что вмѣсто 5.700.000 подней было всего 1.975.496 подписей (и 586 фунтовъ, т.-е. $\frac{1}{4}$ тонны вѣсу), изъ которыхъ очень многія очевидно фальшивыя, какъ «Плосконосый», «Нѣтъ сыра», «Принцъ Альбертъ», «Веллингтонъ», «Викторія ренсъ» и т. п. Со всѣхъ скамей на О'Коннора посыпались упреки, насмѣшки и оскорбленія, на которыя онъ отвѣчалъ, что не можетъ быть отвѣтственнымъ за всякую подпись, что фальшивыя подписи вѣроятно сдѣланы агентами противныхъ партій, и, наконецъ, одного изъ оскорбителей вызвалъ на дуэль; но и это не состоялось, — дѣло уладили миромъ. Тѣмъ все дѣло и кончилось. Впрочемъ, по поводу подписей въ оправданіе О'Коннора нужно сказать дѣйствительно, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе: наприм., черезъ нѣсколько дней послѣ 10 апрѣля въ конторѣ поземельной компаніи не оказалось нѣсколькихъ сотъ тысячъ подписей и столько же еще не были присланы изъ провинціи. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ 5.700.000 подписей. Что же касается до фальшивыхъ, то Фростъ приводитъ фактъ, какъ одинъ лавочникъ ему самому беззаастѣнчиво рассказывалъ, что онъ подписывалъ петицію разъ 20, не будучи чартистомъ, — «всякій разъ, какъ ему случалось проходить мимо конторы».

Съ этого дня закатилась звѣзда О'Коннора. Въ 1850 году онъ уже не имѣетъ никакого значенія и пристаетъ къ умѣренной реформѣ парламентскаго радикала Юма, а въ 1851 г. сходитъ съ ума и окончательно исчезаетъ со сцены.

Послѣдствіемъ изложенныхъ событій было то, что часть людей, причастныхъ къ чартизму, отстранилась отъ движенія или перешла на сторону нравственной силы, за то другая сдѣлалась гораздо рѣшительнѣй и непримиримѣй. Рядомъ съ открытой организаціей образовалась тайная. Тотчасъ же послѣ 10 апрѣля Эрнестомъ Джонсомъ было предложено конвенту измѣнить организацію чартистской ассоціаціи изъ федеративной въ централистскую: прежде каждая вѣтвь управлялась своимъ совѣтомъ изъ 5—6 лицъ и каждый членъ вносилъ еженедѣльно по 1 пенни. Теперь взносы уничтожались, каждые 10 членовъ составляли классъ, а

каждые 10 классовъ—отдѣлъ, приче́мъ комитеты классовъ были подчинены комитетамъ отдѣловъ. Во главѣ всей ассоціаціи открыто стоялъ исполнительный комитетъ, но рядомъ съ нимъ существовалъ тайный комитетъ изъ шести лицъ: Каффи—портного, Ритчи—штукатурщика, Ласей и Фея—сапожниковъ, Роле—разсыльного и Муллена—студента медицины. Принадлежалъ ли къ числу формальныхъ членовъ его сыщикъ Пауэлъ, выслѣживавшій ихъ, не доказано, хотя несомнѣнно, что онъ зналъ очень многое. Въ какихъ отношеніяхъ стояли два верховныхъ комитета другъ къ другу, до сихъ поръ не выяснено. Первое, въ чемъ выразилась дѣятельность новой организаціи, были клубы для стрѣльбы; они устраивались теперь по всей странѣ и плодились десятками. Ихъ цѣлью было, очевидно, снабдить чартистовъ оружіемъ и выучить владѣть имъ. Одна бирмингемская фирма взялась поставлять имъ ружья по 12 шилл. за штуку, которыя хотя и не были лучшаго качества, но, какъ тогда выражались, «изъ нихъ можно было такъ же хорошо убивать людей, какъ и изъ хорошихъ». Повсюду клубисты открыто начали обучаться военному дѣлу, что, какъ мы скоро увидимъ, обратило на нихъ вниманіе правительства.

Первая крупная демонстрація заново организованной силы была устроена въ Лондонѣ 29 и 30 мая на Клеркенвелль-Гринской площади, въ центрѣ города, куда безъ всякаго созыва или объявленія собралось до 80.000 народа. По одному слову нѣкоего Гюсселя: «стройся!»—вся эта масса народа построилась въ военный порядокъ и подъ предводительствомъ офицеровъ, съ бѣлыми перевязками на рукахъ, отправилась процессіей по главнымъ улицамъ города: Оксфордъ-стритъ, Реджентъ-стритъ, Паль-Маль, Стрендъ, Финтъ-стритъ и—назадъ на Клеркенвелль-Гринъ. Здѣсь держался митингъ, выразившій симпатію ирландскому конфедерату Джону Митчелю, который за три дня передъ этимъ совершенно неожиданно для своихъ товарищей прямо изъ суда былъ посаженъ на военный пароходъ и увезенъ въ Австралію.

Когда митингъ расходился, полиція, по завѣреніямъ нѣсколькихъ очевидцевъ, кинулась на одну изъ группъ съ оружіемъ въ рукахъ и начала разгонять. Это было одно изъ первыхъ побойщъ того времени. Большая часть изъ устроителей митинга вскорѣ были арестованы.

Тотчасъ послѣ 10 апрѣля Гарней предложилъ назначить 21-е апрѣля днемъ повсемѣстныхъ выборовъ на публичныхъ собраніяхъ делегатовъ въ національное собраніе, которое взяло бы на

себя инициативу подачи королевъ меморіала, а въ случаѣ необходимости — обращенія къ странѣ, а быть-можетъ и объявленія себя народнымъ парламентомъ. Предложеніе было принято и опубликовано. Эрнестъ Джонсъ отъ имени своихъ избирателей, Галифакса и Абердина, заявилъ, что они готовы послать первые — 6.000, а вторые — 1.000 человекъ вооруженной стражи, если національное собраніе объявитъ себя парламентомъ *). О'Кенноръ въ *Northern Star* объявилъ это будущее собраніе незаконнымъ и во все время его существованія продолжалъ нападать на него, какъ на самозванное. Самъ же 11 апрѣля въ Джонъ-стритѣ предлагалъ подать вторую петицію, отказываясь, впрочемъ, отъ обязанности представить ее парламенту. Эта полемика отняла у массы чартистовъ много времени и вниманія. Хотя по всей странѣ — въ Манчестерѣ, Глазго, Эдинбургѣ, Нью-Кастлѣ, Ливерпулѣ, Бристолѣ и другихъ мѣстахъ — происходили постоянные митинги въ пользу хартии, однако делегаты въ національное собраніе были выбраны не раньше, какъ къ 1 мая, причемъ многія мѣстности совсѣмъ не послали делегатовъ.

1 мая собрались 60 делегатовъ. Это было одно изъ тѣхъ мертворожденныхъ собраній, которыя, не выражая собою требованія историческаго момента, сами не видятъ своей задачи, не вѣрятъ въ свою силу и праву, а потому и не могутъ придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію и въ результатѣ не пользуются никакимъ нравственнымъ вліяніемъ. Оно бралось за подачу королевъ меморіала и не подало его на томъ основаніи, что Чамберлейнъ отказалъ депутатамъ въ аудіенціи съ королевой и отослалъ ихъ къ лорду Грею; они брались за выработку политической программы и ничего не выработали кромѣ двухъ положеній, что существованіе постоянной арміи противорѣчитъ англійской конституціи и что народъ имѣетъ право вооружаться.

Между тѣмъ въ городахъ Йоркшира, какъ Бадфордъ и другихъ, въ это время устраивались многотысячныя процессіи съ ружьями, пиками и черными знаменами въ рукахъ. Полиція хотѣла было арестовать нѣкоего Литоуэла за фабрикацію пикъ, но народъ не допустилъ. Въ Вильддонѣ 3.000 челов. открыто учились стрѣльбѣ. Въ Бинглей 2.000 вооруженныхъ людей послѣ ожесточенной схватки съ полиціей отбили нѣсколькихъ арестованныхъ (это такъ-называемый мятежъ въ Бинглей). Въ Лидсѣ чартисты учились стрѣльбѣ.

*) Позднѣе, когда авторитетъ національнаго собранія упалъ, эти сообщенія опровергались самими избирателями.

Въ Манчестерѣ дѣлались огромныя приготовленія къ вооруженной демонстраціи, которая была отмѣнена только потому, что власти противопоставили сильный отрядъ войска.

При такихъ условіяхъ 12 іюня 1848 года тайный лондонскій комитетъ рѣшился на возстаніе. Его члены увѣряли, что сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія, что войска будутъ атакованы съ крышъ, что въ рабочихъ кварталахъ уже выломаны стѣны, раздѣляющія дома, такъ что возможно будетъ двигаться помимо улицъ, и что Баннерсъ-Филдъ и Бишаксъ-Филдъ назначены сборными пунктами. Въ окрестныхъ, ближайшихъ къ Лондону, городахъ чартистамъ данъ былъ приказъ во что бы то ни стало удерживать тамъ полицію и войско и по данному сигналу начать возстаніе. Томасъ Фростъ очень живо и характеристично описываетъ событія этого дѣла въ Кройдонѣ. Здѣсь чартисты назначили на 12-е іюня публичный митингъ и просили у властей подъ помѣщеніе ратушу. Послѣдовалъ отказъ, а кромѣ того Фростъ, какъ мѣстный вождь, былъ призванъ выслушать постановленіе городского совѣта, что публичный митингъ, назначенный на загородномъ холмѣ, не законенъ и будетъ разогнанъ силой. «Но вѣдь это наше конституціонное право—свободно собираться; на основаніи какого авторитета вы лишаете насъ его?»—отвѣтилъ Фростъ. — «На основаніи *нашего* авторитета и на основаніи вотъ этого распоряженія!»—при этомъ было указано пальцемъ на печатный листъ на столѣ, заключавшій распоряженіе лондонской полиціи. — «Я не могу признать за полицейскимъ распоряженіемъ авторитета законодательнаго акта», — отвѣчалъ Фростъ. — «Мы опираемся въ этомъ случаѣ на парламентскій актъ царствованія Карла II, запрещающій собираться больше 20 лицъ», — вмѣшался присутствовавшій тутъ мировой судья.

Съ утра назначеннаго дня холмъ былъ занятъ отрядомъ войска, а вокругъ ходили патрули изъ 500 полицейскихъ, большею частію спеціально для этого времени принявшихъ присягу. Проливной дождь былъ причиной того, что народъ собрался въ самомъ ничтожномъ числѣ и митингъ былъ отмѣненъ комитетомъ. Войско и полиція простояли на холмѣ до полуночи.

Въ Лондонѣ случилось нѣчто подобное. Черезъ Пауэла власти знали, конечно, обо всѣхъ намѣреніяхъ чартистовъ, такъ что послѣднимъ, въ виду правительственныхъ приготовленій, пришлось измѣнить свой планъ и вмѣсто двухъ сборныхъ пунктовъ

назначить одинъ. Но и здѣсь, благодаря дождю, ничего не вышло. Предсѣдателемъ собранія долженъ былъ быть д-ръ Мак-Дуэлль. Какъ только онъ подъѣхалъ къ мѣсту собранія, полицейскій инспекторъ формально объявилъ ему, что митингъ считается властями незаконнымъ и будетъ разогнанъ вооруженною силой. Тотъ тотчасъ же объявилъ объ этомъ собранію и самъ уѣхалъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь было сказано нѣсколько рѣчей, за которыя и были арестованы Эрн. Джонсъ, Шарпъ, Вильямсъ, Фюссель въ силу послѣдняго парламентскаго закона. Были также арестованы нѣсколько человекъ съ оружіемъ въ рукахъ, но это ни къ чему серьезному не повело.

Въ этотъ же самый день въ провинціи происходили демонстраціи болѣе шумнаго характера: въ Блэкстоундѣ почти убили переодѣтаго и узнаннаго полицейскаго; въ Аштонѣ во время схватки былъ убитъ полицейскій констабль; въ другихъ мѣстахъ войска разгоняли народъ. 18 іюля въ томъ же Блэкстоундѣ многочисленное собраніе постановило резолюцію, что всѣ прежнія попытки чартистовъ терпѣли поражение главнымъ образомъ вслѣдствіе оппозиціи людей «нравственной силы».

Такъ дѣло шло до 15 августа, которое было назначено днемъ окончательнаго взрыва, что правительству было извѣстно. Сборнымъ пунктомъ была назначена площадь Семи Угловъ (Seven Dials). Ея положеніе среди узкихъ улицъ рабочаго квартала въ центрѣ города благоприятствовало постройкѣ баррикадъ и въ то же время давало возможность массамъ быстро собраться въ одно мѣсто съ разныхъ сторонъ. Но прежде, чѣмъ что-нибудь подобное успѣло случиться, полиція ворвалась съ револьверами въ рукахъ въ таверну «Апельсиннаго дерева», въ Апельсинной улицѣ, и арестовала всѣхъ тамъ находившихся. Подъ платьемъ арестованныхъ у однихъ были найдены сабли, у другихъ пики, у третьихъ пистолеты и т. п. Подъ лавками оказалось оружіе разныхъ родовъ, неизвѣстно кому принадлежавшее. Въ это время на площади Семи Угловъ уже шелъ шепотъ отъ одной группы къ другой: чернорабочіе съ кирками на плечахъ, мостильщики съ молотками и топорами въ рукахъ не замѣтно расходились по ближайшимъ тавернамъ, давая приближающейся полиціи поводъ думать, что одинъ ея видъ заставляеть мятежниковъ разбѣгаться. На самомъ же дѣлѣ заговорщики поняли, что ихъ дѣло выдано. Въ тотъ же вечеръ были арестованы члены комитета: Ричи, Фай, Ласей, а потомъ Каффи и

Мулленъ (переодѣтый женщиной); Розе успѣлъ бѣжать въ Гамбургъ. Еще раньше были арестованы М'Дуэлль, Шау, Ранкинъ, Волкеръ и другіе. На кладбищѣ въ Клеркенвелъ (въ Лондонѣ) были найдены нѣсколько тысячъ патроновъ, зарытыхъ въ землю. Геммэдъ въ это время велъ агитацію среди земледѣльческихъ рабочихъ Бедфорда и Нортгамптона, повсюду сопровождаемый полицейскимъ комиссаромъ, и былъ, наконецъ, арестованъ имъ за то, что не хотѣлъ подчиниться его требованію и прекратить одну изъ своихъ публичныхъ лекцій.

Томасъ Фростъ говоритъ: «послѣ 12 іюля и 15 августа я рѣшилъ держаться въ сторонѣ отъ конспираціи, въ которую замѣшался. И я имѣю основаніе предполагать, что нѣсколько позднее и самъ Каффи убѣдился въ полной бесполезности этого предпріятія». Вѣрно ли такое предположеніе относительно Каффи или нѣтъ, осталось невыясненнымъ, но во всякомъ случаѣ вѣрно, что съ этого дня движеніе начинаетъ быстро утихать. 15-го августа вооруженное возстаніе потерпѣло такое же пораженіе, какъ мирныя ходатайства 10 апрѣля. Можно положительно сказать, что разочаровался не одинъ журналистъ Фростъ, но и масса рабочихъ; она устала подставлять свои спины, рисковать послѣднимъ остаткомъ своего благополучія. Снова понурила она голову и снова потянула будничную, заурядную лямку. Только на поверхности продолжали еще въ теченіе довольно долгаго времени всплывать пузыри, а подчасъ и пѣна для того, чтобы, не имѣя подъ собой почвы, выродиться въ личныя интриги и полемику. Разъ поставленная волной движенія на извѣстную высоту, личности пытались удержаться на немъ, играть старую роль, не сознавая того, что волны уже нѣтъ, что ее замѣнила едва замѣтная усыпляющая зыбь. Они пытались бороться, но попытки эти оставались безъ результатовъ.

Чтобы покончить съ движеніемъ 1848 года, намъ остается сказать нѣсколько словъ о цѣломъ рядѣ судебныхъ процессовъ, ожидавшихъ по всей странѣ чартистовъ. Первый изъ нихъ состоялся еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1848 года надъ Джонсомъ, Шарпомъ, Вильямсомъ, Фюсселемъ и другими. Всѣхъ ихъ признали виновными: перваго приговорили къ 2 годамъ тюрьмы и 350 фунт. залога по выходѣ, въ обезпеченіе благонамѣреннаго поведенія въ теченіе 5 лѣтъ. (Своеобразный англійскій полицейскій надзоръ — не надъ преступникомъ, а надъ его карманомъ.) Джонсъ сильно страдалъ въ тюрьмѣ и писалъ стихи и статьи своей кровью за

неимѣнемъ чернилъ. Другіе были приговорены къ подобнымъ же наказаніямъ. Шарпъ и Вильямсъ тотчасъ по выходѣ заболѣли холерой и умерли.

Въ Йоркѣ судились 45 человѣкъ за возмущеніе въ Бинтлей, за военныя ученія и вооруженныя демонстраціи. Изъ нихъ 10 человѣкъ приговорены къ 2—1½ годамъ каторги, 8 человѣкъ—къ 2—1½ годамъ тюрьмы, а отъ остальныхъ потребованы были залого.

Въ сентябрѣ начался судъ надъ тайнымъ комитетомъ въ Лондонѣ. Его обвиняли въ заговорѣ противъ королевы. Кромѣ пяти человѣкъ, собственно членовъ комитета, въ качествѣ подсудимыхъ привлечены были: Гурней, Шепфердъ, Эблъ и другіе. Въ качествѣ же главнаго свидѣтеля явился Пауэлъ, котораго со времени 15 августа и днемъ и ночью, и дома и внѣ его охраняла военная стража. На судѣ онъ говорилъ, что «вступилъ въ чартистскую ассоціацію по поученію полицейскихъ властей».

Каффи въ своей защитительной рѣчи сказалъ: «Вы не имѣете права приговорить меня. Вашъ судъ—не правый судъ, потому что онъ не судъ равныхъ мнѣ. Все было сдѣлано вами, чтобъ обвинить меня. И я не прошу ни снисхожденія, ни милости. Я ожидаю осужденія и ничего больше. Мало того, я сожалею правительство и генераль-прокурора, рѣшившихся употребить противъ меня такія средства. Я горжусь тѣмъ, что буду первую послѣ Джона Митчеля жертвой незаконнаго парламентаго акта».

Пять членовъ комитета были признаны виновными. Каффи былъ приговоренъ къ пожизненной, а остальные къ двухлѣтней каторгѣ, съ залогомъ по выходѣ на 5 лѣтъ. Пауэлъ вмѣсто всякаго вознагражденія получилъ даровой проѣздъ въ Австралію для спасенія отъ мести чартистовъ; черезъ годъ онъ возвратился и влачилъ самое жалкое существованіе.

Въ честерскихъ и ливерпульскихъ ассизахъ въ декабрѣ судились 67 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ приговоренъ къ смерти за убійство сыщика (приговоръ не былъ исполненъ), 6—къ пожизненной ссылке за заговоръ противъ королевы, 1—къ 10 годамъ каторги и 14, въ числѣ которыхъ были Личъ, Уайтъ, Ранкинъ, Вестъ (за статьи въ его газетѣ *People's Paper*)—къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія. Остальные были освобождены съ обязательствомъ явиться по требованію суда.

Въ йоркскихъ ассизахъ судились 22 молодыхъ человѣка.

Эдинбургскій судъ былъ снисходителенъ: судились всего 2 человѣка и были приговорены къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Власти послѣ всего этого объявили новую организацію чартистской ассоціаціи незаконной и заставили ее возвратиться къ старой. По этому случаю былъ выбранъ новый исполнительный комитетъ изъ Кларка, Диксона, Росса, Макъ Грата, Столвуда, Гарнея и секретаря Кидда. Всѣ уцѣлѣвшіе вожди чартистовъ принялись теперь за болѣе мирныя занятія.

О'Конноръ хлопоталъ о пособіяхъ заключеннымъ, подыскивалъ адвокатовъ, а въ то же время сближался съ парламентскими радикалами и подомовою реформой системы Юма, къ которой и присталъ окончательно въ 1850 году, въ то время, когда онъ уже потерялъ всякое вліяніе среди чартистовъ, весь свой пылъ и силу пера и уже началъ выказывать признаки помѣшательства. Томасъ Буперъ основалъ «фондъ защиты и жертвы» и собиралъ деньги въ пользу заключенныхъ.

Киддъ и Гэммэдждъ ѣздили по странѣ и читали лекціи. Масса другихъ пустились въ литературу. 1849 годъ былъ годомъ истиннаго обновленія демократической прессы: Бронтерръ О'Брайенъ первый, отказавшись отъ участія въ конвентѣ, основалъ на островѣ Менѣ газету *The Reformer*, начавшую скоро расходиться въ 15.000 экземплярахъ. Въ ней онъ развивалъ положеніе, что всѣ политическія движенія на континентѣ не удавались потому, что ставили себѣ чисто политическія цѣли, тогда какъ, по его мнѣнію, необходимо было хлопотать при помощи политическихъ средствъ о націонализаціи земель, копей и рыбныхъ ловель, объ уничтоженіи металлическихъ денегъ, объ учреженіи національнаго банка для кредита промышленнымъ коопераціямъ и о національныхъ обмѣнныхъ рынкахъ. По поводу этихъ вопросовъ онъ потомъ читалъ въ Лондонѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ лекціи, а позднѣе основалъ на этихъ же принципахъ такъ называемую «National Reform League».

Въ это же время возникли газеты: *Power of pence, Spirit of Freedom* республиканца Массей, *Progressionist* Гэммэджа, *Operative Free Press* и другія. Самою же распространенною и извѣстною изъ нихъ была *Reynolds's Political Instructor* Рейнольдса; въ ней сотрудничали тогдашнія лучшія литературныя силы демократіи, какъ Киддъ, О'Брайенъ, Робертсъ; она расходилась въ 50.000 экземплярахъ и, перемѣнивши названіе на *Reinolds's Newspaper*, существуетъ и до сихъ поръ.

Въ концѣ 1849 года чартистская ассоціація была уже настолько слаба и бездѣтельна, что Киддъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ, безкорыстныхъ и дѣятельныхъ членовъ ея, оставилъ комитетъ и предложилъ отказаться даже отъ названія чартистской ассоціаціи.

Въ 1850 году изъ тюремъ начали выходить старые вожди; была сдѣлана попытка обновить движеніе, снова началась агитация и проектировалось сліяніе нѣсколькихъ стоявшихъ въ сторонѣ группъ, но все кончилось только дразгами, среди которыхъ О'Конноръ едва ли не въ послѣдній разъ фигурировалъ на политической аренѣ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ оставить ее навсегда. Въ этотъ короткий періодъ оживленія О'Брайенъ опять началъ пріобрѣтать вліяніе и выступилъ съ уничтоженіемъ вигскаго закона о бѣдныхъ, восстановленіемъ закона Елизаветы, съ общественными работами, съ равномернымъ распределеніемъ между должниками и кредиторами потерь отъ пониженія цѣнъ и т. п.

Эрнестъ Джонсъ сдѣлался было самымъ популярнымъ чело-вѣкомъ и занялъ мѣсто О'Коннора. Гарней, какъ всегда, занимался иностранными вопросами и пересаживалъ ихъ на англійскую почву сначала на страницахъ *Red Republican*, а потомъ *Democratic Review*, гдѣ провозглашалъ: «Vive la Republic demostatie et sociale!» Но все это были попытки оживить мертвеца. Вожаки собирали еще нѣсколько конференцій, писали программы, ставили требованія парламенту, но никто на нихъ не обращалъ вниманія, никто не принималъ ихъ близко къ сердцу. Наконецъ, въ 1854 г., оставшись безъ исполнительнаго комитета, чартистская ассоціація умерла естественною смертю. Здѣсь и мы оставимъ свое повѣствованіе.

Н. Ч.

ЗАХУДАЛОЕ ДВОРЯНСТВО.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій.)

I.

«П а н к и».

Что и за честь, когда нечего ѣсть.
Народная поговорка.

... Лѣса и рощи исчезли, исчезли холмы и овраги. Плоская, ровная ширь раскинулась далеко во всѣ стороны. Тройка земскихъ влячь, почувствовавъ подъ ногами гладкую, твердую, высохшую, какъ камень, дорогу, лихо несеть тарантасъ.

— Степь пошла!—говорить ямщикъ.

Дѣло было въ началѣ юля; стоялъ жаркій, знойный день. Я ѣхалъ изъ Самары черезъ Старый-Буянь, имѣя въ виду поѣхать и посмотреть колоніи менонитовъ, которыя давно уже интересовали меня.

Дорога отъ Самары до Стараго-Буяна имѣетъ живой, веселый видъ; то и дѣло встрѣчаются рощи, деревни, лѣса, хутора и т. п. Совсѣмъ другой характеръ носить на себѣ мѣстность, идущая далѣе къ югу отъ Стараго-Буяна. Здѣсь степь все болѣе и болѣе вступаетъ въ свои права: все рѣже попадаются села, все пустыниѣе становится путь.

Но вотъ вдоль дороги то тамъ, то сямъ показываются какіе-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоятъ они въ открытомъ полѣ. Не видать вокругъ нихъ ни сада, ни зеленой ветлы; нѣтъ даже плетней, нѣтъ сараевъ, безъ которыхъ немислима никакая крестьянская хата.

Печать безпомощности лежитъ на этихъ странныхъ домикахъ; ихъ крыши изъ старой прогнившей соломы растрепаны, точно

всклоченныя мужицкія головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стекла во многихъ окнахъ выбиты, а двери заткнуты грязнымъ тряпьемъ... Словомъ, все говоритъ о горькой нуждѣ, ѡ безпріютности.

— Чьи эти хаты? Кто тутъ живетъ?—спрашиваю ямщика.

— Здѣсь-то?... Панки... Панки, сударь, живутъ!

Я въ первый разъ слышу это слово.

— Какіе такіе «панки»?

— Панки-то?... Неужто не слыхалъ?—удивляется ямщикъ. — Панки, стало-быть... выходитъ, вродѣ какъ дворяне... или, примѣрно скажемъ, *господа*... помѣщики... Все единственно! — говоритъ ямщикъ и въ тонѣ его голоса звучитъ скрытая, сдержанная иронія.

— Откуда же они здѣсь взялись?

— Переселены... Изъ разныхъ мѣстъ переселены.

— А много у нихъ земли?

— Земли у нихъ вволю... Дивно земли!

— Что-жь это у нихъ стройка-то шибко плоха?

Ямщикъ отвѣчаетъ не сразу; наконецъ, очевидно, обдумавъ отвѣтъ, повертывается ко мнѣ лицомъ и съ удареніемъ произноситъ:

— Больно лѣнны пахаты—вотъ что!... Отъ этого отъ самага...

Это что-то новое, интересное, подумалъ я и приказалъ остановить лошадей у перваго попавшагося домика. Передо мною стояла обыкновенная крестьянская изба, но, сравнительно съ прежде видѣнными мною домиками, изба эта выглядывала «не въ примѣръ лучше»; положительно можно сказать, что она была лучше всѣхъ хатъ, видѣнныхъ мною у панковъ. Срубъ составленъ изъ крупнаго лѣса, окна были цѣлы, плотно и крѣпко сидѣла соломенная съ глиной крыша.

Изъ окна выглядывала какая-то старушка, съ смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ. Поздоровавшись съ ней, я попросилъ позволенія войти въ домъ. Старушка вдругъ засуетилась, захопотала.

— Пожалуйте, пожалуйста,—заговорила она,—милости просимъ!... Проходите.

Я вошелъ. Самая заурядная мужицкая хата, только немного почище и поопрятнѣе: массивная русская печь, лавки вдоль стѣнъ; въ одномъ углу—полка съ закоптѣлыми образами, въ другомъ—грубо сколоченный, изъ необрашенныхъ досокъ, сундукъ, съ нава-

леннымъ поверхъ разнымъ неопредѣленнымъ тряпьемъ; на стѣнахъ—двѣ-три лубочныхъ картины и фотографическая карточка какой-то барыни съ неимовѣрно перетянутою таліей и въ широчайшемъ кринолинѣ,—все это было какъ нельзя болѣе засижено мухами, которыя цѣлыми роями носились по избѣ.

Встрѣтившая меня старушка была одѣта въ старое ситцевое полинявшее платье,—но все же въ платьѣ, а не въ сарафанѣ. По внѣшности, манерѣ и пріемамъ она какъ нельзя болѣе напоминала собой жену сельскаго дьячка или писаря.

Старушка оказалась рѣчистою, словоохотливою особой.

— Давно ли вы живете въ этихъ мѣстахъ?—спросилъ я ее.

— Да вотъ ужъ тридцать лѣтъ живемъ. Въ 1850 году мы были переселены сюда изъ Рязанской губерніи.

— Изъ какого уѣзда?

— Изъ разныхъ уѣздовъ: Скопинскаго, Ряжскаго, Рязанскаго, Зарайскаго, Пронскаго.

— Что же заставило васъ покинуть родину?

— Какъ что? Извѣстно, нужда, бѣдность, голодъ—вотъ что!

На просьбу мою подробнѣе рассказать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это переселеніе, старушка передала мнѣ слѣдующее.

Въ 1847 году рязанскій предводитель дворянства, Рѣдкинъ, вошелъ съ представленіемъ о необходимости оказать какую-нибудь помощь мелкопомѣстнымъ дворянамъ Рязанской губерніи, изъ которыхъ многіе впали въ страшную нужду. Бѣдствія ихъ доходили до того, что нѣкоторые изъ дворянъ принуждены были наниматься въ услуженіе къ крестьянамъ.

— Вы не повѣрите, какая страшная была нужда!—разсказывала старушка.—Дворянская дѣвушка, чтобы не умереть съ голоду, должна была идти къ *мужику* и просить его, чтобъ онъ взялъ ее къ себѣ въ работницы... Ужасно!

— Чѣмъ же разрѣшилось ходатайство предводителя дворянства?

— Государь Императоръ вошелъ въ наше положеніе и вскорѣ намъ были назначены земельные участки въ Самарской губерніи—вотъ эти самыя... Лѣтомъ намъ даны были отъ казны ссуды на переселеніе: кому 40, кому 60, а кому и 100 рублей.

— А какъ велики ваши участки?

— Въ шестьдесятъ десятинъ каждый участокъ.

— А много всѣхъ участковъ?

— Всѣхъ участковъ было восемьдесятъ четыре *), теперь меньше.

— Это—единственный вашъ поселокъ, или же подобныя поселенія есть и въ другихъ мѣстахъ?

— Бромѣ нашего поселка, въ Самарскомъ уѣздѣ есть еще другой поселокъ панковъ (это насъ мужики здѣсь такъ прозвали) около Раковского монастыря. Тамъ еще больше нашихъ, чѣмъ здѣсь.

— Какъ же вамъ живется здѣсь?

— Что же, ничего,— какъ-то особенно сдержанно отвѣчала старушка.— Живемъ пока...

— Можетъ-быть земля у васъ плоха?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать. Земля — ничего, хорошая земля.

Вообще, несмотря на очевидную, бьющую въ глаза, бѣдность и нужду, панки не любятъ признаваться въ этомъ,—старый дворянскій гоноръ сказывается въ этой чертѣ. Когда земскіе статистики производили у нихъ подворную опись, то панки всячески старались представить свое хозяйство и благосостояніе въ возможно выгодномъ свѣтѣ.

— Сколько у васъ коровъ?—спрашиваетъ, наприимѣръ, статистикъ у панка.

— Двѣ!—важно отвѣчаетъ тотъ.

Статистикъ готовъ уже отмѣтить эту цифру въ графѣ своей таблицы, какъ вдругъ присутствовавшій при описи мужикъ изъ сосѣдняго села обращается къ панку:

— Иванъ Николаичъ, да чаво ты брешешь-то?

— Какъ брешешь? — влмывается въ амбицію паногъ. — Какъ ты смѣешь такъ говорить?—напускается онъ на мужика.

— Да нешто у тебя двѣ коровки-то?... Вѣдь у тебя всего-на все одна,—другая-то телка о двухъ мѣсяцахъ.

Оказалось, что дѣйствительно паногъ хотѣлъ выдать двухмѣсячную телку за корову. И подобныя сцены повторялись не разъ и не два.

*) По свѣдѣніямъ извѣстнаго статистика В. И. Орлова, имѣвшаго недавно случай посѣтить Самарскій уѣздъ, число участковъ, принадлежащихъ панамъ, въ Старобуяновской волости не превышаетъ 47. По всей вѣроятности, эта цифра ближе къ дѣйствительности, чѣмъ приведенная нами со словъ панковъ, такъ какъ г. Орловъ, изслѣдуя различныя формы землевладѣнія, имѣлъ возможность пользоваться официальными данными и документами, относящимися къ этому вопросу.

Панки сильно любятъ щегольнуть своими связями съ дворянскимъ, привилегированнымъ міромъ,—любятъ показать, что, несмотря на всю свою захудалость, они все-таки состоятъ въ родствѣ съ тѣми или другими изъ кровныхъ, именитыхъ дворянскихъ родовъ, играющихъ болѣе или менѣе видную роль въ Петербургѣ, при Дворѣ и т. п.

— Вы изъ Петербурга?—спрашивала меня старушка, о которой я только-что упомянулъ.

— Да, послѣднюю зиму я провелъ въ Петербургѣ.

— Не знавали ли вы тамъ фрейлину?—и старушка назвала мнѣ громкую въ аристократическомъ мірѣ фамилію.

— Нѣтъ, не знавалъ.

— Не знавали?... Жаль, жаль... Она при Дворѣ... Софья Николаевна... Говорятъ, красавица писаная!... Она *тоже* рязанская... Намъ она приходится троюродной племянницей. Ея родная мать была урожденная...

И старушка, вполне счастливая, что нашла, наконецъ, человѣка, который, какъ ей казалось, можетъ понять и оцѣнить ея фамильную родовитость, съ увлеченіемъ и любовью начала развивать предо мною родословную своей троюродной племянницы.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что разныя дворянскія традиціи свойственны, главнымъ образомъ, старому, отживающему поколѣнію панковъ. Что касается молодежи, выросшей въ самарской степи, вдали отъ всего, что могло бы такъ или иначе подгрѣвать дворянскую спѣсь, то она почти совершенно чужда всякаго сословнаго гонора.

Да и до гонора ли тутъ, когда единственная хата съ каждымъ днемъ разваливается все болѣе и болѣе, крыша течетъ, въ избѣ холодъ, гниль и смрадъ, когда хлѣба не хватаетъ и до Святой, а въ черный день никто уже не вѣритъ въ долгъ и рубля?... «Что и за честь, когда нечего ѣсть!...» Удивляться ли послѣ этого, что въ молодомъ поколѣніи панковъ нѣтъ и слѣдовъ какихъ-нибудь дворянскихъ традицій, сословныхъ предразсудковъ и т. п.?

Молодой панокъ радъ-радѣшенекъ, если ему удастся жениться на дочери волостного писаря, старшины, торговца, подрядчика, лавочника или даже просто на дочери «справнаго», зажиточнаго мужика. Въ свою очередь и эти послѣдніе также не гнушаются родствомъ съ панкомъ: «тоже вѣдь лестно: что ни говори, а дворянинъ,—хоть и *лапотный*, а дворянинъ!» Но глав-

ною приманкой для мужика въ родствѣ съ панкомъ является земельный участокъ послѣдняго въ шестьдесятъ десятинъ. Этотъ участокъ, съ которымъ панокъ не знаетъ что дѣлать, въ рукахъ мужика — сущій кладъ.

Земельные участки были пожалованы панкамъ подъ условіемъ владѣть ими на правахъ майората; вслѣдствіе этого земля, домъ и все имѣніе переходятъ всегда къ старшему въ родѣ. Въ настоящее время изъ 47 владѣльцевъ на майоратныхъ участкахъ живутъ 45, такъ какъ два участка остались выморочными. Изъ этихъ 45 *только пятеро* сполна обрабатываютъ свои участки; затѣмъ 16 владѣльцевъ обрабатываютъ лишь незначительныя части принадлежащихъ имъ надѣловъ и наконецъ всѣ остальные 24 двора совсѣмъ не ведутъ никакого хозяйства, а всю свою землю сдаютъ въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ.

Крайняя нужда заставляетъ панковъ сдавать свою землю за безцѣнокъ на продолжительные сроки: на пять, на шесть, даже на десять и двѣнадцать лѣтъ. Еще недавно они сдавали свои участки за 50 рублей въ годъ, теперь же обыкновенно берутъ по 70 — 80 рублей за участокъ; но выше ста рублей за участокъ аренда никогда не доходитъ. Между тѣмъ мѣстная арендная цѣна за одну десятину колеблется обыкновенно отъ 5 до 8 рублей.

Безхозяйные панки, сдавши свою землю и получивши деньги, большую часть бросаютъ свои жалкія, полуразвалившіяся лачуги и отправляются по бѣлу свѣту искать счастья.

— Куда же они идутъ? — спрашивалъ я у крестьянъ.

— А Богъ ихъ знаетъ!... Извѣстно — шляются...

— Чѣмъ же они живутъ, чѣмъ занимаются?

— А кто-жь ихъ знаетъ!... Который грамотный, тотъ въ писаря нанимается, другой — въ сидѣльцы идетъ, въ кабакъ али въ лавочку... Такъ и промышляютъ... кой-чѣмъ...

Вообще мужики, въ большинствѣ случаевъ, сильно не любятъ панковъ. Но, сколько я могъ замѣтить, эта нелюбовь не является результатомъ сословной вражды къ привилегированному классу, а вызывается ихъ отношеніями къ этому населенію.

— За что вы не любите панковъ? — спросилъ я однажды Амоса, знакомаго мужика изъ Старога-Буяна.

— Обижаютъ они насъ крѣпко — вотъ за что! — отвѣчалъ Амось. — Иной разъ просто грабежъ дѣлаютъ... Разоряютъ на корень.

— Какъ такъ?

— Земли мы беремъ у нихъ. Сами они не охочи пахать, — наровятъ все въ аренду сдать нашему брату-крестьянину: этимъ больше и живутъ. Вотъ тутъ-то они и нажимаютъ!... Приѣхалъ какъ-то къ панку становой за поземельнымъ. А у того ни алтына за душой, бѣжить ко мнѣ: «такой-сякой, сдѣлай милость, выручай!» У меня въ ту пору случились деньги, отдалъ ему 29 рублей, да ишо пудъ говядины далъ за землю, стало-быть, на предбудущій годъ... Ладно. По веснѣ ѣду пахать, глядь — полосу-то ужъ другой пашеть... Я къ панку: «какъ же ты, молъ, говорю, землю мнѣ сдалъ, деньги съ меня получилъ, а за мѣсто того другому пахать отдалъ?» — «Ну, говоритъ, видно ужъ дѣлать нечего... Хоша я тебя маненичко обнадежилъ, а землю я другому сдалъ и росписку съ нимъ сдѣлалъ, документъ», — говоритъ. — «Ахъ ты, нехристь, говорю, вѣдь ты теперь меня безъ хлѣба оставилъ!» — «Ты, говоритъ, не смѣй меня ругать, потому у меня документъ, а ты — съ пустыми руками... Твои деньги, говоритъ, не пропадутъ, я тебѣ ихъ выплачу опосля».

— Ну, и что же, уплатилъ?

— Какъ же! Жди съ него... Долгу, говоритъ, дологъ вѣкъ.

— Но вѣдь не всѣ же панки такъ поступаютъ?

— Положимъ, не всѣ, это вѣрно, только есть у нихъ такіе народы — только и думаютъ, какъ бы человѣка провести, да какъ бы сорвать съ него...

И подобные отзывы о панкахъ можно слышать отъ многихъ окрестныхъ крестьянъ.

— Прежде у насъ и слыхомъ не слыхать, чтобы росписки на землю дѣлать, — говорятъ мужики: — все было по совѣсти, честью, по душѣ, по-божьему, — а какъ завелись у насъ панки, такъ и пошли документы, пошли записи разныя. Теперь безъ росписки у панка и десятины нельзя снять: либо онъ ту же землю другому человѣку сдастъ, либо въ другой разъ новыя деньги съ тебя стребуетъ... Вѣдь вотъ какіе Ироды, прости Господи!...

Побывавши въ двухъ-трехъ избахъ панковъ, я поѣхалъ затѣмъ далѣе, на Красные-Дворы. На одномъ изъ луговъ, вблизи отъ дороги, виднѣлись двѣ человѣческія фигуры, занятыя косью сѣна.

— Тоже панки,—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая на косцовъ. Высокій, нескладный мужчина широко, но неловко и неуклюже размахивалъ косою-стойкой; на немъ была бѣлая или вѣрнѣе сѣрая отъ грязи посконная рубаха, старыя штаны изъ синей полинявшей пестряди и лапти, надѣтые на онучи, поднимавшіяся почти до колѣнъ и туго подвязанныя веревками. Въ чертахъ его лица, грубаго, загорѣлаго, заросшаго щетинистою бородой, трудно было подмѣтить слѣды и признаки, которые бы говорили о работѣ мысли; за то нужда положила свою тяжелую печать на впалыя щеки, на сухія, блѣдныя губы, на лобъ, изрытый глубокими морщинами. Не вдалекѣ отъ него сгребала прежде скошенное сѣно женщина съ изнуреннымъ, болѣзненнымъ лицомъ, въ ветхомъ ситцевомъ, высоко подобранномъ, платьѣ, которое она быстро поспѣшила оправить, какъ только замѣтила наше приближеніе.

— Ишь косою-то машеть!—замѣтилъ про себя ямщикъ, глядя на панка.—Совсѣмъ зря...—И затѣмъ, обращаясь ко мнѣ и кивая головой въ сторону панковъ, какъ-то особенно многозначительно проговорилъ: — Въ лап-тахъ!...

— Ну, такъ что-жь?

— Да такъ, ничаво... Долго вишь они не хотѣли этихъ самыхъ лаптей одѣвать, все крѣпились,—то-есть, бывало, босые ходять, а лаптей не одѣваютъ... Ну, одначе, какъ-никакъ, а одѣли же!... Теперъ въ лаптяхъ щеголяютъ не хуже насъ грѣшныхъ.

II.

«Опростившіеся».

Побывавъ у менонитовъ, я возвращался обратно въ Самару; мой путь снова лежалъ чрезъ поселекъ панковъ. Не доѣзжая до него, на станицѣ Красные-Дворы, я встрѣтился на вѣззѣй съ однимъ изъ мѣстныхъ земцевъ, г. Х., спѣшившимъ въ Самару на какое-то экстренное земское собраніе.

Х. извѣстенъ въ средѣ мѣстнаго общества какъ знатокъ края и присяжный говорунъ на всякаго рода оппозиціонныхъ собраніяхъ. Родъ его считался однимъ изъ самыхъ старинныхъ и почетныхъ родовъ самарскаго дворянства. Но въ послѣднее время весьма упорно держится слухъ, что огромное, нѣкогда цвѣтущее, прекрасное имѣніе его пришло въ окончательное раз-

стройство; ходять слухи о залогахъ, перезалогахъ, долгахъ, векселяхъ и т. п.

Мы встрѣтились какъ знакомые, — намъ не разъ приходилось передъ этимъ сталкиваться у общихъ знакомыхъ. Х. тотчасъ же настоялъ на томъ, чтобъ ѣхать далѣе вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ съ нимъ; у него была удобная, покойная коляска, хотя и довольно ветхозавѣтнаго устройства. Въ ожиданіи, пока подадутъ лошадей, мы занялись чаепитіемъ.

— Панковъ видѣли?—спросилъ Х. послѣ того, какъ мы обмѣнялись съ нимъ первыми впечатлѣніями, обычными при встрѣчѣ въ дорогѣ.

— Какже, видѣлъ.

— «Всѣ тамъ будемъ!»—многозначительно и мрачно проговорилъ земець и вдругъ замолчалъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Очень просто. Что такое панки?—Плотъ и кровь наша, это мы сами. Они ужь обнищали, а мы еще кое-какъ держимся, кое-какъ концы съ концами сводимъ. Они захудали вчера, а мы захуаемъ завтра... Вѣрно-съ!... Когда я смотрю на панковъ, на ихъ лачуги жалкія, на выбитыя окна, на лапти, — я каждый разъ думаю: вотъ она — будущность-то наша, будущность русскаго дворянства!... И повѣрите ли, просто мурашки по кожѣ идутъ, какъ вспомню, что можетъ-быть моему же сынишкѣ, моей дочуркѣ придется... придется эти самые лапти на ноги одѣвать...

Въ голосѣ рассказчица звучала нота такой неподдѣльной, искренней грусти и горечи, что мнѣ невольно захотѣлось что-нибудь сказать ему въ утѣшеніе.

— Полноте! Откуда такой пессимизмъ?... Посмотрите, какъ много дворянъ, которые прекрасно ведутъ свое хозяйство.

— Не говорите этого!—горячо перебилъ меня Х.—Дворянскія земли у насъ въ Самарской губерніи тають какъ воскъ, какъ снѣгъ. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ онѣ уплываютъ въ чьи-то заgreбистыя руки. Это—не фраза. Судите сами: еще въ 1878 году дворянскихъ земель въ нашей губерніи было 2.200.000 десятинъ, а теперь, къ 1881 году, остается лишь 1.900.000 десятинъ... Какъ это вамъ покажется?... Вѣдь это значитъ, что въ теченіе *трехъ лѣтъ* дворянскихъ земель убавилось на 300.000 десятинъ! Развѣ это не ужасно? Развѣ отъ этого нельзя придти въ отчаяніе?...

Собесѣдникъ мой въ волненіи прошелся по комнатѣ, зата-нулся раза два асмоловскимъ табакомъ и затѣмъ продолжалъ:

— Если въ три года дворянство потеряло 300.000 десятинъ земли, стало-быть ежегодно оно теряетъ по 100.000 десятинъ... Вѣрно?... Такимъ образомъ, если настоящіе порядки продолжатся (а имъ нѣтъ никакихъ причинъ не продолжаться), то меньше чѣмъ чрезъ двадцать лѣтъ всѣ дворянскія земли, до послѣдней десятины, перейдутъ въ руки... ну, Разуваевыхъ, что ли, а о дворянствѣ останется лишь одно воспоминаніе...

Я видѣлъ, что мой собесѣдникъ попалъ на свой излюблен-ный конекъ; съ каждою минутой онъ воодушевлялся все болѣе и болѣе.

— Нѣтъ, пусть намъ отвѣтятъ, прямо и опредѣленно отвѣтятъ,—продолжалъ онъ,—что намъ дѣлать? Положимъ, я знаю, много есть отвѣтовъ на этотъ вопросъ; но, скажите по совѣсти, развѣ всѣ эти отвѣты — не фразы, не игра въ слова?... Недавно еще на одномъ изъ нашихъ дворянскихъ собраній за-являлись такія рѣчи: «вопросъ дворянства—вопросъ аграрный! Дворянство, молю, съ каждымъ годомъ теряетъ свою землю, а вмѣстѣ съ ней и свое значеніе, свою силу; такимъ образомъ, дескать, единственно, что можетъ сдѣлать въ настоящую минуту дворянство—это слиться съ народомъ и стать совершенно съ нимъ равноправнымъ!...» Какъ это мило, опредѣленно,—не правда ли? Слейся, молю, съ «мужичкомъ» и—дѣло съ концомъ!... А между тѣмъ это говорилъ человѣкъ безусловно почтенный, серьезный, достойный всякаго уваженія... И ваши газеты превознесли его за эту рѣчь чуть не до небесъ...

И Х. съ укоромъ покачалъ мнѣ головой, какъ будто въ моемъ лицѣ онъ далъ выговоръ всѣмъ русскимъ газетамъ. Но чрезъ минуту онъ снова продолжалъ:

— Нѣтъ, вы посмотрите, какъ эти самые «мужички-то», съ «сѣденькими бородками»,—какъ они землю-то скупаютъ, какъ они имѣнія свои округляютъ! Вотъ, на примѣръ, *крестьянинъ* Новоузенскаго уѣзда — тоже стало быть «мужичокъ», по фамиліи Кобзарь. имѣетъ въ своемъ уѣздѣ ни больше, ни меньше какъ 50 тысячъ десятинъ, да въ Николаевскомъ еще 10 тысячъ,—итого, стало-быть, ровно шестьдесятъ тысячъ десятинъ земли-цы... Какъ вамъ это нравится? Вы, можетъ-быть, скажете, что это единственный примѣръ, исключеніе и т. п.?... Такъ вѣдь нѣтъ-съ,—такихъ мужичковъ я вамъ цѣлую прорву насчитаю!...

Пшеничный, напимѣрь, тоже какъ есть крестьянинъ, «мужичокъ», «съ сѣденькою бородкой» и все такое, а у этого «мужичка» 30 тысячъ десятинъ чернозема, да вѣдь какого чернозема—первый сортъ!...

— И вѣдь они на этомъ не останавливаются! — кипятился мой собесѣдникъ,—а все скупаютъ, все округляютъ дальше и больше... Чуть *онъ* услышитъ гдѣ о торгахъ, объ аукціонѣ, о продажѣ, онъ—тутъ какъ тутъ. Приходитъ—чумазый, грязный, засаленный, становится въ уголокъ... Начинается торгъ; объявляютъ оцѣнку: «тридцать тысячъ, молъ,—кто больше?»... Происходитъ состязанье. Землю хочетъ приобрести князь Г.,—она ему кстати, рядомъ съ его имѣніемъ. Но и скупщики различные, которые какъ вороны слетаются на каждый аукціонъ, не прочь захватить въ свои руки землю. Догоняютъ цѣну до 50 тысячъ. Тогда скупщики, видя, что князь «взялся не на шутку» и оставить не думаетъ, бросаютъ торговаться. Такимъ образомъ остается одинъ князь. «50.000! — провозглашаетъ заправитель торговъ,—кто больше?» Всѣ молчатъ.—«Кто больше?»—Снова молчаніе. Князь уже считаетъ землю своею. Въ третій, въ послѣдній, разъ провозглашаютъ: «Кто больше?»—«Копѣйка!»—вдругъ раздается изъ угла. Это Пшеничный. Князь раздосадованный неожиданнымъ появленіемъ новаго конкурента и желая сразу раздавить его, говоритъ: «Тысяча рублей!»—«Копѣйка!»—говоритъ Пшеничный. Князь видитъ, что дѣло не ладно, уменьшаетъ кушъ: «Сто рублей!»—говоритъ онъ.—«Копѣйка!»—говоритъ Пшеничный... Наконецъ, только и слышно въ залѣ: «сто рублей!»—«копѣйка», «сто рублей!»—«копѣйка». Князь видимо начинаетъ терять хладнокровіе.—«Тысяча рублей!»—говоритъ онъ,—сильно возвышая голосъ.—«Копѣйка!»—слышится изъ угла.—«Тысяча!»—еще громче говоритъ князь.—«Копѣйка!»—вторитъ Пшеничный... Князь, выведенный изъ себя, заявляетъ, что необходимо удостовѣриться, имѣетъ ли его конкурентъ требуемый закономъ залогъ, на случай еслибы земля осталась за нимъ. Заправитель торговъ обращается къ Пшеничному. «Не сумлевайтесь,—заявляетъ тотъ, ни мало не обижаясь,—денежки при насъ!» Распоясывается, лѣзетъ за пазуху и вытаскиваетъ оттуда грязный-прегрязный, засаленный и вонючій платокъ, въ которомъ оказывается цѣлая груда пачекъ съ радужными бумажками... «Пять тысячъ рублей!»—говоритъ князь, брезгливо оглядывая своего противника.—«Копѣйка!»—какъ эхо отзывается Пшеничный.

укладывая свои деньги. — «Пять тысяч!» — почти кричит князь. — «Копѣйка!» — понижая голосъ, говоритъ Пшеничный. Князь взбѣшенъ. — «Десять тысячъ рублей!» — кричитъ онъ въ азартъ, не владея собой. — «Копѣйка!» — чуть слышно шепчетъ Пшеничный.

— За кѣмъ же осталась земля?

— За чумазымъ! — съ чувствомъ искренняго негодованія отвѣчалъ мой собесѣдникъ. — Князь шелъ до восьмидесяти тысячъ, но чумазый доконалъ его своей копѣйкой. Такъ за восемьдесятъ тысячъ и одну копѣйку взялъ себѣ чумазый землю. Теперь сосѣдь съ княземъ... И вѣдь какая жадность у этихъ животныхъ къ землѣ! Какъ-то разъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ спрашиваетъ Пшеничнаго: «Зачѣмъ, молю, тебѣ понадобилось столько земли?» — «Да вотъ, говоритъ, хочу до ста тысячъ десятинъ догнать, а тамъ и брошу, — шабашъ, дескать, довольно съ насъ!» Но на дѣлѣ оказывается, что они и на ста тысячахъ не останавливаются. У Мальцева, на примѣръ, — тоже крестьянинъ, — бо бѣе ста пятидесяти тысячъ, однако онъ и не думаетъ остановиться на этомъ и опочить на лаврахъ. 150.000 десятинъ — да вѣдь это чуть не цѣлый уѣздъ! Цѣлый уѣздъ составляетъ собственность чумазаго. Гдѣ-нибудь въ Германіи не много найдется владѣтельныхъ князей, которые бы располагали такими имѣніями, а у насъ, изволите видѣть, «мужичокъ»...

— Лошади готовы! — доложилъ хозяинъ въѣзжей.

Черезъ пять минутъ мы уже выѣзжали изъ села. По обѣ стороны дороги пестрѣли, разбѣгаясь въ даль, длинныя, безчисленныя полосы полей; какъ снѣгъ бѣлѣла греча, а рядомъ съ ней черною полосой лежалъ только-что вспаханный паръ; ярко желтѣлъ подсолнухъ; густою зеленью отливало просо; безбрежное море колосьевъ спѣлой ржи серебрилось.

— Какая прелесть поля-то! — замѣтилъ Х., любовно поглядывая по сторонамъ. — А вѣдь по большей части все это чумазаго. Я навѣрное знаю...

— Вы можетъ-быть думаете, — продолжалъ онъ, — что разные Пшеничные, Мальцевы и т. п. господа, будучи сами мужиками, хорошо, по-человѣчески относятся къ крестьянамъ? — Ни чуть не бывало! Этотъ же самый Мальцевъ снимаетъ у казны 6.000 десятинъ земли по 1 рублю 25 коп. за десятину, а отдаетъ крестьянамъ, своимъ братьямъ-мужичкамъ, по десяти рублемъ за десятину... Вотъ вамъ и солидарность интересовъ!... Но что всего ужаснѣе въ этомъ, отъ чего дѣйствительно можно

съ ума сойти, такъ это то, что сами «мужички», которыхъ на всѣ лады обьегориваетъ какой-нибудь Мальцевъ, относятся къ нему несравненно лучше, чѣмъ къ любому изъ тѣхъ добродѣтельныхъ и либеральныхъ помѣщиковъ, которые толкуютъ о «сляніи» и искренно желаютъ мужику всего хорошаго...

Вскорѣ показали первые домики панковъ.

— Вотъ они «опростившіеся» дворяне!—сказалъ мой спутникъ, указывая на стоявшаго у одного изъ домиковъ панка, одѣтаго въ какое-то странное, рваное рубище.—И къ чему это вздумали у нихъ майоратъ ввести!... Захотѣли, изволите видѣть, англійскіе порядки въ Самарской губерніи вводить. Ну, понятно, что вышло чортъ знаетъ что такое!... Вы вотъ поразились той нуждой, какую видѣли у панковъ; но что бы вы сказали, еслибы вы увидали семейства тѣхъ младшихъ братьевъ изъ нихъ, которые, благодаря майорату, остаются безъ земли, безъ хаты, безъ хлѣба,—словомъ, круглыми бездомными пролетаріями, нищими въ полномъ значеніи слова?

— А много такихъ семействъ?

— По статистикѣ считается пятьдесятъ семей. Если положить только по четыре души на семью, то и тогда получимъ двѣсти человѣкъ нищихъ. И это—прямой результатъ майората.

— Куда же дѣваются всѣ эти несчастные?

— Ну, этого и статистики не знаютъ... Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ панковъ батраками у крестьянъ, ямщиками на станціяхъ... Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и «хозяйные» панки живутъ гораздо хуже крестьянъ... Не правда ли, это странно?... Но тѣмъ не менѣе это такъ. У большинства изъ панковъ одна лошадь, одна корова. Всего же на все лошадей у панковъ считается (по статистикѣ) 67 штукъ и 58 коровъ, тогда какъ крестьяне на то же самое количество земли держатъ 700 лошадей, 500 коровъ, да кромѣ того каждый крестьянскій дворъ имѣетъ еще овецъ отъ 10 до 20 штукъ. И все это при надѣлѣ *пяти* десятинъ на душу!... А посмотрите хозяйство панковъ, засѣвы ихъ. У насъ въ Самарской губерніи вездѣ трехпольное хозяйство, у панковъ же только у весьма немногихъ вы встрѣтите такое хозяйство, а большею частью однопольное, т.-е. вся земля, какая есть, засѣвается ежегодно!... Какъ видите, ужъ очень просто. Сами панки объясняютъ жалкое состояніе своего хозяйства невозможностью пользоваться тѣми выго-

дами, какія имѣютъ крестьяне съ ихъ общественными порядками. Я знаю, насколько это справедливо... А вѣдь, замѣтьте, все это потомки кровнаго, столбового дворянства; спросите ихъ фамиліи: все это — Шаховы, Чернышевы, Ромодановскіе и проч. и проч... Теперь же они ничѣмъ не отличаются отъ мужика; ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ они отнюдь не стоятъ выше мужика. Скорѣе можно утверждать противное. Во время земскихъ выборовъ панги за водку дѣлаютъ все, что угодно...

Мой спутникъ какъ-то вдругъ, разомъ, смолкъ.

— Стой, стой! — крикнулъ онъ ямщику, лихо гнавшему тройку.

Ямщикъ придержалъ лошадей.

— Что такое?—спрашиваю я.

— Смотрите, смотрите, — шепталъ Х., впиваясь глазами куда-то вдаль.

Высокая, стройная фигура молодой дѣвушки медленно двигалась по дорогѣ на встрѣчу намъ, по направленію къ одному изъ стоящихъ по близости домиковъ. Вотъ она уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Какая-то грубая дерюга облегла ее молодая, пышная формы. Она была босая, съ непокрытою головою. Красивыя, стройныя ноги ея были въ пыли и въ грязи; обнаженные до локтя, изящныя руки съ маленькою породистою кистью придерживали коромысло, которое она несла на плечѣ съ двумя ведрами воды. Она сошла съ дороги и приостановилась на минутку, чтобы поправить коромысло. Предъ нами была юная, цвѣтущая красавица. Тонкія черты лица оживлялись взглядомъ большихъ, глубокихъ, темно-синихъ глазъ, свѣтящихся изъ - подъ длинныхъ изогнутыхъ рѣсницъ; загаръ не скрывалъ нѣжности кожи и прекраснаго цвѣта лица. Замѣтивъ насъ, она вдругъ сконфузилась, густой румянецъ залилъ ея лицо; поправивъ наскоро коромысло и низко потупивъ голову, она направилась къ домику, стараясь шагать осторожно, чтобы не расплескать воды.

— Волоса-то, смотрите—волоса-то, — говорилъ Х., провожая взглядомъ красавицу, — словно пѣна морская!... Это дочь панка. Я знаю ея отца: несчастный, бѣднякъ, нищій... Вы замѣтили ноги ея—въ глинь, въ грязь?... А глаза-то!... Господи, бѣдная ты, бѣдная!—съ чувствомъ закончилъ мой спутникъ.

— Пошелъ!... Живо!—крикнулъ онъ ямщику.

— Этакую барышню бы въ Питеръ, въ бельэтажъ, на балъ, въ модное ландо!... А она можетъ-быть сейчасъ въ хлѣсъ пойдетъ — корову доить, навозъ убирать... Боже, да что-жь это такое?!...

Спутникъ мой замолчалъ и вплоть до Старого-Буяна хранилъ упорное молчаніе.

А. Борецкой.

Наука и женщины.

Эдвинги Домъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НЕМѢЦКАГО.)

VI *).

Возвратимся къ г. фонъ-Бишофу. Основаній, на которыхъ онъ строитъ свою теорію, долженствующую отпугнуть женщинъ отъ медицинской науки, пять. Вотъ онѣ: 1) *возбужденіе чувства отвращенія*, 2) *нарушеніе стыдливости*, 3) *болѣзненность женщины*, 4) *грубость студентовъ* и 5) *неавторитетность женщины*.

Такъ какъ я пламенно желаю служить новому порядку, рѣшительно несогласному съ воззрѣніями г. фонъ-Бишофа, то я не имѣю никакой возможности оставить безъ опроверженія его главнымъ основанія, относящіяся къ физической жизни женщины.

1. *Медицинскія занятія возбуждаютъ отвращеніе.*

«Всякій мужчина,—говоритъ г. фонъ-Бишофъ,—долженъ имѣть великое уваженіе къ цѣли и въ высокой степени обладать силой абстракціи средствъ, чтобы быть въ состояніи побѣдить отвращеніе къ трупу и къ занятіямъ съ нимъ. Но побѣдить это отвращеніе—обязанность и задача мужчинъ. Для женщины это невозможно, или оно служитъ признакомъ чрезвычайной грубости чувства и характера. И это должны быть тѣ существа, которымъ рекомендуются больнымъ, какъ гуманные и сострадательные врачи. Это—оскорбленіе и грѣхъ противъ природы, въ моихъ глазахъ столько же непростительный, сколько грѣхъ противъ Святого Духа».

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

Въ другомъ мѣстѣ г. фонъ-Бишофъ, напротивъ, утверждаетъ, что женщины очень способны ухаживать за больными и отъ природы превосходныя сидѣлки.

Я спрашиваю самыхъ нѣжныхъ изъ моихъ сестеръ: еслибы вамъ предоставили свободный выборъ, что бы вы лучше сдѣлали: вы согласились бы лучше у живого человѣка вымывать его гнойныя и кровавыя язвы, въ то время, какъ его стоны раздираютъ вамъ уши,—или на мертвомъ тѣлѣ изслѣдовать жилы, мускулы и кости съ научною цѣлью?

Я предпочла бы послѣднее; но о вкусахъ не спорять.

Статья можетъ, г. фонъ-Бишофъ скажетъ, что у одра болѣзни милосердіе и любовь къ человѣчеству помогаютъ женщинамъ превозмочь отвращеніе.

Я отвѣчу на это вотъ что. Всеобщая любовь къ человѣчеству есть самая абстрактная, самая возвышенная изъ всѣхъ добродѣтелей; и если женщина въ состояніи дѣйствовать подъ ея влияніемъ, то она будетъ обладать такою же силой абстракціи, какъ и любой глупый малый (или всѣ слушатели вашихъ лекцій по анатоміи поголовно даровитые юноши?), которому «возвышенность предположенной цѣли» даетъ возможность преодолѣть отвращеніе къ трупу.

Доколѣ г. фонъ-Бишофъ не можетъ гарантировать сидѣлкѣ, что солдатъ, переданный ея попеченію, будетъ настолько обладать чувствомъ приличія, что дозволить себя ранить лишь въ верхнюю часть тѣла; доколѣ каждый паціентъ госпиталя, одержимый сколько-нибудь неприличной болѣзью, не будетъ обязанъ обходиться безъ сидѣлки; доколѣ ей не будетъ любезно предложено небольшое ведро eau de cologne для ежедневнаго потребленія, — дотолѣ я позволяю себѣ думать, что у одра болѣзни настолько же оскорбляется чувство стыдливости и возбуждается отвращеніе, насколько въ этомъ обвиняется секціонный столъ.

И почему же, скажите, акушерки должны непременно притупить свои нѣжныя чувства, а кухарки и женщины, торгующія мясомъ или дѣйствующія метлой въ зловонныхъ мѣстахъ,—нѣтъ?

Я убѣждена, еслибы поденный гонораръ сидѣлки равнялся 10-ти золотымъ, такъ не было бы въ мірѣ занятія менѣе свойственнаго женщинамъ, нежели это; ни одно не оскорбляло бы столько женскую стыдливость, не возбудило бы сильнѣйшаго отвращенія и, по обычной благосклонности, никогда болѣе не возла-

гали бы на слабую женщину столь тяжелой обязанности, какъ ухоть за больными!

Руку на сердце, г. фонъ-Бишофъ, что бы вы сдѣлали съ вашей кухаркой, которая отказывалась бы рѣзать угря, къ которому вы питаете слабость, и вздумала бы извиниться передъ вами своими нѣжными чувствами? Неужто вы не прогоните этой вашей кухарки именно вслѣдствіе такой умилительной нѣжности ея чувствъ и не замѣните ее другой, болѣе жестокосердой?

Когда кухарка, г. фонъ-Бишофъ, не считаетъ нужнымъ падать въ обморокъ передъ трепыхающейся курицей или рыбой, чтобы доказать свои женскія чувства, когда вы оставляете въ покоѣ повивальныхъ бабокъ, мясоторговокъ, сидѣлокъ etc., не тревожа ихъ своею полемикою, — то не проклинайте же и женщину-врача за то, что она владѣетъ здоровыми нервами, — за то, что она своей энергіей, нравственною силой и, вѣроятно, также силою привычки умѣетъ заглушать извѣстныя чувства и побужденія, которыя бесполезны и для нея, и для другихъ людей.

Вы смѣшиваете двѣ различныя стороны дѣла: слабые нервы или нѣжныя чувствованія съ истинными благородными чувствами, вытекающими изъ всего строя міросозерцанія и не состоящими въ вибраціи лишь той или другой пары нервныхъ волоконъ.

Въ виду этого положенія, вы навѣрное не сочтете меня за женщину съ нѣжными чувствами и подумаете, что у меня характеръ мужчины; и, однако, я могу васъ увѣрить, что уже одинъ взглядъ на мертвую мышъ наполняетъ меня ужасомъ; мало того, чувство отвращенія такъ легко возбуждается во мнѣ, что мнѣ дѣлается дурно, когда я вижу свѣтлую капельку подъ носомъ ребенка.

Но вамъ, г. фонъ-Бишофъ, нѣтъ надобности, вслѣдствіе этого, почестъ меня за «прекрасную душу». Это столь сильная отзывчивость чувства не есть симптомъ болѣзненныхъ нервовъ, и эта виртуозность чувства отвращенія, эта нѣжность ничего болѣе мнѣ не приносили, кромѣ насмѣшекъ или, въ лучшемъ случаѣ, состраданія со стороны серьезныхъ и солидныхъ людей.

Справедливо то, что милыя дамы общества, истомленные тысячу и однимъ романомъ и снабженные всѣми обычными атрибутами нѣжныхъ чувствъ — нервными болями, косметиками, кружевами, вѣерами *et tutti quanti*, большею частью, при видѣ секціоннаго стола, упадутъ въ обморокъ. Но эти же самыя деликат-

ныя чувства, при случаѣ, не помѣшаютъ имъ утонченнымъ кокетствомъ мучать вѣрное и преданное сердце или гнусною клеветой разрушить счастье жизни одной изъ самыхъ достойныхъ сестеръ своихъ.

Не безпокойтесь, милыя дамы, подобныя маленькіе салонныя грѣшки не скомпрометируютъ вашей нѣжной женственности до тѣхъ поръ, пока мужчины рѣшаютъ, что женственно и что не женственно.

Впрочемъ, если г. фонъ-Бишофъ совершенно серьезно и вполне искренне хлопочетъ о сохраненіи или возстановленіи нѣжныхъ чувствъ женщины, то я обращаю его вниманіе на такое поле, гдѣ онъ можетъ величественно и широко развернуть свое рыцарское знамя.

Сотни двѣ женщинъ - врачей, уже по причинѣ оной своей малочисленности, не могутъ произвести значительнаго изъяна въ мірѣ женскихъ нѣжныхъ чувствъ.

Хотите ли знать, что искореняетъ нѣжныя чувства до послѣднихъ фибръ, истребляетъ безвозвратно?

Это—бѣдность!

Изъ ста проституткозъ 99 лишились своихъ деликатныхъ чувствъ въ интересъ своего желудка.

Даже и о дантистахъ г. фонъ-Бишофъ не хочетъ ничего знать.

«Положимъ, — говоритъ онъ, — женщина обладаетъ силой, увѣренностью и спокойствіемъ въ своихъ движеніяхъ настолько, что она въ состояніи выполнять зубныя операціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что эти послѣднія требуютъ известной степени грубости и безчувственности, которая еще *простительна мужчинамъ, — ибо мы отъ него ничего другого и не ожидаемъ*, — въ женщинѣ же производятъ самое шокирующее и, можно сказать даже, самое отвратительное впечатлѣніе».

Никто не думаетъ, г. фонъ-Бишофъ, раздѣлять ваше снисхожденіе къ грубости и безчувственности мужчинъ! Каждый пациентъ, чуть только прослышитъ что-нибудь похожее на эти «естественныя» свойства врача, вышвырнетъ его за дверь. Я столько же презираю грубаго и безчувственнаго мужчину, сколько грубую и безчувственную женщину, и это, кромѣ васъ, дѣлаетъ всякій.

Я не могла безъ смѣха читать вышеприведенное мѣсто. Я при этомъ вспоминала о нашей первой берлинской дантисткѣ, о

маленькой, чрезвычайно нѣжной и слабой женщиной, дочери Тибуртуса, которая столь недавно, при помощи усыпленія, съ такою ловкостью выдернула у меня громадный коренной зубъ. Не забудьте, г. фонъ-Бишофъ, въ бытность вашу въ Берлинѣ, посѣтить эту достойную даму и превосходнаго зубнаго врача *)). Вѣдь вы нуждаетесь въ примѣрахъ для иллюстраціи вашихъ теорій.

«Какая женщина, — спрашиваетъ г. фонъ-Бишофъ, — въ состояніи выполнить операцію?»

Г-нъ анатомъ, думаете ли вы на самомъ дѣлѣ, что зубной врачъ, чтобы выдернуть зубъ, нуждается въ большей мышечной силѣ, нежели танцовщица въ силѣ ногъ, чтобы производить свои воздушные скачки? И вы не изрекаете анаэмы противъ этихъ ногъ?

Да и прачка, которая стираетъ съ трехъ часовъ ночи вплоть до слѣдующаго вечера, должна имѣть больше мышечной силы, нежели врачъ при хирургической операціи. Почему же вы позволяете этимъ рукамъ и ногамъ тратить столько физической силы?

А канатная танцовщица съ своими стальными мускулами?... Разите же вашими громами эту живую пружину, которая можетъ надѣлать своей мускульною силой полдюжину ординарныхъ профессоровъ.

Эти дамы, въ глазахъ мужчинъ, являются осѣненными ореоломъ восхитительной женственности (за исключеніемъ, разумѣется, прачекъ), и — «anathema sit», при взглядѣ на нихъ, расплывается въ улыбку восторга. Эти женщины выполняютъ все, что мужчины обыкновенно требуютъ отъ *прекраснаго пола: они забавляютъ ихъ!*

2. Другое основаніе противъ изученія женщинами медицины — *поврежденіе стыдливости.*

«Какъ вѣрно, — замѣчаетъ г. фонъ-Бишофъ, — что женскій полъ, отъ природы, благоправнѣе, стыдливѣе и цѣломудреннѣе мужского, такъ вѣрно и то, что необходимое пренебреженіе и игнорированіе этихъ свойствъ женскаго характера, которое влечетъ за собою занятіе медициной, уже само по себѣ есть безусловное проклятіе этой безнравственной затѣи нашего времени».

*) Г-жа Генріетта Тибуртусъ (урожд. Гиршфельдъ) получила свое спеціальное образованіе въ филадельфійской коллегіи и тамъ же достигла докторской степени. Она въ короткое время приобрѣла огромный успѣхъ на своей родинѣ и въ настоящее время помощи ея ищутъ преимущественно женщины высшаго берлинскаго общества, въ особенности для пользованія дѣтей. *Прим. перевод.*

Я, просто, перифразирую это положеніе и говорю: Какъ вѣрно то, что женскій полъ отъ природы благонаравнѣе, стыдливѣе, цѣломудреннѣе, нежели мужской и т. д., такъ вѣрно и то, что мы должны изречь безусловное проклятiе тому безнравственному обыкновенію многихъ вѣковъ, которое допускало мужчинъ къ лѣченію женскихъ болѣзней.

Daily News, въ апрѣлѣ 1860 года, сообщилъ слѣдующій фактъ. Въ одномъ городѣ Страфордшира, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, миссъ Гарриетъ Бурдонъ просила должности въ регистратурѣ рождаемости и смертности. Она добилась того, что ее записали на ваканцію, требовавшую не болѣе трехъ кандидатовъ. Но одинъ священникъ горячо протестовалъ противъ ея назначенія, указывая, между прочимъ, на то, что, при исполненіи своей обязанности, она принуждена будетъ слушать грубыя слова. Ея защитникъ тщетно возражалъ, что она, главнымъ образомъ, будетъ имѣть дѣло съ родильницами; но мнѣніе священника взяло верхъ и миссъ Бурдонъ получила отказъ.

Стыдливой женщинѣ должно быть невыносимо толковать въ дѣловомъ тонѣ съ другими женщинами о половыхъ отношеніяхъ! Но, натурально, ея стыдливости не наносится никакого ущерба, когда ее принуждаютъ толковать о такихъ вещахъ съ мужчинами, памятуя, конечно, что въ этомъ случаѣ мужчины не остаются въ убыткѣ.

Г. фонъ-Бишофъ совершенно увѣренъ въ томъ что «иная женщина гораздо охотнѣе открываетъ свои секретныя болѣзни, какъ это обыкновенно называла старая медицина, мужчинъ, чѣмъ женщинъ». Только безстыдная женщина можетъ позволить себѣ такую удивительную откровенность. Такой человекъ, какъ г. фонъ-Бишофъ, стоитъ рѣшительно выше всякаго подозрѣнія въ знакомствѣ съ такою женщиной и мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что почтенному профессору эти смѣлыя слова были внушены только его гениемъ... Но я все-таки сомнѣваюсь.

Я была повѣренной многихъ больныхъ женщинъ и знаю, сколько печали и слезъ стоило даже женщинамъ съ сильнымъ характеромъ прежде, чѣмъ онѣ приходили къ рѣшенію—посоветоваться съ докторомъ.

Громадное большинство женщинъ предпочитаетъ медленную смерть изслѣдованіямъ врача.

Одна дама, которая въ бостонскомъ госпиталѣ изучала женскія и дѣтскія болѣзни, доказываетъ, что весьма часто грубыя

женщины изъ низшихъ классовъ на вопросъ, почему онѣ, страдая застарѣлою болѣзною, прежде не прибѣгали къ помощи врача, — отвѣчали: «Какъ? Вѣдь я не могла съ своею болѣзнію обратиться къ мужчинѣ!... Но я до сихъ поръ не знала, что женщины занимаются такими вещами (did this work)»^{*)}). Лишь въ скоротечныхъ болѣзняхъ женщины спѣшатъ посоветоваться съ врачомъ. Изабелла Бастильская умерла, стыдясь довѣриться врачу^{**}).

^{*)} Дама эта — миссъ Джексъ-Бэксъ; фактъ этотъ сообщенъ ею въ вышеупомянутой брошюрѣ. Тамъ же она рассказываетъ и слѣдующій случай: „Нѣсколько времени тому назадъ три женщины, изъ совершенно различныхъ слоевъ общества, обратились къ намъ (т. е. къ самой миссъ Вэксъ) за медицинскою помощью; но такъ какъ въ Эдинбургѣ мы не имѣли права лѣчить, то и принуждены были отказать имъ, совѣтуя обратиться къ доктору-мужчинѣ. И всѣ эти три женщины, побуждаемыя стыдливостью, не рѣшились воспользоваться нашимъ совѣтомъ и остались безъ медицинской помощи“.

Прим. перес.

^{**}) Въ Индіи настоятельно требуютъ женщинъ врачей для оказанія помощи женщинамъ и дѣтямъ (*Delhi Gazette* 1866 г.). Въ этой странѣ существуетъ обычай держать знатныхъ дамъ почти въ заточеніи, и онѣ готовы скорѣе умереть, чѣмъ обращаться за помощью къ доктору-мужчинѣ (*The Queen*. 8 June 1872). Правительство Англіи уже распорядилось о подготовленіи туда женской врачебной миссіи. Какъ доказательство искренняго желанія индійскихъ женщинъ пользоваться помощью медиковъ-женщинъ, мы можемъ рассказать слѣдующій фактъ. Одна дама, обладавшая нѣкоторыми свѣдѣніями въ медицинѣ, но не имѣвшая медицинскаго диплома, была отправлена нѣкоторымъ обществомъ въ Индію (декабря 1870 г.). *Treasures F. B. Winter* рассказываетъ, что ее тамъ буквально осадили больныя и что сама она посѣщала на дому знатныхъ дамъ (zepanas). Со временемъ число визитовъ ея еще больше увеличилось; ей приходилось дѣлать въ день, среднимъ числомъ, до 17-ти визитовъ на дому, а въ больницу, устроенную ею съ большимъ стараніемъ для больныхъ уединеніи, приходило больныхъ вдвое болѣе. Докторъ de Vareilly, въ 1870 г., учредилъ въ Индіи медицинскую школу для притоговленія женщинъ-врачей и принималъ всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Нѣкоторые изъ обучающихся въ школѣ уже занимаются практикой. Имъ преподаются: химія, медицина и акушерство; специально же ихъ приготавливаютъ къ умѣнью лѣчить дѣтскія болѣзни. Индійское племя высказало свое сочувствіе къ этому дѣлу въ лицѣ набоба рампурскаго, который подарилъ г. Vareilly прекрасное каменное зданіе для помѣщенія школы (*British Medical Journal*, 25 May 1872). По словамъ одного англійскаго журнала, лѣтъ 8 или 10 тому назадъ, дикія племена Азіи, подвластныя Россіи, заявили русскому правительству о своемъ желаніи имѣть у себя опытныхъ акушеровъ. Киргизы въ своихъ требованіяхъ пошли далѣе. Они подали прошеніе о томъ, чтобы, предназначенныя для лѣченія ихъ женщинъ, акушерки обучались вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ отраслямъ медицины. Одна изъ этихъ акушеровъ тотчасъ же сообщила киргизамъ о своемъ твердомъ желаніи изучать медицину основательно и просила ихъ выхлопотать ей у правительства разрѣшеніе поступить въ медицинско-хирургическую академію, въ чемъ и успѣла, благодаря протекціи одного вліятельнаго лица. Пригласившіе эту женщину киргизы внесли известную плату за ея обученіе въ академіи и вообще поддерживали матеріально, даже ассиг-

Ничто, кажется мнѣ, не развращаетъ такъ нашей фантазіи, какъ этотъ фальшивый стыдъ, эта клевета на природу, которая набрасываетъ соблазнительное покрывало таинственности на все, что естественно и просто-человѣчно. Не всегда женщины стыдятся изъ чувства стыдливости. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно, чтобы воспитаніе женщинъ было сильнѣе направлено на развитіе въ нихъ, вмѣсто гнусныхъ чувствованій и вѣтреннаго образа мыслей, той благородной стыдливости, которую мы зачастую вовсе не находимъ въ женщинѣ.

Боятся замарать душу женщины прикосновеніемъ науки? Нашему юношеству спокойно даютъ въ руки греческихъ и римскихъ писателей — произведенія Аристофана и Платона, толкующія о такихъ вещахъ, о которыхъ и языкъ не повернулся бы у самыхъ фривольныхъ и дерзкихъ писателей новѣйшихъ вѣковъ.

Исходить изъ того положенія, что никто не имѣетъ права лишать юношество того, что можетъ обогатить его духъ и расширить его умственный горизонтъ, и что добродѣтель, которая уступаетъ передъ всякимъ соблазномъ, не имѣетъ никакой цѣны.

Это «*poli me tangere*», служащее девизомъ женскому міру, это милое невѣжество и полная неприкосновенность души, которую требуютъ отъ женщины (изъ эстетическихъ ли, или изъ чувственныхъ мотивовъ, объ этомъ я умолчу), ни въ какомъ случаѣ нельзя сохранить, по крайней мѣрѣ, въ умной женщинѣ, иначе вы не должны допускать, чтобъ она одна прошла хотя бы до угла первой улицы; вы должны спрятать ее подъ колпакъ, чтобы застраховать отъ вѣянія времени, отъ знанія и жизни.

Пока незнаніе физическихъ законовъ будетъ почитаться щитомъ женской добродѣтели, до тѣхъ поръ мы не будемъ стоять выше поклоненія гарему.

Во всѣ вѣка мы находимъ безстыдныхъ женщинъ. Онѣ почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ высшимъ кругамъ общества, къ кругамъ элегантныхъ, ничѣмъ не занятыхъ дамъ; и онѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ намъ, что бездѣльная жизнь почти всегда деморализуетъ добрые нравы.

новили особую сумму, потребовавшуюся на поѣздку ея за границу. „Женщины-медики“, Джекъ-Блэкъ, стр. 24 и 25. — Не *Кашегарова* ли (Руднева), бывшая стипендіаткою *Бакирскаго*, а не киргизскаго народа?

Прим. перев.

И между многими американскими врачами-женщинами нѣтъ ни одного примѣра безнравственной бреатуры; и эти женщины безстыдны лишь настолько, что позволяют себѣ участвовать въ «безнравственной затѣѣ нашего времени», вѣроятно, также въ ущербъ карману медиковъ-мужчинъ.

Если хотять сохранить чистоту домашнего очага, то пусть женщины раздѣляютъ идеальные интересы времени, пусть черпаютъ изъ животворящаго источника знаній, пусть также заглядываютъ въ область искусства. Кто ориентированъ въ царствѣ искусства и науки, тотъ, я убѣждена, не можетъ слишкомъ потерпѣть въ нравственномъ отношеніи.

3. Третій аргументъ противъ изученія женщинами медицины— *грубость студентовъ*.

Г. фонъ-Бишофъ говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что женская часть слушателей постоянно будетъ подвергаться столкновеніямъ съ мужскою частью... Но студентки либо сразу будутъ уступать нападеніямъ со стороны мужской части слушателей, либо окажутъ имъ сопротивленіе — и тогда неизбежно вызовутъ неприязнь, оскорбленія, насмѣшки etc.»

Миссъ Путманъ — первая женщина, допущенная студенткою въ парижскую медицинскую школу — пишетъ: «Ни малѣйшія столкновенія не имѣли мѣста, во время моего студенчества, въ аудиторіяхъ университета; никакія затрудненія не возникали между мною и молодыми людьми не только на лекціяхъ, но и въ госпиталяхъ, въ читальняхъ, лабораторіяхъ и т. д. Со мною всегда обходились столько же дружественно, какъ и учтиво».

Одна молодая дама, которая въ настоящее время слушаетъ лекціи въ Цюрихскомъ университетѣ, описываетъ отношенія студентовъ къ дамамъ въ высшей степени дружественными, любезными и благопристойными.

Въ отвѣтъ на официальный запросъ, деканъ медицинскаго факультета пишетъ: «Съ 1867 года женщины, по правилу, допущены въ число матрикулированныхъ студентовъ Цюрихскаго университета и пользуются всѣми привилегіями настоящихъ *civium academicorum*. Насколько мы знаемъ, этотъ опытъ никоимъ образомъ не повредилъ интересамъ университета. Женщины, которыя и до настоящаго времени посѣщаютъ университетъ, выказали большой тактъ и прилежно занимаются науками».

Обратите вниманіе: прежде сказано было, что изучающій медицину долженъ обладать силой абстракціи, чтобы «быть въ со-

стояниі, въ виду предположенной цѣли, побѣдить отвращеніе къ ужасамъ анатоміи».

Увы, вдругъ «абстракція и высокая цѣль» не по-нутру пришли и самому г. фонъ-Бишофу, и дѣло мигомъ получаетъ другой оборотъ: пара предестныхъ глазъ заставляетъ студентовъ спуститься съ абстрактныхъ высотъ въ конкретный міръ грѣшныхъ вождедѣвній...

И добрые люди не называютъ угнетеніемъ женщинъ, когда они закрываютъ этимъ послѣднимъ двери университета потому единственно, что вѣсколько студентовъ узрять въ нихъ новые объекты для изліянія своей грубости.

Г. фонъ-Бишофъ многократно повторяетъ, что идеализмъ студентовъ окончательно погибнетъ, когда женскій полъ появится въ аудиторіяхъ. Хорошъ идеализмъ, обладатели котораго не стыдятся клеветать и насмѣхаться надъ беззащитными созданіями за то, что тѣ отплеваются и отрещиваются отъ ихъ распутныхъ поползновеній!...

Я не могу придти въ себя отъ удивленія, что учащаяся молодежь равнодушно переноситъ оскорбленія, которыя профессоръ ей наноситъ своей психологической діагностой.

А эти загадочныя женщины, эти сфинксы,—нѣтъ, эти медузы науки,—предъ которыми коченѣетъ всякій идеализмъ, лишь только онѣ являюся на порогъ университета, домой же (по общимъ отзывамъ) вносятъ и идеализмъ, и поэзію, и все прекрасное и возвышенное?!...

4. Четвертое основаніе: *женщинамъ мѣшаетъ заниматься медицинскою практикой состояніе ихъ здоровья.*

Само собою разумѣется, здѣсь на первый планъ выставляются беременность и роды.

Въ Германіи среднее число рожденій въ семьѣ, если нѣ вѣрно сообщили, равняется 3—4.

У женщины низшихъ сословій разрѣшеніе отнимаетъ, въ высшей мѣрѣ, недѣлю времени.

Для хорошо-обставленной женщины мы будемъ считать, согласно предписаніямъ врачей, каждое рожденіе въ 6 недѣль,—стало-быть, на человѣческую жизнь придется около полугода.

Что женщины, въ этихъ случаяхъ, охотно заступаютъ другъ друга—безспорно.

Это полугодіе можетъ нанести такой же ущербъ занятіямъ женщины, какой возвратный ревматизмъ причиняетъ занятіямъ мужчины.

Были превосходные министры, которые ежегодно, въ теченіе десятковъ лѣтъ, страдали ревматическими болями, но при этомъ управляли цѣлою страной. Князь Бисмаркъ каждый годъ, вслѣдствіе припадковъ невралгіи, принужденъ нѣкоторое время провести въ Варцинѣ, и никто, по этой причинѣ, не будетъ считать его неспособнымъ къ государственной службѣ.

Признаюсь, этотъ доводъ кажется мнѣ болѣе комичнымъ, нежели серьезнымъ... И какой ужасною жестокостью дышетъ онъ! Женскій полъ терпитъ страданія и болѣзни для рожденія чело-вѣчества. И какая же ей благодарность?—Порабощеніе!

Работница трудится въ потѣ лица своего до самой минуты разрѣшенія, а дама до послѣдней минуты забавляется. Она дѣлаетъ и принимаетъ визиты, она выѣзжаетъ и вообще неизмѣнно сохраняетъ свой обыкновенный образъ жизни.

У особенно болѣзненныхъ организацій состояніе беременно-сти, конечно, сопровождается самыми печальными явленіями. Но эти болѣзненные организаціи суть *искаженіе природы*, суть лишь продуктъ нашей общественной неурядицы, устраненіе которой—именно цѣль наша.

Но даже въ самыхъ печальныхъ случаяхъ серьезное, возбуждающее занятіе (я знаю это по личному опыту) служить для подобныхъ страдалицъ единственнымъ утѣшеніемъ.

Съ состояніемъ беременности г. фонъ-Бишофъ связываетъ такой ужасающій аргументъ, который долженъ всякаго, непривыкшаго къ грязнымъ воззрѣніямъ, ввергнуть въ величайшее изумленіе. Онъ говоритъ: «Какое непріятное, отталкивающее и непристойное впечатлѣніе должна производить женщина-медикъ во время беременности своей у постели больного и у операціоннаго стола!» И нѣсколько строкъ далѣе: «Все это такъ бессмысленно, такъ отвратительно и противоестественно, что, кажется, самая далекая мысль объ этомъ должна отнять всякую возможность выступить на подобный путь».

Появленіе беременной женщины въ комнатѣ больного наполняетъ г. фонъ-Бишофа желчью и отвращеніемъ.

Что же тутъ отвратительнаго?... Г. фонъ-Бишофъ можетъ здѣсь имѣть въ виду лишь двѣ вещи:

Либо появленіе такой женщины возбуждаетъ смѣхъ и отвращеніе черезъ посредство представленія, что она въ утробѣ своей носитъ новую жизнь, которую должна родить на свѣтъ Божій. На кого подобное представленіе производитъ подобное дѣйствіе,

тотъ виновенъ въ богохульствѣ. Вообще взглядъ на беременную женщину возбуждаетъ во всѣхъ людяхъ (за исключеніемъ г. фонъ-Бишофа), даже въ грубыхъ субъектахъ, чувство симпатіи и уваженія. Достойная женщина ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ, будучи беременна; напротивъ того, даже недостойной подобное состояніе придаетъ нѣкоторую тѣнь достоинства.

Либо—и это именно то, что г. фонъ-Бишофъ имѣлъ въ помышленіяхъ—появленіе женщины, находящейся въ интересномъ положеніи, вредитъ чувству прекраснаго окружающихъ, нарушаетъ ихъ эстетическое наслажденіе.

Ей-Богу, я не могу себѣ вообразить ничего такого, что бы производило столь безразличное впечатлѣніе на пациентку, какъ прекрасныя формы тѣла ея врача-женщины! Г. профессоръ запоминать, что женщины хотятъ лѣчить лишь женщинъ же и дѣтей, а не мужчинъ.

И не пришлось ли бы, г. фонъ-Бишофъ, исходя отъ этой эстетической точки зрѣнія, всѣхъ мужчинъ, которые имѣли дерзость въ формахъ своего тѣла уклониться отъ своего образца, Аполлона Бельведерскаго, лишать общественныхъ должностей и права на медицинскую практику?

Есть очень, очень много достойныхъ и дѣльныхъ мужчинъ, которые своей наружностью не стыдятся вредить чувству прекраснаго. А между тѣмъ для нихъ нѣтъ того оправданія, которое существуетъ для женщинъ.

Странные люди—эти медики, анатомы и физиологи! Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, свойственнаго женскому полу, ему отказываютъ въ практической дѣятельности; но попробуйте послать несчастную женщину, страдающую ужасными истерическими припадками, продолжительнымъ невыносимымъ мученіемъ, связаннымъ съ ея поломъ, во врачу или къ цѣлой дюжинѣ врачей,—она постоянно, съ удивительнымъ единогласіемъ, услышитъ отъ нихъ все одно и то же: Пустяки! У васъ ничего нѣтъ, сударыня. Поступайте такъ, какъ бы вы были совершенно здоровы. Это ничего бодрѣе, какъ обманъ воображенія... Занимайтесь какимъ-нибудь дѣломъ, и вы будете здоровы!

Г. фонъ-Бишофъ полагаетъ, что женщины болѣзненны вслѣдствіе слишкомъ большого труда, которымъ дается образованіе.

«Если въ ходѣ развитія молодого женскаго организма,—продолжаетъ г. фонъ-Бишофъ,—дать непомѣрно большой перевѣсъ

развитію мозга надъ общимъ равномернымъ развитіемъ пола, то природа не преминетъ жестоко наказать за это».

Однако, г. фонъ-Бишофъ, наказаніе природы уже постигло женскій полъ, но какъ разъ обратнo вашему предположенію: не потому, что женщина учится и думаетъ слишкомъ много, а потому, что не учится и думаетъ слишкомъ мало.

Спросите-ка любого женскаго врача, и онъ вамъ нарисуетъ страшную картину нервнаго расстройства нынѣшняго женскаго міра. Одинъ вашъ единомышленникъ утверждаетъ даже, какъ я уже упомянула въ другомъ мѣстѣ, что 75% женскаго пола, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, становятся несогласными.

Я вамъ скажу, что вы, какъ мужчина, вовсе и знать не можете, изъ какого источника, по крайней мѣрѣ отчасти, происходитъ это нервное расстройство.

Въ возрастѣ, въ которомъ пробудившійся духъ требуетъ здоровой, такъ-сказать положительной, пищи, дѣвушкѣ ничего болѣе не предлагаютъ, какъ раздражающія нервы свѣтскія забавы: балы, музыку, театры и механическія занятія по хозяйству. Весь избытокъ духовныхъ силъ дѣвушки, такимъ образомъ, уходитъ въ фантазію; она углубляется въ фантастическія мечтанія и представленія чувственнаго или религіознаго характера, смотря по темпераменту, и совершенно теряется въ нихъ. Чтеніе множества книгъ, которыя дѣйствуютъ лишь на чувство, загромождаютъ ея неразвитыя интеллектуальныя силы нелѣпыми идеями, ведущими въ міръ иллюзій, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною жизнью. Болѣзненное безпокойство закрадывается въ молодую душу и разрушаетъ организмъ.

Вы, г. фонъ-Бишофъ, и представить себѣ не въ состояніи, что можно цѣлые десятки лѣтъ все мечтать да мечтать и пробудиться, когда уже слишкомъ поздно. Многія женщины борются очень долго и, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, предають себя на волю судьбы. И люди еще говорятъ, что онѣ довольны собой.

Тупоуміе или даже только ограниченность умственнаго кругозора, подобно толстой кожѣ, охраняють какъ отъ слишкомъ глубокихъ и энергическихъ увлеченій, такъ и отъ совершеннаго окончанія духа.

Какъ гимнастика или какія-нибудь другія сильныя тѣлодвиженія укрѣпляютъ члены, такъ точно и непрерывная мозговая дѣятельность укрѣпляетъ силу мысли.

Что до чрезмѣрнаго напряженія, то это вопросъ чисто-индивидуальный. Понимающій человѣкъ самъ въ состояннн будетъ контролировать силу своего умственного воспріятія. Ему нельзя отиѣривать умственной работы точно такъ же, какъ взрослому человѣку нельзя предписать количества и качества пищи.

Лѣнивое «*fat-niente*» одинаково вредно какъ для ума, такъ и для тѣла. Послѣдствіемъ усиленнаго или испорченнаго нездоровою пищею ума у женскаго пола является животное-подобный человѣкъ,—таковы, напримѣръ, обитательницы восточныхъ гаремовъ, или нервно-больныя женщины высшихъ классовъ европейскаго общества.

Что одной изъ главныхъ причинъ болѣзненности женскаго пола служить также недостатокъ въ женщинахъ-врачахъ, объ этомъ я уже упомянула. Врачи въ комедіи Мольера объясняютъ: «*qu'il vaut mieux qu'un malade meure selon les règles que d'en échapper contre les règles*» *). Пусть лучше женщины чахнуть и умираютъ, чѣмъ выступаютъ на базаръ житейскій въ качествѣ врачей.

Собственно говоря, я могла бы и вовсе не вдаваться въ это разсужденіе о болѣзненности женщины, ибо—удивительное дѣло!—фактъ, что женщина болѣзненнѣе мужчины, ни чуть не безспоренъ. Сознаюсь, что я лично никогда не сомнѣвалась въ справедливости этого факта, по той простой причинѣ, что всегда и каждый объ этой тѣлесной слабости женщины толкуетъ съ увѣренностью, не допускающей, повидимому, и тѣни сомнѣнія. Но какъ въ-пору и встать было бы въ данномъ случаѣ это сомнѣніе, доказываютъ слѣдующія свѣдѣнія.

Изъ французскихъ обществъ взаимнаго вспомошествованія (*mutuell secours*), основанныхъ въ прошломъ царствованн, женщины были или совершенно исключены, или должны были, какъ, напримѣръ, въ Руэнѣ, платитъ большіе взносы и во время болѣзни не получаютъ никакого вознагражденія.

Когда ассоціаціи (послѣ продолжительнаго бездѣйствія) снова были возстановлены декретомъ 26-го марта 1852 г. и получили денежныя пособія,—члены комиссіи пытались дать имъ болѣе разумное и гуманное основаніе, представляя на видъ то, что равный взносъ обусловливаетъ также и равныя права женщинъ;

*) „Пусть лучше больной умираетъ по правиламъ, нежели выздоравливаетъ, не соблюдая правилъ“.

они общались доказать, что женщины обществу менѣе въ тягость, нежели мужчины, и что первыя рѣже болѣютъ послѣднихъ.

«Допущеніе женщинъ,—сказано въ рефератѣ,—скорѣе увеличиваетъ наши средства, чѣмъ уменьшаетъ (*l'admission des femmes ajoute aux ressources plutôt, qu'elle ne les diminue*)».

Такъ какъ женщины не имѣли совѣщательнаго голоса при распредѣленіи вспомоствованій, то онѣ, вопреки этой аргументации, и тутъ оставались въ убыткѣ.

Въ вѣдомости общества 1865 года сказано: «Число женщинъ, допущенныхъ въ теченіе года, относительно больше, нежели число мужчинъ; но равномѣрнаго распредѣленія вспомоствованій общества между обоими полами до сихъ поръ еще не достигнуто; и комиссія должна выразить свое сожалѣніе, что она въ статутахъ различныхъ обществъ все еще встрѣчаетъ предрассудки, противъ которыхъ она такъ часто боролась во имя опыта и челоувѣколюбія и которые состоятъ въ несправедливомъ неравенствѣ».

Приведу здѣсь буквально статистическую таблицу этого общества касательно болѣзненныхъ случаевъ:

«Selons les rapports triennaux, la moyenne de pournée de maladie des sociétaires à été de:

Pour les hommes	18	jours en l'année 1857;	pour les femmes	14	jours.
Pour les hommes	21	jours en l'année 1861;	pour les femmes	18	jours.
Pour les hommes	5	jours en l'année 1864;	pour les femmes	4	jours.
Pour les hommes	5,58	jours en l'année 1867;	pour les femmes	4,37	jours.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ данныхъ, мы видимъ, что большая болѣзненность женщины есть только одна сказка, выдуманная съ цѣлью ея угнетенія.

Статистика—это разящее орудіе; она—орудіе незнающее сопротивленія, круто обрывающее всѣ голословныя разглагольствія и разсѣвающее пустыя фразы, какъ вѣтеръ соломѣ.

Въ случаѣ подтвержденія статистическихъ данныхъ французскихъ вспомогательныхъ товариществъ, падетъ не только одинъ изъ главныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ противъ общественной и научной дѣятельности женщинъ; но, желая быть стольво же послѣдовательными, какъ мужчина, мы должны будемъ обратить орудіе и потребовать у мужчинъ сложенія съ себя всѣхъ общественныхъ должностей, вслѣдствіе ихъ большей болѣзненности.

Скажутъ, пожалуй, что приведенныя цифровыя данныя относятся лишь къ низшимъ сословіямъ Франціи. Это правда. Но

они тѣмъ не менѣе доказываютъ, что тѣ оригинальныя женскія болѣзни, которыя господствуютъ въ высшихъ классахъ, не имѣютъ значенія.

Я даже полагаю: вздумай женщина выработать свои физическія силы до грубой степени, природа нисколько не воспротивится удовлетворить этому честолюбивому желанію.

Чтобы воспитать молодыхъ атлетокъ, ничего болѣе не требуется, кромѣ съ ранняго дѣтства начатыхъ непрерывныхъ тѣлесныхъ упражненій и укрѣпленія мускуловъ. Для любителей примѣровъ упомяну о томъ фактѣ, что въ Англіи между 1722 и 1728 г. женщины боксировали на публичной аренѣ.

Лимбурга, супруга эрцгерцога Эрнеста Желѣзнаго австрійскаго, урожденная принцесса Мазовецкая, была такъ сильна, что рукою вбивала гвозди въ стѣну и щелкала волошскіе орѣхи пальцами.

Елисавета, дочь герцога померанскаго Богуслава, послѣдняя супруга Карла II и мать Сигизмунда и Іоанна, ломала желѣзные прутья, какъ щепки. Желѣзные кольчуги она рвала, какъ тряпки, и на одномъ турнирѣ, устроенномъ императоромъ въ 1371 г. въ Прагѣ, разломала на куски толстую подкову. Одинъ англійскій путешественникъ рассказываетъ, что въ Аравіи всѣ работы внѣ дома (out-door-work) исполняются женщинами и что эти послѣднія гораздо сильнѣе мужчинъ.

Я отнюдь не утверждаю, чтобы подобная выработка мускульной силы была желательна. Менѣе значительныя физическія силы — вовсе еще не доказательство интеллектуальной несоответственности.

5. Пятый доводъ противъ врачебной практики женщинъ: *для женщины немислима никакая авторитетность.*

«Вообразите себѣ, — говоритъ г. фонъ-Бишофъ, — женщину въ должности директора госпиталя или судебного врача. Не должно ли всякому смѣяться или даже плакать при той мысли, что женщина должна въ высокой степени оказать авторитетъ, необходимый директору госпиталя?» И въ другомъ мѣстѣ: «Я не могу себѣ представить, чтобы завитые волосы и шумящее платье женщины могли принести больнымъ ту надежду и то утѣшеніе, которыхъ ждетъ всякій пациентъ».

Отвѣтъ чрезвычайно простъ.

Предварительно замѣчу, что различнымъ людямъ кажутся смѣшными весьма различныя вещи. Толпѣ всегда кажется смѣшнымъ то, что несогласно съ обычною рутиной и традиціей. Я,

напримѣръ, припоминаю то время, когда мода на большіе кринолины была всеобщей и я осмѣлилась выйти на улицу безъ этого украшенія. Я возбудила истинное ликованіе въ народъ и школьникамъ и такъ была осмѣяна и оплевана, что никогда болѣе не отваживалась дѣлать изъ себя посмѣшище, не облакаясь въ бочку внушительныхъ размѣровъ.

Теперь какой же директоръ госпиталя долженъ казаться смѣшнымъ мыслящему европейцу?—Безъ сомнѣнія, всякая личность, притязанія которой на авторитетъ составляютъ прямой контрастъ съ ея дѣятельностью и заслугами...

Чѣмъ долженъ или можетъ директоръ пріобрѣсти авторитетъ?

Г. фонъ-Бишофъ можетъ здѣсь имѣть въ виду лишь двоякого рода условія: одно—болѣе внѣшнее, относящееся до важности директорской персоны, а другое—внутреннее и болѣе существенное, вытекающее изъ самой дѣятельности директора.

Г. фонъ-Бишофъ навѣрное не усомнится въ томъ (что онъ именно не сомнѣвается, мы можемъ заключить изъ одного его положенія, о которомъ сейчасъ будемъ говорить), что есть такіе директора иныхъ учрежденій, которые дома находятся подъ башмакомъ своихъ женъ.

Думаю, что женщина, которая настолько обладаетъ энергіей и силой, что можетъ помыкать самимъ директоромъ и, сверхъ того, по всей вѣроятности, держать въ рукахъ цѣлую араву домашней прислуги,—такая женщина будетъ въ состояніи внушить повиновеніе въ госпиталѣ.

Если же вы, г. фонъ-Бишофъ, находите, что авторитетъ пріобрѣтается полезною дѣятельностью,—въ такомъ разѣ умѣнье и дѣло, а не поль, должны имѣть первенствующее значеніе въ степени уваженія къ той или другой личности; и служители, и пациенты госпиталя будутъ имѣть столь же мало уваженія къ дрянному медику-мужчинѣ, какъ къ дурному медику-женщинѣ.

Я убѣждена, когда миссъ Найтингаль появлялась въ крымскихъ лазаретахъ, она въ глазахъ больныхъ казалась ангеломъ, и всѣ головы съ благоговѣніемъ склонялись предъ этой женщиной. Только *одна* голова не склонилась бы, только *одинъ* человекъ разразился бы хохотомъ при видѣ этого директора многихъ госпиталей,—г. фонъ-Бишофъ!...

Г. профессоръ не можетъ себѣ представить, чтобы завитые локоны и шумяція платья были въ состояніи принести больнымъ утѣшеніе и надежду.

Я же не вѣрю, чтобы скрипящіе сапоги, высокіе цилиндры или плѣшивыя головы, въ свою очередь, могли принести кабую-нибудь надежду или утѣшеніе; сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы прелесть хорошо завитаго парика могла кого-либо утѣшить и укрѣпить.

Но гдѣ же мужчины, которые если ужъ никогда не болѣютъ, то вѣдь бываютъ несчастны, — гдѣ же, скажите, они находятъ надежду и утѣшеніе?... О, бѣдный, злополучный мужъ, ставшій банкротомъ,—тебя жена твоя не можетъ утѣшить!... Увы, ея платья шумятъ! Никакая мать не въ состояніи озарить надеждой помраченной любовью души своей дочери!... Создатели мои! она убираетъ себѣ голову...

Въ заключеніе позвольте мнѣ, какъ компетентному судѣ въ подобныхъ дѣлахъ, еще сообщить вамъ, что шерстяныя платья не шумятъ; шелковыя же платья суть вообще принадлежности лишь гостиннаго туалета.

Г. профессоръ, на основаніи личнаго опыта, утверждаетъ, что даже мужчины должны напрягать всѣ силы свои, чтобы сохранить присутствіе духа и не сплеховать въ тѣхъ непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть во время всякой операціи. Женщина же, натурально, потеряетъ голову.

Самая трудная операція, которая только намъ извѣстна, это та, при которой на медленномъ огнѣ жгутъ члены живому человеку. Это звѣрство испытали и мужчины, и женщины; а кто же жогда-либо слыхалъ, чтобы на кострѣ или подъ гильотиной женщины выказали менѣе героизма и присутствія духа, чѣмъ мужчины?

Когда Антиохъ хотѣлъ заставить родоначальницу дома Маккавѣевъ съ ея семью сыновьями ѣсть свинину, она съ невѣроятнымъ героизмомъ увѣщевала своихъ сыновей умереть, и дѣйствительно умерла вмѣстѣ съ ними въ ужасныхъ мученіяхъ, не преступивъ завѣтъ отцовъ. Легко можно бы наполнить подобными доказательствами физическаго и нравственнаго героизма женщинъ цѣлыя томы.

Вообразивъ себѣ, что подробно доказалъ подчиненность женщинъ, г. фонъ-Бишофъ прибавляетъ слѣдующее: «Еслибы женщины обладали высшими духовными силами, онѣ давно бы еще болѣе поработили себѣ мужчинъ, нежели теперь, уже во всѣхъ сферахъ жизни ясной и тайной, за исключеніемъ науки».

Хотите ли, г. профессоръ, этимъ изреченіемъ осмѣять женщинъ?

Какъ, эти подчиненныя существа тайно и явно порабащаютъ себя мужчинъ?... Чѣмъ же?

У мужчинъ разумъ господствуетъ надъ чувствами, — такъ вы насъ учили; стало-быть, изъ чувства нельзя свить ту веревку, которою женщины зануздываютъ мужчинъ. О высшей интеллектуальной силѣ и рѣчи быть не можетъ, какъ вы сами знаете; преобладаніе мускульной силы столь же мало вѣроятно; слѣдовательно, не кулакъ превращаетъ мужчину въ раба женщины.

«Когда одинъ народъ, — говоритъ г. фонъ-Бишофъ, — покоряетъ себя другой, классъ подчиняетъ себя другой классъ, человѣкъ — человѣку, то это господство можетъ обуславливаться лишь однимъ изъ двухъ: во-первыхъ, *высшею духовною либо высшею физическою силой*, разумѣя подъ первой энергію ума или характера; во-вторыхъ, *обладаніемъ силой*, какъ наследственнымъ достояніемъ, либо какъ достояніемъ закона и обычая».

Не слышится ли въ этомъ диковинномъ изреченіи г. фонъ-Бишофа нѣкоторая завистливая нотка? Ужь, чего добраго, не боится ли онъ соперничества со стороны тѣхъ, которыхъ онъ, по-видимому, тщится заклеить? И не напоминаютъ ли его слова признанія Лабуле: «Je me suis demandé tout bas, — говоритъ этотъ остроумный писатель, — si la femme n'était pas naturellement supérieure à l'homme. Elle a des passions moins violentes et un plus grande facilité d'éducation. Tandis qu'Adam s'en dormait dans son innocence, Eve était déjà curieuse de savoir. — Je crois, avec Molière, qu'il est prudent de ne pas trop instruire ce sexe malicieux est inquiet; à tenir les femmes dans une honnête ignorance, nous leur *donnons tous les vices*, mais aussi toutes les faiblesses de l'esclave; notre règne est assuré. Mais si nous élevions ces âmes ardentes et naïves, si nous les enflammions de l'amour de la vérité, qui sait, si bientôt elle ne rougiraient pas de la sottise et de la brutalité de leurs maîtres? Gardons le savoir pour nous seuls, c'est lui qui nous divinise: Notre empire est détruit si l'homme es reconnu» *).

*) Я спрашиваю про себя, ужъ не стоитъ ли женщина въ самомъ дѣлѣ выше мужчинъ. Она обладаетъ менѣ бурными страстями и большею восприимчивостью ума. Въ то время, когда умъ Адама дремалъ въ совершенномъ невѣдѣніи, въ Евѣ уже пробуждалась любознательность. Я думаю, согласно съ Мольеромъ, что благоразуміе требуетъ не слишкомъ образовывать этотъ проницательный и безпокойный полъ; держа въ благодушномъ невѣжествѣ, мы придаемъ ему все пороки, а также все безсиліе раба; наше господство обезпечено. Но если мы возвысимъ эти пламенные и чистыя души, если мы вооду-

VII.

Г. фонъ-Бишофъ подкрѣпляетъ свою аргументацію противъ изученія женщинами медицины также культурно-историческими данными.

«Прочную побѣду, — говоритъ онъ, — одерживаетъ всегда сильнѣйшій и тѣмъ самымъ доказываетъ превосходство своей силы. Побѣду, которую, въ концѣ концовъ, одерживаетъ мужской полъ надъ женскимъ всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ отношеніяхъ, въ дѣлѣ науки и прогресса, доказываетъ слабѣйшія природныя силы второго... Продолжительное угнетеніе одной части человѣческаго рода другою немислимо при равныхъ силахъ. Это угнетеніе вѣдь должно же было имѣть начало и мы вовсе не видимъ, почему оно должно было постичь именно женщинъ».

Угнетеніе постигло женщинъ? Какое чудовищное заблужденіе! А вы забыли рабство и крѣпостную зависимость?! Угнетеніе не только постигло, но и нынѣ еще постигаетъ часть мужского пола. Въ Азіи простой народъ и теперь, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, живетъ въ абсолютномъ рабствѣ. Слыхали ли вы о законодательныхъ постановленіяхъ у этихъ народовъ, которыя и нынѣ имѣютъ еще силу? Напримѣръ: «Если судръ (человѣкъ изъ простаго народа, какъ сказано въ индійскихъ законахъ Ману) осмѣлится сѣсть рядомъ съ своимъ начальникомъ, то онъ долженъ либо быть сожженъ, либо посаженъ на колъ самимъ королемъ. Если онъ, изъ любознательности, позволить себѣ даже только слушать чтеніе святой книги, ему должно влить въ уши горячее масло; буде же онъ ее совсѣмъ выучить наизусть, то подлечь смертной казни».

Ясно ли теперь для васъ, г. профессоръ, что угнетеніе, которое терпѣли и терпятъ мужчины — не призракъ, а страшная дѣйствительность?

Если и это для васъ мало убѣдительно, то слушайте еще немного: «Буде кто убьетъ судра, то онъ долженъ быть наказуемъ точно такъ же, какъ за убіеніе собаки, кошки или пѣтуха». Законъ формально признаетъ слово «работникъ» заслу-

---

шевымъ ихъ любовью къ истинѣ, — кто знаетъ, быть-можетъ онъ въ непродолжительномъ времени не будутъ краснѣть отъ тупоумія и грубости своихъ наставниковъ? Будемъ же беречь науку для себя, — она дѣлаетъ насъ непобѣдимыми. Нашему царству наступитъ конецъ, когда женщина придетъ въ сознаніе.

живающимъ презрѣнія, чтобы черезъ то ясно опредѣлить его положеніе въ обществѣ.

Если кто-либо изъ рабочаго класса мѣняетъ свое обычное ремесло, или интересуется политикой, то онъ подвергается тяжелому взысканію. За нерадѣніе въ работѣ его бьютъ плетью; такимъ же точно образомъ обыкновенно наказывалась домашняя прислуга и даже женщины.

Однако намъ вовсе нѣтъ надобности отправляться въ Азію, чтобы искать доказательствъ угнетенія мужчинъ. Историкъ Жирбъ въ своемъ «Précis de l'ancien droit» говоритъ: «Jusqu'à la révolution (1789) une division fondamentale partageait les personnes libres et les personnes sujétes à condition servile». И Кассаньякъ въ своемъ «Cause de la révolution»: «Chose suprenant, il-y-avait encore au 4 Août 1789, 15.000 serfs de corps en France».

Въ Германіи, во время Вѣнскаго конгресса, вошло въ поговорку слѣдующее гнусное выраженіе: «Человѣкъ только начинается съ барона».

«Продолжительное угнетеніе немислимо», сказали вы, г. фонъ-Бишофъ.

Навѣрное нѣтъ. Два тысячелѣтія въ вѣчномъ развитіи міра — лишь одинъ короткій шагъ.

«Угнетеніе вѣдь должно было имѣть начало!»

Кто же вамъ говоритъ, что оно, въ самомъ дѣлѣ, никогда не начиналось?

По всѣмъ вѣроятіямъ, даже въ сѣдую древность первыя попытки угнетенія женщинъ получали энергическій и сильный отпоръ.

Черезъ всѣ древніе вѣка проходятъ сказанія про амазонокъ. Едва ли была хоть одна страна, въ которой не существовало бы подобныхъ мисовъ. Даже у китайцевъ мы находимъ сказанія объ амазонкахъ. Что же мы должны заключать изъ такихъ сказаній, по свидѣтельству людей науки?—То, что въ основѣ ихъ лежитъ темная историческая истина.

По аналогіи съ толкованіемъ другихъ сказаній, мы имѣемъ право вѣрить, что нѣкогда шла борьба между полами, въ которой, на послѣдокъ, женщины потерпѣли поражение.

Тезей и Геркулесъ, какъ разсказывается въ мисологическомъ эпосѣ, побѣдили знаменитыхъ амазонокъ, Гипполиту и Меналипу, съ большими трудностями и употребленіемъ всѣхъ своихъ силъ. Геркулесъ, — повѣствуетъ далѣе сказаніе, — считалъ своей обязан-

ностью освободить мужчинъ изъ-подъ владычества женщинъ. Но Геркулесъ—символь грубой физической силы.

Значеніе этого мифа ясно само по себѣ.

Въ женскомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ великихъ социальныхъ вопросахъ, нѣтъ нужды толковать о томъ, что *было* и что *есть*, а о томъ, что *должно быть*.

VIII.

Должны ли женщины получать высшее образованіе?

Мой отвѣтъ и отвѣтъ профессора сами собою вытекаютъ изъ предъидущаго.

Чѣмъ мотивируютъ мужчины свое категорическое: «Не должна»?

Одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ аргументовъ уже обстоятельно рассмотрѣнъ. Женщина *не должна* получать высшаго образованія потому, что она *не можетъ* получать его. И это «не можетъ», эта вѣра въ умственную несостоятельность женщины была и есть, по моему мнѣнію, единственнымъ честно-продуманнымъ аргументомъ мужчинъ, который повторяли и поддерживали почти всѣ лучшіе писатели всѣхъ временъ, въ перемежку съ острословіемъ, злостью и искреннимъ убѣжденіемъ.

«Женщина, которая мыслить,—говоритъ Лессингъ,—столь же смѣшна, какъ мужчина, который краснѣетъ». И Вольтеръ: «Идеи подобны бородаб: юноши и женщины ихъ не имѣютъ», и т. д.

Всѣ остальные доводы противъ научной дѣятельности женщины и, прежде всего, тотъ, что женщины слишкомъ святы и чисты, чтобы рисковать прикоснуться къ грубой правдѣ науки—суть лишь резервные доказательства, нѣчто въ родѣ ландшафта отсталой теоріи, который выдвигается только тогда, когда основной столбъ аргументаціи начинаетъ уже гнить и угрожать совершеннымъ паденіемъ.

Однако, бросимъ бѣглый взглядъ и на эти побочныя доказательства.

Наши противники постоянно пережевываютъ однѣ и тѣ же общія мѣста, не обращая рѣшительно никакого вниманія на какія-либо опроверженія, какой бы силы и какого значенія они ни были. Ихъ аргументація, само собою разумѣется, лишенная всякой научной силы, всякой логики, основана единственно на голословномъ *утвержденіи*.

«Само собою разумѣется» — сказала я, ибо никогда и ни въ какомъ случаѣ человѣческій мозгъ (будь онъ сама премудрость) не былъ и не будетъ въ состояніи открыть какого ни-на-есть доказательства, сколько-нибудь согласнаго съ здоровою логикой, противъ научной эмансипаціи женщинъ. Результатъ самыхъ глубокомысленныхъ откровеній, таинствъ высочайшей міровой воли относительно судебъ женщины, квинтъ-эссенція самой тонкой дистилляціи мужской мысли отъ начала міра и до кончанія вѣковъ ничего другого не могла и не сможетъ намъ дать, кромѣ одного этого основного положенія: «Мы — мужчины, а вы — женщины!» Эта-то непреложная истина всегда производитъ потрясающее дѣйствіе на мужской міръ и заставляетъ его вѣрять въ подчиненный жребій женщинъ.

Вы — мужчины, а мы — женщины. Ладно! Но, вѣдь, половое назначеніе — только низшій и физическій атрибутъ, и какъ духъ Божій паритъ надъ водами, такъ точно душа человѣческая воздымается надъ поломъ.

Тѣ quasi-доказательства, на основаніи которыхъ женщинамъ должно преградить доступъ въ храмъ науки, таковы:

1. *Домашнее хозяйство и обязанности матери.*

2. *Равныя права обусловливаютъ равныя обязанности.*

3. Научныя занятія — *эстетическое несчастье* для женщины, такъ какъ они лишаютъ ее всей прелести и женственности.

Домашнее хозяйство и материнскія обязанности — это старое, почтенное, вѣкомъ обросшее возрѣніе, по которому научно-образованная женщина должна быть дурной женой и такою же матерью! Серьезные люди преданы тому эксцентрическому представленію, что изученіе классиковъ или сѣрный запахъ физическихъ экспериментовъ должны въ корень истребить материнскую любовь! За обѣдненнымъ столомъ женщины, понимающей извлеченіе кубическихъ корней, имъ чудится и безнравственная рѣчь, и гнилая капуста, и горохъ съ запахомъ чернилъ...

И однако-жь греческій языкъ и извлеченіе корней врядъ ли не имѣютъ болѣе общаго съ материнской любовью, чѣмъ цвѣтъ платья, которое носитъ мать. Паллада-Афина была для грековъ не только изобрѣтательницею пряденія и ткацкаго искусства, но также богинею разума и строгаго критическаго изслѣдованія.

Въ концѣ XVI-го столѣтія Дуплесси Морнэ выставилъ то положеніе, что «можно быть въ одно и то же время и добрымъ гуге-

нотомъ, и добрымъ французомъ *)); и оно показалось его современникамъ такимъ же невѣроятнымъ безуміемъ, какъ и нынѣшнимъ мужчинамъ представленіе о женщинѣ, которая была бы и ученой, и любящей матерью вмѣстѣ.

Объ обязанностяхъ матери и хозяйки я уже подробно говорила въ другомъ мѣстѣ и доказала, что рациональное воспитаніе дѣтей, въ которомъ отецъ долженъ принимать одинаковое участіе съ матерью, ни въ какомъ случаѣ не можетъ поглощать всего времени и труда этой послѣдней. Г-жа Ролланъ, въ своихъ мемуарахъ, рассказываетъ: «Мы провели четыре года въ Амьенѣ. Я сдѣлалась тамъ матерью и кормила свое дитя, не переставая участвовать въ работахъ моего мужа, который взялъ на себя значительную часть энциклопедіи».

Материнская любовь—это неистребимое влеченіе человѣческой природы, и ея инстинктивная и сознательная дѣятельность всегда будетъ обращена на благо дитяти.

Впрочемъ, я только тогда повѣрю въ искренность этого довода со стороны мужчинъ, когда они введутъ такія учрежденія, которыя обезпечивали бы всѣмъ матерямъ изъ простого народа, двумъ-третьимъ всѣхъ матерей, средства къ жизни и вообще такое положеніе, которое бы позволило этимъ женщинамъ исключительно посвятить себя воспитанію своихъ дѣтей. Справедливость требуетъ одинаково-хорошаго воспитанія для всѣхъ дѣтей.

Что до кухни, то разрѣшеніе этого высоко-барскаго вопроса проще всего на свѣтѣ.

Пусть кухарки проходятъ курсъ кулинарнаго искусства, и проблема разрѣшена окончательно. Какая надобность была бы хозяйкѣ до кухни, имѣя кухарку—«специалистку» своего дѣла?

Такая кухарка, по всей вѣроятности, мигомъ спровадитъ свою госпожу за двери кухни, если послѣдняя обнаружитъ покушеніе вторгнуться въ ея сферу.

Мы еще не настолько утратили надежду на Бога и энергію будущихъ генераций, чтобъ этотъ гигантскій шагъ человѣчества на пути прогресса никогда, хотя въ далекомъ будущемъ, не былъ совершенъ черезъ посредство кулинарныхъ заведеній для приготовленія кухарокъ! И утѣшимъ себя въ злополучіи настоящаго предвосхищеніемъ гастрономическихъ радостей нашихъ пра-

*) ... „que n'était pas chose incompatible d'être bon Huguenot et bon Français tout ensemble“.

внуковъ, которымъ доведется узрѣть великое чудо — *кухарку, умнѣющую стряпать!*

Второй доводъ: *равныя права—равныя обязанности.*

Подъ этими «обязанностями» мужчины обыкновенно разумѣютъ военную службу, къ которой женщины вообще не способны.

На это я имѣю отвѣчать: *во-первыхъ*, гдѣ дѣло идетъ объ установленіи принциповъ, тамъ остатки варварства, на которые будущіе вѣка будутъ смотрѣть съ изумленіемъ и ужасомъ, не должны вліять на наши утвержденія.

По-истинѣ, не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что, еслибы женщинамъ дарованы были политическія права, существованіе войнъ сократилось бы на нѣсколько столѣтій.

Во-вторыхъ, на этомъ же основаніи всякій мужчина, который, по какой-либо причинѣ, не можетъ отбывать воинской повинности, долженъ лишаться своихъ политическихъ правъ; и, дѣйствительно, по законамъ Солона, какъ извѣстно, каждый афинянинъ, не бывшій въ военной службѣ, не могъ пользоваться правами гражданства.

Не надобно забывать, что общая воинская повинность отнюдь не есть учрежденіе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и что даже у насъ, вопреки этой обязанности, довольно значительное число мужчинъ не въ состояніи отбывать военной службы.

Въ-третьихъ, мужчина долженъ быть готовъ умереть за отечество. Не можетъ ли почитаться эквивалентнымъ тотъ фактъ, что женщина какъ бы признана пополнить тѣ бреши, которыя ядро и мечъ мужчины пробиваютъ въ рядахъ человѣчества?

И если ужь непременно требуется *умереть* за отечество, то статистикѣ не трудно будетъ доказать, что почти столько же женщинъ погибаетъ въ трудномъ дѣлѣ приготовленія новыхъ гражданъ государства, сколько мужчинъ ложатся костью на кровавомъ полѣ отъ рукъ своихъ же братьевъ.

Наконецъ, можно прибавить еще и то, что, еслибы пользованіе и уходъ за больными въ военныхъ лазаретахъ исполнѣ были возложены на женщинъ, эта ихъ услуга могла бы принести одинаковую пользу отечеству, какъ и подвиги мужчинъ на полѣ брани. Конечно, большая разница будетъ здѣсь лишь въ количествѣ представителей обоихъ половъ.

Третій доводъ: *научныя занятія—эстетическое несчастье для женщинъ.*

Съ понятіемъ умственно-сильной, т. е. мыслящей и знающей, женщины постоянно связываютъ представленіе о жесткихъ чертахъ лица, длинномъ носѣ, скрипящихъ сапогахъ съ толстыми подошвами и вообще о старческой фигурѣ. Нѣкоторые мужчины, одаренные особенно пылкимъ воображеніемъ, склонны также придать ей небольшіе усы и вороній голосъ.

Попробуемъ сличить это представленіе мужчинъ съ дѣйствительностью.

Италія и Франція дали сравнительно большее число женщинъ, пріобрѣвшихъ себѣ имя въ искусствѣ и наукѣ. Я опять сошлюсь на Клемма, *противника* женской эмансипации, который, заимствуя свои біографическіе очерки изъ подлинныхъ источниковъ, противъ своего желанія долженъ былъ выхвалять красоту, любезность и даже хозяйскія добродѣтели тѣхъ ученыхъ дамъ, исторію которыхъ онъ пишетъ. Изъ его отдѣла объ Италіи я упомяну лишь о «божественной Изотѣ», Новеллѣ д'Андреа, которая читала лекціи по правовѣднію съ закрытымъ лицомъ, чтобы не смущать слушателей своей ослѣпительною красотой, — о Гаётанѣ Агнеси изъ Милана (1718 — 1799), которая владѣла обширными познаніями въ физикѣ, алгебрѣ и математикѣ, скромной и вроткой женщиной, жившей собственнымъ трудомъ. Притомъ (по Клемму) она была превосходной матерью 22-мъ сыновьямъ, прижитымъ ея мужемъ въ трехъ бракахъ, и съ примѣрною добросовѣстностью управляла значительнымъ хозяйствомъ. Самыя милыя и прелестныя женщины Франціи почти всегда были и самыя образованныя. Это долженъ знать всякій читавшій хоть кое-что о знаменитыхъ французскихъ салонахъ—начиная съ отеля Рамбуилье и кончая салономъ m-me Рекамье. А очаровательныя интригантки и остроумныя дамы «фронды», герцогини Лонгвиль, Шеврезъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ?... Ужели, въ самомъ дѣлѣ, золотистые и темные локоны охотнѣе украшали бы пустыя головы, нежели умныя головы этихъ дипломатическихъ сиренъ? Я не могу себѣ вообразить, чтобы глубокомысленныя размышленія надъ горшками, о хозяйскихъ расходахъ и о крупномъ и мелкомъ бѣльѣ обладали косметическою силой, способной улучшить цвѣтъ лица, изгладить морщины и надѣлать граціей.

Что грація, благородная женственность и научныя познанія взаимно другъ друга исключаютъ, это—одна изъ нелѣпѣйшихъ идей, которая когда-либо могла придумать только самая вздорная мужская голова.

Теперь весьма ученая дама иногда действительно может нѣсколько кичиться своей ученостью, такъ какъ она составляетъ *исключеніе* изъ своего пола. Но когда такія женщины перестанутъ быть исключеніемъ, эта надменность исчезнетъ сама собою.

И еслибы въ самомъ дѣлѣ правда было то, что развитіе умственныхъ силъ женщины влечетъ за собою равномерную дегенерацию ея тѣлесныхъ силъ, что расширение ея познаній обуславливаетъ убыль женской прелести, то это было бы недостаткомъ лишь для *тѣлесныхъ*, но не для *духовныхъ* очей мужчинъ. Вѣдь нравственная и умственная сторона этихъ высшихъ натуръ не потерпитъ никакого ущерба,—напротивъ, она окрѣпнетъ и возвысится! Не правда ли, господа?

Когда ученая дама, примѣрно — врачъ, не имѣетъ особенно привлекательной наружности, то вы, мужчины, никогда на свѣтѣ, владѣй она хоть довольно изряднымъ доходомъ, не полюбите и не женитесь на ней!?

На одномъ женскомъ собраніи въ Нью - Йоркѣ нѣкій нѣмецкій врачъ энергически протестовалъ противъ учености женщинъ и, при радостныхъ вликахъ своихъ приверженцевъ, въ томъ числѣ собственной дражайшей половины, онъ воскликнулъ: «Скажите, милостивые государи, положи руку на сердце, желали бы вы имѣть ученую жену? Я, по крайней мѣрѣ, нѣтъ!»

Слава Богу, что природа, въ своей премудрой экономіи, для всякаго ученаго дурака имѣетъ въ запасѣ невѣжественную дуру!

И въ будущемъ такъ же мало женщинъ будетъ заниматься науками, какъ и нынѣ—мужчинъ; и для нашихъ профессоровъ и ихъ единомышленниковъ всегда останется еще большее число наивныхъ дѣтей природы, хорошихъ вухарокъ и беззаботныхъ хозяекъ со всѣми ихъ эстетическими прелестями.

Я говорю: *женщина должна получать высшее образованіе.*

1. Она должна получать высшее образованіе, потому что каждый человекъ имѣетъ право на индивидуальную свободу, имѣетъ право заниматься такимъ дѣломъ, которое соотвѣтствуетъ его склонностямъ. Всякая дѣятельность, которая удовлетворяетъ человека, есть въ нѣкоторомъ родѣ «зеркало» его внутренней, духовной жизни. Свобода призваній есть неизбѣжное условіе индивидуальнаго счастья.

2. Она должна получать высшее образованіе, потому что она, по всѣмъ вѣроятіямъ, обладаетъ отличной отъ мужской ум-

ственной организаціей (отличной, но не меньшей интенсивности), и, вслѣдствіе этого, надо ожидать, что она откроетъ новыя области знанія и новыя горизонты мысли. Когда Бокль утверждаетъ, что женщины въ наукѣ болѣе склонны предпочесть дедуктивный и идеальный методъ и тѣмъ самымъ образуютъ противовѣсъ индуктивному методу мужчинъ, односторонность которой тормозитъ прогрессъ науки, то я, въ этомъ случаѣ, вовсе не намѣрена согласиться съ нимъ. Взглядъ Бокля, разумѣется, имѣетъ достоинство лишь остроумной гипотезы—не болѣе.

3. Въ особенности же *мужчину* должна изучать женщина, во-первыхъ, въ интересахъ морали и, во-вторыхъ, чтобы способствовать возстановленію здоровья женскаго пола.

4. Женщина должна получать университетское образованіе для ея существованія. Никто не имѣетъ права ограничивать какую бы то ни было часть человѣческаго общества въ его средствахъ къ жизни,—развѣ только государство и общество обязуются принять на себя заботу о надлежащемъ прокормленіи и содержаніи ея.

5. Женщина должна получать университетское образованіе, потому что наука и познаніе—величайшее благо земли.

IX.

Если умственные и физическія способности женщины недостаточны для рѣшенія задачъ науки, то великій политико-экономическій законъ долженъ будетъ неизбѣжно вступитъ въ свою силу, и народъ самъ отвергнетъ ея бесполезныя хлопоты на этомъ поприщѣ. Но, прежде чѣмъ это случилось, нельзя позволить *предубѣжденію* рѣшать вопросъ неизмѣримой важности.

Если веденіе хозяйства дѣйствительно назначено для женщины самою природой, то никакія силы земныя не въ состояніи будутъ истребить въ ней этого влеченія ея натуры: «Революціонная лягушка,—говоритъ Гейне,—которая охотно бросила бы родныя воды и которая смотритъ на жизнь птицъ по поднебесью, какъ на идеаль свободы, не долго, однако, выдержитъ на сушѣ, на такъ-называемомъ свободномъ воздухѣ, и вскорѣ опять почувствуетъ тоску по топкимъ болотамъ, служившимъ убѣжищемъ для ея предковъ».

И далась же имъ эта «исторія цивилизаціи»! Чуть только заговорятъ о практической дѣятельности женщинъ, она тутъ какъ тутъ. Въ подобныхъ случаяхъ она, исторія цивилизаціи,

обнаруживаетъ въ высшей степени оригинальное свойство: молчать и не шелохнется, а ты себѣ читай, что твоей душѣ угодно! Такимъ-то манеромъ жрецы науки вычитали въ ней то, что будто домашнее хозяйство было, есть и будетъ на вѣчныя времена единственною сферой дѣятельности женщинъ.

Я же, съ своей стороны, вычитала изъ исторіи цивилизаціи то, что испоконъ вѣковъ сильнѣйшій,—зависать ли его силы отъ его кулаковъ, отъ оружія его солдатъ или отъ привилегій,—угнеталъ слабого и заставлялъ его жить *по своей волѣ и для своей пользы* (т.-е. по волѣ и для пользы сильнѣйшаго), никогда даже не спрашивая о существованіи законовъ природы.

Я вычитала, какъ положеніе женщины въ человѣческомъ обществѣ измѣнялось изъ столѣтія въ столѣтіе, какъ оно мало-помалу изъ позорнаго и жалкаго, посредствомъ страшныхъ усилій, подымалось до сколько-нибудь человѣческаго бытія. Я вычитала изъ исторіи цивилизаціи, какъ женщина въ докультурно-историческую эпоху служила добычею жадному мужу; какъ, впоследствии, ее похищали и затѣмъ, когда нѣжный отецъ увидѣлъ въ своей дочери прибыльную статью дохода, продавали и промѣнивали; какъ ее потомъ, подобно стаду овецъ, гнали въ гаремы. Я видѣла ее битую, порабощенною; откармливаемую, какъ вьючное животное. Я видѣла ее изгнанною изъ храма, какъ «нечистую»; я видѣла ее полною рабыней мужа.

Но не одно только это я вычитала изъ исторіи цивилизаціи. Я вычитала тамъ же, что женщина изъ чисто-животнаго прозябанія пробивалась въ сознательный міръ чувства и мысли. И безсознательно-творящая сила природы будетъ толкать ее безостановочно все впередъ и впередъ, пока на челѣ женщины не засіяетъ ореолъ человѣка—подобія Божія.

Вы и вмѣстѣ съ вами большинство мужчинъ думаете, что Богъ и законы природы давно порѣшили съ женскимъ вопросомъ; *я* же думаю, что разумная борьба только начинается и что она кончится лишь тогда, когда женщина завоюетъ себѣ врожденное ей право всякаго человѣческаго существа—быть человѣкомъ. Я раздѣляю мнѣніе Фихте: «Человѣкъ *долженъ* составлять самостоятельное, замкнутое въ самомъ себѣ, цѣлое. Только при такомъ условіи онъ—человѣкъ».

«Законы природы рѣшили»!

Но, вѣдь, тѣ азіаты, тѣ монголы, китайцы и турки, которые гнали, какъ стадо, своихъ женъ въ сараи, тоже думали, что они поступаютъ сообразно съ «законами природы».

Когда индусъ сжигалъ трепещущую живую жену съ трупомъ ея мужа, онъ также исполнялъ «законъ природы».

Когда сѣверный дикарь обжигаетъ оленьимъ волосомъ посуду, до которой дотронулась его жена, «нечистая»,—онъ, по его мнѣнью, подчиняется «закону природы».

«Богъ и природа опредѣлили сферу дѣятельности женщины». Въ такомъ случаѣ чего же хлопочуть гг. профессора? Ужели Богъ нуждается въ ихъ помощи и самъ не въ состоянїи удерживать женщину въ ея сферѣ?

Г. фонъ-Бишофъ прямо говоритъ, что *Богъ и природа* (и нѣмецкіе профессора, слѣдовало бы ему еще прибавить) отказали женскому полу въ способности заниматься науками.

Еслибъ это зависѣло отъ гг. профессоровъ, они, во имя Бога и природы, возбудили бы преслѣдованіе противъ всякаго научнаго представленія въ головѣ женщины, какъ противъ контрабанды. Они предписали бы, что такія-то чувства и такія-то мысли, какъ умственное уродство и нравственную порчу, должно задушить въ котлахъ и утопить въ стиральныхъ кадкахъ!

Въ Индіи существуетъ законъ, который запрещаетъ рабочему пріобрѣтать какую бы то ни было собственность; въ то же время другая статья объясняетъ, что даже тогда, когда господинъ выпускаетъ его на волю, онъ, въ сущности, все же остается рабомъ, «ибо, по законамъ Ману, судръ, освобожденный своимъ господиномъ, черезъ это еще не избавляется отъ рабскаго состоянія, потому что онъ отъ природы обреченъ на рабство».

Ни однимъ штрихомъ, ни малѣйшей мыслишкой не стоятъ воззрѣнія à la Бишофъ на женщину выше той мудрости, которую мы находимъ въ великой книгѣ законовъ древнихъ индусовъ.

Обратите ваши взоры назадъ, въ глубину тысячелѣтій,—вы, рабы традиціи и рутины,—и взгляните на время, какъ на несокрушимую пирамиду, въ которой вы мните закупорить ваши идеи, чтобы, подобно муміямъ, сохранить ихъ до скончанія вѣковъ! Тщетны ваши труды! Вѣка поклоненія древнимъ развалинамъ и античнымъ рѣдкостямъ безвозвратно минули; древнѣйшія пирамиды разрушаются, и заплѣсневлѣныя, мхомъ обросшія идеи и ископаемыя представленія неизбѣжно должны выйти на свѣтъ Божій и озариться солнцемъ истины, чтобы предстать удивленнымъ взорамъ человѣчества, какъ изумительныя диковины,—а надъ несостоятельнымъ антикваріемъ наряженъ судъ новаго времени, торжественно изрекающій: «Виновенъ!»

Я вторично привожу къ общему знаменателю и точно формулирую свои требованія: полная равноправность обоихъ половъ въ области науки и искусства, какъ относительно средствъ образованія, такъ и относительно приложенія пріобрѣтённаго образованія къ практической дѣятельности. И я пишу на своемъ знамени тотъ же девизъ, который королева гранадская носила на своемъ: «No puedo desear mas, ni contentarme con menos» (я не могу ни требовать большаго, ни удовлетвориться меньшимъ).

Х.

Появленіе женскаго вопроса на горизонтѣ общественнаго сознанія не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Изъ того же источника, изъ котораго вытекли всѣ стремленія новѣйшей эпохи, возникъ и женскій вопросъ. Стремленія женщины совпали съ побѣдой идеи надъ предрасудками, традиціей и рутинной, съ торжествомъ того жизненнаго принципа, который положилъ начало всеобщаго нравственнаго возрожденія, — принципа безусловной индивидуальной свободы.

Не голодъ, не социалистическій миражъ, не профанація брака, не ш-ме Сталь или Жоржъ-Зандъ вызвали къ жизни этотъ вопросъ, — нормальный ходъ цивилизаціи самъ по естественной необходимости исторгнулъ его изъ груди человѣчества.

Когда женщина желаетъ свободы, то она желаетъ ея не ради зла, а ради блага. Чѣмъ менѣе женщина пользовалась свободой и независимостью, тѣмъ болѣе возрастали куртизанство и развратъ. Это доказала Греція, во время своего блеска и процвѣтанія.

Въ заключеніе я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: если мужчина желаетъ писать о женскомъ вопросѣ, онъ долженъ обладать, во-первыхъ, сердцемъ, преисполненнымъ любви къ человѣчеству. Безъ этого онъ никогда не будетъ въ состояніи понять и оцѣнить тѣхъ страданій части человѣчества, которыя совершенно чужды ему, какъ человѣку другого пола. Привычка покрыла наше чувство справедливости ледяною корой, которая можетъ растаять лишь на огнѣ чистой и пламенной любви къ человѣчеству. Во-вторыхъ, онъ долженъ владѣть глубокой и оригинальною силой мышленія, ибо въ этомъ вопросѣ надобно раскрыть и объяснить духовную эпидемію, тяготѣвшую цѣлыя тысячелѣтія надъ всѣми народами земли, надобно разгадать первые проблески этой страшнаго заразы и указать причины, ее произведшія.

КРАСНЫЯ РУКИ.

I.

Красныя руки, рабочія руки,
Много узнали вы горя и муки!
Много трудились вы ночью и днемъ
Въ страшной заботѣ о «миломъ», о «немъ»!
Знать, небеса справедливо рѣшили,
Чтобъ эти руки все шили да шили,
Хлѣбъ добывая сперва для одной—
Бѣдной швеи, истомленной, больной,
Послѣ—для двухъ: для нея и ребенка.
Красныя руки, бѣдняжка Олѣнка!
Повѣсть твою (въ назиданье для дамъ)
Я неискуснымъ стихомъ передамъ.

II.

Красныя руки, рабочія руки
Шили да шили, не вѣдая скуки.
Было ли время скучать, и о чемъ?—
Жизнь для Олѣнки была палачомъ;
Жизнь эта душу и тѣло губила...
Все же Олѣнка ее полюбила
И не боялась ея, палача,

Швейной машиною бодро стуча.
 ... Если машина въ ночи умолкала,
 Какъ ты ее цѣловала, ласкала,
 Доброе сердце предъ ней не тая:
 — «Объ уснемъ горемыка моя!»

III.

Красныя руки несли разъ картонку.
 Вдругъ нагоняетъ «съ работой» Олёнку
 Баринъ-красавецъ. — «Помочь вамъ, мамзель?
 Чтò вы бѣжите... быстрой, чѣмъ газель?
 Знаете, звѣрь есть такой?...» — «Не слыхала...»
 И побѣжала она отъ нахала.
 Баринъ—за ней, въ переулочъ, и тамъ
 Онъ прикоснулся къ горячимъ устамъ;
 Красныя руки пожалъ онъ съ любовью.
 Гордо Олёнка нахмурилась бровью,
 Но... чрезъ полгода (ужасное *но!*)
 Было ужъ то, чему быть суждено.

IV.

Красныя руки *его* обвивали;
 Страстныя губы *его* цѣловали...
 (Губы?... Не ловко! Не лучше-ль — «уста»?)
 Впрочемъ, Олёнкина повѣсть проста.
 Было бы странно и дико о многомъ
 Здѣсь выражаться торжественнымъ слогомъ.
 Будемъ попроще. Не правда ли: да?
 Не осмѣемъ мы святого труда?...
 Трудъ обольщенной, несчастной Олёнки
 Весь устремленъ былъ тогда... на пелёнки.
 Красныя руки ихъ шили тайкомъ,
 Съ трепетомъ, съ дрожью надъ каждымъ стежкомъ.

V.

Красныя руки все больше худѣли.
 Дни проходили, за днями—недѣли.
 Онъ не являлся. Когда же, порой,
 Бъ ней забѣгалъ благородный герой,—
 Холодень былъ онъ, не ласковъ, какъ прежде;
 Не говорилъ онъ о сладкой надеждѣ
 Съ ней, «Красноручкой», всю жизнь провести;
 Мрачно твердилъ:—«Извини и прости,
 Если тебѣ предлагаю, Елена,
 Не упадать предо мной на колѣна:
 Не граціозно выходить, другъ мой!
 Также... и красныя руки умой!

VI.

«Красныя руки... что можетъ быть хуже?...
 Ты, словно Гретхенъ, мечтаешь о мужѣ.
 Другомъ ли, мужемъ ли буду, о томъ
 Мы объясниться успѣемъ потомъ.
 Прежде всего откровенно обсудимъ:
 Какъ мы «съ руками» ужасными будемъ?
 Личикомъ, ножкой и всѣмъ ты взяла...
 Жаль, что ручонка твоя не бѣла!
 Средства найдутся: лѣкарства, помады...
 Развѣ съ тобой дивари мы, помады?
 Имъ не грѣшно эти руки имѣть...
 Будеть же плакать. Довольно. Не смѣть!»

VII.

Красныя руки слезу утирали.
 Онъ говоритъ: «Мнѣ въ театрѣ не пора ли?
 Нынче Островскаго будетъ «Гроза»...—
 И убѣгалъ... Закрывая глаза

Красной рукою, Олёнка стонала.
 ... Бѣдная, бѣдная! ты и не знала,
 Что нищета, да мучительный трудъ—
 Страхъ живущі: никогда не умрутъ.
 Глупая! даже не знала того ты:
 Руки бѣлѣютъ всегда... безъ работы.
 Руки, какъ лиліи, чисты всегда,
 Если не знаютъ святого труда.

VIII.

Красныя руки съ упорнымъ стараньемъ
 Долго лѣчили себя «притираньемъ»,
 Чистились, мылись душистой водою,—
 Такъ повелѣлъ донъ-Жуанъ молодой.
 Сладко жилось москвичу донъ-Жуану,
 Какъ, почему?—объяснять вамъ не стану...
 Но голодала бѣдняжка моя,
 «Красныя руки», Олёнка швея.
 ... Мальчикъ родился. Красавчикъ—въ папашу...
 Вѣрю я слѣпо въ «чувствительность» вашу:
 Жаль вамъ Олёнки и жаль сироты?!...
 Мальчикъ! на свѣтъ не лишній ли ты?

IX.

«Красныя руки» томишь ты собою,
 Дѣлаешь мать подневольной рабою,
 Грудь истощаешь... А грудь такъ плоска,
 Словно твоя гробовая доска.
 Лучше умри, преждевременный птенчикъ!
 Тятка, авось, разорится на вѣнчикъ,
 Можетъ-быть купить онъ гробикъ простой...
 ... Нѣтъ, не ложися въ могилку, постой,
 Здѣсь поживи—въ этомъ мірѣ широкомъ,

Будь для «папаши» жестокимъ упрекомъ!
 Но, прижимаясь къ родимой груди,
 Бѣлыя руки ласкать погоди!...

X.

Красныя руки, склонясь къ колыбели,
 Съ каждымъ днемъ больше и больше грубѣли.
 Умеръ ребенокъ. За гробомъ одна
 Шла «краснорукая» мать—холодна,
 Мрачно-сурова. Ей жизнь надоѣла.
 Часто машина стояла безъ дѣла.
 Бѣдность просилась: «стукъ-стукъ!»—у дверей.
 —«Мнѣ умереть бы пора, поскорѣй.
 Милый придетъ—озирается букой,
 Злобно ругаетъ меня «краснорукой»...
 Батюшки-свѣты! да кѣмъ же мнѣ стать,
 Чтобъ благородныя руки достать?...»

XI.

«Красныя руки» остались, чѣмъ были,
 Койку въ больницѣ «для бѣдныхъ» добыли.
 Нумеръ седьмой, предъ кончиною, вдругъ
 Сталъ образцомъ благороднѣйшихъ рукъ.
 Смерть приближалась. Въ мгновенія эти
 Бѣлыя руки повисли, какъ плети.
 —«Холодно, спрячь ихъ!»—сидѣлка твердить.
 Нѣжно Олѣнка на руки глядитъ,
 Думаетъ: «Боже! Теперь бы онъ встрѣтилъ,—
 Чистыя руки сейчасъ бы замѣтилъ,
 Къ сердцу прижалъ бы меня отъ души...
 Какъ мои руки теперь хороши!»

XII.

Бѣлыя руки, изящныя руки!
 Къ вамъ подошелъ «представитель науки»,

Жрецъ Эскулапа... Пожавши плечомъ,
Онъ усмѣхнулся: «Я здѣсь—ни при чемъ.
Даромъ я бросилъ собраніе наше...»
И—погрузился опять въ ералашъ.
Нѣкто спросилъ:—«Оторвали дѣла?»—
—«Да, бѣлоручка при мнѣ умерла.
Зналь ты ее, какъ мнѣ помнится?... Умеръ
Въ злѣйшей чахоткѣ седьмой этотъ нумеръ».—
—«Нумеръ не мой! Невиновенъ здѣсь я...
Красныя руки имѣла *моя!*»

Л. Трефолевъ.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

III (Продолженіе *).

Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссіи Австріи.

Брошюра, съ которой мы теперь готовимся познакомить читателей, носить названіе «La Pologne et les Habsbourg» и въ ней, какъ показываетъ самое названіе, рѣчь идетъ не о славянахъ вообще, а въ частности о полякахъ, и притомъ не объ австрійскихъ только, а обо всей польской націи въ совокупности. Приступая къ изложенію этой брошюры, мы должны предупредить читателей о томъ, — что они, вѣроятно, и сами предчувствуютъ уже, — что имъ придется встрѣтить тутъ много такого, что разумно смотрящему на вещи и искренно любящему свое отечество русскому тяжело и горько читать. Сами на себѣ испытывая, какъ болѣзненно отзываются въ сердцѣ подобныя вещи, мы никогда не позволили бы себѣ подвергать подобной нравственной пытке другихъ, еслибы не указанное уже оффиціозное происхожденіе брошюры. Намъ нѣтъ надобности разъяснять, — каждый понимаетъ и безъ того, — какую громадную разницу дѣлаетъ это въ значеніи сочиненія. Будь это произведеніе какого - нибудь польскаго патріота, кого - нибудь изъ тѣхъ «дѣятелей», которые, въ силу своей суетливости, мнятъ себя предводителями и руководителями польскаго народа, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, лишенныхъ родины, а съ нею вѣсть и всего, что дорого въ жизни, которые утѣшаютъ себя политическими мечтаніями, изложенными на бумагѣ, — мимо него, т. е. мимо этого произведенія, можно бы пройти, не обративъ на него вниманія. Мало ли мечтаній ежедневно публикуется во всеобщее свѣдѣніе у насъ самихъ, какъ и вездѣ въ Божьемъ мірѣ? Но разъ мечтанія печатаются по заказу и по указаніямъ правительства великой державы, да еще такой, которая полагаетъ, что ей «придется можетъ-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

быть принудить насъ взяться за наше дѣло», какъ ее въ свое время принудили взяться за свое, т. е. попросту вести съ нами ожесточенную войну на жизнь и смерть,—то такія мечтанія оставлять безъ вниманія нельзя. Это ужъ не сонъ на яву, это—серьезный политическій фактъ, игнорировать который было бы и не умно и можетъ-быть не безопасно. Мы отнюдь не намѣрены вдаваться въ настоящее время въ подробныя разсужденія о польскомъ вопросѣ,—это вопросъ слишкомъ важный для Россіи и для всего славянскаго дѣла, чтобъ о немъ можно было говорить вскользь. Польскому, какъ, впрочемъ, и каждому изъ главныхъ славянскихъ племенъ, будетъ посвящена отдѣльная глава, въ которой мы постараемся разсмотрѣть, насколько съумѣемъ, какъ частныя политическіе и экономическіе интересы этого племени, такъ и обусловливаемое ими отношеніе его къ остальному славянству, къ славянской идеѣ. Предлагая читателямъ подробныя выдержки изъ брошюры «La Pologne et les Habsbourg», мы только желаемъ познакомить ихъ съ тѣмъ, что предлагаетъ полякамъ Австрія, чѣмъ она эти предложенія мотивируетъ и какъ думаетъ—по крайней мѣрѣ общаетъ—осуществить ихъ на дѣлѣ.

Въ чемъ другомъ, а въ ловкости, въ удивительномъ умѣннѣ подмѣчать и эксплуатировать самонаглѣйшія особенности и слабости людей австрійскому правительству отказать нельзя. Ужъ не говоря о большой политикѣ, въ произведеніяхъ бюро печати не только содержаніе, но даже внѣшняя форма, манера изложенія и слогъ ихъ просто артистически приспособлены къ тому, о чемъ и къ кому обращается рѣчь. Напримѣръ, эти двѣ брошюры: предыдущая, обращенная въ нѣмцамъ, и нижеслѣдующая, обращенная къ полякамъ. Насколько въ первой все строго-научно, серьезно, точно и ясно, съ проглядывающей мѣстами сдержанною страстностію, но безъ всякихъ фразъ, настолько во второй — все высокоумно, торжественно, мѣстами трагично, вездѣ фразисто, звонко и звучно. Тамъ—безукоризненная вѣрность историческихъ фактовъ, глубокая философія и чрезвычайная заботливость о матеріальныхъ интересахъ, здѣсь—болѣе чѣмъ смѣлая безцеремонность въ отношеніи къ исторіи, а также и къ географіи, поэзія на мѣсто философіи и самое аристократическое презрѣніе къ меркантильнымъ разсчетамъ. Словомъ, тамъ все рассчитано на умъ, на строгую критику, здѣсь — на сердце, на впечатлительность. Но — и это можетъ-быть всего ловчѣе — все это въ мѣру, не черезъ край. Фразъ много, но онѣ не неумѣстны,—много передержекъ и подтасовокъ, но онѣ удачно прикрыты искусною группировкой такихъ фактовъ и доводовъ, что противъ нихъ иной разъ нечего возразить. Въ общемъ вся суть брошюры.—все, что предлагается ею полякамъ,—можетъ быть какъ нельзя вѣрнѣе выражена извѣстной русскою поговоркой: «будь другъ, поди въ солдаты». Но при этомъ такъ краснорѣчиво расписываются неподобныя прелести солдатскаго житія и такъ логически доказывается неминущая необходимость идти въ солдаты, по неимѣнію никакой надежды на иной вы-

ходъ, что все это могло бы увлечь людей и болѣе хладнокровныхъ и поставленныхъ въ менѣе тяжелыя условія жизни, чѣмъ бѣдные наши братья, славяне польскаго племени.

Цѣль брошюры, пространно и витіевато развиваемая, заключается въ томъ, чтобъ опредѣлить: «каковы интересы поляковъ? Въ какую сторону ихъ влекутъ ихъ симпатіи? Откуда они могутъ ожидать себѣ помощи?» Въ брошюрѣ такъ настойчиво—не разъ и не два, а по крайней мѣрѣ десять разъ—повторяется, что именно *это*, а не что-либо иное имѣется въ виду, по обыкновенію, анонимнымъ авторомъ, что у самаго благосклоннаго читателя невольно возникаетъ сомнѣніе: полно, такъ ли это,—въ самомъ ли дѣлѣ это *настоящая* цѣль?... И дѣйствительно, сомнѣніе это оказывается справедливымъ.

Мотивируя причины появленія въ свѣтъ брошюры именно въ данное время, авторъ (для удобства мы будемъ употреблять это слово, хотя его и дико какъ-то примѣнять къ человѣку пишущему подъ диктовку) самъ выдаетъ въ самомъ дѣлѣ *настоящія* цѣли своихъ патроновъ. Но представимъ говорить самой брошюрѣ:

«У современной политики часто бываютъ капризы, и ея безпрестанныя метаморфозы таковы, что онѣ въ состояніи привести въ недоумѣніе самаго добросовѣстнаго наблюдателя. Смиренно преклоняясь подчасъ передъ господствомъ силы, она кажется какъ бы не имѣющей иныхъ цѣлей, какъ только удовлетвореніе честолюбивыхъ appetitovъ, безъ малѣйшей заботы объ истинныхъ стремленіяхъ народовъ. Потому за промежутками этой нравственной протраціи слѣдуютъ моменты внезапнаго пробужденія. Кажется, какъ будто Европа стыдится самой себя и желаетъ реабилитироваться, взывая къ великодушнымъ идеямъ, къ гуманнымъ чувствамъ. Тогда она, внимательная къ голосу мыслителей и философовъ, храбро беретъ въ свои руки дѣло прогресса, поддерживаетъ какую-нибудь племенную борьбу и доставляетъ ей торжество. Это благословенныя минуты, въ которыя Господь заставляеть проявляться въ лучезарномъ сіяніи вѣчные принципы справедливости, свободы и равенства. Человѣчество начинаетъ снова надѣяться и снова вѣрить. Въ благородномъ порывѣ оно совершаетъ настоящія чудеса, призывая къ жизни національности, давно ужь, казалось, навсегда умершія подъ тяжестью вѣковаго гнета.

«Къ несчастію, эти порывы длятся не долѣе одного мгновенія. Подъ влияніемъ современнаго скептицизма разочарованіе наступаетъ скоро; свѣтъ, лишенный компаса и руководителя, опять отдаетъ себя на волю теченія. И горе тѣмъ, кто не умѣетъ понять во-время, что минута прошла... Впрочемъ, Европа, повидимому, даже въ самыхъ возвышеннѣйшихъ порывахъ своихъ, не умѣетъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ непонятныхъ пристрастій. Самые великодушныя ея дѣйствія всегда носятъ характеръ настоящихъ *partis pris*. Полная состраданія и доброжелательства къ однимъ народамъ, она не выказываетъ ничего, кромѣ плохо маскируемаго равно-

душія, къ другимъ, которые однако же заслуживали бы ея вниманія героизмомъ своего мученичества и стоическою добродѣтелью своихъ храбрыхъ защитниковъ. Конечно (*и въ томъ-то именно заключается опасность*), отъ времени до времени поднимаются голоса, требующіе покровительства и справедливости и для забытыхъ, и голоса эти, пожалуй, могутъ принять за уполномоченные на такое требованіе. Но всегда ли они искренны? И не рискуютъ ли народы, послушавшись ихъ, сдѣлать роковую ошибку, вступивъ на зловредный путь? Есть одинъ народъ въ особенности, которому слѣдуетъ научиться недовѣрять отнынѣ безцѣльнымъ энтузіазмамъ и легкомысленнымъ увлеченіямъ. Есть нація, интеллигентная и рыцарская какъ ни одна иная, которой кровь текла за всякое великое дѣло и которой очередь, между тѣмъ, не наступаетъ никогда въ минуты, когда фортуна раздѣляетъ свои дары...»

Эта нація—польская. Въ грандіозныхъ порывахъ великодушія, Европа воскресила Грецію, дала Италіи національное единство и подняла саванъ, подъ которымъ умиралъ христіанскій Востокъ: Сербія и Румынія поставлены на ноги, вполне независимыя, Болгарія нашла могущественныхъ и твердыхъ защитниковъ. Одна лишь нація—мученица, польская нація, раздробленіе которой было великимъ историческимъ преступленіемъ прошлаго столѣтія (это *высокое* бюро печати говорить!), оказывается забытой всѣми, несмотря ни на что. Никто не протягиваетъ ей руки, никто не хочетъ помочь ей снова занять мѣсто среди другихъ націй. Часто, слишкомъ часто, злоупотребляли ею и ея именемъ, чтобы придать нѣкоторый поэтическій лоскъ такимъ комбинаціямъ, въ которыхъ не смѣли сознаться. Взывали къ ея героизму, показывая ей вдали единственную награду, какой она когда-либо добивалась, т. е. національную независимость. На каждый такой призывъ поляки откликались со всей, свойственно имъ, стремительностью: они шли на зовъ, сражались какъ львы, проливали свою кровь, погибали тысячами, а въ концѣ концовъ ихъ всегда обманывали, всегда на ихъ долю доставались лишь неблагодарность и горькія разочарованія...

«Однако,—продолжаетъ брошюра,—несмотря на столько вынесенныхъ нами испытаній, на столько тяжелыхъ уроковъ, насъ все еще, повидимому, считаютъ способными увлекаться громкими словами. Уже въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ готовится новая агитація, которую мы имѣемъ полное основаніе считать опасной и которую поэтому рѣшаемъ заклеить съ величайшею энергіей. Въ Парижѣ фабрикуются и оттуда распространяются по всей Европѣ брошюры, приглашающія насъ протянуть руку нашимъ угнетателямъ, помириться съ Россіей!.. Намъ говорятъ: русская и польская націи—обѣ славянскія, это—націи-сестры; ихъ вѣчная распря между собой есть распря братоубійственная. Говорятъ еще: русский царь—король польскій на основаніи трактатовъ... Наконецъ, есть еще одинъ аргументъ, который постоянно встрѣчается на этомъ пути и ко-

торый навѣрное будутъ повторять не разъ. Говорятъ: съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Польша по неволѣ должна вступить въ тѣсную связь съ Россіей. Ея матеріальное благосостояніе зависить отъ этого союза...»

Итакъ, вотъ въ чемъ суть дѣла. Уяснить, *кто можетъ* и, при извѣстныхъ условіяхъ, *захочетъ возстановить Польшу*, понадобилось потому, что среди поляковъ, во всѣхъ ихъ многообразныхъ кружкахъ и во всѣхъ частяхъ бывшей Польши идетъ и видимо усиливается движеніе въ пользу сближенія и примиренія съ Россіей. Это движеніе, или, по выраженію автора, «агитація», очевидно, сильно не нравится ему.

«Отъ кого могутъ исходить подобныя мысли?—спрашиваетъ авторъ.—Пробовали увѣрять, что парижскія упомянутыя брошюры внушены польскою эмиграціей. Да будетъ намъ позволено съ негодованіемъ отвергнуть подобную инсинуацію... Впрочемъ, скажемъ сейчасъ же, что тѣ, кого обыкновенно называютъ *эмиграціей*, не имѣютъ и не имѣли никогда полномочія говорить и дѣйствовать отъ имени польской націи. Въ средѣ этой эмиграціи есть прекрасныя, заслуживающія всякаго уваженія, личности, но онѣ и сами признаются, что не имѣютъ никакого права дѣйствовать во имя всей Польши, и притомъ, еще разъ, отъ *этихъ* личностей не можетъ исходить мысль о примиреніи съ Россіей. Но тогда отъ кого же?... Чтобы узнать это, намъ стоитъ вспомнить старинную латинскую поговорку: «*Qui prodest?*...» Вотъ что говорится въ одной изъ французскихъ брошюръ: «Разстройство тройственного союза въ ущербъ одного изъ трехъ императоровъ есть фактъ величайшей важности, *серьезная опасность для Россіи*,—событіе, которое можетъ вызвать кровавыя катастрофы во всей Европѣ. Противъ этой вѣроятности, на которую видимо указываетъ австро-прусское соглашеніе, *можно можетъ-быть найти несокрушимое оружіе въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ между Россіей и Польшей*». Итакъ, вотъ что уясняетъ дѣло. Россіи грозитъ серьезная опасность, поэтому мы должны летѣть къ ней на помощь. Такъ какъ она чувствуетъ, что остріе австро-германской сабли направлено противъ нея, то она хочетъ создать себѣ новое оружіе, примирившись съ Польшей. И неужели кто-нибудь надѣется, что найдутся наивные люди, которые поддадутся этой дѣтской игрѣ, такъ неловко разоблаченной на первыхъ же порахъ? Неужели думаютъ, что для того, чтобы замаскировать свирѣпый эгоизмъ такого дерзкаго требованія, достаточно указать намъ на изображеніе нашего отечества и наши національные цвѣта и прокричать при этомъ напыщеннымъ тономъ: «Нѣтъ, еще Польша не погибла! Она можетъ еще воскреснуть и снова встать на ноги!...» Помилуйте, да Европа разразилась бы страшнымъ хохотомъ, еслибы между нами нашелся хоть одинъ, который отвѣчалъ бы на предложеніе подобнаго рода! Насъ разъ и навсегда перестали бы *prendre au sérieux*, и та малая доля симпатіи, которой насъ порою удостоиваютъ, замѣнилась бы глубокимъ презрѣніемъ».

Порѣшивъ такимъ образомъ съ вопросомъ въ принципѣ, австрійскій чиновникъ, отрицающій право польской эмиграціи говорить именовъ польской націи и говорящій за поляковъ «мы», принимается разбирать по частямъ аргументы сторонниковъ примиренія, причемъ прежде всего, разумѣется, проводить параллель между нынѣшнимъ положеніемъ Царства Польскаго и Галиціи. Онъ старается доказать читателю, что внутреннее положеніе этихъ двухъ разрозненныхъ частей Рѣчи Посполитой похоже одно на другое какъ небо и земля. Въ одной—гнетъ и полное безправіе какъ націи въ цѣломъ, такъ и каждой отдѣльной личности въ ней; въ другой—полная автономія націи и полная же, обставленная всевозможными гарантіями закона, свобода личности. Въ одной—искусственныя преграды образованію, подавленная мысль, приговоренное къ вѣчному молчанію слово; въ другой—широкая культура, наука и литература ничѣмъ не стѣсненныя, свобода слова настолько обширная, что почти смѣшно и говорить о стѣсненіяхъ въ этомъ отношеніи. Въ одной—мертвый застой и не только абсолютное отсутствіе, а хотя бы то намекъ на политическую жизнь, даже простой разговоръ о возможности ея считается чуть не преступленіемъ; въ другой—политическая жизнь, во всемъ многостороннемъ объемѣ этого слова, бьетъ горячимъ животворнымъ ключомъ. Въ одной поляки вытѣснены въ своей родной землѣ почти изъ всѣхъ официальныхъ сферъ, не допускаются на коронную службу и лишены права приобрѣтать земельную собственность; въ другой—полякамъ открыты всѣ двери, всѣ сферы общественной и государственной дѣятельности и двое изъ нихъ засѣдаютъ даже въ министерскихъ креслахъ... Передъ лицомъ такой двойной картины авторъ патетически восклицаетъ: «Можете себѣ представить нашу милую Галицію, отказывающуюся отъ своихъ депутатовъ, отъ своего сейма, отъ свободнаго обсужденія своихъ дѣлъ для того, чтобы перейти подъ господство системы... «благоусмотрѣнія»!... Не подлежитъ сомнѣнію, не можетъ быть оспариваемо, что Галиція, подъ управленіемъ Габсбурговъ, сдѣлалась очагомъ политической, умственной и моральной жизни польской націи. Никакія разглагольствованія не могутъ побороть этой истины. Никакія соображенія матеріальныя, финансовыя не могутъ уничтожить очевидность и сдѣлать, чтобы свѣтъ превратился въ тьму... Еслибы это увѣреніе (то-есть что матеріальные интересы Польши связываютъ ее съ Россіей и этими связями обусловливаются) и было справедливо, оно все же могло бы имѣть лишь очень незначительное вліяніе на громадное большинство поляковъ. Наши соотечественники—люди наименѣе во всемъ свѣтѣ доступные подобнымъ соображеніямъ. Впрочемъ, и не у насъ однихъ, а вездѣ, во всѣхъ уголкахъ вселенной, гдѣ только поднимается національный вопросъ, вездѣ онъ дѣлается настолько господствующимъ надъ всѣми прочими, что почти стыдно останавливаться мыслию надъ матеріальными интересами...»

Конечно, восклицанія—не аргументы и сколько ни наставь восклицательныхъ знаковъ, сколько ни наговори громкихъ фразъ, экономическихъ вопросовъ ими не рѣшишь. Но всякій безпристрастный читатель согласится, что въ извѣстныхъ эпохи и при извѣстныхъ условіяхъ фразы и восклицанія могутъ играть очень большую роль. Къ тому же въ только-что приведенныхъ тирадахъ не все, къ сожалѣнію, можетъ быть названо фразой. Напримѣръ, замѣчаніе о томъ, что національный вопросъ вездѣ и всегда отодвигаетъ на задній планъ всё прочіе,—это замѣчаніе не фраза, а фактъ. Впрочемъ, объ этомъ еще будетъ время поговорить основательнѣе, а теперь необходимо вернуться къ брошюрѣ.

Разсуждая о томъ, дѣйствительно ли международные трактаты обезпечиваютъ за Императоромъ Русскимъ титулъ и достоинство короля польскаго, авторъ (просимъ читателя не забывать, что авторъ пишетъ по нарочитому заказу и подъ диктовку австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ) задаетъ вопросы: «Какіе трактаты? Развѣ въ современной Европѣ существуютъ еще какіе-нибудь трактаты, которые не были бы нарушены? Ужъ не о трактатахъ ли 1815 года идетъ рѣчь? Но Бельгія, отдѣлившись отъ Голландіи, открыто попрадала ихъ. Франція нанесла имъ чувствительный ударъ въ ту минуту, какъ выгнала Бурбоновъ, а Италия нарушила ихъ еще того сильнѣе, свергнувъ съ престоловъ князей тосканскихъ, короля неаполитанскаго, папу и прочихъ мелкихъ государей Аппенинскаго полуострова и провозгласивъ свое національное единство подъ скипетромъ савойской династіи... Почему же это мы, поляки, одни во всей Европѣ должны были бы уважать такіе трактаты, которые всё и каждый нарушали безъ малѣйшаго колебанія? Да и недавно еще въ британскомъ парламентѣ обсуждался вопросъ этого рода по отношенію къ трактату несравненно позднѣйшему. Франція, Австрія и Англія, въ 1856 году, торжественно гарантировали неприкосновенность оттоманской территоріи. Кому не извѣстно, что съ тѣхъ поръ послѣдовало съ этою неприкосновенностью?.. Между тѣмъ Парижскій трактатъ еще существуетъ,—онъ не уничтоженъ формально. Но что можно сказать о его дѣйствительной силѣ? На запросъ, сдѣланный по этому поводу лорду Биконсфилду, бывший министръ королевы Викторіи отвѣчалъ очень спокойно, что хотя договоры 1856 года и существуютъ еще, *но что примѣнить ихъ къ дѣлу невозможно*. Какъ скоро подобная отговорка кажется достаточной для министровъ либеральной монархіи, то съ какими глазами могутъ приводить ссылки на трактаты противъ насъ и въ пользу самодержавной власти, которая съ своей стороны не признаетъ никакихъ иныхъ законовъ, никакихъ принциповъ, кромѣ собственной воли?»

Всякій согласится, полагаемъ, что эта полная презрѣнія филиппика противъ международныхъ трактатовъ по меньшей мѣрѣ удивительна, принимая во вниманіе, что она внушена правительствомъ одной изъ подписавшихъ эти трактаты державъ, да еще именно ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поло-

жизнь, всё упоминаемые въ филиппикѣ европейскіе трактаты дѣйствительно кромѣ презрѣнія ничего не заслуживаютъ, но тѣмъ не менѣе высказываніе этого заслуженнаго презрѣнія по внушенію министра—явленіе далеко не заурядное и знаменательное. То, что слѣдуетъ далѣе, еще знаменательнѣе.

«Всякая верховная власть, даже неограниченная, подразумеваетъ собою существованіе договора между народомъ и главой государства. Иногда молчаливый, но всегда реальный, этотъ договоръ, на который монархи Божіею милостію всегда первые ссылаются, покоится на взаимныхъ симпатіяхъ, также какъ и на добровольномъ согласіи населеній. Со времени коммунальныхъ хартій XII столѣтія и до анекціонистскихъ плебисцитовъ нашихъ дней міръ не зналъ иныхъ основъ монархическаго права. Варьировались способы примѣненія, но принципъ оставался тотъ же. Ну, а въ данномъ случаѣ гдѣ же взаимныя симпатіи? Гдѣ добровольное согласіе населеній?... О, сами тѣ, которые проповѣдуютъ намъ примиреніе, принуждены сознаться, что подъ русскимъ владычествомъ Польша не пользуется ни автономіей, ни свободой религіи, ни даже роднымъ языкомъ.... Но не будемъ бесполезно увеличивать число этихъ страницъ разсказами о всѣхъ чудовищныхъ фактахъ... Одно вполне достоверно: русскіе государи не исполнили по отношенію къ Польшѣ ни одной изъ обязанностей верховной власти. Они не только не заботились о ея благосостояніи, но отдали ее на съѣденіе цѣлой шайкѣ чиновниковъ, которые эксплуатировали ее съ жадностію, какъ добычу; они разбросали по всѣмъ вѣтрамъ ея достоинства, ея законы, ея убѣжденія и вѣрованія... И въ этомъ-то заключались бы ихъ права на титулъ польскихъ королей?!...

«Да вѣдь они же, въ довершеніе всего, сами отвергли этотъ титулъ, вѣроптно, показавшійся имъ неблагозвучнымъ. Для нихъ эта страна, которая, они чувствуютъ, содрогается подъ ихъ навязаннымъ скипетромъ,—эта страна не имѣетъ болѣе легальнаго существованія. Они самое имя ея вычеркнули съ карты Европы: ихъ верховною властію конгрессовая Польша именуется нынѣ «Привислянскимъ краемъ». Такимъ образомъ они собственными руками уничтожили окончательно то, что еще могло сохранить за ними хоть подобіе права. Трактаты не существуютъ болѣе уже потому, что русскіе государи сами уничтожили ихъ. Корона Ягеллоновъ, Собѣскихъ и столькихъ другихъ легендарныхъ героев законнымъ образомъ сдѣлалась нынѣ вакантною. Польская нація вновь вступила въ обладаніе своимъ первоначальнымъ правомъ предложить эту корону наиболѣе достойному».

Рискуя надобѣсть читателямъ частымъ повтореніемъ одного и того же, мы вынуждены напомнить имъ еще разъ, что все изложенное написано австрійскимъ чиновникомъ, —человѣкомъ, оффиціально состоящимъ на службѣ въ бюро печати при вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—и написано, слѣдовательно, не только съ-вѣдома, но по приказанію и подъ

предварительною цензурой начальствующихъ въ бюро лицъ, которыя сами получаютъ инструкціи непосредственно отъ министра... (Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, даже и эти, все-таки второстепенныя, лица не при чемъ. Мы имѣемъ основательные поводы утверждать, что брошюра «La Pologne et les Habsbourg» написана подъ цензурой самого министра.) Кто внимательно прочелъ приведенныя выписки, того не могли не поразить рѣзкость выражений (еще значительно смягченная нами) и рѣшительность тона брошюры. Безспорно, анонимная брошюра и даже десятки таковыхъ ни къ чему *не обязываютъ* правительство, которое *официально* не можетъ быть дѣлаемо отвѣтственнымъ за произведенія печати, хотя бы и существовало подозрѣніе, что эта печать зависящая, офиціозная. Но опять-таки, думаемъ, всякій согласится, что собственно отсутствіе офиціальности играетъ тутъ роль только до поры до времени и что даже подъ удобнымъ прикрытіемъ анонима правительства не имѣютъ обыкновенія печатно высказывать подобныя вещи, во-первыхъ, безъ цѣли и, во вторыхъ, при такой морально-компрометирующей ихъ обстановкѣ, какъ состояніе отвѣтственнаго автора на службѣ въ учрежденіи, подобномъ бюро печати, завѣдомо для всѣхъ существующемъ лишь затѣмъ, чтобы воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Такія вещи и такимъ языкомъ говорятъ только тогда, когда ужъ нечего беречь, когда извѣстные политическіе корабли безповоротно обречены на сожженіе и только не наступилъ еще моментъ приложить зажженную спичку къ давно собраннымъ горючимъ матеріаламъ. Сжиганіе кораблей—дѣло всегда рискованное. На него никто не рѣшается, покуда есть хотя малѣйшій шансъ обойтись безъ такого героическаго средства. Обыкновенно оставляютъ про запасъ хоть пару другую утлыхъ лодчонокъ, на которыхъ можно бы было вернуться назадъ, въ случаѣ надобности. Если мы видимъ, что въ данномъ случаѣ австрійское правительство даже объ этихъ лодчонкахъ не считаетъ нужнымъ заботиться, то есть основаніе предполагать, что оно твердо рѣшилось въ удобный для того моментъ повторить громко, открыто и офиціально то, что теперь говорятъ подъ прозрачнымъ покровомъ офиціознаго анонима. Дальнѣйшее знакомство съ брошюрой докажетъ это какъ нельзя болѣе ясно, а въ то же время опредѣлитъ съ несомнѣнною точностью если не самую эпоху наступленія удобнаго момента, то по крайней мѣрѣ условія, при которыхъ онъ долженъ наступить.

Прежде всего обратимъ вниманіе на время появленія брошюры—лѣтомъ 1880 года, мѣсяца за два или за три до посѣщенія Галиціи императоромъ Францемъ-Іосифомъ—и на то, какъ она сама объясняетъ событіе, которому служить предшественницей: «Каждый разъ, какъ императоръ посѣщалъ одну изъ провинцій своей имперіи, Галиція спрашивала себя: когда же наступитъ и ея очередь. Много разъ ея представители усердно просили главу государства уступить ея желаніямъ,—такъ стремилась она присоединить и свои восторженныя восклицанія къ тѣмъ, которыя всюду встрѣ-

чають нашего честнаго, рыцарскаго государя. Однако же ей приходилось покорно ждать, и если Галиція, съ обычнымъ своимъ тактомъ, *понимала мотивы, изъ-за которыхъ такъ долго откладывались путешествія императора*, то можно представить себѣ, съ какой глубокою радостью узнала она теперь, что *этихъ мотивовъ не существуетъ болѣе*. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году добрая вѣсть подтверждена, наконецъ, официально: въ сентябрѣ императоръ посѣтитъ Краковъ и Львовъ, и это посѣщеніе, какъ бы кратковременно оно ни было, будетъ и для населенія, и для дипломатическаго міра имѣть все значеніе выдающагося политическаго событія. Всѣмъ рѣшительно было извѣстно, что глава австро-венгерской династіи главнымъ образомъ желалъ, во что бы то ни стало, избѣжать тѣхъ овацій, которыя ждали его въ Галиціи. Хорошо сознавая свою популярность, *Францъ-Иосифъ боялся задѣть ею слишкомъ понятную щекотливость по ту сторону границы*. Поэтому ужь одинъ тотъ фактъ, что эти опасенія не принимаются болѣе во вниманіе, показываетъ, что положеніе измѣнилось радикально. *Съ того самаго дня, какъ императоръ рѣшился удовлетворить столь часто повторявшимся желаніямъ галиційскихъ поляковъ, — съ этого самаго дня позволительно было заключить, что политика тройскаго союза рѣшительно и окончательно отжила свой вѣкъ...* Австро-Венгерія, въ отношеніяхъ своихъ къ Россіи, возвратила себѣ вновь полную свободу дѣйствій. Мы не пойдемъ такъ далеко, чтобы сказать, какъ дѣлаютъ многіе, будто отношенія между Вѣной и Петербургомъ чрезвычайно натянуты, — это было бы преувеличеніемъ. Однако-жь очевидно, что они потеряли уже свой прежній характеръ сердечности. Слово, при торжественныхъ обстоятельствахъ данное императору австрійскому, было недостойнымъ образомъ забыто. Съ тѣхъ поръ *онъ справедливо считаетъ и себя вполне свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ и не имѣющимъ болѣе нужды соблюдать особенную осторожность...* Мы смѣло можемъ повторить сколько угодно разъ: *взаимныя симпатіи, существующія между Польшей и домою Габсбурговъ, гораздо глубже и живѣе, чѣмъ вообще думаютъ или дѣлаютъ видъ, что думаютъ. Австріи стоитъ пожелать — и она сгруппируетъ вокругъ себя всѣхъ поляковъ*. До сихъ поръ она, какъ бы сомнѣваясь сама въ себѣ, не осмѣливалась попробовать; но намъ кажется, что теперь политическія условія измѣнились уже настолько, что создали для нея совсѣмъ новое положеніе.

Русскій читатель вѣроятно, а польскій (изъ Царства и Познани) — навѣрное съ удивленіемъ спроситъ себя, о какихъ это «взаимныхъ симпатіяхъ», да еще «глубокихъ и живыхъ», между Польшей и Габсбургами идетъ рѣчь? Въ чемъ и когда онѣ выразились?... Дѣйствительно, обыкновенный писатель почувствовалъ бы себя въ затрудненіи, еслибъ ему пришлось доказывать что-либо подобное. Но для автора, пишущаго подъ диктовку, затрудненій не существуетъ. Изъ историческихъ фактовъ онъ

ловко выбираетъ какой-нибудь одинъ и, обобщая его до степени руководящаго политическаго принципа, смѣло восклицаетъ, какъ это дѣлается въ цитируемой брошюрѣ: «одна только нація оказала намъ (т. е. полякамъ) дѣйствительную помощь въ минуту опасности — венгерская; одно только правительство приняло на себя инициативу устроить европейское соглашеніе съ цѣлію помочь намъ возстановить нашу національность — австро-венгерское». Надо, впрочемъ, отдать справедливость составителямъ брошюры: они очень удачно выбрали фактъ, изъ котораго вывели это свое неожиданное заключеніе, а именно—привели достовѣрный, но вообще мало извѣстный дипломатическій экивокъ, имѣвшій мѣсто въ эпоху польскаго возстанія 1830 года. Въ то время не только во всей Венгріи происходила сильная агитація и комитаты одинъ за другимъ посылали петиціи императору, прося его вступить за поляковъ и возстановить Польшу, но и самъ Метернихъ тайно старался о томъ же. Вступивъ въ прямые переговоры съ Франціей и Англіей, онъ формально предложилъ имъ признать и провозгласить независимость Польши въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ она существовала при Янѣ Собѣскому. Предвидя, что такой результатъ не можетъ быть достигнутъ одними дипломатическими мѣрами, Метернихъ предполагалъ заключить между тремя державами союзъ для возстановленія Польши силою оружія.

Для поляковъ, хорошо знающихъ положеніе и интересы своей національности,—конечно, если здравый смыслъ не замѣняется въ нихъ страстію или чреватѣрнымъ страданіемъ, которое ослѣпляетъ еще хуже страсти,—для поляковъ этого факта еще слишкомъ недостаточно, чтобы возлагать какія-либо серьезныя надежды на Габсбурговъ. Сколько бы ни говорили всевозможные вѣнскіе оффиціозы, будто «между поляками и Габсбургами не стоитъ мрачною тѣнью ни одно изъ тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя дѣлаютъ подчасъ невозможнымъ примиреніе даже самое желательное» (эти слова заимствованы изъ той же брошюры),—поляки очень хорошо понимаютъ, что, во-первыхъ, и «мрачныя тѣни», если ихъ поискать, отыщутся, да еще такія, какихъ мрачнѣе и выдумать нельзя *), а во-вторыхъ, и это главное, что примиреніе народовъ вызывается и

*) Стоитъ вспомнить ужасающую трагедію 1848 года, эту гнусную рѣзню, во время которой убійцы крестьяне открыто получали по 5 гульд. за голову каждаго зарѣзаннаго ими помѣщика-поляка. Эти возмущающія душу „деньги крови“ платило австрійское правительство, тогда какъ русскіе солдаты, густымъ кардономъ разставленные вдоль всей границы, по приказанію русскаго правительства принимали и защищали всѣхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ рукъ убійцъ, а по убійцамъ стрѣляли безъ милосердія, если они осмѣливались хоть одною ногой переступить на русскую территорію. Еще живы какъ въ Царствѣ, такъ и въ Галиціи весьма многіе очевидцы этой позорной эпопеи, и если она не представляетъ одного изъ „тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя...“ и т. д., то трудно и представить себѣ, какая же можетъ быть еще болѣе „мрачная тѣнь“.

обусловливается отнюдь не призраками и воспоминаніями прошлаго, а насущными интересами настоящаго и будущаго. Но если для поляковъ единственный историческій фактъ, приводимый брошюрой, не имѣетъ ровно никакого значенія, то для насъ, русскихъ, онъ, наоборотъ, имѣетъ значеніе громадное, и намъ нельзя не обратить на него очень серьезнаго вниманія, — нельзя именно по мотивамъ, которые руководили Метернихомъ какъ въ 1831 году, такъ и въ 1815-мъ, когда онъ на Вѣнскомъ конгрессѣ поспѣшилъ присоединиться къ предложенію англійскаго перваго министра Кэстлери возстановить Польшу въ границахъ 1772 года, а потомъ, желая предупредить вѣроятныя возраженія Россіи и Пруссіи, уже самъ предложилъ границы 1791 года. Нужно ли объяснять, какіе это были мотивы? Не понятно ли каждому и безъ того, что они заключались тогда, какъ заключаются и теперь, въ соперничествѣ съ Россіей?... Предложеніе Кэстлери и горячая поддержка его Метернихомъ отнюдь не были однимъ изъ тѣхъ «благородныхъ порывовъ» въ сторону права и справедливости, о которыхъ такъ красно глаголятъ теперь оффиціозные министерскіе анонимы въ Вѣнѣ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, который прусскій министръ Штейнъ назвалъ «фарсомъ», а членъ англійской палаты общинъ Уайтбрэдъ въ открытомъ засѣданіи парламента характеризовалъ какъ «новую систему разбойничества и грабежа», — на этомъ конгрессѣ о правѣ и справедливости никто не думалъ. Мысль о возстановленіи Польши являлась въ видѣ противовѣса и какъ отвѣтъ на выраженное желаніе императора Александра I-го образовать изъ оставшихся еще независимыми частей Польши отдѣльное и самостоятельное Польское королевство съ присоединеніемъ его къ Россіи приблизительно на такихъ же условіяхъ, въ какихъ Венгрія (того времени) находилась по отношенію къ Австріи. Это намѣреніе Александра I-го, будь оно осуществлено, непременно *послужило бы современемъ основаніемъ полного возстановленія Польши въ уни съ Россіей*. Оно такъ — сказать закладывало первый камень въ фундаментъ таковаго будущаго, и *вотъ этому — то Метернихъ энергически воспротивился, соглашаясь скорѣе на независимую Польшу, чѣмъ на Польшу тѣсно и неразрывно связанную съ Россіей*. Почему? — спросять можетъ быть читатели. — Какая можетъ быть выгода для Австріи предпочитать возстановленіе независимой Польши, при которомъ она должна потерять часть своихъ владѣній и пріобрѣсти безпокойнаго сосѣда?... Мы уже замѣтили выше, что будемъ имѣть случай говорить обо всемъ этомъ подробно въ главѣ о полякахъ. Тѣмъ не менѣе, для ясности и предлагаемой статьи, отвѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ на эти вопросы. Выгода для Австріи громадная: спасеніе жизни. Тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ это увѣреніе покажется рискованнымъ, если не прямо фантастическимъ, мы просимъ покорнѣйше пробѣжать мысленно подробно изложенную нами политическую программу Фишгофа и припомнить въ особенности его, съ особеннымъ удареніемъ дважды повторен-

ное, положеніе (въ подлинникѣ напечатано съ пробѣлами между буквами и жирнымъ шрифтомъ): «*Единство расы — московскій лозунгъ; самобытность каждой отдельной народности—должно сдѣлаться лозунгомъ австрійскимъ... Партикуляризмъ славянскихъ народовъ—это гарантія существованія Австріи*». Какъ скоро партикуляризмъ—гарантія существованія, то ясно, что антитеза партикуляризма — объединеніе расы—смертный приговоръ. Ну, а если покровительствуемый Австріей партикуляризмъ еще до нѣкоторой степени возможенъ въ славянствѣ и безъ участія въ немъ поляковъ, то ужъ провозглашаемое у насъ объединеніе славянства абсолютно невозможно,—невозможно ни съ политической, ни съ географической, ни (что всего важнѣе можетъ-быть) съ нравственной точки зрѣнія. Понятно, почему Австрія такъ ревниво относилась всегда къ польскому вопросу, когда являлась опасность, что этотъ вопросъ будетъ удовлетворительнымъ для поляковъ образомъ разрѣшенъ Россіей. Вполнѣ независимая Польша, какъ большое и самостоятельное королевство, можетъ быть для Австріи не совсѣмъ удобна, но только *неудобна*; тогда какъ Польша, возстановленная руками Россіи и въ политической уніи съ Россіей,—уніи, прочно обезпеченной племеннымъ родствомъ и взаимными политическими и экономическими интересами обоихъ государствъ,—такая Польша была бы первымъ незыблемо-твердымъ и единственно вѣрнымъ шагомъ по пути къ осуществленію идеи объединенія славянства, т. е. для Австріи—по пути къ смерти. Натурально, что въ эпохи кризисовъ польскаго вопроса первое движеніе Австріи бываетъ всегда въ сторону того, что для нея представляетъ меньшее изъ двухъ золъ т. е. въ пользу возстановленія независимости Польши.

Впрочемъ, мы уже видѣли, что однимъ изъ главныхъ и для Габсбурговъ чрезвычайно выгодныхъ качествъ служить умѣнье по одѣжкѣ протягивать ножки. Брать они всегда брали и берутъ все, что попадаетъ подъ руку; но даютъ только то и ровно въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ крайняя необходимость. Такъ точно они дѣйствуютъ и по отношенію къ польскому вопросу. Врожденный въ ихъ фамиліи тактъ не дозволяетъ имъ давать безъ нужды такія гиперболическія обѣщанія, самая громадность которыхъ непременно должна внушить недовѣріе если не къ ихъ искренности, то къ матеріальной возможности ихъ исполненія. Въ силу этихъ двухъ побудительныхъ причинъ—личныхъ выгодъ и такта, полякамъ со стороны Австріи не только не обѣщается полная независимость, но прямо говорится, что они должны быть умѣренными, считаясь съ существующими обстоятельствами, *на первое время* (надежду поддерживать всегда выгодно и ее благоразумно оставляютъ) довольствоваться возможнымъ малымъ, не стремясь сразу достигъ невозможнаго *еще* всего. Вотъ что говорить на этотъ счетъ анонимная министерская брошюра: «Мы съ самыхъ первыхъ страницъ говорили, что надо быть практическими. Это единственное условіе успѣха. Остережемся впасть въ заблужденіе про-

шлаго. Во что бы то ни стало, не будемъ предъявлять претензій невозможныхъ къ осуществленію. Въ настоящее время требовать полного освобожденія Польши, мечтать о возстановленіи ея въ прежнихъ границахъ—значило бы натолкнуться на препятствія почти непреборимыя. Чтобы *разрѣшить мало-по-малу* эти важныя задачи, чтобы только сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе ихъ въ будущемъ, мы не должны стремиться получить все сразу. *Въ настоящее время удовлетворимся созданіемъ совершившагося факта...*

Какого же факта?—А вотъ какого: *«Добьемся присоединенія Варшавы къ Галиціи; возвратимъ конгрессовой Польшѣ (т. е. Царству Польскому) автономное существованіе подъ управленіемъ принца австрійскаго дома... Пусть великая историческая польская рѣка, Висла, станетъ естественною границей Габсбургской монархіи... Пусть древняя столица Ягеллоновъ займетъ принадлежащее ей мѣсто среди счастливой провинціи (т. е. Галиціи), которая служить въ настоящее время очагомъ польской политической и умственной жизни,—лучезарнымъ центромъ, къ которому обращаются взоры всѣхъ поляковъ... Возсоздадимъ же, подъ покровительствомъ Габсбурговъ, крѣпкое ядро нашей національности, вступивъ снова во владѣніе нашей историческою столицей, призванной къ пользованію всѣми преимуществами и вольностями Галиціи...»*

Не дурно придумано, не правда ли? Понятно теперь, почему австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ продиктовало своему подчиненному писателю строки, полныя величественнаго презрѣнія къ международнымъ трактатамъ, и въ то же время торжественно объявило возстановленнымъ право польской націи располагать короной въ пользу того, кого сама она найдетъ достойнѣйшимъ. Этотъ «достойнѣйшій» въ мысли австрійскаго правительства давно уже найденъ, это—домъ Габсбурговъ и первое употребленіе, которое поляки должны сдѣлать изъ своего возстановленнаго права, это—стать подъ скипетръ Габсбурговъ. Вотъ удобная и выгодная цѣль, которою, примѣняясь къ обстоятельствамъ, не вынуждающимъ къ крайней щедрости, рѣшились замѣнить все же до нѣкоторой степени рискованное метерниховское возстановленіе независимой Польши.

Это далеко не все, на что поляки могутъ претендовать и можетъ показаться имъ мало. Но вѣдь, во-первыхъ, затѣмъ имъ и говорить: покуда, а тамъ можно и все ирочее получить; во-вторыхъ, предлагается не просто австрійское гражданство, а нѣчто большее. «...Выше мы съ тяжелою скорбію замѣтили,—продолжаетъ свое повѣствованіе брошюра,—что самое имя Польши перестало существовать на официалномъ языкѣ. Нашей мужественной націи героевъ необходимо прежде всего возвратитъ себѣ законное имя. Надо, чтобъ ее снова признала Европа, которая теперь считаетъ себя обязанной молча переходить къ очереднымъ дѣламъ, когда рѣчь заходитъ о насъ. И развѣ наше поколѣніе не достаточно сдѣлало бы съ своей стороны, есlibы *добились для Польши, въ лонѣ Габс-*

бурской монархіи, положенія, подобнаго тому, какое занимаетъ въ ней Венгрія съ ея столицей, съ ея отдѣльнымъ министерствомъ, съ ея сеймомъ?... Поколѣніе, которому удалось бы осуществить такой прогрессъ, могло бы съ чистою совѣстью сказать себѣ, что оно хорошо послужило своему отечеству. Остальное сдѣлаетъ Богъ».

Богъ можетъ и не сдѣлать, конечно. Но если даже и не сдѣлаетъ, такъ развѣ положеніе, «подобное положенію Венгріи», не завидно само по себѣ, и въ особенности для народа несчастнаго, раздробленнаго, не имѣющаго иныхъ надеждъ никакихъ и ни на что? А что таково, будто бы, именно положеніе поляковъ, это оффиціозная министерская брошюра старается выставить и подчеркнуть какъ нельзя сильнѣе. «Нынѣ,—говоритъ она,—ужь совершенно несомнѣнно доказано, что у совѣтниковъ русскаго царя Польша никогда не встрѣтитъ уваженія ни къ религіи, ни къ языку, ни къ традиціямъ, ни къ національности своимъ. Даже диктаторъ Лорисъ-Меликовъ, которому очень хотѣлось бы прослыть либеральнымъ реформаторомъ, и тотъ такъ же мало, какъ и другіе, согласился признать законныя права поляковъ и самъ прервалъ переговоры, которые начались по его же инициативѣ...». Мало того: «уполномоченные органы оффиціальной Россіи (т.-е. русскаго правительства) сочли нужнымъ опровергнуть самыя слухи объ этихъ переговорахъ, хотя ближайшіе окружающіе Лорисъ-Меликова нисколько не скрывали желанія министра попробовать произвести сближеніе съ поляками». И такъ дѣлается всегда. Всякіе толки о примиреніи ведутся исключительно частными людьми, или хоть лицами и стоящими въ данную минуту у власти, но внѣ оффиціальной обстановки. Оффиціально же все это опровергается и отрицается, а почему?—да потому, что въ глубинѣ всѣхъ этихъ толковъ лежитъ одинъ обманъ. Въ минуту опасности поляковъ заманиваютъ туманными надеждами, неясными обѣщаніями, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить ни одного изъ нихъ, когда опасность пройдетъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что правительство, ничего оффиціально не обѣщавшее, ни единымъ движеніемъ не заявившее, что намѣрено измѣнить свой образъ дѣйствій относительно поляковъ, тѣмъ самымъ обезпечило себѣ свободу отъ всякихъ обязательствъ и отъ всякой отвѣтственности.

Итакъ, ясно, что со стороны Россіи полякамъ нечего ждать. Слѣдовательно, ради жизненныхъ интересовъ своихъ, они должны и даже обязаны стремительно броситься въ простираемыя къ нимъ объятія Австріи. Съ этой же стороны обмана бояться нечего, потому что его и быть не можетъ, такъ какъ интересы поляковъ на этотъ разъ болѣе нежели когда-нибудь совпадаютъ съ столь же жизненными интересами самихъ Габсбурговъ и ихъ монархіи. Дѣло въ томъ, что историческая польская рѣка не потому только должна стать границей Габсбургской монархіи, чтобы присоединить къ Галиціи историческую столицу, историческій центръ польщины, и тѣмъ воссоздать крѣпкое ядро польской національности, а по-

тому (и въ этомъ-то гарантія поляковъ), что пограничная линія Австріи крайне неудовлетворительна. Ея сѣверо-восточная граница совсѣмъ открыта, мало того—ея почти, можно сказать, вовсе нѣтъ. «Граница можетъ быть существуетъ на картѣ»,—говоритъ брошюра (читатели понимаютъ, конечно, что и все предыдущее сказано нами не отъ себя, а заимствовано изъ брошюры, хотя и не обозначено ковычками, такъ какъ передано не дословно); «вѣроятно, она извѣстна административнымъ учрежденіямъ, на которыхъ лежитъ обязанность заставлять уважать границы, но въ физическомъ отношеніи она просто не существуетъ. Польскія земли разрѣзаны были нѣкоторымъ образомъ на удачу, по капризу, какъ будто государственные люди, дѣлавшіе это, сами хотѣли выказать непредусмотрительность своихъ комбинацій. Для чего, наприимѣръ, эта великолѣпная цѣпь Карпатовъ, раздѣляющая на югъ Галицію отъ Венгріи, когда галичане и венгерцы признають одного государя, повинуются однимъ законамъ и связаны общими симпатіями и традиціями (!)? А между Галиціей и конгрессовой Польшей гдѣ же граница? А между тѣмъ съ одной стороны—Австрія, а съ другой—Россія... Безъ сомнѣнія, это провиденціальное указаніе, данное самимъ Богомъ, на невозможность держать всегда раздробленными населенія, которыя съ героическою стойкостью сохраняють общность идей, стремленій и воспоминаній. Но въ настоящую минуту, при существующихъ условіяхъ..., фактъ тотъ, что съ одной стороны—Австрія, а съ другой—Россія, а между этими двумя имперіями граница совершенно открытая. Россія сама однажды указала на эту опасность. Именно, нѣсколько времени тому назадъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда князь Бисмаркъ чувствуетъ потребность высказать публично свое дурное расположеніе духа, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* осыпала русское правительство упреками за непомѣрное усиленіе линіи Нѣмана. Тогда русское посольство помѣстило въ офиціозномъ канцлерскомъ органѣ отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано буквально: «...Мы точно также увѣрены, что миръ не будетъ нарушенъ и между Австріей и Россіей. Но еслибы, въ противность волѣ обоихъ правительствъ, событія на Востоцѣ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ привели къ столкновенію, *не будетъ ли имѣть огромную важность положеніе, какое займутъ польскія населенія въ Россіи, и не будетъ ли оно нѣкоторымъ образомъ завистью отъ большей или меньшей силы русскихъ армій въ Польшѣ и Литвѣ?*» Развѣ этими словами не высказано иносказательно, при помощи болѣе или менѣе техническихъ дипломатическихъ выраженій: «Граница Австріи открыта. Соберемъ же въ данный моментъ достаточное количество войскъ съ этой стороны. Овладѣніе сѣверными провинціями будетъ дѣломъ простой военной прогулки»? А развѣ задача поставлена такимъ образомъ и такія надежды высказываются вслухъ, какъ же Австрія, будучи предупрежденной, не перевернуть частей этого предложенія? Положеніе таково, что польскія провинціи по неволѣ сдѣлаются театромъ войны, когда раз

разится борьба между Австріей и Россіей. Какимъ же образомъ австрийскому правительству не принять заранѣе мѣръ, чтобы, въ случаѣ надобности, приобрести себѣ здѣсь естественную границу, которой теперь нѣтъ? Разумѣется, мы не думаемъ, чтобы Австрія взяла на себя инициативу нападенія. Но оно придетъ рано или поздно съ другой стороны... Война съ Россіей не есть только вѣроятность,—она представляетъ одну изъ математическихъ истинъ будущаго... Австрийское правительство прежде всего должно думать объ удаленіи этой грозящей опасности, а для этого существуетъ только одно средство: когда наступитъ часъ, смѣло броситься впередъ и безъ колебаній, прямо, идти, не останавливаясь, до самой Вислы. Эта великая польская рѣка—единственная возможная граница для монархіи Габсбурговъ. Она не только представляетъ для нея то, что на научномъ языкѣ называется естественною границей, но обладаніе ею совершенно необходимо ей, съ точки зрѣнія самыхъ элементарныхъ предосторожностей. Ей необходимо, совершенно необходимо, овладѣть ею, если она не хочетъ жить подъ давленіемъ постоянной угрозы... Отнынѣ бдительный надзоръ съ этой стороны составляетъ условіе спасенія Австріи, а въ данный моментъ увеличеніе территоріи до самой Вислы можетъ сдѣлаться для нея вопросомъ жизни и смерти...»

Впрочемъ, австрийское министерство, говорящее устами своего оффиціоза, не считаетъ безусловно необходимымъ «приобрѣтать территорію до самой Вислы» непременно войною. Оно допускаетъ возможность разрѣшенія вопроса мирнымъ путемъ, посредствомъ добровольнаго и, какъ оно полагаетъ, для обѣихъ сторонъ выгоднаго обмѣна. По его мнѣнію, «точка отправленія въ это дѣло дана великимъ принципомъ національностей. Въ границахъ нынѣшней Галиціи живутъ два народа, не имѣющіе ни общаго происхожденія, ни общихъ стремленій. Русины происхожденія русскаго и нѣкоторые историки утверждаютъ даже, что именно они дали свое имя странѣ древнихъ сарматовъ, финновъ и склавовъ. Во всякомъ случаѣ и въ настоящее время занимаемая ими часть Галиціи носятъ еще названіе Червенной Руси. Они хотъ и сдѣлались католиками (?) триста лѣтъ тому назадъ, но тѣмъ не менѣе сохранили свой особенный ритуаль и свои права... Въ наши намѣренія не можетъ входить разборъ тѣхъ обвиненій, которыми они часто выставляютъ противъ насъ (поляковъ,—авторъ вѣдь выдаетъ себя за поляка). Но фактъ тотъ, что на выборахъ русины имѣютъ кандидатовъ, отдѣльныхъ отъ нашихъ, а въ палатѣ ихъ депутаты не сидятъ вмѣстѣ съ нашими. Для чего же, въ такомъ случаѣ, увѣковѣчивать борьбу, которая только ослабляетъ наши внутреннія силы? Не лучше ли сосредоточиться самимъ, раздѣливъ откровенно два элемента, движущіе постоянно на столь разнородной почвѣ и идущіе, каждый самъ по себѣ, къ столь противоположнымъ идеаламъ?... Мы допускаемъ только одно правило и желаемъ видѣть его примѣненнымъ ко всемъ, безъ жалѣйшаго исключенія. Справедливость и свобода для Польши—это нашъ

идеаль, конечная цѣль всѣхъ нашихъ усилій. Но, — прибавляемъ мы въ то же время, — справедливость и свобода для всѣхъ. Будемъ остерегаться эгоизма и нелогичности, — это было бы непростительной ошибкой. Не дадимъ никому права называть себя угнетеннымъ поляками и откажемся отъ управленія русинами, если справедливо, что союзъ съ нами антипатиченъ для нихъ... Исходя изъ этого порядка идей, правильность котораго не можетъ быть оспариваема, палатинаты Львовскій, Холмскій и Бѣльскій (восточная Галиція), исключительно обитаемые русинами, могли бы быть уступлены русскому императору. Соединивъ такимъ образомъ подъ своимъ скипетромъ Русь Червонную и Бѣлую, Великую и Малую Россію, онъ на самомъ дѣлѣ сталъ бы государемъ *всѣя Руси*, царемъ всѣхъ русскихъ. А императоръ австрійскій, взаменъ того, долженъ бы получить не Варшаву только, а всю конгрессовую Польшу, и сдѣлаться дѣйствительно и королемъ польскимъ. Это рѣшеніе самое простое, самое ясное и самое удобопонятное. Что при его осуществленіи потребовались бы нѣкоторые предварительныя сдѣлки, что можетъ-быть пришлось бы съ той или другой стороны поискать компенсацій, необходимыхъ для полного уравновѣшенія частей, это не можетъ составить затрудненія. Такова общая участь всѣхъ территоріальныхъ вопросовъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ. Существенно въ этомъ способѣ то, что при немъ не можетъ возникнуть никакого принципиальнаго возраженія. Онъ представляеть, напротивъ, ту выгоду, что одинаково шадитъ самолюбіе обѣихъ сторонъ и можетъ быть примѣненъ къ дѣлу безъ особенныхъ трудностей. Россіи нѣтъ, въ сущности, никакой выгоды отказываться отъ таково обмѣна потому, что черезъ него она получила бы населеніе симпатичное ей и однородное съ ея, взаменъ населенія враждебнаго.

Къ сожалѣнію, этотъ чудесный, обоюдо-выгодный способъ мирнаго улаженія вопроса о границахъ, одинаково открытыхъ въ обѣихъ имперіяхъ, имѣеть мало шансовъ на осуществленіе. Едва ли не упущено для этого время. «При всемъ миролюбіи Австріи, при всемъ ея глубоко-искреннемъ желаніи никогда и ни съ кѣмъ не вести войны, ей едва ли удастся избѣжать таковой именно съ Россіей». Не удастся потому, что Австрія не можетъ отказаться отъ своей великой двойственной миссіи: охранять съ одной стороны европейскую цивилизацію отъ азіятскаго варварства, представляемаго Россіей, съ другой — независимость, самостоятельность и національную самобытность славянскихъ племенъ отъ завоевательныхъ и поглотительныхъ стремленій той же Россіи. Эти варварства и завоевательныя стремленія маскируются ложнымъ наименованіемъ панславизма, а Австрія — природный врагъ и избранный Провидѣніемъ борець противъ *такого* панславизма. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ «не видимое назначеніе Австріи положить конецъ бѣдствіямъ, которыя въ продолженіе столькихъ долгихъ вѣковъ тяготѣли надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова? Не въ этихъ ли странахъ ея величайшіе пол-

ководцы: принцъ Евгеній, генералъ Лаудонъ и множество другихъ приобрѣли свою лучшую славу? Когда сила вещей, почти протквъ ея воли, непрерывно увлекала въ эту сторону ея побѣдоносныя войска, по какому странному ослѣпленію Австрія такъ долго пренебрегала своимъ долгомъ посвящать особенное вниманіе восточнымъ дѣламъ? А между тѣмъ имперскій орелъ потону и снабженъ двумя головами, что ему необходимо смотрѣть сразу въ двѣ стороны. Не переставая, разужѣется, принимать участіе въ дѣлахъ Европы, монархія должна однако же понять, что ея провиденціальная задача состоитъ во внесеніи свѣта цивилизаціи въ тѣ излюбленныя солнцемъ страны, которымъ черезчуръ первобытное управленіе мѣшало до сихъ поръ воспользоваться въ должной мѣрѣ своими естественными преимуществами. Въ настоящее время въ Австріи прониклись, наконецъ, этой важной истиной... Имперія Габсбурговъ рѣшилась открыто подѣяться заняться славянами... Въ самомъ дѣлѣ, не ради же одного удовольствія прибавить къ населенію имперіи 900 тыс. босняковъ и герцеговинцевъ австрійскіе солдаты совершали чудеса храбрости и не съ единственною цѣлью увеличить свою территорию на нѣсколько десятковъ квадратныхъ миль глава государства приказалъ этимъ солдатамъ двинуться впередъ... Соглашаясь вступить на этотъ путь, совершая эту восточную эволюцію, Австро-Венгрія очевидно порвала съ традиціями недавняго прошлаго... Ось ея политики переиждистилась... Отнынѣ христіанскій Востокъ служить предметомъ ея усиленнаго вниманія, а краеугольнымъ камнемъ всего—исторически доказанная необходимость избавить европейскій міръ отъ вліянія панславизма... Въ дѣлѣ внутреннихъ отношеній все это уже отразилось на политикѣ правительства... За послѣднія десятилѣтія нѣмцы, казалось, пустили неисторжимые корни во власти и употребляли ее исключительно въ свою личную пользу... Вмѣсто того, чтобы, согласно волѣ государя и здравому смыслу, поставить всѣхъ гражданъ имперіи на равную ногу, правительство какъ бы дѣлило ихъ на двѣ категоріи: нѣмцевъ, призванныхъ повелѣвать, и всѣхъ прочихъ, созданныхъ исключительно для повиновенія. Славяне долгое время третировались центральной властью, какъ чужіе, если не какъ враги...» Теперь все это измѣнилось. «Наоборотъ, противъ прежняго, славяне призваны наравнѣ съ другими къ участію въ управленіи... Графъ Таафе поставилъ себѣ задачей осуществить благородный девизъ государя, интимныя мысли котораго такъ хорошо извѣстны ему: *Viribus unitis! Ни панславизма, ни германизаціи*—таковъ будетъ отнынѣ и внутри, и внѣ имперіи девизъ государственныхъ людей, которые призовутся къ руководительству судьбами Австро-Венгріи...»

Да, внутри и внѣ. Ужасы панславизма, представляемаго Россіей, такъ велики въ глазахъ внушителя брошюры, что балканскимъ народамъ, пожалуй, «выгоднѣе было бы подвергнуться германскому владычеству. По крайней мѣрѣ оно, рядомъ съ своимъ грубымъ деспотизмомъ (просимъ

читателей замѣтить это характерное выраженіе, — оно намъ понадобится впоследствии), можетъ указать и на свою далеко подвинувшуюся уместившую культуру. Но пусть всё разувѣрится. Восточные народы не будутъ поставлены въ непріятную необходимость выбирать между этими двумя автократіями. Современный міръ не хочетъ ни той, ни другой. Его традиціи, согласныя въ этомъ съ его стремленіями и истинными цѣлями, одинаково противятся и насильственной германизациі, какъ русскому панславизму...» Всѣ народы должны быть свободны и независимы, и обезпечить имъ эту свободу и независимость есть задача Австріи, — разсуждаетъ брошюра, — къ исполненію которой она уже приступила. Ясно, что на этомъ пути ее неизбѣжно ждетъ враждебное столкновение съ Россіей, потому что «очевидно невозможно вести политику (внутреннюю и внѣшнюю) болѣе непріятнымъ для Россіи образомъ... Да въ сущности разрывъ между ними уже произошелъ... Борьба началась, хотя покуда еще глухая и скрытая... И вотъ что надо запомнить хорошенько: совѣтники русскаго царя отнюдь не ошибаются на этотъ счетъ. Они въ совершенствѣ сознаютъ, что австро-венгерскому вліянію суждено служить противовѣсомъ ихъ вліянію на христіанскомъ Востокѣ. Они понимаютъ, что остріе ея (Австро-Венгріи) меча обращено противъ нихъ и если, несмотря на то, все-таки выказываютъ повидимому желаніе сохранить дружескія отношенія съ ней, то единственно потому, что финансы Россіи разстроены, армія нуждается въ реорганизаціи и борьба съ нигилизмомъ требуетъ участія во внутренней заботѣ всѣхъ живыхъ силъ государства... Вотъ почему медвѣдь, спрятавши когти, показываетъ бархатную ланку и пріятное лицо. Но впечатлѣніе не менѣе глубоко отъ того. Гнѣвъ противъ Австро-Венгріи сдѣлался хроническимъ въ русскомъ народѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кто говоритъ его именемъ...» Итакъ, война съ Россіей неизбѣжна, необходима; Россія сама ее желаетъ и откладываетъ только до тѣхъ поръ, покуда оправится. «Впрочемъ, въ этомъ отношеніи можно положиться на князя Бисмарка, — онъ создастъ поводъ къ столкновенію, еслибы такового и не было». И вотъ въ этой-то неизбѣжности войны лучшая гарантія для поляковъ, завѣряетъ брошюра, искренности Австріи по отношенію къ нимъ. Во-первыхъ, ихъ связываетъ общность историческихъ традицій: «Въ средніе вѣка и въ первыя столѣтія новой исторіи роль Польши точно также состояла въ томъ, что она представляла живой барьеръ противъ варварства, оборонительную армію противъ деспотизма». Во-вторыхъ, «въ борьбѣ съ Россіей непосредственные интересы Австріи заставляютъ ее честно протянуть руку Польшѣ, чтобы, когда понадобится, въ свою очередь оказать ей помощь».

Какъ видятъ читатели, это — цѣлая политическая программа, въ которой все предусмотрено: и исходная точка, и развитіе, и конечный пунктъ; предусмотрено даже возможное мирное осуществленіе, но осуществленія — нужно во что бы то ни стало: вотъ что утверждается положительно,

ясно и прямо, безъ всякихъ околичностей. Поляки должны занять мѣсто въ «монархіи соединенныхъ штатовъ», Висла должна сдѣлаться «естественной», т. е. стратегическою, границей этой монархіи. Для вящаго убѣжденія поляковъ въ этой необходимости и для болѣе нагляднаго показанія имъ всѣхъ преимуществъ, которыя готовятся имъ при осуществленіи программы, императоръ Францъ-Іосифъ не полѣнился даже съѣздить въ Галицію, чего онъ до сихъ поръ никакъ не могъ собраться сдѣлать. Точно ли, однако, Висла можетъ служить стратегическою границей Австріи, какую бы форму государственнаго строя она ни приняла въ ближайшемъ будущемъ?—*Отнюдь нѣтъ*. Принимая задачи Австріи такъ, какъ она сама ихъ понимаетъ, ея главные жизненные интересы влекутъ ее совсѣмъ не въ сторону Вислы, а въ сторону устьевъ Дуная и береговъ морей Адриатическаго и Эгейскаго. Слѣдовательно Висла тутъ рѣшительно не при чемъ. Она только отвлекала бы Австрію отъ ея прямыхъ задачъ и глашатаи идеи приобщенія къ этимъ задачамъ Вислы сами лучше всѣхъ понимаютъ это. Висла дѣйствительно можетъ служить стратегическою границей и давно уже намѣчена какъ таковая, *только границей не Австріи, а Пруссіи*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ бросить взглядъ на карту. Увлечись поляки габсбургскою программой, они несомнѣнно разыграли бы еще разъ ту печальную роль обманутыхъ, отъ которой ихъ такъ заботливо предостерегаетъ министерскій вѣнскій оффиціозъ, потому что по отношенію къ *нимъ* программа лжива въ самомъ своемъ основаніи. Но за то по отношенію къ *намъ*, къ Россіи, она такъ правдива, какъ лучше нельзя ни ожидать, ни желать. Все она намъ, какъ свѣжее яичко, сварила, облупила, разжевала и въ ротъ положила, и если мы не съумѣемъ проглотить, это ужъ будетъ наша собственная вина.

Но будемъ знакомиться далѣе съ правительственной австрійскою публицистическою пропагандой и посмотримъ, какой характеръ приняла она въ слѣдующемъ 1881 году. Вотъ передъ нами брошюра «Die Nationalitäten—das ist die Sprachenfrage in Oesterreich», брошюра столь же несомнѣнно оффиціознаго происхожденія, какъ и предыдущая. Выбираемъ ее потому, что она произвела въ свое время необыкновенно большой эффектъ въ Вѣнѣ и во всей Австріи. Дѣло въ томъ, что какъ цитированную выше брошюру «Die Deutschen in Oesterreich» голосъ общества приписалъ почему-то графу Гогенварту, такъ точно эту онъ приписалъ лично самому министру-президенту графу Таафе. Слухъ о томъ, что онъ готовитъ что-то подобное, ходилъ задолго до появленія брошюры, такъ что когда она появилась, наконецъ, ее раскупили на-расхватъ. Разумѣется, всѣ подобные слухи—вздоръ. Министрамъ некогда заниматься писаніемъ брошюръ, да и зачѣмъ они стали бы утруждать себя, когда для этого существуютъ подчиненные имъ спеціалисты-мастера. Но самое появленіе слуховъ этого рода и общая вѣра въ нихъ—явленіе все-таки чрезвычайно характерное, доказывающее, что пропаганда ведется не однимъ только словомъ, а и

фактами практической жизни. Иначе общество не могло бы вѣрять пропагандѣ и тѣмъ менѣе искать авторовъ пропагандистскихъ брошюръ, понимаясь все выше и выше по лѣстницѣ государственной іерархіи и переходя отъ министра въ отставкѣ къ министру въ данную минуту находящемуся у власти. Повторяемъ, ня мало не вѣроятно, чтобы Таафе лично писалъ брошюру, выписки изъ которой мы сейчасъ представимъ читателямъ; но надо замѣтить, что слухи объ его авторствѣ отнюдь не прекратились съ ея появленіемъ, а, напротивъ, еще болѣе усилились, вызвавъ въ одномъ лагерѣ радость и торжество, въ другомъ — озлобленіе и страхъ, граничащій съ паникой. Случилось все это потому, что брошюра въ самомъ дѣлѣ не только высказываемыми въ ней мыслями, но и тономъ, и даже оборотами рѣчи до такой степени напоминаетъ манеру Таафе, что кто хоть разъ слышалъ его въ парламентѣ, тому невольно должно было казаться, что это онъ же говоритъ и въ брошюрѣ. Говорится же тамъ слѣдующее:

«Изъ всѣхъ вопросовъ, которые дѣлаютъ столь труднымъ и почти опаснымъ предпріятіемъ государственное устройство Австріи, при законномѣрномъ участіи всѣхъ населяющихъ ее національностей, ни одинъ не имѣетъ такой рѣшающей важности и въ то же время такого ровного значенія, какъ вопросъ, обыкновенно называемый національнымъ». Каждая національность усиливается провести, навязавъ ее другимъ, именно ту форму, которая наиболѣе приспособлена къ ея (данной національности) потребностямъ. Между тѣмъ «...въ Австріи государство не національное, а политическое. Нѣмцамъ слѣдовало бы прежде всѣхъ правильно сознать эту основную идею австрійскаго государственнаго строенія и практически примѣнить ее какъ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ національностямъ, такъ и въ законодательствѣ. Вслѣдствіе того, что нѣмцы этого не сдѣлали, а первые съ самаго начала стали на удобную для нихъ національную точку зрѣнія по отношенію къ организаціи цѣлой монархіи,—вслѣдствіе того они потеряли половину государства (знаменитое «соглашеніе» 1867 г., уничтожившее всякую тѣнь нѣмецкаго вліянія въ Венгріи)... Съ тѣхъ поръ національная распри съ тѣмъ болѣею яростью свирѣпствуютъ въ «несоглашенной» еще половинѣ имперіи. Что прежде 1867 года происходило между мадьярами и нѣмцами, то теперь происходитъ между чехами и нѣмцами же. Ограниченные болѣе узкимъ пространствомъ, нѣмцы еще сильнѣе прежняго уперлись на національномъ характерѣ своей государственной доктрины и при этомъ своихъ теперешнихъ соперниковъ-чеховъ еще больше, чѣмъ прежнихъ—мадьяръ, третируютъ свысока... Въ послѣднее время очень много разсуждаютъ о томъ, умно ли поступилъ графъ Таафе, надававъ чехамъ разныхъ обѣщаній, чтобы побудить ихъ вернуться въ рейхсратъ... Очень можетъ быть, что чехи и безъ этихъ обѣщаній,—если графъ Таафе давалъ таковыя,—пришли бы въ рейхсратъ. Но одно совершенно достоверно, что чехи пользовались

бы всякимъ удобнымъ случаемъ предъявлять свои національныя требованія, что ихъ недовольство было бы постоянно зияющею раной на нашемъ государственномъ тѣлѣ и что, наконецъ, *умно это или нѣтъ, а исполненіе тѣхъ ихъ требованій, которыя не стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ необходимѣйшими общегосударственными потребностями, есть дѣло справедливости и потому оно должно быть сдѣлано...* Да если всмотрѣться внимательнѣе въ господствующія идеи нашего вѣка и въ ихъ громадныя усилія,—усилія, которыхъ обыкновенно и не подозреваютъ, покуда они не проявятся на дѣлѣ,—то нельзя не признать, что, *основанныя на принципѣ національности, политическія требованія чеховъ вовсе не преувеличены.* Если они, чехи, сдѣлались теперь нѣсколько настойчивы, то, принимая во вниманіе ихъ многократныя неудачи, всякій безпристрастный наблюдатель долженъ и въ этомъ оправдать ихъ. Три раза стояли они, казалось, наканунѣ исполненія своихъ національныхъ желаній—при Голуховскомъ, при Белькреді и при Гогенвартѣ—и три раза должны были, въ добавленіе къ несчастію, вынести еще и насильствія. Развѣ извѣстная часть нѣмецкой печати не называетъ еще и до сихъ поръ чешскій народъ «низшей расой»? Что-жъ удивительнаго, если чехи потеряли, наконецъ, терпѣніе? Что же удивительнаго, если, въ концѣ концовъ, и престоій народъ издаетъ теперь крикъ: «чернь противъ черни!»—потому что «черни»-то вѣдь достаточно и въ нѣмецкихъ высшихъ школахъ какъ въ Австріи, такъ и въ «новой» имперіи...

Вообще надо сознаться, что «чехи, какъ и вообще славяне, требуютъ осуществленія ихъ *права*, между тѣмъ какъ нѣмцы изъявляютъ претензію на *привилегію*...» Впрочемъ, съ чехами можно сговориться, можно поторговаться съ ними и придти къ соглашенію,—они доступны урезониванію. Такъ, правительство графа Таафе, сознавая, что «вообще дѣло правительства—національныя требованія воѣхъ партій такъ привести въ равновѣсіе, чтобъ они не нарушали политической гармоніи цѣлаго», частнымъ образомъ вело переговоры съ партіями насчетъ вопроса о языкѣ. «И съ чехами ему до извѣстной степени удалось поладить. Доказательствомъ служить то, что всѣ ихъ органы высказались за обусловливаемое практическими причинами повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго языка въ извѣстныхъ сферахъ политической и военной организаціи». То же было и съ вопросомъ о Пражскомъ университетѣ. Чехи опять пошли на нѣкоторыя уступки. Съ нѣмцами же никакого сладу нѣтъ... Какъ разъ въ то время, когда чехи, конечно, повинуюсь необходимости, не по собственному желанію (но для нуждъ государства важны вѣдь факты, а не мотивы), благоразумно согласились сдѣлать уступки, нѣмцы съ своей стороны водрузили свое національное знамя и объявили нѣмецкую націю въ опасности *единственно потому, что ни теперешнее правительство, ни другія національности не желаютъ признавать ихъ господами въ Австріи*. А между тѣмъ, спрашивается, гдѣ ихъ права на что-либо по-

добное? «Претензіи на господство, которыя нѣмцы предъявляютъ для себя и для своего языка, не имѣютъ ни малѣйшей тѣни основанія ни въ политической, ни въ правовой исторіи Габсбургской монархіи... Правительствами приобрѣтенныхъ ими странъ были Габсбурги—не нѣмцы. Съ Габсбургами заключались разные наследственные, брачныя, присоединительныя договоры, а не съ нѣмецкой имперіей или еще менѣе съ нѣмецкимъ народомъ. Даже не съ помощію преимущественно нѣмцевъ Габсбурги управляли своими землями, не изъ ихъ числа предпочтительно выбирали членовъ своихъ различныхъ совѣщательныхъ и административныхъ камеръ. Испанскія, итальянскія и инныя имена такъ же часто, даже еще чаще нѣмецкихъ, встрѣчаются въ составѣ мирныхъ и военныхъ кабинетовъ *) австрійскихъ государей... Какъ возникла Австрійская монархія, знаетъ каждый. Не сила меча въ рукахъ могущественныхъ завоевателей создала ее, — она образовалась мирнымъ путемъ, изъ чисто политическихъ, брачныхъ и иныхъ договоровъ. Именно этимъ путемъ приобрѣтены Габсбургами двѣ главныя составныя части нѣмѣцкой монархіи—земли короля Св. Стефана и богемской короны. Естественнымъ слѣдствіемъ такого мирнаго приобрѣтенія было то, что какъ мадьяры, такъ и чехи выговорили себѣ безусловное признаніе ихъ полной государственной отдѣльности и самостоятельности. Такимъ образомъ съ прочими владѣніями Габсбурговъ у нихъ только и было общаго, что особа государя, т.-е. династія. Иначе невозможно и понимать того обстоятельства, что Венгрія никогда не приводилась въ ближайшія отношенія къ Нѣмецкой имперіи, хотя послѣдняя принесла такое множество жертвъ людьми и деньгами для защиты Венгріи отъ турокъ... Еще яснѣе выступаетъ правовое отношеніе страны *исключительно къ династии* въ дѣлѣ Богеміи, которая сама по себѣ, независимо отъ Австріи, принадлежала къ Нѣмецкой имперіи и имѣла тамъ избирательный голосъ... Да, наконецъ, и сами Габсбурги—это дѣйствительно господствующее въ нашихъ земляхъ племя—отнюдь не могутъ быть разсматриваемы какъ специфически національно-нѣмецкій родъ. Повелители въ обоихъ полушаріяхъ надъ народами всевозможныхъ языковъ, они, со времени приобрѣтенія испанской короны, даже какъ нѣмецкіе императоры, принадлежали скорѣе къ испанской, чѣмъ къ нѣмецкой національности. Ихъ отчасти снова германизировала только примѣсь лотарингской крови. Такимъ образомъ ясно, что опредѣленнаго, осязательно сказавшагося права нѣмцевъ на господство въ Австріи надъ прочими народами монархіи нѣтъ и не было никогда—нигдѣ, ни въ чемъ...

«Я знаю, конечно, — и это именно тотъ пунктъ, говорить о которомъ мнѣ всего непріятнѣй,—что тѣ австрійскіе нѣмцы, которые охваче-

*) Названіе „мирнаго кабинета“ (Friedenscabinet) давно уже вышло изъ употребленія; его замѣнило болѣе соответствующее характеру самого учрежденія названіе министерства. Главное же военное управленіе и до сихъ поръ часто называется „военнымъ кабинетомъ“ (Kriegscabinet).

ны національнымъ гипнотизмомъ, не на одно прошлое опираются, претендуя на преимущество своей національности передъ всѣми прочими. Настоящее «новой» имперіи нѣмецкой кажется имъ еще превосходнѣйшимъ основаніемъ для этого. Правда, что нѣмцы «тамъ, въ имперіи», съ тѣхъ поръ, какъ они образовали единую великую державу и опять имѣютъ императора, восчувствовали жажду господства и возвелчченія,—что, впрочемъ, отнюдь не способствуетъ любви къ нимъ со стороны другихъ народовъ. Но тѣ «тамъ» имѣютъ на то полное право—пруссаки прежде всѣхъ, а затѣмъ и прочіе, каждый въ своей мѣрѣ. Они порядочно огромный трудъ совершили въ относительно короткое время, изъ слабаго конгломерата превратились въ могущественнѣйшую *покуда* (потому что вѣчнаго ничего нѣтъ) націю въ Европѣ. Они дѣйствительно имѣютъ право гордиться. Но что сказать объ австрійскомъ нѣмцѣ, который вдругъ является и, явивъ на Мецъ и Седанъ, на Вѣртъ и Орлеанъ, изволяетъ толковать о величій *его* нація, точно будто это *мы*, австрійскіе нѣмцы, одержали всѣ эти побѣды, *мы* въ Версали новую имперію провозгласили? Что сказать объ австрійскомъ нѣмцѣ, который, право, осмѣливается иной разъ и о Садовой (вмѣсто Бѣнигсгрэца) какъ о побѣдѣ *своей* націи говорить? И при этомъ совершенно забываетъ, что всѣ эти дѣйствительно могучія явленія, въ самомъ дѣлѣ способныя наполнить справедливою гордостью сердца богатейшей, произведшихъ ихъ, произведены не только *безъ* насъ, австрійскихъ нѣмцевъ, но и *противъ* насъ...

На этомъ мы остановимся. Дальше авторъ брошюры, кинувъ еще нѣскольکو упрековъ нѣмцамъ и опровергнувъ обвиненія, возводимыя ими на чеховъ, излагаетъ условія, на какихъ, по его мнѣнію, можно устранить всѣ недоразумѣнія и прекратить всѣ несогласія, въ особенности по вопросу о языкѣ, который онъ считаетъ существеннѣйшею частью національнаго вопроса и главнымъ корнемъ всего зла. Все это не представляетъ интереса для читателя, да и не входитъ въ предметъ настоящей статьи. Какъ тамъ «народы Австріи» разберутся между собою насчетъ языка, это ихъ дѣло. Для насъ важно констатировать, произошли ли—и если произошли, то какія именно—измѣненія въ характерѣ правительственной пропаганды въ теченіе тѣхъ трехъ приблизительно лѣтъ, какъ она началась, а въ этомъ отношеніи приведенныя мѣста брошюры даютъ матеріала съ избыткомъ. Въ самомъ дѣлѣ мы видѣли изъ предыдущихъ цитатъ, что въ началѣ къ нѣмцамъ относились чрезвычайно бережно: видимо признавали ихъ силу, поэтому боялись раздражить ихъ,—старались убѣдить, пробовали увлечь благородствомъ и возвышенностію культурной задачи, соблазняли великими выгодами, которыя она представляетъ имъ преимущественно передъ всѣми другими. Прошло всего три года, или около того, и посмотрите, какъ радикально измѣнилася томъ. Последняя брошюра—та, которую мнѣніе публики приписываетъ Таафе—не разсуждаетъ вѣдь съ нѣмцами; она отдаетъ имъ приказанія, даже не говоритъ съ ними, а дѣ-

лаеть имъ выговоръ—строгий, рѣзкій и внужительный, начальнический выговоръ. Мало того, она надъ ними издѣвается такъ же зло, язвительно и оскорбительно, какъ они сами недавно еще издѣвались надъ славянами. Въ довершеніе всего, она категорически объявляетъ, будто и сами Габсбурги вовсе не нѣмцы; течеть въ ихъ жилахъ нѣсколько нѣмецкой крови, это правда, но чтобъ они были нѣмцы—Боже сохрани!—ничуть. Далеко дѣло вашло, если правительство считаетъ возможнымъ вслухъ говорить такія вещи. Теперь не достаетъ только, чтобы Габсбурги объявляли себя славянами, и, право, отъ нихъ это не невозможно. Мы уже и прежде, въ статьѣ «О восточной австрійской политикѣ», замѣчали, что Габсбурги не имѣютъ національности, что они не нѣмцы, не итальянцы, не испанцы и не что-либо иное, они—Габсбурги, и тогда же указывали, что эта безнаціональность, составляющая ихъ недостатокъ, какъ людей, составляетъ ихъ силу, какъ политическаго фактора. Они эту силу, конечно, давно знаютъ и вотъ теперь начинаютъ эксплуатировать. Чтобы внушить болѣе довѣрія славянамъ, которые имъ нужны, они преспокойно отрекаются отъ своей принадлежности къ той расѣ, которая особенно антипатична славянамъ. Что же, однако, даетъ имъ смѣлость рѣшиться на такой рискованный шагъ, потому что, какъ бы тамъ ни было, а если смотреть на Австрію такъ, какъ у насъ, повидимому, и до сихъ поръ еще многіе смотрять на нее, т. е. какъ на нѣчто искусственно свинченное, распатанное и разваливающееся, то разрывъ съ нѣмцами для Габсбурговъ большой рискъ, но крайней мѣрѣ былъ бы рискомъ, еслибы славяне по-прежнему недовѣрчиво относились къ нимъ и внѣ ихъ монархіи искали для себя точки опоры? Разъ Габсбурги (или ихъ министры, что вѣдь въ сущности сводится на одно, потому что, при всей конституціонности Австріи, корона пользуется въ ней преобладающимъ вліяніемъ и ни одинъ министръ не осмѣлится ни сдѣлать, ни сказать ничего противнаго волѣ короны),—разъ Габсбурги такъ смѣло говорятъ съ нѣмцами и подкрѣпляютъ свои слова дѣйствіями хотя не столь рѣзкими, но рѣшительными и энергическими, значить они увѣрены въ славянахъ. Что они дѣйствительно имѣютъ эту увѣренность, лучше всякихъ разсужденій доказывается однимъ рѣшеніемъ, принятымъ въ Вѣнѣ не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года. Рѣшеніе это измѣняетъ изъ конца въ конецъ характеръ австрійской арміи, которая была до сихъ поръ исключительно «императорской» (Kaiserlich, солдаты такъ и назывались), а теперь становится народной и національной. Именно Австрія вводитъ у себя территориальную систему, принятую въ Пруссіи, а по этой системѣ войска въ мирное время расположены въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ они комплектуются. Эта система представляетъ ту неоцѣненную, въ случаѣ войны, выгоду; что при ней возможна чрезвычайно быстрая мобилизація; но она же представляетъ и крайнюю опасность въ политическомъ отношеніи, потому что, какъ сказано, при ней армія приобретаетъ народный и національный ха-

рактерь. Не можно ввести и вводить только тамъ, гдѣ государство или можетъ безусловно рассчитывать на преданность населенія, или же обладаетъ достаточною силой, чтобы задушить всякое сопротивленіе въ зародышѣ. Пруссія такою силой обладаетъ и потому не особенно заботится о преданности славянскихъ элементовъ въ Познани и анти-нѣмецкихъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Ничтожные численностію, эти враждебные элементы будутъ раздавлены колоссальною массою нѣмцевъ при первомъ попятномъ шагнутии, не говоря ужъ объ открытомъ неповиновеніи. Но обладаетъ ли подобною силой Австрія, состоящая изъ множества почти равныхъ другъ другу по численности національныхъ элементовъ? Могутъ ли Габсбурги хоть одну минуту рассчитывать подавить силою, задушить сопротивление, еслибы какая-нибудь часть ихъ разноплеменной и отнынѣ нѣмѣнцей находится всегда въ родной странѣ, среди родного ей народа, армія отказала имъ въ повиновеніи?—Нѣтъ, очевидно. У Габсбурговъ нѣтъ физической силы и та единственная, на которую они до сихъ поръ всегда могли положиться—нѣмцы—они отъ нея добровольно отказались, положивъ конецъ исключительной нѣмецкой гегемоніи въ государствѣ. Уничтожая теперь и послѣднюю фикцію своей физической силы (говоримъ «фикцію» потому, что она имъ и прежде не разъ измѣняла), армію, перетасованную въ своемъ составѣ, какъ колода картъ, и искусственно воспитанную въ безнациональной преданности одному престолу, Габсбурги являются вполне безоружными передъ своими народами. И мало того, что сами остаются безоружными, но дѣлаютъ еще нѣчто несравненно опаснѣйшее: давая каждой «землѣ», каждому народу собственно имъ принадлежащую, изъ ихъ среды вышедшую и имъ родную часть войска, они вооружаютъ эти народы. Могли ли бы они сдѣлать что-нибудь подобное, еслибъ имѣли поводъ хоть малость сомнѣваться въ своихъ народахъ и въ особенности въ наиболѣе многочисленныхъ, а слѣдовательно въ наиболѣе опасныхъ—въ славянскихъ народахъ?... Нѣтъ, будь Австрія въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ ее многіе упорно желаютъ считать, т. е. лишеннымъ живой души, искусственно свинченнымъ государственнымъ механизмомъ, такой поступокъ былъ бы, со стороны Габсбурговъ, чистѣйшимъ безуміемъ, а они безумными никогда не были и въ ихъ 600-лѣтней исторіи можно найти все, что угодно, кромѣ безумія. Если они съ такою на видъ безумною смѣлостью распоряжаются въ своемъ разноплеменномъ государствѣ, то это указываетъ лишь на то, что они имѣютъ основательные, фактическіе поводы вполне довѣрять славянамъ, знаютъ, что славяне—ихъ, австрійскіе, пойдутъ за ними всюду и противъ всѣхъ (?). Впрочемъ, что-жъ это мы говоримъ: «на видъ безумною смѣлостію?» Эта смѣлость даже и на видъ не безумна,—она, напротивъ, умна просто до гениальности. Развѣ не гениально въ самомъ дѣлѣ однимъ иѣткимъ ударомъ увеличить почти вдвое боевую готовность арміи,—потому что, при современномъ способѣ веденія войны, быстрая мобилизація представляетъ двойной шансъ успѣха,—и усм-

лить во сто кратъ свою нравственную силу, свое обаяніе, показавъ на дѣлѣ народамъ, что тотъ свѣтлый, возвышенный идеалъ новаго государственнаго строя, который выставляется передъ ихъ глазами, не безсодержательное слово, не звукъ пустой, рассчитанный на ихъ легковѣріе, а фактъ, въ осуществленію котораго въ полномъ объемѣ уже приступлено? Въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, территориальная армія не можетъ не служить большей или меньшею гарантіей внутренней самостоятельности той земли и того народа, въ которыхъ она принадлежитъ. И можно ли дать народамъ большее доказательство своей искренности, можно ли вѣрнѣе возбудить въ нихъ вѣру въ себя, какъ вручивъ имъ эту лучшую изъ гарантій?... Да, это шагъ гениальный. Благодаря ему, Габсбурги, физически безоружные передъ своими народами, передъ лицомъ врага сильнѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было иную эпоху своего существованія. Эту силу ихъ составляетъ вѣра въ нихъ народовъ, убѣжденіе, теперь опирающееся на фактъ, что Габсбурги не обманутъ ихъ, а дѣйствительно поведутъ ихъ по широкому пути права, культуры, свободы.

Теперь, окончивъ изложеніе австрійской пропаганды новыхъ идей, съ чѣмъ вмѣстѣ заканчивается и нашъ очеркъ австрійской славянской и восточной политики, попробуемъ резюмировать все сказанное до сихъ поръ.

Австрія—нашъ соперникъ. Она этого не скрываетъ и мы это очень хорошо знаемъ. Мы видѣли, какое оружіе готовитъ противъ насъ Австрія. Независимо отъ силы матеріальной, которой она, какъ доказываетъ распоряженіе объ измѣненіи системы арміи, далеко не пренебрегаетъ, независимо отъ дипломатическихъ усилій, посредствомъ которыхъ она старается распространить свое вліяніе въ Сербіи, въ Болгаріи, въ Восточной Румелии, въ Румыніи,—она спѣшитъ еще вооружиться и нравственно. Подхватывая такъ-сказать на лету идеи и духъ времени, она комбинируетъ ихъ въ стройную систему и дѣлаетъ изъ этой системы свою государственную политическую программу, стараясь въ то же время дать всему этому какъ можно шире распространенную извѣстность и какъ можно болѣе фактическихъ доказательствъ прочности и искренности. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на Австрію, у кого какія бы ни были политическія мнѣнія и убѣжденія, никто, конечно, не рѣшится отрицать, что идеалы, выставляемые австрійскими публицистами, австрійскими министрами и, наконецъ, самимъ австрійскимъ императоромъ, суть идеалы высокіе, свѣтлые и жизненные,—такіе, которые способны увлекать отдѣльныхъ людей и электризовать массы, заставляя ихъ дѣлать чудеса (между прочимъ и такія, въ которыхъ они впоследствии могутъ быть и раскуются). Бываютъ эпохи въ жизни чело- вѣчества, когда извѣстныя идеи настолько назрѣли въ умахъ людей, настолько сдѣлались всеобщею потребностію, что достаточно бываетъ точно и ясно формулировать ихъ, чтобы немедленно же привлечь къ себѣ сердца всѣхъ. И тотъ, кто умѣетъ уловить такой моментъ и, пользуясь настро-

нѣмъ массъ, стать во главѣ ихъ движенія, тотъ становится господиномъ этого движенія, можетъ управлять массами и заставлятъ ихъ служить своимъ интересамъ. Одну изъ такихъ эпохъ переживаемъ мы теперь. Идея національности, національной свободы, права каждой націи на самостоятельное существованіе и сообразное съ ея личными внутренними свойствами развитіе, эта идея всюду пустила глубокіе корни и разрослась въ роскошное дерево. Она до такой степени сдѣлалась общимъ достояніемъ, что нѣтъ теперь ни одного самаго маленькаго и наименѣ развитаго въ культурномъ отношеніи народа, въ которомъ не проявлялось бы стремленіе къ національной свободѣ, не отстаивалось бы болѣе или менѣ энергически національное достоинство.

Въ послѣднее время родилось и усиленно распространяется мнѣніе, вѣрнѣе сказать—ученіе, которое утверждаетъ, будто всѣ толки о свободахъ личной, національной и проч. составляютъ почти—что анахронизмъ, что это—все «коварные подвохи буржуазіи», стремящейся, подъ прикрытіемъ псевдо-свободныхъ учрежденій, эксплуатировать массы, тогда какъ сами эти массы народныя давно извѣрились во всѣхъ этихъ громкихъ фразахъ безъ содержанія и имъ требуются будто бы не свобода, не самоуправленіе, а экономическая обезпеченность, матеріальное благосостояніе и больше ничего. Проповѣдники этого ученія идутъ такъ далеко, что утверждаютъ даже, будто не только въ массахъ погасъ всякій энтузіазмъ къ свободѣ, но что, совсѣмъ напротивъ, въ нихъ замѣчается поворотъ въ діаметрально противоположную сторону, нѣкоторая наклонность къ возвращенію такъ-называемаго просвѣщеннаго деспотизма, отъ котораго онѣ, массы, ждуть лучшей экономической политики и болѣшихъ матеріальныхъ благъ, чѣмъ отъ буржуазныхъ свободныхъ учрежденій. Находится не мало авторитетныхъ ученыхъ, особенно германскихъ, которые—частію изъ политическихъ соображеній, имѣющихъ въ виду исключительно одну нынѣшнюю прусскую Германію, частію просто изъ расчетовъ личной карьеры—развиваютъ ученіе о ненужности никакихъ видовъ свободы до послѣднихъ крайностей. Но какъ бы его ни развивали, какъ бы ему ни покровительствовали, ученіе это несостоятельно въ самомъ своемъ принципѣ и факты ежедневной политической жизни всѣхъ государствъ несомнѣнно доказываютъ эту несостоятельность.

Невозможно отрицать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ моментъ, когда могло казаться, что въ общественномъ настроеніи европейскихъ народовъ произошелъ радикальный переворотъ, что желаніе политической свободы, стремленіе къ ней—загнѣнились какимъ-то «вѣяніемъ абсолютизма» (*un soufflant d'absolutisme*), какъ выразился покойный гр. Биконфильдъ, который полагалъ, что великимъ государственнымъ людямъ (натурально, онъ причислялъ и себя къ нимъ) слѣдуетъ воспользоваться этимъ «вѣяніемъ» и осуществить тѣ грандіозные планы внѣшнихъ завоеваній и т. п., которыя только и возможны что при абсолютизмѣ. Такое вѣяніе было,—

да; но нужна порядочная доза политической близорукости, чтобы не видеть, что оно явилось результатом отнюдь не разочарованности народовъ въ политической свободѣ, а чисто внѣшнихъ событій—австро-прусской и прусско-французской войнъ и послѣдовавшаго за ними созданія Германской имперіи. Трескъ и блескъ всей этой эпопей до того ошеломили и ослѣпили Европу, что она на минуту какъ бы позабыла лучшія достоянія своей тысячелѣтней культуры и казалась готовою вернуться за нѣсколько столѣтій назадъ. На минуту великіе принципы свободы и права померкли, отодвинулись на второй планъ, а ихъ мѣсто заняло покланеніе грубой силѣ, могуществу кулака и пушки, политикѣ «жельза и крови». Но это была именно только минута. Реакція противъ этого противуестественнаго увлеченія началась очень скоро и въ настоящее время она всего сильнѣе именно въ той странѣ и среди того народа, которые послужили причиной и главными виновниками мимолетнаго, донятнаго движенія въ сторону грубой силы, т. е. въ Германіи, среди нѣмцевъ. Несмотря на то, а можетъ-быть отчасти и вслѣдствіе того, что преклоненіе передъ торжествомъ милитаризма заполонило собой и науку, и создало цѣлую школу разнообразнѣйшихъ апологетовъ кулака и жельза, проповѣдывавшихъ теоріи по-истинѣ чудовищныя, нѣмецкое общество отрезвилось такъ же быстро, какъ и опьянѣло. Нисколько не противорѣчить, а напротивъ именно подтверждаетъ высказываемую нами мысль и теченіе соціальной борьбы, главнымъ театромъ которой служить опять-таки Германія и которая своими внѣшними формами, казалось, отчасти оправдывала ученіе объ исключительно экономическомъ характерѣ соціального вопроса и о нѣкоторомъ отвращеніи массъ отъ буржуазныхъ свободныхъ учреждений. Последніе парламентскіе выборы германскіе какъ нельзя убѣдительнѣй доказали, до какой степени ошибаются тѣ, которые отрицаютъ всякую политическую подкладку за движеніемъ нѣмецкихъ рабочихъ. Безусловно вся Германія и рабочіе не менѣе другихъ вѣрятъ во всемогущество князя Бисмарка и въ то, что если ужь онъ захочетъ, такъ можетъ сдѣлать все на свѣтѣ. Когда канцлеръ самъ лично, съ высоты своего исключительнаго парламентскаго кресла-престолика и устами своихъ безчисленныхъ пресмыкающихся ученыхъ и публицистовъ провозгласилъ, что беретъ въ свои руки рабочій вопросъ и отнынѣ посвятить всѣ свои силы обезпеченію матеріальнаго благосостоянія рабочихъ, ни одна душа въ рабочемъ классѣ не усомнилась, что онъ дѣйствительно въ состояніи это сдѣлать. И что же мы видѣли, однако?—Вѣра и власти, и отчасти даже искренности Бисмарка, рабочіе все-таки не откликнулись на его зовъ, отвергли протянутую къ нимъ могучую руку и отвернулись отъ канцлера и его прислѣдниковъ. Возможно ли было бы такое явленіе, не было ли бы оно прямымъ противорѣчіемъ всему движенію, еслибы соціальная борьба была исключительно экономической?

Тѣмъ не менѣе, хотя мы твердо убѣждены въ противномъ, допустимъ на минуту, что ученіе объ антиполитическомъ характерѣ нашего времени имѣеть нѣкоторое, хотя и кажущееся только, основаніе въ примѣненіи къ такимъ государствамъ, какъ Франція, Италія, Германія. При сложности тамошнихъ отношеній вопросы политическіе могутъ быть на время и до извѣстной степени заслоняемы другими, тоже существенно важными и въ данную минуту представляющими непосредственный интересъ. Главное же, тамъ національность не подвергается никакой опасности,—слѣдовательно, самый жгучій изъ политическихъ вопросовъ не занимаетъ умы. Но въ такомъ ли положеніи находятся баланскія государства и австрійскія славянскія земли? Припомнимъ недавніе примѣры Италіи и Германіи. Какіе частные интересы классовъ или отдѣльныхъ лицъ, какія соображенія матеріальнаго быта занимали или могли занимать итальянское образованное общество и итальянскій народъ во время владычества въ раздробленной Италіи иноплеменныхъ князей и поддерживавшей ихъ Австріи?—Никакіе рѣшительно. Вся Италія отъ мала до велика жила и дышала однимъ всепоглощающимъ интересомъ — національною независимостью, національнымъ объединеніемъ. Одѣлай тогда австрійское правительство богачами всѣхъ до одного итальянцевъ, оно все-таки не могло бы привлечь ихъ къ себѣ, или даже примирить съ собою, и богатство, которымъ оно надѣлало бы ихъ, только послужило бы орудіемъ противъ него самого. Даже и теперь, когда объединеніе, независимость и свобода давно составляютъ дѣйствительный и прочно обезпеченный фактъ,—но потому, что они составляютъ фактъ не для всѣхъ итальянскихъ земель, часть ихъ еще остается національно-зависимой,—въ Италіи все еще существуетъ и дѣйствуетъ съ неудержимой энергіей большая партія «неискупленной Италіи». И партія эта будетъ работать, и ничто не остановитъ ея движенія, покуда неискупленная Италія не будетъ искуплена, то-есть покуда всѣ итальянскія земли не получатъ вполне свободную національную жизнь. То же самое — въ Германіи. Соціальная борьба съ ея экономическими условіями началась тамъ задолго до объединенія и къ этому времени достигла такой остроты и такъ враждебно раздѣлила классы, что, казалось, никакая посторонняя идея не можетъ связать ихъ въ общемъ единодушномъ дѣйствіи. Извѣстно, что Марксъ и его ближайшіе сторонники сильно агитировали среди рабочихъ противъ всякой мысли о войнѣ съ Франціей, опираясь именно на тотъ постулатъ, что «наше время не время политическихъ задачъ». И рабочіе соглашались съ нами. Одно собраніе написало даже посланную французскимъ рабочимъ декларацію въ этомъ смыслѣ. Но достаточно было одного магическаго крика: «національное объединеніе, національная свобода и слава», чтобы все прочее было забыто и всѣ классы съ одинаковымъ энтузіазмомъ бросились на служеніе великой идеѣ. Даже религіозная рознь, весьма глубокая и сильная въ Германіи, не

могла остановить могучаго дѣйствія всепобѣждающей національной идеи. Аристократы и плебеи, богачи и бездомные пролетаріи, католики и протестанты—все были чисто стихійнымъ образомъ увлечены потокомъ. Распри и социальныя, и религіозныя возникли вновь, съ удесятѣренною противъ прежняго силой; но это случилось уже позже, а въ самый моментъ осуществленія національной идеи о нихъ никто и не думалъ.

Въ виду такихъ примѣровъ, можно ли рассчитывать, что, въ противоположность всемъ прочимъ, славянскія племена увлекутся непрелѣнно какой-либо иной, а не національной, идеей. Это тѣмъ болѣе невозможно, что примѣры Италіи и Германіи вовсе не представляютъ случайныхъ явленій, обусловливаемыхъ особенностями развитія и положенія этихъ государствъ. Напротивъ, это явленіе вполне естественное и такое же ровное, не поддающееся измѣненію воли человѣка, какъ и извѣстныя явленія физической природы, напримѣръ прозябаніе брошеннаго въ землю сѣмени и постепенное развитіе изъ него сначала маленькой травки, потомъ ствола и листьевъ, наконецъ—цвѣтка и плода. Человѣкъ, съ своимъ искусствомъ, можетъ ускорить, или замедлить это развитіе, можетъ измѣнить окраску цвѣтка, можетъ придать иной вкусъ плоду, но измѣнить самый процессъ развитія не можетъ. Не въ его власти прямо изъ травки, изъ побѣга извлечь плодъ. Точно то же и съ національной идеей. Наступитъ, конечно, время, когда она утратитъ свою интенсивность и самое значеніе, когда она даже совсѣмъ ступается передъ неизмѣримо болѣе великой и общей идеей *человѣчества*. Но это не можетъ случиться ранѣе, какъ когда національная идея получитъ полное и всестороннее осуществленіе, т.-е. когда право каждой націи на самостоятельность сдѣлается такъ же безспорно фактически, какъ оно безспорно уже въ сознаніи образованныхъ людей и въ полусознательномъ, полуинстинктивномъ стремленіи массъ. Не только вѣроятно, но (по крайней мѣрѣ по нашему твердому убѣжденію) навѣрное наши отдаленные потомки будутъ съ такимъ же трудомъ понимать національный фанатизмъ, какъ мы теперь начинаемъ плохо понимать фанатизмъ классовъ и совсѣмъ не понимаемъ тотъ свирѣпый религіозный фанатизмъ, который заставлялъ людей рукоплескать сожженію еретиковъ на кострахъ, замуравленію ихъ въ стѣнахъ и тому подобнымъ, едва вѣроятнымъ, жестокостямъ. Навѣрное, знакомясь съ исторіей нашего времени и узнавая изъ нея, что люди нашего времени дѣлали родъ людской на своихъ и чужихъ и имѣли двое вѣсовъ и двѣ мѣры, смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь—о насъ самихъ и нашихъ, или о другихъ; что, требуя для себя уваженія, независимости, свободы и права, они считали совершенно позволительнымъ и даже обязательнымъ нарушать все это у сосѣдей; что все то, что въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою считалось преступленіемъ и каралось законамъ, въ отношеніяхъ международныхъ считалось, наоборотъ, доблестью и подвигомъ; что, наконецъ, вся такъ-называемая «политика» была не чѣмъ инымъ, какъ

почти сплошнымъ рядомъ насилій, — узнавая все это, говоримъ мы, потомки наши навѣрное будутъ испытывать такое же смѣшанное чувство скорби, стыда и негодованія, съ какимъ мы теперь говоримъ о практиковавшемся нашими отдаленными предками массовомъ истребленіи враговъ и обращеніи въ рабство оставшихся въ живыхъ, хотя, конечно, они, т. е. потомки наши, такъ же будутъ стараться подыскать въ окружающихъ насъ условіяхъ объясненіе и нѣкоторое оправданіе намъ, какъ мы дѣлаемъ это по отношенію къ предкамъ. Но чтобы люди дошли до такого образа мыслей, нужно много времени и много умственного и нравственного развитія, до котораго современнымъ поколѣніямъ еще очень далеко. Покуда человечество дѣлится не только на естественныя группы, представляемыя націями и расами, но и на искусственныя клѣтки, представляемыя исторически образовавшимися политическими территориальными раздѣленіями; покуда логическое послѣдствіе этого искусственного дѣленія — такъ-называемая въ международной политикѣ «государственная идея» — сохранить свое теперешнее первенствующее значеніе и во имя этой идеи будутъ, въ понятіяхъ людей, оправдываться всякія неправды и насиліе; покуда воображаемымъ интересамъ государственнаго единства, могущества и проч. будутъ приноситься въ жертву естественныя интересы и права людей, а въ самихъ этихъ государствахъ—существовать и занимать привилегированное, властное положеніе такъ-называемыя «господствующія націи», обыкновенно оправдывающія свое властолюбіе тѣмъ, что онѣ «основали государство»,—до тѣхъ поръ и логическая реакція противъ всего этого—національная идея—не можетъ исчезнуть и не утратить своей силы и своего обаянія. И не только не утратить, но тамъ, гдѣ нація подвергается хоть малѣйшей опасности, національная идея должна непременно вытѣснить собою всякіе иные интересы и всякія инныя идеи, хотя бы послѣднія были и высшей категоріи,—должна потому, что, будучи сама по себѣ лишь однимъ изъ видовъ стремленія людей къ индивидуальной свободѣ, она, между прочимъ, имѣетъ подкладкой и опорой два можетъ-быть не особенно возвышенныя, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно глубокія и могущественныя въ людяхъ чувства: чувство самосохраненія и чувство собственности. Случается часто, что отдѣльные люди сами добровольно накладываютъ на себя руки и такъ же добровольно отдаютъ свое имущество, жертвуя его для какого-либо любимаго дѣла, или просто на бѣдныхъ. Но нѣтъ и не можетъ быть такого человѣка, который безъ борьбы уступилъ бы свою жизнь или свою собственность, когда на нихъ совершаютъ нападеніе посторонніе. Самый слабый физически, самый трусливый нравственно непременно пробуютъ защищаться, хотя бы только бѣгствомъ или скрытіемъ имущества. Также и нація. Подъ вліяніемъ чужой высшей культуры, которую воспринимаютъ добровольно, онѣ могутъ постепенно утратить почти всѣ свои индивидуальныя особенности и если не потерять совсѣмъ всякій сомобытный обликъ, то во всякомъ случаѣ

видоизмѣниться въ нѣчто новое, не похожее на то, чѣмъ были прежде. Но какъ скоро это видоизмѣненіе навязывается имъ со стороны, путемъ насилія, чувство самосохраненія немедленно беретъ верхъ и нація начинаетъ защищаться всѣми силами, а чувство собственности заявляетъ себя тѣмъ, что нація *свое* даже и дурное становится во сто кратъ дороже чужого хорошаго и она держится за это свое со всѣмъ отчаяніемъ погибающаго. И какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и нація не можетъ, еслибъ и хотѣла, заняться чѣмъ - либо инымъ, покуда не устранена опасность для жизни и собственности. Мысль объ этой опасности, роковымъ образомъ всегда присущая уму того, кто ей подвергается, по необходимости должна поглощать лучшія силы личности единичной, или собирательной, каковыя силы прежде и главнѣе всего устремляются на изысканіе средствъ избавиться отъ опасности. Поставленные въ безвыходное положеніе, чувствуя и сознавая свое безсиліе бороться съ опасностью одна, и отдѣльный человѣкъ, и нація такимъ же роковымъ образомъ должны подпасть беззавѣтному вліянію того, кто имъ общается и докажетъ фактически свою способность стать ихъ избавителемъ и защитникомъ. Такъ бывало и будетъ всегда и вездѣ, потому что иначе быть не можетъ, — не въ порядкѣ вещей. Такъ будетъ, разумѣется, и со славянами, которые всѣ находятся въ положеніи людей, жизнь и собственность которыхъ подвергаются опасности, и слѣдовательно они, во - первыхъ, исключительно поглощены мыслью объ этой опасности и, во - вторыхъ, представляютъ какъ разъ тотъ горючій народный матеріалъ, который всего скорѣй и всего неудержимѣй воспламеняется въ моменты всеобщаго возбужденія, когда, какъ сказано выше, достаточно одного движенія, одного слова, чтобъ увлечь массы.

Было бы большой и весьма прискорбной ошибкой думать, будто славянъ можетъ привести въ движеніе и увлечь ихъ только быстрыми шагами приближающееся конечное разрушеніе Турціи. Вовсе нѣтъ. Конечно, исчезновеніе печальной фикціи, именуемой Турціей, не можетъ совершиться, не задѣвъ прежде всего славянъ и не повліявъ существенно на ихъ участь. Но это далеко не единственный виѣшній импульсъ, который они могутъ испытать. На нихъ въ такой же степени отразится, а къ *дѣтельному* участію вызоветъ ихъ вѣроятно въ гораздо большей степени другое, уже грядущее, событіе мировой важности — именно политическо-соціальное движеніе, подготовляющееся нынѣ въ средней части Европы. Объ этомъ движеніи, его вѣроятныхъ послѣдствіяхъ и вліяніи на славянъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ послѣдующей части нашего труда, теперь же достаточно будетъ сказать, что каковъ бы ни былъ характеръ его тамъ, гдѣ оно первоначально возникнетъ, среди славянъ оно непремѣнно, въ силу окружающихъ ихъ условій, приметъ національную окраску, осложнившись только естественнымъ стремленіемъ къ политической свободѣ. Въ свободѣ этой, какъ мы старались показать

выше, рѣшительно никто не разочаровался. Для славянъ же утратить свое обаятельное очарованіе она не могла уже по той одной причинѣ, что они еще не имѣли времени и попользоваться ею, какъ слѣдуетъ,—для нихъ это еще не фактъ, а только *ria desideria*. Чисто социальная борьба, съ ея экономическими интересами и условіями для однихъ славянскихъ племенъ, какъ, на примѣръ, сербы и болгары, не существуетъ еще, благодаря полному отсутствію всякой почвы для нея, ибо какъ у болгаръ, такъ и у сербовъ вовсе нѣтъ раздѣленія на классы, а распределеніе богатства настолько равномѣрно, насколько это вообще возможно въ дѣйствительной жизни: тамъ вовсе нѣтъ ни колоссальныхъ богачей, ни нищихъ и всѣ—большіе или меньшіе собственники. Для другихъ же, какъ чехи, хорваты, не существуетъ потому, что у нихъ вопросы социальные до поры до времени заслоняются господствующими надъ ними вопросами національными и интересами національной борьбы. Наконецъ, идея національности *по необходимости должна*, въ настоящемъ ихъ положеніи, воплощаться у славянъ въ своей узкой формѣ національной индивидуальности, а не расоваго единства, потому что эта индивидуальность еще далеко не закончила кругъ своего естественнаго развитія и въ добавокъ далеко не обезпечена въ самой возможности окончательно развиться. Милліоны славянъ еще вовсе не пользуются независимостію, а другіе хоть и освобождены, благодаря намъ, но окружены такой массой неблагоприятныхъ условій, что ихъ независимость—и политическая, и національная—подвергается ежеминутной опасности. Въ какую бы сторону ни повернулась любая изъ славянскихъ народностей, вездѣ и передъ каждой вырастаютъ какая-нибудь прямо противъ ея жизни направленная «государственная идея» и точащая зубы на ея собственность «господствующая національность». Эти условія сами собой опредѣляютъ какъ насущнѣйшія потребности славянъ, такъ и характеръ ихъ будущаго движенія.

А теперь мы просимъ читателей припомнить въ общемъ австрійскую программу и сказать: не соответствуетъ ли она, черта въ черту, всѣмъ, обуславливаемымъ ихъ положеніемъ, потребностямъ славянъ? Не судить ли она имъ безусловно все, что составляетъ ближайшую цѣль ихъ собственныхъ стремленій, не говоря ужь о томъ, что она отвѣчаетъ вполне и духу, и общимъ тенденціямъ вѣка? Не принимать во вниманіе эту программу, не считаться съ нею, намъ нельзя, какъ нельзя не считаться съ самой Австріей. Волей-неволей мы должны и съ своей стороны выставить что-нибудь такое, что служило бы противовѣсомъ этой программѣ, составляющей нравственное оружіе Габсбурговъ, и уравновѣшивало наши моральные силы. А гдѣ у насъ этотъ противовѣсъ? Гдѣ тотъ идеалъ, во имя котораго мы сами готовимся вступить въ борьбу съ Австріей и призываемъ къ ней славянъ? Какая наша программа? Есть ли у насъ вообще какая-нибудь программа?

Признаемся откровенно, мы (т. е. авторъ предлагаемыхъ замѣтокъ) не въ состояніи отвѣтить даже на этотъ послѣдній вопросъ. Мы не знаемъ, есть ли у насъ программа и какая она можетъ быть. Изъ массы чрезвычайно запутанныхъ и туманныхъ рѣчей, слышащихся на этотъ счетъ, невозможно вывести никакого опредѣленнаго заключенія, ничего такого, что могло бы воодушевлять и служить путеводною звѣздой даже для насъ самихъ, не говоря ужъ о славянахъ. Иногда, правда, прорываются тамъ и сямъ даже и очень опредѣленные мысли и слова, но они всё такого свойства, что способны скорѣе оттолкнуть отъ насъ славянъ, чѣмъ привлечь ихъ къ намъ. Напримѣръ, мы прочли недавно въ газетѣ препрославленнаго публициста-политика, — въ статьѣ, по всѣмъ признакамъ вышедшей изъ — подъ его собственнаго пера, — что «Босфоръ долженъ быть нашъ». На этотъ счетъ можно спорить. Многие думаютъ и, кто знаетъ, можетъ быть небезосновательно, что приобрѣтеніе Босфора, а съ нимъ конечно и Константинополя, *въ настоящее время и при настоящемъ ея состояніи*, было бы величайшимъ несчастіемъ для Россіи. Но положимъ, что Босфоръ непремѣнно долженъ быть нашъ. Прекрасно. Это не идеаль, но это все же цѣль. Однако цѣль для насъ, русскихъ, или, выражаясь совсѣмъ точно, для Русскаго государства; но славянамъ-то что же до этого? Они-то что же, предполагается, выиграютъ отъ прибрѣтенія нами этого важнаго торговаго и стратегическаго пункта, и почему, ради чего должны непремѣнно помогать намъ захватить Босфоръ? Въ другой разъ изъ устъ знаменитаго и популярнаго генерала, котораго его поклонники стараются непремѣнно возвести въ замѣчательные политики, мы слышали, что «Россія должна быть прежде всего русской и православною». Это ужъ нѣкотораго рода идеаль, но опять-таки для русскихъ, а ужъ никакъ не для многихъ другихъ славянъ, которые и не русскіе, и не православные. А затѣмъ, вѣ стремленія захватить Босфоръ и православія, что же мы еще представляемъ? Нѣкоторымъ изъ славянъ мы въ прошломъ оказали великія услуги, это правда; но однако нельзя же вѣдъ всегда только прошлое вспоминать, надо что-нибудь и въ будущемъ предоставить людямъ, отъ которыхъ ждемъ поддержки, иначе они легко могутъ самыя услуги объяснить не чѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ захвату Босфора, и слѣдовательно счесть себя свободными отъ всякой благодарности и отъ всякихъ обязательствъ. Одно воспоминаніе о прошломъ безъ идеала въ будущемъ не можетъ увлечь даже и отдѣльныхъ людей, не только что массы. Чтобы затронуть душу народную, чтобы побудить народъ съ радостію жертвовать собою, нужна непремѣнно комбинація интересовъ матеріальныхъ съ интересами идеальными, иначе народъ останется холоденъ и равнодушенъ. Исторія изобилуетъ примѣрами массовыхъ движеній ради идеи, но нельзя указать ни одного такого, гдѣ народы подымались бы, приносили жертвы и шли на смерть исключительно ради однихъ матеріальнымъ интересомъ. Когда

передъ нимъ только одна матеріальная цѣль, безъ всякой даже кажущейся примѣсы идеала, народъ идетъ, повинувшись приказанію и необходимости, но идетъ чисто по рутинѣ, какъ матеріаль власти, а не какъ живая дѣятельная сила, и въ немъ всегда, въ такихъ случаяхъ, отсутствуетъ та страсть, которая одна заставляетъ совершать чудеса и которая можетъ быть вызвана только идеаломъ. Поэтому-то величайшіе тираны и властолюбцы всегда, во всё времена и у всѣхъ народовъ, прикрывали свои корыстные цѣли болѣе или менѣе густымъ покровомъ идеала, имѣющаго назначеніе обмануть массы. Ужь на что была матеріальна и не только эгоистична, но прямо безнравственна война англичанъ съ китайцами изъ-за торговли опиумомъ, а и ту съумѣли до нѣкоторой степени идеализировать, выставить впередъ съ одной стороны «достоинство націи», якобы оскорбленное китайцами, обидѣвшими какихъ-то двухъ или трехъ англичанъ, съ другой—необходимость «открыть Китай для цивилизаціи и прогресса». Подобное дерзкое надувательство массъ, конечно, безнравственно само себѣ, но въ глубинѣ его лежитъ и источникомъ его служить глубокая психологическая правда, заключающаяся въ потребности массъ въ идеалѣ, въ невозможности расшевелить и воодушевить ихъ одними матеріальными интересами.

Изъ всѣхъ народовъ Европы мы, русскіе, можетъ-быть наименѣе способны увлекаться исключительно матеріальными интересами. Пусть попробуютъ указать намъ на Босфоръ, какъ на исключительную цѣль предстоящей можетъ-быть въ скоромъ времени борьбы. Можно голову прозакладывать, что масса народа, равно какъ и интеллигенція отнесутся къ этому вполне равнодушно, хотя и та и другая прежде съ страстнымъ увлеченіемъ стремились къ этому самому Босфору, когда его освѣщала идеалъ. Теперь этотъ идеалъ сдѣлался достояніемъ изъ нихъ немногихъ. Идеальное знамя подъ стремленіемъ къ Босфору, которое болѣе всего дѣйствовало на малосознательную массу, осуществлено: христіане почти всё освобождены отъ невѣрныхъ варваровъ и сами варвары настолько обезсилены, что ужь не могутъ никого угнетать.

Если такимъ разочарывающимъ образомъ дѣйствуетъ отсутствіе идеала въ будущемъ на насъ, для которыхъ и одни матеріальные интересы все же составляютъ кое-что, то каково же должно оно дѣйствовать на славянъ, тѣмъ болѣе, что въ вѣчныхъ толкахъ о прошломъ для славянъ не заключается даже пріятнаго воспоминанія о совершенныхъ доблестныхъ подвигахъ, а скорѣе слышится попрекъ тѣми благодѣяніями, которыя мы имъ оказали? Благодѣянія не легко выносить особенно тѣмъ, кто чувствуетъ себя не въ силахъ отплатить за нихъ, а попреки и подавно тяжелы и даже способны вызвать злость и ненависть къ благодѣтелямъ. Если мы хотимъ пріобрѣсть расположеніе и поддержку славянъ,—а мы не можемъ не хотѣть этого, ибо въ нашей европейской политикѣ мы не можемъ сдѣлать ни шагу дальше, не наткнувшись тотъ-

часть же на ту или другую славянскую народность, и не можем вести эту политику ни мимо нихъ, ни черезъ ихъ головы, — если мы хотимъ приобрести расположеніе и поддержку славянъ, мы должны, обязаны предоставить имъ въ будущемъ такія выгоды, столько благъ матеріальныхъ и идеальныхъ, чтобъ они не могли и минуты колебаться слѣдовать за нами. Это надо было бы сдѣлать во всякомъ случаѣ, даже еслибы мы стояли передъ лицомъ славянъ совсѣмъ одни, безъ всякихъ соперниковъ, потому что и тогда они дважды подумали бы прежде, чѣмъ за прошлое пожертвовать намъ всѣмъ своимъ будущимъ. Но это становится дѣломъ неотложной необходимости, какъ скоро мы встрѣчаемъ на этой почвѣ сильнаго врага, который, какъ и мы, тоже опирается на славянъ, тоже безъ ихъ участія не можетъ достигъ прочнаго успѣха и который, понимая это, предлагаетъ славянамъ будущность безспорно завидную, если ее удастся осуществить. Силами физическими мы съ этимъ врагомъ помѣряться безспорно можемъ, но чѣмъ намъ побороть его силу нравственную? А вѣдь она-то въ данномъ случаѣ и страшна. Насколько она страшна и до какой степени намъ необходимо считаться съ нею, ясно изъ вышеупомянутаго рѣшенія Австріи измѣнить систему своей арміи на территоріальную. Это рѣшеніе въ высшей степени невыгодно для тѣхъ, кому придется вести войну съ Австріей въ ближайшемъ будущемъ, потому что если Австрія спѣшитъ увеличить боевую готовность своей арміи, то это дѣлается главнымъ образомъ въ виду вѣроятности *близкой* войны; территоріальная же система, обуславливающая быструю мобилизацію, можетъ дать Австріи возможность перенести театръ войны на территорію врага прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ приготовиться къ оборонѣ, потому что, какъ бы тамъ ни было, Австрія—все же не Турція и, разъ рѣшившись на войну, она не станетъ медлить нѣсколько мѣсяцевъ, покуда не только ея врагъ, но и весь свѣтъ успѣетъ вооружиться. Между тѣмъ, какъ уже было замѣчено, она никогда не могла бы рѣшиться на подобное преобразование арміи, еслибы не была увѣрена въ славянахъ. Одинъ фактъ возможности имѣть такую увѣренность представляетъ великій успѣхъ, великую нравственную побѣду Габсбурговъ,—побѣду, одержанную ими—надъ кѣмъ?—нужно ли говорить это?... Не ясно ли и безъ словъ, что этой увѣренности не могло бы существовать, еслибы ничто не парализовало естественнаго тяготѣнія славянъ и тяготѣніе это было такимъ же сильнымъ, какъ прежде? У насъ на всю эту исторію мало обратили вниманія. Въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что Австрія вводитъ у себя территоріальную систему, но и только. Значенія громадной нравственной побѣды Габсбурговъ никто за этимъ фактомъ не призналъ. Но со-временемъ можетъ-быть вынуждены будутъ признать и, вѣроятно, согласно принятому обыкновению, примутся обвинять дипломатовъ. У насъ вѣдь всякій неуспѣхъ внѣшней политики ваяетъ на дипломатовъ, на ихъ бездарность, ихъ трусость, иные говорятъ даже—недобросовѣстность и антипатріотичность.

Не мы, конечно, возьмемъ на себя роль защитниковъ нашей дипломатіи. Признаваясь откровенно, мы должны сказать, что не только нашу дипломатію въ частности, но вообще дипломатію, дипломатію въ принципѣ, ставимъ очень невысоко и считаемъ скорѣе государственно-народнымъ зломъ, чѣмъ необходимымъ органомъ государственной дѣятельности. Но однако же все приписывать однимъ дипломатамъ, ихъ бездарности или геніальности—тоже нельзя. Положимъ, наши дипломаты бездарны, но вѣдь и австрійскіе тоже не далеко отъ нихъ отошли. Со времянь Метерниха въ австрійской дипломатіи не выдалось, сколько извѣстно, ни одного не только крупнаго, но хотя бы мало-мальски замѣтнаго таланта. Отчего же политика Австріи торжествуетъ и само это, предполагается, расшатанное, живущее искусственною жизнью, государство все подвигается впередъ, тогда какъ наша политика терпитъ одно нравственное поражение за другимъ, а сами мы—государство органически цѣльное и прочное по преимуществу—все пятимся и пятимся назадъ? Намъ думается оттого, что у австрійскаго правительства есть принципы и у Австріи есть идеалы. Какая дипломатія, хоть будь ея персоналъ сплошь собраніемъ однихъ Талейрановъ, Метерниховъ и Бисмарковъ, могла бы уничтожить могущественное обаяніе тѣхъ высокихъ и жизненныхъ идеаловъ, съ которыми Габсбурги теперь выступаютъ, увлекая ихъ, передъ своими и чужими народами? На Берлинскомъ конгрессѣ Австрія получила отъ Европы полномочіе занять Боснію и Герцеговину,—полномочіе, въ которомъ молча подразумѣвалось другое, гораздо болѣе обширное: полномочіе Габсбургамъ—заняться отнынѣ исполненіемъ той культурной задачи на Востокѣ, которую они сами считаютъ своей историческою миссіей. Это полномочіе дала имъ дѣйствительно «Европа», а не одни только Бисмаркъ да Биконсфильдъ. Не только Франція, даже Италія безъ возраженій согласилась подписать ихъ. И неужели можно думать, что подобныя полномочія были бы даны Габсбургамъ 20-хъ и 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія?—Никогда. Предводители европейской св. германдады никогда не были бы избраны Европой въ повѣренныя въ такомъ для всѣхъ важномъ вопросѣ, какъ восточный. Этотъ успѣхъ Габсбурговъ былъ купленъ ими цѣною той мирной преобразовательной работы, которую они съ 1866 года ведутъ въ своемъ государствѣ. Благодаря этой работѣ, и только ей одной, внутреннія затрудненія не мѣшаютъ имъ заниматься внѣшними дѣлами и финансы не вынуждаютъ ихъ къ бездѣйствію. А между тѣмъ «новая государственная форма будущаго», какъ выражается офиціозный авторъ вышеприведенной брошюры «Die Deutschen in Oesterreich», которую они рекламируютъ теперь и собираются осуществить, развѣ это ихъ идеалъ?

Обратимся къ свидѣтельству тѣхъ самыхъ людей, которые у насъ провозглашаютъ себя единственно компетентными знатоками русскаго народа и его стремленій. Или мы ровно ничего не понимаемъ, или знаменитая «самоуправляющаяся земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ»

и есть именно то самое, что, точнѣе опредѣляющіе понятія, австрійскіе публицисты называютъ «государственною формою будущаго». И такая монархія дѣйствительно представляетъ «государственную форму будущаго», что несомнѣнно доказываетъ весь ходъ европейской исторіи; но тотъ же ходъ доказываетъ еще, что содѣланіе этой формы будущаго формой настоящаго, проведение ея въ жизнь составляетъ именно то самое «новое слово», которое мы такъ давно собираемся высказать, потому что чувствуемъ, всѣмъ существомъ своимъ чувствуемъ, присутствіе его въ насъ, но никакъ не можемъ собраться. Провести же эту форму суждено, — по крайней мѣрѣ казалось и было суждено, — именно намъ, а не другому какому-либо народу, потому что она можетъ быть осуществлена въ полномъ объемѣ и утверждена незыблемо только на почвѣ сплошь демократической, т. е. именно на такой, какую представляютъ собой русскій и болѣе или менѣе всѣ прочіе славянскіе народы, теперь не исключая даже и польскаго, потому что и въ немъ въ послѣднее время демократическое теченіе развивается неудержимымъ потокомъ. Въ этихъ предопредѣленныхъ Провидѣніемъ удобствахъ, въ этой природной подготовленности почвы для полного осуществленія новой, составляющей въ данную эпоху историческаго развитія потребность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, формы общежитія весь секретъ *славянской идеи*, вся суть великой славянской миссіи Россіи. Другіе, чуждые намъ по племени, народы, по разнымъ причинамъ и движимые различными побужденіями, не понимали этой настоящей сути славянской идеи: романскіе — потому, что, видя одну внѣшность, не задавали себѣ труда вникнуть во внутреннее содержаніе ея; германскіе — потому, что умышленно закрывали глаза сами и старались отвести ихъ другимъ, хотя въ душѣ отлично знали, въ чемъ дѣло. Такъ Блунчли въ своемъ сочиненіи: «Die Politik als Wissenschaft» — проговаривается, что «славянской расѣ, по мягкости ея природнаго характера и по нѣкоторымъ особенностямъ соціального быта, принадлежитъ можетъ-быть задача осуществить идею *братства народовъ*». Но если другіе не понимали или не хотѣли понять, то славяне понимали всегда и ждали, — напряженно, съ томительнымъ трепетомъ ждали, — прислушиваясь и приглядываясь, когда мы сами точно и опредѣленно уяснимъ себѣ сущность нашей миссіи, пойдемъ сами и призовемъ ихъ къ ея исполненію. Что же, сдѣлали мы то, что составляло нашу историческую обязанность и чего отъ насъ такъ долго и упорно ждали славяне? — Нѣтъ, не только славу взяться за исполненіе *нашей* миссіи, но даже и честь точно и ясно, понятнымъ для каждаго образомъ, формулировать ее мы уступили Габсбургамъ. Что-жъ удивительнаго, если часть славянъ отвертываются отъ насъ и идутъ за Габсбургами, и при чемъ тутъ дипломаты со всей ихъ бездарностію, или бесполезною даровитостію?

Но можетъ-быть мы вообще ошибаемся, можетъ-быть славяне вовсе

и не думали ждать отъ насъ ничего подобнаго тому, что мы говоримъ? Можетъ-быть нѣтъ и слѣда ничего подобнаго въ ихъ первоначальной народной жизни, въ тѣхъ зачаткахъ культуры, которую они начали было вырабатывать сами, самобытно, въ тѣ давно прошедшія времена, когда они были независимы?... Мы постараемся изслѣдовать это, когда будемъ говорить о славянахъ, теперь же покуда должны заняться болѣе непосредственно-важнымъ предметомъ, именно вопросомъ: хватитъ ли у Габсбурговъ матеріальной возможности осуществить то, что они замыслили? Найдется ли кто-нибудь настолько могущественный, кто будетъ въ состояніи доставить имъ физическую силу, которой недостаетъ имъ самимъ и безъ которой, при наилучшихъ желаніяхъ, все-таки невозможно ничего подѣлать? А если найдется такой могущественный другъ, то что именно гарантируетъ Губсбургамъ его поддержку, какіе его собственные, личные интересы въ томъ, чтобы не оставить Габсбурговъ на произволъ судьбы въ минуту опасности, а, напротивъ, всѣми силами, во что бы то ни стало, поддержать ихъ?... Такой другъ, какъ читатели, конечно, понимаютъ и сами, представляется въ лицѣ Германіи.

Ею-то мы и займемся.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. С.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періодъ жизни и дѣятельности (1799—1826 гг.). Сочиненіе А. Незеленаго. С.-Петербургъ. 1882 года.

«О Пушкинѣ не сказано послѣдняго слова», «поэзія Пушкина до сихъ поръ не оцѣнена какъ слѣдуетъ»—вотъ что говоритъ почти каждый изъ біографовъ или критиковъ покойнаго поэта, въ виду все болѣе и болѣе открывающихся новыхъ матеріаловъ. Богатый біографическій матеріалъ, опубликованный въ послѣднее время, дѣйствительно проливаетъ на личность поэта совсѣмъ новый свѣтъ. На основаніи его г. Стоюнинъ въ прошломъ году написалъ свою книгу: «Пушкинъ», гдѣ сдѣлалъ все, что въ данномъ случаѣ могъ сдѣлать умѣлый историкъ литературы. Потому появленіе новой книги о Пушкинѣ, черезъ какіе-нибудь шесть-семь мѣсяцевъ, почти съ тѣми же задачами показалось нѣсколько страннымъ.

Г. Незеленый въ предисловіи такъ выясняетъ цѣль своего труда: «Нѣтъ у насъ біографіи Пушкина, достойной его великаго имени»—и тутъ же прибавляетъ: «въ настоящемъ сочиненіи читатель не найдетъ *полной* біографіи Пушкина». «Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить внутреннюю жизнь великаго поэта и развитіе его характера по его произведеніямъ, освѣщая ихъ событіями его *внѣшняго бытія*» (стр. 3).

Приблизительно такую же задачей былъ занятъ и г. Стоюнинъ. Что же новаго прибавляетъ своею книгой г. Незеленый къ имѣющейсѣ уже литературѣ о Пушкинѣ?

Онъ довольно подробно *передаетъ содержаніе всѣхъ выдающихся произведеній* Пушкина и даже его *мелкихъ стихотвореній*, написанныхъ до освобожденія изъ ссылки; подробно сравниваетъ поэму: «Русланъ и Людмила» съ поэмой Жуковскаго: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»—и находитъ ихъ почти тождественными по содержанію (!). Впрочемъ, далѣе онъ понемногу отъ этого отказывается. «Но при сходствѣ поэмъ,—говоритъ онъ,—есть между ними и большая разница. У Жуковскаго освобожденіе княжны—эпизодъ въ повѣсти; у Пушкина, наоборотъ, рассказъ о

двѣнадцати дѣвахъ есть эпизодъ въ повѣствованіи объ освобожденіи кievской княжны» и т. д. Изъ дальнѣйшихъ же разсужденій получается такой выводъ: «Такимъ образомъ, содержаніе поэмы Пушкина заимствовано у Жуковскаго, но произведеніе послѣдняго подвергнуто передѣлкѣ весьма существенной».

Подобными сравненіями произведеній Пушкина съ тѣмъ или другимъ писателемъ переполняется вся уемистая книжка г. Незеленаго.

Останавливаясь на драмѣ «Борисъ Годуновъ», авторъ предварительно знакомитъ съ ея содержаніемъ (!). Чтобъ указать, давно всѣмъ и каждому извѣстное еще со школьной скамьи, вліяніе Шекспира и Карамзина на созданіе этой драмы, г. Незеленый съ похвальною для ученика тщательностью сравниваетъ Бориса Пушкина съ Борисомъ Карамзина; довольно подробно разбираетъ характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, причеиъ всѣ хорошія черты въ характерѣ Самозванца называетъ идеализаціей со стороны Пушкина и только одну—«легкомысліе», какииъ авторъ надѣлилъ Дмитрія, называетъ вѣрной. Не менѣе подробно сравниваетъ авторъ личность Годунова съ шекспировскимъ Макбетомъ, тщательно отбирая всѣ схожія и несхожія черты этихъ героевъ, которые необходимо родственны другъ другу, такъ какъ и тотъ и другой—человѣкъ и къ тому же оба честолюбивы.

Ужасно любить г. Незеленый эти параллели и сравненія. Здѣсь у него не забыть и Байронъ, и Вольтеръ, и Парни, и даже самъ Гёте. Сравнивая безсмертную трагедію Гёте съ незначительною «Сценою изъ Фауста» Пушкина, г. Незеленый заканчиваетъ свое сравненіе крайне любопытнымъ выводомъ: «Взглядъ Пушкина на жизнь,—говоритъ онъ,—оказался нравственнѣе, выше міросозерцавія Гёте; *умственный кругозоръ его оказался шире. Пушкинъ переросъ и германскаго шанта поэзіи, какъ переросъ Байрона*» (стр. 232 и 233).

Какъ ни увлекались критики талантомъ Пушкина, какъ ни высоко цѣнили его покойный Бѣлинскій, но еще ни разу никто изъ нихъ не доходилъ до такого увлеченія. Вотъ это-то и есть то новое, что можно было уловить въ ряду ученическихъ упражненій, составляющихъ содержаніе названной книги,—упраженій на обычныхъ классныхъ темы: «сравнить Пушкина съ Байрономъ, оцѣнивши предварительно послѣдняго»; или: «указать вліяніе поэзіи Жуковскаго, Богдановича, Баратынскаго на поэзію Пушкина, познакомивши предварительно съ выдающимися произведеніями названныхъ предшественниковъ» и т. д.

Всѣ эти сравненія, характеристики, содержанія, утомляя читателя передачами давно извѣстнаго, не отличаются никакими особенными литературными достоинствами; со стороны изложенія они не стоятъ выше хорошихъ ученическихъ сочиненій. Мѣстами встрѣчаются курьезныя выраженія: «по словамъ Записокъ Пушкина» (стр. 60), «въ моментъ написанія» (стр. 148) и т. д. Мѣстами встрѣчаются курьезныя уже не слова,

не выраженія, а цѣлья разсужденія,—напримѣръ, о чувствѣ ревности по поводу поэмы «Цыгане». «Ревность безнравственна и нелѣпа,—говорить авторъ,—не потому, что любовь есть прихоть сердца, а потому, что она (кто: любовь или ревность?) или оскорбительна, какъ выраженіе невѣрія, или *напрасна*, если съ одной стороны любовь прекратилась» (стр. 170). Признаться, мы не совсѣмъ понимаемъ смыслъ всей этой моральной тирады... Но не будемъ даѣе слѣдить за всѣми разсужденіями автора, который, напримѣръ, въ суетвѣриі Пушкина усматриваетъ его сліяніе съ народомъ, или упрекаетъ Тѣна за его будто бы невѣрное толкованіе, что естественныя науки болѣе примирили человѣка съ необходимостью присутствія въ немъ животной стороны, которая прежде поражала его и вносила сильный разладъ въ его внутренній міръ и т. д., и т. д.

Желая въ каждомъ, даже небольшомъ, стихотвореніи усмотрѣть отраженіе духовной жизни Пушкина или же раскрыть какую-нибудь біографическую черту, г. Незеленый въ своемъ увлеченіи нерѣдко навязываетъ стихотвореніямъ ясно отсутствующія въ нихъ идеи. Въ прекрасной, именно, своей объективностью исторической балладѣ: «Вѣщій Олегъ»—г. Незеленый усматриваетъ слѣдующую мысль: «личная гордость человѣка должна уступать нравственному закону—волѣ Бога» (стр. 120). Онъ навязываетъ ее съ цѣлью показать, что Пушкинъ хотя въ это время (1821 г.) и увлекался Байрономъ, «но онъ былъ самостоятельнымъ, самобытнымъ». Но развѣ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» и не говоритъ за это же самое и безъ пристегнутой къ ней идеи?... Г. Незеленый также весьма усердно хлопочетъ, чтобы раскрыть, къ какой изъ женщинъ относятся чувства поэта, выраженныя въ томъ или другомъ стихотвореніи. Эти изслѣдованія кажутся крайне томительны при чтеніи, но, какъ черновая работа, они могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для будущей полной біографіи поэта,

Несмотря на всю томительность повтореній давно избитаго, стараго и неоригинальнаго по мысли новаго, мы съ удовольствіемъ перечитывали въ книгѣ г. Незеленаго прекрасныя отрывки изъ чудныхъ, хотя и старыхъ, стиховъ Пушкина и выписку изъ его записокъ и писемъ. Последнія, какъ и его стихи, можно перечитывать по нѣскольку разъ. Напримѣръ, его письма къ госпожѣ Кернъ, въ которую онъ былъ влюбленъ еще во времена юности и которая во время его жизни въ Михайловскомъ пріѣзжала въ Тригорское. «Если вы пріѣдете,—писалъ онъ,—я обещаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности, я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, ловокъ и прытокъ въ четвергъ; въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье буду, чѣмъ вамъ угодно, и всю недѣлю—у ногъ вашихъ. Прощайте» (стр. 237).

Или вотъ еще болѣе игривое: «Перечивываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелестная! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя; но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны, но иногда въ васъ не случается здраваго смысла;

еще разъ простите и—утѣшьте, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе...» (стр. 236).

Постоянно говорятъ, что художники—плохіе критики. А какъ это оказывается не вѣрно по отношенію къ Пушкину! Г. Незеленый довольно подробно слѣдитъ за той оцѣнкой, какую дѣлаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ и запискахъ относительно русской литературы, русскихъ писателей. Пушкинъ дѣйствительно выказалъ слишкомъ много тонкаго пониманія; его замѣчанія хотя и кратки, но поразительно вѣрны. Это особенно чувствуется, когда онъ говоритъ о «Горѣ отъ ума». Его замѣтки на эту комедію составляютъ основной мотивъ большой критической статьи Бѣлинскаго о произведеніи Грибоѣдова.

Какъ вѣрно, на примѣръ, его замѣчаніе о Чацкомъ, сдѣланное въ письмѣ къ одному изъ друзей! «А знаешь ли что такое Чацкій?—Пылкій, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Сколозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно! Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго раза знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми...» (стр. 203).

Всѣ эти выписки стары,—кто ихъ не знаетъ? Но не скучно ихъ перечитывать, и перечитывать Богъ знаетъ въ какой разъ... Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что мы очень не избалованы на хорошія, новыя книги, новыя слова и новыя мысли...

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Доктора М. И. Галакина. С.-Петербургъ. 1882 г. Изданіе журнала *Семья и Школа*.

Каждую весну, когда приходитъ время выбираться изъ душнаго города на отдыхъ, «на травку», для матерей семействъ и чадолюбивыхъ отцовъ мѣсто выбора дачи бываетъ ужасной, безпокойною задачей. Она нерѣдко поглощаетъ всѣ другіе интересы и заботы и превращается во что-то томящее, болѣзненное... И неужели на самомъ дѣлѣ такъ трудно отыскать порядочную дачу, удовлетворяющую необходимымъ гигиеническимъ условіямъ? Воздухъ, небо, вода, лѣсъ—все это можно имѣть въ самомъ лучшемъ видѣ верстъ за 20—за 30 отъ города. И отчего бы не ѣхать за 30 верстъ отъ растрavляющихъ душу городскихъ интересовъ?... Хоть на лѣто подальше отъ нихъ!... Все это было бы очень и очень желательнымъ, но... И въ этомъ-то «но» самая важная причина всѣхъ тревогъ и мукъ заботливыхъ матерій. *Вдали отъ города нельзя найти врача!*... Чѣмъ заботливѣе мать, тѣмъ, разумѣется, быстрѣе обращается она къ врачебной помощи при малѣйшемъ нездоровьи ребенка. Да и какъ можно иначе? Почему ей знать, опасно или нѣтъ заболѣлъ ея малютка?...

Иначе, конечно, поступает мать, получившая медицинское образование, способная оказать надлежащую помощь заболѣвшему дитяти. Но, вѣдь, такихъ матерей немного... Впослѣдствіи, когда пройдетъ не одно десятилѣтіе со времени основанія женскихъ врачебныхъ курсовъ, семья несомнѣнно получитъ больше умѣлыхъ, знающихъ, опытныхъ матерей. Если бы даже женщины не кончали тамъ курса, а доходили только до 4-го и 5-го и бросали бы курсы ради замужства, то и въ этомъ случаѣ русская семья и здоровье народонаселенія значительно бы выиграли.

Но, пока это все впереди, пока это составляет *ria desideria*, что же дѣлать бѣднымъ матерямъ, ничего не понимающимъ въ медицину и теряющимъ голову при малѣйшемъ, ничтожномъ заболѣваніи ребенка, въ особенности если нѣтъ возможности сейчасъ же обратиться за медицинской помощью? Такое положеніе — трагедія. И вотъ изъ него-то выводитъ матерей г. Галанинъ, вручая имъ свою книгу: «Письма къ матерямъ». По словамъ автора, книга имѣетъ цѣлю: «направить мать въ веденіи физическаго воспитанія ребенка — съ одной стороны и помочь ей подать помощь въ случаѣ заболѣванія его — съ другой...» (стр. 8).

Согласно этой задачѣ, вся книга раздѣляется на двѣ части.

Въ первой — довольно толково, хотя нерѣдко съ излишнимъ многословіемъ, даются весьма разумныя наставленія объ уходѣ за здоровымъ ребенкомъ: какъ и чѣмъ его кормить въ самомъ раннемъ возрастѣ; какъ ухаживать за зубами, глазами, ушами, носомъ, кожей, нервной системой...

Во второй части — какъ ходить за больнымъ ребенкомъ, какъ опредѣлить форму его заболѣванія. Далѣе даются наставленія о подачѣ первой необходимой помощи въ видѣ домашнихъ средствъ, а въ случаѣ надобности — и медицинскихъ лѣкарствъ. Разсказывается, какъ готовить послѣднія...

Предлагаемая книжка г. Галанина — находка для матерей. Теперь она для многихъ упроститъ рѣшеніе «болѣзненнаго дачнаго вопроса» и, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть такой сбытъ, что въ скоромъ времени потребуется второе изданіе. Вотъ на этотъ-то случай мы и хотимъ сдѣлать замѣчаніе, какъ видно, еще мало опытному автору.

Въ литературномъ отношеніи «Письма къ матерямъ» не представляютъ никакихъ достоинствъ; при чтеніи они не занимательны, скучны... Да авторъ, кажется, и не думалъ ихъ дѣлать занятными. Онъ даетъ совѣты, учитъ ставить діагностику, дозируетъ лѣкарство... И только во второй части, да и то въ концѣ, приводитъ факты изъ практики иностранныхъ врачей, уясняющіе силу и значеніе его совѣтовъ. Эти факты весьма оживляютъ чтеніе, поддерживаютъ интересъ и дѣлаютъ несравненно болѣе удобопонятными самые совѣты, — но ихъ немного.

Не заботясь совѣтъ о поддержаніи интереса въ читателѣ, авторъ къ тому же еще утомляетъ его вниманіе, вводя въ самый текстъ подробности и дозировку приготовленія того или другого лѣкарства, той или

другой пищи для ребенка, составъ какого-нибудь бульона и т. д. Намъ казалось, было бы гораздо практичнѣе сдѣлать это въ видѣ выносокъ или прибавленій къ каждому письму,—меньше бы утомляло читателя и удобнѣе было бы для справокъ.

Не можемъ также не указать на совершенно излишнее многословіе автора, составляющее крайне однообразныя прелюдіи къ каждому письму. Если авторъ совсѣмъ не заботится и сознательно игнорируетъ литературный интересъ въ своихъ письмахъ, въ такомъ случаѣ надо прямо говорить о дѣлѣ и избѣгать совершенно бесполезнаго пустословія (прелюдій) и страшно надоѣдающей въ концѣ концовъ вопросительной формы, къ которой онъ прибѣгаетъ чуть не на каждой страницѣ.

Когда авторъ будетъ тщательно просматривать свою книгу для второго изданія, то, кромѣ указанныхъ недостатковъ, онъ замѣтитъ въ ней множество повтореній. Ихъ, разумѣется, тоже необходимо выкинуть.

Европейскіе писатели и мыслители: V—Руссо. Изданіе В. В. Чуйко. С.-Пб. 1882 года.

Для пятого выпуска своего изданія «Библиотеки европейскихъ писателей и мыслителей» г. Чуйко выбралъ автора «Эмиля» и «Новой Элоизы».

На этотъ разъ томикъ содержитъ нѣсколько болѣе подробную біографическую статейку о Руссо, чѣмъ тѣ, которыя помѣщались издателемъ при другихъ выпускахъ, и отрывки изъ «Исповѣди». «Общественный договоръ»,—по словамъ г. Чуйко,—не могъ быть помѣщенъ по особымъ обстоятельствамъ...

Выбранные отрывки изъ «Исповѣди» довольно хорошо знакомятъ съ оригинальной и вполне своеобразною личностью Руссо и съ его отношеніемъ къ г-жѣ Варенсъ, которая звала его «малюткой» и давала ему право на выраженіе самыхъ горячихъ чувствъ дружбы и любви, далеко переходившихъ то святое чувство, какое опредѣлялъ Руссо къ г-жѣ Варенсъ, именуя ее «мамашей». Тутъ же съ полной откровенностью изображается и картина столкновенія Руссо съ двумя куртизанками въ Италіи,—картина, правда, нѣсколько отзвучающаяся цинизмомъ. Тутъ же рисуется и отношеніе Руссо къ его двадцатилѣтней привязанности—Терезѣ Левассёръ, которую такъ прекрасно характеризовалъ Джонъ Морлей въ своей прекрасной книгѣ: «Руссо». Помѣщенные въ изданіи г. Чуйко отрывки «Исповѣди» представляютъ недурное дополнительное чтеніе на русскомъ языкѣ къ книгѣ Морлея. Въ нихъ Руссо, кромѣ отношенія къ женщинамъ, рисуется также какъ крайне своеобразный человѣкъ. Для него всѣ принятые и усвоенные человѣчествомъ свѣчаи, обычаи, привычки составляютъ тяжесть и тоску кандаловъ. Талантъ не въ силахъ подчиниться имъ, втиснуть себя въ ихъ тиски, именуемая «границами приличія». Въ глазахъ же толпы, привыкшей къ шаблону, къ раз-

мѣренности, такой человѣкъ, не умѣщающійся въ рамки, кажется страннымъ чудакомъ, а то и... помѣшаннымъ. Почти всегда обрецивается такъ толпа все, что не подходитъ подъ людскую казарменность. Таково было отношеніе и къ Руссо. Таково и къ нашимъ писателямъ—Пушкину, Гоголю, Лермонтову: «чудаки!» Таково и къ одному изъ самыхъ крупныхъ современныхъ талантовъ, ускользающему отъ казарменной правильности...

А Руссо дѣйствительно не укладывается въ заранее приготовленный футляръ. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ свою малую устойчивость и размѣренность, что обычно принимается за признакъ чудачества:

«...Я же люблю заниматься ничего-недѣланіемъ, начинать сотни разныхъ вещей и не кончать ни одной изъ нихъ, ходить взадъ и впередъ, какъ мнѣ это взбредетъ въ голову, свои намѣренія мѣнять каждую секунду, свободно слѣдовать за всѣми движеніями летающей мухи, имѣть возможность срыть до основанія скалу, чтобъ узнать, что находится подъ ней, приняться со всѣмъ жаромъ за десятилѣтнюю работу, чтобъ черезъ десять минутъ бросить ее безъ всякаго сожалѣнія, наконецъ, тратить весь день безъ всякаго порядка и послѣдовательности и слѣдовать въ каждой вещи капризной прихоти момента...» (стр. 147).

Такой «неустойчивый», «капризный», «вѣтранный» человѣкъ представляетъ, разумеется, полную дисгармонію со всѣми добродѣтелями посредственности, умѣющей втиснуть себя, свою жизнь, жизнь всей своей семьи въ разъ созданныя съ геометрической точностью тиски. Въ силу выносливости и умѣнья «подчиняться» она забываетъ чувство принужденности и неловкости и чувствуетъ себя какъ бы дома.

Подробное и самое тщательное изученіе этихъ кажущихся толпѣ «странностей» талантливыхъ людей, можетъ-быть, дастъ возможность услѣдить необходимую связь этой психической «самости», отвращенія отъ какихъ бы то ни было стѣсненій—съ тѣмъ душевнымъ богатствомъ, которое есть удѣлъ таланта. Да, можетъ быть... И потому эти «странности» должны составить предметъ самаго тщательнаго изученія.

Помѣщенные въ данномъ выпускѣ отрывки изъ «Исповѣди» потому и представляютъ особый интересъ, что знакомятъ съ «странностями» одного изъ гениальныхъ людей XVIII столѣтія.

Удовольствію чтенія нѣсколько мѣшаетъ плохой переводъ, который мѣстами совершенно отказывается понимать. Вотъ хоть бы эти два мѣста: «*Брошенный на нее я взглядъ при нашемъ первомъ свиданіи былъ единственной дѣйствительно страстной минутой, которую она дала мнѣ почувствовать...*» (стр. 22). «*Я могъ бы вести прекрасный разговоръ по почтѣ, какъ говорятъ, что испанцы играютъ въ шахматы...*» (стр. 30). Сразу никакъ не разгадаешь эти объ загадки туманной рѣчи перевода. А стоитъ изъ послѣдней фразы выбросить неумѣстное «что»—и смыслъ тотчасъ объявится... Переводчикъ же, какъ видно, имѣетъ исключитель-

ное пристрастіе ко всѣмъ частичкамъ, давно излюбленнымъ еще гоголевскимъ Агакиемъ Агакиевичемъ и его знаменитымъ портнымъ Петровичемъ.

«Ужаснѣе всего то, что вмѣсто того, чтобы умѣть молчать...» (стр. 32).

«...что заставляетъ ее смѣяться еще болѣе, такъ это то, что я злился, тѣмъ болѣе, что...» (стр. 26). Пожалуй, и самъ Агакій Агакиевичъ выражался иногда яснѣе...

Но всѣ эти рытвины, ямки и груды мусора, за которыя по дорогѣ цѣпляется читатель, во имя интереса самой «Исповѣди» можно забыть. За то никакъ не забудешь той небрежности перевода, которая говоритъ прямо за незнаніе переводчикомъ языка. Вотъ какъ передано съ итальянскаго слѣдующее мѣсто Тассо:

La terra molle e lieta, e diletosa
Simili a se gli abitator produce—

«страна *имѣющаяся* (?), пріятная, плодородная и ея жители во всемъ сходны съ нею». А между тѣмъ смыслъ (и даже почти буквальный переводъ) этого мѣста такой: «пріятная, веселая, чудесная страна производить и жителей подобныхъ себѣ...»

Снимки древнихъ русскихъ печатей. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Выпускъ первый. Москва. 1882 года.

Печати встарину имѣли несравненно болѣе важное значеніе и болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ въ наше время. Каждый бояринъ имѣлъ свою печать и прикладывалъ ее въ разнымъ бумагамъ, вмѣсто собственноручной подписи своего имени. Государи тоже никогда ни подъ однимъ исходящимъ отъ нихъ документомъ не подписывались; ихъ подпись замѣняла печать. Не подписывались они потому, что правила восточнаго этикета не позволяли царю братья за перо; царь могъ держать въ рукахъ только скипетръ. Вотъ почему у насъ не сохранились афтографы нашихъ царей, не сохранилось афтографа даже царя Іоанна Грознаго, который, какъ извѣстно, переписывался съ Поссевинымъ и княземъ Курбскимъ. Предполагаютъ, что Иванъ Васильевичъ, согласно своему сану, самъ писемъ не писалъ, а диктовалъ ихъ.

Но Лжедмитрій отступилъ отъ стариннаго обычая царей русскихъ— не писать, не подписывать своего имени. Онъ подъ исходящими отъ него бумагами не только прикладывалъ печать, но и подписывался на двухъ языкахъ—польскомъ и русскомъ. Предполагаютъ, что «перо» также было одной между многими причинами его паденія.

Итакъ, печати встарину замѣняли подписи. Потому у каждаго царя была своя печать, свои печати были у областей, городовъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Печати послѣднихъ обыкновенно вдѣлывались въ кольца, въ видѣ перстней.

Послѣ того значенія, какое имѣла печать встарину, совершенно понятенъ долженъ быть интересъ къ сборнику снимковъ «древнихъ русскихъ печатей», изданіе котораго, задуманное покойнымъ директоромъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, княземъ Оболенскимъ, выполнено преемникомъ его, барономъ Ф. А. Бюлеромъ.

Изданіе представляетъ снимки печатей государственныхъ, царскихъ, затѣмъ областныхъ, городскихъ и, наконецъ, частныхъ лицъ. Снимки сдѣланы весьма недурно, на толстой, хорошей бумагѣ; каждый снимокъ помѣщенъ на отдѣльномъ листѣ большого формата, съ указаніемъ, кому принадлежитъ печать, на какомъ документѣ находится и къ какому году относится. Изъ царскихъ печатей любопытна печать Іоанна Іоанновича первого, приложенная къ записи, данной сендомирскому воеводѣ Юр. Мнишку о выдачѣ ему «милліона золотыхъ польскихъ». Также любопытна печать патріарха Филарета Никитича съ изображеніемъ благословляющей руки. Но со времени Алексѣя Михайловича въ печатяхъ замѣтно начинаетъ преобладать сложность и грандіозность рисунка; а въ царствованіе Анны Леопольдовны появляется на печати изображеніе Юлія Цезаря. Самый древній снимокъ изъ царскихъ печатей въ изданномъ сборникѣ относится къ XV в., самый позднѣйшій — къ концу XVIII. Между снимками частныхъ перстней есть одинъ, относящійся даже къ XIII в., съ довольно курьезнымъ изображеніемъ нагой человѣческой фигуры въ полусидячемъ положеніи, и перстень XIV в., на которомъ изображенъ судъ царя Соломона. Любопытенъ также снимокъ перстня съ надписью: «Московскій парусъ». Онъ найденъ лѣтомъ 1851 года на морскомъ берегу около Тамани...

Подписи каждого снимка переведены на французскій языкъ, равно и предисловіе, предпосланное комиссіей.

Изданіе изъ вѣншией стороны производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что пущено по весьма умѣренной цѣнѣ—3 рубля.

Изданіе отпечатано въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, большая часть коихъ уже разошлась.

Фаустъ Гёте. Часть первая. Переводъ П. В. Трунина. Москва. 1882 года.

Недавно, не больше полгода тому назадъ, въ Москвѣ явился «Фаустъ» Гёте въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ г. Фетомъ. Но что то было за переводъ?!... Остановливаясь на немъ, мы высказали желаніе, чтобы этотъ неудачный опытъ «послужилъ внушительнымъ урокомъ для другихъ—не рисковать переводомъ безсмертныхъ твореній. Такой рискъ,—сказали мы,—возможенъ только для избранныхъ»... И вотъ черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ передъ нами лежитъ уже другой, новый, переводъ «Фауста»... Опять рискуютъ... И опять москвичъ... П. В. Трунинъ — лицо совершенно неизвѣстное въ литературномъ мірѣ... Что же это: опять рискъ, «дерзновеніе», или, можетъ, это и есть избранныкъ?...

Въ данную минуту передъ нами лежатъ чуть не всѣ русскіе переводы этой глубокой и всегда полной новизны, чудной нѣмецкой трагедіи. Тутъ и самый старинный изъ нихъ—переводъ Э. И. Губера, и Струговщикова, и Грекова, и Павлова, и Фета.

Губеръ, прежде чѣмъ «дерзнуть несмѣлою рукою» прикоснуться въ великому произведенію, основательно изучилъ всѣ легенды о Фаустѣ, ознакомился съ переработкою ихъ, явившеюся изъ-подъ пера великихъ художниковъ у разныхъ народовъ, наконецъ самымъ основательнымъ образомъ изучилъ самого Гёте, какъ писателя-художника... И только послѣ такой тщательной подготовки онъ *осмѣлился* «дерзнуть»... Въ 1835 году былъ оконченъ переводъ первой части Фауста. Но по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ переводъ былъ тогда же уничтоженъ... Пушкинъ, А. С., подбилъ Губера присѣсть снова за работу и перевести Фауста *во второй разъ*.

Но, несмотря на всю добросовѣстность изученія и подготовку къ работѣ, переводъ мѣстами все же уклоняется отъ вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ подлинника, случается даже—бываетъ не вѣренъ! Наприм., слова Фауста по уходѣ Вагнера, обращенныя къ Духу:

Nicht darf ich dir zu gleichen mich vermessen.

Hab' ich die Kraft dich anzuziehn besessen,

So hatt'ich dich zu halten keine Kraft (стр. 26 *),—пере-

даны такъ:

Я не могу сравнить *тебя съ собою*, (Выходитъ совсѣмъ другой смыслъ.)

Я властенъ былъ, я могъ тебя *созвать*,

Но не могу, не властенъ удержать! (стр. 37).

Здѣсь совсѣмъ улетучивается главный смыслъ оригинала,—улетучивается *сречь* сознанія гордаго Фауста, что онъ ниже Духа, что онъ не можетъ сравниться *съ нимъ*, несмотря на всю свою ученость, на всю глубину своего образованія. Онъ—бесиліе, ничтожество передъ Духомъ...

Невѣрность въ мелкихъ оттѣнкахъ передачи мыслей подлинника составляетъ одинъ изъ недостатковъ этого ранняго и въ сущности довольно недурнаго перевода, и стихи Губера, несмотря на всю давность, кажутся и теперь еще звучными и гладкими. За этимъ переводчикомъ останется всегда заслуга изученія литературы Фауста и цѣльность перевода. Губеръ ознакомилъ русскую публику не только со всей первою частью Фауста, онъ изложилъ и вторую. До него на русскомъ языкѣ были только отрывки этой трагедіи. Нѣкоторые изъ отрывковъ, правда, были переведены Вeneвитиновымъ и даже Грибоѣдовымъ...

*) „Faust von Goethe“. Zweite Auflage. Berlin. 1869.

Переводъ А. Струговщикова появился уже въ 1850-хъ годахъ. Но за этимъ переводчикомъ Фауста уже нѣтъ того изученія, того добросовѣстнаго и усерднаго отношенія къ дѣлу, какое замѣчается у Губера, иская многіе изъ его недостатковъ. Тутъ рядомъ съ небрежностью отношенія къ подлиннику неприятно дѣйствуетъ и шероховатость стиха, и отсутствіе всякаго стремленія передать не только тонкія подробности глубокихъ, продуманныхъ мыслей Гёте,—тутъ вездѣ чувствуется какая-то халатность, непростительная нигдѣ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о передачѣ Фауста. Если у переводчика, напримѣръ, не клеится, не складывается стихъ, онъ безъ церемоніи пропускаетъ одну-двѣ.. строчки или присочиняетъ отъ себя, мало примѣняясь къ духу оригинала.

Такъ между нами нѣтъ сравненія,—переводить Струговщикова выше приведенное мѣсто Фауста, —

Я былъ не въ силахъ удержать,
Кого однако могъ призвать... (стр. 143).

Что же общаго здѣсь съ тѣми, полными мужи, словами подлинника, гдѣ гордому Фаусту приходится сознать, что онъ не можетъ считать себя равнымъ Духу?... Здѣсь и форма употреблена иная—безличная, ослабляющая силу словъ.

Вотъ именно въ такомъ родѣ, какъ приведенное мѣсто, переводится весь Фаустъ. Не только трудно поддающіяся передачѣ мѣста изъ рѣчей Фауста, Мефистофеля, такъ неточно переведены Струговщиконымъ, а и все остальное. Да вотъ рѣчь Маргариты въ темницѣ, когда она, какъ бы сознавая нѣсколько дѣйствительность и узнавая въ пришельцѣ своего возлюбленнаго, говорить:

Nein du musst übrig bleiben!
Ich will dir die Gräber beschreiben,
Für die muszt du sorgen
Gleich morgen;
Der Mutter den besten Platz geben,
Mein Bruder sogleich darneben,
Mich ein wenig bei Seit',
Nur nicht gar zu weit!
Und das Kleine mir an die rechte Brust.
Niemand wird sonst bei mir liegen!—
Mich an deine Seite zu schmiegen,
Das war ein süßes, ein holdes Glück!
Aber es will mir nicht mehr gelingen;
Mir ist's, als müszt ich mich zu dir zwingen,
Als stiessest du mich von dir zurück,
Und doch bist du's und blickst so gut so fromm (стр. 189).

Вотъ какъ передана эта рѣчь Струговщиковымъ:

Но ты живи!

Я подробно означу мѣста: (Выходитъ и невѣрно, и съ пропускомъ цѣлыхъ трехъ строчекъ.)

Братъ подлѣ матери ляжетъ, (Не тотъ смыслъ и опять сокращено.)

А я въ сторонѣ, но не слишкомъ далеко,

Малютка со мною на правой груди!

Но самъ ты ко мнѣ не ходи! (Последняго приказа, какъ видятъ самъ читатель, въ подлинникѣ совсѣмъ не существуетъ.)

Бывало мнѣ съ тобою люблю,

А нынче я боюсь тебя!

Ты холоденъ, не хочешь знать меня... (стр. 277—278).

Ничего, ничего этого нѣтъ; есть что-то далекое отсюда, совсѣмъ не то. Эта передача прелестныхъ словъ Маргариты вѣрна только какъ искаженіе. Въ безсвязныхъ, повидимому, рѣчахъ Маргариты въ темницѣ слышатся въ подлинникѣ безконечныя муки, воспоминаніе о недавнемъ райскомъ блаженствѣ, которое то смѣшивается со сномъ, то сплетается съ ужасною дѣйствительностью настоящаго, тоже въ свою очередь спутавшагося съ картиннами разстроенаго воображенія. Дѣйствительность и сонъ, муки и счастье, прошлое и настоящее, и ужасъ близкаго чудовишнаго будущаго—все смѣшалось, сплелось, перепуталось въ этихъ дивныхъ рѣчахъ измученной юной женской души...

Никто, никто до сихъ поръ не умѣлъ передать этихъ дивныхъ рѣчей изстрадавшейся Гретхенъ. У каждаго переводчика выходило почти неузнаваемо,—совсѣмъ, совсѣмъ не то...

Даже у Грекова, который въ своемъ переводѣ больше поэтъ, чѣмъ другіе,—даже у него непріятно читать бесѣду Маргариты съ Фаустомъ.

Съ ребенкомъ моимъ на груди одиноко

Мы ляжемъ въ нѣмой тишинѣ.

Кому же охота лечь рядомъ со мною? (Присоздастъ переводчикъ и, надо сознаться, совсѣмъ не кстати.)

Бывало все счастье: быть виѣстѣ съ тобою,

Льнуть къ милаго груди, его цѣловать;

Но этого счастья ужъ мнѣ не видать! (Опять собственное измышленіе переводчика.)

Повѣришь ли: много мнѣ надобно силы,

Чтобъ броситься снова въ объятія твои...

Мнѣ кажется, милый,

Что ты отвергаешь и ласки мои. (Настолько меточно, что перестаеть быть и вѣрно.)

А ты, вѣдь, все тотъ же, и также всѣ взгляды
И нѣжны, и полны отрады... (стр. 149).

Ничего подобнаго въ подлинникѣ! Несмотря на все многословіе, тутъ и тѣни не передано той женской стыдливости и даже оскорбленія, какое испытываетъ Маргарита, сама прижимаясь къ любимому человѣку, безъ усилій съ его стороны, какъ бы навязываясь...

О переводѣ г. Павлова, мѣстами довольно близкомъ къ подлиннику и, несомнѣнно, талантливомъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ онъ далеко не доведенъ до конца: переводъ, какъ извѣстно, оборванъ на словахъ Мефистофеля, когда послѣдній говоритъ, что распахиваетъ свой плащъ, чтобы летѣть съ Фаустомъ въ новую жизнь.

Что же касается до перевода г. Фета, то мы уже достаточно высказались о немъ. Онъ почти буквально подходитъ къ подлиннику, но тѣмъ не менѣе безконечно далекъ отъ его красоты и смысла. Вотъ какъ перенесъ Фетъ вышеприведенную рѣчь Маргариты:

Нѣтъ, ты долженъ остаться, мой милый!
Опишу я тебѣ всѣ могилы,
Ты по-утру ихъ вновь
Изготовь:
Мѣсто лучшее матери *взято*,
Положи съ нею рядомъ и брата,
А меня *такъ-то* съ боку,
Да не слишкомъ далеко!
Мнѣ ребенка на правую грудь.
Лечь со мною они не рѣшатся!

(Положимъ, что послѣдняго слова въ подлинникѣ нѣтъ.)

Но къ тебѣ мнѣ бывало прижаться
Было счастье, отрада моя!
Но теперь *нѣту* прежняго *болъ*;
Словно льну я къ тебѣ по неволѣ,
И тебѣ точно я не своя.
А вѣдь все же ты здѣсь, съ *этими* добрыми *лицомъ* (стр. 313).

Не правда ли, что этотъ мѣстами буквальный переводъ ужасно далекъ отъ подлинника? А каждая лишняя прибавка переводчика удаляетъ его еще дальше. Да вотъ это маленькое пустышное слово «здѣсь» — въ послѣдней строчкѣ — совсѣмъ мѣняетъ смыслъ того, что хочеть сказать Маргарита. Слово «здѣсь» какъ бы вливаетъ увѣренность, подаетъ надежду сомнѣвающейся Маргаритѣ, что Фаустъ ее любитъ: вотъ онъ

пришелъ сюда. Совсѣмъ не то, не то совсѣмъ хотѣла сказать Маргарита. Она, мѣшающая галлюцинаціи съ дѣйствительностью, словами: «Und doch bist du's»—какъ бы хотеть убѣдить себя, что это дѣйствительно *она*, *ея Фаустъ*, стоитъ возлѣ нея, пришелъ къ ней... Повторяемъ: несмотря на всю буквальную близость къ подлиннику, переводъ г. Фета страшно далекъ отъ него. Значить, дѣло не въ словахъ, а въ пониманіи духа. Губертъ очень часто бывалъ далекъ отъ буквальной передачи, но несравненно ближе стоялъ къ нему по смыслу, чѣмъ переводъ г. Фета.

Всѣ имена названныхъ переводчиковъ дурно или хорошо, мало или много, а извѣстны въ литературѣ... И то со стороны каждаго переводъ оказался *только дерзновеніемъ!*...

Но вотъ выступаетъ новый переводчикъ. Его имя слышится въ литературѣ только въ первый разъ. Какая смѣлость! Давно ли досталось г. Фету за его «дерзновеніе», а тутъ какой-то... П. В. Трунинъ?! Такъ долженъ подумать каждый, кто знакомъ съ литературою переводовъ Фауста на нашъ языкъ. А внѣшній видъ изданія новаго перевода еще болѣе долженъ усилить мысль въ этомъ направленіи. «Фаустъ»—и вдругъ лубочное изданіе, съ виньетками, нацарапанными булавкой и невозможно-плохо рекомендующими вкусъ переводчика. Плохая, какъ дешевая кисея, бумага, плохой шрифтъ и, въ довершеніе всего, *на первомъ мѣстѣ*, предупреждающая читателя объ отсутствіи какъ бы всякаго чутья у переводчика—цѣлая хартія, сложенная въ нѣсколько разъ, съ безконечнымъ столбцомъ «опечатковъ»!...

«Только этого не доставало!—неволью вырывается у возмущеннаго читателя.—Нѣтъ даже самаго элементарнаго, самаго азбучнаго пониманія, что *стихи нельзя, нельзя выпускать съ ошибками!*...»

Вотъ какъ враждебно настраивается читатель противъ неизвѣстнаго ему «дерзновеннаго» г. Трунина, прежде чѣмъ успѣваетъ прочесть первую страницу перевода.

Но чѣмъ дальше бѣгутъ глаза, чѣмъ быстрѣй мелькаютъ строчки, страницы, листы, тѣмъ все больше и больше исчезаетъ съ лица читателя выраженіе недовольства, расправляются складки. Удивленіе, радость,—искренняя, неподдѣльная радость,—смѣняются первое настроеніе.

... чтобъ я узналъ

Всю суть и смыслъ весь мірозданья,

И, міръ познавъ во всѣхъ частяхъ—

Въ вліяньяхъ, въ силахъ, въ сѣменахъ—

Не рылся-бъ попусту въ словахъ!... (стр. 33)

Никогда такъ вѣрно и вмѣстѣ такъ сильно никогда не звучала еще на русскомъ языкѣ, въ русскихъ стихахъ рѣчь Фауста. Болѣе близкой, почти буквальной, передачи, болѣе вѣрной, болѣе звучной и сильной—трудно представить.

О, еслибы въ послѣдній разъ
 Печаль мою въ полночный часъ
 Теперь ты видѣла, луна!
 Какъ много я ночей безъ сна
 Здѣсь за работой проводилъ,
 И другъ печальный мнѣ свѣтилъ
 На эту кучу книгъ, бумагъ...
 Когда-бъ на горныхъ высотахъ
 При милыхъ мнѣ твоихъ лучахъ
 Я могъ надъ безднами ходить,
 Съ духами въ высотѣ парить,
 Бъ лугамъ велевымъ опускаться,
 Отъ чада знаній освѣжаться
 Твоей росой и въ ней купаться!...

И «горныя высоты», и «съ духами парить», и «освѣжаться росой отъ чада знаній»—все это сказано какъ нельзя лучше по-русски и какъ нельзя вѣрнѣй и точнѣй выражено то, что сказалъ Фаустъ по волю Гёте!

Возможно ли вѣрнѣй и лучше передать проклятіе Фауста изъ его разговора съ Мефистофелемъ, чѣмъ оно передано г. Трунинымъ?

... Проклятіе тому обманчивому мнѣнью,
 Что о себѣ имѣетъ гордый Духъ;
 Проклятіе тѣхъ видѣній ослѣпленью,
 Которое на всѣ вліяетъ чувства вдругъ;
 Проклятіе тому, что насъ во снѣ прельщаетъ
 Потомства памятью иль славою пустой;
 Проклятіе всему, что къ жизни привлекаетъ—
 Жена, дитя, слуга иль трудъ любимый твой;
 Проклятіе мамонѣ, что дарами
 Насъ двигаетъ на смѣлыя дѣла,
 Что стелетъ нашъ коверъ подъ нашими ногами,
 Чтобъ веселѣй душа къ усладамъ низкимъ шла.
 Проклятіе любви обманчивой химерѣ,
 Проклятіе животворному вину,
 Проклятіе надеждамъ всѣмъ и вѣрѣ,
 И ранѣ всего терпѣнье я клянуп! (стр. 105).
 Und Fluch vor allen der Geduld!... (стр. 59).

Переводчику поддалась и удалась не только рѣчь Фауста, которая мѣстами выливается у него замѣчательно свободно и легко, но и Духъ не менѣе удачно произноситъ свою рѣчь на русскомъ языкѣ. Вотъ какъ переданы у г. Трунина слова Духа:

In Lebensfluthen, im Thatensturm
 Wall'ich auf und ab,
 Webe hin und her!
 Geburt und Grab и т. д. (стр. 22).
 Въ потокахъ жизни, въ волнахъ дѣянья
 Я всюду являюсь,
 Вадымаюсь, спускаюсь,
 И въ вѣчномъ волненьи
 И гробъ, и рожденье,
 Жизнь съ страстию въ спорѣ
 И вѣчности море—
 Пестрѣющей тканью
 Я тку на станкѣ многошумномъ времянь,
 Живой божеству сотворя хитонъ... (стр. 40).

Какъ вѣрно выбраны слова, и сколько въ нихъ музыки! «Въ волнахъ дѣянья...», «станокъ многошумный времянь»— какъ все это умѣстно! И именно «хитонъ», а не другое слово надо было здѣсь сказать...

Удивляешься и силѣ, и вѣрности, и красотѣ перевода рѣчи Фауста. А рѣчь Мефистофеля мѣстами вышла, пожалуй, еще удачнѣе.

Я часть частицы той (говорить Мефистофель), что прежде
 всѣмъ была,
 Я часть той тьмы, что свѣтъ произвела—
 Свѣтъ гордый, и т. д. (стр. 88).

Не хуже вышло и то мѣсто, гдѣ Мефистофель объясняетъ, чья пѣснь раздается въ воздухѣ:

Это мои малютки
 Поютъ прибаутки!
 Послушай, какъ умно и зрѣло
 И про веселье, и про дѣло
 Онѣ въ тѣхъ пѣсняхъ говорятъ.
 Туда, на волю, въ миръ широкій,
 Изъ этой кельи одинокой,
 Гдѣ соки сожнутъ, мысли смятъ,
 Тебя манить онѣ хотять.

И какъ вѣрно все это съ подлинникомъ!... Замѣчательно!

Wo Sinnen und Säfte stocken
 Wollen sie dich locken (стр. 60).

Не менѣе хорошо передана и его дальнѣйшая бесѣда съ Фаустомъ:

Пускай покажетъ онъ, какой вамъ способъ есть
 Великодушіе съ коварствомъ вмѣстѣ сплестъ,
 И какъ вамъ съ юной, пылкой кровью
 По плану поступать съ любовью...
 Когда-бъ я самъ такого парня зналъ,
 Я Мировосмомъ тотчасъ бы его назвалъ!... (стр. 116).

Здѣсь переводчикъ сумѣлъ передать и насмѣшливый, игривый тонъ Мефистофеля, и присущую его натурѣ грубость. И такихъ вполне хорошихъ мѣстъ много можно найти у г. Трунина. Чтобы покончить съ указаніями на такія несомнѣнно хорошія мѣста этого перевода, дѣйствительно превосходящія вѣрностью и красотой передачи все предшествующіе переводы, мы должны привести нѣсколько мѣстъ изъ послѣдняго разговора Маргариты съ Фаустомъ, на которомъ мы останавливались, говоря о другихъ переводахъ.

Трудно себѣ представить болѣе вѣрную передачу рѣчи Маргариты.

Нѣтъ, ты не долженъ умирать!
 Мнѣ надо' лишь тебѣ могилы
 Какъ можно лучше описать.
 О нихъ ты завтра же подумай неотложно...
 Могилу лучшую ты матери отдай,
 А брата положить съ ней рядомъ можно;
 Меня — немножко въ сторонѣ,
 Лишь было-бъ недалеко мнѣ.
 Но рядомъ никого со мною не пускай,
 А къ правой груди взять съ собой ребенка дай.
 Когда къ тебѣ прижмуся я, бывало,
 Вотъ счастье сладкое, святое ощущала!
 Теперь мнѣ хочется къ тебѣ сильнѣй прильнуть;
 Но это мнѣ не удается,
 Я такъ навязчива какъ-будто, и сдается
 Мнѣ все, что ты меня желаешь оттолкнуть!
 Но также ласковъ ты, и это—ты, я вѣрю! (стр. 330).

Если сюда и вкралась прибавка отъ переводчика: «я такъ навязчива какъ-будто», то она нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ еще лучше выясняетъ мысль и настроеніе Гретхенъ.

«Какъ? ты не хочешь цѣловать?— говорятъ она, удивленная:
 Не хочешь ты меня обнять?
 Такъ не надо!го удалился —
 И цѣловать ужъ разучился?»

Никто еще такъ вѣрно не передавалъ этихъ словъ Гретхенъ:

«...soo kurz von mir entfernt,
Und hast's Küssen verlernt?» (стр. 187).

Зачѣмъ такъ жутко мнѣ съ тобой?
Когда-то взгляды одинъ лишь твой,
Словечко лишь одно, бывало,
Мнѣ будто небо открывало, —
Такъ ты умѣлъ меня любить
И поцѣлуями душить!

Цѣлуй меня!

А нѣтъ — такъ поцѣлую я!... (стр. 327—328).

Сколько нѣжности, ласки, тоски, муки! И все это сохранено въ переводѣ. И такъ вся рѣчь Маргариты, любое мѣсто.

Я мать извела,
Дитя утопила...
Мое и твое оно было!...
Да, и твое... (стр. 329).

Сколько силы и глубокой тоски слышится въ этой краткости рѣчи!... Нѣтъ, подобной передачи у насъ еще не было! Мы охотно выписали бы весь разговоръ Маргариты въ темницѣ, — такъ хороши онъ вышелъ въ переводѣ г. Трунина... Но надо имѣть чувство мѣры... Только поэтому мы прекращаемъ дѣлиться съ читателемъ выпискою хорошихъ мѣстъ новаго перевода, — мѣсть, которыя занимаютъ не меньше трети всей книги.

Что касается до языка, то переводчикъ владѣетъ имъ довольно свободно. Онъ очень удачно и умѣстно пользуется русскими, народными выраженіями.

Коль ты распутной стала разъ,—говорить умирающій Валентинъ,—
Такъ будь во всю и безъ прикрасъ (стр. 269).

Именно этимъ чисто русскимъ народнымъ выраженіемъ прекрасно передается смыслъ оригинала: «So sey's auch eben recht» (стр. 150), гдѣ чувствуется въ одно время и природная грубость, и искренность Валентина.

Браткія и сильныя выраженія Фауста и Мефистофеля переданы замѣчательно лаконично и близко къ оригиналу:

Zwar Kind ist Kind, und Spiel ist Spiel (стр. 166).

Дитя—всегда дитя; игрушка—все игрушка (стр. 187).

Въ началѣ, когда авторъ какъ бы еще не совсѣмъ освоился съ духомъ подлинника, правда, такая замѣчательная сила и краткость мало

удаются ему. Напр., слова Фауста къ Духу: Soll ich dir, Flammenbildung, weichen? и т. д.—переданы невѣрно и неизячно:

О, образъ пламенный, мнѣ-ль дрогнуть предъ тобою?
Я, Фаустъ, здѣсь—и равенъ ты со мною!...

Не хорошо. Совсѣмъ не то—и слова не тѣ, и смыслъ не тотъ.

Въ общемъ же переводъ трагедіи весьма близокъ къ подлиннику. Г. Трунинъ рѣдко позволяетъ себѣ какую-нибудь вольность, напр. перестановку строчекъ или мыслей.

Ich sehe dich — es wird der Schmerz gelindert,
Ich fasse dich—das Streben wird gemindert (стр. 28).

У г. Трунина сдѣлана перестановка вторыхъ частей:

Я увидалъ тебя — стремленья утихаютъ,
Боснулся я тебя—страданья умолкаютъ (стр. 50).

И нельзя сказать, чтобъ выходило хуже. Намъ кажется, эти анти-тезы вѣрнѣй: взглянулъ — утихли душевные нравственные порывы, а отъ физическаго прикосновенія умолкли физическія страданія.

Въ другихъ же мѣстахъ встрѣчающаяся перестановка кажется безразличной, не портитъ и не дѣлаетъ лучше. Дѣлаемыя же вставки и прибавленія самимъ переводчикомъ ни въ какомъ случаѣ не дисгармонизируютъ со смысломъ текста и не портятъ его. Да вотъ хоть бы прибавка двухъ послѣднихъ строчекъ въ пѣснѣ нищаго:

Румяныя, парадныя,
Сударыни нарядныя,
Сударе благодѣтели,
О бѣдныхъ насъ радѣтели,
Взгляните на меня
И на нужду тяжелаю,
Голодную и голую
Для праздничнаго дня!... (стр. 61).

Прибавка сдѣлана слишкомъ въ тонъ оригинала и изображаемой дѣйствительности, чтобъ у кого-нибудь явилось желаніе ее выбросить.

Иногда же точность передачи подлинника доходить до такой тонкости, что передается и фонетическая красота стиха оригинала.

Dem Helfer half der Helfer droben (стр. 39), говорить крестьянинъ.

У г. Трунина:

Тому, кто помогалъ, помогъ Помощникъ свыше! (стр. 69).

Но мы опять увлеклись положительною стороною перевода... Намъ такъ никогда не кончить. Чтобы проститься съ этою частью разбора, мы скажемъ: до сихъ поръ трагедію Фауста считали непередаваемою по сво-

нимъ красотамъ и тонкимъ оттѣнкамъ глубины мысли,—переводъ г. Трунина своими удавшимися мѣстами заставлялъ увѣрять въ возможность передачи ея со всѣми красотоми... Ясно, что въ г. Трунинѣ мы имѣемъ не простого зауряднаго переводчика, а человѣка несомнѣнно съ талантомъ, который, къ сожалѣнію, какъ видно по его первому труду, не любитъ работать и относится даже къ такому дѣлу, которое доставляетъ ему «душевное наслажденіе», съ какой-то халатною небрежностью. Разъ не удается ему легко какое-нибудь мѣсто, онъ не думаетъ работать надъ нимъ, а такъ неумыто и выпускаетъ въ свѣтъ. Наприм., какъ плохо у него вышла та часть изъ монолога Фауста, гдѣ послѣдній раздумываетъ, какъ передать выраженіе Евангелія: «Въ началѣ бѣ слово». Это одно изъ чудныхъ мѣстъ подлинника, и потому особенно досадно, что переводчикъ не поработалъ надъ нимъ, какъ слѣдуетъ. Если ему удалось совсѣмъ неподдававшися до сихъ поръ мѣста, то несомнѣнно онъ могъ передать и это мѣсто лучше, чѣмъ оно у него вышло. Пусть г. Трунинъ посмотритъ, какъ усердно, упорно трудились надъ отдѣлкой своихъ произведеній такіе крупные таланты, какъ Пушкинъ, Гоголь, и тогда ему совѣстно станетъ смотрѣть на черновыя тетрадки своего перевода. Разузнется, только недостаткомъ труда со стороны г. Трунина мы можемъ объяснить не совсѣмъ вѣрную передачу многихъ изъ мѣстъ подлинника. Наприм. 1, 2, 5, 6 куплеты пѣсни Маргариты (Быль въ Чулѣ царь...), или рѣчь Мефистофеля къ Мартѣ съ извѣстіемъ о смерти мужа: она вовсе не передаетъ того оттѣнка замѣшательства, который такъ ясно чувствуется въ словахъ подлинника; а также и дальнѣйшій его разговоръ съ Мартой не отличается точностью. Невѣренъ и сбивъ разговоръ на улицѣ между Мефистофелемъ и Фаустомъ о Маргаритѣ. Не мѣшало бы переводчику пересмотрѣть еще разъ сцены «въ саду», «въ бесѣдѣ»...

Нельзя не указать и на тѣ недостатки, которые есть слѣдствіе исключительно непростительной, небрежной халатности издателя. Для него литературное дѣло, какъ видно, есть дѣло непривычное. Онъ не проникъ еще надлежащимъ къ нему уваженіемъ. Въ противномъ случаѣ г. Трунинъ не допустилъ бы такихъ недосмотровъ, какъ пропуски иногда нѣсколькихъ строкъ. Напримѣръ, на стр. 189, изъ замѣчанія автора въ скобкахъ пропущено: «чтобъ убрать платья»; на стр. 191 сокращено въ скобкахъ замѣчаніе автора «ходить», вмѣсто «ходить взадъ и впередъ»; на стр. 196 и 204 пропускаетъ замѣчаніе въ скобкахъ «плачетъ»; на стр. 233 сокращаетъ замѣчаніе въ скобкахъ, выбрасывая изъ него слова: (обрываетъ лепестки) «одинъ за другимъ»; на той же стр. выпускаетъ слова въ скобкахъ «рветъ и шепчетъ»; на стр. 234 слѣдуетъ цѣлый рядъ пропусковъ. Пропущено:

Фаустъ (въ поллоса).

О, милое, чистѣйшее созданье (пер. Грекова).

МАРГАРИТА (*продолжает*).

Любить—нѣтъ, любить—нѣтъ и т. д.

Указанная небрежность издателя-переводчика доходить до того, что онъ *выпускаетъ* (навѣрно, самъ того не замѣтивъ) *всю пьесу хора женщинъ*:

Пречистое тѣло

Обвивъ пеленами и т. д. (пер. Грекова).

Все это — непозволительная небрежность, какъ равно и хартія ошибокъ, такъ не встаетъ брошенная въ глаза читателю раньше самаго перевода.

Чтобы въ двухъ-трехъ словахъ резюмировать, что именно ожидаетъ читателя въ новомъ переводѣ «Фауста», мы приведемъ здѣсь стихи, предпосланные переводчикомъ самому тексту и составляющіе обращеніе къ творцу «Фауста»:

Прости мнѣ, тѣнь великаго поэта,
Что, дерзкій, я смутилъ, быть-можетъ, твой покой,
Что лиры, созданной на удивленье свѣта,
Коснулся я моею неопытной рукой!...

Не правда ли, какъ хороши эти четыре строчки, какимъ глубокимъ уваженіемъ проникнуты онѣ къ великому поэту и какъ много въ нихъ искренняго, умилительнаго смиренія?!...

Для всѣхъ людей земли звучала лира эта,
Лишь братьямъ я пою напѣтое тобой;
Но и въ моихъ устахъ твой замысль величавый
Ихъ блескомъ озарить твоей великой славѣ!

Что за топорные стихи, что за бессмыслица выражена въ нихъ, въ особенности въ двухъ послѣднихъ строкахъ! Просто не вѣрится, чтобъ обѣ половины приведеннаго обращенія къ Гёте были писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ... Насколько прекрасны первыя 4 строки по мысли и по отдѣлкѣ, настолько же дѣтски-неумѣлы, чуть не безграмотны (а все изъ-за небрежности) кажутся послѣднія.

Вотъ именно смѣсь такихъ двухъ крайностей, какъ приведенные стихи, представляетъ и весь переводъ г. Трунина...

Но, несмотря на всю строгость нашего отношенія къ новому переводу «Фауста», мы имѣемъ мѣста прекрасно переведенныя, дѣйствительно, «избранникомъ». Только надо, чтобъ онъ еще потрудился, и потрудился много, снова бы пересмотрѣлъ весь переводъ, очистилъ его хотя отъ тѣхъ недостатковъ, которые являются слѣдствіемъ его небрежности и непри- вычки къ литературному труду.

Е. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Служи о „Кахановской“ комиссіи. — Вопросъ о „свѣдущихъ“ людяхъ. — Комиссія по объединенію финансовыхъ управленій въ губерніяхъ. — Финансовое положеніе земствъ. — Университетскіе безпорядки.

Ровно годъ тому назадъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Каханова, особой комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, изъ сенаторовъ, ревизовавшихъ въ 1880 и 1881 годахъ нѣкоторыя губерніи и членовъ отъ подлежащихъ вѣдомствъ. Имѣющіе быть выработанными комиссіею проекты должны заключать въ себѣ предположенія о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учреждений, а также и соотвѣтственномъ измѣненіи въ учрежденіяхъ земскихъ, городскихъ и крестьянскаго управленія. Матеріалами для работъ комиссіи должны послужить всѣ заключающіяся въ отчетахъ сенаторовъ свѣдѣнія и предположенія по возложенному на комиссію дѣлу, а также постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и земскихъ собраній по преобразованію крестьянскихъ учреждений. Задача комиссіи обнимаетъ собою пересмотръ всей системы нашего мѣстнаго управленія, и потому весьма естественно, что русское общество живо интересуется ходомъ ея занятій. Какъ извѣстно, вопросъ, подлежащій ея обсужденію, уже рассматривался во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Правда, на заключеніе этихъ послѣднихъ онъ былъ переданъ въ болѣе узкой постановкѣ: шла рѣчь только о переустройствѣ мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, но требованія жизни заставили земскія собранія расширить рамки данной имъ задачи. Неудовлетворительность строя нашего мѣстнаго управленія давно уже сознается и обществомъ, и правительствомъ. Еще въ 1859 году была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, продолжавшая свою дѣятельность до конца прошедшаго года; но, говоря словами «правительственнаго сообщенія», «хотя дѣятельность этой комис-

си имѣла своимъ послѣдствіемъ изданіе не только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законоположеній, касающихся устройства полиціи и губернскихъ управленій, но и весьма важнаго, по своему значенію, «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», тѣмъ не менѣе общая задача систематическаго переустройства всего административнаго управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ до настоящаго времени не могла быть выполнена». Въ теченіе продолжительнаго существованія комиссіи практика указывала много неудобствъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ и изъ среды общественныхъ собраній ежегодно восходили къ правительству многочисленныя ходатайства объ измѣненіяхъ въ тѣхъ или другихъ законоположеніяхъ. Со времени введенія земскихъ учреждений накопился громадный запасъ матеріаловъ, но не было дѣлаемо, ни со стороны правительства, ни со стороны земства, попытокъ къ ихъ систематизированію. Между тѣмъ потребность въ такой систематизаціи ощущалась, и потому земскія собранія, будучи призваны къ обсужденію вопроса объ улучшеніи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выработать полный планъ административной реформы. Предѣлы земскихъ проектовъ не одинаковы: одни обнимаютъ все мѣстное устройство, начиная съ сельской общины и кончая губернскимъ управленіемъ, другіе—не идутъ далѣе управленія уѣзднаго, третьи—ограничиваются предѣлами волости. Не менѣе разнообразны и тѣ начала, на которыхъ построены земскіе проекты, но во всѣхъ ихъ замѣчается одно стремленіе—къ устраненію того многовластія, которое въ настоящее время вноситъ путаницу въ наше мѣстное управленіе и мѣшаетъ правильному его ходу.

Обиліе проектовъ, представленныхъ управами, комиссіями и отдѣльными гласными, обиліе статей, посвященныхъ этому вопросу въ періодической печати, страстность происходившихъ по этому предмету въ земскихъ собраніяхъ преній—все это показываетъ, что вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія есть вопросъ живой, возбужденный не изъ теоретическихъ только соображеній, а вслѣдствіе требованій дѣйствительности. Въ виду всего сказаннаго, нельзя не признать, что такъ-называемая «Бахановская» комиссія, по своей задачѣ, представляется самой важной изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ послѣднее время правительственныхъ комиссій. По справедливому мнѣнію самой комиссіи, «важность и крайняя сложность Высочайше возложеннаго на особую комиссію дѣла, сопрягающагося со всѣми ближайшими интересами населенія, естественно возбуждаютъ различныя слухи о цѣляхъ и предѣлахъ занятій комиссіи и о ходѣ ея работъ. Необходимость точныхъ по сему предмету данныхъ, а также польза отъ содѣйствія общественныхъ силъ и частныхъ лицъ въ разъясненіи многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, входящихъ въ предѣлы задачи особой комиссіи, обусловливаютъ пользу и даже необходимость соотвѣтствующаго свойству и положенію работъ комиссіи своевременнаго оглашенія оныхъ». Къ со-

жалѣнію, однако, опубликованныя свѣдѣнія о дѣятельности комиссіи чрезвычайно скудны. Въ печати появились только извлеченіе изъ журнала засѣданій комиссіи 20 ноября 1881 года и «общій планъ» ея занятій. Изъ этихъ документовъ видно, что комиссія имѣетъ первоначально въ виду: «а) губерніи по общему учрежденію управляемыя и притомъ тѣ, въ коихъ введены земскія учрежденія, б) обращеніе мѣстнаго управленія къ самымъ простымъ и дешевымъ формамъ, преимущественно посредствомъ приспособленія существующихъ учреждений къ выяснившимся потребностямъ, и в) необходимость прочной органической связи всѣхъ мѣстныхъ установленій, возможно опредѣлительно очерченныхъ, снабженныхъ достаточными способами къ правильному исполненію своихъ обязанностей и, по постановкѣ своей, способныхъ привлечь лучшія силы общества». Вотъ все, что пока извѣстно о намѣреніяхъ комиссіи. Выработанная ею программа такова, что дальнѣйшее направленіе предполагаемыхъ преобразованій ею отнюдь не предрѣшается; эту программой очерчены лишь предѣлы дѣятельности комиссіи, указаны предметы, которые она должна подвергнуть своему разсмотрѣнію, но самыя взгляды комиссіи остаются неизвѣстными. «Главные черты устройства мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности» имѣютъ быть разсмотрѣны въ «усиленномъ составѣ» комиссіи, но до сихъ поръ ничего о способахъ такого «усиленія» объявлено не было. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ газетами, извѣстно, что до лѣтнихъ ваканцій комиссія имѣла нѣсколько частныхъ совѣщаній, и что такія совѣщанія имѣли возобновиться съ 15 октября. По послѣднимъ извѣстіямъ, занятія комиссіи идутъ весьма успѣшно. Какъ сообщаютъ *Московскому Телеграфу* (№ 102), комиссіей уже разсмотрѣны вопросы о сельскомъ обществѣ, волости, уѣздной полиціи, и, какъ говорятъ, она приступаетъ въ настоящее время къ обсужденію вопросовъ, относящихся къ организациіи городского и земскаго самоуправленія, такъ что есть полное основаніе полагать, что къ новому году въ частныхъ совѣщаніяхъ имѣютъ быть разсмотрѣны въ главныхъ чертахъ всѣ вопросы, вошедшіе въ Высочайше утвержденную программу дѣятельности комиссіи.

Относительно сущности заключеній, къ которымъ приходитъ комиссія, еще ничего неизвѣстно, но въ газетахъ появляются извѣстія о различныхъ предположеніяхъ, вносимыхъ на ея разсмотрѣніе отдѣльными ея членами. Недавно было сообщено содержаніе чрезвычайно любопытныхъ отзывовъ одного изъ ревизовавшихъ сенаторовъ о современном положеніи крестьянскаго и земскаго самоуправленія, объ экономическомъ положеніи крестьянъ и о способахъ объединенія крестьянскаго управленія съ земскимъ. Какой приѣмъ встрѣтили эти заключенія со стороны комиссіи, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мнѣніе лица, имѣвшаго воз-

можность во всей подробности, на мѣстахъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Русскія Вѣдомости приводятъ слѣдующій отзывъ, данный однимъ изъ сенаторовъ о современномъ состояніи крестьянскаго самоуправления:

„Крестьянское самоуправленіе находится въ полномъ распаденіи повсемѣстно, за весьма малыми исключеніями. Сельскіе и волостные сходы, составляющіе, по „Положенію 19-го февраля 1861 года“, краеугольный камень крестьянскаго самоуправления, потеряли всякое значеніе; собираемые изъ людей, соединяющихся подъ условіемъ угощенія водкой, эти сходы служатъ только орудіемъ писаря или другого вліятельнаго лица въ обществѣ для достиженія разныхъ противозаконныхъ цѣлей. Крестьяне жалуются, что при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя устроить ничего, касающагося общей пользы: найма сторожей, огражденія выгона отъ завашки, исправленія дорогъ и т. п. Во многихъ селеніяхъ дошло до того, что сходъ безъ угощенія опредѣленнымъ количествомъ водки не составляетъ приговора и, наоборотъ, за нѣсколько ведеръ водки отбираетъ у недоимщика землю и отдаетъ ее въ аренду кулаку за ничтожную плату. Волостныя правленія, коллегіальный составъ которыхъ существуетъ только на бумагѣ, превратились въ низшую административную канцелярскую инстанцію. Дѣятельность старшины и правленія проявляется въ лицѣ волостного писаря и его канцеляріи, состоящей изъ нѣсколькихъ помощниковъ. Дѣятельность эта исключительно письменная, что и даетъ огромное значеніе писарямъ, какъ грамотнымъ людямъ, среди неграмотнаго населенія; личный же надзоръ волостного старшины за порядкомъ и подвѣдомственными ему по закону сельскими старостами почти нигдѣ не существуетъ, вслѣдствіе чего, эти послѣдніе, избираемые, къ тому же, крестьянами безъ всякаго вниманія къ ихъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ, потеряли, подобно сходамъ, всякое значеніе и исполняютъ съ формальной стороны нѣкоторыя изъ своихъ обязанностей, въ видѣ отбыванія повинности. Волостной судъ, вслѣдствіе вліянія на рѣшенія его писарей, подъ предлогомъ объясненія законовъ и вслѣдствіе укоренившагося обычая угощенія судей водкою, также потерялъ довѣріе крестьянъ, и если многіе изъ нихъ не желаютъ замѣны его провозводствомъ мирового судьи, то, главнымъ образомъ, изъ боязни траты времени на проѣздъ, расходовъ и формальностей, не зная, что мировой судья обязанъ принимать прошенія и словесныя заявленія и по дѣламъ о наслѣдствѣ не обязанъ руководствоваться постановленіями тома X Свода Законовъ. Такое разстройство крестьянскаго самоуправления, по мнѣнію сенатора, является послѣдствіемъ бездѣйствія бывшихъ мировыхъ посредниковъ и чисто формальнаго отношенія къ дѣлу нынѣшнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Преобладающее же вліяніе писарей обусловливается сохранившимися обычаями и приемами управленія государственныхъ имуществъ и, между прочимъ, огромными размѣрами волостей, въ которыхъ на сходы, за дальнимъ разстояніемъ, выборные или не являются, или собираются люди, неимѣющие между собою общихъ интересовъ и другъ съ другомъ незнакомые“.

Въ такомъ же безотрадномъ положеніи, по сообщаемому *Новостями* отзыву сенатора, находится и крестьянское хозяйство:

„Благосостояніе сельскаго сословія обривизованныхъ губерній, взятое въ совокупности, не поднялось, а понизилось противъ дореформеннаго времени и продолжаетъ еще понижаться, несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличивающихъ доходность земли, и на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, значительно уменьшившее ренту, которую платятъ за свои надѣлы. Беспор-

ными признаками обѣднѣнія крестьянъ служатъ: уменьшеніе прежде сохранявшихся хлѣбныхъ запасовъ и количества скота, въ особенности рабочаго, упадокъ строеній, истощеніе земли, вслѣдствіе хищнической ея обработки, и истребленіе тѣхъ лѣсовъ, которыми многіе крестьяне были надѣлены; второстепенными признаками служатъ: увеличеніе недоимокъ и сдержанное только недостаткомъ средствъ стремленіе крестьянъ къ переселенію. Число нищихъ въ каждомъ почти селеніи увеличилось въ огромномъ размѣрѣ; при этомъ съ ужасающею быстротою возрастаетъ число крестьянскихъ семействъ, изъ зажиточныхъ постепенно переходящихъ въ число нуждающихся и, затѣмъ, въ число вовсе необеспеченныхъ въ своемъ существованіи, т. е. семействъ, не имѣющихъ ни достаточнаго запаса хлѣба съ осени, ни надежнаго рабочаго скота и обремененныхъ неоплатными долгами. Съ уменьшеніемъ матеріальнаго благосостоянія замѣтно падаетъ между крестьянами и нравственный уровень. Родительская власть, семейныя связи, видимо, ослабѣваютъ; прежнее патріархальное подчиненіе старшимъ и древнимъ обычаямъ замѣняется произволомъ, неуваженіемъ къ властямъ и закону; пьянство и расточительность усилились въ прискорбной степени. Однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ упадка нравственности служатъ повсемѣстные семейные раздѣлы, не находящіе себѣ оправданія въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ въ маломъ семействѣ, состоящемъ иногда изъ мужа и жены съ малолѣтними дѣтьми, домашніе расходы и труды несравненно значительнѣе, чѣмъ въ большомъ; въ земледѣльческомъ же быту случайная болѣзнь одного изъ работниковъ или потеря единственной лошади влекутъ за собою ничѣмъ непоправимую остановку и ущербъ въ хозяйствѣ“.

Исправить это положеніе, по мнѣнію сенатора, невозможно безъ болѣе правильной постановки земскихъ учреждений.

„Устройство и возстановленіе правильнаго крестьянскаго самоуправленія, существовавшаго во многихъ мѣстностяхъ въ которое время послѣ изданія „Положенія“ 1861 г., хотя составляетъ первое условіе для податія благосостоянія крестьянъ и нравственнаго ихъ уровня, но не единственное. Общее попеченіе о народномъ продовольствіи, заботы о народномъ здоровіи, принятіе мѣръ противъ вредныхъ насѣкомыхъ, противъ падежей скота, страхование сельскихъ строеній и переустройство селеній, въ предупрежденіе пожаровъ, устройство необходимыхъ для развитія сельской промышленности путей сообщенія, наконецъ, народное образованіе—не зависятъ отъ крестьянскаго самоуправленія, а предоставлены заботамъ земства; но возложенныя на нихъ въ этомъ отношеніи обязанности земскія учрежденія, какъ обнаружено ревизіей, не могутъ исполнять удовлетворительно, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что органы земства—члены управы, на долю которыхъ выпадаетъ осуществлять на дѣлѣ мѣропріятія земства, напримѣръ—раздачу и засыпку запаснаго хлѣба, устройство приемныхъ покоевъ во время эпидемій, страхование строеній и т. п.,—поставлены въ сторонѣ отъ крестьянскаго управленія и лишены не только всякой власти, но и всякаго вліянія на сельское населеніе и на сельское начальство. Вообще, нельзя не замѣтить, говоритъ сенаторъ, что земскія учрежденія поставлены въ сторонѣ и отъ правительственной администраціи, какъ будто имъ вѣрена не та же, общая съ правительствомъ, забота о народномъ благосостояніи, а какое-нибудь частное предпріятіе. Это положеніе, порождавшее нерѣдко ни на чемъ не основанный антагонизмъ земскихъ учреждений съ правительственными, помѣшало земству сродниться съ народной жизнью и принести ту пользу, которую слѣдовало ожидать отъ введенія въ мѣстное управленіе вы-

борнаго сословнаго начала. Довѣрія народа земскія учрежденія до сихъ поръ не приобрѣли. Они представляются крестьянамъ новымъ, ненужнымъ начальствомъ, обременяющимъ ихъ новыми налогами. Живыхъ, образованныхъ силъ въ свою среду земство также не привлекаетъ, и нѣтъ сомнѣнн, говоритъ сенаторъ, что дальнѣйшее существованіе его на томъ же началѣ раздѣленія съ государствомъ приведетъ къ его распаденію подъ бременемъ общаго къ нему равнодушія^а.

Въ видахъ устраненія указанныхъ недостатковъ, сенаторомъ составленъ проектъ сліянн земскихъ учрежденн съ крестьянскими:

„Составитель проекта, указывая на нынѣшнее ненормальное положеніе членовъ земскихъ управъ, бессильныхъ въ дѣлѣ осуществленія предпринимаемыхъ земствомъ для блага крестьянъ мѣропрнятій, признаетъ необходимымъ слить крестьянское управленіе съ земствомъ, съ тѣмъ, чтобы вся, вообще, администрація (за исключеніемъ только городской) была ввѣрена лицамъ, выбираемымъ земскимъ собраніемъ при единственномъ условн образовательнаго ценза. Согласно вышеупомянутому проекту, уѣзды наши составляютъ слишкомъ обширныя единицы, а потому каждый изъ нихъ долженъ быть раздѣленъ на территориальныя земскія участки, болѣе или менѣе совпадающіе съ участками мировыми, при чемъ самое дѣленіе должно быть предоставлено соглашенію высшей губернской администраціи съ земскими собраніями. Выборы земскихъ участковыхъ, въ виду важности значенія, которое они будутъ имѣть въ мѣстной жизни, необходимо, по мнѣнію сенатора, обставить болѣшими гарантіями безпристрастія и справедливости, чѣмъ существующіе нынѣ выборы членовъ земскихъ управъ. Съ этою цѣлью проектируется: во-первыхъ, допустить въ земскихъ собраніяхъ равное число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и отъ сельскихъ обществъ, вмѣсто нынѣ допускаемаго случайнаго подраздѣленія; во-вторыхъ, исключать безусловно изъ числа гласныхъ всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ особенности волостныхъ старшинъ и писарей, голоса которыхъ, какъ лицъ, зависящихъ отъ земскаго участковаго начальства, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться безпристрастнымъ; и, въ-третьихъ, подннпть выборы земскаго собранія утвержденію губернскаго присутствія, съ тѣмъ, чтобы мотивированное постановленіе послѣдняго о неутвержденн выборовъ подлежало обжалованію въ правительствующемъ сенатѣ. Безъ такого выборнаго начала, по мнѣнію сенатора, невозможно устранить то пристрастіе, основанное на интригахъ мѣстныхъ партій, которое проявляется при выборахъ въ весьма многихъ земскихъ собраніяхъ. Что касается до правъ и обязанностей земскихъ участковыхъ, то, согласно проекту, имъ по крестьянскому управленію должны быть предоставлены права бывшихъ мировыхъ посредниковъ, а по земельнымъ дѣламъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами— права нынѣшнихъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій. Кромѣ личнаго посѣщенія крестьянскихъ сходовъ, на земскаго участковаго должно быть возложено разсмотрѣніе, по праву надзора и вслѣдствіе жалобъ потерпѣвшихъ, всѣхъ приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, съ правомъ уничтоженія, въ случаяхъ превышенія власти, лихоимства или мздоимства бывшихъ на сходы крестьянъ, причемъ приговоры, составленные подъ вліяніемъ угощенія вѣткой или послѣ составленія которыхъ подобное угощеніе имѣло мѣсто, должны безусловно подлежать отиѣнн; въ случаѣ же жалобы на подлогъ, земскій участковый, производя дознаніе, передаетъ дѣло судебному слѣдователю.

„Кромѣ того, въ виду неопредѣленности крестьянской земельной собственности, составитель проекта признаетъ необходимымъ возложить на земскаго участковаго веденіе поземельной книги, въ которую были бы нынѣ же внесе-

ны всѣ крестьянскія усадебныя мѣста и подворные участки въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, съ обозначеніемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, при точномъ обозначеніи границъ, согласно ст. 37 „Мѣстн. Полож. о крест.“; затѣмъ, въ этой книгѣ долженъ быть отмѣчаемъ всякій переходъ этой собственности, а также возникновеніе новой частной собственности посредствомъ отвода домохозяину усадебной земли изъ полевой. Земскому же участковому должно, наконецъ, быть предоставлено, впродъ до преобразованія межевой части, разрѣшеніе споровъ о выдѣлѣ участковъ, по ст. 165 „Полож. о выкупѣ“. Разсмотрѣніе жалобъ по этимъ предметамъ проектируется предоставить губернскому присутствію“.

Предположенія, подобныя изложеннымъ, были высказаны и нѣкоторыми земствами. Мысль о необходимости сохраненія особаго крестьянскаго самоуправленія и возстановленія, для завѣдыванія имъ, должности, соотвѣтствующей прежнимъ мировымъ посредникамъ, встрѣтила среди земскихъ представителей значительное сочувствіе, но вызвала и много возраженій. И въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати было приводимо много доводовъ въ пользу упраздненія сословнаго крестьянскаго управленія и сліянія его съ общимъ для всѣхъ сословій управленіемъ, въ пользу созданія новой административно-хозяйственной или только административной всесословной единицы. Мнѣнія, высказанныя въ земскихъ собраніяхъ, чрезвычайно разнообразны, и это разнообразіе мѣстами достигло такой степени, что соглашеніе оказалось невозможнымъ и нѣкоторыя собранія были поставлены въ невозможность дать опредѣлительный отвѣтъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ мѣстномъ управленіи. Особенно наглядно обнаружилась эта рознь въ московскомъ губернскомъ собраніи, которое въ теченіе трехъ дней дало два совершенно противоположные отвѣта на одинъ и тотъ же вопросъ: 11 января оно, большинствомъ 21 голоса противъ 12, высказалось *за упраздненіе* нынѣшней крестьянской волости, а 13 января, большинствомъ 21 противъ 17, *за ея сохраненіе*.

Многочисленность и разнообразіе поступившихъ въ комиссію статсъ-секретаря Баханова мнѣній, отзывовъ и проектовъ потребуетъ со стороны ея много труда на ихъ разборъ и согласованіе. Необходимо выяснитъ причины взаимныхъ разногласій, взвѣситъ значеніе и достоинство приводимыхъ въ пользу каждаго мнѣнія доводовъ, отдѣлится соображенія, вызванныя случайными, побочными обстоятельствами. Дѣло, порученное комиссіи, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; отъ его исхода въ значительной степени зависитъ будущность нашего отечества, а потому весьма важно, чтобы при его разрѣшеніи было устранено вліяніе всего случайнаго и временнаго. Вслѣдствіе этого и въ виду крайняго разнообразія высказанныхъ мнѣній, въ виду возникшей борьбы многочисленныхъ затрогиваемыхъ реформой интересовъ, весьма важное значеніе получаетъ вопросъ о будущемъ составѣ комиссіи. Мы говоримъ о «будущемъ» составѣ потому, что предсѣдателю комиссіи предоставлено, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, усиливать составъ ея «мѣстными

свѣдущими людьми» и вообще лицами, участіе коихъ въ комиссіи признается полезнымъ. Въ «усиленномъ» составѣ комиссіи, согласно утвержденной программѣ, должно произойти обсужденіе предметовъ, входящихъ въ кругъ ея задачъ, въ порядкѣ и предѣлахъ составленнаго ею перечня сихъ предметовъ, установленіе главныхъ чертъ устройства всѣхъ мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности,—и, наконецъ, обсужденіе и окончательное объединеніе составленныхъ подкомиссіями проектовъ законоположеній. Насколько извѣстно, засѣданій комиссіи въ «усиленномъ» составѣ еще не было и въ занятіяхъ ея принимаетъ участіе одно только приглашенное лицо—профессоръ⁶ Петербургскаго университета И. Е. Андреевскій. Надо полагать, поэтому, что частныя совѣщанія комиссіи, о которыхъ сообщается въ газетахъ, имѣютъ значеніе только подготовительныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью облегчить занятія будущей «усиленной» комиссіи.

Вопросъ о порядкѣ призыва въ комиссію по пересмотру мѣстныхъ учреждений «свѣдущихъ людей» въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго года обсуждался, какъ извѣстно, во многихъ земскихъ собраніяхъ, изъ которыхъ двѣнадцать губернскихъ выразили желаніе, чтобы выборъ «свѣдущихъ людей» былъ предоставленъ самимъ собраніямъ. «Вызываемыя лица,—по мнѣнію смоленскаго губернскаго собранія,—только въ томъ случаѣ могутъ выражать мнѣнія земства, когда они имъ на то уполномочены. Земство очень хорошо знаетъ, кто изъ его членовъ лучше знакомъ съ тѣмъ или другимъ изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ данное время, а при разнообразіи предметовъ вѣдѣнія земства ни отъ одного изъ гласныхъ нельзя требовать равнаго знакомства со всѣми обсуждаемыми вопросами, и самый вліятельный, излюбленный въ земствѣ гласный можетъ быть мало знакомъ съ нѣкоторыми изъ обсуждаемыхъ предметовъ, такъ что для одного предмета земство можетъ указать однихъ уполномоченныхъ, а для другого предмета—другихъ лицъ». «Только несоблюденіемъ этого правила,—говоритъ комиссія смоленскаго земства,—можно объяснить неудачу въ совѣщаніяхъ земскихъ «свѣдущихъ людей» по питейному вопросу». Къ этому смоленское «собраніе признало необходимымъ присовокупить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство признаетъ нужнымъ вызвать уполномоченныхъ земства для выслушанія мнѣній, желаній и практическихъ указаній по тому или другому предмету, было бы не только полезно, но и справедливо, чтобы ни одна губернія не была устраняема отъ участія въ этомъ совѣщаніи, въ виду того, что интересы каждой изъ нихъ могутъ быть затронуты и нарушены тѣмъ или другимъ способомъ рѣшенія каждаго вопроса, по незнанію мѣстныхъ особенностей той или другой губернія. Необходимость такого заявленія собранія оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что при обсуждавшихся въ 1881 году съ участіемъ земства трехъ вопросахъ—выгупномъ, питей-

номъ и переселенческомъ—не было ни одного члена отъ смоленскаго земства, и вопросы эти рѣшались безъ принятія въ соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ нашего земства, хотя эти три вопроса для Смоленской губерніи важнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ губерній». Владимирское губернское собраніе тоже высказало мысль, что «лица, избранныя земскими собраніями, вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей».

Ходатайства земскихъ собраній о предоставленіи имъ самимъ избирать «свѣдущихъ людей» долгое время подвергались глумленію въ печати. *Русь, Новое Время, Московскія Вѣдомости* набрасывались на нихъ съ ожесточеніемъ. Но въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости*, по-видимому, перемѣнили свой взглядъ на выборное начало и высказываются въ пользу его, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ представительству частныхъ интересовъ. Въ передовой статьѣ № 308, говоря о мнѣніяхъ, высказанныхъ въ засѣданіи московскаго биржевого комитета по вопросу о кавказскомъ транзитѣ, газета г. Каткова уязвляетъ на несостоятельность организаціи созываемыхъ въ Петербургъ такъ-называемыхъ «свѣдущихъ людей»,—и добавляетъ:

„Не затѣмъ, конечно, созываются эти совѣщанія, чтобы выслушать мнѣнія чьи попало, людей, взятыхъ откуда вздумалось, а чтобы спросить разные прикосновенные къ обсуждаемымъ вопросамъ интересы. Отзвѣвы этихъ интересовъ не представляютъ собой ничего формально-обязательнаго, и потому не можетъ быть никакихъ побужденій добиваться, чтобы мнѣнія созыванныхъ представителей разныхъ интересовъ группировались такъ, а не иначе, клопились въ ту, а не въ другую сторону. Въ такихъ, созываемыхъ правительствомъ, совѣщаніяхъ нужно слышать правду, всю правду, и ничего кромѣ правды, именно о томъ, что желательно и чего не желательно съ точки зрѣнія даннаго интереса. Но правду, во всей ея силѣ и объемѣ, можетъ высказать о себѣ только самъ данный интересъ, взятый живьемъ, а никакъ не представитель его, который можетъ быть ему чуждъ, или у котораго могутъ быть другіе, болѣе для него вѣскіе, интересы. Если желательно знать дѣйствительное отношеніе даннаго интереса къ дѣлу, надобно предоставить ему самому отразить отъ себя тѣхъ людей, которыхъ считаетъ наиболѣе способными отстаивать его. Иначе можетъ случиться, пожалуй, что, наприм., голоса гг. Ананова и Алексѣева, разошедшихся съ единогласнымъ мнѣніемъ всей промышленности обширнаго Московскаго района и нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей и Среднею Азіей, пойдутъ въ петербургскомъ совѣщаніи именно за голоса того интереса, который вовсе не будетъ говорить ихъ рѣчами. У насъ,—заключаетъ газета,—много толкуютъ о выборномъ началѣ, суютъ его куда ни попало, куда вовсе не слѣдуетъ, требуютъ самаго широкаго примѣненія выборовъ, какъ основы вождедѣльныхъ „правовыхъ“ порядковъ; но тамъ, гдѣ это начало дѣйствительно имѣетъ смыслъ, тамъ его обѣгаютъ“.

Недавно по вопросу о «свѣдущихъ» людяхъ заговорила и *Русь*. Въ помѣщенной въ № 47 этой газеты статьѣ: «Два слова о совѣщаніяхъ съ участіемъ свѣдущихъ людей»,—одинъ изъ членовъ прошлогоднихъ «совѣщаній», Д. Ѳ. Самаринъ, пытается построить теорію этого института.

Авторъ статьи различаетъ *заинтересованныхъ* въ дѣлѣ лицъ отъ «тѣхъ земскихъ людей, которымъ, подѣ именемъ *свѣдущихъ* людей, передаются на обсужденіе государственные вопросы».

«Совѣщанія,—говоритъ онъ,—могутъ быть учреждаемы, смотря по существу разсматриваемаго дѣла, съ тѣми или другими лицами; но очевидно, что совѣщанія съ участіемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ должны имѣть другой характеръ, чѣмъ совѣщанія свѣдущихъ людей. Отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ вовсе не требуется, чтобы они обсуждали вопросъ съ государственной точки зрѣнія, а нужно, чтобы они разсматривали его съ точки зрѣнія своихъ интересовъ; наоборотъ, отъ свѣдущихъ людей требуется, чтобы они отрѣшились отъ точки зрѣнія своихъ интересовъ (личныхъ, сословныхъ или тѣхъ корпорацій, къ которымъ они принадлежатъ) и стали на точку зрѣнія общей государственной пользы».

При обсужденіи вопроса не сложнаго, но затрагивающаго одинъ или нѣсколько различныхъ, не рѣдко даже противоположныхъ интересовъ, желательна передача такого вопроса на разсмотрѣніе представителей всѣхъ этихъ интересовъ (корпорацій, компаній, комитетовъ и т. п., а если таковыхъ нѣтъ, то съѣздовъ) и затѣмъ приглашеніе на совѣщаніе представителей означенныхъ корпорацій или съѣздовъ.

„Являясь на совѣщаніе въ качествѣ адвокатовъ извѣстныхъ интересовъ, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ корпорацій или съѣздовъ, они, очевидно, должны быть назначаемы не иначе, какъ по ихъ выбору — это должно быть правиломъ; назначеніе отъ правительства можетъ быть допущено только какъ исключеніе, если выборъ, по той или другой причинѣ, не можетъ быть произведенъ“.

Задача такихъ совѣщаній заключается въ выясненіи вопроса, съ точки зрѣнія отдѣльныхъ интересовъ, лицамъ назначеннымъ для этого отъ правительства и присутствіе коихъ, поэтому, на подобныхъ совѣщаніяхъ необходимо. Проектъ рѣшенія вопроса, обсуждавшагося на совѣщаніи, долженъ исходить отъ министерства, а не отъ заинтересованныхъ лицъ, «такъ какъ рѣшеніе можетъ быть постановляемо только съ общегосударственной точки зрѣнія»; но желательно, чтобы, предварительно внесенія въ государственный совѣтъ, проекты были сообщены представителямъ отдѣльныхъ интересовъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ права заявлять свое согласіе или подавать особые мнѣнія. «Понятно, что въ такого рода совѣщаніяхъ не имѣетъ ровно никакого значенія число лицъ, представляющихъ тотъ или другой интересъ, и нѣтъ поэтому никакой надобности соразмѣрять число лицъ съ относительною важностію того или другого интереса».

Совершенно иную постановку должны получить совѣщанія «свѣдущихъ людей».

«Вслѣдствіе того, что члены такихъ совѣщаній вовсе не должны быть представителями или адвокатами того или другого интереса, а должны, наоборотъ, обсуждать вопросъ съ общей земско-государственной точки зрѣнія, не требуется, какъ непрежѣнное условіе, чтобы они были назначаемы не иначе, какъ по

выбору. Если отрѣшиться отъ понятія о представительствѣ и держаться стариннаго нашего понятія о *лучшихъ* и *свѣдущихъ* людяхъ, то очевидно, что въ принципѣ можетъ быть допущено приглашеніе лицъ въ члены такихъ совѣщаній какъ по выбору, такъ и по назначенію отъ правительства. Весь вопросъ сводится къ тому, какимъ путемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можно вѣрнѣе найти *лучшихъ* и *свѣдущихъ* людей. Если въ учрежденіяхъ или собраніяхъ, производящихъ выборы, дѣйствительно отражаются всѣ слои общественныя, если они не носятъ на себѣ отпечатка какой-либо исключительности, то выборъ лицъ учрежденіями или собраніями представляетъ, вообще говоря, болѣе гарантій въ томъ, что въ совѣщаніе попадутъ лучшіе люди. Однако, такой выборъ отнюдь не долженъ имѣть значенія полномочія, а только указанія лицъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ. Но если, вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи учрежденій, производящихъ выборы, или вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ или мѣстныхъ условій, нельзя рассчитывать на то, чтобы путемъ выбора дѣйствительно были указаны лучшіе люди, то есть полное основаніе прибѣгнуть къ приглашенію лицъ по выбору самого правительства. Нѣтъ, поэтому, никакой причины чуждаться системы выбора, но нѣтъ также никакой надобности возводить эту систему въ непремѣнное правило и самому правительству связывать себѣ руки и лишать себя права приглашать въ члены совѣщанія такихъ лицъ, участіе которыхъ можетъ быть полезно и которые по той или по другой причинѣ могутъ весьма часто оставаться невыбранными. Не всегда же большинство голосовъ бываетъ гарантїею правильности выбора или рѣшенія; нерѣдко правда бываетъ на сторонѣ меньшинства“.

Разсматривая, далѣе, организацію совѣщаній «свѣдущихъ людей», г. Самаринъ находитъ, что участіе въ этихъ совѣщаніяхъ членовъ отъ правительства «не составляетъ непремѣннаго и необходимаго условія, такъ какъ сами свѣдущіе люди должны разсматривать вопросъ съ государственной точки зрѣнія». Проектъ рѣшенія обсуждаемаго вопроса долженъ быть составленъ совѣщаніемъ, которое, для этого, «должно подвергаться голосованію мнѣнія отдѣльныхъ членовъ; этимъ обычнымъ для всѣхъ совѣщательныхъ комиссій приемомъ вырабатывается столько проектовъ рѣшенія, сколько мнѣній окончателно складывается въ совѣщаніи. Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ проектовъ не имѣетъ обязательной силы, то понятно, что всѣ они должны быть представляемы въ министерство, которое лишь принимаетъ одинъ изъ представляемыхъ проектовъ, либо отвергаетъ ихъ всѣ и составляетъ свой собственный проектъ; но во всякомъ случаѣ всѣ проекты, выработанные въ совѣщаніи, должны быть вносимы въ государственный совѣтъ...» Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Самаринъ высказываетъ желаніе, чтобы «свѣдущіе люди» были допускаемы къ участію въ засѣданіяхъ не только департаментовъ, но и общаго собранія государственнаго совѣта.

Различіе, дѣлаемое г. Самаринымъ, между представителями интересовъ и «земскими свѣдущими людьми», приглашаемыми для обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ, притомъ съ «земско-государственной» точки зрѣнія, весьма существенно. Признавая вполнѣ справедливость этого раздѣленія, мы, однако, не можемъ раздѣлять основнаго взгляда г. Самарина на роль и значеніе «свѣдущихъ людей». Задача этихъ послѣднихъ можетъ быть

двойная: или правительство может требовать свѣдѣній отъ людей, близко стоящихъ къ извѣстному дѣлу, обладающихъ извѣстными познаніями и опытностью, или же оно можетъ обратиться къ нимъ въ качествѣ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ не только съ мѣстными потребностями и условіями, но и съ воззрѣніями и желаніями мѣстнаго населенія, и могущихъ сообщать центральной власти такія свѣдѣнія, которыхъ инымъ путемъ она получить не можетъ. Если имѣть въ виду только первую задачу, то при приглашеніи свѣдущихъ людей, какъ экспертовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выборное начало можетъ не имѣть мѣста: правительству самому, пожалуй, легче, нежели мѣстнымъ избирательнымъ собраніямъ, найти людей, обладающихъ опытностью и знаніями въ той или другой сферѣ. Но такіе свѣдущіе люди или эксперты должны ограничиваться дачей отвѣтовъ на поставленные имъ вопросы. Другое дѣло—лица, приглашаемыя для обсуждения вопроса съ «земско-государственной» точки зрѣнія. Отъ этихъ людей нельзя требовать специальныхъ знаній,—отъ нихъ можетъ требоваться только знакомство съ нуждами и воззрѣніями населенія,—и, говоря о нихъ, трудно, подобно г. Самарину, «отрѣшиться отъ понятія о представительствѣ», тѣмъ болѣе, что и держась, какъ онъ рекомендуетъ, «стариннаго нашего понятія о *лучшихъ и свѣдущихъ* людяхъ», нельзя все-таки не придти къ понятію о представительствѣ. Въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, правительство не разъ призывало на совѣтъ земскихъ людей, но призывъ этотъ имѣлъ разныя цѣли и разныя формы. Бывали призывы собственно «свѣдущихъ» людей—для всесторонняго выясненія того или другого вопроса законодательства и управленія. Такъ въ 1660 году было совѣщаніе бояръ съ московскими гостями, торговцами гостиной и суконной сотенъ, съ сотенными черныхъ слободъ и сотенъ и со всѣми торговыми и тяглыми людьми московскими—о причинахъ дороговизны въ Москвѣ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; въ 1672 г. гости и торговцы русскіе приглашены были въ Посольскій приказъ для дачи своего заключенія о томъ, не причиняетъ ли имъ подрыва торговый договоръ, заключенный въ 1667 г. московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами о торговлѣ послѣднихъ въ Россіи различными персидскими товарами; 23 февраля 1676 г. происходило совѣщаніе кн. М. Ю. Долгорукова и другихъ бояръ съ гостями касательно нѣкоторыхъ вопросовъ о торговлѣ съ Персіею шелкомъ-сырцомъ и касательно просьбы голландскихъ купцовъ о дозволеніи имъ вести чрезъ московскія владѣнія транзитную торговлю съ Персіею тѣми же продуктами, и т. д. «Это,—говоритъ г. Загоскинъ,—просто временныя правительственныя комиссіи, составленныя изъ думныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ, съ привлеченіемъ къ участию въ нихъ специалистовъ по роду занятій или службы, свѣдущихъ людей, экспертовъ» *).

*) Н. И. Загоскинъ: „Исторія права Московскаго государства“, т. I. Казань, 1877 г., стр. 297 и слѣд.

Но, наряду съ такого рода совѣщаніями, «съ участіемъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ», происходили и другія совѣщанія, имѣвшія совершенно иное значеніе, гдѣ земскіе люди созывались именно для обсужденія вопросовъ съ точки зрѣнія не частныхъ, отдѣльныхъ интересовъ, а съ «земско-государственной», и существеннѣйшимъ признакомъ такихъ совѣщаній является, какъ говоритъ г. Загоскинъ, представительство «всякихъ чиновъ людей Московскаго государства»^{*)}. Этой идеей обуславливается и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ требовались всегда люди *выборные*. Никакихъ условій избранія, кромѣ нравственныхъ, правительствомъ не ставилось; требовалось только, чтобы выборные были люди «лучшіе, крѣпкіе и разумные», т. е. такіе, которымъ были бы вѣдомы народныя «нужа и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки», которые умѣли бы разсказать правительству «обиды и насильства, и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство»^{**}). Судя по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись выборнымъ, нельзя не заключить, что они являлись не «представителями или адвокатами того или другого интереса»,—ихъ назначеніемъ было, именно, «обсужденіе вопроса съ общей, земско-государственной точки зрѣнія», а между тѣмъ, или, вѣрнѣе, именно поэтому, непремѣннымъ условіемъ было назначеніе ихъ по выбору отъ чиновъ государства. «Старинное понятіе о лучшихъ и свѣдущихъ людяхъ», такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ понятіе представительства, и, слѣдовательно, ссылка на него не можетъ служить доводомъ въ пользу замѣны выбора назначеніемъ.

Серьезнѣе практическія соображенія, приводимыя г. Самаринымъ. «Если,—говоритъ онъ,—вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи учреждений, производящихъ выборы, или вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ или мѣстныхъ условій, нельзя разсчитывать на то, чтобы путемъ выбора дѣйствительно были указаны лучшіе люди, то есть полное основаніе прибѣгнуть къ приглашенію лицъ по выбору самого правительства». Но это соображеніе едва ли можетъ имѣть большое значеніе. Если нельзя почему-либо положиться на способность учреждений, производящихъ выборы, отнести къ дѣлу безпристрастно и указать дѣйствительно «лучшихъ» (конечно, въ смыслѣ ихъ способности) людей, то, точно также, нѣтъ достаточныхъ основаній предположить, что правительство въ своемъ выборѣ не впадетъ въ ошибку. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ руководствоваться оно при выборѣ людей изъ числа провинціальныхъ обывателей, кромѣ личнаго знакомства выбирающихъ, или рекомендаціи мѣстныхъ властей? Но безпристрастіе этихъ послѣднихъ обезпечено нисколько не болѣе безпристрастія общественныхъ собраній. Съ другой стороны,

^{*)} Тамъ же, стр. 310.

^{**}) Тамъ же, стр. 316.

въ случаѣ признанія некомпетентности существующихъ избирательныхъ собраній, земскихъ и городскихъ, или совершеннаго отсутствія таковыхъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введены земскія учрежденія), представляется возможнымъ образованіе избирательныхъ коллегій для даннаго случая, съ устраненіемъ недостатковъ существующихъ собраній. На возможность и необходимость такой мѣры, въ виду неудовлетворительности состава нашихъ нынѣшнихъ общественныхъ собраній, уже указывалось въ печати (напр. предложеніе А. И. Копелева объ учрежденіи «губернскихъ комитетовъ»). Наконецъ, на случай, еслибы при выборахъ оправдалось опасеніе г. Самарина и избранія не были бы удостоены лица, участіе которыхъ особенно полезно, правительство имѣетъ возможность пригласить и ихъ, для того, чтобы выслушать мнѣніе не только большинства, но и меньшинства.

Призывъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ, представляетъ наиболѣе гарантіи въ томъ, что общественное мнѣніе будетъ выражено полно и вѣрно; а именно узнаніе общественнаго мнѣнія и нужно правительству. Людей, обладающихъ спеціальными знаніями, глубоко изучившихъ предметъ со стороны научной и способныхъ создать прекрасные проекты—правительству найти не трудно; гораздо труднѣе найти практиковъ, людей жизни, которые могли бы выразить мысль общественную.

Мы остановились на способѣ выбора свѣдущихъ людей въ виду того, что предстоитъ приглашеніе таковыхъ въ Кахановскую комиссію и что порядокъ «усиленія» состава послѣдней еще не опредѣлился. Эта комиссія, имѣющая цѣлью внести порядокъ въ наше разстроившееся мѣстное управленіе и положить конецъ нашему «нестроенію», болѣе нежели всякая другая нуждается въ содѣйствіи представителей общества, которые могли бы объяснить народныя «нужи и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки», которые были бы въ состояніи довести до свѣдѣнія правительства—что думаетъ и чего желаетъ русское общество.

Скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о порядкѣ избранія «свѣдущихъ людей» и самое ихъ приглашеніе мы считаемъ особенно желательнымъ, такъ какъ до усиленія состава комиссіи не можетъ быть приступлено къ разрѣшенію многихъ вопросовъ частныхъ, имѣющихъ, тѣмъ не менѣе, важное значеніе. Такіе частные вопросы, совершенно назрѣвшіе, выдвигаются на очередь чуть не каждый день и, въ виду ихъ важности, уже начинаютъ подвергаться разработкѣ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ—объ объединеніи финансовыхъ управленій въ губерніяхъ—возбужденъ министерствомъ финансовъ и составилъ уже предметъ занятій особо для того учрежденной комиссіи.

Эта комиссія, состоящая изъ всѣхъ директоровъ и вице-директоровъ департаментовъ министерства финансовъ, вызванныхъ изъ губерній управляющихъ акцизными сборами и казенными палатами и представителей министерствъ вн утренныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи

и государственнаго контроля,—открыла свои засѣданія 18 сентября. При ея открытіи, министръ финансовъ прежде всего заявилъ, что задача комиссіи не предрѣшена, и просилъ членовъ высказать свои мысли и соображенія по этому предмету съ полною свободой и откровенностью. Развивая взгляды по этому вопросу, Н. Х. Бунге коснулся, между прочимъ, того обстоятельства, что въ настоящее время въ дѣятельности различныхъ органовъ министерства, находящихся въ губерніяхъ, нѣтъ должнаго единства, и, какъ на примѣръ, указалъ на недоразумѣнія, возникающія порою между акцизными и таможенными учрежденіями. Говоря о взиманіи окладныхъ сборовъ, министръ выразилъ желаніе, чтобы полиція, на которой нынѣ всецѣло лежитъ обязанность по взиманію этихъ сборовъ, была, насколько возможно, избавлена отъ этого труда. Вообще министръ призналъ, что въ настоящее время, при существующей организаціи финансовыхъ управленій въ губерніяхъ, встрѣчаются затрудненія по взиманію нѣкотораго рода налоговъ, напримѣръ налога съ переходящихъ по наслѣдству имуществъ. Коснувшись организаціи будущихъ финансовыхъ управленій въ губерніяхъ, министръ высказалъ мысль, что о сокращеніи нынѣ существующаго личнаго состава служащихъ нѣтъ и рѣчи, но при этомъ однако добавилъ, что слѣдуетъ обойтись, при предстоящемъ преобразованіи, по возможности тѣми средствами, которыя нынѣ отпускаются на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства *).

Матеріаломъ для обсужденія комиссіи служитъ выработанный министерствомъ финансовъ предварительный проектъ податнаго управленія, сущность котораго, въ общихъ чертахъ, заключается въ слѣдующей. Завѣдываніе всѣми окладными и неокладными сборами, кромѣ таможенныхъ, храненіе казенныхъ суммъ и производство государственныхъ расходовъ сосредоточиваются въ казенныхъ палатахъ, которыми, въ качествѣ исполнительныхъ органовъ, подчиняются уѣздныя и губернскія податныя управленія и казначейства, распорядительная же власть—по разсмотрѣнію жалобъ плательщиковъ на неправильное обложеніе сборами, ходатайствъ о разсрочкѣ платежей и сложеніи недоимокъ и пеней, а равно по разсмотрѣнію другихъ вопросовъ какъ въ отношеніи самыхъ сборовъ, такъ и личнаго состава управленія—предоставляется губернскимъ, уѣзднымъ и городскимъ податнымъ управленіямъ. Казенная палата и ея исполнительные органы имѣютъ составъ бюрократическій, состоя изъ чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, а распорядительныя «присутствія» получаютъ составъ смѣшанный, бюрократическо-общественный. Губернское присутствіе образуется, подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатой, изъ помощника управляющаго, начальниковъ отдѣленій палаты, непрежняго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и членовъ, особо на этотъ предметъ избранныхъ отъ каждаго города и

*) Мы пользуемся отчетами о засѣданіяхъ комиссіи, помѣщенными въ *Голосъ*.

каждаго уѣзда губерніи, по одному—городскими думами и уѣздными земскими собраніями— по принадлежности. Уѣздное присутствіе состоитъ, подъ предѣдательствомъ начальника уѣзднаго податнаго управленія, изъ податныхъ надзирателей, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и *равнаго съ ними числа* засѣдателей, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и городскими думами. Каждый уѣздъ раздѣляется на податные участки, въ которыхъ наблюденіе за правильнымъ и своевременнымъ поступленіемъ какъ прямыхъ податей, такъ и неогладныхъ сборовъ, а также и взысканіе казенныхъ, земскихъ, городскихъ и общественныхъ недоимокъ—принадлежитъ участковому надзирателю. Подобно уѣздамъ, могутъ быть раздѣляемы на участки и тѣ города, въ которыхъ будутъ образованы податныя управленія, т. е. имѣющіе свыше 50 тыс. жителей, и тѣ, гдѣ образованіе особыхъ управленій будетъ признано необходимымъ—министерствомъ финансовъ.

Проектъ этотъ, по заявленію министра, «самъ по себѣ ничего не предрѣшаетъ и долженъ послужить только пособіемъ при постановкѣ подлежащихъ обсужденію вопросовъ». Комиссія, подъ предѣдательствомъ барона Розена, имѣла уже (по 15 ноября) девять засѣданій и успѣла рассмотреть многіе изъ предложенныхъ на обсужденіе ея вопросовъ.

Учрежденіе этой комиссіи, имѣющей предметомъ организацію одной изъ отраслей мѣстнаго управленія, возбудило въ печати толки о ея отношеніяхъ къ Бахановской комиссіи, и эти толки вызвали разъясненіе со стороны министерства финансовъ. Изъ этого разъясненія оказывается, что «совѣщаніе, созданное при министерствѣ финансовъ, состоялось по предварительному соглашенію между предѣдателемъ «особой комиссіи» и министромъ финансовъ, причемъ предположено основанія, выработанныя совѣщаніемъ, разработать не прежде, какъ по рассмотрѣніи ихъ въ «особой комиссіи» и по согласованіи съ ея проектомъ. Поэтому труды совѣщанія и «особой комиссіи» не исключаютъ другъ друга и не имѣютъ въ виду дѣлать вдвойнѣ одну и ту же работу; напротивъ, направленные къ достиженію одной и той же цѣли, они должны ускорить разработку подробностей той части проектовъ мѣстнаго управленія, которая касается управленія финансоваго. Указанные министромъ финансовъ въ первомъ собраніи совѣщанія предстоящіе къ разрѣшенію вопросы: не слѣдуетъ ли существующія нынѣ въ губерніяхъ финансовыя управленія объединить и въ какой именно мѣрѣ; не слѣдуетъ ли ввести въ нихъ коллегіальное обсужденіе и разрѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, и какихъ именно; не слѣдуетъ ли возложить взысканіе недоимокъ на финансовое управленіе, съ освобожденіемъ отъ этой обязанности полиціи?—свидѣтельствуютъ о томъ, что между работами совѣщанія и «особой комиссіи» никакихъ принципиальныхъ разногласій не существуетъ. Тѣмъ болѣе можно напередъ сказать, что разработка подробностей совѣщаніемъ не только не поведетъ къ разногласіямъ, но дастъ «особой комиссіи» готовый матеріалъ».

Такъ какъ «разсмотрѣніе предметовъ вѣдомства всѣхъ органовъ административно-правительственнаго и финансоваго управленія, съ цѣлью правильнаго и удобнаго ихъ распредѣленія между тѣми учрежденіями, дальнѣйшее самостоятельное существованіе коихъ будетъ признано полезнымъ», входитъ въ программу «особой комиссіи», то совѣщаніе при министерствѣ финансовъ является не чѣмъ инымъ, какъ одною изъ ея подкоммиссій. Но слѣдуетъ замѣтить, что подкоммиссія эта возникла внѣ того порядка, который установленъ въ общемъ планѣ занятій комиссіи. «Установивъ главныя черты устройства всѣхъ мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности, — сказано въ «общемъ планѣ занятій» комиссіи, — «особая комиссія» раздѣляется на подкоммиссіи, съ опредѣленіемъ ихъ числа, состава и способовъ объединенія занятій, для начертанія проектовъ законоположеній». Слѣдовательно, образованію подкоммиссій по финансовому управленію должно было предшествовать рѣшеніе «особою комиссіей» общихъ вопросовъ, и это вполне естественно, ибо въ такомъ случаѣ подкоммиссія работала бы въ точно установленныхъ предѣлахъ и по данной программѣ; она имѣла бы передъ собою очеркъ тѣхъ учреждений, которыя имѣются въ виду сохранить или создать вновь, и ея задачей было бы только приуроченіе къ этимъ учрежденіямъ тѣхъ или другихъ функций финансоваго управленія. Теперь же совѣщаніе должно отправляться отъ учреждений существующихъ, не зная, какая судьба ихъ постигнетъ. Легко можетъ статься, что тѣ органы, сохраненіе которыхъ, въ интересахъ исключительно финансоваго управленія, она признаетъ необходимымъ, будутъ признаны излишними, по соображеніямъ другого свойства, и замѣнены другими. Все это можетъ повести только къ осложненію и потерѣ времени, тѣмъ болѣе, что комиссіи придется подвергать предварительному разсмотрѣнію заключенія совѣщанія и направлять ихъ, для согласованія съ принятыми ею общими основаніями, въ свою подкоммиссію.

Впрочемъ, выдѣленіе вопроса объ устройствѣ финансоваго управленія обусловливается весьма уважительными соображеніями. «Созывая совѣщаніе, — сказано въ официальномъ разъясненіи, — министерство финансовъ имѣло въ виду ускорить введеніе тѣхъ улучшеній въ финансовомъ управленіи, въ которомъ ощущается настоятельная потребность. Надзоръ за правильнымъ обложеніемъ торговли оказывается нынѣ крайне недостаточнымъ; взиманіе налога съ безмезднаго перехода имущества, при самомъ установленіи его, пришлось временно возложить на органы судебной власти, за неимѣніемъ для сего органа финансоваго управленія. Устранить эти недостатки, а равно и представляемые управленіемъ окладными сборами вообще, и притомъ такъ, чтобы принятыя мѣры составляли органическую часть предполагаемаго общаго преобразованія мѣстнаго управленія, имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду министерства финансовъ».

Соображенія эти, повторяемъ, вполне основательны, но вопросъ въ томъ, насколько можетъ ускорить дѣло разработка частнаго вопроса, предпринятая до выработки общихъ основаній. Одно изъ двухъ: или выработанныя совѣщаніемъ мѣры не будутъ приведены въ исполненіе до окончанія работъ особой комиссіи, и въ такомъ случаѣ никакого ускоренія во введеніи необходимыхъ улучшеній не послѣдуетъ; или же предположеніи совѣщанія получать осуществленіе ранѣе общей реформы, но тогда они легко могутъ стать въ разрѣзъ съ этою послѣдней. Вѣдь именно такимъ путемъ шли реформы прошлаго царствованія, когда учреждались особыя комиссіи по однороднымъ предметамъ: вопросы, почему-либо признававшіеся нуждающимися въ скорѣйшемъ разрѣшеніи, подвергались разработкѣ не въ очередь, безъ соображенія съ тою постановкой, которая давалась другимъ вопросамъ, тѣсно съ ними соприкасавшимся, и въ результатѣ получила масса учреждений, созданныхъ ad hoc, не согласованныхъ между собою, часто другъ другу противоположныхъ, а это внесло въ наше мѣстное управленіе ту неурядицу, на которую такъ жалуются, въ устраненіи которой и призвана (комиссія статсъ-секретаря Баханова. Припомнимъ хотя бы исторію полицейской реформы. Устройство земской полиціи дано временными правилами 25 декабря 1862 года. Организация эта была «временной» и не могла быть иной, такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ предстояли крупныя преобразованія въ устройствѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Черезъ годъ, 1 января 1864 года, обнародовано «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ»; въ виду этой важной реформы, полиція должна была получить новое устройство; необходимо было разграничить предметы вѣдомства ея и новыхъ общественно-хозяйственныхъ органовъ; но съ этимъ дѣломъ не нашли возможнымъ слѣзнить и полиція продолжала существовать на основаніи своихъ «временныхъ правилъ». Прошло еще десять лѣтъ; потребовалось преобразование учреждений по крестьянскимъ дѣламъ, и этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ особою комиссіей, которая, оставивъ неприкосновеннымъ устройство полиціи, отдала, вѣроятно, не ожидая этого, крестьянское самоуправленіе въ руки послѣдней... Результаты такого хода дѣлъ хорошо извѣстны.

Мы искренно желаемъ, чтобы ничего подобнаго не случилось теперь, и потому сочли нужнымъ высказать наши опасенія. Этихъ опасеній не раздѣляетъ министерство финансовъ, утверждая, что «между работами совѣщанія и особой комиссіи принципиальныхъ разногласій не существуетъ», что разногласій не возникнетъ и въ будущемъ. Но такое утверженіе кажется преждевременнымъ: общія основанія реформы должны выработываться комиссіею «въ усиленномъ составѣ», т. е. съ участіемъ приглашенныхъ предсѣдателемъ ея, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, «мѣстныхъ свѣдущихъ людей и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе коихъ въ трудахъ комиссіи признается полезнымъ», а засѣданій

комиссіи въ усиленномъ составѣ еще не было. Можно ли поручиться, что, по усиленіи состава комиссіи лицами, не участвовавшими въ ея предварительныхъ совѣщаніяхъ, ея воззрѣнія не измѣнятся? А если это случится, то труды совѣщанія могутъ оказаться несогласными съ ея взглядами и потому остаться бесплодными.

Уже предварительный проектъ податного управленія, выработанный министерствомъ финансовъ и переданный на обсужденіе совѣщанія, заключаетъ въ себѣ предрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ общаго административнаго устройства. Такъ этимъ проектомъ предполагается утвржденіе участковыхъ податныхъ надзирателей, на обязанность которыхъ возлагается наблюденіе за «правильнымъ и своевременнымъ взиманіемъ сборовъ съ крестьянъ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ, за невзиманіемъ незаконныхъ поборовъ, за своевременнымъ представленіемъ денегъ въ казначейство и за растратою ихъ. Для наблюденія за правильнымъ взиманіемъ сборовъ съ крестьянъ, податной надзиратель обязанъ объезжать волости, ревизовать взиманіе общественныхъ сборовъ, выслушивать словесныя заявленія крестьянъ и давать разьясненія по этимъ заявленіямъ. О лицахъ волостного и сельскаго начальства, замѣченныхъ въ бездѣятельности, въ незаконныхъ поборахъ съ крестьянъ или въ растратѣ собранныхъ суммъ, податной надзиратель сообщаетъ по принадлежности». Въ случаѣ непринятія волостнымъ начальствомъ надлежащихъ мѣръ къ своевременному сбору съ крестьянъ слѣдующихъ съ нихъ платежей, надзиратель «настаиваетъ на принятіи этихъ мѣръ»; въ случаѣ же примѣненія мѣръ съ излишнею строгостью и возможности ихъ облегченія онъ «направляетъ дѣйствія волостного начальства».

Въ изложенной постановкѣ дѣла предрѣшаются два важные вопроса: о сохраненіи волостного правленія, какъ органа финансоваго управленія, и о подчиненіи этого органа надзору особаго финансоваго агента. Но, какъ извѣстно, противъ сохраненія волостныхъ правленій въ ихъ нынѣшнемъ видѣ было представлено весьма много вѣскихъ возраженій. Въ земскихъ докладахъ доказывалось, что волостное правленіе, учрежденное для завѣдыванія крестьянскими хозяйственными дѣлами, съ теченіемъ времени утратило свой первоначальный характеръ и обратилось въ бесполезное и обременительное, по своей стоимости, для крестьянъ общее присутственное мѣсто. По мнѣнію большинства земствъ, нынѣшняя организація волости не можетъ быть сохраняема; ее предлагаютъ или преобразовать, или упразднить совсѣмъ и замѣнить *земскою* волостью или участкомъ. Всѣ эти заявленія, конечно, должны быть рассмотрѣны комиссіей статс-секретаря Каханова и только по окончательномъ разрѣшеніи вопроса о будущемъ характерѣ волости можетъ быть опредѣлена та роль, которую волостное начальство должно играть въ финансовомъ управленіи. Съ другой стороны, предположеніе о предоставленіи участковымъ податнымъ надзирателямъ надзора надъ волостными и сельскими управленіями не

можетъ быть разсматриваемо прежде разрѣшенія вопроса объ общей организаціи надзора надъ этими учрежденіями. Этотъ вопросъ можетъ получить двойное разрѣшеніе: или, согласно проектамъ нѣкоторыхъ земствъ, волость получить значеніе единицы общественнаго самоуправленія, съ правомъ выборовъ, самообложенія и самостоятельнаго завѣдыванія ввѣренными волостному обществу дѣлами; или же она останется учрежденіемъ исключительно крестьянскимъ, сохранивъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, тотъ характеръ, который принадлежитъ ей теперь, съ подчиненіемъ ея особому учрежденію—вѣстному ли участковому начальству, или особому присутствію. Въ первомъ случаѣ едва ли будетъ умѣстенъ особый надзоръ со стороны агентовъ финансоваго управленія, въ последнемъ же, при существованіи постояннаго надзора особаго учрежденія, вмѣшательство въ это дѣло еще финансоваго агента можетъ повести только къ вредному многовластію, отъ котораго и теперь страдаетъ волостное управленіе.

Независимо отъ сказаннаго, устройство волостного или участкаго управленія окажетъ вліяніе на устройство органовъ управленія финансоваго и въ другихъ отношеніяхъ. Быть-можетъ, представится возможнымъ, какъ это предполагалось, напримѣръ, комиссіей московскаго губернскаго земства, при участіи волостномъ управленіи учредить казначейство, съ сосредоточеніемъ въ немъ сборовъ и общественныхъ, и казенныхъ; въ такомъ случаѣ сами собою разрѣшатся нѣкоторые вопросы, обсуждаемые совѣщаніемъ при министерствѣ финансовъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, возможно ли, для удобства плательщиковъ, разрѣшить податнымъ надзирателямъ приѣмъ денегъ. Въ пользу этой мѣры было высказано совершенно вѣрное соображеніе, что «нерѣдко подлежащія ко взысканію суммы весьма незначительны и для плательщиковъ представить не мало неудобствъ непосредственное внесеніе этихъ денегъ въ казначейство; чѣмъ способъ уплаты налога упрощеніе, тѣмъ налогъ поступаетъ исправнѣе, и наоборотъ». Но разъ казначейство будетъ существовать въ центрѣ волости, недалеко отъ мѣста жительства плательщиковъ,—указанныя неудобства устраняются, а съ ними устраняется и возбужденный вопросъ. Можетъ-быть, съ другой стороны, при новомъ коллегіальномъ устройствѣ волостного управленія и при сокращеніи числа волостей окажется возможнымъ ввести податного надзирателя въ составъ этого управленія, что, безъ сомнѣнія, представитъ существенныя выгоды какъ въ отношеніи большаго единства дѣйствій органовъ мѣстной администраціи, такъ и въ отношеніи взаимнаго контроля—волости надъ дѣйствіями податного надзирателя и этого послѣдняго—надъ дѣйствіями волостного управленія. Проектъ министерства финансовъ предоставляетъ начальникамъ уѣздныхъ и городскихъ податныхъ управленій право опротестованія и перенесенія на разрѣшеніе губернскаго податного присутствія неправильныхъ постановленій уѣздныхъ и городскихъ присутствій;

Такииъ же правоиъ могуъ бы бытъ облеченъ и участковыиъ податной надзиратель въ отношеніи волостныхъ управленій, и такииъ образомъ разрѣшился бы вопросъ о надзорѣ и устранился бы вопросъ о томъ, предоставлять ли податнымъ надзирателямъ права исправниковъ въ отношеніи сельскихъ властей при взыскаііиіи окладныхъ сборовъ. Вопросъ этотъ въ совѣщаніи рѣшенъ отрицательно, хотя въ пользу утвердительноаго отвѣта и высказались нѣкоторые изъ членовъ, находившіе безусловно необходимымъ вооружить податнаго надзирателя тѣми правами въ отношеніи сельскихъ властей (сборщиковъ и проч.), которыми пользуются исправники. «Утверждали, что теперь сельскія власти находятся въ ежовыхъ рукавицахъ уѣздной полиціи и что такая обширная власть нужна и податному надзирателю, по крайней мѣрѣ на первое время. Принято было другое мнѣніе—о предоставленіи подобнаго права не податному надзирателю, а представителю губернской финансовоіи администратіи, хотя и противъ этого мнѣнія были сдѣланы всѣяи возраженія». Такииъ образомъ совѣщаніемъ предрѣшено еще одинъ важный вопросъ, взглядъ на который особой комиссіи еще неизвѣстенъ,—вопросъ о сохраненіи налагаемыхъ единоличною властью административныхъ взысканій съ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія.

Что вопросъ этотъ возникъ въ совѣщаніи, и не могуъ не возникнуть, это вполне естественно: отправляясь отъ существующаго порядка и не будучи знакомы съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ предприняты, составители проекта должны были озаботиться объ обезпеченіи неулоннаго исполненія низшими финансовыми агентами ихъ обязанностей, а другихъ средствъ для этого, кромѣ административныхъ взысканій, въ настоящее время не имѣется. Но, вслѣдствіе такииъ же точно соображеній, въ 1874 г. должностныя лица крестьянскаго управленія были подчинены исправникамъ, а это, какъ извѣстно, на практикѣ привело къ фактическому упраздненію крестьянскаго самоуправленія.

Мы остановились на нѣкоторыхъ вопросахъ, обсуждавшихся въ совѣщаніи, не съ цѣлью критики рѣшеній этого послѣдняго, — мы желали только показать, что работа совѣщанія находится въ тѣсной связи съ работами особой комиссіи, и что поэтому предварительное разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ, прежде установленія общихъ основаній, едва ли можетъ принести пользу. Работы совѣщанія послужать только матеріаломъ для комиссіи и, можетъ-статься, только затруднять ее.

Въ числѣ вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе совѣщанія по объединенію финансовыхъ управленій, есть и таііе, которыя могутъ быть разсматриваемы и независимо отъ общей организаціи мѣстнаго управленія. Таковы, напримѣръ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ черезъ полицію отвѣчаетъ своей цѣли. По этому предмету общественное мнѣніе высказалось вполне еди-

подушно; и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ высказывалась мысль о необходимости снять съ полиціи обязанность по взысканію податей и сборовъ. Къ тому же заключенію пришло и совѣщаніе. Хотя нѣкоторыми членами и было указано, что «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется должное наблюденіе за дѣятельностью полиціи, взысканіе окладныхъ сборовъ идетъ болѣе или менѣе успѣшно, хотя и находится въ прямой зависимости отъ соразмѣрности платежей и степени экономическаго благосостоянія населенія», но большинство пришло къ противоположному заключенію. Было высказано, что «дѣятельность въ этомъ отношеніи полиціи совершенно не отвѣчаетъ своей цѣли и что полиція, заваленная цѣлою массою самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, ограничивается обыкновенно одною отпискою: такъ, въ отношеніи взысканія сборовъ съ крестьянскихъ обществъ, полиція посылаетъ предписанія сельскимъ властямъ о взысканіи этихъ сборовъ; что же касается частныхъ лицъ, то тутъ полиція является совершенно несостоятельною». Въ концѣ концовъ было признано, что необходимо освободить полицію отъ взысканія окладныхъ сборовъ и замѣнить ее въ этомъ случаѣ особымъ органомъ министерства финансовъ. Если дѣятельность полиціи оказывается неудовлетворительною въ отношеніи взысканія казенныхъ платежей, за успѣшность которыхъ полицейскіе чины, въ значительной степени, несутъ отвѣтственность, то въ отношеніи сборовъ земскихъ она приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Небрежность полиціи служитъ одной изъ главныхъ причинъ накопленія недоимокъ, а это обстоятельство вноситъ разстройство въ земское хозяйство. Жалобы на бѣдственное положеніе земскихъ финансовъ слышатся постоянно и повсемѣстно. Вотъ нѣсколько примѣровъ, сообщенныхъ въ послѣднее время газетами. *Голосу* пишутъ изъ Череповца, Новгородской губерніи, что финансы тамошняго земства, какъ выяснилось въ послѣднюю сессію земскаго собранія, находятся въ незавидномъ положеніи. Предсѣдатель управы просилъ у собранія позволенія заключить заемъ въ 5.000 руб. для уплаты долга такимъ скромнымъ кредиторамъ, каковы сельскіе учителя. По словамъ той же газеты, въ Тихвинскомъ уѣздномъ собраніи послѣдней сессіи

„разсматривался вопросъ о способахъ къ улучшенію взысканія земскаго сбора, отъ неправильнаго поступленія котораго, зачастую, управа испытываетъ бѣдственное положеніе. Такое положеніе дѣлъ годъ отъ году ухудшается, увеличивая все болѣе и болѣе недоимки. Были случаи, что продажа описанныхъ имуществъ по указанію земской управы отиѣнялась мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ безъ объясненія причинъ“.

Орловскій Вѣстникъ сообщаетъ, что въ засѣданіи елецкаго уѣзднаго собранія возникли пренія относительно накопленія недоимокъ, «ежегодное и прогрессивное возрастаніе которыхъ нѣкоторые гласные относили къ бездѣятельности управы.

„Въ отвѣтъ на это, предсѣдатель подробно объяснилъ условія, въ которыя, въ настоящее время, поставленъ сборъ окладныхъ земскихъ сборовъ. Безъ участія полиціи управа въ сборѣ окладовъ и недоимокъ положительно бессиль-

на; полиція же на первомъ планѣ ставитъ сборъ государственныхъ окладовъ и податей, и хотя земскіе сборы, по отношенію къ государственнымъ, составляютъ не болѣе 6 %, все-таки при данныхъ условіяхъ они оставались и будутъ по-прежнему оставаться въ недоимкѣ“.

Русскимъ Вѣдомостямъ пишутъ изъ Зарайска, Рязанской губ., что „финансовое положеніе мѣстнаго земства весьма печально. По 1-е января 1883 г. уѣздною управѣ предстоитъ къ выполненію смѣтныхъ расходовъ 13.391 руб., обязательно должно быть перечислено по раскладѣ на губернскія земскія потребности 15.769 руб. и долга за 1881 годъ 1.710 руб., а всего 30.870 руб. Между тѣмъ на-лицо къ 12 ноября всего 1.772 руб., т. е. на покрытіе всѣхъ расходовъ необходимо имѣть еще 29.098 рублей. Въ настоящее время земскаго сбора числится въ недоимкѣ болѣе 33 тыс. руб., но поступленіе такого количества слабо, несмотря на то, что большая часть недоимокъ лежитъ на крупныхъ землевладѣльцахъ. Последнее земское собраніе постановило ходатайствовать предъ начальникомъ губерніи о повужденіи полиціи ко взысканію недоимки. Въ случаѣ же крайности, рѣшено просить губернскую земскую управу о ссудѣ 4.000 руб. подъ гарантію земства“.

Новости сообщаютъ, что въ Царскосельскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству доклада комиссіи «о причинахъ накопленія недоимокъ сборовъ и неудовлетворительнаго финансоваго положенія царскосельскаго земства», оказывается, что

„всѣхъ недоимокъ въ уѣздѣ числится на сумму 140.777 рублей, изъ которыхъ 8.946 руб. совершенно безнадежны, 42.551 руб. числятся за морскимъ вѣдомствомъ, 52.439 руб. за крестьянскими обществами и остальная сумма за такъ-называемыми торговыми плательщиками. „Безнадежныя“ недоимки вполне оправдали свое названіе: собраніе постановило сложить ихъ и никакихъ мѣръ ко взысканію не принимать. Что же касается до недоимокъ съ морского вѣдомства, то земство уполномочило управу „употребить послѣднее средство“, а именно: принести по этому предмету на морское вѣдомство жалобу въ правительствующій сенатъ. Относительно недоимокъ, существующихъ за крестьянскими обществами, земство полагаетъ, что, при существующемъ устройствѣ и положеніи крестьянъ, рассчитывать на взысканіе съ нихъ недоимокъ нельзя. Комиссія, однако, не согласилась съ этимъ мнѣніемъ и предложила: поручить управѣ приступить самымъ настоятельнымъ и энергическимъ образомъ ко взысканію недоимокъ съ крестьянскихъ обществъ, пользуясь всѣми установленными для этого закономъ средствами. Далѣе, комиссія предложила: довести до свѣдѣнія начальника губерніи и губернскаго земскаго собранія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ царскосельскомъ уѣздномъ земствѣ. Земство, однако, не согласилось съ мнѣніемъ комиссіи и постановило: избрать изъ среды своей новую комиссію, которая составила бы докладъ болѣе подробный и на болѣе гуманныхъ основаніяхъ“.

Такая же комиссія была учреждена въ прошедшемъ году петербургскимъ уѣзднымъ собраніемъ. Какъ сообщаетъ *Голосъ*, этой комиссіи было поручено

„выяснить причины образованія и накопленія земскихъ недоимокъ, а также рассмотреть правила относительно способовъ взысканія земскихъ сборовъ. Къ 1-му января 1882 года состояло недоимокъ: за сельскими обществами 4.278 руб., а за землями частныхъ лицъ, казны и удѣла 3.841 руб., за дачевладѣльцами

22.111 руб., за фабриками и заводами 7,233 руб. и за торговыми, трактирными и питательными заведениями 17.432 руб.; всего 54.895 рублей. Большинство крестьянъ платитъ земскій сборъ аккуратно; недоимка состоитъ только на нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ селеніяхъ уѣзда, но и она не дошла бы до такихъ размѣровъ, еслибъ уѣздное казначейство, въ видахъ болѣе успѣшнаго очищенія казенныхъ недоимокъ, не зачисляло вносимыя сельскими обществами деньги всецѣло въ уплату казенныхъ взыскацій, а производило бы соразмѣрныя распредѣленія по всемъ сборамъ. Накопленіе недоимокъ за землевладѣльцами, дачевладѣльцами, а также за фабрикантами и заводчиками происходитъ не вслѣдствіе обременительности сборовъ или несостоятельности плательщиковъ, а просто по незаботливости, неаккуратности и, частію, по нежеланію платить. Есть много такихъ лицъ, которыя, несмотря на частыя напомнанія чрезъ полицію, не платятъ по нѣскольку дѣтъ сряду и не обращаютъ никакого вниманія на эти напомнанія. Недоимка съ владѣльцевъ домовъ, въ которыхъ производится торговля, образовалась вслѣдствіе недоразумѣній, вызванныхъ закономъ 21-го ноября 1866 года: облагать ли дома по доходности производимой въ нихъ торговли, или съ арендной платы, и притомъ съ самихъ ли владѣльцевъ или съ арендаторовъ. Значительная часть изъ недоимокъ этого рода подлежитъ сложенію. Вообще же недоимки земскаго сбора, по мнѣнію комиссіи, накопляются преимущественно вслѣдствіе неэффективности установленныхъ закономъ мѣръ взыскацій, съ весьма долгими сроками и чрезвычайно сложными формальностями, которыя, при этомъ, очень слабо выполняются подлежащими властями. Въ виду этого, комиссія предложила ходатайствовать предъ правительствомъ о коренномъ пересмотрѣ всѣхъ узаконеній о мѣрахъ принудительнаго взыскаціи и объ учрежденіи податныхъ приставовъ, которые, безъ всякихъ проволочекъ, вскрывали бы всякаго рода недоимки, въ томъ числѣ и земскія, съ совершеннымъ устраненіемъ отъ этого дѣла полиціи, которая и безъ того имѣетъ много дѣла по исполненію прамыхъ своихъ обязанностей“.

Такое же ходатайство возбуждено и московскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ финансы уѣзднаго земства, вслѣдствіе неисправнаго поступленія сборовъ, тоже пришли въ расстройство.

О затруднительномъ положеніи земскихъ финансовъ сообщаютъ и изъ Чернигова. *Заръ* пишутъ, что касса мѣстной уѣздной управы «затрудняется съ каждымъ годомъ волѣдствіе недоимокъ земскаго сбора: на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, составляющихъ третью, есть 37.000 руб. недоимки, а на земляхъ крестьянъ, составляющихъ двѣ трети, всего 12.000 рублей».

Тотъ фактъ, что главная масса недоимокъ лежитъ, какъ оказывается, на наиболѣе состоятельныхъ плательщикахъ, что крестьяне, обремененные многочисленными сборами, исполняютъ свои обязанности передъ земствомъ гораздо исправнѣе, обнаруживается и въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ отчета одесской уѣздной управы за 1880—81 годъ, напримѣръ, оказывается, что на 1-е января 1881 года менѣе всего недоимокъ земскихъ сборовъ осталось на крестьянскихъ и поселенскихъ обществахъ, а именно: только 23% платежей, слѣдовавшихъ на 1880 годъ, тогда какъ на частныхъ землевладѣльцахъ осталось въ недоимкѣ почти 62%, а на городскихъ обществахъ—90%. «Отсюда,—говоритъ управа,—слѣдуетъ, что крестьянскія и поселенскія общества—самыя исправныя плательщики, а го-

родствія общества оказываются самыми неисправными; но понятно, что неисправность въ платежахъ земскихъ сборовъ частныхъ землевладѣльцевъ сильнѣе всего вліяетъ на дурное состояніе земской кассы, а слѣдовательно—и на несвоевременное исполненіе земствомъ своихъ обязанностей: съ землевладѣльцевъ, на долю которыхъ приходится 63¹/₂% всей облагаемой земскими сборами земли въ уѣздѣ, должно было поступить въ 1880 году 70% всѣхъ платежей окладныхъ земскихъ сборовъ, подлежавшихъ къ поступленію въ этотъ году, а поступило лишь 26¹/₂%.

„Помимо причинъ, независающихъ отъ самихъ плательщиковъ,—продолжаетъ управа,—неисправность городскихъ обществъ и многихъ частныхъ землевладѣльцевъ зависитъ и отъ нежеланія ихъ своевременно уплачивать земскіе сборы, доходащаго до того, что на 1-е января 1881 года за гор. Очаковымъ, напримеръ, состояло земскихъ недоимокъ 10.694 руб. 44 коп. Имѣя это въ виду, земское собраніе въ прошлую свою сессию поручило управѣ принять рѣшительныя мѣры для взысканія недоимокъ, вслѣдствіе чего управа въ концѣ прошлаго года обратилась въ полицейское управленіе съ просьбой оказать ей содѣйствіе въ этомъ отношеніи, по со стороны полицейскаго управленія только въ началѣ текущаго года, именно въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ командированъ въ уѣздъ чиновникъ для взысканія недоимокъ; чиновникъ этотъ дѣйствовалъ довольно энергично, такъ что недоимки стали поступать нѣсколько сильнѣе. Хотя въ мѣстной печати и слышались жалобы, что чиновникъ этотъ при взысканіи недоимокъ прибѣгалъ къ крупнымъ мѣрамъ, описывая и продавая послѣднюю движимость у бѣднѣйшихъ землевладѣльцевъ уѣзда, но управѣ положительно извѣстно, что за все время его разъѣздовъ по уѣзду не было ни одного случая продажи какого бы то ни было имущества въ погашеніе земскихъ недоимокъ: отъ неисправныхъ плательщиковъ лишь отбирались подписки въ обязательствѣ ихъ уплатить недоимки къ извѣстному сроку, назначаемому, въ большинствѣ случаевъ, по желанію самихъ плательщиковъ“.

Приведенныя данныя показываютъ, что главною причиною накопленія недоимокъ и происходящаго отъ этого разстройства земскихъ финансовъ служить не обременительность платежей (иначе самими крупными недоимщиками были бы крестьяне), а неудовлетворительность существующихъ способовъ взысканія. Опытъ Одесскаго уѣзда свидѣтельствуетъ, что достаточно простаго объѣзда и попуженія плательщиковъ, чтобы платежи «стали поступать нѣсколько сильнѣе». Необходимо, поэтому, чтобы лица, на которыхъ будетъ возложено взысканіе платежей, не были, подобно полиціи, обременены другими обязанностями и имѣли достаточно времени для объѣзда плательщиковъ и напоминанія имъ о наступленіи сроковъ. Въ то же время необходимо установленіе болѣе строгихъ мѣръ взысканія съ недоимщиковъ, не платящихъ по нежеланію и упорству: къ сожалѣнію, встрѣчаются и такіе.

Безъ принятія такихъ мѣръ земское хозяйство въ недалекомъ будущемъ придетъ въ полное разстройство и большинству земствъ придется послѣдовать примѣру одного изъ южныхъ земствъ, если не ошибаемся, еоодосійскаго, которое въ прошедшемъ году признало себя несостоятельнымъ.

Наше нынѣшнее обозрѣніе намъ приходится заключить прискорбнымъ извѣстіемъ о безпорядкахъ, происшедшихъ, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По сообщенію *Правительственной Вѣстника*, первоначально безпорядки произошли въ Казанскомъ университетѣ и поводомъ къ нимъ послужило исключеніе одного изъ студентовъ, пытавшагося нанести оскорбленіе исправляющему должность ректора университета. «28-го прошлаго октября, студентъ II-го курса медицинскаго факультета Казанскаго университета Воронцовъ, лишенный, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, за невыдержаніе имъ экзамена, стипендіи, сдѣлалъ попытку нанести оскорбленіе дѣйствующему исправляющему должность ректора Казанскаго университета профессору Өирсову, въ аудиторіи предъ началомъ лекціи, въ присутствіи другихъ студентовъ, слушателей профессора Өирсова. Попытка Воронцова была во-время остановлена другими студентами и Воронцовъ былъ выведенъ изъ стѣнъ университета помощникомъ проректора и служителями, причемъ онъ позволилъ себѣ произнести оскорбительныя и дерзкія противъ г. Өирсова слова.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ настоящаго дѣла, совѣтъ университета, постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ тотъ же день, опредѣлялъ: студента Воронцова исключить, на основаніи § 55 п. е правилъ Императорскаго Казанскаго университета, навсегда изъ Казанскаго университета, съ лишеніемъ его права въ теченіе трехъ лѣтъ поступать въ какое-либо другое учебное заведеніе, а копию съ протоколовъ препроводить къ г. прокурору казанскаго окружнаго суда, для поступленія съ бывшимъ студентомъ Воронцовымъ согласно уголовнымъ законамъ.

Въ то время, когда 28-го октября происходило засѣданіе совѣта университета по дѣлу о студентѣ Воронцовѣ, во входныхъ стѣняхъ университета собралось человекъ 60—70 студентовъ, которые толковали объ этомъ дѣлѣ и нѣкоторые заявляли исправляющему должность проректора желаніе присутствовать на засѣданіи университетскаго суда о Воронцовѣ; но безпорядковъ при этомъ не было, только одинъ изъ бывшихъ студентовъ, на приглашеніе исправляющаго должность проректора оставить университетъ, отвѣчалъ весьма рѣзко, вслѣдствіе чего виновный былъ арестованъ.

На другой день, 29-го октября, собралась большая толпа студентовъ, отъ 500 до 600 человекъ, сломала двери, ведущія изъ корридора въ актовую залу, ворвалась въ залу и произвела шумную сходку. На увѣщанія исправляющаго должность проректора, на исправляющаго должность ректора, профессора Булича, ни, наконецъ, попечителя учебнаго округа, явившагося лично въ залу, въ которой собрались студенты, не могла достигнуть желаемой цѣли—прекращенія волненій—и лишь привели къ нѣкоторому уменьшенію числа студентовъ на сходкѣ. Во время сходки были произнесены двумя студентами весьма рѣзкія рѣчи, направленные

въ защиту студента Воронцова и въ обвиненіе профессора Фирсова. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, исключенный изъ онаго, дозволилъ себѣ выражаться въ самыхъ дерзкихъ словахъ о попечителѣ, исправляющемъ должность ректора и профессорахъ. Оставшіеся на сходкѣ студенты составили и представили профессору Буличу петицію, впрочемъ безъ подписей, въ которой въ весьма рѣзкой формѣ требовалось, между прочимъ, немедленное удаленіе г. Фирсова отъ исправленія должности ректора, принятіе вновь въ университетъ Воронцова, предоставленіе студентамъ или ихъ выборнымъ раздачи стипендій, и т. д. Сходка вслѣдъ за этимъ разошлась, но положено было собраться снова на другой день, въ 11 часовъ, чтобы покончить дѣло о Воронцовѣ и судить дѣйствія студентовъ, желавшихъ удержатъ порядокъ.

Въ тотъ же день, 29-го октября, въ 6 часовъ вечера, назначено было засѣданіе совѣта подѣ предсѣдательствомъ г. попечителя, во время котораго толпа студентовъ подходила къ университету нѣсколько разъ, но, видя приглашенную уже начальствомъ полицію,—войти не рѣшилась и только вожаки толпы произнесли угрозу: «Насъ теперь мало,—завтра соберемся и разнесемъ полицію».

Совѣтъ университета, желая вполнѣ разслѣдовать причины беспорядковъ и узнать главныхъ вожаковъ студенческаго волненія, постановилъ: 1) временно пріостановить чтеніе лекцій, съ запрещеніемъ всѣмъ безъ исключенія студентамъ и постороннимъ слушателямъ входа въ университетскія учрежденія, и обратиться къ начальнику губерніи съ просьбою о принятіи немедленно мѣръ къ охраненію всѣхъ входовъ въ университетскія зданія и недопущенію студентовъ и постороннихъ слушателей въ университетъ; 2) назначить для всесторонняго разслѣдованія дѣла о беспорядкахъ комиссію изъ пяти членовъ.

Въ продолженіе ночи университетъ оставался подѣ охраною полиціи, а съ ранняго утра всѣ входы въ университетскія зданія были заняты войскомъ и вывѣшены были объявленія о временной пріостановкѣ лекцій».

Казанская исторія отразилась и на Петербургскомъ университетѣ, гдѣ броженіе между студентами началось еще ранѣе. «Съ самаго начала октября между студентами замѣчалось волненіе. Образовывались сходки по различнымъ, не имѣвшимъ никакого серьезнаго значенія, поводамъ и единственно изъ желанія производить беспорядки. Университетское начальство долго относилось къ этому съ большою снисходительностію. Оно старалось дѣйствовать убѣжденіемъ, ища опоры для поддержанія порядка въ собственномъ благоразуміи самихъ студентовъ, но упорство зачинщиковъ, въ возбужденіи беспорядковъ, и оскорбленія, наносимыя ими инспекціи, заставили, наконецъ, обратиться къ университетскому суду. Университетскій судъ поступилъ съ крайнею осторожностію. Онъ подвернулъ удаленію изъ университета на одинъ годъ, съ правомъ немедленнаго поступленія въ другіе университеты, лишь одного студента, участвовав-

шаго въ прежнихъ безпорядкахъ и оскорбившаго одного изъ членовъ инспекціи. Немногіе были наказаны кратковременнымъ арестомъ. Собственно за участіе въ сходкахъ, бывшихъ 6, 7, 8 и 9 октября, единственною мѣрой взыскапія было внушеніе со стороны университетскаго правленія. Но эти краткія мѣры не прекратили броженія. Едва приговоръ суда былъ объявленъ, какъ 20-го и 21-го октября составились новыя сходки. Студенты утверждали, что исключенный студентъ ни въ чемъ невиновенъ, и требовали его возвращенія. Потребовалось вновь преданіе суду, на этотъ разъ, всѣхъ участниковъ сходки. Университетскій судъ старался выяснить степень виновности каждаго и дѣло продолжалось нѣсколько недѣль. Приговоръ его, вполне справедливый и очень снисходительный *) , еще не былъ постановленъ, какъ уже появились литографированныя прокламаціи, приглашавшія студентовъ не подчиняться рѣшенію суда и собраться на сходку для протеста противъ него, если будетъ постановлено вопреки ихъ требованію. Тогда, въ виду столь настойчивыхъ возбужденій къ безпорядкамъ, попечитель учебнаго округа счелъ необходимымъ предупредить студентовъ, что, въ случаѣ образованія новой сходки, всѣ участники ея будутъ удалены изъ университета. Объявленіе въ этомъ смыслѣ за подписью попечителя было выставлено въ университетъ. Сначала оно, повидимому, произвело впечатлѣніе и нѣкоторое время волненій не было. Но 8-го ноября въ университетѣ были кѣмъ-то распространены гектографированныя копія съ письма какого-то казанскаго студента, котораго имя не было обозначено. Въ немъ рассказывались происшествія, бывшія поводомъ временнаго закрытія Казанскаго университета. Факты переданы довольно вѣрно, кромѣ нѣсколькихъ легкихъ искаженій; но всему рассказу приданъ восторженный тонъ. Говорилось о грандіозной сходкѣ, о томъ, что студенты были готовы возстать массою и идти, куда угодно. Эти копія читались по кружкамъ съ большимъ увлеченіемъ, а на другой день въ университетѣ появилось гектографированное объявленіе: на 10 число назначена громадная сходка, для заявленія сочувствія казанскимъ студентамъ и протеста противъ «безобразій собственнаго нашего начальства». 10 ноября, дѣйствительно, на площадѣ большой лѣстницы университета образовалась сходка, сначала въ незначительныхъ размѣрахъ. Благоразумные студенты уходили изъ университета, а тѣ изъ нихъ, которые остались, уговаривали товарищей не начинать безпорядковъ, которыми давно тяготятся большинство студентовъ. Видя свою малочисленность, группа собравшихся имѣла сначала намѣреніе разойтись, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней составить сходку въ большихъ размѣрахъ. Но, спустившись съ лѣстницы, участ-

*) Одинъ студентъ, бывшій уже подъ судомъ и сидѣвшій подъ арестомъ, съ предвареніемъ, что при первомъ его участіи въ безпорядкахъ онъ будетъ уволенъ, приговоренъ къ увольненію; остальные подвергались арестамъ или выговорамъ.

нии сходки встрѣтили въ шинельной толпу студентовъ, изъ которыхъ часть присоединилась къ нимъ, а другой части, желавшей удалиться—они помѣшали выйти, угрожая имъ насиліемъ. Началась взаимная пререканія, которыя едва не перешли въ насильственные дѣйствія. Помощники инспектора, старавшіеся убѣдить студентовъ разойтись, были вытѣснены изъ шинельной; одинъ изъ нихъ былъ съ трудомъ огражденъ отъ насилія вмѣшательствомъ благоразумныхъ студентовъ.

Тогда попечитель учебнаго округа рѣшился призвать полицію. Оберъ-полицеймейстеръ, явившійся самъ въ университетъ, не хотѣлъ сразу прибѣгнуть къ силѣ и приглашалъ студентовъ представить ему свои билеты и сообщить имена. Но участники беспорядковъ не хотѣли исполнить его требованія и продолжали въ присутствіи полиціи свои совѣщанія. Нѣкоторые изъ начинщиковъ произносили шумныя рѣчи и предлагали вотировать различныя постановленія. Прежде всего было вотировано сочувствіе казанскимъ студентамъ. Благоразумные студенты не могли выйти, потому что бунтующіе не допускали ихъ взять съ вѣшалокъ верхнее платье. Наконецъ, послѣ того, какъ неучаствующіе въ сходкѣ были приглашены удалиться въ другія залы, всѣ участники беспорядковъ были подвергнуты аресту и отведены, для переписки ихъ, въ манежъ Павловскаго училища.

Всѣхъ переписанныхъ — 280 человекъ, но изъ нихъ большая часть не принимала непосредственнаго участія въ беспорядкахъ. Около 180 были выпущены по записаніи ихъ именъ, остальные же арестованы, и изъ нихъ 14, считающіеся главными возмутителями спокойствія, отправлены въ мѣстопробыванія ихъ родителей.

Разсмотрѣвъ, при участіи ректора, декановъ и всей инспекціи, дѣло о беспорядкахъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10-го сего ноября, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа постановилъ раздѣлять всѣхъ арестованныхъ полиціей на четыре категоріи, по степени ихъ виновности. Къ первой отнесены студенты, бывшіе зачинщиками беспорядковъ или принимавшіе въ нихъ самое дѣятельное участіе; ихъ 46. Они удалены изъ университета безусловно и будутъ высланы въ мѣста ихъ жительства, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ родителей въ столицѣ. Эти послѣдніе будутъ выданы на поруки ихъ родителямъ и отданы подъ надзоръ полиціи. Вторую категорію составляютъ 23 лица. Это—тѣ, которые оказались менѣе виновными и которыхъ можно считать увлеченными примѣромъ товарищей. По большей части это студенты первыхъ курсовъ, недостигшіе 20-лѣтняго возраста. Они тоже удалены изъ университета, но могутъ быть чрезъ нѣкоторое время вновь приняты, если заявятъ о своемъ раскаяніи и представятъ доказательства своего добропорядочнаго поведенія. Имъ не возвращается пребываніе въ столицѣ. Третью категорію составляютъ вольнослушатели, въ числѣ 13, которымъ лишены права носитьъ левціи. Наконецъ, четвертую категорію составля-

ють 16 лицъ, которымъ, по ходатайству инспекціи и вслѣдствіе ихъ прежняго хорошаго поведенія и усердныхъ занятій, вмѣняется въ наказаніе содержаніе ихъ подъ арестомъ.

Въ настоящее время порядокъ въ университетѣ не нарушается, хотя между нѣкоторыми студентами замѣтно волненіе. Университетское начальство строго наблюдаетъ за спокойствіемъ въ университетѣ. Попытки къ возбужденію беспорядковъ, еслибъ онѣ обнаружили, будутъ немедленно прекращаемы и виновные подвергнутся строжайшей отвѣтственности. Огромное большинство не только не сочувствуетъ волненіямъ, но даже имъ противодѣйствуетъ. Лекціи въ университетѣ не прекращались даже 10 ноября, въ день сходки, и съ тѣхъ поръ читаются ежедневно.

Происшедшіе въ С.-Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ беспорядки отозвались и на нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, а именно на Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ, на Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ и Ярославскомъ лицѣѣ.

Изъ полученныхъ официальныхъ свѣдѣній видно, что уже 15 ноября въ университетѣ Св. Владиміра собралась студенческая сходка, которая однако же разошлась при первомъ требованіи проректора. «Сходка эта имѣла цѣлю выразить сочувствіе студентамъ университетовъ С.-Петербургскаго и Казанскаго. 17-го числа въ Кіевскомъ университетѣ студенты начали собираться въ сборной залѣ съ видимою цѣлю устроить сходку. Попечитель учебнаго округа, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился въ университетъ и лично уговаривалъ студентовъ возвратиться къ порядку, требовалъ немедленнаго прекращенія сходокъ и заявилъ, что, въ случаѣ образованія сходки, участники будутъ удалены изъ университета безусловно. Несмотря на это, вслѣдъ за симъ стала собираться сходка; тогда попечитель призвалъ полицію и войско. При появленіи полиціи въ залѣ, студенты, по первому слову попечителя, начали немедленно расходиться, *утверждая, что никакой сходки не было.* При этомъ присутствовавшіе студенты дали слово попечителю, что сходокъ болѣе дѣлать не будутъ.

Тайный совѣтникъ Голубцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доноситъ, что чтеніе лекцій продолжается безпрепятственно и что огромное большинство студентовъ, по его убѣжденію, стоитъ за порядокъ».

Въ Харьковѣ первыя попытки къ беспорядкамъ были со стороны студентовъ университета также 15-го ноября, но предполагаемая на этотъ день сходка не состоялась. «16-го же числа собралась въ университетѣ довольно значительная толпа студентовъ, числомъ до 600, подъ предлогомъ оваціи одному изъ профессоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣшены были объявленія о сходкѣ, для выраженія сочувствія бунтовавшимъ студентамъ Казанскаго университета. Попечителемъ немедленно вызваны были полиція и войско, по появленіи которыхъ университетъ опустѣлъ тотчасъ же; но большая толпа студентовъ собралась на улицѣ и разошлась лишь по

истеченіи нѣкотораго времени, послѣ увѣщаній со стороны полицеймейстера. Въ значительно меньшихъ размѣрахъ сходка повторилась утромъ 17-го числа, но тотчасъ же разошлась при появленіи полиціи и войска, вытребованныхъ попечителемъ, причѣмъ студенты дали слово на будущее время сходокъ не составлять.

«16-го ноября происходила сходка въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, на которой студенты рѣшили не прекращать беспорядковъ, впредь до закрытія всѣхъ университетовъ и институтовъ; въ то же время на похоронахъ одного изъ студентовъ-ветеринаровъ произносились двумя изъ его товарищей, въ присутствіи значительной толпы, рѣчи возмутительнаго содержанія, въ которыхъ приглашалось выразить сочувствіе студентамъ Казанскаго и Петербургскаго университетовъ. Сходка повторилась въ институтѣ утромъ 17-го числа, причѣмъ студенты позволили себѣ угрозы противъ инспектора, явившагося для возстановленія порядка. Попечитель учебнаго округа нашелъ себя вынужденнымъ вслѣдствіе сего потребовать полицейскую команду и войско, при помощи которыхъ участники сходки, въ числѣ 93 человекъ, была переписаны, послѣ чего полиція ихъ отпустила. Хотя учебное начальство сдѣлало распоряженіе о наряженіи надъ ними суда, но до приведенія сего въ исполненіе освобожденные, послѣ переписи полицією, прорвали 18-го ноября снова въ институтъ и составили сходку, которую, вслѣдствіе неприбытія еще полиціи, не оказалось возможнымъ арестовать. Лекціи въ Харьковскомъ университетѣ и Ветеринарномъ институтѣ во всѣ эти дни не прекращались».

По послѣднимъ извѣстіямъ, опубликованнымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 21 ноября, беспорядки произошли въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣ въ Ярославлѣ, «гдѣ 15 ноября тоже происходила сходка студентовъ, для выраженія сочувствія бунтовавшимъ въ Казани и Петербургѣ студентамъ. 11 студентовъ, оказавшихся виновными въ производствѣ сихъ беспорядковъ, уволены постановленіемъ совѣта лица изъ онаго и, по распоряженію административной власти, высланы изъ Ярославля къ родителямъ.

«Въ Харьковскомъ университетѣ и Ветеринарномъ институтѣ броженіе продолжается и можно ожидать беспорядковъ, хотя для предупрежденія ихъ приняты университетскимъ, губернскимъ и военнымъ начальствами энергическія мѣры. Въ университетѣ же Св. Владиміра въ Кіевѣ порядокъ, по видимому, возстановленъ».

Замѣтка по внѣшнимъ дѣламъ.

11 октября, когда король Миланъ, по возвращеніи своемъ изъ поѣздки въ Болгарію и Румынію, входилъ въ соборную церковь въ Вѣнградѣ, вдова Елена Марковичъ выстрѣлила въ него изъ револьвера, но пуля счастливо миновала короля. Всякое умышленное смертоубійство или попытка на смертоубійство, хотя бы и съ политическою цѣлью, есть безусловное преступленіе; но обстоятельства, вызывающія преступленіе, обстановка, предрасполагающая къ преступленію, придаютъ ему каждый разъ съ исторической стороны особую окраску. Христіанская нравственность осуждаетъ его, исторія подыскиваетъ ему объясненіе. Юдифь обманомъ пробралась въ лагерь Олоферна, осаждавшаго Бетулію; послѣ пира, насыщенный виномъ и любовными ласками, Олофернъ заснулъ, и сонному ему Юдифь отрубила голову. Она дѣйствовала для спасенія своего родного города, измореннаго голодомъ и жаждою и готоваго сдаться ассирійскому военачальнику. Ветхозавѣтное іудейство превознесло ея подвигъ благодарностію, похвалами и славой, но съ христіанскою точкою зрѣнія подвигъ Юдифи есть преступленіе. Въ концѣ прошлаго столѣтія, во время французской революціи, жирондисты и монтаньяры составляли два враждебные лагеря. Среди кровавыхъ ужасовъ и казней, совершаемыхъ конвентомъ и его главнымъ руководителемъ Маратомъ, молодая дѣвушка, Шарлота Борде, проникла въ жилище Марата и на просьбу о помилованіи захваченныхъ жирондистовъ получила въ отвѣтъ, что на другой день всѣ они будутъ казнены. Она зарѣзала Марата, слѣдствіе въ это время въ ваннѣ. Нервно-впечатлительная, горячо къ сердцу принимавшая мучительное колебаніе общества, она, по собственному признанію, хотѣла освободить родную страну отъ кроваваго и безпощаднаго насилія террористовъ. Конвентъ казнилъ ее. Съ безотносительно нравственной точки зрѣнія преступленіе получило возмездіе. Исторія же, съ своей стороны, освѣтила и причины, и побужденія, и обстоятельства, приведшія Шарлоту Борде подъ ножъ гильотины. Исторія, какъ зеркало живой дѣйствительности, со всѣми ея сокровенными изгибами и могущественными двигателями, дѣйстви-

ющими на умъ и волю человѣка, представила на судъ челоуѣчества эту самую дѣйствительность независимо отъ безъисключительнаго высшаго закона нравственности, предъ которымъ никакое преступленіе не можетъ быть оправдано никакими побудительными причинами.

Какъ обѣ эти женщины дѣйствовали по единоличному побужденію, такъ и Елена Марковичъ слѣдовала только собственному движенію безъ всякаго участія въ какомъ-либо заговорѣ, котораго не было и быть не могло въ это время. Но нельзя сказать, чтобы на нее не вліяло то тягостное, невыносимое положеніе, въ которомъ она видѣла родную ей Сербію. Какъ женщина развитая, выработавшая среди народа и въ бесѣдахъ съ покойнымъ мужемъ своимъ, Ефремомъ, и деверемъ, Свѣтозаромъ Марковичами, самостоятельный взглядъ на политическое и экономическое состояніе Сербіи, она не могла не подчиниться тому роковому впечатлѣнію, которое производило на нее паденіе Сербіи,—той самой Сербіи, которая при Карагеоргіи и Милошѣ поборола турецкую власть, добилась, кровью и мужествомъ своихъ сыновъ, свободы, при простотѣ быта и чистотѣ нравовъ пользовалась высокою степенью благосостоянія, не знала, даже и не понимала, что такое внутренніе и внѣшніе долги, была чужда смущенія совѣсти въ дѣлѣ церкви, не была связана никакими договорами съ иностранными державами и не работѣпствовала передъ Австрією. Елена, безъ сомнѣнія, читала книгу Свѣтозара Марковича—«Сербія на Востока», въ которой доказыаается полная непригодность внутренней и внѣшней политики Сербіи, руководимой ея правительствомъ, не разъ смѣнявшимся и все-таки неисправившимъ.

Что же представляла Еленѣ современная Сербія при нынѣшнемъ министерствѣ?—Наглое попраніе народныхъ правъ, освященныхъ державнымъ уставомъ. Всенародный, явный обманъ министровъ, которые, захвативъ въ свои руки власть, приняли иное направленіе, иной образъ дѣйствій, иные взгляды, чѣмъ тѣ, какіе они проводили, лъстя народу, когда еще не стояли у дѣла. Нарушеніе выборнаго начала и давленіе на избирателей черезъ чиновниковъ, доходившее до того, что въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ избиратели, выведенные изъ терпѣнія назойливостію полиціи, побѣди правительственныхъ агитаторовъ. Подставное и подкунное большинство въ скупщинѣ, принимающее договоры, клонящіеся къ очевидному вреду Сербіи; самъ князь, а потомъ король, нисходящій до узкаго сторонничества и лично агитирующій въ пользу противныхъ народу договоровъ. Подкупы со стороны иностранныхъ желѣзнодорожныхъ предпринимателей въ высшей правительственной средѣ. Неудачная сдѣлка со банкомъ Union Générale и неоплатный долгъ, въ который чрезъ это впала Сербія. Долгъ этотъ и непосильные для народа внутренніе расходы, несообразная роскошь двора, учрежденіе какихъ-то охранителей общественной безопасности въ числѣ тысячи челоуѣкъ, на которыхъ тратится до полутора миліона франковъ—болѣе, чѣмъ на все вѣдомство народнаго просвѣщенія,

монополия соли, гербовая пошлина и многое множество других вновь изобретенных тягостей, неизвестных прежде народу и удручающих его теперь до изнеможения. Нарушение права скупщины отказом министерства от объяснений по финансовым делам и состоянию государственного долга. Замена выбывших из скупщины оскорбленных министерством народных представителей не через новые выборы, как бы следовало, а через приглашение на их место тех лиц, которые получили на выборах не более двух-трех голосов и, следовательно, считались забаллотированными, — двуголосых, как прозвал их народ. Разлад и глубокий раздор в самом обществе вследствие искаженного представительства в скупщине и подтасовки голосов. Вражда против отступников народного дела, утверждающих на скупщине такие правительственные предложения, которые клонятся к очевидному вреду для государства; преследование их, доходившее до сожжения домов, отвращение общественной среды от них и двуголосых членов, а с другой стороны преследование правительством таких служащих, которых оно подозревает в сочувствии к прежнему министерству. Поѣздка министра народного просвещения и духовных дел Новаковича по окрестностям и его глумления над священниками и учителями. Всеобщее объединение; застой торговли, грозящая одному из главных источников народного богатства — виноделию, филлоксеры, завезенная из Франции в виноградники самого короля в Смедеревском округе и оттуда распространившаяся уже в соседней Пожаревацкой. Смута, водворенная в церковных делах низвержением митрополита Михаила. Путешествие короля по некоторым округам, во время которого король разыгрывал из себя приверженца и пособника своих нынешних министров, ненавидимых народом, агитировал в пользу выбора правительственных кандидатов, бранил огулом священников и народных учителей, оскорбляя в их лицах самый народ. Частые поѣздки в Австрию и явное подчинение государственных интересов Сербии австро-венгерским домогательствам, дошедшее до того, что австрийские жандармы распоряжаются самоуправно в Бѣлградѣ — столице независимой Сербии. Унизительное и оскорбительное для народного чувства и вовсе ненужное угодничество перед Австрией, вдобавок недобросовестно называемое патриотическим. Возведение этой лжи в какое-то основное правило нынешнего министерства, так что когда Пирочанац получил за свое угодничество от австрийского императора орденъ Леопольда, то Миланъ поздравил своего первого министра съ успѣхомъ его «патриотической» политики. Вообще правительственная нечестность, соблазнъ совѣсти, политическій развратъ и какое-то давящее своею наглостію посяганіе надъ народною святыней, отечественною исторіей, вѣрованіями, стремленіями и здравымъ смысломъ народа. Вотъ краткое и далеко не полное изображение теперешней Сербіи, — изображение, которое, будучи сознаваемо каждымъ разумнымъ и преданнымъ своему оте-

честву сербомъ, не можетъ не произвести на него тягостнаго впечатлѣнія и возбудить въ немъ болѣе или менѣе острое неудовольствіе. Безчисленныя мелкія черты того же рода, прорѣзывающія эту мрачную картину, какъ, напримѣръ, подачка десяти дукатовъ своимъ студентамъ Великой Школы и пожертваніе тысячи гульденовъ на сгорѣвшій Рингъ-театръ въ Вѣнѣ, еще болѣе придаютъ мрачности общему колориту картины. Безпримѣрный въ исторіи добровольный политическій позоръ, творимый собственными предательскими руками, долженъ былъ дѣйствовать раздражительно на чуткую и воспріимчивую натуру, открытую для пониманія общественныхъ дѣлъ.

Но изъ-за этой картины выдвигается другая картина времени предшествовавшихъ министерствъ. Хотя она и не испещрена такимъ подборомъ многочисленныхъ противународныхъ дѣланій, какъ теперешнее время, однако и по ней проходятъ черты, которыя густотою своихъ мрачныхъ красокъ наводятъ отвращеніе и ужасъ. Прежде всего отмѣчу, что уже въ продолженіе многихъ лѣтъ сербское духовенство восполнялось людьми недостойными священническаго и монашескаго сана. Неоспоримо, что въ былыя времена духовенство въ Сербіи составляло крѣпкую опору народнаго духа; оно всегда участвовало въ лучшихъ сторонахъ народной жизни, поддерживало силою православной вѣры чувство свободы, шло во главѣ освобожденія, питало въ народѣ набожность и доблесть. Народъ любилъ его, шелъ за нимъ и охотно избиралъ его своимъ представителемъ въ скупщинахъ. Но мало-по-малу стали приниматься въ среду духовную люди всякаго сорта безъ разбора. Изъ неудачниковъ житейскихъ появились молодые ставленики и еще болѣе молодые монахи, вносящіе съ собою въ духовную среду всякіе пороки. Благочестіе и уваженіе, которыя крѣпко было сербское духовенство, стали ослабѣвать. У монаховъ отнято было право быть народными представителями въ скупщинѣ; это порознило ихъ съ народомъ, а порочная жизнь и алчность нѣкоторыхъ уронили ихъ въ глазахъ народа, который сталъ называть ихъ тунеядцами. Порочность разрослась и достигла даже жилищъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ сановниковъ. Поколебленная въ самой основѣ, сила уваженія къ духовенству не могла уже противодѣйствовать разрушительному для народнаго религіознаго чувства напору западныхъ идей. Въ образованномъ обществѣ, преимущественно между молодежью, поселилось пренебреженіе къ духовенству и безвѣріе. Въ самой средѣ народной, тогда какъ одна часть духовенства продолжала пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ, честно служа церкви и народнымъ интересамъ, другая своимъ непристойнымъ поведеніемъ роняла достоинство своего званія, теряла всякое значеніе и вредила общему дѣлу церкви. Изъ разныхъ мѣстъ молва доносила о неприличныхъ и противунравственныхъ поступкахъ духовныхъ лицъ. Если митрополія въ распущенности духовенства и неразборчивомъ увеличеніи числа духовныхъ лицъ и приобрѣтала себѣ привержен-

цевъ и слугъ, то въ народѣ, наоборотъ, возникалъ соблазнъ совѣсти вслѣдствіе видимаго разлада между уставами церкви и служителями ея. Храмы мало-по-малу стали пустѣть, число молящихся уменьшилось, такъ что когда пріѣхалъ въ Бѣлградъ епископъ Штрессмайеръ, то его поразило запустѣніе храмовъ Божіихъ. Ему говорили, что духъ времени ужь таковъ, но онъ справедливо отвѣчалъ, что отъ самаго духовенства зависить поддерживать набожность въ народѣ. Дѣло дошло до того, что уже на скупщинахъ слышались скандальные анекдоты про духовенство, а затѣмъ поднятъ былъ вопросъ и объ уничтоженіи монастырей. Можно справедливо замѣтить, что поущеніе порочности въ иѣкоторой части сербскаго духовенства было причиною удара, нанесеннаго церкви при теперешнемъ министерствѣ, и еслибы церковное управленіе бодрствовало на стражѣ благочестія и нравственной чистоты, то никогда ни правительство, ни скупщина не рѣшились бы затронуть духовенство и церковь.

Затѣмъ укажу на другую черту того времени. Ее можно назвать печальнымъ наслѣдіемъ послѣ князя Милоша, остаткомъ турецкихъ нравовъ. Это—равность властолюбія и неразборчивость въ средствахъ къ охраненію своей власти; это—нетерпѣливость ко всякой самостоятельности, подозрительность, опасливость и затѣмъ устраненіе людей прямымъ наслѣдіемъ или подпольными путями. Кто не сторонникъ господствующей власти, тотъ уже опасенъ для нея. Отсюда подборъ чиновничества, возвышеніе однихъ и гоненіе на другихъ; давленіе на выборахъ и подтасовка на скупщинахъ—явленія, впрочемъ, обычные; отсюда также жандармерія, шпионство, подличанье и всѣ другіе общественные пороки, которые порождаетъ сама власть, когда, не имѣя въ самой себѣ силы стать выше общественнаго уровня, она, какъ привилегія одной партіи, спускается въ общественную среду и здѣсь ищетъ себѣ опоры съ помощію располагаемыхъ ею средствъ, создавая себѣ приверженцевъ, преслѣдуя противниковъ и, для упроченія себя, прибѣгая безразборчиво ко всякаго рода способамъ. Такая низменность власти, ея занаскиванія и происки расплодили общественные пороки, особенно въ чиновничествѣ. Порча проникала все, что видѣялось изъ здоровой народной среды. Когда же выступали личности съ громкимъ протестомъ противъ зла; когда личности эти смѣло стояли за правду и обличали неправильный образъ дѣйствій правительства, и народное сочувствіе упрочивало за ними видное мѣсто, — тогда господствующая власть видѣла въ нихъ какъ бы личныхъ своихъ враговъ и старалась отдѣлаться отъ нихъ, или просто убивая ихъ по-турецки, или же изводя медленно по-австрійски. Это тяжелое, черное пятно не сходять съ внутренней исторіи Сербіи отъ давняго и до позднѣйшаго времени; только при нынѣшнемъ министерствѣ,—надо отдать ему справедливость,—этого пятна уже не замѣтно. Много людей честныхъ, прямыхъ, смѣлыхъ погибло таинственной смертію при прежнихъ министерствахъ. Другіе подъ ничтожными предлогами подверглись несообразно суровой

карѣ—долголѣтнему заточенію. Кто стоялъ поперекъ дороги, того министры и ихъ клеветы спускали куда-нибудь подальше. Не такъ высоко стояла власть, чтобы бороться съ своими противниками на открытомъ полѣ силою права, слова и убѣжденія; дѣйствовала старая привычка личнаго властолюбія прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ недобросовѣстному обвиненію и насильственной расправѣ.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу на нѣкоторые имена изъ повднѣйшаго времени. Грековичъ, народный депутатъ на скупщинѣ, отличавшійся смѣлыми и правдивыми рѣчами, былъ убитъ ночью, какъ говорятъ, подосланными чиновниками. Свѣтозаръ Марковичъ, жившій нѣкоторое время въ Россіи, умный, образованный и одинъ изъ вліятельныхъ людей въ Сербіи, былъ несправедливо обвиненъ за свободу мысли и слова, содержался девять мѣсяцевъ въ крѣпости и выпущенъ на свободу только уже тогда, когда горловая чахотка обезпечивала скорую его смерть. Онъ лѣчился и умеръ въ Триестѣ. Ягодинская община, откуда онъ былъ родомъ, перевезла его тѣло и похоронила съ почестями. Священникъ Беричъ, въ первую сербско-турецкую войну 1876 года, за то, что позволялъ себѣ противорѣчить Ранку Алимпичу, былъ разстрѣлянъ въ тотъ же день безъ суда и слѣдствія. Ранко Алимпичъ, какъ извѣстно, держался съ своимъ отрядомъ на Дринѣ, ничего не дѣлая. Только разъ попытался онъ взять приступомъ укрѣпленный городъ Бялину; но когда войско его уже ворвалось въ городъ и заняло нѣсколько улицъ, а непріятель уже начиналъ отступать, ему показалось, что городомъ нельзя овладѣть, и онъ велѣлъ бить отбой. Напрасно увѣряли его, что городъ уже сдается; его помощникъ, командовавшій добровольцами, полковникъ Влайковичъ собственно-ручно застрѣлилъ нѣсколькихъ передовыхъ солдатъ, не хотѣвшихъ вернуться назадъ. Произошло нѣчто странное: два войска бѣжали другъ отъ друга; но вскорѣ турки опомнились, нагрянули на отступавшихъ сербовъ и нанесли имъ жестокой уронъ. Беричъ стремился стать въ ряды войска, но Ранко Алимпичъ не позволялъ ему этого, какъ священнику. Беричъ доказывалъ, что во всѣхъ войнахъ за независимость священники не съ однимъ только крестомъ, но и съ мечомъ шли впереди войска, не отдѣляясь отъ народа и воодушевляя его своимъ примѣромъ. Такія слова показали главкомандующему дринскою арміею дерзкими, и онъ приказалъ разстрѣлять Берича. Замѣчательно, что церковная власть безучастно отнеслась къ этому постыдному дѣянію, нарушавшему права церкви. Адамъ Богославевичъ, любимѣйшій народный депутатъ, многосторонне образованный, знавшій нѣсколько языковъ, глубокой мыслитель и скромный труженикъ, послѣ государственныхъ дѣлъ возвращавшійся къ своимъ воламъ и плугу. Онъ самъ работалъ, пахалъ, косилъ, а досужее отъ сельскихъ работъ время посвящая изученію общественнаго устройства въ европейскихъ государствахъ. Его смѣлая, прѣстая, умная рѣчь на скупщинахъ производила сильное впечатлѣніе, не мравившееся министерству. Послѣ

второй сербо-турецкой войны на него взвели обвинение, что будто бы онъ расхитилъ хлѣбные запасы, между тѣмъ какъ онъ роздалъ хлѣбъ разореннымъ войною сельчанамъ. Нужно было только къ чему-нибудь придраться; посадили его въ тюрьму, а на третій день онъ уже былъ мертвъ. Правительственное сообщеніе гласило, что онъ умеръ-де отъ тифа. Джуро Якшичъ—одинъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ и писателей. Нѣкоторыя его стихотворенія и рассказы проникнуты острымъ юморомъ, который былъ не по сердцу правительству. Особенно замѣчательна поэма Якшича, въ которой онъ осмѣиваетъ сербскихъ военачальниковъ и Ранка Алимпича въ особенности. Чтобы отдѣлаться отъ него, привели его съ жандармами въ министерство внутреннихъ дѣлъ и тамъ били его такъ жестоко, что онъ зачахъ и вскорѣ умеръ.

Я указалъ только на немногія личности, смерть которыхъ производила потрясающее дѣйствіе на всю Сербію; а сколько было изведено другихъ, которыхъ постигла таинственная смерть отъ руки подкупленныхъ убійцъ, какъ, напримѣръ, Лазарь Ценичъ, разстрѣлянный въ 1876 г. въ Козарацкой Планинѣ, въ Босніи, по секретному распоряженію изъ Бѣлграда.

Довольно привести эти двѣ черты недавняго времени, предшествовавшаго образованію нынѣшняго министерства, чтобы уразумѣть, какое вредное вліяніе должно было оно производить на общественные нравы, подрывая гражданскую честность, порождая соблазнъ совѣсти; однихъ оно растлѣвало, другихъ ожесточало.

Къ этому времени относится и убіеніе Ефрема Марковича.

Ноябрь, декабрь 1877 г. и январь 1878 г. Ефремъ провелъ съ войскомъ на восточной границѣ Сербіи, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ, отличился храбростію и въ особенности стяжалъ себѣ громкую извѣстность при взятіи Пирота. За свои блестящія боевыя заслуги онъ получилъ русскій орденъ Св. Георгія. Въ его отсутствіе въ самомъ центрѣ Сербіи, близъ Крагуевца, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, собрались на Лепеницкомъ полѣ лепеницкіе и грузанскіе батальоны, числомъ пять, и заявили отказъ идти на войну. Впрочемъ большая часть людей разбрелась по домамъ, а около двухсотъ человекъ ушли въ Тополу, пригласили къ себѣ ополченцевъ изъ сосѣднихъ деревень съ тѣмъ, чтобы не приносить новой присяги, требовавшейся тогда отъ войска по случаю второй сербо-турецкой войны. Вѣроятно, они были недовольны распоряженіями правительства, которое дѣйствительно выказало много оплошности и несправедливости въ снаряженіи войска, въ перевозочной и продовольственной частяхъ, въ вещественныхъ поборахъ и проч., а также въ распредѣленіи щедрыхъ пособій, притекавшихъ изъ Россіи во время предыдущей войны; свѣжо еще было впечатлѣніе понесеннаго подъ Дюнишемъ погрома и беспорядковъ, господствовавшихъ въ устройствѣ сербской арміи. По крайней мѣрѣ, громче всего слышались возгласы, что сражаться надо съ внутренними вра-

гами и защищать населеніе отъ полиціи. Это происшествіе извѣстно подъ именемъ топольскаго бунта. Слѣдствіе о немъ тянулось очень долго: Военно-судная комиссія, производившая разслѣдованіе причинъ бунта, всачески старалась подвести подкладку династическую и доказать, что бунтъ этотъ былъ возбужденъ сторонниками изгнанныхъ изъ Сербіи Карагеоргіевичей—собственно внука Георгія Чернаго, Петра. Но изъ напечатанныхъ слѣдственныхъ протоколовъ можно вывести, что такое толкованіе было предумышленное и составляло видимую натяжку, чтобы придать болѣе опасное значеніе бунту въ глазахъ князя Милана и всѣхъ обреновцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поддержать и министерство. Положительныхъ данныхъ въ пользу такого толкованія слѣдственной комиссіи нѣтъ; а тѣмъ менѣе могли найтись какія бы то ни было улики противъ Ефрема Марковича, который къ тому же во все это время отсутствовалъ; еслибы были улики, его не замедлили бы арестовать своевременно. Между тѣмъ война кончилась, прошло еще два мѣсяца: февраль и мартъ; въ апрѣлѣ Марковичъ возвратился въ Бѣлградъ и только теперь былъ арестованъ въ гостиницѣ, гдѣ остановился. Отсюда онъ былъ препровожденъ въ Аранжеловацъ, гдѣ и содержался цѣлый мѣсяцъ. Какъ будто нарочно тянули дѣло, чтобы дать возможность созрѣть интригѣ и установиться предубѣжденію, что Марковичъ принадлежитъ къ партіи карагеоргіевцевъ. Слѣдствіе однако ничего противъ него не открыло. Но такъ какъ въ то время, какъ я выше сказалъ, еще держался въ правительственныхъ лицахъ обычай отдѣлываться отъ своихъ враговъ и опасныхъ людей турецкимъ способомъ, то Марковичъ и выставленъ былъ какъ главный участникъ топольскаго бунта и приверженецъ Карагеоргія.

16-го мая 1878 года по Бѣлграду разнеслась вѣсть, что осужденіе замѣшанныхъ въ бунтъ состоялось. Указывали въ числѣ другихъ на Чумича и Коларца, приговоренныхъ къ смертной казни. Про Ефрема же никто навѣрное не могъ ничего сказать; его участь держалась въ большой тайнѣ. 17-го мая видные граждане Бѣлграда, около 60 человекъ и въ томъ числѣ многіе профессора Великой Школы и богатые купцы посавяне подали правительству просьбу о помилованіи отъ смертной казни Чумича и Коларца, но о Марковичѣ умолчали именно потому, что не знали и не думали, чтобъ онъ присужденъ былъ къ разстрѣлянію. 18-го мая совершилась въ Аранжеловцѣ казнь: были разстрѣяны Ефремъ Марковичъ, два батальонныхъ командира, одинъ попъ и трое вліятельныхъ гражданъ. Чумичъ и Коларацъ осуждены на заключеніе. 160 человекъ отправлено по крѣпостямъ. Двое изъ послѣднихъ, Георгій Деметровичъ, смедеревскій купецъ и бывший депутатъ, и Живота Маричевъ, тоже купецъ, бѣжали изъ Смедерева въ Австрію и впоследствии рассказывали, какъ въ тюрьмѣ выпытывалось отъ заключенныхъ признаніе: для этого на горячія уголья насыпался красный перецъ; отъ дыма заключенные впадали въ нервное оцѣпенѣніе и безсознательно высказывали то, что знали.

Елена Марковичъ, проживавшая въ Бѣлградѣ, слыша о состоявшемся военно-судномъ приговорѣ и не зная навѣрное о мужѣ своемъ, бросилась къ князю Милану, являясь на колѣняхъ о помилованіи. Князь отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все, что будетъ возможно. Но въ это время приказъ о разстрѣляніи, подписанный княземъ по представленію министерства, безъ вѣдома однако военнаго министра, Саввы Груича, уже летѣлъ по телеграфу въ Аранжеловацъ. Прибывшая туда черезъ два дня Елена застала одну лишь могилу своего мужа въ полѣ, на мѣстѣ казни, выровненную съ поверхностію земли, но посыпанную цвѣтами, которые принесли ночью жители сосѣднихъ селеній.

До сихъ поръ въ Сербіи не знаютъ, за что собственно былъ разстрѣлянъ Ефремъ Марковичъ, такъ какъ никто не вѣритъ тому, въ чей правительственный открыто обвиняло его и притомъ бездоказательно. Извѣстно только, что онъ былъ человѣкъ сильной воли, храбрый офицеръ, хорошей боевой товарищъ, любилъ хорошо пожить, пользовался общимъ расположеніемъ и въ скупщинѣ держалъ оппозицію министерству. При его выдающихся способностяхъ и видномъ положеніи, онъ дѣйствительно являлся опаснымъ для министерства, тѣмъ болѣе, что смерть брата его Свѣтозара не могла быть имъ забыта. Имущество Ефрема, около 12 тысячъ рублей, послѣ его казни было конфисковано. Елена съ тремя дѣтьми осталась безъ средствъ къ жизни, проживала на родинѣ своего мужа, въ городѣ Ягодинѣ, и доходила до такой бѣдности, что иногда занималась стиркою бѣлья. Мысль о горячо любимомъ мужѣ не покидала ея; года полтора тому назадъ она вырыла изъ позорной могилы останки своего мужа и перенесла ихъ въ родовую склепъ въ Ягодинѣ. Несомнѣнно, что бѣдственная жизнь ея протекала подъ непрестаннымъ давленіемъ скорбной памяти о мужѣ, о томъ, что, по ея убѣжденію, князь не сдержалъ своего слова, обѣщая помилованіе, о скрытныхъ побужденіяхъ министерства, настаивавшаго передъ княземъ на смерти ея мужа, и вообще о всей той недостойной продѣлкѣ личнаго властолюбія, въ жертву которому не затруднились принести человѣческую жизнь. Постоянно замѣчали въ ней возбужденіе и раздраженность. Когда, при вступленіи нынѣшняго министерства въ управленіе, объявлено было всепрощеніе за политическія преступленія, Елена переселилась въ Бѣлградъ и здѣсь привела въ исполненіе задуманную ею месть. Въ сербскихъ церквахъ обыкновенно женщины становятся на возвышеніи у задней стѣны, особо отъ мужчинъ. Король, одѣтый въ гражданское платье по-дорежному, проходилъ мимо этого возвышенія, чтобы приложиться къ иконѣ, и въ эту-то минуту раздался выстрѣлъ. Королевская чета успѣшила вернуться во дворецъ, откуда, черезъ нѣсколько минутъ, король, уже въ парадной формѣ, прибылъ опять въ соборъ на молитву. Между тѣмъ толпа окружила Елену, рвала на ней волосы, платье, наносила ей удары по лицу; жандармы съ трудомъ могли защитить ее отъ народа. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гарашаничъ ка-

заяся растеряннымъ и какъ будто даже не слыхалъ, что тутъ же рядомъ съ нимъ стоявшіе граждане громко ругали его и все министерство. Единственное лицо, поддержавшее въ эту суматоху какой-нибудь порядокъ, былъ военный министръ Теша Николичъ. Онъ распорядился отвести Елену въ полицію. Провожаемая криками и побоями толпы, Елена увидѣла короля. «Такъ онъ живъ?—воскликнула она.—Будь же проклята и иврублена на куски моя рука за то, что промахнулась!»

Вмѣстѣ съ Еленою арестовали и ея близкихъ знакомыхъ и родныхъ: Кничанку, вдову сына знаменитаго воеводы Кничанина, преславившагося въ 1849 году защитою славянскаго дѣла противъ возставшихъ мадьяръ; Майнерку, жену бібліотекаря; сестру Елены, Витювичку, жену профессора, съ мужемъ ея. Задержаны были также Николай Николичъ, редакторъ газеты *Борьба*, Божидаръ Вучковичъ, сотрудникъ этой газеты, художникъ Марковичъ и купецъ Петръ Мохачанинъ. Въ настоящее время Елена Марковичъ и три другія женщины переведены въ бѣлградскую крѣпость, гдѣ еще цѣлы, построенные при Блазнавцѣ, казематы, о которыхъ сами стражники отзываются съ отвращеніемъ, утверждая, что они такъ тѣсны, что обнимаютъ вплотную заключеннаго, который лишенъ всякаго движенія и долженъ постоянно находиться въ стоячемъ положеніи, какъ бы замуравленный, имѣя подъ ногами зловонную слякоть.

Человѣческій судъ и исторія произнесутъ свой приговоръ по существу совершеннаго Еленою Марковичъ преступленія. Настоящая замѣтка посвящена лишь исторической обрисовкѣ того нравственнаго положенія, въ которомъ находилась Елена подъ дѣйствительнымъ вліяніемъ—семейнаго несчастья и политико-экономической жизни, дѣйствовавшей на общественную среду подъ управленіемъ предшествоващаго и теперешняго министерствъ.

Это уже пятое по счету покушеніе на жизнь Милана Обреновича.

Первое было въ Смедеревѣ во время его малолѣтства при регентствѣ Миливая Блазнавца. 10-го іюня 1868 г. были убиты въ Топчидерѣ князь Михайлъ и тетка его Анна. Дочь послѣдней, Екатерина, раненная нѣсколькими пулями, успѣла избѣжать смерти, перепрыгнувъ черезъ высокій дубовый частоколъ звѣридца (кошутняка), гдѣ совершено было убійство. Одинъ изъ заговорщиковъ, Радовановичъ, бросился тотчасъ въ городъ, чтобы захватить сенаторовъ; но Илья Гарашанинъ, предѣдатель сената, бывшій также въ Топчидерѣ, обогналъ его, благодаря быстротѣ лошадей и, вошедши въ сенатъ, первый сообщилъ присутствующимъ, что князь погмбъ. Вслѣдъ за нимъ явился военный министръ Блазнавацъ съ войскомъ и окружилъ зданіе сената. Пришелъ и русскій генеральный консулъ Шишкинъ и, вѣроятно по забывчивости, сѣлъ на кресло, занимаемое всегда княземъ. Блазнавацъ, увидавши его на княжескомъ креслѣ, быстро подошелъ къ нему и съ словами: «не твое здѣсь мѣсто»—почти-что вытолкнулъ его изъ сената. Потомъ, вынувши изъ кармана запечатанный

конвертъ, сломалъ печать и предложилъ сенаторамъ немедленно подписать заключавшійся въ конвертъ актъ избранія на княжескій престолъ малолѣтняго Милана, сына Маріи Обреновичъ, по матери внука Ефрема Обреновича, брата стараго князя Милоша. Гарашанинъ и нѣкоторые сенаторы хотѣли было возражать, но, по знаку Блазнавца, вооруженные солдаты заняли помѣщеніе сената, и съ револьверомъ въ рукѣ Блазнаваць заставлялъ всѣхъ присутствовавшихъ подписать актъ. Немедленно было объявлено осадное положеніе въ Бѣлградѣ, заперта со стороны Австріи сербская граница и начато слѣдствіе.

Заговоръ созрѣвалъ шесть мѣсяцевъ. О немъ многіе знали, знали и Блазнаваць, а потому впередъ подготовился къ тому, чтобы воспользоваться послѣдствіями убіенія князя. Можетъ-быть и самъ Гарашанинъ мечталъ быть княземъ, но Блазнаваць предупредилъ его. Честолюбивый временщикъ, вышедшій изъ селяковъ деревни Блазнаве, создалъ въ своемъ умѣ широкій и отважный замыселъ достигнуть княжескаго престола Сербіи и прочно сѣсть на немъ. Для этого нужно было устранить навсегда цѣлый рядъ препятствій, чтобы уже послѣ не встрѣчаться съ ними. Вся дѣятельность его клонилась къ этой цѣли. Первый сошелъ съ пути князь Михаилъ. Съ его смертію не оставалось никого въ виду изъ взрослыхъ и извѣстныхъ народу Обреновичей. Малолѣтній и долготѣ невѣдомый въ Сербіи Миланъ, проживавшій съ матерью въ Парижѣ, казался ему не страшнымъ и должепъ былъ пока до времени служить ему прикрытіемъ.

Послѣ князя Михаила могъ быть претендентомъ на княжескій престолъ Сербіи черногорскій князь Николай, между которымъ и Михаиломъ былъ заключенъ тайный договоръ, въ силу котораго, въ случаѣ бездѣтной смерти князя Михаила, правленіе Сербскимъ княжествомъ должно было перейти къ князю Николаю. Провозглашеніе Милана упразднило этотъ договоръ и для Блазнавца однимъ препятствіемъ становилось меньше.

Прежде всего нужно было избавиться отъ ближайшихъ опасныхъ людей, которые кое-что знали о попустительствѣ съ его стороны заговорщикамъ, а слѣдовательно могли огласить или разоблачить его замыслы. Послѣ совершившагося переворота разстрѣляно было по приказанію Блазнавца до тридцати человекъ. Въ первый же день былъ разстрѣлянъ капитанъ Мерцайлловичъ, учившійся военнымъ наукамъ въ Россіи, одинъ изъ честиѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ Сербіи. Онъ пришелъ, вооруженный револьверомъ, въ канцелярію военнаго штаба, но съ какою цѣлью — осталось неизвѣстнымъ. По приказанію Блазнавца, онъ былъ схваченъ и немедленно разстрѣлянъ. Близъ берега Дуная, подъ стѣною крѣпости, была вырыта для его трупа могила; ставъ на краю своей могилы, Мерцайлловичъ сказалъ собравшемуся народу краткую прощальную рѣчь, которую закончилъ словами: «за васъ, братія, умираю; не ждите добра отъ Обреновича и тѣхъ, которые призываютъ его»; потомъ попросилъ закутить

папирску и, докуривъ до половины, отбросилъ въ сторону, соскочилъ въ могилу, достигающую ему только до пояса, и попросилъ солдатъ цѣлить прямо въ сердце. Раздался залпъ и грудь его была вся пронизана пулями. Тогда же разстрѣляны были на Карабурмѣ Младенъ и Сима Ненадовичи, родные братья княжны Персиды, жены князя Александра Карагеоргиевича, лишеннаго престола Святоандреевскою скупщиною въ 1858 году. Самъ Карагеоргиевичъ съ семействомъ проживалъ за границею, но его родственники въ Сербіи могли быть помѣхою Блазнавцу; ихъ-то и послѣдилъ онъ устранить съ нѣкоторыми изъ ихъ сторонниковъ. Вскорѣ разстрѣлянъ былъ и третій Ненадовичъ, Свѣтозаръ, бывшій смотрителемъ Топчидерской тюрьмы въ то время, какъ оттуда бѣжалъ Радовановичъ, принявшій участіе въ убійствѣ князя Михаила. Итакъ, на первыхъ же порахъ ближайшій путь былъ очищенъ для дальнѣйшихъ шаговъ Блазнавца.

Нужно было подумать, какъ взять управленіе въ свои руки. Въ виду малолѣтства князя Милана, провозглашено было регентство изъ трехъ лицъ. Во главѣ регентства и войска и предсѣдателемъ сената сталъ самъ Блазнаваецъ. Помощниками себѣ онъ взялъ Іована Гавриловича—почтеннаго, добраго, но слабодушнаго старика, который могъ бы привлечь къ правительству расположеніе народное, и Іована Ристича, проживавшаго въ Петербургѣ въ качествѣ представителя Сербіи, — человека, который по своему уму, образованію и дипломатической опытности могъ быть полезнымъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Но въ Бѣлградѣ жилъ тогда Илья Гарашанинъ, человекъ народный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и выше другихъ стоявшій по своему общественному значенію. Главный участникъ всѣхъ важнѣйшихъ переворотовъ въ Сербіи, не разъ занимавшій высшія государственныя должности: министра, предсѣдателя министерства, предсѣдателя сената,—не разъ оставлявшій ихъ для скромной частной жизни и опять возвращавшійся на государственную службу, онъ не задолго передъ тѣмъ былъ уволенъ княземъ Михаиломъ отъ должности предсѣдателя министерскаго совѣта, но продолжалъ оставаться лицомъ наиболее сильнымъ какъ по своей долготѣлней государственной дѣятельности, такъ и по заслугамъ, оказаннымъ отечеству, и по любви къ нему народной. Блазнаваецъ не желалъ уступить ему первое мѣсто въ регентствѣ, а на второе самъ Гарашанинъ не пошелъ. Итакъ, Блазнавцу и съ этой стороны была обезпечена свобода дѣйствій. Уже устарѣлый и наскучивъ дѣлами, Гарашанинъ удалился на свою мельницу въ Гродцкѣ. Но видно было, что его все-таки опасались: сначала регентство предлагало ему пенсію,—онъ отказался, говоря, что не хочетъ поѣдать даромъ трудовыя народныя деньги. Потомъ стали его тѣснить, предлагали ѣхать за границу,—онъ отвѣчалъ, что его могутъ убить, но что онъ ни за что не оставитъ родной земли. Итакъ, онъ оставался въ Сербіи до конца жизни, не будучи уже помѣхою регентству.

Оставалось заручиться скупщиною. Для этого Блазнавацъ придумалъ измѣнить державный уставъ, польстивши народу нѣкоторыми правами, которыхъ въ этомъ уставѣ, данномъ Портою совѣстно съ Россіею въ 1838 году, не было. На 11 іюля 1869 года созвана была въ Брагуевцѣ великая скупщина, которая и утвердила новый государственный уставъ, несмотря на то, что во время малолѣтства князя никакія перемѣны въ системѣ правленія не могли быть допущены. Главное, что нужно было Блазнавцу провести въ новомъ уставѣ, это — правило, по которому въ малую или ежегодную скупщину на 90 народныхъ представителей, избираемыхъ на три года, назначалось отъ правительства 30 членовъ, составлявшихъ такимъ образомъ четвертую часть всего состава скупщины. Это было могущественное орудіе въ рукахъ регентства, чтобы руководить народною волею. Оно осталось таковымъ и до сихъ поръ, какъ показали послѣднія скупщины, утверждавшія согласно съ правительствомъ все, что только ему было угодно.

Наконецъ необходимо было предупредить опасность со стороны Александра Карагеоргиевича и его дѣтей, которые могли предъявить свои права на сербскій престолъ и, оспаривая его у Милана, преградить путь къ нему и самому Блазнавцу. Съ этою цѣлью Блазнавацъ настойчиво, хотя и несправедливо, выставилъ убійство князя Михаила дѣломъ карагеоргиевцевъ и успѣлъ ввести въ новый государственный уставъ параграфъ, въ силу котораго домъ Карагеоргія навсегда лишился сербскаго престола и изгонялся изъ Сербіи.

Такимъ образомъ все, что грозило опасностію, помѣхою или соперничествомъ вблизи и вдали, было устранено. Но Блазнавацъ не ограничился этимъ; онъ хотѣлъ закрѣпить за собою какое-нибудь положительное право на сербскій престолъ. Чрезвычайно красивый собою, хотя и нѣсколько суровой наружности, высокаго и стройнаго роста, съ большими выразительными глазами и правильными чертами лица, Блазнавацъ вскорѣ снискалъ расположеніе Еваторины, пришедшейся двоюродною сестрою князю Михаилу. Потерявши мать, сама чудеснымъ образомъ спасшись отъ смерти, она охотно отдала ему руку и сердце—послѣднее, впрочемъ, не надолго. Когда сдѣлалась она беременною, то Блазнавацъ уже воображалъ себя княземъ по выбору народному, или по меньшей мѣрѣ несмѣннымъ и полновластнымъ правителемъ государства въ качествѣ опекуна будущаго своего дѣтца, которое, какъ происходящее по матери изъ рода Обреновичей, имѣло право княжить въ Сербіи. Предвидя такой благоприятный исходъ, Блазнавацъ, на случай рожденія дочери, ввелъ въ новомъ государственнымъ уставѣ право на княженіе и дацамъ женскаго пола изъ дома Обреновичей.

Теперь уже самъ Миланъ оказался препятствіемъ. Наступила пора устранять и это послѣднее препятствіе. Приходило къ концу его прежнее назначеніе—служить прикрытіемъ честолюбивымъ замысламъ регента. И

вотъ въ 1870 году Блазнавацъ приглашаетъ его проѣхать по ближайшимъ округамъ. Приѣзжаютъ въ Смедерево, останавливаются въ гостиницѣ Льва. Къ этому времени въ одномъ изъ отдаленныхъ помѣщеній гостиницы, куда, предполагалось, непременно зайдетъ Миланъ, были подплены двѣ или три половицы, — и когда вошелъ туда Миланъ, доски обрушились подъ его ногами. По рассказамъ однихъ, падая въ яму, онъ удержался на перекладинахъ, а такъ какъ носилъ при себѣ всегда револьверъ, то выстрѣломъ далъ о себѣ знать. По словамъ же другихъ, когда подъ нимъ провалился полъ, сопутствовавшій ему слуга успѣлъ схватить его и не далъ упасть въ яму.

Второе покушеніе на жизнь Милана происходило вскорѣ затѣмъ на охотѣ. Были подкуплены два селяна и посажены въ лѣсу, въ засаду, съ тѣмъ, что когда на ближайшей полянѣ покажется князь Миланъ, то чтобы стрѣляли въ него. Дѣйствительно, случилось такъ, что Миланъ, отдѣляясь отъ охоты, одинъ вышелъ на поляну; но такъ какъ шумъ охоты слышался еще вдалекѣ и притомъ на князѣ было надѣто весьма простое платье, то селяни сочли его за служителя и, выйдя изъ засады, стали спрашивать, скоро ли направится въ эту сторону охота и въ какомъ мѣстѣ находится князь. Этого было достаточно, чтобы Миланъ прекратилъ охоту и поспѣшилъ вернуться домой.

Третье покушеніе противъ него было устроено на улицѣ, по которой онъ долженъ былъ возвращаться изъ театра. На мостовой зарыта была бомба съ длиннымъ фитилемъ, который долженъ былъ воспламенить бомбу по расчету времени. Но бомба разорвалась нѣсколькими минутами позже. Взрывъ былъ такъ силенъ, что ближайшія каштановыя деревья были поломаны. Отыскался виновный, какой-то чиновникъ, кажется, Цужичъ. Когда на слѣдствіи онъ уже готовъ былъ произнести имя подкупившаго его Блазнавца, ему зажали ротъ и тотчасъ увели его, а потомъ на казенный счетъ выслали за границу. Этотъ чиновникъ впоследствии говорилъ, что ему жалъ было князя и что онъ нарочно взорвалъ бомбу не во время, но что это не помѣшало ему пожить весело на чужой счетъ.

Четвертое покушеніе готовилось въ домѣ самого Блазнавца. Послѣ совершеннолѣтія князя Милана и упраздненія регентства, Блазнавацъ оставался главою министерства. Однажды онъ пригласилъ князя къ себѣ вечеромъ на чашку кофе. Екатерина, сблизившаяся до того времени съ княземъ Миланомъ, предупредила его, чтобы онъ не пилъ кофе. Въ назначенный часъ Миланъ пришелъ къ Блазнавцу, взявши съ собою нѣсколькихъ гвардейцевъ, которые остановились у крыльца. Подали кофе. Князь спрашиваетъ Блазнавца: «на короткій или долгій срокъ ты расчелъ мнѣ этотъ напитокъ?» Видя, что все уже извѣстно князю, Блазнавацъ отвѣчалъ: «на долгій». — «Ну, такъ выпей самъ, — сказалъ князь, — но только передѣлай для себя на короткій». Блазнавацъ хотѣлъ было сопротивляться, но Миланъ, направляя противъ него дуло револьвера, объяснилъ, что сопротивленіе его будетъ бесполезно, потому что за две-

рями стоятъ гвардейцы. Когда Блазнаваць выпилъ кофе, князь удалился, а на другой день утромъ, 5 апрѣля 1873 года, было объявлено, что Блазнаваць умеръ отъ дифтерита. По разсказамъ другихъ, Екатерина извѣстила Милана, что на столѣ у мужа своего она замѣтила стклянку съ подозрительною жидкостью и что предвидитъ недоброе. Миланъ, въ сопровожденіи гвардейцевъ, пришелъ неожиданно къ Блазнавцу и спросилъ его, какого рода жидкость и для чего бережетъ онъ у себя. Блазнаваць заперся. Тогда Миланъ самъ сдѣлалъ обыскъ и нашелъ стклянку. На вопросъ: «что въ ней?» — Блазнаваць отвѣчалъ, что это безвредное лѣкарство. Принужденный выпить, онъ умеръ въ ту же ночь.

Покушеніе Елены Марковичъ, какъ каждый можетъ видѣть, имѣло со-всѣмъ иной источникъ. Что тутъ не могло быть никакого заговора и участія политическихъ партій, на которыя распадается сербское общество,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Самъ король, при приемѣ поздравленій, выразился въ этомъ смыслѣ. Здѣсь дѣйствовала ея единичная воля. Принимая иностранныхъ представителей, король Миланъ говорилъ, что онъ понимаетъ душевное возбужденіе Елены Марковичъ, потерявшей мужа и повергнутой въ нищету, но что поправить дѣло теперь было уже невозможно. Сама Елена, по ея словамъ, мстила не одному королю, но въ лицѣ его и тѣмъ, кто несправедливо погубили ея мужа, прикрываясь особою короля. Вотъ гдѣ урокъ министрамъ, которые не щадили человѣческой жизни изъ узкаго властолюбія и прибѣгали къ недозволительному въ благоустроенномъ и развитомъ обществѣ способу борьбы и устраненія неугодныхъ имъ людей изъ-за личныхъ видовъ.

Но не такое ли же возбужденіе умовъ производить и нынѣшнее министерство, добиваясь выполненія своихъ политическихъ цѣлей, идущихъ въ разрѣзъ съ государственными выгодами и пользами сербскаго народа и даже положеніемъ самого короля? Уже не разъ въ печати прозвучало слово «государственный переворотъ». Австрійскія газеты, въ сочиняемыхъ ими, по указаніямъ правительства, корреспонденціяхъ, готовы въ покушеніи Елены Марковичъ видѣть заговоръ цѣлой партіи,—слѣдовательно, дѣйствіе современныхъ причинъ. Замѣчательно, что при постоянной конфискаціи сербскимъ правительствомъ тѣхъ номеровъ русскихъ газетъ, гдѣ помѣщены неблагопріятные о немъ отзывы, номера двухъ русскихъ газетъ, въ которыхъ говорилось о возможности государственнаго переворота въ Сербіи, пропущены и свободно обращаются въ народѣ. А эти тысяча человѣкъ охраны, настолько ненавистные народу, что двое изъ нихъ уже убиты,—къ чему они? Не къ тому ли, чтобы въ случаѣ переворота послужить надежнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства или одного Гарашанина исключительно? Если справедливы приписываемыя королю Милану слова, что настоящее положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться, то нельзя не признать, что они безусловно вѣрны. Король Миланъ стоитъ на распутіи: или онъ долженъ воротиться къ своему народу, минуя всѣ партіи—и либераловъ, и прогрессистовъ, и радикаловъ,—какъ порозни-

шіяся съ народомъ, и прибѣгнуть къ другимъ людямъ, которые сохранили въ себѣ тѣсную нравственную связь съ народомъ,—или окончательно отдаться въ руки Австріи, управлять Сербіей при содѣйствіи графа Кевенгюлера и подъ охраною австрійскаго войска. Но, благодаря своей политикѣ съ 1878 года, слишкомъ далеко завлеченный въ австрійскія сѣти, если онъ повернется теперь къ народу, то не избѣгнетъ переворота, который устроить ему Австрія, столь искусная на всякія козни; если же онъ окончательно отдастся Австріи, то не вытерпитъ того сербскій народъ, нисколько не расположенный вступить въ косвенное подданство Австріи и уже готовый мысленно къ борьбѣ въ ожиданіи событій. Въ томъ и другомъ случаѣ Австрія давно заручилась готовымъ претендентомъ на сербскій престолъ—Петромъ Карагеоргиевичемъ.

Было бы ошибкой предполагать о непремѣнной склонности князя Петра къ Австріи. Ни его чувствъ, ни его мыслей угадать нельзя; можно думать, что, наученный опытомъ, онъ съумѣетъ удержаться на серединѣ. Въ послѣднее боснійское возстаніе онъ издержалъ все свое состояніе на народное дѣло; онъ писалъ князю Милану примирительное посланіе, въ которомъ навсегда отдавалъ себя въ его подчиненіе, лишь бы общими усиліями достигнуть освобожденія и воссоединенія Босніи съ Сербіей. Князь Миланъ оставилъ его письмо безъ отвѣта. Неизвѣстно, съ какою цѣлью пробирался онъ въ Крагуевацъ во время скупщины; но во всякомъ случаѣ переворотъ, сдѣланный имъ тогда тайно отъ Австріи, былъ бы лучше будущаго переворота съ ея участіемъ. За то австрійское правительство и интернировало его въ Вѣнѣ, гдѣ онъ теперь существуетъ, при недостаткѣ средствъ, личнымъ трудомъ. Если въ случаѣ переворота въ Сербіи Австрія поддержитъ его кандидатуру, то можно быть впередъ увѣреннымъ, что она продастъ ему свое содѣйствіе за дорогую цѣну и, конечно, въ ущербъ политической и торгово-промышленной самостоятельности Сербіи. Она не выпуститъ его даромъ изъ своихъ рукъ, грозя имъ и теперь издали королю Милану и обреновцамъ.

Нельзя не пожалѣть, что прежняя русская дипломатія, которая обязана была знать все, что относилось до Карагеоргиевичей, не обратила должнаго вниманія на князя Петра. Если Несторы дипломатіи признавали по своимъ соображеніямъ, что Россія должна, вопреки своей исторіи и прежней политики, отказаться отъ нравственной связи съ Сербіей и предоставить ее самой барахтаться однѣми своими силами въ сферѣ австрійскаго вліянія; то цѣлая Россія и ея новѣйшая дипломатія не обязаны слѣдовать личному усмотрѣнію Несторовъ. Привлеченіе во-время въ Россію семейства Карагеоргиевича или хотя бы одного князя Петра отняло бы у Австріи одно изъ орудій, которымъ она такъ недобросовѣстно оказываетъ давленіе на Сербію, и дало бы послѣдней возможность свободнѣе жить, думать и дѣйствовать.

А. Майковъ.

ХРОНИКА ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

ДИПЛОМАТИЯ И НАРОДЪ.

Было время, когда послѣдовательные охранители нашей національной самобытности лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли считали полную замкнутость страны отъ иностранцевъ. Правда, такое воззрѣніе господствовало въ особенно тяжелую для русскаго народа эпоху его исторіи. Татарскій погромъ остановилъ правильное развитіе страны и въ экономическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Уже возникшее до татарскаго нашествія стремленіе къ *единодержавію* приняло особый характеръ и выступило на первый планъ, отодвигая или окончательно устраняя другія потребности, другіе интересы народа. На мысль русскаго челоуѣка, на личность гражданина Русской земли стали накладываться приказныя и крѣпостническія колоды. Новгородецъ и кіевлянинъ не боялись вступать въ сношенія съ иностранцами, какъ торговыя, такъ и политическія. Великій Новгородъ, конечно, не утратилъ своей самобытности отъ того, что былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ Ганзейскаго союза. Не потерялъ этой самобытности и весь русскій народъ, принявши христіанство отъ Византіи. Нисколько не отрицая глубокаго вліянія православія, нельзя при этомъ не указать на то, что православная вѣра составляетъ не отличительный признакъ нашей духовной самостоятельности, а существенный признакъ нашего сходства съ народами, раньше или позже насъ принявшими православіе.

Но въ XVII вѣкѣ московскіе люди смотрѣли на иноземцевъ не такъ, какъ смотрѣли на нихъ новгородцы или кіевляне удѣльно-вѣчевой Руси. Приходилось, конечно, торговать съ «нѣмцами», но и торговля эта была обставлена значительными затрудненіями, которыя иногда оправдывались соображеніями дѣйствительно здоровой политики, въ другихъ случаяхъ служили или фискальнымъ цѣлямъ, или народнымъ предразсудкамъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что эти предразсудки по большей части составляли характерный признакъ мировоззрѣнія высшихъ, правившихъ клас-

совъ населенія, народъ же нашъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. крестьяне, и до настоящаго времени отличается широкою вѣротерпимостью.

Приходилось Московскому государству вступать и въ дипломатическія сношенія, цѣлью которыхъ были или политическіе союзы, или торговые договоры. Но «дипломатическіе приемы московскихъ бояръ часто повергали въ отчаяніе иностранныхъ пословъ, особенно тѣхъ, которые хотѣли вести дѣло прямо и добросовѣстно. Они горько жалуются на двуличность и безцеремонность московскихъ дипломатовъ, на ихъ непостоянство и легкость, съ которою они давали и нарушали обѣщанія. Чтобы не попасть въ ихъ сѣти, недостаточно было увѣриться, что они агутъ,—надо было еще рѣшить, куда мѣтитъ эта ложь, что о ней подумать. Если ихъ уличали во лжи, они не краснѣли и на упреки отвѣчали усмѣшкой» *).

Съ того времени, когда иностранные послы возмущались живвою изворотливостью московскихъ бояръ, русская дипломатія утратила многія изъ *самобытныхъ* и крайне прискорбныхъ своихъ свойствъ. На обѣщанія нашихъ государственныхъ людей теперь можно полагаться во многихъ случаяхъ, и агутъ, не краснѣя, наши дипломаты XIX вѣка немногимъ, надо думать, чаще, чѣмъ дипломаты Запада. Но если дипломатическія обѣщанія стали достовѣрнѣе, то сдѣлались ли они болѣе разумными, болѣе соответствующими потребностямъ русскаго народа?

Давно уже въ нашемъ обществѣ слышатся жалобы на личный составъ русскихъ посольствъ и консульствъ. Наши представители за границею, помимо счастливыхъ и очень рѣдкихъ исключеній, не могутъ идти въ сравненіе съ дипломатическими представителями западно-европейскихъ державъ или Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Обратиться по какому-либо дѣлу за содѣйствіемъ или совѣтомъ въ русское посольство всего труднѣе русскому человѣку (и чуть было не написалъ—гражданину). Свѣдѣнія о состояніи той страны, въ которой находится представитель Россійской имперіи,—свѣдѣнія важныя и въ промышленномъ, и въ военномъ отношеніи,—русскіе послы, посланники и консулы получаютъ изъ источниковъ отчасти или вполне неблагонадежныхъ. Нерѣдко они разыгрываютъ изъ себя не представителей великаго народа, а посланниковъ той или другой придворной партіи, и оказываютъ скрытое (иногда и явное) протыводѣйствіе общей иностранной политикѣ русскаго правительства. Особенно выдающіеся въ этомъ отношеніи дипломаты, передъ которыми, по наивности, преклоняются нѣкоторые изъ нашихъ газетъ, доходятъ до того, что своею дѣятельностью въ значительной степени вредятъ русскимъ интересамъ. Какъ не подивиться, на примѣръ, искусству и самостоятельности дипломата, представлявшаго наше государство въ стра-

*) В. О. Ключевскій: „Сказаніе иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 56.

нѣ, населенной на половину славянами, когда дипломату этому удалось возстановить противъ себя всѣхъ вождей родственныхъ намъ племенъ и снискать полнѣйшее одобреніе враждебной намъ стороны?!

Нужно замѣтить, что указанные недостатки въ организаціи нашего представительства при иностранныхъ державахъ находятся въ зависимости отъ общихъ недостатковъ нашего строя, отъ бюрократическихъ колодокъ петербургскаго періода нашей исторіи, смѣнившихъ приказныя колодки Московскаго государства. Всякому понятна живая связь внутренней политики и международныхъ отношеній: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ одни и тѣ же главные факторы. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно (къ сожалѣнію), чтобы государство руководилось въ сношеніяхъ съ другими странами одинаковыми принципами съ принципами внутренней политики, и этотъ разладъ нерѣдко давалъ и продолжаетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ, разъяснить которыя бесполезно.

Христіанская Европа отеклась отъ того воззрѣнія, которое проводило рѣзкую грань между людьми различныхъ племенъ. Равенство *человѣка съ человѣкомъ* составляетъ не только убѣжденіе филантроповъ, но и побѣдоносно дѣйствующее практическое начало, передъ которымъ пало крѣпостное право въ Россіи и рабство въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Однако пренебреженіе къ тому или другому *племени* со стороны членовъ расы, считающихъ послѣднюю во всѣхъ или многихъ отношеніяхъ высшею, до настоящаго времени не умерло въ Европѣ. Такое пренебреженіе или презрѣніе можно наблюдать, напримѣръ, въ отношеніяхъ англичанъ къ ирландцамъ, которые платятъ за это глупою ненавистью къ Англіи.

Государства новаго міра, построенныя, главнымъ образомъ, на національномъ началѣ, находятся на различныхъ ступеняхъ культуры. Ихъ интересы, несмотря на успѣхи просвѣщенія и на смягченіе нравовъ, остаются во многихъ случаяхъ обособленными, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и прямо враждебными. Вопросы сбыта продуктовъ фабричной промышленности и полученія сырья играютъ теперь выдающуюся роль, и значеніе этихъ вопросовъ для международныхъ отношеній изъ году въ годъ усиливается. Между государствами происходитъ истинная борьба за существованіе и каждое изъ нихъ стремится обезпечить рынокъ для своихъ фабрично-заводскихъ произведеній. Участъ маленькихъ государствъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ участъ маленькихъ капиталистовъ при соперничествѣ послѣднихъ съ крупными капиталистами: они должны или пасть въ борьбѣ, или до извѣстной степени подчиниться болѣе сильному сопернику.

Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего утѣшительнаго, но его нельзя оставлять безъ вниманія.

Станемъ теперь на чисто національную точку зрѣнія, на которую такъ любятъ становиться сторонники бездѣйствія въ международныхъ сноше-

нияхъ. Национальна ли виѣшняя политика Великобританіи?... Этотъ вопросъ можетъ вызвать улыбку у каждаго, кто слѣдилъ, хоть только по газетамъ, за исторіей послѣдняго времени. Смѣнялись господствующія партіи въ парламентѣ, измѣнялось общественное мнѣніе по отношенію къ вождямъ тори или виговъ, но и при Гладстонѣ, какъ при Биконсфильдѣ, иностранная политика въ Англіи остается въ существенныхъ чертахъ одна и та же. Если прежде у Турціи ловко отобрали Кипръ, то теперь еще болѣе ловко отбираютъ гораздо болѣе лакомый кусокъ—Египетъ. Кто протестуетъ (въ самой Великобританіи, конечно) противъ этихъ захватовъ?—Отдѣльные лица, какъ Джонъ Брайтъ, а громадное большинство и виговъ, и тори рукоплещетъ блестящимъ успѣхамъ англійскихъ войскъ и англійской дипломатіи.

Если британцы распоряжаются, какъ хозяева, въ странѣ фараоновъ, то французы дѣлаютъ то же самое въ Тунисѣ, австрійцы—въ Босніи и Герцеговинѣ, и т. д. Повторяемъ: хищничество остается хищничествомъ, и несправедливые захваты могутъ объясняться, а не оправдываться. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ крупныхъ хищниковъ и не думаетъ оправдываться, вполне довольствуясь объясненіями, предоставляя объясняться и другимъ хищникамъ, захватившимъ добычу въ иномъ мѣстѣ.

Естественно поэтому, что, съ національной точки зрѣнія, на правительствѣ каждаго народа лежитъ прямая обязанность обезпечить за этимъ народомъ выгодныя условія для соперничества съ сосѣдями—конечно, въ промышленномъ отношеніи, ибо въ области духовнаго развитія народы только выигрываютъ, свободно обмѣниваясь произведеніями своей мысли и воображенія. Торговые интересы, соединяясь съ тѣмъ чувствомъ племенного и культурнаго превосходства, о которомъ мы упомянули выше, ведутъ къ тому, что правительство либеральное дома отличается деспотическими приемами въ международныхъ отношеніяхъ и, наоборотъ, правительство, враждебное либеральному движенію въ собственной странѣ, поощряетъ революціонныя движенія у своихъ сосѣдей.

Каково же будетъ въ этой борьбѣ за существованіе положеніе государства, правительство котораго пожелаетъ руководиться въ своихъ отношеніяхъ съ другими державами не историческими интересами народа, а вѣчными принципами нравственности?—Оно напомнитъ, разумѣется, положеніе челоуѣка, на котораго нападаютъ вооруженные разбойники и который бросаетъ собственное оружіе, обращаясь къ нападающимъ съ словами любви и справедливости. Бывали случаи, когда подобное обращеніе поражало заснувшую совѣсть разбойника, но никто не станетъ отрицать за каждымъ челоуѣкомъ права самообороны. Невозможно отрицать этого права и за государствомъ, а дипломатія именно и должна служить народной самооборонѣ—или устраяя необходимость вооруженнаго столкновенія съ другимъ государствомъ, или создавая благопріятныя условія для этого столкновенія.

Было бы несправедливостью отрицать, что иногда то или другое государство руководствуется въ своей международной политикѣ не исключительно промышленными интересами. Оставляя въ сторонѣ династическія соображенія, которыя, ко вреду народовъ, рѣшали вопросы о войнѣ или мирѣ, упомянемъ о религиозныхъ войнахъ, — надо надѣяться, сдѣлавшихся въ Европѣ и Америкѣ невозвратнымъ достояніемъ прошлаго, — о войнахъ за идею, которыя велились, напримѣръ, первою Французскою республикой, наконецъ о войнахъ, въ основѣ которыхъ лежалъ національный принципъ, сочувствіе къ родственному племени, стремленіе объединиться съ нимъ. Изъ «Замѣтокъ о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ», хвалить которыя намъ мѣшаетъ то обстоятельство, что эти статьи появились также на страницахъ *Русской Мысли*, ясно видно, какъ переплетаются національныя идеи съ промышленными интересами, какая сложная и необычайно важная борьба завязалась на Балканскомъ полуостровѣ между Россіей и Габсбургскою монархіей, которую поощряетъ и поддерживаетъ Германія.

Нашлись политики, которые нисколько не огорчаются тѣмъ, что Россія утратила на Востокѣ свое прежнее вліяніе, которые не безъ добродушной серьезности совѣтуютъ уступить славянъ Балканскаго полуострова благодѣтельному покровительству Австро-Венгрии. Читателямъ *Русской Мысли* извѣстно, что Австрія не прочь разыграть роль *монархической Швейцаріи*. Но дѣйствительно ли для русскаго народа безразлична участь Болгаріи, Сербіи, Черногоріи?

Мы не будемъ говорить о духовной связи съ этими племенами. Эта связь одними крайне преувеличивается, другими совершенно неосновательно отрицается. Не будемъ говорить о ней потому, что поставимъ вопросъ на точку зрѣнія интересовъ исключительно русскаго народа.

По нашему мнѣнію, невозможно отрицать той выгоды, которую предоставило бы Россіи обладаніе проливами изъ Чернаго моря въ Средиземное. Если Англіи позволительно занять Египетъ, отчего же будетъ преступленіемъ съ нашей стороны занять Константинополь? Если расширять рынки для отечественной промышленности — прямая обязанность всякаго правительства, то почему же русское правительство должно отказаться отъ подобныхъ стремленій на Балканскомъ полуостровѣ?

Обратимъ вниманіе на то значеніе, которое имѣетъ славянская политика Россіи для внутренней жизни нашего государства. Мы говорили уже о томъ, что страна съ либеральными учрежденіями можетъ деспотически распорядиться съ иностранными государствами и съ неродственными племенами, и наоборотъ. Но такой образъ дѣйствій не проходитъ безслѣдно для внутренней жизни народа, въ глубинѣ котораго непрерывно совершается ростъ самосознанія. Если государство злоупотребляетъ своею силой, если оно пригнетаетъ другіе народы въ эгоистическихъ національныхъ цѣляхъ, то у націй, составляющей господствующее (или единствен-

ное) племя въ этомъ государствѣ, либо раскрываются глаза, либо въ жертву корыстнымъ расчетамъ, промышленному обогащенію она приноситъ и свою внутреннюю свободу, и свое мировое значеніе, какъ носительницы просвѣщенія, высшихъ интересовъ челоуѣчества. И, наоборотъ, освободительная политика государства по отношенію къ другимъ племенамъ (въ особенности родетвеннымъ) ведетъ къ тому, что подобныя же стремленія зарождаются и крѣпнущъ внутри государства, потому что сознающій свое достоинство народъ употребить всѣ усилія, чтобъ избѣгнуть упрека: врачу, исцѣлился самъ! Наши добрые сосѣди нѣмцы любезно совѣтуютъ намъ заняться исключительно соперничествомъ съ англичанами въ Туркестанѣ, Афганистанѣ, Персіи, Малой Азіи и Китаѣ; но въ Россіи и безъ того слишкомъ много Азіи, и безучастіе ея въ вопросахъ европейскіихъ поведетъ насъ къ оскудѣнію и въ экономическомъ, и въ политическомъ, и вообще въ культурномъ отношеніи.

Намъ необходимо, наоборотъ, неотступно слѣдить за faits et gestes западно-европейскихъ сосѣдей, за махинаціями честнаго маклера, за федеральными стремленіями Австріи, которая можетъ лишить всякаго смысла нашу славянскую миссію, если врачъ своевременно не исцѣлится. Съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ должны мы слѣдить за внутреннею жизнью болѣе насъ просвѣщенныхъ народовъ, чтобы во-время воспользоваться результатами ихъ усилій, чтобы претворить завоеванія европейской науки и искусства въ составныя части собственнаго просвѣщенія, чтобы самобытность русскаго народа не была самобытностью Китая, постыдной неподвижностью и тупымъ самодовольствіемъ.

Къ сожалѣнію, народы Запада въ настоящее время, въ особенности въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, представляютъ много печальнаго. Не будемъ говорить о враждебномъ настроеніи нѣмцевъ и французовъ другъ къ другу. Эта вражда и даже ненависть подтверждается многими фактами и составляетъ печальное наслѣдіе несправедливаго отторженія отъ Франціи части Лотарингіи и Эльзаса. Ненависть къ Германіи, правильнѣе — къ Пруссіи, къ господствующему въ ней милитаризму, ясно чувствуется въ сочиненіяхъ даже такихъ спокойныхъ мыслителей, какъ Ренанъ. Что въ Германіи ненавидятъ французовъ, это утверждаютъ не политическіе только дѣятели, но и совершенно безпристрастные наблюдатели. И французы не сомнѣваются въ этомъ. Такъ недавно Адольфъ Франкъ, въ письмѣ по еврейскому вопросу къ редактору *Лѣтописей христіанской философіи* (*Annales de philosophie chrétienne*, octobre 1882) говорить, что расовая ненависть особенно сильна въ Германіи, гдѣ ненавидятъ французовъ, ненавидятъ славянъ и семитовъ.

Взаимныя отношенія французовъ и итальянцевъ за послѣднее время немногимъ лучше отношеній между первыми и ихъ прирейнскими сосѣдями. Старое недовольство за вынужденную Наполеономъ III уступку Ниццы и Савойи, за противодѣйствіе занятію Рима и объединенію Италіи

усилилось въ последнее время, благодаря столкновенію французскихъ и итальянскихъ интересовъ въ Тунисѣ. Грубая борьба за существованіе разъединяетъ два родственныя и просвѣщенныя племена. Теперь во французской печати нерѣдко слышится рѣзкое осужденіе либераламъ, которые настойчиво добивались содѣйствія Франціи къ освобожденію Италіи отъ австрійскаго ига и къ объединенію маленькихъ государствъ Аппенинскаго полуострова въ одно государство подъ управленіемъ савойскаго дома. Огюсть Браше въ брошюрѣ, озаглавленной: «Италія, которую видятъ, и Италія, которую не видятъ» («L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas»), приводитъ поразительные факты проявленія ненависти къ французамъ со стороны итальянцевъ. Въ школахъ, въ университетахъ, въ печати, въ дипломатіи отражается эта вражда, принимая самыя разнообразныя формы. Нѣкоторые органы французской печати видятъ въ этомъ честолюбивые расчеты: Италія стремится къ гегемоніи надъ латинскими расами; она желаетъ разыграть по отношенію къ Франціи ту же роль, какую разыграла Пруссія по отношенію къ Австріи. И подобныя предположенія вызываютъ злые сарказмы, на которые такъ способенъ французъ.

На упомянутую брошюру Браше отвѣчалъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ общественныхъ дѣятелей, Криспи. Надобно замѣтить, что Криспи состоитъ почетнымъ президентомъ общества, носящаго многозначительное имя «Сицилійской Вечери» (Vespro Siciliano). Въ своемъ отвѣтѣ онъ старался опровергнуть обвиненія итальянцевъ въ упорной и систематической ненависти къ французамъ. Тогда Браше напечаталъ новую брошюру, подтверждающую все, сказанное имъ прежде. Эта брошюра заключаетъ въ себѣ много горькихъ выходокъ и, конечно, не въ состояніи содѣйствовать смягченію ненависти между двумя латинскими племенами.

Итальянцы, — говоритъ Браше, — самодовольно толкуютъ о своей дружбѣ съ Германіей. Посмотримъ, какъ отзываются нѣмцы объ итальянцахъ. И рядомъ выписокъ изъ нѣмецкихъ писателей Браше доказываетъ, что *tedeschi* весьма невысокаго мнѣнія о своихъ новѣйшихъ друзьяхъ. Мы не будемъ, конечно, приводить выписокъ изъ сочиненій Моммзена, Шопенгауэра и другихъ писателей, невыгодно и даже презрительно отзывавшихся о способностяхъ итальянскаго народа и въ особенности объ его нравственныхъ качествахъ. Мы упомянули объ этой полемикѣ какъ о печальномъ признакѣ враждебнаго настроенія между значительною, по крайней мѣрѣ, частью итальянскаго и французскаго общества, — настроенія, которое едва ли не въ одинаковой степени вредно отражается на дѣйствительныхъ интересахъ той и другой стороны. Спѣшимъ оговориться: невозможно отрицать, что промышленные интересы Франціи и Италіи, въ Тунисѣ, напримѣръ, трудно согласимы.

Гдѣ же выходъ изъ такого положенія? Какія же средства должна употребить дипломатія, чтобы смягчить и наконецъ прекратить это соперни-

чество между народами?—По нашему мнѣнію, лучшая политика есть та, которая прежде и больше всего заботится о распространеніи народнаго образованія и о развитіи либеральныхъ учреждений. Просвѣщеніе вооружаетъ народъ средствами для мирнаго соперничества съ близкими и отдаленными сосѣдами въ области промышленности и торговли. Просвѣщеніе и либеральныя учрежденія поднимаютъ въ народѣ сознаніе собственного достоинства и уваженіе къ другимъ народамъ. Каждая побѣда надъ предрасудкомъ или суевѣріемъ, каждая новая школа вѣрнѣе приближаютъ насъ къ разоруженію, къ освобожденію отъ гнета милитаризма, чѣмъ самый искусный дипломатическій договоръ. Естественно поэтому, какой глубокой интересъ возбуждаютъ усилія страны, съ особеннымъ увлеченіемъ и настойчивостью занявшей теперь святымъ дѣломъ народнаго образованія. Мы говоримъ о Франціи.

Въ одной изъ осеннихъ книжекъ *Новаго Обзорнія* (La nouvelle Revue, octobre 1882) помѣщена интересная статья Жоржа Ренара о преобразованіи народнаго обученія во Франціи и о послѣдствіяхъ этого преобразованія. Бываютъ въ жизни народа событія,—говоритъ названный писатель,—полныя блеска и шума, какъ выигранное или проигранное сраженіе, какъ паденіе королевской власти или сильнаго министра. Такія событія всего болѣе поражаютъ людей, обыкновенно не вдумывающихся въ смыслъ совершающагося. Другія событія проходятъ сравнительно мало замѣченными. Они совершаются, глубоко измѣняя самыя основы народной жизни и являясь сами результатомъ долгой и трудной работы. Подобныя событія происходятъ на нашихъ глазахъ: Франція преобразуетъ и совершенствуетъ свою систему народнаго обученія.

Несмотря на ожесточенное противодѣйствіе, на множество разнообразныхъ затрудненій, три великія цѣли,—говоритъ Ренаръ,—уже достигнуты. Первоначальное обученіе, во-первыхъ, сдѣлалось обязательнымъ и бесплатнымъ. Не будетъ болѣе дѣтей, осужденныхъ на невѣжество, запрещено преступленіе противъ будущаго (crime de lèse-avenir). Во-вторыхъ, школа отдѣлена отъ церкви, семьѣ возвращена подобающая ей свобода, торжественно признанъ принципъ свободы совѣсти. Наконецъ, образованіе женщины привлекло къ себѣ вниманіе правительства, понявшаго, что лучшее средство воспитать человѣка состоитъ въ томъ, чтобы дать образованіе будущей матери.

Недалеко то время,—продолжаетъ Ренаръ,—когда умѣнье читать было рѣдкостью во французскихъ деревняхъ. Лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ, не въ особенно большомъ разстояніи отъ Парижа, въ деревнѣ попадались альманахи, изъ которыхъ узнавали, когда будетъ и не будетъ луна,—нѣсколько фельетонныхъ романовъ, составляющихъ въ европейскомъ обществѣ то же, чѣмъ является опиумъ для китайцевъ,—наконецъ, двѣ-три газеты съ блѣдною окраской, почти безъ политическихъ статей. Теперь произошла огромная пережѣна. Газета проникаетъ въ глухіе за-

коулки, повсюду возбуждаетъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, сознание связи каждой маленькой деревушки съ великимъ государственнымъ цѣлымъ. Это цѣлое, это государство до сихъ поръ еще представляется французскому крестьянину какимъ-то фетишемъ, заслуживающимъ суевѣрнаго поклоненія и способнымъ сдѣлать все доброе и все злое.

Ренаръ замѣчаетъ, что широкое распространеніе образованія въ народѣ послужитъ и къ укрѣпленію единства страны, къ сближенію и уравненію различныхъ слоевъ населенія, къ установленію болѣе тѣсной связи между городомъ и деревней. До настоящаго времени во Франціи происходили (въ большихъ городахъ и преимущественно въ Парижѣ) трехдневныя или трехмѣсячныя революціи, за которыми слѣдовала шедшая изъ деревень реакція, продолжавшаяся отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. По этому поводу Ренаръ рассказываетъ слѣдующую басню. Была ссора между основаніемъ и вершиною горы. Вершина гордо возвышалась въ лазури, касаясь челою облаковъ. Она смотрѣла на лѣса, всползавшіе снизу, на синія волны озеръ, отражавшихъ ея образъ, и въ душѣ у нея была только презрительная жалость къ темному основанію горы. Но однажды это основаніе, которому надоѣло такое пренебрежительное отношеніе, всколыхнулось, и лучистая вершина низверглась жалкими обломками въ глубину ущелій и долинъ, а гора осталась навѣки обезображенною и навещаемо уныніе. Развязка плачевная для вершины, — замѣтимъ мы, — но печальная также и для основанія.

Затѣмъ, подѣ могучимъ вліяніемъ распространенія образованія окончательно исчезнутъ мѣстныя нарѣчія, оживить которыя попытаются въ новѣйшее время. Распространеніе письменности вліяетъ и на обработанный французскій языкъ, потому что написанныя буквы съ теченіемъ времени невольно начинаютъ произноситься. Лютре рассказываетъ, что въ его молодость произносили, напримѣръ, *les Et at (s)*—*un*is, т. е. *s* не звучало.

Ренаръ кончаетъ статью не крикомъ торжества, а выраженіемъ надежды. Путь пройденъ большой, но остающаяся часть дороги еще длиннѣе. Развитіе демократіи не скоро еще достигнетъ разцвѣта, но уже теперь свободному и образованному народу нужны такія литературныя произведенія, которыя отличались бы величіемъ и простотою, великодушіемъ и красотою, которыя, отпавляясь отъ дѣйствительности, устремляли бы къ высокому идеалу.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія. Томъ второй—Иранцы, томъ третій — Египтяне. *Marius Fontana*. (*Histoire Universelle. Les Iraniens. Les Egyptes. Marius Fontane*. Paris. 1881—1882).

Мы упоминали уже о первомъ томѣ этой всеобщей исторіи въ библиографическихъ замѣткахъ октябрьской книги *Русской Мысли*. Два новые

тома обширнаго труда Мариуса Фонтана отличаются такими же достоинствами, какъ и исторія ведической Индіи.

Передаемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе нѣкоторыхъ главъ изъ исторіи иранцевъ и египтянъ.

Знаменитая «Авеста» буквально означаетъ «книга и сборникъ законовъ». Точный смыслъ слова «Зендъ» неизвѣстенъ. Самый сборникъ называетъ себя: «священное слово». Творцомъ заключающагося въ немъ ученія является Зороастръ. Шебель отрицалъ существованіе этого мудреца. По мнѣнію Пиеагара, онъ былъ персъ; Амміанъ Марцелинъ и другіе считаютъ его бактрійскимъ царемъ; Лассенъ полагаетъ, что имя Зороастра было вставлено въ «Авесту» магами, и т. д.

Среди многихъ предписаній священныхъ книгъ возвышается предписаніе заботливо воздѣлывать землю и хорошо содержать животныхъ. Святымъ называется человекъ построившій домъ, поддерживающій огонь, трудящійся въ полѣ. Сѣмена, бросаема въ землю, поражаютъ демоновъ. Изъ животныхъ, которымъ Зороастръ требуетъ особаго покровительства, первое мѣсто занимаетъ собака. Строгія наказанія тому, кто испортитъ воду, вполне понятны въ странѣ, не имѣвшей избытка въ хорошей водѣ. Читателя поражаетъ, что нѣкоторыя постановленія о женщинахъ (беременныхъ) находятся въ той же главѣ, гдѣ говорится о собакахъ. Однако союзъ мужчины и женщины является дѣломъ особенно пріятнымъ добродушному божеству. Отцу принадлежитъ власть надъ дочерью, брату надъ сестрой. О придавомъ въ священныхъ книгахъ не упоминается. Бракъ заключался при благословеніи духовнаго лица, причемъ давались совѣты новобрачнымъ, вродѣ слѣдующихъ: говорите истину среди сильныхъ; не дѣлайте зла вашему ближнему; мягко отвѣчайте вашему врагу; не поддерживайте скупого; сохраняйте святымъ и свѣтымъ ваше тѣло; какъ тѣло и духъ друзья между собою, такъ будьте другомъ вашихъ братьевъ, вашей жены, вашихъ дѣтей. Несмотря на такія предписанія, женщина въ извѣстное время подвергается удаленію изъ дома и множеству возмутительныхъ обрядовъ, которые должны очистить ее въ глазахъ священнаго закона. Въбрачная любовь беспощадно преслѣдуется, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертной казни подвергаются не только виновные, но и ихъ ребенокъ. Мариусъ Фонтанъ полагаетъ, что это предписаніе составляетъ позднѣйшую жреческую вставку, иначе нельзя объяснить отсутствіе въ законѣ какихъ бы то ни было наказаній противъ женщинъ, жившихъ развратомъ.

Нравственный человекъ долженъ быть здоровымъ человекомъ, и бороться съ болѣзнями, со смертью—дѣло весьма почетное. Врачебное искусство поэтому высоко ставилось законодателемъ.

Въ эпоху преобразовательной дѣятельности Зороастра иранцы уже строили каменные дома. Касты были неизвѣстны, и всякій иранецъ былъ земледѣльцемъ, а затѣмъ священникомъ или воиномъ. Семья подчинялась

главъ, группа семей—вышему начальнику; городъ, состоявшій изъ этихъ группъ, подчинялся съ своей стороны единоличной власти; и наконецъ выше всѣхъ стоялъ глава государства. Воины вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли особаго начальника, какъ и земледѣльцы, жрецы и женщины. Во главѣ послѣднихъ должна была находиться женщина. Такое устройство, полагаетъ Фонтанъ, было *организованнымъ анархией* и исключало всякій деспотизмъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, и намъ кажется совсѣмъ неумѣстнымъ наименованіе этого строя *парламентарнымъ республиканизмомъ*. Самъ законодатель предвидѣлъ возможность появленія жестокаго и несправедливаго короля, заранѣе говоря, что такой король будетъ орудіемъ возмездія со стороны разгнѣваннаго на народъ божества. Но этотъ народъ, во имя Ормузда, призывается низвергнуть короля, нарушавшаго законъ.

Положеніе женщины въ древне-египетской семьѣ было иное, чѣмъ въ семьѣ иранской. Имущество, бывшее у ней до замужства, остается ея личною собственностью и передается ея дѣтямъ. Замѣчательно, — говоритъ Фонтанъ, — и это, быть-можетъ, единственный случай въ мірѣ, — во всей египетской литературѣ, во всемъ египетскомъ искусствѣ составляетъ необычайно рѣдкое исключеніе, если писатель высказался о чувствѣ любви. Отношенія между мужчиной и женщиной составляли для египтянъ такое же правильное, повторявшееся и однообразное явленіе, какъ разлитіе Нила. Египтянина характеризовала, — замѣчаетъ французскій писатель, — лѣтность сердца. По обычаю, жена была равна мужу. Но законъ не заключалъ въ себѣ подобныхъ предписаній, и супругъ могъ свободно покинуть свою подругу. Одинъ сановникъ (въ XX династію) хвалится тѣмъ, что не бросилъ своей жены, несмотря на то, что фараонъ возвелъ его въ высокое достоинство. Появленіе азіатскихъ женщинъ поколебало положеніе въ семьѣ женщины египетской, и Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что онѣ начали тогда обезпечивать себѣ извѣстную долю авторитета двговоромъ въ день брака.

Цензура во время первой имперіи. *Вельштинера* (La censure sous le grèmier empire. *Henri Welschinger*. 1882).

Наполеонъ I говорилъ на островѣ Св. Елены: «Мой сынъ будетъ принужденъ царствовать при свободной печати. Теперь это необходимо». Любопытно узнать подробности того опыта управленія государствомъ при подавленіи независимой печати, который привелъ Наполеона къ самоосужденію. Эти поучительныя подробности сообщаетъ, въ значительной степени по неизданнымъ документамъ, авторъ сочиненія, заглавіе котораго приведено выше.

Законодательное собраніе въ 1791 году торжественно отмѣнило цензуру; черезъ два года конвентъ издалъ слѣдующій законъ: «Бто будетъ

уличенъ въ сочиненіи или въ напечатаніи сочиненій, требующихъ распущенія національнаго представительства, возстановленія королевской власти или всякой другой власти, посягающей на верховенство народа, будетъ судимъ чрезвычайнымъ трибуналомъ и наказанъ смертью». По этому безумному закону до семидесяти писателей погибли на эшафотѣ.

Наполеонъ I наследовалъ революціонному деспотизму и замѣнилъ его единоличнымъ своимъ произволомъ. Въ печати онъ справедливо видѣлъ своего заклятаго врага, потому что она не давала заснуть мысли и совѣсти французовъ, поддерживала въ нихъ гаснувшее сознаніе челоувѣческаго достоинства.

17 января 1800 (27 новаго VIII) года были сразу закрыты шестьдесятъ газетъ изъ числа семидесяти трехъ, издававшихся въ ту пору во Франціи. Общество было измучено и напугано ужасающими событіями революціи и встрѣтило эту мѣру безъ протеста. Тогда правительство пошло дальше.

5 апрѣля того же года первый консулъ предложилъ министру полиціи, печально-знаменитому Фуше, навести точныя справки о нравственности и патриотизмѣ редакторовъ уцѣлѣвшихъ изданій. Предварительная цензура была распространена и на книги. Къ газетамъ, сохранившимъ тѣнь независимости, были приставлены особые цензора, имъ были навязаны оффиціозные сотрудники. Наполеонъ не выносилъ даже названій газетъ, которыя напоминали о самостоятельности общества, о свободѣ обсужденія политическихъ вопросовъ: онъ потребовалъ, напримѣръ, чтобы *Журналъ Дебатовъ* (Journal des Débats), особенно ему ненавистный, назывался *Журналомъ Имперіи*. Но однако слово *цензура* не нравилось Наполеону и онъ тщательно избѣгалъ его, громоздя для печати стѣсненіе за стѣсненіемъ. Оффиціальныи Монiteur строго заявлялъ: во Франціи нѣтъ цензуры,—а въ это время ни одной мысли, почему-либо неугодной правительству, ни одного факта, въ какомъ-либо отношеніи ему неприятнаго, не пропускали въ печать. Самъ Наполеонъ писалъ Фуше: «Моя воля, чтобы цензура не существовала, и я удивленъ, что въ моей имперіи употребляются формы, которыя могутъ считаться хорошими въ Вѣнѣ или Берлинѣ». Но Фуше зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и поторопился строжайшимъ устройствомъ цензуры.

Вельшингеръ съ прискорбіемъ указываетъ на тотъ фактъ, что писатели не безъ таланта и свѣдѣній выступили, въ качествѣ цензоровъ, покорными орудіями политики, стѣснявшей и искажавшей французскую мысль. Требования Наполеона росли все болѣе и болѣе. Одинъ изъ академиковъ задумалъ было заняться Мирабо, съ политической точки зрѣнія. Наполеонъ пишетъ министру полиціи: «Когда же станемъ мы благоразумными? Когда каждый изъ насъ будетъ имѣть здравый смыслъ, чтобы ограничиваться своими обязанностями? Что общаго у французской академіи съ политикой?—Не болѣе, чѣмъ между правилами грамматики и во-

еннаго искусства». Управление дѣлами печати должно было, по мысли императора, не только препятствовать распространенію вредныхъ, съ его точки зрѣнія, сочиненій, но обязано было укрѣплять добрыя начала, развивать довѣріе къ правительству и релігіозныя чувства среди французскаго общества. Послѣдствія показали все высокоуміе и всю неосновательность этого притязанія воспитывать умъ и совѣсть многомилліоннаго населенія.

Тяжелѣе всего приходилось, конечно, политическимъ газетамъ. Бонапартъ говорилъ, что онъ не сохранитъ власти и на три мѣсяца, если не обуздаетъ печать. Для достиженія цѣлей, на которыя ушло столько французской крови, ради которыхъ опустошалась Европа, требовалась полная придавленность общественнаго мнѣнія, полное подобострастіе газетъ и журналовъ. Одна изъ провинціальныхъ газетъ вздумала сказать нѣсколько словъ о вздорожаніи хлѣба. За эту смѣлость изданіе было окончательно запрещено. Другая газета, *Vedette de Rouen*, закрыта за то, что признала рѣчь президента института къ первому консулу внушенною двадцать первую книгой «Телемака». Само собою разумѣется, что цензура свирѣпствовала и надъ иностранными изданіями, которыя привозились во Францію. Находились однако неустрашимые журналисты, честно, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ отстаивавшіе независимый взглядъ на вещи. Таковъ былъ *Citoyen Français*. Наполеонъ пишетъ Фуше: «Перемѣните редактора этого журнала или совсѣмъ запретите изданіе». *Французскій Гражданинъ* долженъ былъ превратиться въ *Французскаго Курьера*, такъ какъ слово *гражданинъ* звучало воспоминаніемъ о политической и гражданской свободѣ. Министръ полиціи потребовалъ отъ академика Сюара, издателя газеты *Публицистъ*, чтобъ онъ постарался *исправить* распространенное мнѣніе по поводу суда и казни герцога Энгіенскаго. «Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, — отвѣтилъ Сюаръ, — мой умъ и моя совѣсть еще не ослабѣли. Судъ и смерть герцога поразили меня, какъ политическій актъ, который я оплакиваю, который опрокидываетъ всѣ мои идеи о справедливости и человѣчности. Я не могу, слѣдовательно, выступать противъ мнѣнія, которое самъ раздѣляю».

Понятное дѣло, что такимъ языкомъ говорили не многіе. Всякое противорѣчіе, каждое независимое слово раздражали Наполеона, и онъ изъявлялъ намѣреніе уничтожить всѣ газеты, имѣть только одинъ органъ на всю Францію, вполнѣ, разумѣется, подчиненный видамъ и намѣреніямъ правительства. А эти виды и намѣренія, черезъ катастрофу въ русскоумъ походѣ и ватерлооское пораженіе, довели страну до послѣдней степени униженія и разоренія. Зловѣщія птицы, какъ называлъ Наполеонъ журналистовъ, не напрасно, рискуя своимъ положеніемъ и своею личною свободой, предостерегали французское общество.

Наполеонъ не довольствовался тѣмъ, что конфисковалъ совѣсть журналистовъ, — онъ предписалъ, чтобы значительная часть, до одной трети,

дохода отъ повременнаго изданія поступала въ казну, и эти деньги должны были поступать въ министерство полиціи. Что касается до немногихъ провинціальныхъ газетъ, то имъ было приказано всѣ политическія извѣстія перепечатывать изъ официальнаго *Moniteur'a*. Наконецъ, декретомъ 3 августа 1810 года предписано, чтобы существовала только одна провинціальная газета на каждый военный округъ, и такимъ образомъ были закрыты, безъ всякаго повода, 104 изданія (изъ ста тридцати двухъ). «Мысль,—говоритъ Вельшингеръ,—была изгнана изъ періодической печати, всѣ болѣе или менѣе способные люди покинули это поприще и въ газетахъ раздавались только гимны побѣдамъ Наполеона. Военный геній императора, блескъ военной славы, на которую такъ падохъ французскій народъ, облегчили водвореніе мирнаго и безмолвнаго житія во Франціи. Но крушеніе было недалеко».

Чтобы развлечь общество, утомляемое однообразіемъ официозныхъ изданій и невольною безцвѣтностью независимыхъ, правительство возбуждаетъ искусственно, хоть и не особенно искусно, споры по музыкальнымъ вопросамъ, и т. п.

Паденіе Наполеона показало, какіе гнусные инстинкты развила его система, какую неутолимую злобу накопила она въ обществѣ. Со всѣхъ сторонъ посыпались проклятія на низложеннаго императора, и вчерашніе презрѣнные льстецы расточали теперь брань и оскорбленія громче и больше всѣхъ. Сто дней показали, что Наполеонъ созналъ свою ошибку, но было уже поздно.

Вкусъ и совѣсть. *Морица Каррьера* (*Geschack und Gewissen. Moriz Carriere. Breslau. 1882.*)

Въ брошюрѣ этого писателя, пользующагося заслуженною извѣстностью, поднимаются вопросы, которые давно уже составляютъ предметъ разсужденій и споровъ.

Вкусъ субъективенъ, это всѣмъ извѣстно; но это не исключаетъ признанія общихъ основъ прекраснаго и, слѣдовательно, науки о прекрасномъ (*Wissenschaft vom Schönen*). Эта наука,—говоритъ Морицъ Каррьеръ,—далека отъ законченности, какъ и всѣ другія науки, имѣющія свою цѣль разработку вопросовъ въ области духовной жизни.

Близкая связь эстетики и ученія о нравственности признается многими мыслителями. Гербартъ ставитъ этику, какъ часть эстетики, потому что доброе и прекрасное въ одинаковой степени заслуживаютъ наше одобреніе, а постыдное и отвратительное—наше порицаніе. Съ другой стороны, Ульрици учитъ, что прекрасное есть одно изъ нравственныхъ понятій, не имѣя никакого отношенія къ нашимъ естественнымъ потребностямъ и влеченіямъ, являясь для насъ долженствующимъ быть тѣмъ, осуществленію чего мы обязаны (нравственно) содѣйствовать.

Мориц Каррьеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ вопросахъ нравственности (добра) мы цѣнимъ не внѣшность, а смыслъ, внутреннее побужденіе того или другого дѣйствія. Противоположное происходитъ въ области прекраснаго: специально-эстетическое заключается въ формѣ.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы прекрасное было для насъ данымъ и вполне готовымъ. Звуки музыкальной симфоніи, краски картины суть наши ощущенія; внѣ насъ происходятъ только колебанія воздуха и эира, беззвучныя и безцвѣтныя. Не всѣ ощущенія вызываетъ въ насъ чувство эстетическаго удовольствія, а лишь тѣ, которыя возбуждаютъ здоровое жизненное настроеніе. Прекрасное есть проникновеніе дѣйствительнаго идеальнымъ, единство въ разнообразіи нашихъ многочисленныхъ представленій и влеченій. Вещи намъ нравятся или не нравятся, смотря потому, соответствуютъ ли онѣ или не соответствуютъ всему нашему существу. И въ этомъ лежитъ основаніе субъективной оцѣнки эстетическихъ явленій, ибо только наше собственное сознаніе можетъ засвидѣтельствовать упомянутое соответствіе или несоответствіе.

Кантъ утверждалъ, что нельзя называть прекраснымъ все то, что кому-либо нравится. Наше сужденіе должно носить общій характеръ, чтобы быть эстетическимъ, потому что прекрасное не можетъ не нравиться и является какъ бы свойствомъ вещей. Это справедливо, — говоритъ Каррьеръ, — только требуетъ болѣе глубокаго обоснованія.

Нашъ духъ уподобляется зародышу, жолудю, изъ котораго при нормальныхъ условіяхъ развивается дубъ. Это понятіе развитія вполне переносится и въ область нравственнаго и прекраснаго. Душѣ челоуѣка, — говоритъ нѣмецкій мыслитель, — прирожденъ идеаль, какъ прирождено зародышу организаціонное начало, по которому растетъ и достигаетъ зрѣлости каждое животное, каждое растеніе. Еслибы нравственный и эстетическій законъ былъ непосредственно и вполне заложенъ въ нашешъ духѣ, то мы должны были бы слѣдовать ему, какъ матерія слѣдуетъ закону тяготѣнія, то-есть мы были бы несвободны. Еслибы этотъ законъ былъ просто только представленіемъ нашего сознанія, то за нимъ не лежалъ бы никакой принудительной силы. Самосовершенствованіе и любовь являются великими законами нравственнаго міра; возрѣніе на чувственно-(не въ особомъ смыслѣ этого слова, конечно)-совершенное и ощущеніе міровой гармоніи есть прекрасное. Но нашъ разсудокъ не рѣдко ошибается, признавая то или другое явленіе добромъ или зломъ, прекраснымъ или отвратительнымъ. Человѣкъ развивается въ определенной средѣ, и эта среда, въ свою очередь видоизмѣняющаяся исторически, вліяетъ прямо или косвенно на индивидуальныя ощущенія, на индивидуальную мысль. Кто воспринялъ нагорную проповѣдь, тотъ стремится не къ тому только, чтобы не быть воромъ и убійцею, а къ дѣятельному, полному любви служенію своему ближнему. Совѣсть, какъ и вкусъ, субъ-

ективна и способна къ развитію (*Das Gewissen wie der Geschmaek ist subjectiv, ist bildbar*).

Какъ въ нравственномъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи существуютъ общія понятія, отверженіе которыхъ мы называемъ безсовѣстнымъ и безвкуснымъ. Сходство человѣческой природы обуславливаетъ этотъ фактъ, и совѣсть и вкусъ, доброе и прекрасное взаимно вліяютъ въ развитіи нашей духовной жизни. Мы нуждаемся въ прекрасномъ, потому что оно приводитъ насъ въ восторгъ, доставляетъ намъ счастье. Жанъ Поль справедливо сказалъ о Гердерѣ и Шиллерѣ: «они должны были сдѣлаться лѣкарями; но судьба сказала: существуютъ раны и страданія глубже тѣлесныхъ,—лѣчите ихъ. И оба стали писателями». Знаменитый Фихте высоко ставилъ призванія художника, который долженъ воплотить въ прекрасномъ образѣ то, что составляетъ принадлежность всѣхъ образованныхъ умовъ, что имѣетъ всеобщее значеніе. Морицъ Каррьеръ включаетъ свою брошюру слѣдующими словами: «Все прекрасное въ высокомъ смыслѣ одновременно и индивидуально, и типично; равнымъ образомъ и эстетическій вкусъ въ одно и то же время и личенъ, и всеобщъ».

В. Гольцевъ.

ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Много шума надѣлали въ рабочемъ мірѣ, въ официальныхъ сферахъ и въ публикѣ событія, происшедшія въ Монсо-ле-Минѣ, а именно: буйство рудокоповъ, предстоящій процессъ, анонимныя угрозы и репрессивныя мѣры. Взрывъ негодованія рабочихъ въ каменно-угольныхъ копяхъ бассейна Соны и Луары, былъ ли онъ произвольный, или вызванный, имѣлъ тотъ результатъ, что онъ обратилъ общее вниманіе на бѣдственное положеніе рабочихъ. Копи во Франціи не могутъ разрабатываться безъ разрѣшенія правительства; классы стоявшіе у кормила правленія до 1848 г. пользовались этимъ, добивались концессій и мало-по-малу дѣлались собственниками настоящихъ промышленныхъ удѣловъ.

На дняхъ была напечатана весьма интересная брошюра, извлеченіе изъ доклада, представленнаго на конгрессѣ рабочихъ восточнаго департамента нѣкимъ рѣзчикомъ Дюмэ, делегатомъ синдикальной палаты металлургистовъ Крезю. Брошюра заключаетъ въ себѣ раздражающія душу подробности о томъ, какъ производится и оплачивается работа на большихъ заводахъ Крезю и какъ компанія обращается съ рабочими. Главнымъ поводомъ къ раздраженію послужили не столько непосильный трудъ и плохое вознагражденіе за него, сколько посягательство на религіозныя и политическія убѣжденія рабочихъ. Зачастую рабочій увольняется лишь за чтеніе какого-нибудь неправящагося журнала, за то, что въ его комнатѣ находится изображеніе Республики и за пѣніе анти-клерикальныхъ пѣсень, и все это въ республиканскомъ государствѣ. Пятнадцать лѣтъ

тому назадъ рабочій день состоялъ изъ восьми часовъ, а теперь изъ десяти, да къ тому же плата бываетъ не рѣдко ниже чѣмъ въ прежнее время. Авторъ брошюры указываетъ на бѣдственное положеніе рудокоповъ въ рудникахъ Мазенѣ (Сона и Луара), отданныхъ на концессию «компаніи желѣзодѣлательныхъ и каменноугольныхъ заводовъ Крезю». Галлерей въ этихъ рудникахъ имѣютъ отъ 7 до 8 метровъ ширины и, смотря по толщинѣ жилы, отъ 50 до 60, а иногда и до 48 сантиметровъ вышины, такъ что двое рудокоповъ должны работать въ лежащемъ положеніи на противоположныхъ сторонахъ, чтобы не мѣшать другъ другу. Легко представить себѣ, что подобное положеніе десяти, а иногда и двѣнадцати часовъ составляетъ настоящую муку для рабочихъ, въ особенности если грунтъ еще пропитанъ на два или на три сантиметра водой. Эта работа тѣмъ болѣе убійственна, что, вслѣдствіе сырости, рабочіе не могутъ отдохнуть ни минуты, не чувствуя озноба, и для того, чтобы согрѣться, должны работать еще усиленнѣе. Эти люди получаютъ среднимъ числомъ 100 франковъ въ мѣсяцъ, а тѣ, которые вывозятъ изъ шахты каменный уголь, — 70 франковъ. Эти послѣдніе тоже должны работать при неестественномъ положеніи тѣла при нагрузкѣ своихъ тачекъ. Авторъ брошюры указываетъ на то, что одинаковое число рабочихъ, плавившее, пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 24 часа отъ 12 до 15.000 килограммовъ, получаетъ за свой трудъ самое большее отъ 5 до 5 фр. 50 сантим. вмѣсто прежнихъ 8 и 10 фр., а между тѣмъ они принимали не малую долю участія въ усовершенствованіи разныхъ инструментовъ, употребляемыхъ на заводахъ. Ремесло пудлингованія желѣза, заключающееся въ постоянномъ размѣшиваніи расплавленной массы для переработыванія ея въ желѣзо, требуетъ богатырскаго сложенія и вѣрнаго здоровья, которое можетъ поддерживаться только здоровой, питательною пищей. Между тѣмъ жизненные припасы, въ особенности же вино, вздорожали, а заработная плата понизилась до 5 фр. 50 с. или 6 фр. главному работнику и 3 фр. 50 сантим. или 4 фр. двумъ его помощникамъ. Работа, напротивъ, значительно увеличилась, потому что, вслѣдствіе усовершенствованія топки, рабочій накладываетъ печь вмѣсто восьми разъ въ сутки по 170 и 180 килограммовъ каждый разъ, по одиннадцати, двѣнадцати и даже тринадцати разъ, на 30 килограммовъ больше при каждой кладкѣ. Сверхъ того, вслѣдствіе дѣленія желѣза на первый и второй сортъ, получается убытокъ въ 1 фр. 90 с. въ сутки, такъ какъ желѣзо перваго сорта продается по 3 фр. 50 с. за 1.000 кил., а втораго сорта—по 2 фр. За послѣднее у рабочаго дѣлается вычетъ, хотя признано физически невозможнымъ выработать желѣзо исключительно перваго сорта. Въ плюцильномъ отдѣленіи рабочимъ приходится еще хуже. Вмѣсто того, чтобы дѣлать полосы на первый и второй сорта, ихъ просто принимаютъ, или не принимаютъ, и въ послѣднемъ случаѣ за нихъ рабочему не платятъ ничего; подобнаго рода вычеты дохо-

дать до 10.000 фр. въ годъ, при производствѣ на 150.000 фр. Компания установила строгія наказанія за малѣйшія провинности; она налагаетъ штрафы и рабочій волей-неволей долженъ нести непосильное бремя. Прикрываясь лицеѣрной филантропией, компания открыла рабочимъ пріятную перспективу сдѣлаться собственниками. Она построила имъ домики съ садиками, разсрочивъ платежъ за нихъ на нѣсколько лѣтъ, но при этомъ поставила условіемъ, что, въ случаѣ если они уйдутъ съ завода раньше окончательной уплаты, домикъ поступаетъ въ собственность компании безъ возврата уплаченныхъ уже за него денегъ. Множество женщинъ занимаются подметаньемъ мастерскихъ, перевозкой въ тачкахъ руды и очисткой угля; за свой трудъ онѣ получаютъ 2 франка, или 1 фр. 75 с. и даже 1 фр. 22 сант. Молодыя дѣвушки занимаются нагрузкой и разгрузкой вагоновъ и за одиннадцати-двѣнадцатичасовой трудъ выручаютъ не болѣе 60 или 75 сант. Несчастные случаи не рѣдки на этихъ большихъ заводахъ и— что же?—въ случаѣ смерти кого-либо изъ рабочихъ, вдовѣ дается 20 фр. въ мѣсяцъ, а каждому изъ малолѣтнихъ дѣтей по 5 фр. Авторъ брошюры говоритъ, что прежде назначалось еще меньше; сынъ родившійся по смерти рудокопа получалъ отъ Шнейдера пенсію по 2 су въ день до двѣнадцатилѣтняго возраста, а вдова—10 фр. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ увѣчья рабочій получаетъ ежемѣсячную пенсію въ 30—35 фр. или должность сторожа при магазинѣ, или клеймилщика, съ платою по 60 фр. Раненные не смѣютъ обращаться съ жалобами въ судъ, который всегда держитъ сторону компании; кромѣ того, они боятся увольненія родителей. Что же касается вспомогательной и пенсіонной кассы, то съ 1872 г. она не поддерживается болѣе вычетами 2% изъ жалованья рабочихъ, а процентами съ капитала, получаемого отъ штрафовъ и вычетовъ за провинности и неисправности. Кромѣ того компания внесла въ эту кассу 2% съ заработной платы для холостыхъ и 5% для женатыхъ, изъ которыхъ 3% отчисляется на мужа и 2% на жену. При этомъ компания постановила, что, въ случаѣ добровольнаго или вынужденнаго ухода съ завода, рабочій теряетъ право на пользованіе пенсіей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться внесенной на его имя суммой раньше 50-ти-лѣтняго возраста. Вычислено, что по истеченіи 25 или 30 лѣтняго срока работы это составитъ пенсію отъ 90 до 100 фр. въ годъ. Къ сожалѣнію, назначеніе 5% пенсіи совпало съ пониженіемъ платы на 20%, отъ чего акціи завода Крезю, ходившія въ 1879 г. по 1.600 фр., повысились до 1.700. Мало-помалу мѣстные мелкіе коммерсанты стали въ вассальныя отношенія къ компании, а правительство, благодаря ненормальному избирательному давленію, тоже приняло ея сторону.

Авторъ брошюры доказываетъ, что дѣло ведется точно такъ же въ Бланзи, Эпинагѣ и Монсолеминѣ, въ бассейнѣ Луары. Въ Монсолеминѣ буйство рабочихъ выразилось въ ломанья крестовъ на улицахъ и дорогахъ, въ низверженіи Мадонны и въ разрушеніи часовни, у которой взо-

рвали динамитомъ архитектурное украшеніе, выломали двери и поломали всѣ скамьи. Двадцать три рабочихъ были арестованы и дѣло ихъ передано въ ассизный судъ Шалона (на Сонѣ). По случаю безпорядковъ въ Монсолеминѣ, правительство приняло всевозможныя мѣры предосторожности.

Рабочіе Монсолемина имѣли свои общества, даже свои синдикальныя палаты. Въ процессѣ выяснилось, что для допущенія въ эти общества необходимы испытанія, напоминающія испытанія франмасоновъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе собирались въ лѣсу, вѣроятно изъ опасенія быть уволенными съ завода, въ случаѣ доноса на нихъ. Многіе упрекаютъ правительство въ томъ, что оно до сихъ поръ не утверждаетъ синдикальныхъ палатъ на основаніи выбора делегатовъ всѣми членами корпораціи и такимъ образомъ даетъ возможность образованію рабочаго карбонаризма. До сихъ поръ не обнаружено сношеній между монсолеминскими рабочими и вожаками революціонныхъ партій. Правда, въ Парижѣ и въ Ліонѣ было арестовано много анархистовъ, но большая часть изъ нихъ, по недостатку уликъ, была выпущена на свободу. Эмиль Готье былъ арестованъ въ ту минуту, какъ онъ собирался ѣхать на конференцію въ Вилльфраншъ. Его привезли въ Шалонъ (на Сонѣ) и посадили въ тюрьму. Его бумаги и письма были пересмотрѣны, но едва ли нашлось въ нихъ доказательство его сношеній съ монсолеминскими рабочими.

Въ Парижѣ едва не возникло другое дѣло, не менѣе важное, чѣмъ монсолеминское, а именно стачка мебельщиковъ. Вотъ въ чемъ заключается это дѣло: 17 іюля 1880 года между хозяевами и мастеровыми-мебельщиками былъ заключенъ контрактъ о прибавкѣ 20% къ задѣльной платѣ и объ учрежденіи смѣшанной комиссіи, состоящей изъ хозяевъ и рабочихъ, которая назначала бы цѣны за работу отдѣльной вещи, плата за которую не можетъ быть опредѣлена раньше. Это условіе было вызвано художественностью подобнаго рода работы и невозможностью опредѣлять заранѣе ея трудности и достоинства. На дняхъ хозяева объявили рабочимъ о своемъ желаніи уничтожить этотъ контрактъ. Рабочіе воспротивились этому и прекратили работы. Хозяева съ своей стороны устроили стачку и собрали милліонъ фран. для борьбы съ рабочими. Результатомъ этого было то, что болѣе 15.000 рабочихъ остались безъ крова. На собраніи хозяевъ 208 голосовъ были за стачку и 62 противъ нея; 212 воздержались отъ подачи голосовъ. Хозяева долго не могли прійти къ соглашенію. Правительство съ своей стороны приняло къ свѣдѣнію жалобы хозяевъ, но не рѣшилось обѣщать имъ поддержку. Въ концѣ концовъ хозяева пожелали прійти къ личному соглашенію между хозяевами и рабочими каждой фабрики. Рабочимъ удалось разсѣять составленную противъ нихъ коалицію и хозяева наконецъ сдались.

Палаты открыли свои засѣданія. Между законопроектами, предложенными партіей гамбеттистовъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе законъ противъ рецидивистовъ; но законъ этотъ не пользуется популярностью.

Законодатель о промышленных синдикатах, урванный сенатомъ, выступилъ снова въ палатѣ и депутаты, повидимому, рѣшились возстановить прежній текстъ, по которому синдикатамъ однородныхъ промысловъ дозволено было соединяться такимъ образомъ, чтобы призваніе къ суду кооперативнаго собранія могло бы быть возможнымъ. Но рабочіе мало придають значенія реформамъ, которымъ привилегированныя сословія ставятъ всевозможныя препоны, тайныя и явныя. Депутатъ Блансюбе имѣлъ наивность предложить, чтобы десятая часть дохода компаній была предоставлена рабочимъ, которые, благодаря этому, могли бы сдѣлаться акціонерами; но этотъ проектъ, свидѣтельствующій только о добродушіи депутата, вызвалъ улыбку рабочихъ, — они слишкомъ хорошо понимаютъ неисполнимость этого предложенія. Между депутатами и сенаторами есть не мало лицъ, стоящихъ во главѣ большихъ компаній. Во дни президентства Тьера, друзья компаніи рудниковъ Анзина заявили не безъ нѣкотораго тщеславія, что администрація рудниковъ собиралась въ Елисейскомъ дворцѣ, что президентъ этой компаніи не кто иной какъ президентъ республики Тьеръ, а члены совѣта — министры Казимиръ Перье и другіе. И теперь, не говоря уже о Дюклерѣ, который былъ прикосновененъ къ дѣламъ часто весьма неблаговиднаго свойства, можно указать на членовъ бывшаго министерства: Казо изъ министра юстиціи превратился въ управляющаго «Société d'Alois au Rhône»; Поль-Беръ изъ министра народнаго просвѣщенія сдѣлался управляющимъ «Центральною кассой работъ и сбереженій», Леперь, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ — управляющимъ магазинами и складами «Городъ Лионъ», а Бонстанъ, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ — однимъ изъ директоровъ «Агентства Гаваса»; Леонъ-Се — повѣренный Ротшильда, Пуз-Картъ — одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ Руана; Ферри, бывший министръ, благодаря своему браку, вступилъ въ одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ домовъ восточнаго департамента; Флоне — будущій министръ — родственникъ крупныхъ фабрикантовъ Вестнеръ.

Клемансо, созвавшій своихъ избирателей Монмартра въ циркъ Фернандо, чтобы дать имъ отчетъ въ своихъ полномочіяхъ, едва не потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и Гамбетта въ прошломъ году на избирательномъ собраніи въ Шароннѣ. Оппозиція, встрѣченная имъ, не была непредвидѣнной, — его бывшіе политическіе товарищи недовольны имъ, а Гамбетта не можетъ простить ему того, что онъ умалилъ его популярность. Революціонеры-соціалисты округа собрались въ большомъ количествѣ, съ цѣлью навязать своего врезидента въ лицѣ муниципальнаго совѣтника Жоффрена, избраннаго Монмартромъ въ ратушу и будущаго соперника Клемансо въ палатѣ депутатовъ. Всѣ журналы говорили въ одинъ голосъ, что критическая часть рѣчи была замѣчательна и что Клемансо мастерски охарактеризовалъ всѣхъ министровъ, павшихъ одинъ за другимъ въ такое короткое время. Воспользовавшись перерывомъ одного

анархиста, отрицавшего любовь къ отечеству, онъ краснорѣчиво доказывалъ свою любовь къ Франціи и необходимость жертвовать для нея всёми. Приступивъ къ жгучему вопросу, онъ изобразилъ всё нужды рабочихъ, вызывающія ихъ законное негодованіе, и порицалъ насилие. Послѣ рѣчи депутатъ Монмартра пожелалъ, по обыкновенію, перейти къ очереднымъ дѣламъ, но одинъ избиратель, бывшій членъ коммуны и ораторъ партіи рабочихъ, Клеманъ, обладающій здоровыми легкими, потребовалъ поставить сначала вопросы, которые сторонники депутата и самъ депутатъ нашли нескромными. Произошелъ страшный шумъ и засѣданіе было прекращено. Клемансо удалился безъ голосованія и на слѣдующій день напечаталъ свою рѣчь въ своемъ журналѣ Justice.

Другой депутатъ крайней лѣвой, Генри Море, главный редакторъ журнала Radical, изложилъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ избирателямъ, настоящій обвинительный актъ, направленный противъ Гамбетты. Какъ и Клемансо, онъ настаивалъ на необходимости сдѣлать всё учрежденія болѣе республиканскими. При этомъ онъ сказалъ: «Два раза мы теряли республику, благодаря государственнымъ переворотамъ; если мы утратимъ ее въ третій разъ, то это будетъ по нашей винѣ. Если мы желаемъ утвердить республику, мы должны сохранить отечество». Въ другомъ мѣстѣ своей прекрасной рѣчи Море говоритъ: «Я не знаю ни одного проекта, ни одной реформы, имѣющихъ цѣлью дѣйствительное улучшение социальнаго положенія и счастье слабыхъ, которые я не былъ расположенъ поддерживать. Но я отвергаю употребленіе динамита и не могу понять, чѣмъ это взрывчатое вещество можетъ способствовать социальному благоденствію. Я очень хорошо понимаю, что когда мы будемъ разорваны на части, мы ни въ чемъ не будемъ нуждаться, но я предпочитаю нуждаться въ чемъ-нибудь и получить желаемое. Я знаю очень хорошо, что существуютъ люди, презирающіе насъ, реформаторовъ, и считающіе насъ болѣе опасными, чѣмъ реакціонеры. Эти люди желаютъ, чтобы народъ былъ еще несчастнѣе, чтобы его ненависть возросла и чтобы въ своей ярости онъ разомъ покончилъ и съ угнетеніемъ, и съ угнетателями. Я не одобряю этого ученія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я считаю преступленіемъ созидать счастье на цѣломъ рядѣ бѣдствій; во-вторыхъ, взрывы народнаго негодованія вызывали до сихъ поръ одни убійства, а не улучшеніе. Граждане! я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые вѣрують въ могущество злобы. Я вѣрую, напротивъ, въ могущество братской любви. Злоба разрушаетъ, но не созидаетъ. Не злоба устроила ночь на 4-е августа, бывшее началомъ французской революціи, когда привилегіи и льготы начали ускользать изъ рукъ привилегированныхъ сословій и возникло равенство всѣхъ сословій. Не злоба внушила празднованіе союза, когда вся Франція соединилась въ одномъ желаніи свободы. Но когда явилась ненависть, когда революціонеры обратились другъ противъ друга, чувство солидарности начало мало-по-малу исчезать и человѣкъ»

въ галунѣ и шпорахъ могъ легко стать на трупъ окрѣвавшей республики. Море первый изъ всѣхъ ораторовъ возсталъ открыто противъ сторонниковъ динамита; онъ стоялъ за безусловную свободу, между тѣмъ какъ Клемансо на половину якобинецъ.

Для многихъ депутатовъ можетъ служить уздой то, что они ежегодно послѣ каждой сессіи обязаны объясняться съ своими избирателями, которые являются какъ бы ихъ судьями. Гамбетта не созывалъ въ этомъ году своихъ избирателей: онъ опасался еще большихъ неудачъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ потерпѣлъ годъ тому назадъ.

Самый извѣстный депутатъ Парижа (квартала Пантеона) Луи Бланъ, котораго тяжкая болѣзнь держитъ вдали отъ парламентскихъ дѣлъ, считалъ нужнымъ представить своимъ избирателямъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за прошлый годъ. Въ немъ онъ краснорѣчиво изложилъ всѣ требованія рабочихъ за истекшія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, но онъ не указалъ ни на одно средство, могущее облегчить ихъ положеніе. Онъ ограничился только заявленіемъ о пользѣ социалистическаго государства. Публика нашла такое заключеніе неудовлетворительнымъ. Нашлись журналисты, удивлявшіеся тому, что Луи Бланъ, пользующійся уваженіемъ и засѣдающій въ парламентѣ болѣе одиннадцати лѣтъ, до сихъ поръ не внесъ ни одного предложенія, которое имѣло бы цѣлью облегченіе рабочихъ массъ. Дѣло въ томъ, что Луи Бланъ, самый честный и искренній чело­вѣкъ въ мірѣ, преимущественно литераторъ. Многие литераторы дѣлались политиками, благодаря своимъ сочиненіямъ, но они во всѣхъ задачахъ и событіяхъ видѣли одну драматическую сторону и вмѣсто того, чтобы принимать дѣятельное участіе въ разрѣшеніи задачъ и вопросовъ, оставались *репортерами*, или простыми зрителями.

Члены теперешняго кабинета не пользуются обаяніемъ, не исключая даже главы его, который замѣшанъ во многихъ неблаговидныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Что можетъ способствовать паденію кабинета, такъ это оппозиція Тирара, возстающаго противъ договора, заключеннаго его предшественникомъ Леономъ Сэ съ орлеанской желѣзнодорожною компаніей въ ущербъ казнѣ. Дѣло идетъ объ уравниженіи бюджета, внесеніемъ впередъ двухсотъ съ чѣмъ-то милліоновъ компаніей, которая, само собою разумѣется, не упуститъ своихъ выгодъ и не замедлитъ обратиться за кредитомъ къ публикѣ. Тираръ предложилъ правительству прямо обратиться къ публикѣ посредствомъ выпуска облигацій казначейства. Такъ какъ это невыгодно для крупныхъ финансистовъ, то Тираръ можетъ наткнуться на подводный камень.

Махинаціи финансистовъ до такой степени даютъ себя знать, что городъ Парижъ, несмотря на старанія своего муниципальнаго совѣта, не знаетъ какъ предотвратить печальныя послѣдствія монополіи газовой компаніи. Когда въ 1855 году Перейръ приступилъ къ преобразованію

общества эксплуатаціи газа, онъ представилъ императору памятную записку, въ которой было сказано, что сверхъ 10% дохода излишекъ долженъ быть распределяемъ между городомъ и публикой съ одной стороны и компаніей — съ другой стороны. Гаусманнъ повторилъ это въ муниципальномъ совѣтѣ съ цѣлью добиться голосованія въ свою пользу. Но вотъ уже прошло двадцать семь лѣтъ, но ни публика, ни городъ не пользуются ожидаемыми выгодами, а компанія загребааетъ миллионы. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, администрація черезъ посредство Флоке представила проектъ договора о пониженіи на пять сантимовъ цѣны газа, съ продленіемъ концессіи на двадцать пять лѣтъ. Проектъ почти былъ принятъ, когда одинъ изъ муниципальных совѣтниковъ, Нарцисъ Левенъ, представилъ счеты, изъ которыхъ выяснилось, что городъ вмѣсто 115 милл. выгоды предоставитъ компаніи болѣе 600 милл. дохода. Ссылаясь на специальный трудъ одного главнаго совѣтника, онъ заявилъ, что пониженіе налога на 8 сантимовъ уже состоялось въ 1864 году, но по непростительной небрежности, или умышленно, не было приведено въ исполненіе. Онъ приглашалъ префекта воспользоваться правомъ, которое даетъ ему 48 ст. существующаго договора, назначить цѣны на газъ по соглашенію съ муниципальнымъ совѣтомъ. Флоке взялъ назадъ свой проектъ, обѣщая составить новый. Но до сихъ поръ онъ не принялъ никакого рѣшенія. Между тѣмъ каждый мѣсяцъ промедленія причиняетъ городу убытокъ въ 800.000 франковъ. Теперь Флоке не состоитъ болѣе префектомъ. Онъ оставилъ эту должность до возобновленія засѣданій совѣта, вслѣдствіе своего избранія въ депутаты Перпиньяна. Хотя Флоке считается однимъ изъ самыхъ честныхъ политическихъ дѣятелей, но говорятъ, будто онъ былъ очень доволенъ, что ему не пришлось рѣшать этотъ вопросъ, такъ какъ рѣшеніе его могло бы огорчить его друзей—акціонеровъ. Когда президентъ комиссіи, которой муниципальный совѣтъ поручилъ изучить газовый вопросъ, разсматривая книги компаніи, дошелъ до статьи о гласности, онъ поинтересовался спросить, что означаетъ сумма въ 75 тысячъ франк., истраченная въ 1874 году и возросшая въ прошломъ году до 300 тысячъ; ему отвѣтили просто-на-просто: «Такъ какъ насъ затрогиваютъ; то понятно, что мы должны защищаться». Теперь понятно, почему большая часть парижскихъ журналовъ быстро перемѣнила направленіе и горячо вступилась за монополію компаніи въ ущербъ интересамъ публики, потребителей и плательщиковъ.

Печать находится въ союзѣ съ финансистами, и это составляетъ не малое зло нашего времени. Послѣ наполеоновской диктатуры въ дѣлѣ журналистики печать незамѣтно подпала подъ вліяніе биржевиковъ.

Что касается публичныхъ собраній, то опасенія публики начинаютъ оправдываться. Съ тѣхъ поръ, какъ запрещены клубы, то-есть періодическія собранія въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ постояннымъ бюро, начали устраивать случайныя собранія съ временнымъ бюро и въ кото-

рыхъ очень трудно установить какой-либо порядокъ. Общественное мнѣніе начинаетъ требовать отъ города устройства въ каждомъ округѣ, а потомъ и въ каждомъ кварталѣ большихъ помѣщеній для выборовъ и другихъ надобностей; но пока приходится нанимать плохія помѣщенія и платить за нихъ очень дорого, а отсюда является необходимость взимать по нѣскольку су за входъ, что ведетъ за собой разныя злоупотребленія, а также упреки нѣкоторымъ ораторамъ, что они торгуютъ своимъ словомъ.

Клерикальный вопросъ болѣе всѣхъ другихъ занимаетъ умы. Общества свободныхъ мыслителей все болѣе и болѣе размножаются въ Парижѣ и въ провинціи. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ доходятъ до атеизма. Объ этотъ камень разбилась революція. Наканунѣ термидора дошли до того, что казнили всѣхъ, исповѣдывавшихъ какую-либо религію. Сень-Жюсть говоритъ, что его коллеги по «комитету общественнаго спасенія»—Коллад'Эрбуа и Билланъ-Вареннъ—хотѣли посягнуть на его убѣжденія, требуя, чтобъ онъ отрицалъ въ своемъ докладѣ существованіе Бога. На конференціи, бывшей въ Курбеуа, наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, одинъ ораторъ говорилъ, что въ разные вѣка и во всѣхъ странахъ люди боролись за идею и переносили мученія съ героизмомъ и что въ память мучениковъ всѣхъ временъ и установленъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. На этой же конференціи нѣкто Перринелль, журналистъ, разбираетъ критически чисто земныя побудительныя причины, заставляющія многихъ придерживаться обрядовъ, не соответствующихъ болѣе ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

Внѣшняя политика въ застоѣ. Министерство принимаетъ разныя мѣры, имѣющія цѣлю присоединеніе Туниса. Смерть бея послужила предлогомъ къ неожиданнымъ перемѣнамъ. Англія тоже не дремлетъ и преслѣдуетъ тѣ же цѣли въ Египтѣ, хотя увѣряетъ всѣхъ въ противномъ. Двуличность Турціи, отрекавшейся отъ Араби и въ то же время поддерживавшей его, сильно повредила ей. Процессъ Араби выведетъ все на чистую воду, и легко можетъ случиться, что она потеряетъ послѣдній мизракъ власти на Нилѣ. Англія не станетъ слушать ея заявленій о верховной власти въ Египтѣ, какъ Франція ея претензій въ Тунисѣ. Старанія заинтересовать Францію въ пользу Австріи остаются безуспѣшными. Общественное мнѣніе во Франціи никогда не одобряло присоединенія къ Австріи Босніи и Герцеговины и всегда сочувственно относилось къ проекту балканскаго союза.

Въ Парижѣ остались очень довольны итальянскими выборами. Италия доказала дѣйствительно большую политическую зрѣлость. Между тѣмъ какъ богатая французская буржуазія упорно противилась допущенію къ избирательной урнѣ лицъ не платящихъ податей, каковы бы ни были ихъ способности, въ Италиі правительство, палата и сенатъ, безъ всякаго давленія со стороны общества, почти учетверили численность избирателей допущеніемъ къ выборамъ всѣхъ умѣющихъ читать и писать. Вы-

боры происходили въ полномъ порядкѣ. Министерство получило громадное большинство. Избирательные списки съ ограниченнымъ числомъ именъ были приняты къ дѣлу безъ всякихъ затрудненій. Другое итальянское нововведеніе, обратившее на себя вниманіе и вполне достойное подражанія, это — законное представительство меньшинства. Тамъ, гдѣ округъ долженъ бы былъ избрать пять депутатовъ, каждый избиратель могъ избрать только четверыхъ, а пятый, исключенный изъ списка, является представителемъ меньшинства. Это весьма остроумная гарантія противъ давленія большинства.

Въ Парижъ прибылъ новый итальянскій посолъ Роббинанъ. Это—дипломатъ, составившій себѣ карьеру благодаря своему родству съ Савойскимъ домомъ (онъ—побочный сынъ Карла-Альберта).

Общее вниманіе обратила на себя отставка Минье, непремѣннаго секретаря отдѣленія гуманитарныхъ наукъ во французской академіи: онъ занималъ этотъ постъ болѣе сорока лѣтъ и выказалъ на немъ замѣчательное усердіе и добросовѣстность. Его «Исторія революціи», хотя и не отличающаяся широтой взгляда, считается все-таки лучшей. Его многіе историческіе панегирики останутся образцами внимательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія. Онъ вѣроятно будетъ замѣненъ Жюль Синомъ, который часто исправлялъ его должность.

Греви, противникъ смертной казни, подписалъ смягченіе наказанія двумъ страшнымъ злодѣямъ, причемъ журналы упрекали его за то, что онъ заставляетъ ихъ такъ долго томиться. Онъ нашелъ, что они уже достаточно страдали, ожидая со дня на день исполненія смертнаго приговора, и даровалъ имъ жизнь. Одинъ гамбеттистскій журналъ упрекнулъ Греви, что онъ за все время своего президентства помиловалъ 80 преступниковъ изъ 90.

Въ наиболѣе свѣдущихъ кругахъ убѣждены въ непримиримости Греви и Гамбетты; предполагаютъ даже, что при нѣкоторыхъ случайностяхъ, какія можетъ вызвать Гамбетта, Греви будетъ вынужденъ подать въ отставку. Но хотя многіе и устремляютъ свои взоры на Гамбетту, какъ на человѣка сохранившаго энергію среди всей этой неурядицы, однако онъ далеко не пользуется прежнею популярностью.

Феликсъ Піа оставилъ на время политику, чтобы заняться литературой; недавно онъ передѣлалъ старую театральную пьесу—«Два слесаря». Но во Франціи до такой степени любятъ новизну во всемъ, а въ особенности въ литературѣ, что все, чѣмъ восхищалось предшествовавшее поколѣніе, считается устарѣлымъ. По поводу этой театральной передѣлки одинъ журналъ перепечаталъ знаменитую статью, надѣлавшую шумъ въ 1844 году, въ которой Феликсъ Піа громилъ тогдашняго главу критики Жюль Жанена, помѣщавшаго свои статьи въ *Journal des Débats*. Піа рассказываетъ, какъ этотъ тогдашній корифей литературы началъ свою карьеру статьями за и противъ, которыя онъ помѣщалъ въ различ-

ныхъ враждебныхъ журналахъ, какъ онъ оскорблялъ память брата короля и перебивалъ тоя, получивъ большую сумму денегъ. Въ концѣ концовъ Флиаксъ Пиа отдѣлываетъ его за то, что онъ имѣлъ наглость описать свою первую брачную ночь въ одномъ изъ фельетоновъ.

Министерская декларація при открытіи палаты не представляла ничего особенно выдающагося. Въ числѣ внутреннихъ реформъ указывали на вопросъ о рецидивистахъ, какъ на самый жгучій съ точки зрѣнія социальной безопасности. Министръ просилъ палату отложить разсмотрѣніе проектовъ, могущихъ вызвать разладъ въ средѣ большинства, и заняться вотированьемъ бюджета.

Неизвѣстно, почему Октавъ Фэлле назвалъ свою новую пьесу, поставленную въ театрѣ Gymnase, «Un roman Parisien»,—въ ней нѣтъ ничего ни романтическаго, ни парижскаго. Слогъ Октава Фэлле легкій и выработанный, и авторъ обладаетъ глубокимъ знаніемъ общества. Онъ не терпитъ новизны ни въ положеніи, ни въ идеѣ, и только принаравливаетъ старыя положенія и старыя идеи къ современнымъ вкусамъ. Въ «Воспоминаніяхъ» Теодора де-Банвилля, поэта съ большимъ умомъ, есть между прочимъ одна страница, которая можетъ прекрасно передать то, что я хочу сказать о «Roman Parisien». «Я помню,—говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—одну изъ комедій, сочиненныхъ съ цѣлю исправить дѣтей, озаглавленную: «Маленькій Робинзонъ». Дѣло шло о ребенкѣ, очень любившемъ читать Робинзона Крузе и выражавшемъ желаніе путешествовать, когда онъ вырастетъ большимъ. Родители, видя въ мальчикѣ развитіе такой пагубной страсти, рѣшили дать ему хорошій урокъ. Они отвезли его на небольшой островъ въ окрестностяхъ Парижа и, сдѣлавъ видъ, что оставляютъ его, спрятались за деревья. При наступленіи ночи на ребенка напалъ страхъ. Желая добыть огня, онъ началъ тереть одинъ кусокъ дерева о другой, но у него ничего не выходило; выбившись изъ силъ и почувствовавъ голодъ, онъ началъ искать камней—нибудь кореньевъ для утоленія голода, но и тутъ потерпѣлъ неудачу, и, наконецъ, съ отчаянья началъ плакать. Тогда родители вышли изъ-за деревьевъ и добродѣтельный отецъ сказалъ не безъ нѣкоторой торжественности: «Ты видишь, сынъ мой, куда ведетъ страсть къ путешествіямъ». «Я, правда, никогда не имѣлъ большой охоты къ путешествіямъ,—продолжаетъ де-Банвилль,—доказательствомъ чего служитъ то, что я уже десять лѣтъ собираюсь посмотреть на липы и розовые кирпичи Мулена, моего родного города, отстоящаго отъ Парижа на шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, но тѣмъ не менѣе заключеніе отца семейства показалось мнѣ и тогда смѣшкоть преувеличеннымъ. Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, я услышалъ во Французской Комедіи почти то же заключеніе въ пьесѣ Октава Фэлле—«Le Village»!

Октавъ Фэлле не любитъ затрогивать средній классъ французскаго общества и снисходительно относится ко всѣмъ его предрасудкамъ. «Roman

Parisien» заключается въ слѣдующемъ. Одинъ пріятель Таржи-отца хотѣлъ вручить своей незаконной дочери довольно крупную сумму денегъ, послѣ смерти мужа ея матери, не компрометируя чести любимой имъ когда-то женщины. Умирая, прежде времени, онъ довѣряетъ Таржи три милліона, прося передать ихъ молодой дѣвушкѣ. Таржи не сталъ держать эту сумму у себя, а помѣстилъ ее въ одну изъ банкирскихъ конторъ. Между тѣмъ эта контора обанкротилась и милліоны пропали. Потрясенный этимъ несчастіемъ, Таржи-отецъ умираетъ отъ удара. Вдова, не будучи въ состояніи хранить довѣренную ей тайну, сообщаетъ ее сыну. Послѣдній приходитъ въ ужасъ отъ такого сообщенія. Послѣ долгой борьбы онъ рѣшается реализовать все свое состояніе и относить три милліона банкиру Шевріалю, мужу наслѣдницы, очень богатому человѣку, который принимаетъ ихъ совершенно спокойно и въ награду даетъ ему мѣсто въ своей конторѣ. Жена же Таржи, испугавшись бѣдности и въ то же время не желая отвѣчать на ухаживанья Шевріала, который хочетъ ее соблазнить, уступаетъ внушеніямъ одного импрессаріо тенора и уѣзжаетъ въ Америку, чтобы составить себѣ состояніе своимъ прекраснымъ голосомъ. Когда жена Таржи возвращается изъ Америки, оказывается, что мужъ не любитъ ее больше, а чувствуетъ склонность ко вдовѣ своего принципала банкира Шевріала.

Октавъ Фэллье сводитъ со сцены всѣхъ лицъ, стоящихъ на дорогѣ. Развязка его пьесы слѣдующая: Шевріаль умираетъ отъ удара, провозглашая тоску за матеріализмъ. Жена Таржи, возвратившись изъ Америки, едва вымаливаетъ себѣ прощеніе у мужа, но, не желая разстраивать его счастье, принимаетъ ядъ и такимъ образомъ даетъ ему возможность жениться на дочери барона Шевріала. Такимъ образомъ добродѣтельный сынъ въ награду за возвращеніе трехъ милліоновъ получаетъ двадцать милліоновъ и покончиваетъ со всѣми невзгодами и неприятностями, сопряженными съ бѣдностью. Во всѣхъ сценахъ пьесы замѣтна фальшь. Но сама пьеса не лишена остроумія и въ ней есть весьма комичныя второстепенныя лица. Такъ, на примѣръ, одна женщина полусвѣта, желая играть на биржѣ, обращается за совѣтомъ къ Шевріалю и — выигрываетъ, поступая совершенно вопреки его совѣтамъ. Это напоминаетъ мнѣ одного крестьянина, который во время провинціальныя выборовъ, на порицаніе за то, что онъ обращался къ мѣстному нотаріусу за совѣтами насчетъ выбора лучшаго кандидата, отвѣчалъ спокойно: «Я для того и спрашивалъ, за кого онъ подаетъ голосъ, чтобы подавать за другого».

Пьеса Октава Фэллье выдержитъ множество представленій на театрѣ Гуппаса и затѣмъ будетъ поставлена на всѣхъ европейскія сценахъ. Всѣ лица пьесы въ высшей степени прозаичны, за исключеніемъ жены банкира Шевріала, въ которой есть нѣчто поэтическое. Пьеса держится благодаря тому, что всѣ лица суть не что иное какъ вымыслы, но настолько искусны, что привлекаютъ вниманіе въ продолженіе цѣлаго вечера.

Главная женская роль выпала на долю г-жи Паска, хорошо известной России, и она провела ее блистательно. Ее упрекали только въ томъ, что она проявляла болѣе страстности и торжественности, чѣмъ этого требовалъ сюжетъ. Но виновата не она, а авторъ. Актеры играли самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но они чувствовали, что вмѣсто твердой почвы у нихъ подъ ногами рыхлый песокъ. Когда Таржи съ крикомъ отказывалъ своей женѣ въ прощениі, публика начала было хлопать, но потомъ какъ бы спохватилась, увидавъ, что великодушіе это вызвано его любовью къ другой женщинѣ. Октавъ Фэлле дѣйствуетъ на нервы публики, но актеры должны дѣлать не мало усилій, чтобы скрыть отъ публики недостатки пьесы.

Недавно актеры и журналисты едва не разыграли безсмертной сцены изъ «*Bourgeois Gentilhomme*», въ которой учитель фехтованія, учитель танцевъ, учитель музыки и учитель философіи пускаются въ драку, превознося до небесъ свою профессію и выражая глубокое презрѣніе къ профессіи ближняго. На этотъ разъ зачинщицей была журналистка, бросившая актерамъ фразу мольтеровскаго учителя фехтованія: «Какъ вы сильны, сравнивая мою науку съ вашей». Маньяръ, главный редакторъ *Фигаро*, поручилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ написать статью на актеровъ. Нельзя сказать, чтобы редакторъ питалъ къ нимъ какую-нибудь злобу, но ему просто-на-просто нужна была сенсаціонная статья. Ему было не пріятно, что въ кафе-ресторанахъ перестали спрашивать: «читали вы *Фигаро*?» Бросить комокъ грязи въ лицо цѣлой корпораціи—это значитъ поднять цѣлую бурю, а существованіе *Фигаро* только и обуславливается ими. Мирбо превосходно исполнилъ порученіе и Маньяръ напечаталъ его статью. Артисты вислолошились, а этого-то и нужно было Маньяру. Когда же со стороны оскорбленныхъ посыпались всевозможныя угрозы, Маньяръ напечаталъ панегирикъ имъ, и они успокоились. Для полнаго же ихъ удовлетворенія онъ сдѣлалъ выговоръ Мирбо и уволилъ его изъ редакціи. Скопфуженный сотрудникъ заявилъ, что онъ исполнялъ только данныя ему приказанія.

Это дѣло совпало съ процессомъ одного антрепренера, набирающаго труппу для Америки, съ артистомъ Théâtre Français, Кокеленомъ, который заключилъ съ нимъ контрактъ. Антрепренеръ пропустилъ срокъ, а затѣмъ, ссылаясь на контрактъ, потребовалъ съ артиста уплаты известной суммы. Кокелень обратилъ къ суду и выигралъ дѣло. Антрепренеръ былъ приговоренъ къ уплатѣ издержекъ. Во Франціи политическія страсти имѣютъ такую тѣсную связь со всѣми вопросами, что многіе желали, чтобы Кокелень проигралъ процессъ, единственно потому, что онъ другъ Гамбетты.

Эдизе Реклю, авторъ известной географіи, сынъ протестантскаго пастора и бывшій членъ коммуны, отдалъ двухъ своихъ дочерей въ гражданскій бракъ, пренебрегши и церковными, и гражданскимъ обрядами. Все чаще и чаще повторяющіяся преступленія вслѣдствіе безправія соблю-

ненныхъ дѣвушекъ и незаконныхъ дѣтей поражаютъ всѣхъ. Недавно приговорили къ нѣсколькимъ годамъ ссылки шестнадцатилѣтнюю дѣвушку за дѣтоубійство и самъ любовникъ говорилъ противъ нея на судѣ. Вообще любовники возмущаются, когда ихъ жертва оставляетъ, или убиваетъ своего ребенка, а сами не считаютъ себя обязанными заботиться ни о немъ, ни о матери.

Въ скоромъ времени на судѣ будетъ разбираться другой процессъ. Незаконный сынъ князя Полиньяка поджегъ домъ своего отца. Разбирательство покажетъ, до чего можетъ дойти несчастный, которому законъ запрещаетъ отыскивать отца и требовать его поддержки и такимъ образомъ неминуемо влечетъ къ нищетѣ и пороку. И что же нашли въ карманѣ этого отпрыска фаворитки королевы Маріи-Антуанеты? — Докладную записку о дарованіи законныхъ правъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ свободныхъ союзовъ.

Въ Брюсселѣ разбирался процессъ одного доктора, извѣстнаго тоже и въ Парижѣ, сдѣлавшаго покушеніе на убійство любовника своей жены, который, будучи другомъ мужа, не удовольствовался отнятіемъ у него жены, но соблазнилъ еще его кухарку, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы замаскировать ихъ связь. Кромѣ того, онъ старался соблазнить шестнадцатилѣтнюю дочь своего друга отъ перваго брака. Подсудимый рассказалъ все какъ было и былъ оправданъ. Оправданію много способствовала наглость отвѣтовъ потерпѣвшаго, получившаго три раны изъ револьвера и оставшагося въ живыхъ. Замѣчательно то, что когда докторъ, посредствомъ угрозъ, добился полного признанія, онъ спросилъ свою жену: «Желаешь ли ты его помилованія?» Она отвѣчала: «Нѣтъ, — онъ причинилъ намъ слишкомъ много зла». Мужъ объявилъ, что убьетъ любовника. «Лишь бы ты, только ты, не попалъ въ тюрьму», — отвѣчала жена.

Министерство Дюклера одобрило договоръ Брацца съ королемъ Конго, что указываетъ на предстоящую экспедицію въ эту страну. Во Франціи всѣ желаютъ открытія какого-нибудь рынка въ Африкѣ. Брацца, который въ сущности добился со стороны маленькаго невѣжественнаго королевства только подписанія договора, смысла и значенія котораго онъ совсѣмъ не понимаетъ, осыпанъ здѣсь почестями. Парижскій муниципальный совѣтъ приказалъ выбить въ честь его золотую медаль.

Недавно умеръ вице-президентъ сената де-Ларси. Это былъ одинъ изъ вождей легитимистской партіи. Онъ отличался искренностью, но въ то же время былъ убѣжденъ, что виѣ бурбонизма нѣтъ спасенія. Де-Ларси оставилъ въ 1830 году должность королевскаго прокурора, чтобы не служить Людовику-Филиппу, и только переворотъ 1871 г. призвалъ его къ дѣламъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыхъ Франція не безъ основанія называла допотопными. Надежда, послѣ сорокалѣтняго ожиданія, видѣть на престолѣ Генриха V придала энергіи этимъ старымъ пала-

динамъ. По ихъ приглашенію графъ Шамборъ прибылъ incognito въ Версаль, но вскорѣ долженъ былъ выѣхать втихомолку оттуда, такъ какъ вмѣсто бурбонской реставраціи водворилась консервативная республика. Въ одной изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ *Фигаро*, де-Ларси назвалъ консервативную республику «молодой дѣвушкой, одѣтой въ монашескую рясу». Тьеръ назначилъ де-Ларси министромъ и держалъ его на этомъ посту до тѣхъ поръ, пока находилъ нужнымъ шадить легитимизмъ. Въ сенатѣ де-Ларси былъ чуждъ иллюзій. Въ автобіографіи онъ изображаетъ себя сидящимъ «на сенаторскомъ креслѣ, на половину пошатнувшемся».

W***.

**Въ конторѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ нахо-
дится складъ слѣдующихъ изданій:**

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и рассказы» (изд. В. М. Лаврова и В. А. Федотова). Москва. 1878 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія» (изд. В. М. Лаврова и В. А. Федотова). Т. I. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.
«Мессалина». Драма Пьетро Босса. Пер. въ стих. Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина—«Сцены на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

«Бороль Лиръ». Трагедія В. Шекспира. Переводъ С. А. Юрьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Русской Мысли“ пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

**Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу слѣ-
дующія изданія В. М. Лаврова:**

«Власть земли». Рассказы. Г. И. Успенскаго.

«Американскіе очерки и рассказы» Генрика Сенкевича. Пер. В. М. Лаврова.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

САПОЖКОВСКАГО УЪЗДНАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ

ПЕРВЫХЪ ПЯТИ ТРЕХЛѢТІЙ

(1865—1879 г.).

Цѣна съ пересылкой 3 рубля. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—въ Москвѣ, въ конторѣ журнала „Русская Мысль“, Долгоруковская, 42.

Lacroix (P.).—Les Arts au moyen-âge. In-4 ill. broché 15 r., rel. . . .	20 r.	—
" " Mœurs, usages et costumes au moyen-âge. In-4 ill. br. 15 r. rel.	20 "	—
" " Vie religieuse et militaire au moyen-âge. In-4 ill. br. 15 r. rel.	20 "	—
" " Sciences et lettres au moyen-âge. In-4 ill. broch. 15 r. rel.	20 "	—
" " XVIIe siècle. Institutions, usages et costumes. Gr. in-4 ill. broché 15 r., relié	20 "	—
" " XVIIe siècle. Lettres, sciences et arts. Gr. in-4 ill. broché 15 r., relié	20 "	—
" " XVIIIe siècle. Institutions, usages et costumes. Gr. in-4 ill. broché 15 r., relié	20 "	—
" " XVIIIe siècle. Lettres, sciences et arts. Gr. in-4. ill. broché 15 r., relié	20 "	—
Laurie (André).—La Vie de collège en Angleterre. Gr. in-8 ill. relié . .	5 "	—
Lescure (de).—Les mères illustres. Gr. in-8 avec 12 portraits. rel. . .	7 "	—
Wayne-Rold.—Les Exploits des jeunes Boërs. in-4 ill. rel.	5 "	—
Meunier (St.).—Excursions géologiques à travers la France. Gr. in-8. ill. broché.	5 "	—
Mielot (Jean).—Vie de sainte Catherine d'Alexandrie. Texte revu et rapproché du français moderne par Marius Sèpet. Gr. in-8 ill. broché 15 r., relié.	20 "	—
Montesior (Eugène).—Les Artistes modernes. 1e partie. Les Peintres de genre. 2e partie. Les peintres militaires et les peintres du nu. 3e partie. Les peintres d'histoire, paysagistes, portraitistes et sculpteurs. Gr. in-8. Prix des 3 vol. en demi-rel. d'amateur . .	90 "	—
(Chaque volume contient 40 photogravures de Goupil).		
Müntz (Eug.).—Les Précurseurs de la Renaissance. Ouvrage accompagné de 66 grav. dans le texte et de 14 planches tirées à part. In-4 br.	10 "	—
Perrot (G.) et Ch. Chiplaz. — Histoire de l'art dans l'antiquité. Vols I et II-e. Gr. in-8 ill. Chaque vol. { broché.	15 "	—
	18 "	50
Rambert (Eug.).—Les Oiseaux dans la nature. Avec 60 planches chromo et 30 grandes gravures sur bois. In-folio. En carton.	60 "	—
Reclus (Elisée).—Nouvelle Géographie. Gr. in-8 ill. Vol-s I à VIII. Chaque volume broché 15 r., relié	18 "	50
Sandeau (Jules).—Madeleine. In-4 illustré. relié.	5 "	—
Sautcy (F. de).—Jérusalem. Gr. in-8 ill. relié.	12 "	50
Serpa Pinto (le major).—Comment j'ai traversé l'Afrique. Trad. sur Pédiction anglaise par J. Belin de Launay. 2 vol. gr. in-8 ill. broché 10 r., relié.	14 "	—
Verne (Jules).—La Jangada; 800 lieues sur l'Amazone. In-4 ill. relié . .	6 "	—
Yriarte (Charles).—Rimini. Un condottière au XVe siècle. Etudes sur les arts à la cour de Malatesta, d'après les papiers d'Etat des archives d'Italie. Gr. in-8 illustré rel. toile 15 r., rel. chagrin	16 "	—

Открыта подписка на 1883 годъ

XIV годъ

„НИВА“

годъ XIV.

иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, выходящій еженедѣльно, то-есть 52 номера въ годъ (болѣе 2.000 рисунковъ и чертежей, 2.000 столбцовъ текста) съ еженѣднымъ приложениемъ

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 вырѣски чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ).

ПРЕМІЯ НА 1883 Г.: БОЛЬШАЯ НОВАЯ КАРТИНА В. М. ЯКОБИА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“

ПЕЧАТАННАЯ МАСЛЯНЫМИ КРАСКАМИ.

Подписка принимается въ Спб., въ которѣ редакціи, по Большой Морской, домъ № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“

съ правомъ на получение всѣхъ безплатныхъ премій въ теченіе 1883 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 руб.	— коп.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5	50 "
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отд. конторы „Нивы“ у Н. Печковской	5	— "
Съ доставкой въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи	6	— "
За границу	8	— "

Въ будущемъ 1883 году, кромѣ множества заготовленныхъ нами, художественно исполненныхъ гравюръ, будетъ, между прочимъ, помѣщена **НОВАЯ ПОВѢСТЬ ИВАНА СЕРГѢВИЧА ТУРГЕНЕВА**, которую онъ надѣется доставить намъ въ редакціи именьшею **ЗИМОЮ**.

Кромѣ того мы обѣщаемъ нашимъ подписчикамъ печатать въ „НИВѣ“ 1883 года новый историческій романъ

Всеволода Сергѣевича Соловьева:

„СТАРЫЙ ДОМЪ“

(романъ-хроника четырехъ поколѣній.)

Романъ этотъ составляетъ **ПРОДОЛЖЕНІЕ** романовъ: „Сергій Горбатовъ“ и „Вольтерьянецъ“, помѣщенныхъ въ „НИВѣ“ 1881 и 1882 гг. и имѣвшихъ такой успѣхъ среди нашихъ читателей. Дѣйствіе новаго романа происходитъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I.

Также находится уже у насъ въ портфелѣ прекрасная новая повѣсть автора „Переселенцы“ **В. Д. ГРИГОРОВИЧА**—„**ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ**“, и кромѣ того мы имѣемъ цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ пока поименуемъ только слѣдующія: „**ПОДЪ КОЛЕСОМЪ**“, новый романъ изъ современной жизни **Н. Д. АХШАРУМОВА** (автора романа „Во что бы ни стало“); „**ВЪ ЦВѢТАХЪ**“, большая повѣсть автора „Кулевное счастье“ **Н. МОРСКОГО**; „**БАГРОВАЯ ПЫЛЬ**“, большая повѣсть **П. ПЕТРОВА**; „**ПОЛКОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ**“, историческій романъ изъ эпохи греческаго возстанія **Н. МИРИЛОВА** и многія другія. Сверхъ того на будущей 1883 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ очень большую роскошную олеографію съ новой картины нѣвѣстнаго русскаго художника, профессора **В. М. Якобіа**

„КОРОЛЬ-ЖЕНИХЪ“.

Картина эта написана по заказу „Нивы“; сюжетъ заимствованъ изъ историческаго романа, помѣннаго въ „НИВѣ“ 1882 года—„**ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ**“, **В. С. СОЛОВЬЕВА**, имѣвшаго такой большой успѣхъ. Великолѣпныя копии олеографіи будутъ такого же огромнаго размѣра, какъ и премія 1882 года, именно 1 арш. 2 1/2 вершка высоты и 14 1/4 верш. ширины.

Желающихъ подписаться на будущій 1883 г. „НИВЫ“ просятъ временно обращаться въ главную контору редакціи „НИВА“ **А. Ф. Мариса** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.

Издатель „НИВЫ“ **А. Ф. МАРЕСЬ**.

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1883 ГОДУ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.)

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1883 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстъ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этою цѣлью редація уже сдѣлала заказы граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ, Клоосу въ Штутгартѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редацію „Историческаго Вѣстника“, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человекъ Екатерининскаго времени. Е. П. Барновича.—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. Д. Ф. Кобеко.—Во славу Божию. Разказъ В. Н. Майкова.—Плавня. Разказъ С. В. Максимова.—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Записки ссыльнаго. А. Песляка.—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. Ф. М. Уманца.—Суевѣрія человѣчества. М. Е. Цербиковой и др.). Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіе 1883 года.

Кромѣ того, для первыхъ книжекъ въ нашемъ распоряженіи уже найдутся слѣдующія рукописи:

Министръ-академикъ. Д. В. Аверкіева.—Женщины пугачевского возстанія. А. В. Арсеньева.—Выгорѣцкіе совратители. Его же.—Генераль Антоній Езеранскій. Н. В. Верга.—Возстаніе на Кругобайкальской дорогѣ. Его же.—Разказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта. А. Я. Вутковской.—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія. Я. Н. Вутковскаго.—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). Е. М.

Гаршина.— Чума и пугачевщина въ Шацкой провинціи. И. И. Дубасова.— Меншиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. Г. В. Есипова.— Московскіе люди XVII вѣка (съ рисунками). Е. П. Карновича.— Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. Его же.— Бытовые очерки изъ русской исторіи: 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Червя. И. И. Костомарова.— Сербскіе гости въ Бессарабіи. А. А. Кочубинскаго.— Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта. В. Д. Крѣкко.— Усмиреніе польскаго мятежа въ Киевской губерніи въ 1863 году. Его же.— Женщины древней Греціи (съ рисунками). Д. П. Лебедева.— Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. К. С. Лѣскова.— Изъ киевской старины (разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). И. С. Мацѣевича.— Петръ Великій на сѣверѣ Россіи (съ рисунками). В. Н. Майнова.— Отрывки изъ воспоминаній. А. П. Миллюкова.— Заграничныя воспоминанія. В. И. Модестова.— Семейство Скворонскихъ. Картина изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Михневича.— Скептическое-материалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. А. И. Невзделова.— Очерки изъ современной украинской литературы. Н. И. Петрова.— Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроникѣ. С. Т. Славутинскаго.— Отрывки изъ воспоминаній. П. С. Усова.— Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Его же, и др.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа Ю. Роденберга подъ заглавіемъ „Еромвель“.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ находится при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: въ Петербургѣ—Невскій проспектъ, № 58; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

Н. ПЕЧКОВСКОЙ,

ВЪ МОСКВѢ.

Пріемъ подписки и объявленій во всѣ газеты и журналы въ Россіи и за границей по цѣнамъ редакцій. Контрагентъ объявленій на уличныя столбы. Спеціальная агентура и прямые сношенія съ важнѣйшими органами русской печати. Отдѣленіе конторы журнала «Русская Мысль». На большіе заказы по объявленіямъ соотвѣтственная уступка. Единственный агентъ русскихъ и полицейскихъ вѣдомостей для заграничныхъ объявленій. Адресъ Н. Печковской: въ Москвѣ, домъ Петровскихъ торговыхъ линій, кварталъ № 61.

НАХОДИТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ
И
СКОРО ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА

„ВЪ ДАЛИ“

разказы изъ вольной и невольной жизни, соч. *М. И. Орбанова*
(*Мишлá*).

Съ предисловіемъ С. В. МАКСИМОВА.

Складъ у издателя Евгенія Вячеславовича Пассека.

Москва, уголь Гранатнаго и Георгіевскаго пер., д. Зерщикова.

МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНЫМЪ АРХИВОМЪ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

ИЗДАНА ВЪ НАЧАЛѢ СЕГО ГОДА,

въ количествѣ 500 экземпляровъ, книга in—4°.

СНИМКИ

ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПЕЧАТЕЙ:

государственныхъ, царскихъ, патриаршихъ, областныхъ, город-
скихъ и личныхъ, съ 126-ю гравюрами и объяснительнымъ тек-
стомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вып. 1. Ц. 3 р.

Для продажи какъ въ Архивѣ, такъ и у всѣхъ московскихъ книгопродавцевъ
остается нынѣ 300 экземпляровъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ **НОВЫХЪ** изданій **КОМИССИИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ,** **СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.**

1. Очеркъ дѣятельности Комиссіи. Москва. 1877 г. Ц. 1 р.
2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реестръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ. 1877 г. Ц. 40 к.
3. Подлинныя акты, относящіяся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва. 1879 г. Ц. 50 к.
4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва. 1878 г. Ц. 1 р.
5. Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва. 1878 г. Ц. 2 р.
6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сост. М. Пуцилло. Москва. 1879 г. Ц. 75 к.
7. Обзорѣніе библіотеки того же Архива. Сост. И. О. Токмаковымъ. Ц. 30 к. Его же Каталоги слѣдующихъ ея отдѣловъ:
8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.
9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.
10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.
11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.
12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.
13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.
14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.
15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.
16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологій, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И. О. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.
17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. О. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

Въ конторѣ редакціи «Русской Мысли» продается книга:

ЗЕМСКІЕ ВОПРОСЫ. **ОЧЕРКИ И ОБОЗРѢНІЯ.**

В. Ю. СКАЛОНА.

Содержаніе: I. Прошедшее земскихъ учреждений.—II. Положеніе земскихъ учреждений въ системѣ мѣстнаго управленія.—III. Общій очеркъ земской дѣятельности. Причины неудовлетворительнаго хода земскаго дѣла.—IV. Отношеніе земства къ народному здравію. Право регламентаціи земскихъ учреждений.—V. По поводу земскихъ выборовъ 1880 г.—VI. Вопросъ о сношеніяхъ между земствами.—VII. Продовольственный вопросъ и экономическое положеніе сельскаго населенія.—VIII. Упадокъ крестьянскаго благосостоянія и мнѣніе смоленскаго земства о его причинахъ. Вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земли.

Цѣна 1 р. 50 к.

Для гг. подписчиковъ „Русской Мысли“—1 р. 25 к. съ пересылкой.

XVI. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:

„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзи. Первый и второй періодъ жизни и дѣятельности“. А. *Неземляно*.—„Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровыми и больными ребенкомъ“. Д-ра *М. П. Галамина*.—„Европейскіе писатели и мыслители: V—Руссо“. Изд. *В. В. Чуйко*.—„Снимки древнихъ русскихъ печатей“. Изд. комиссіи печатанія государств. грамотъ и договоровъ. Вып. 1-й.—„Фаустъ“, Гёте. Часть 1-я. Перев. *П. В. Трунина*.—Е. Н. . 42

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Слухи о „Кахановской“ комиссіи.—Вопросъ о „свѣдущихъ“ людяхъ.—Комиссія по объединенію финансовыхъ управленій въ губерніяхъ.—Финансовое положеніе земствъ.—Университетскіе беспорядки. 63

XVIII. ЗАМѢТКА ПО ВѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—А. А. *Майнова* . . . 94

XIX. ХРОНИКА ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Дипломатія и народъ. — Вибліографія: „Всеобщая исторія“. Томъ второй — „Иранцы“, томъ третій — „Египтяне“. *Marius Fontana* („Histoire Universelle. Les Iraniens. Les Egyptes“. *Marius Fontane*. Paris. 1881 — 2). — „Цензура во время первой имперіи“. *Велшингера* („La censure sous le premier empire“. *Henri Welschinger*. 1882). — „Вкусъ и совѣсть“. *Мориса Каррьера* („Geschack und Gewissen“. *Moriz Carriere*. Breslau. 1882).—В. А. *Гольцева* 110
Изъ Франціи.—W* 125

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца причѣмъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные дополняется 1 р. 50 к., въ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающее до пѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена тою конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщены редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятій оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемого гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за истребленіемъ тѣхъ, размѣръ коиъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причѣмъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то предлагались марки.

Принимаемая для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Открыта подписка на 1883 годъ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Условія подписки:

	Годъ.
Безъ доставки	15 р.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.
Съ пересылкой въ другіе города	17 р.
За границу	19 р.

На меньшіе сроки подписка не принимается. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5, 6, 7 или 9 р. и по 5 р. къ апрѣлю и къ іюню.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи И. Н. Кушнерева и Б°, на Никольской улицѣ, домъ Чижевыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

~~REC'D~~ CIRC DEPT

SEP 3 1974

Sept 5
AUG 5 1974 3 2

LD 21A-60m-2, '67
(H241s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

023012654

